

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

**ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ
МОДЕРНИЗАЦИИ XVIII — XX ВВ.**

Сборник научных статей

Екатеринбург 2015

УДК 94(470+470.5)(082)

ББК 63.3(2)-2я431+63.3(235.55)-2я431

Ответственный редактор

д.и.н., академик РАН В.В. Алексеев

Редакционная коллегия

д.и.н. Е.В. Алексеева, д.и.н. С.В. Голикова, д.и.н. Л.А. Дашкевич,
к.и.н. К.И. Зубков, д.и.н. Е.Ю. Казакова-Апкаримова,
к.и.н. Е.Ю. Лебедеенко, д.и.н. И.В. Побережников, к.и.н. Д.Н. Ряпусова

Рецензенты

д.и.н. В.В. Запарий, к.и.н. М.Ю. Нечаева

ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ XVIII–XX вв. [Текст]: сб. науч. ст. / ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН. Отв. редактор В. В. Алексеев. Екатеринбург: . 2015. 407 с.

ISBN 978-5-7691-2425-9

Сборник содержит статьи участников Всероссийской научной конференции с международным участием, организованной 24–25 июня 2015 г. Институтом истории и археологии УрО РАН. Издание посвящено проблеме человека в российской модернизации XVIII–XX вв. Авторами анализируются теоретико-методологические и конкретно-исторические аспекты человеческого потенциала российских модернизаций, взаимодействия индивида и общества, трансформации образа жизни и человеческих ценностей в процессе модернизации, исследуется взаимосвязь модернизации и поисков новой идентичности, рассматривается советский человек как продукт индустриального общества. Издание рассчитано на историков, экономистов, социологов, культурологов, политологов.

Издание осуществлено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации по поддержке ведущих научных школ Российской Федерации (Проект: НШ- 3422.2014.6).

УДК 94(470+470.5)(082)

ББК 63.3(2)-2я431+63.3(235.55)-2я431

ISBN 978-5-7691-2425-9

© ФГБУН Институт истории
и археологии УрО РАН, 2015
© Авторы, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. В. Алексеев.</i> Предисловие	7
Человеческий потенциал российских модернизаций	11
<i>И. В. Побережников.</i> Человеческий потенциал российской имперской модернизации	11
<i>Е. А. Курлаев.</i> Акторы модернизации в эпоху Петра I на Урале: определение объекта исследования	17
<i>С. В. Голикова.</i> Парадоксы восприятия незаконнорожденных детей в имперский период: объекты социальной стигматизации и общественного призрения (конец XVIII — начало XX в.)	23
<i>Е. Ю. Лебедеко.</i> Структура городской семьи на Урале в начале XIX в. (на материалах Соликамска)	28
<i>С. А. Пьянков.</i> Общественная польза и личная позиция: дискуссии о продовольственном деле в России во второй половине XIX в.	34
<i>О. В. Горбачев.</i> Миграция населения в историческом дискурсе: возможности и ограничения теоретических интерпретаций	42
<i>А. К. Гагиева.</i> Роль человеческого фактора в освоении северных территорий Коми края во второй половине XVIII — первой половине XIX вв.	48
<i>Р. Е. Романов.</i> Организованная мобильность трудовых ресурсов в условиях военно-индустриальной модернизации восточных районов РСФСР (1941–1945)	54
<i>А. С. Иванов.</i> Влияние принудительных миграций на развитие Северо-Западной Сибири (1941–1945 гг.)	60
<i>Н. А. Михалев.</i> Женщины-заключенные на строительстве железной дороги Чум–Салехард–Игарка	68
<i>Н. Ю. Гаврилова.</i> Человеческий потенциал в условиях индустриального освоения Севера Западной Сибири	74
<i>Т. Е. Санжиева.</i> Рабочие Бурятии в конце XX в.: трансформация облика	79
<i>А. В. Алексеев.</i> Повышение качества человеческого капитала как условие успешности российской модернизации	83
Индивид и общество в контексте модернизации: проблемы взаимодействия	90
<i>К. С. Романова.</i> Проблемы взаимодействия личности и общества в процессе модернизации	90
<i>Е. В. Бородина.</i> Представления о собственности у крестьян Кунгурского уезда в современных практиках судопроизводства первой трети XVIII в.	97

<i>О. К. Ермакова.</i> И. Гейденрейх и его представления о правах иностранца в России (1722–1731 гг.)	102
<i>А. М. Сафронова.</i> Трансформация представлений о ценности школьного обучения у населения казенных заводов Урала в первой половине XVIII в.	107
<i>Д. В. Тимофеев.</i> Прошения и жалобы российских подданных первой четверти XIX в.: индивидуальные стратегии поведения в контексте процесса модернизации	113
<i>А. Ю. Конев.</i> Обмен и торговля на Сибирском Севере в XVIII — начале XX вв.: традиционализм и модернизация с позиции экономической антропологии	118
<i>Л. А. Дашкевич.</i> Учащаяся молодежь Урала второй половины XIX — начале XX вв.: образование и трансформация личности	124
<i>О. А. Полянина.</i> Феминизация муниципальной службы в Российской империи на рубеже XIX–XX вв.	131
<i>Л. В. Женина.</i> Трансформация аграрной культуры уральского крестьянства под влиянием деятельности земств конца XIX — начале XX вв.	136
<i>В. В. Семячкова.</i> Дети военнослужащих как объект социальной помощи в Пермской губернии в начале XX в.	143
<i>О. С. Поршинева.</i> Региональный опыт взаимодействия участников общественной мобилизации в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917)	149
<i>А. П. Килин.</i> Акторы и «актёры» модернизации в уральской провинции в годы нэпа	156
<i>Е. П. Емельянов.</i> Николай Владимирович Устюгов: от семинариста к советскому историку	164
Модернизация образа жизни и трансформация человеческих ценностей	170
<i>П. Дюкс.</i> Модернизация и антропоцен: ключевые даты	170
<i>Е. В. Алексеева.</i> Антропобиологические и антропогенные результаты модернизации	175
<i>А. И. Куприянов.</i> Выборы и модернизация культуры дворянства. 1776–1861 гг.	181
<i>В. В. Ведерников.</i> Процессы модернизации горнозаводской промышленности Алтая конца XVIII —XIX вв. глазами современников	187
<i>Е. В. Банникова (Бурлуцкая).</i> Образ жизни провинциального уральского купечества в предреформенный период	192
<i>С. А. Нефедов.</i> Великая реформа как проявление вестернизационных процессов в России	199

<i>Е. Ю. Казакова-Анкаримова.</i> Новые средства передвижения и эволюция городской повседневности на Урале в условиях урбанизации конца XIX — начала XX в.: восприятие современников	204
<i>И. Н. Стась.</i> Модернизация жилой среды горожанина в нефтедобывающих районах Западной Сибири (1960-е — 1990-е гг.)	213
<i>А. Е. Курлаев.</i> Индустриальное наследие в системе ценностей промышленного региона: перспективы актуализации	219
<i>А. С. Макшакова.</i> Медиатизация личности в эпоху информационной глобализации	224
Модернизация и поиски новой идентичности	228
<i>С. В. Голикова, В. А. Шкерин.</i> «Не мужики, слава Богу...»: уральские горнозаводские рабочие и их отношение к крестьянству (XIX в.)	228
<i>Г. Н. Шумкин.</i> Мастеровые казенных горных заводов XIX в.: проблема дефиниции социально-правового статуса	233
<i>С. В. Куликов.</i> Реформаторский проект императора Николая II: источники, элементы, реализация	240
<i>К. А. Абдрахманов.</i> Общественные организации в городах Южного Урала во второй половине XIX — начале XX в. в контексте проблемы формирования гражданственности: достижения постсоветской историографии	246
<i>В. И. Тетерин.</i> Стихийная демократизация органов местного самоуправления Пермской губернии после Февральской революции 1917 г.	252
<i>К. И. Зубков.</i> Российская позднеимперская идентичность в трудах ученых — идеологов модернизации (конец XIX — начало XX в.)	256
<i>М. Г.-Н. Габдсаттарова.</i> Модернизационные процессы в России в начале XX в. и формирование этнической картины казахстанского общества	266
<i>О. В. Морева.</i> Читательские интересы уральской молодежи в 1910-х гг.	272
<i>М. С. Кырчиков.</i> Уральская идентичность в период кампании районирования 1920-х гг.	279
<i>С. В. Мошкин.</i> Патриотический проект и формирование гражданственности	287
<i>Д. Н. Караваева.</i> Английская идентичность в современную эпоху (на материалах Северной Англии)	292

Советский человек как продукт индустриального общества	300
<i>А. В. Сперанский.</i> «Homo sovieticus»: идеологический образ и социокультурный феномен	300
<i>М. А. Фадеичева.</i> Формирование нового человека в СССР (1970-е гг.)	308
<i>В. Ю. Михайлин.</i> Конструирование новой советской идентичности в «оттепельном» кино	312
<i>С. И. Быкова.</i> Советский человек в 1930-е гг.: научный дискурс и (само)идентификация	320
<i>А. В. Трофимов.</i> Модернизационные процессы и экономические модели поведения уральского населения (1945–1965 гг.)	327
<i>Р. Н. Сулейманова.</i> Башкирские дети в условиях Великой Отечественной войны: поведенческие модели в чрезвычайных условиях как результат советского воспитания	332
<i>Е. Ю. Титаренко.</i> Рабочая среда постоккупационного и послевоенного Донбасса (1943–1953 гг.): к вопросу о социокультурной адаптации	337
<i>А. Л. Глушаев.</i> Советские евангелисты в поисках себя	343
<i>В. П. Карпов.</i> Человек тундры в условиях индустриализации Тюменского Севера	350
<i>М. В. Комгорт.</i> «Нефть была нужна. Бог с ними, с людьми...» (начало нефтяной истории Тюмени в свидетельствах современников)	354
<i>М. А. Клинова.</i> Девиантные экономические практики городского населения Свердловской области в 1960 — начале 1970-х гг.	361
<i>А. Д. Трахтенберг.</i> «Нам нужен программист»: к вопросу об информационной революции в СССР	367
<i>В. С. Мартыанов.</i> Расширение доверия как политическое условие поздней современности	373
<i>Е. Г. Дьякова.</i> Модернизация государственного управления и роль советского наследия в Китае	380
Abstracts	386
Список сокращений	406

ПРЕДИСЛОВИЕ

Историография российской модернизации довольно обширна, но в ней слабо представлен Человек. Это, по всей вероятности, объясняется тем, что она практически на всех этапах носила вершущий характер. Разные политические режимы принимали множество решений по данному вопросу преимущественно догоняющего форсированного характера. Они стремились получить необходимый результат любой ценой в максимально сжатые сроки. Участники модернизации постоянно находились в стрессовом режиме, не имея должных гарантий для реализации собственных интересов в этом процессе, не говоря уже о контроле за ним и возможности коррекции негативных явлений.

Главными акторами модернизации были государство и правящая элита, а не народ. Поэтому его созидательная роль не нашла достойного отражения и не осмыслена до сих пор. Между тем, в современных условиях определяющая роль государства заметно снизилась, но поднялась значимость уровня образования населения, его экономической, да и политической активности. Поэтому выросла потребность инвестиций в человеческий капитал и как следствие роль человека в модернизационном процессе.

В итоге можно утверждать, что проблема «Человек в условиях модернизации» имеет две стороны. С одной стороны, человек — актер модернизации, а с другой стороны, — потребитель ее благ и заложник негативных последствий. Первая сторона реализуется через государство и его структуры, общественные организации, личную инициативу. Вторая сторона зависит от особенностей отдельных этапов развития общества, его производительных сил, характера государства и воли его руководителей, эффективности модернизационного процесса и природно-климатических условий страны.

В обоих случаях роль человека в этом процессе очень дифференцирована. Одно дело — всесильный министр финансов граф С. Ю. Витте, другое дело — рядовой рабочий или крестьянин, которые так или иначе участвовали в модернизации. Как ни странно, ещё сложнее с общественно-политическими объединениями, например, с декабристами. В трактовке Николая I это государственные преступники, с точки зрения Ленина — первые революционеры в России, а с нашей — недооцененные акторы российской модернизации. В самом деле, они восстали против главных препятствий модернизационного процесса в стране — самодержавия и крепостничества, а те, кто избежал виселицы, на практике в меру своих возможностей содействовали преобразованию Отечества, не говоря уже об их подвижнической деятельности во время ссылки на поприще повышения

образования и культуры народа. Отсюда следует вывод о том, что давно устоявшиеся или пересматривающиеся в сомнительном направлении оценки некоторых явлений российской истории требуют уточнений с современных методологических позиций для углубления их понимания сегодня.

Принципиальным вопросом является юридический статус человека в модернизирующемся обществе. Он существенно различается в зависимости от цивилизационного своеобразия. Если в англосаксонской цивилизации в ходе модернизационных преобразований человек был обличен определенными правами, прежде всего собственности, то в российской — нет. В Англии со второй половины XVII в. устанавливается порядок, по которому никто не мог быть арестован и лишен собственности без решения независимого суда, что привело к активизации предпринимательской деятельности, и это тогда, когда еще не было нынешней демократии и представления о либерализме. В России, наоборот, на основе крепостного права, а после его отмены в связи с обезземеливанием крестьянства, составлявшего более 90% населения страны, оно было ограничено в праве собственности. В советский период запрет на частную собственность сковывал предпринимательскую инициативу людей и тормозил углубление модернизации. Так возникла принципиальная разница в цене и результатах модернизации в этих цивилизациях.

Изучение проблем человека в условиях модернизации требует сочетания традиционного социально-экономического подхода со специфическими критериями модернизационной парадигмы. Если методика традиционного подхода хорошо разработана, широко используется и накопила огромный фактический материал, то критерии модернизационной парадигмы все еще дискутируются и не всегда используются в исторических исследованиях, не говоря уже об их умелой сочетаемости с модернизационной динамикой. Поэтому изучение истории сквозь призму теории модернизации, получив определенное признание, пока не достигло уровня, необходимого для глубокого понимания произошедшего с Россией в предшествующем столетии и того, что в связи с этим, ее ждет в настоящем.

В данном сборнике научных статей сделана попытка преодоления сложившейся ситуации. В нём представлены различные точки зрения о роли человеческого фактора в модернизационном процессе на протяжении длительного исторического времени. Они сгруппированы по нескольким смысловым блокам. Соотнесению понятий и основных вех модернизации и антропоцена посвящена статья проф. П. Дюкса, российской имперской модернизации — д.и.н. И. В. Побережникова, феномена «советского человека» как особого социокультурного типа личности, возникшего в условиях социалистических преобразований в России — д.и.н. А. В. Сперанского. Логическим продолжением рассуждений ученых об

идеологических мифологемах и реалистических признаках формирования «нового человека» в СССР является текст, посвященный конструированию новой советской идентичности в «оттепельном» кино (д. филос. н. В. Ю. Михайлин).

В блоке «Человеческий потенциал российских модернизаций» соединены статьи теоретико-концептуального (к.э.н. А. В. Алексеев, к.и.н. Е. А. Курлаев, д.и.н. Н. Ю. Гаврилова, д.и.н. О. В. Горбачев) и историко-демографического содержания (д.и.н. С. В. Голикова, д.и.н. А. К. Гагиева, Е. Ю. Лебеденко, к.и.н. С. А. Пьянков, к.и.н. Н. А. Михалев, к.и.н. А. С. Иванов, к.и.н. Р. Е. Романов и др.). Теоретические выкладки ученых проиллюстрированы богатым спектром конкретных примеров, отражающих процессы миграции, социальной мобильности, демографического поведения и трансформации облика различных социальных общностей и групп на широком пространственно-темпоральном поле взаимодействий.

Раздел «Индивид и общество в контексте модернизации: проблемы взаимодействия» конструирует образ российской действительности через соотношение коллективного и частного. Здесь раскрываются проблемы представлений о правах и собственности (к.и.н. Е. В. Бородина, к.и.н. О. К. Ермакова), характеризуются индивидуальные стратегии поведения в контексте модернизации (д.и.н. Д. В. Тимофеев), рассматривается соотношение традиционализма и инноваций в организации обмена и торговли (к.и.н. А. Ю. Конев), показано преломление истории страны в жизни личности (Е. П. Емельянов), судьбах целых социальных общностей и групп (д.и.н. Л. А. Дашкевич, к.и.н. Л. В. Женина, к.и.н. О. А. Полянина, В. В. Семячкова) и др.

Свежий взгляд на изменения образа жизни и человеческих ценностей в модернизирующемся социуме представлен в тематическом блоке «Модернизация образа жизни и трансформация человеческих ценностей». Междисциплинарность обозначенных проблем предполагает сочетание различных подходов и методов для их глубокого постижения. В ряде статей реализуется идея совмещения модернизационного подхода с антропологическим (д.и.н. Е. В. Алексеева, д.и.н. В. В. Ведерников, д.и.н. Е. Ю. Казакова-Апкаримова), а также методами визуальной антропологии (к.и.н. Д. Н. Ряпусова). Интерпретируя смыслообразующие элементы культуры дворянства и купечества, их трансформацию (д.и.н. Е. В. Банникова, д.и.н. А. И. Куприянов), исследователи подчеркивают особую роль процессов вестернизации России (д.и.н. С. А. Нефедов). Они определяют место индустриального наследия в системе ценностей промышленного региона (А. Е. Курлаев) и обозначают проблему влияния медиатизации (появления новых цифровых технологий) на человека, его природу (А. С. Макшакова).

В разделе «Модернизация: в поисках новой идентичности» представлены различные проекции региональной и локальной идентичностей (к.и.н. К. И. Зубков, к.и.н. Д. Н. Караева, М. С. Кырчиков), специфика развития регионов и субрегионов, а также локальных сообществ (д.и.н. С. В. Голикова, д.и.н. В. А. Шкерин, к.и.н. Г. Н. Шумкин, к.филос.н. М. Г.-Н. Габдсаттарова). Приведены результаты исследования проблем формирования правосознания, гражданственности и групповых интересов (д.полит.н. С. В. Мошкин, к.и.н. О. В. Морева, К. А. Абдрахманов, В. И. Тетерин).

Блок «Советский человек как продукт индустриального общества» охватывает комплекс работ, в которых показаны позитивные и негативные оценки деятельности советского человека как особого социокультурного типа личности, степень его влияния на ход и основные результаты социальной трансформации российского общества в советский период. Авторы анализируют модели поведения, каждодневные жизненные практики людей советской эпохи (д.и.н. А. В. Трофимов, д.и.н. Р. Н. Сулейманова, д.и.н. В. П. Карпов), формы их саморепрезентации и самоидентификации (к.и.н. С. И. Быкова), идеологические и социокультурные аспекты советской действительности (д.полит.н. А. Д. Трахтенберг, Е. Ю. Титаренко) и др.

Необходимо подчеркнуть мультидисциплинарный подход, реализуемый в сборнике: названные темы изучаются не только историками, но и философами, политологами, культурологами. Это поднимает модернизационные исследования на новый уровень, является интересным и продуктивным. Широка география статей, помимо глобального (П. Дюкс), европейского (Д. Н. Караева), азиатского (Е. Г. Дьякова) и общероссийского охвата (И. В. Побережников, А. В. Сперанский и др.), специальное внимание фокусируется на Урале, Западной, Северной и Восточной Сибири, Коми крае. Его материалы можно рекомендовать не только тем исследователям, чей научный интерес сформировался давно и захватывает в свое поле новые объекты и предметы анализа, но и студентам, магистрантам, аспирантам, только начинающим свой путь в науке и нуждающимся в расширении исследовательского кругозора.

Академик РАН В. В. Алексеев

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКИХ МОДЕРНИЗАЦИЙ

УДК 94 (470)

И. В. Побережников

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ*

В статье поставлена проблема человеческого потенциала российской имперской модернизации. Рассмотрены такие составляющие человеческого потенциала как профессиональная культура, образование, социальный контекст. По мнению автора, человеческий потенциал продемонстрировал значительную гибкость и готовность адаптироваться к потребностям модернизации в имперской России.

Ключевые слова: *Модернизация, человеческий потенциал, человеческий капитал, профессиональная культура, образование, социальный контекст.*

Понятие человеческого потенциала используется для характеристики ситуации с качеством человеческих ресурсов страны в целом — их уровня образованности, готовности к преобразованиям, качества жизни, адаптационных возможностей и т.д. Это понятие следует отличать от понятия человеческого капитал, который обыкновенно индивидуален, связан с особенностями личного опыта и знаний отдельного человека [3, с. 6]. Акцент на человеческий потенциал модернизации представляется попыткой обновления модернизационного подхода, попыткой взглянуть на модернизацию «изнутри», с позиций оценивания способности и готовности населения поддерживать модернизационные мероприятия, с точки зрения установления степени соответствия модернизационного пути ожиданиям и запросам населения, от чего во многом и зависят перспективы развития страны вообще. Предлагаемый подход призван дать ответ на общественно значимые вопросы о глубинных механизмах модернизации, роли в этих процессах человека, значимости «человеческого капитала» в контексте модернизационных преобразований, наличия и локализации в российском обществе прошлого действующих субъектов, способных выступать драйверами модернизации. Данные вопросы крайне актуальны сегодня в условиях продолжающихся попыток модернизации современного российского общества.

Побережников Игорь Васильевич, доктор исторических наук, заведующий сектором методологии и историографии; Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: pober1871@mail.ru.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ № НШ-3422.2014.6.

Хронологические рамки российской модернизации имперского периода варьируются в различных трудах — от XVI–XVII вв. до 1917 г. (широкая точка зрения) до нескольких десятилетий конца XIX — начала XX вв. (узкая точка зрения). При этом 1917 год как финальный рубеж имперской модернизации признается большинством историков, но существуют разногласия относительно старта модернизации:

1. XVI–XVII вв. [11; 20].
2. Эпоха петровских преобразований (наиболее распространенная точка зрения как среди зарубежных, так и среди российских ученых) [6; 7; 8; 9; 12].
3. Начало XIX в. (при этом период XVI–XVIII вв. трактуется как эпоха, скорее, продолжения прежних традиций; петровские реформы в данном случае не рассматриваются в качестве водораздела в истории России) [19; 21].
4. Эпоха Великих реформ [22].
5. Рубеж XIX–XX вв. [4].

В рамках различных концепций Россия интерпретируется то как страна «второго эшелона капитализма», придерживающаяся модели догоняющего развития, то как государство с уникальными национальными особенностями, реализовавшее самобытный путь развития в истории [1; 2; 13; 14; 15].

Остановимся на некоторых аспектах человеческого потенциала российской имперской модернизации. Для оценки перспектив модернизации важен анализ аксиологических и нормативно-институциональных предпосылок и ограничений. Широко распространено мнение, что эти параметры изначально определяются таким свойством человека, как его конфессиональная принадлежность.

Хорошо известны схемы М. Вебера и С. Хантингтона о связи между культурой и модернизацией. Согласно концепции М. Вебера, протестантская этика явилась фактором развития капиталистического предпринимательства. Исследуя воздействие религии на политическую культуру, С. Хантингтон пришел к выводу о наличии высокой корреляции между протестантизмом и демократией, об умеренном и отсроченном воздействии католицизма на рост демократии, об отсутствии препятствий для демократизации в контексте индуистских и синтоистских культур и о стимулировании тенденций к развитию авторитарных форм правления в русле ислама, конфуцианства и буддизма.

Коснемся вопроса влияния религиозной культуры на динамику и характер экономического развития. Во-первых, не следует преувеличивать значимость такого влияния. Капитализм получил широкое распространение по всему миру, даже в «созерцательных» странах буддийского востока,

причем некоторые из азиатских стран (Китай, Южная Корея, Япония) вообще со временем, несмотря на отсутствие протестантской этики, стали конкурировать с западными партнерами. Во-вторых, вероятно, победное шествие капитализма, а с ним и модернизации по миру, было связано уже не с религией как основой хозяйственной этики, а, скорее, с процессами секуляризации сознания предпринимателей и интеллигенции.

Тем не менее, что касается православия как основной религии наиболее многочисленного народа Российской империи, то для него характерно двойственное отношение к труду. В системе православного мировосприятия и мировоззрения, с одной стороны, труд — добродетель, инструмент духовного воспитания, форма аскезы. Такая оценка труда вытекает из христианской традиции вообще, ведь еще апостол Павел писал во втором послании к фессалоникийцам (солунянам): «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь». Данная фраза почти без изменений вошла вторым пунктом в советскую Конституцию 1936 г. и в «Моральный кодекс строителя коммунизма» — свод принципов коммунистической морали, включенный в текст Третьей Программы КПСС, принятой XXII съездом (1961 г.).

С другой стороны, труд — деятельность мирская, деятельность в миру, то, что связано с удовлетворением потребностей тела. Поэтому носители православия не делали из прибыли самоценности, вполне разделяли евангельские истины о том, что надо «собирать себе сокровище на небе» (Мф.: VI, 20) и что «трудно богатому войти в Царство Небесное» (Мф.: XIX, 23). Хотя трудолюбие и считалось добродетелью, однако, русская православная церковь видела в труде и следствие первородного греха и потенциальную опасность «отвращения от служения Господу», в связи с чем требовалось соблюдать умеренность в труде, «надеяться больше на промысел Божий». В этом смысле русские православные, с нашей точки зрения, принципиально не отличались от западноевропейцев (католиков).

Вероятно, несколько сложнее обстоит дело с взаимосвязью между конфессиональной и политической культурой, однако, этот вопрос требует самостоятельного осмысления.

К числу важнейших параметров человеческого капитала относится уровень образованности общества. Хорошо известно, что в имперский период сфера образования развивалась, неуклонно рос уровень грамотности населения. Тем не менее, уровень грамотности, как отмечает Б. Н. Миронов, сильно варьировался в разных категориях населения: так, к началу XX в. дворянство и духовенство достигли почти полной грамотности; однако, остальные сословия по степени грамотности находились еще на уровне западноевропейских стран XVII в.: грамотность среди мужчин старше 9 лет составляла 54%, у женщин — 26% [10, с. 28]. Само по себе повышение уровня грамотности выступало индикатором успешности процессов

модернизации, в то же время, относительно низкие показатели свидетельствовали о их незавершенности.

Мировой опыт демонстрирует, что модернизация экономики и общества взаимосвязана с развитием высшего образования [17]. Для понимания этой взаимосвязи необходимо иметь в виду задачи высшего образования, которые выделяет Г. И. Ханин: 1) формирование научных идей; 2) подготовка наиболее квалифицированных кадров во всех областях жизни общества носителями этих идей; 3) формирование в ходе обучения моральных ценностей. В результате решения этих задач, по мнению Г. И. Ханина, общество насыщается специалистами с высокими профессиональными и моральными данными и происходит формирование элиты общества из лучших выпускников вузов. При этом история мирового высшего образования демонстрирует не просто параллельный, но опережающий по отношению к общественному прогрессу процесс развития высшей школы. В этом плане Россия отставала от Запада на несколько веков, что и определило ее отставание в других отношениях. Однако, она умела частично наверстывать данное отставание — в частности, в конце предреволюционного периода, что сыграло огромную роль в ее ускоренном развитии в данное время. Г. И. Ханин обоснованно полагает, что бурный экономический подъем России в 90-е гг. XIX в. и в период перед Первой мировой войной можно в немалой степени объяснить прогрессом российского высшего образования. Тем не менее, заметное отставание России как по высшему, так и по общему образованию, накопившееся за века, невозможно было преодолеть за короткий срок: имперская Россия по числу специалистов с высшим образованием на душу населения по-прежнему многократно отставала от развитых стран. В ходе Первой мировой войны российская экономика успешно решала сложные задачи развития многих отраслей оборонной промышленности, опираясь на свои собственные инженерно-технические и научные кадры.

В новейшей историографии высказываются разные мнения о социальном строе российского общества имперского периода. М. Конфино полагает, что сословий в России не существовало, а общество делилось на многочисленные социальные группы [18]. Однако, большинство современных историков, как западных, так и российских, исходит из того, что сословия были созданы государственной властью в России на протяжении XVIII в., получили первое законодательное оформление жалованными грамотами дворянству и городам в 1785 г.; после Великих реформ стали медленно превращаться в классы и профессиональные группы, хотя этот процесс так и не завершился к 1917 г. (т.е. сословия оказались чрезвычайно устойчивыми и просуществовали до самого конца царского режима) [5; 9, Т. 1, с. 76–157; 16]. Следствием длительного сохранения

сословного порядка являлось пребывание человека имперской России в рамках сословной парадигмы.

При этом российская сословная структура была достаточно гибкой, подвижной, особенно после 1860-х гг. Как отмечает Г. Фриз, хотя дореформенное общественное устройство поверхностно напоминало западную систему сословий, российская сословная структура была намного более дифференцированной и текучей, чем могла бы позволить жесткая «четырёхсословная» парадигма», сословная система была вполне адаптируемой к потребностям экономического и социального развития; многовариантная система допускала специализацию и профессионализацию деятельности внутри формальной системы наследственных сословий [16, с. 142–143]. В пореформенный период сословная система не помешала формированию новых общественных групп, например, рабочих, ряды которых значительно выросли в результате быстрой индустриализации, начавшейся с 1885 г., а также профессиональных и полупрофессиональных групп, которые были официально признаны в качестве профессиональных сословий еще в дореформенный период (например, врачи), создали собственные корпоративные организации и имели особый юридический статус или не имели ясно сформулированного юридического статуса и пользовались весьма ограниченными привилегиями либо вообще не имели таковых (такая неопределенность или двусмысленность правового статуса имела важное значение, поскольку такой статус, прежде всего, предполагал как право на автономную корпоративную организацию, так и на периодическое проведение съездов для обсуждения профессиональных проблем). Отсутствие корпоративного статуса было наиболее заметным в случае с представителями самых новых профессий — народными учителями, статистиками, агрономами, лесничими, которые не получили юридического признания в дореформенной России, а после 1864 г. работали преимущественно в земствах («интеллигенция», «третий элемент») [16, с. 149–152]. Тем не менее, сословный строй препятствовал формированию равных возможностей для продвижения представителям различных сословий, тормозил социальную мобильность, процессы урбанизации и индустриализации. Необходимо также иметь в виду, что большинство населения в начале XX в. все еще проживало в деревне, относилось к крестьянству, придерживавшемуся традиционалистского уклада.

Итак, человеческий потенциал одновременно являлся и предпосылкой и индикатором динамики модернизации. В России человеческий потенциал демонстрировал достаточную гибкость и готовность адаптироваться к условиям модернизации. При этом невысокие показатели образованности свидетельствовали о низком и позднем старте модернизации.

Библиографический список

1. Большакова О. В. Власть и политика в России XIX — начала XX в.: американская историография. М., 2008. 263 с.
2. Большакова О. В. Парадигма модернизации в англо-американской русистике (Российская империя) // Политическая наука. Политическое развитие и модернизация: Современные исследования: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. политической науки. Росс. ассоц. полит. науки; Отв. ред. и сост. А. Г. Володин. М., 2003. С. 139–157.
3. Горшков М. К. Представляю номер // Вестник Института социологии. 2011. № 3. С. 5–9.
4. Грегори П. Экономический рост Российской империи. М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. 251 с.
5. Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII — начало XX в.). М., 2010. 752 с.
6. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. (опыт целостного анализа). М., 1999; Он же. Российская империя в XVIII в.: традиции и модернизация. М., 1999.
7. Красильщиков В. А., Гутник В. П., Кузнецов В. И., Белоусов А. Р. и др. Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. М., 1994.
8. Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России. М., 1994. 320 с.
9. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1–2.
10. Миронов Б. Н. Россия и Запад в XVIII — начале XX в. // Нестор. № 11. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Смена парадигм: современная русистика. Источники, исследования, историография. СПб., 2007. С. 25–48.
11. Нефедов С. А. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII в. // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 33–52.
12. Опыт российских модернизаций XVIII–XX в. М., 2000.
13. Поткина И. В. Индустриальное развитие дореволюционной России. Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М., 1994.
14. Поткина И. В., Селунская Н. Б. Россия и модернизация (В прочтении западных ученых) // История СССР. 1990. № 4. С. 194–207.
15. Проскурякова Н. А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153–165.
16. Фриз Г. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара, 2000. С. 121–162.
17. Ханин Г. И. Высшее образование и российское общество // ЭКО. 2008. № 8–9. [Электронный ресурс] URL: http://econom.nsc.ru/econ/arhiv/ReadStatiy/2008_09/Hanin/ (дата обращения — 10.11.2014)
18. Confino M. The soslovie (estate) paradigm. Reflections on some open questions // Cahiers du monde russe. 2008/4. Vol. 49. P. 681–704.
19. Martin R. The Petrine divide and the periodization of Early Modern Russian history // Slavic review. Champaign, 2010. Vol. 69, № 2. P. 410–425.
20. Modernizing Muscovy: reform and social change in seventeenth-century Russia / Ed. by Kotilaine J., Poe M. L., 2004. VI, 489 с.
21. Ostrowski D. The end of Muscovy: A case circa 1800 // Slavic review. Champaign, 2010. Vol. 69, № 2. P. 427–438.
22. The transformation of Russian society. Aspects of social change since 1861. Cambridge (Mass.), 1960. VIII, 695 p.

**АКТОРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ В ЭПОХУ ПЕТРА I НА УРАЛЕ:
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЪЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ***

Статья посвящена определению круга акторов модернизации в эпоху правления Петра I. Применение в исследовании генезиса уральской промышленности концепции диффузионизма позволило дифференцировать три диффузионных импульса, определивших формирование базовых отраслей промышленности. Для каждой из фаз характерны и свои акторы. Объективно уральский регион располагал огромными ресурсами для древесно-угольной металлургии. В процессе аграрного освоения края русскими переселенцами были созданы условия для размещения крупной промышленности. Первые рудознатцы открыли крупнейшие месторождения руды в регионе. С появлением сети крупных заводов они объединились в профессиональные сообщества. Возникла и новая категория предпринимателей — рудопромышленники. Значительную роль в создании производства сыграл лично А. А. Виниус, а также главы уездов, управляющие заводами. На Урале появились промышленники-предприниматели. Сложные процессы поиска, добычи, выплавки драгоценных и цветных металлов проводились при участии иностранных специалистов. При создании цветной металлургии и горнодобывающей отрасли возникли специализированные структуры управления горно-металлургической отраслью и школы при заводах.

Ключевые слова: *индустриализация, модернизация, акторы, генезис уральской промышленности, XVIII в.*

В современном отечественном обществоведении наибольшей популярностью пользуются три социологические макротории: формационная, цивилизационная и модернизационная. Активное освоение последней теории началось относительно недавно. В общем виде модернизация определяется как переход от традиционного дотехнологического общества к современному, для которого характерна машинная технология. Сюда включаются процессы индустриализации, урбанизации, профессионализации, рационализации, бюрократизации, демократизации, доминирующего влияния капитализма и другие [1; 3; 4]. По мнению И. В. Побережникова «понятия модернизация и индустриализация, если последнюю <...> рассматривать широко, в тесной связи с динамикой прочих социальных сфер, с учетом разнообразных социальных последствий, вызываемых утверждением индустриального способа производства, в значительной степени совпадают» [2, с. 115].

На Урале к традиционному обществу относят период аграрного освоения края русскими переселенцами, начиная с XVI в. Во время правления Петра I с начала XVIII в. в крае ведется интенсивное создание крупной

Курлаев Евгений Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник; Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: kurlaev@el.ru.

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-01625).*

мануфактурной промышленности (протоиндустриализация), ставшей основой для внедрения машинного производства (индустриализации). Для ранних периодов индустриализации еще рано говорить обо всех процессах, характеризующих модернизацию. Мы обращаем внимание, в первую очередь, на проявления индустриализации, урбанизации, профессионализации, бюрократизации, первых ростках капитализма. Особый интерес вызывает выявление и изучение причинно-следственных связей между этими процессами. Являются ли они неизбежным следствием внедрения промышленных технологий?

Для начала индустриализации (модернизации) на Урале в данный хронологический отрезок требовались условия объективного характера: наличие промышленных залежей железной и медной руды; леса, как основного строительного материала, топлива и компонента металлургических процессов; людских ресурсов, в т.ч. подготовленных специалистов; возобновляемой продовольственной базы; транспортной инфраструктуры и пр. При отсутствии этих факторов индустриализация не началась бы на Урале в XVIII в., а если и началась, то позже в иных экономических и исторических условиях.

Статья посвящена акторам модернизации, активным участникам создания промышленности в крае в эпоху Петра I. Определив круг акторов, сосредоточим внимание на карьерном и профессиональном росте индивидов, выявлении их жизненных позиций в переходный период; трансформации старых, возникновении новых профессиональных групп и управленческих структур.

Исследование генезиса уральской промышленности опирается на концепцию диффузионизма, включает анализ распространения артефактов, технологий, институтов, идей и др. Применение этой концепции позволило исследовать конкретно-исторический материал в рамках трех диффузионных импульсов. В результате анализа архивного материала с использованием вышеупомянутых принципов и концепций в генезисе уральской металлургии было выделено три «импульса» («фазы»), определивших формирование базовых отраслей промышленности: черной и цветной металлургии. Для каждой из фаз характерны свои уровни организации производства, управления и обучения; а также свои акторы.

Освоение уральских земель распахнуло безграничные возможности для открытия и эксплуатации новых месторождений. Металлургия железа стала основой промышленной колонизации. На Урале возникли многочисленные города и слободы — административные центры аграрной округи, была обеспечена продовольственная автономия края.

В результате первого импульса, совпадающего с началом русского заселения и промышленного освоения территории Урала, в крае

распространяются традиционные для железнорудных регионов России ремесленные навыки производства железа сыродутным (одностадийным) способом и обработки его ремесленниками в кузницах под ручным молотом. Ассортимент кузнечных изделий определялся потребностью колонизационных процессов, аграрными условиями ведения хозяйства. Для этой фазы характерно появление стихийной формы поиска руд — рудознатчества. Крестьянин обнаруживал рудные признаки и заявлял о своем открытии в ближайшие административные органы. Разработка и эксплуатация небольших железнорудных месторождений была в пределах возможностей региональной власти.

Поисками руды у горы Высокой (Магнитной) в начале XVIII в. занимались вогулы Яков, Максим и Андрей Савины. Здесь возникла группа тагильских заводов. В 1699–1702 гг. поступили первые известия о руде в верховьях рек Исети, Пышмы, Чусовой от Сергея Бабина. Рудознатцы Бабины (Сергей, Федор, Родион и Степан) обнаружили почти все известные крупные рудники в окрестностях Екатеринбурга для Уктусского, Екатеринбургского, Верх-Исетского, Полевского заводов. Рудознатцы представили первичные сведения о залежах ископаемых при основании первых металлургических мануфактур.

В XVIII в. причисление к рудознатцам стало юридическим актом. Далеко не каждый открыватель месторождения полезных ископаемых был в реальности рудознатцем. А реальный рудознатец далеко не всегда работал продуктивно и иногда имел в биографии лишь одно объявленное месторождение. Рудоискательство XVII–XVIII вв. развивалось самостоятельно и параллельно развитию геологии, геоморфологии, всего того, что стало наукой о земных недрах. Рудознатцы не были «предтечей» современных геологов, а, скорее, знатоками-любителями, с которыми приходилось иметь дело специалистам. Геология, или то, что можно ею считать в XVIII в., развивалась в общем русле эволюции горного дела.

К рудознатцам вплотную примыкает профессиональная группа рудных промышленников. Одним из первых ее представителей был Д. Воронов. Его профессиональный уровень демонстрирует личная библиотека. Предприниматель был арестован за растрату казенных денег. В счет долга у него конфисковали 65 иностранных книг по минералогии, химии и горному делу. Позже, возникший как явление благодаря усилиям В.И. Геннина в 1720-е гг. вольный рудный промысел Пермского края, занимавшийся добычей и поставками руды на заводы, был в известном смысле «венцом» массовой рудоискательской деятельности, ее логическим продолжением и итогом. Деятельность рудоискательских артелей и компаний базировалась, среди прочего, на постоянном поиске гнездовых рудных залежей (этому способствовали особенности залегания медных руд в осадочных

породах). Пермский (а с середины XVIII в. и екатеринбургский) рудный промысел можно считать местным выражением артельного и мануфактурного этапа развития. Рудознатцы и рудопромышленники стали предтечей старательских артелей.

Аграрное освоение края подготовило условия для второго импульса — создания на Урале в начале XVIII в. мануфактурной промышленности, ориентированной на производство чугуна и железа двухстадийным способом, литой чугунной военной продукции (черной металлургии). Доменная металлургия и кричный передел с использованием энергии воды предполагают непрерывный производственный процесс, требующий создания условий для постоянного сбыта продукции и жизнеобеспечения значительного количества рабочих. Поэтому черная металлургия могла появиться только после предварительного освоения и заселения края. Производство военной продукции стимулировало развитие цветной и черной металлургии.

На Урале и Олонце, в отличие от Центральной России, предпочтение было отдано строительству казенных заводов. В идеологии петровской эпохи заимствование технологий рассматривалось как одно из наиболее эффективных средств модернизации производства, поэтому формирование уральской промышленности во многих сферах осуществлялась за счет внедрения иностранных технических достижений. После тщательного испытания руды и экономических подсчетов последовал знаменитый указ Петра I от 10 июня 1697 г. об основании металлургических заводов на Урале. Первые специалисты (плотинный мастер Е. Яковлев, доменные мастера Я. Фадеев, Ф. Дементьев, молотовые мастера С. Петров и А. Тумаков и другие) были отправлены с заводов Подмосковья на Урал для создания нового центра промышленности. В числе первых металлургов прибыли и обрусевшие иностранные мастера (Е. Григорьев, Ф. Дементьев). В крае опосредованно распространились европейские формы организации производства и технологии изготовления чугуна, железа и военной продукции, появившиеся в Центральной России еще в первой половине XVII в.

В 1701–1706 гг. на Урале заработали 4 чугуноплавильных заводов, а в Тобольске первый в России государственный оружейный завод, который в то время относился к комплексу уральских заводов. Его создавали суздальские оружейные мастера во главе с Н. Пиленком. Деятельность мануфактур вовлекла местных ремесленников-металлургов в промышленное производство. На казенных заводах было организовано массовое обучение крестьян вспомогательным профессиям. Ремесленники изготавливали в своих мастерских мелкие железные изделия для заводов. Железодельные мануфактуры вписались в территориально-административную структуру управления регионом, но оказали на нее влияние. Глава Сибирского

приказа А. А. Виниус в письме Петру I перечислял свои многочисленные заслуги при управлении Сибирским приказом, в т.ч. организацию на Урале производства чугуна, железа, пушек, фузей, сабель, тесаков, копий, стали, уклада, открытие селитры и серы для изготовления пороха. Немалую роль в создании производства сыграли главы уездов воеводы (К. Козлов, А. Калитин), управляющие заводами (Т. Бурцов). На Урале начал трудиться клан предпринимателей Демидовых, получив при покровительстве царя чугуноплавильный завод с рудниками и работниками.

Третий импульс распространения технологических инноваций связан с появлением цветной металлургии и созданием горно-геологической отрасли. Горное дело и мастерство выплавки драгоценных и цветных металлов считались одними из сложных и искусных ремесел горно-металлургического производства, требующие специальных знаний и практического обучения. В этом случае иностранные знания играли ключевую роль. С XVII в. центральная власть организует специализированные экспедиции. Их посылали не за медью и железом, а за золотом и серебром в любое место, находившееся в сфере влияния Российского государства, независимо от затрат, климатических условий и угрозы военных столкновений. На Урале в XV–XVIII вв. побывало до 20 таких геологоразведочных экспедиций с неизменным участием иностранных специалистов. Открытие медных месторождений государством было лишь следствием поиска драгоценных металлов.

В России становление горного дела как горного искусства началось с пуском Пыскорского медеплавильного завода. В 1633 г. поиски по Каме увенчались успехом, здесь была обнаружена руда с высоким содержанием меди. На базе Григоровского и Романовского рудников возник Пыскорский медеплавильный завод (1634–1657 гг.), ставший сосредоточением зарубежных нововведений в гидроэнергетике, выплавке меди, горном деле и углежжении. В его строительстве ключевую роль сыграли 15 саксонцев во главе с А. Петцольтом, которые организовали разработку рудных залежей, занимались пуском завода и обучением русских мастеров. При разработке Григоровского месторождения был в полной мере использован немецкий опыт.

Другой центр выплавки меди в России с середины XVII в. был медеплавильный завод в районе Казани, условно названный «Казанским». Он активно действовал в 1652–1665 гг., выплавляя около 350 пудов в год. На медеплавильном заводе в Казани работал пушечный литейный мастер А. Нейдгардт и его сын рудознатец, пробирный мастер и организатор заводского производства Л.А. Нейдгардт. С деятельностью Пыскорского и Казанского медеплавильных заводов связана судьба известных уральских рудознатцев и медеплавильных мастеров Тумашевых. Казанский завод

стал центром обучения и распространения опыта рудознательства в Приуралье вплоть до первой четверти XVIII в. У Л. А. Нейдгардта была создана целая служба рудознатцев из жителей Кунгурского уезда, каждый из которых открыл более десятка месторождений меди для будущих медеплавильных заводов Приуралья.

Создание отечественного горного производства совпало с продолжительной Северной войной. В период войны и петровских реформ приглашение на службу по контракту иностранцев приняло целенаправленный и массовый характер. В это время передача технических инноваций происходила через контакты в дипломатической деятельности, обучение за границей, привлечение специалистов для работы и обучения русских мастеров, печатные и рукописные средства информации. Царь Петр I на самом высоком уровне лично занимался поиском горных мастеров. В начале XVIII в. поиск руд цветных и драгоценных металлов, разработка месторождений, выплавка меди и серебра оставались одними из основных сфер применения иностранного опыта.

Оглашение Берг-привилегии стало знаковым событием к появлению по обеим сторонам Урала небольших медеплавильных заводов, основанных на деньги частных заводчиков. В число компаньонов обычно входили государственный служащий или купец, финансирующий производство; рудознавец, открывший месторождение, медеплавильный мастер, строивший завод. Так, Мазуевский завод строили промышленник и производитель пороха В. Пороховщиков, рудознавец и плавильный мастер Ф. Молодой, медеплавильные мастера Н. Огнев, Ф. Инютин, И. Стариков. Давыдовский медеплавильный завод строили комиссар И. Тряпицын и рудознавец татарин М. Иматхолов. Лялинский завод основали дворянин В. Аврамов, первооткрыватель рудников К. Заварин и медеплавильный мастер Г. Беляев.

Для третьей фазы характерно появление школ при казенных заводах, которые давали базовые знания для усвоения сложных производственных дисциплин и иностранного языка. С организацией горного дела и металлургией полиметаллов связано и появление централизованной специализированной системы управления (Приказ Рудного сыска, Рудный приказ, Рудная канцелярия, Берг-коллегия, Сибирский обербергамт).

К концу первой четверти XVIII в. все уральские металлургические заводы были выведены из системы территориального подчинения и вошли в новую региональную структуру управления — Сибирский обербергамт. В ее формировании приняли участие горные деятели В. Н. Татищев, И. Ф. Блиер, И. Ф. Патрушев, М. Михаэлис, В. И. Геннин и др. Государственная политика и усилия акторов модернизации способствовали быстрому внедрению в горном деле и металлургии европейских организационных и технологических достижений. Итогом этих усилий стало

появление уже к 1720-м гг. передовой, сравнимой с европейской, уральской горно-металлургической промышленности.

Библиографический список

1. Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Артемов Е. Т., и др. Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: пространственно-временной аспект. Екатеринбург, 2011.
2. Побережников И. В. Индустриализация и развитие // Развитие металлургического производства на Урале. Сборник докладов и сообщений историко-экономической секции Международного конгресса, посвященного 300-летию металлургии Урала и России. 4 октября 2001 г. Екатеринбург, 2001. С. 113–124.
3. Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006.
4. Побережников И. В. Урал в контексте российской цивилизации: теоретико-методологические принципы исследования // Урал в контексте российской цивилизации: теоретико-методологическая концептуализация. Екатеринбург, 2014. С. 10–40.

УДК 94 (470)

С. В. Голикова

ПАРАДОКСЫ ВОСПРИЯТИЯ НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫХ ДЕТЕЙ В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД: ОБЪЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТИГМАТИЗАЦИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ*

В статье акцентируется внимание на сложившемся в имперский период парадоксальном восприятии внебрачных детей. Законодательство и общественное мнение превратило их в объект социальной стигматизации, одновременно создав целую систему институтов, способствующих рождению, воспитанию и социализации таких детей. Подчеркивается, что и стационарное родовспоможение возникло при воспитательных домах и лишь впоследствии родильные дома вошли в систему здравоохранения.

Ключевые слова: *незаконнорожденные, социальная стигматизация, институты закрытого призрения, стационарное родовспоможение*

Поскольку баланс издержек-достижений модернизирующих обществ менялся на разных этапах их развития, отношение к человеческому капиталу оставалось разным и довольно противоречивым. Декларировалась несомненная ценность, даже сверхценность жизни, значительными оказались завоевания на поприще эмансипации личности. Однако плата за прогресс ложилась на человеческий капитал тяжелыми накладными расходами. Дело не ограничивалось реформаторами, нацеленными на победу любой ценой и трудностями, сопровождавшими социальные трансформации и переходные периоды. Появлялись новые социальные и половозрастные категории, менялось отношение к ним общества и власти.

Голикова Светлана Викторовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: avokilog@mail.ru.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ НШ-3422.2014.

Одной из таких групп были дети, и восприятие детского возраста, ценности детей не оставалось неизменным. К тому же группа оказалась неоднородной — встал вопрос о необходимости выделения незаконнорожденных детей. И отношение общества к ним в условиях модернизации складывалось далеко не однозначно. Именно в новое время незаконные рождения, как и многое из области семейно-брачных отношений, «перекочевали» из сферы регламентации обычного права в законодательство. Статья 132 Свода гражданских законов «О правах и обязанностях семейных» гласила: «Незаконные дети суть: 1) Рожденные вне брака, хотя бы родители их и были сопряжены впоследствии законным браком. 2) Происшедшие от прелюбодеяния. 3) Рожденные по смерти мужа матери, или по расторжении брака разводом, когда со дня смерти мужа матери или расторжения брака до дня рождения сего младенца протекло более трехсот шести дней. 4) Все прижитые в браке, который на основании законов о судопроизводстве гражданском будет по формальному приговору духовного суда признан незаконным и недействительным» [4, С. 27]. Само название этой категории детей, указывающее на нелегитимность их появления на свет, четкое отграничение их законодателем от остальных детей свидетельствует о социальной стигматизации рожденных вне брака. Поскольку не только в общественном мнении, но и в юриспруденции акцентировалась связь между постыдным социальным качеством и ожидаемым отношением к нему, предопределяющая неспособность таких детей к полноценной социальной жизни.

Навешивание ярлыка «незаконнорожденный» сказывалась уже на поведении его матери, а реакция властей на ее поступки являлась весьма показательной. Роженица, убившая плод несчастной любви или оставившая такого новорожденного без помощи, тем самым обрекая на смерть, каралась менее строго, чем женщина, совершившая аналогичный проступок по отношению к своим законным детям: «Наказание смягчается тремя степенями в случае, когда убийство незаконнорожденных сына или дочери совершено матерью от стыда или страха при самом рождении младенца...» Хотя законодатель оговаривал рецидивы: «... если однако ж при сем не будет доказано, что она была уже прежде виновна в том же преступлении», — однако затем вновь принимался выгораживать преступницу: «Когда ж детоубийство сего рода было непредумышленное, виновная в оном женщина, особенно, если она незамужняя и разрешилась от бремени в первый раз, подвергается токмо: лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в отдаленнейших или менее отдаленных местах Сибири, а буде она по закону не изъята от наказаний телесных, и наказанию плетьюми ..., смотря по обстоятельствам более или менее уменьшающих вину ее» [5, с. 501–502].

С другой стороны, именно с XVIII в. право и общество начинают выстраивать инфраструктуру, позволявшую «злосчастно рожденным» и «отчаянно умерщвляемым» детям выжить и социализироваться. О различного типа воспитательных домах и приютах для незаконнорожденных и покинутых детей хорошо известно. Однако они стали в России местом возникновения еще одного привычного и необходимого для нормальной жизни современного общества элемента — родильных домов. И. И. Бецкой задумывал одновременно «учреждение императорского воспитательного для приносных детей дома и госпиталя для бедных родильниц в столичном городе Москве». Родовспоможение, по его мнению, должно было стать неременной частью, можно сказать, началом цепочки социальной помощи детям-отказникам. «Для сильнейшего избавления невинных младенцев от погибели и для получения тем большей пользы государству от Воспитательного дома имеет быть при оном особый госпиталь для бедных родильниц, — писал Иван Иванович в третьей главе своего генерального плана, называвшейся «О госпитале для бедных родильниц» и содержащей основы функционирования невиданного доселе в России стационарного родовспоможения. «Приворотнику» предписывалось «тотчас принимать» в дом «всяких приходящих беременных женщин для разрешения от бремени». На специализацию лечебного учреждения указывало то, что «онный госпиталь сделан будет в особенных покоях, способных женщинам к разрешению от бремени или к принятию надлежайшей операции в нужном случае, и напоследок к поданию им всякой помощи, и чтоб за ними присмотр иметь можно было». Помощь беременным здесь была поставлена на поток: «как днем, так и ночью, и тот же час» посетительниц отводили «в залу к повивальным бабкам». Постоянно дежурившие в помещении повитухи приступали к осмотру пришедших, «и ежели усмотрят, что время к их разрешению еще не пришло, то таковым отказывать, а велеть около того времени приходить, когда по рассуждению их разрешению быть должно». Делалось это для того, «чтоб некоторые не могли сим учреждением пользоваться, приходя задолго для надлежащего времени к разрешению», т.е. в очередной раз подчеркивалась, что госпиталь организован для непосредственной помощи во время родов. Хотя срок пребывания родильниц в доме включал дородовой и послеродовой периоды, а в случае их плохого самочувствия становился безразмерным: «... каждой из них дозволяется пробыть в сем госпитале неделю до родин, да две недели после родин, разве какой чрезвычайный случай больше того времени потребует» [1, с. 24–26].

Основной фигурой родовспоможения оставались повивальные бабки. При нормальном родовом процессе автономия их была достаточно высока, вплоть до получения «лекарств, потребных им для родильниц».

Доктор приходил на помощь лишь при различных осложнениях: тогда он был «должен повивальным бабкам давать наставления, а в тяжких родах и самым действием им помогать», они же были обязаны «в трудных случаях следовать наставлениям медика». В компетенцию ученого медика также входил набор обслуживающего персонала и установление степени его квалификации. «При определении ж в сию должность, — предписывали инструкции Бецкова относительно повитух, — имеют оные от доктора освидетельствованы быть». От них требовали высокой дисциплины: «Должны всегда при доме быть и без позволения главного надзирателя отнюдь не отлучаться». Но главным достоинством бабок признавались моральные качества: «Особливо надлежит им с роженицами и с новорожденными младенцами крайне бережно обходиться...» [1, с. 8–9].

Главным же в работе госпиталя стало соблюдение принципа секретности пребывания женщин в стенах воспитательного дома: «Во всю их бытность во оном госпитале отнюдь не спрашивать, кто они таковы и откуда. Есть ли которая не хочет и лица своего показать, оное ей дозволяется во все время, да и впрочем все обстоятельства оных женщин свято сохранять в тайности» [1, с. 25]. В 1780-е гг. стремление оберегать клиенток от посторонних усилилось: «по желанию беременной повивальная бабка была обязана отвести ее в особую комнату, чтобы никто ее не видел, куда запрещалось входить не только посторонним лицам, но и домашним; швейцару предписывалось «накрепко подтверждать поставленным вблизи для какого иного караула часовым не приближаться ко входу в госпиталь и тем не только не отвращать приходящих для получения помощи от воспитательного дома, но всячески способствовать им»; полицейские же и другие команды обязывались не останавливать беременных женщин около постов и не расспрашивать кто оне таковы и куда идут, но оказывать им всякое вспомоществование» [2, с. 86]. Меры предосторожности вряд ли можно считать излишними, поскольку основной контингент посетительниц состоял из рожавших вне брака, и заведение должно было стать привлекательным для них благодаря режиму анонимности. Таким образом, стационарное родовспоможение появилось в России исключительно в форме так называемых «секретно-родильных» госпиталей, в качестве придатка заведений для призрения детей. Столь привычного статуса медицинского учреждения он в момент своего возникновения не имел, а принадлежал к создававшейся на средства благотворителей сфере социального обеспечения.

На 20 тыс. руб., пожертвованных Прокопием Демидовым, удалось открыть родильный госпиталь при московском воспитательном доме и 21 апреля 1764 г. начать прием рожениц. Насколько востребованным оказалось его появление в столичном городе, говорят отчетные данные. В первое десятилетие услугами заведения воспользовались 1060 женщин,

во второе — их число выросло более чем в два раза, составив цифру 2259 рожениц, в третье рост замедлился, остановившись на 2307 посетительниц. Всего же до конца 1797 г. здесь оказали 6688 пособий при родах. С передачей воспитательных домов в ведение Марии Федоровны госпитали при них были увеличены и стали принимать большее число женщин, «желавших разрешиться от бремени секретно». С 1798–1808 гг. в московском учреждении помощь удалось оказать 3571 беременным, в 1809–1818 гг. — 5484 (вновь значительный рост: более чем в полтора раза), в 1818–1828 гг. — 6825, в 1829–1837 гг. — 7748, всего же с 1798 по 1837 гг. ее получили 23 628 женщин [2, с. 87; 3, с. 57]. Справляться с возрастающими объемами работы позволяло значительное количество обученного обслуживающего персонала. В 1800 г. в Москве (в Петербурге — ранее) при госпитале открывается повивальный институт. До 1830 г. включительно около 300 питомок — так называли девочек, выросших при воспитательном доме — стали акушерками, и каждой из них аттестат выдавался только после оказания «пособия» 100 родильницам [3, с. 57–58].

Кроме всего прочего статистические данные дают возможность представить, какие угрожающие размеры могли принять инфантицид и «преступное изгнание плода». С возникновением воспитательных домов и родильных госпиталей при них число детоубийств значительно сократилось. И автор журнала «Архив судебной медицины...», скрывшийся за инициалами М. Г., был прав, написав, что призрение младенцев «далеко не единственная польза» от таких учреждений, поскольку «воспитательные дома избавили тысячи матерей от позора, и может быть, от преступления, разумея под ним детоубийство. Открытые при них секретно-родильные госпитали доставили всем беременным женщинам удобный приют для разрешения от бремени» [2, с. 85].

Казалось, женщинам были созданы все условия, но имелся один большой минус, из-за которого не каждая мать рисковала обратиться в госпиталь. Сюда обращались лишь те женщины, которые хотели избавиться от ребенка. Глава о госпиталях Бецкова заканчивалась безапелляционным требованием: «Новорожденного младенца тотчас по очищении его, должно вынести в залу новоприносимых детей и записать в число принадлежащих к воспитательному дому» [1, с. 26]. В Москве таким путем до 1798 г. в учреждение попадала одна шестая всех воспитанников. Следовательно, стационарное родовспоможение было совершенно отделено от материнства. Новорожденные становились как бы «собственностью» воспитательного дома, отмечал М. Г., поясняя, что в 1816 г. Мария Федоровна пошла на отмену данного пункта: «Она дозволила разрешавшимся в этих госпиталях оставлять новорожденных детей при себе, если желание матери будет засвидетельствовано акушером и священником дома» [2, с. 86–87; 3, с. 58].

Организуя воспитательные дома с родильными госпиталями при них, власти стремились справиться с важной социальной проблемой растущих столичных городов — увеличением уровня внебрачной рождаемости и связанных с ней случаев детоубийства. Обычная в современной жизни услуга — оказание помощи при родах в медицинском учреждении, людьми того времени только начинала восприниматься как долг общества перед беременной и рожаящей женщиной. Парадоксальное отношение социума к незаконнорожденным детям в полной мере проявлялась в поведенческих реакциях их матерей. Попадая в секретно-родильный госпиталь, особенно впервые, они чувствовали себя и своего ребенка обузой, а не объектом заботы. Вынужденные в сложных жизненных обстоятельствах переступить порог «казенного дома», женщины в первую очередь старались сохранить это в тайне, поскольку испытывали чувство стыда, а не гордость от грядущего материнства и также были не склонны воспринимать услуги родовспоможения как само собой разумеющиеся.

Библиографический список

1. Бецкой И. И. Учреждение Императорского Воспитательного для приносных детей дома и госпиталя для бедных родильниц в столичном городе Москве. Генеральный план Императорского Московского воспитательного дома и госпиталя. Ч. 1–3. СПб., 1767. 256 с.
2. М. Г. О воспитательных домах в России // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. № 1. С. 79–103.
3. М. Г. О воспитательных домах в России // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. № 3. С. 36–61.
4. Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 10. Ч. 1. Законы гражданские. 604 с.
5. Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 15. Законы уголовные. 964 с.

УДК 94 (470.5) «18»

Е. Ю. Лебедеико

СТРУКТУРА ГОРОДСКОЙ СЕМЬИ НА УРАЛЕ В НАЧАЛЕ XIX В. (НА МАТЕРИАЛАХ СОЛИКАМСКА)*

В статье анализируется семейная структура гражданства одного из старейших уральских городских центров в начале XIX в. На основе обывательского списка Соликамска исследуется типология семей горожан, в частности, их поколенный и родственный составы. В результате автор приходит к выводу о преобладании малой семейной формы у соликамского гражданства в данный период при сохранении значительной доли сложных семей.

Ключевые слова: *городское гражданство, обывательский список, структура и типология семьи, уездный город, городская семья*

Лебедеико Елена Юрьевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: hyulebed@mail.ru.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ № НШ-3422.2014.6.

Большое значение для понимания процесса модернизации в городе имеет анализ демографического поведения и семейного положения его жителей. Отечественная историография, посвященная изучению семьи городского населения имперской России, достаточно обширна [см. 7]. Однако на уральском материале, в особенности дореформенного периода, эта тематика исследована слабо [см. например 1; 5]. Сведения о семейной организации горожан того времени содержат обывательские списки и книги, ведение которых становится обязательным в российских городах после 1785 г. [см. 12; 13]. Предназначенные для учета «настоящих городских обывателей» (владельцев городской недвижимости) и граждан-членов местной общины (купечества, мещанства, цеховых ремесленников), они сосредотачивали обширный пласт информации о фамилиях и именах, возрасте и степени родства главы семьи и ее членов. Однако столь подробно описывались лишь граждане-члены городской общины, о владельцах городской недвижимости сообщались лишь имя, «прозвище», чин и описание собственности. Законодательством регламентировалась форма составления «по алфавиту городским обывателям» списка, служившего впоследствии основой для «сочинения» шестичастной обывательской книги [9, с. 363–364]. Сбором информации для первичного документа занимался избираемый каждые три года староста, готовый же список предоставлялся для проверки городскому голове с депутатами. Те, проверив «доказательства состояния всякой семьи» и разделив его на 6 частей, составляли книгу, окончательный вариант которой следовало зачитывать на собрании общества. Как показывает анализ делопроизводственной документации, постоянной практика «сочинения» подобных книг и списков в городах Пермской губернии (до 1796 г. наместничества) стала со второй половины 1780-х гг. Источников такого рода от уездных центров губернии сохранилось не так много, что позволяет считать вводимый нами в научный оборот список жителей Соликамска 1816 г. весьма ценным документом, позволяющим подробно описать состав и семейное положение соликамцев в начале XIX в. [здесь и далее — 11].

Соликамск начала XIX в. может быть отнесен к «депрессивным» городским образованиям. Период процветания города, связанный с его ролью центра русского солеварения и одного из ключевых транзитных пунктов на пути в Сибирь, закончился. Его экономика находилась в стадии стагнации. Местная солеваренная промышленность пришла в упадок, чему способствовали истощение соляных рассолов и потеря былого положения монополиста на российском рынке¹. Открытие в 1781 г. нового Сибирского

¹ С середины XVIII в. одним из основных «поставщиков» соли в стране становятся озера Нижнего Поволжья (Эльтон и Баскунчак), где интенсивно ведется добыча самоосадочной соли открытым способом. См. подробнее, [2, с. 119–121].

тракта, прошедшего мимо этого населенного пункта (по линии Пермь-Кунгур-Екатеринбург), изменило значение Соликамска как межрегионального центра торговли. Павел Иванович Мельников-Печерский отмечал: «Последнее время пред открытием наместничества <1781 г. — *Е.Л.*> было временем самого цветущего состояния Соликамска. Он находился на главной сибирской дороге и обогащался от обширной своей торговли <...> Когда же <...> сибирская дорога была назначена новая, тогда Соликамск, равно как и другие, некогда богатейшие города северной части Пермской губернии, быстро начали клониться к упадку. Капиталы были переведены в другие города, купцы оставили Соликамск...» [4, с. 551–552]. Исследователь В. В. Косточкин констатирует, что Соликамск к началу XIX в. превратился в обыкновенный уездный город, ведущей функцией которого становится административная [2, с. 119–121]. Снижение экономического веса города сказалось и на динамике роста его населения. Убыль соликамцев с 1786 по 1815 гг. составила почти 50 % — с 4439 чел., отмеченных в 1786 г. до 2213 чел., постоянно проживавших в городе в 1815 г. [8, с. 38]. Значительно уступая к середине 1810-х гг. трем крупным городским центрам губернии (Екатеринбургу, Кунгuru и Перми), Соликамск по этому показателю был близок Чердыни, Красноуфимску и Ирбиту, население которых не превышало трех тысяч жителей. Высокий удельный вес соликамского гражданства среди остальных категорий горожан (он доходил до 78%¹) показывает, что «лицо» города определяли местные купцы, мещане и цеховые.

Проанализированный нами документ составлялся мещанином Гаврилой Лукичем Ремянниковым, исполнявшим обязанности «обывательского списка старосты» с 1816 г. [11, л. 117]. Депутатом, проверявшим достоверность информации, изложенной в документе, и составлявшим на его базе книгу, с 1817 г. являлся Яков Андрианович Мичурин [11, л. 73]. Каждая страница источника была заверена гласным городской думы Соликамска Петром Ивановичем Рогожниковым [11, л. 115]. Анализ содержания списка позволил уточнить верхнюю границу составления документа, определив ее декабрем 1816 — январем 1817 гг. [см. 11, лл. 76, 96]. Формуляр соответствует требованиям, изложенным в 59-й статье Городового положения 1785 г. [см. 9, с. 363–364] Процедура составления занимала немало времени, в готовый экземпляр документа вносились правки, касающиеся выбытия отдельных горожан из числа «наличных». Всего выявлено 11 помет, указывающих на смерть записанных в документ соликамцев («в 1817 г. померла», «помре» и т.п.). Достаточно подробно обозначен в «списке» возраст обывателей, в особенности детский (начиная с первого месяца жизни). Степень сохранности источника высока, однако при полистном осмотре нами выявлена нехватка нескольких страниц

¹ Подсчитано по 8, с. 38.

(по меньшей мере, четырех) — отсутствуют первая и последняя, а также 119-я и 121-я страницы. Соответственно данные о 20 семействах граждан отличаются неполнотой: у десяти из них невозможно определить фамилию, имя и отчество, возраст, состав семей и наличие/отсутствие домовладения, у остальных отсутствует информация о месте проживания, занятиях и участии в городских службах. Источник обрывается на 157-й странице, описывающей соликамцев, чья фамилия начинается на букву «Ш», таким образом, нам недоступны сведения о буквах «Щ», «Э», «Ю», «Я». Сопоставление данных налоговых и рекрутских списков городских сословий Соликамска за 1816 г. позволяет сделать вывод, что существующая лакуна составляет менее 8 % от всего гражданства. Несмотря на отмеченные выше недостатки, считаем, что данный источник позволяет получить относительно достоверное представление о семейной структуре городского гражданства Соликамска во второй половине 1810-х гг.

Всего список фиксирует 437 семейств местных купцов, мещан и цеховых. Анализ источника показал, что в 1810-е гг. в среде соликамского гражданства преобладали семьи, включавшие два поколения родственников (их насчитывалось около 60%). Доля одно- и трехпоколенных была почти одинакова и составляла 19 и 20% соответственно. Лишь одно семейство можно отнести к категории четырехпоколенных. По характеру родства у городского гражданства Соликамска можно выделить следующие типы семьи: 1) одиночки (преимущественно холостые мужчины и вдовы); 2) малая семья (родители-дети), 3) семья сложного типа: отцовская (родители-дети-внуки), братская (братья-дети-внуки), включая семьи, осложненные боковым родством (дяди с женатыми племянники) (см. табл.1).

Табл. 1.

Типы семей соликамского гражданства
во второй половине 1810-х гг.*

Семьи по характеру родства	%
одинокие	11,5
малые	54,2
сложные	34,2
итого	100

*Составлено автором по: [12]

Лидирующие позиции у граждан Соликамска занимали малые семьи (54,2%), сложные составляли 1/3, доля одиночек равнялась чуть более 1/10. Данная черта — преобладание малой нуклеарной семьи — характерна для городского населения России в целом, поскольку образованию семей подобных размеров способствовали условия жизни горожан.

М. Г. Рабинович в «Очерках этнографии русского феодального города» указывал, что еще в городе петровской эпохи «существовало множество обстоятельств, способствовавших относительно раннему развитию семьи малой», а условий для консервации большой семьи было значительно меньше [10]. Теперь рассмотрим структуру семейных отношений в рамках каждого варианта более подробно.

Наиболее распространенным типом семейных отношений соликамских граждан являлась малая (нуклеарная) семья, объединявшая супружеские пары (9% от всего числа малых семей) и родителей с детьми, не вступившими в брак (половина от всего числа малых семей) [здесь и далее подсчитано по: 11]. Из особенностей данной группы следует отметить достаточно высокую долю неполных семей (37% от всего числа малых семей), во главе которых находились вдовы, реже вдовцы или солдаты (мещанки, чьи мужья были отданы в рекруты). К этой же форме небольших по численности и несложных по структуре семейств можно отнести те, которые представляли собой различные этапы «жизненного цикла» семьи (12% от всего числа малых семей). Такие «осколки» семей включали: братьев с сестрами, теток с малолетними племянниками. Немногочисленны случаи проживания внуков с бабушками и дедушками. Редко встречались варианты совместного проживания двух вдов (свекровей со вдовыми снохами, снохами-солдатками). Уникальна семья, в состав которой вошли две незамужние сестры, взявшие на воспитание приемного ребенка.

Сложная семья у граждан Соликамска преобладала в форме отцовской патриархальной (родители-дети-внуки) — 76% от всего числа сложных семей. Наиболее распространенным вариантом была неполная трехпоколенная (вдова/вдовец-женатые дети-внуки — 34% от всего числа сложных семей). Уникальной является семья, объединившая вдову, трех ее внуков (два из которых женаты) и правнуков (детей внуков). В два раза меньше была доля трехпоколенных семей, в составе которых отсутствовали супруги в поколениях и родителей, и детей (15% от всего числа сложных семей). Такое лидерство показателей неполных семей вызвано, на наш взгляд, высокой смертностью соликамского гражданства (особенно среди мужчин). Женщины вдовели чаще и реже выходили замуж повторно: доля вдов от всего числа лиц женского пола (соликамских граждан) достигала 20%, тогда как у мужчин аналогичный показатель равнялся 3,3%. Даже учитывая случаи повторных браков, которые не были частым явлением (всего источник фиксирует 38 подобных союзов), удельный вес овдовевших жительниц Соликамска был достаточно значителен.

Невысока была доля двухпоколенных вдовьих семей с сыновьями и невестками (12,3% от всего числа сложных). Реже среди отцовских встречались «классические» трехпоколенные, включавшие семьи женатых

сыновей с потомством (9%). Имелись среди отцовских и такие, что объединяли в своем составе родителей с женатыми детьми и родителей с вдовыми детьми и внуками (4,1 и 1,3% соответственно). В единственном случае удалось обнаружить четырехпоколенную семью, в которой один из внуков уже имел двухгодовалого сына. Примечательно, что самым возрастным членом этой фамилии являлась 74-хлетняя вдова, проживавшая в семье зятя и замужней дочери. Это единственный случай проживания тещи в семье зятя.

Определенное распространение среди соликамского гражданства имели братские семьи, чья доля от числа сложных семейств равнялась 24%. Данный подтип семей отличался широкой вариативностью структуры. Лишь 3,4% от всего числа сложных объединяли женатых братьев (обычно двух) с детьми. Остальные включали в свой состав, помимо вышеперечисленных: вдовых невесток (жен умерших братьев) и их детей (4,8%); жен братьев, отданных в рекруты, и малолетних племянников (1,4%); младших братьев/сестер глав/главы семьи (4,3%). В 4% семей из числа сложных проживали сестры со стороны мужа или жены. Примерно одинакова доля семей, в которых нашли приют осиротевшие племянники и овдовевшие/незамужние тетки (2,7 и 3,4% соответственно).

Наименьший удельный вес среди семейных форм граждан Соликамска принадлежал одиночкам (11,2%). К этой категории относились преимущественно холостые мужчины (43% от всего количества одиночек) и вдовы женщины (35%). Значительно меньшее количество составляли одиноко проживавшие вдовцы (18%). Источник также отличает одинокую солдатку (мещанка, муж которой отдан в военную службу) и 14-летнюю осиротевшую девицу (впрочем, напротив ее фамилии появилось позднейшая приписка о том, что она выдана в замужество). Отличительной чертой данной категории является преобладание лиц мужского пола. Столь значительная доля мужчин объясняется тем, что большая часть вдов проживала, как правило, в семьях детей (женатых сыновей). Возможно, что такое количество холостяков-одиночек, средний возраст которых равнялся 32,3 лет, связано с таким явлением как отложенный брак [см. подробнее, 3].

Проанализированный материал также позволяет обнаружить практику приема в дом приемышей, которые жили в домах граждан на положении детей (усыновленных). Лица с таким статусом числились в 22-х семействах соликамских граждан. Кроме приемных детей, в трех вдовьих семьях отмечено проживание пасынков; в одной находилась на воспитании падчерица. Встречается также единичный случай приема в семью незаконнорожденного ребенка.

Итак, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что семейная структура граждан Соликамска начала XIX в. является типичной для

уездного дореформенного города того времени и характеризуется преобладанием малой формы семейной организации при сохранении определенной доли отцовской патриархальной семьи, а также семей бокового родства. Значительный удельный вес «неполных» семей связан как с военным фактором (рекрутскими наборами), так и с региональными особенностями демографического характера, подтверждая тезис о высокой смертности уральцев мужского пола в дореволюционный период.

Библиографический список

1. Злобина И. В., Пихоя Р. Г. Семья на Урале в XVIII — первой половине XIX в. // Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблемы взаимодействия. Свердловск, 1986. С. 131–144
2. Косточкин В. В. Чердынь. Соликамск. Усолье. М., 1988.
3. Луканин А. О движении народонаселения Чердынского уезда в десятилетие 1841–1850 г. Б.м.
4. Мельников П. И. Дорожные записки (На пути из Тамбовской губернии в Сибирь) // Мельников П. И. Полное собрание сочинений. СПб., 1909. Т. 7.
5. Миненко Н. А., Апкаримова Е. Ю., Голикова С. В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII — начале XX в. М., 2006.
7. Миронов Б. Н. Новая историческая демография имперской России (ч. 1): аналитический обзор современной литературы // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2, вып. 3. С. 3–28
8. Пешков В.Н. Население городов дореформенной Пермской губернии // Наш край. Материалы 5-й Свердловск, обл. краевед, конфер. Свердловск, 1971.
9. ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. 22.
10. Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978.
11. Соликамский краеведческий музей. Ф. 28. Оп. 1. Д. 29.
12. Стрекалов Д. В. Социально-демографическое развитие губернского города Тамбова в конце XVIII — первой половине XIX вв. Дисс. ... к.и.н. Тамбов, 2010.
13. Черкасова М. С. Обывательские книги Вологды конца XVIII в. как источники по исторической демографии // Историческая демография. М.; Сыктывкар, 2007. С. 49–54.

УДК 94 (470) «18»

С. А. Пьянков

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА И ЛИЧНАЯ ПОЗИЦИЯ: ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ КАМПАНИЯ 1891–1892 ГГ. В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОК*

В статье рассмотрены взгляды государственных и общественных деятелей на проблему неурожая и голода в России периода 1891–1892 гг. На примере взглядов А. А. Половцова, А. С. Ермолова, Л. Н. Толстого, В. Г. Короленко показаны восприятие причин голода, реакция российского общества на продовольственный кризис, критика

Пьянков Степан Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: kliostefan@mail.ru.

* Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 14-31-01266 «Система продовольственного обеспечения населения России во второй половине XIX — начале XX в.: трансформации и кризисы».

действовавшего продовольственного законодательства, представлены оценки эффективности кампании помощи населению, пострадавшему от неурожая. Автор приходит к выводу, что несмотря на тяжелые последствия и широкий общественный резонанс, продовольственный кризис 1891–1892 гг. не привел к качественному изменению государственной политики в сфере продовольственного обеспечения населения.

Ключевые слова: *голод 1891–1892 гг., неурожай, Российская империя, общественное мнение.*

Среди множества проблем, занимавших сознание российского общества конца XIX в., наиболее остро стояли проблемы неурожая и голода. Продовольственный вопрос и способы его решения, активно обсуждались в рамках государственных совещаний, земских и научных собраний, на страницах периодической печати. Современники событий — высокопоставленные чиновники, земские деятели, ученые, публицисты и литераторы по-разному интерпретировали причины и процесс протекания продовольственного кризиса 1891–1892 гг. Палитра мнений, высказанных по данной проблеме, представляет интерес для понимания социально-экономического положения страны, создает более детальную картину происходивших событий.

Прежде всего, продовольственная катастрофа периода 1891–1892 гг. активно обсуждалась высокопоставленными чиновниками. Как правило, в среде государственных деятелей неурожай и голод вызывал двойственную реакцию. С одной стороны, желание непосредственного и тотального контроля за ходом продовольственной кампании, с другой — понимание слабости государства перед возникшей проблемой. Так, например, государственный секретарь А. А. Половцов в записке на имя Александра III писал: «Забота о правильной раздаче продовольственных ссуд ныне почти всецело отдана земству. Земство не может и не должно в деле этом действовать самостоятельно, голод не есть вопрос местной нужды, голод вопрос государственный. Здесь подобает правительственной власти выступать на первый план, стоять во главе подаяния помощи гораздо более активно, чем оно теперь делается, несмотря на то, что средства помощи исходят от него...»

Я смею думать, что необходимо в каждой губернии составить комитеты или комиссии под председательством назначенного правительством лица из лучших на месте людей, все равно земских или не земских, могущих объединить помощь всеми имеющимися средствами. Если дело помощи голодающим не будет скоро поставлено так, то пропадет драгоценное время, потратится много сил, ослабеет в народе доверие к той силе, которая при теперешних обстоятельствах должна бы выказаться особенно рельефно — силе правительства, силе, не только предъявляющей требования, но долженствующей играть роль провидения в минуту народного бедствия» [5, с. 387–388].

Одновременно, сам А. А. Половцов признавал неспособность чиновников царского правительства быстро и эффективно организовать помощь населению: «... меня поражает ничтожность людей составляющих петербургское правительство, ничтожность, доказываемая тем, до какой степени они потеряли голову пред таким фактом, как факт нынешнего хлебного недорода» [5, с. 389].

Наиболее развернутая и взвешенная характеристика причин неурожая и голода с позиции государственных деятелей была дана ученым-аграрником, будущим министром земледелия и государственных имуществ А. С. Ермоловым. Среди очевидных предпосылок голода 1891–1892 гг. Ермолов называет природные катаклизмы, постигшие страну в этот период. В то же время, по его мнению, «причины переживаемого Россией бедствия, несомненно, лежат глубже и не объясняются одними неблагоприятными атмосферическими условиями» [6, с. 79]. Он считал, что основным фактором бедственного положения населения была отсталая агротехника крестьянского хозяйства, развитию которой препятствовала общинная система владения землей. Анализируя обстоятельства упадка крестьянского хозяйства, А. С. Ермолов показывал, что существовавшая фискальная система, основанная на круговой поруче членов поземельной общины, а также правовые ограничения свободы передвижения крестьян существенным образом подрывали экономическое благосостояние населения [6, с. 3–192].

Кроме того, А. С. Ермолов дает подробное описание продовольственной системы, особенно в части законодательства: «Устав о народном продовольствии предусматривающий и регулирующий самым подробным образом разные мелочи, — о материале, из которого должны быть сделаны стены и крыши магазинов, об устройстве закровов в них и т.п., — устанавливающий столь подробную отчетность по засыпке хлеба и расходованию его, что она на практике не может и вестись, не дает в то же время достаточных указаний на то, какими способами достигнуть пополнения магазинов, не указывает способов для осуществления возлагаемого на земские управы наблюдения за поступлением запасов в натуре, зерном, или сбора денежных взносов, для образования продовольственных капиталов. При отсутствии должного надзора, сельские общества не засыпают потребного количества хлеба в магазины и даже засыпанный хлеб расхищают из магазинов, продают его, продают и самые магазины. При существующей организации хлебных магазинов, когда ссуду из них может получить всякий неимущий член общества, независимо от того, участвовал ли он в засыпке магазина или нет, а возврат ссуды в магазин обуславливается круговою порукою всего общества, — крестьяне, очевидно, стараются уклониться от взноса хлебных запасов или засыпают хлеб возможно дурного качества» [6, с. 221–222].

Однако, по мнению А. С. Ермолова, даже полное исполнение буквы закона не могло защитить население от голода в неурожайный год. Согласно его оценке, действовавшие нормы засыпки хлебов (1,5 четверти зерна на ревизскую душу) были явно недостаточны, «ни для обеспечения продовольственных потребностей ни для обсеменения полей». Денежный сбор — «продовольственные капиталы», также не меняли ситуацию коренным образом, так как в неурожайный год цены на зерно значительно возрастали. Ко всему прочему перед государством неминуемо возникала проблема транспортировки хлеба, что в условиях слаборазвитой транспортной инфраструктуры было трудновыполнимой задачей. В итоге своих рассуждений А. С. Ермолов приходил к выводу: «Нужна реформа более глубокая и коренная» [6, с. 222–223].

В качестве решения проблемы Ермолов предлагал создание сети, или как он писал «комбинации» продовольственных складов. Кроме действовавших сельских хлебозапасных магазинов, он считал необходимым создание складов хлеба на уровне волостей, а также правительственных «складов-элеваторов». Должна была измениться и система засыпки хлеба. По замыслу Ермолова, следовало отменить старый способ засыпки хлебов, исходя из количества ревизских душ и запастись зерно на каждую личную душу.

Центральные склады должны были составлять основу имперских продовольственных резервов, а сельские и волостные были необходимы на случай локальных продовольственных проблем. Центральные продовольственные склады предполагалось располагать вблизи крупных речных пристаней и железнодорожных узлов. Сдача зерна в центральные склады должна была производиться населением зимой, а весной и в течение лета, при отсутствии продовольственных проблем, зерно по указанию правительства могло быть продано интендантству или отправлено за границу. Полученные таким путем средства предполагалось направлять на пополнение имперских продовольственных капиталов, либо перечислять в счет податей. Создание такой системы, по мнению А. С. Ермолова, несмотря на значительные издержки по организации и содержанию складов, позволило бы снизить колебания цен на хлеб в течение года и могло облегчить крестьянину выплату налогов [6, с. 227–233].

Проблема неурожая и голода стала предметом обсуждения не только высокопоставленных чиновников, но известных общественных деятелей. Так, например, активную позицию в деле помощи голодающим занимал знаменитый русский писатель Л. Н. Толстой, лично участвовавший в сборе благотворительных средств и организации столовых. Статьи Л. Н. Толстого о голоде, опубликованные в русских и зарубежных периодических изданиях, вызвали широкий общественный резонанс и способствовали

развитию филантропического движения [3; 16]. Характеризуя общественные настроения в России осенью 1891 г., писатель отмечал, что неурожай и голод захватили российское общество врасплох: «Явление это есть охватившая общество паника, т.е. неопределенный смутный страх ожидаемого бедствия, страх, которым люди заражаются друг от друга, страх лишающий людей способности целесообразно действовать. Паника эта выражается в распоряжениях правительства, запрете сначала вывоза ржи, потом других хлебов, кроме почему-то пшеницы, и в мерах, с одной стороны, ассигнования больших сумм для голодающих, с другой — собирания, и даже усиленного, податей с тех, которые могут платить, как будто извлечение из деревни денег не есть прямое усиление нужды деревни» [17, с. 121]. В своих статьях писатель доказывал, что возникший голод — явление вполне предсказуемое. Отвечая на вопрос о причинах голода, Л. Н. Толстой писал: «Общие же хронические причины бедствия тоже во много раз более, чем неурожай. Как везде: малоземельность, пожары, ссоры, пьянство, упадок духа» [17, с. 96]. Коренную же причину бедственного положения населения он видел в социальном неравенстве, которую он выразил формулой: «Народ голоден от того, что мы слишком сыты» [17, с. 106].

В качестве решения проблемы Л. Н. Толстой предлагал организацию общественных работ и создание благотворительных столовых [17, с. 130]. Причем второй вариант решения проблемы был наиболее эффективен именно в рамках частной инициативы: «Мне кажется, что столовые, — места, где кормят проходящих, — это та форма помощи, которая сама собою сложится из отношения богатых людей к голодающим и принесет наибольшую пользу. Форма эта более всего вызывает прямую деятельность помогающего, более всего сближает его с населением, менее всего подлежит злоупотреблениям, дает возможность при меньших средствах прокормить наибольшее число людей, а главное обеспечивает общество от того страшного, висящего над нами Дамоклова меча, — мысли о том, что вот-вот пока мы живем по-старому, здесь, там умер человек от голода» [17, с. 114].

Мысли, высказанные Л. Н. Толстым, были не только благим теоретическим проектом, но и имели свое практическое воплощение. Благодаря личному участию писателя, его огромному моральному авторитету, а также финансовой поддержке российских и зарубежных благотворителей только с декабря 1891 г. по апрель 1892 г. в Рязанской и Тульской губерниях было открыто 187 благотворительных столовых [17, с. 145]. К июлю 1892 г. их общее количество составляло — 246, где питалось от 10 до 13 тыс. чел. Кроме благотворительных столовых действовало 124 детские кухни (приюта), где получали питание 2–3 тыс. крестьянских детей [17, с. 163–164].

Одной из знаковых фигур, участвовавших в обсуждении организации продовольственного дела, был известный писатель и публицист В. Г. Короленко. Во время голода 1891–1892 гг. он проживал в Нижегородской губернии и оказывал помощь крестьянам, создавая сеть благотворительных столовых на территории Лукояновского уезда. Свои впечатления об организации помощи голодающему населению писатель изложил в серии статей, впервые вышедших в газете «Русские ведомости», журнале «Русское богатство», объединенных под общим наименованием «В голодный год. Наблюдения и заметки из дневника», а также в газете «Нижегородские губернские ведомости» [8, с. 100–336; 10; 11]. В своих работах писатель приподнимает завесу «уездной политики» в области продовольственного дела и раскрывает причины усугубившие кризис на локальном уровне. Главной причиной неэффективности продовольственной системы на территории Лукояновского уезда и Нижегородской губернии в целом, по мнению В. Г. Короленко, было желание губернатора Н. М. Баранова поставить под тотальный контроль ход продовольственной кампании. «Оперативное руководство», связанное с нарушением действовавших законов, приводило обратному к эффекту: «Положение создалось довольно неожиданное, с точки зрения закона, и странное по существу. Земские управы, ответственные по закону, были отстранены фактически. Земские начальники вели дело, но не были обязаны ответственностью. Они могли во всякое данное время отказаться и "бросить" (что и случилось в Лукояновском уезде), наконец, что самое главное: как добровольцы, они не считали себя связанными никакою общею системою» [8, с. 195].

Развивая свою мысль, В. Г. Короленко подмечает, что во время голода больше «мужика» пострадал лишь «закон» [8, с. 128]. Отмеченное выше ограничение полномочий земств губернской администрацией не было единственным отступлением от буквы закона. Нарушения, обнаруженные писателем, проявлялись в различных формах: запрет вывоза хлеба с территории соседней Вятской губернии, неправомерное сокращение ссуд населению должностными лицами низовой сельской администрации, попытки запрета деятельности благотворительных столовых и т.д.

По мнению В. Г. Короленко, проблема усугублялась тем, что чиновники, опасаясь потерять свою должность, пытались скрыть проблемы «на вверенной им территории»: «Я говорил уже о взаимном и возвратном действии высшей и низшей уездной политики. Высшая проводит "взгляд", а низшая услужливо его подтверждает. На сей раз высшая политика провозглашает: "семян нужно поменьше", и низшая спешит угодить: "все засыпано-с". И обе довольны, только... поля останутся непременно не засеяны. То, что было на дому, или съедено, или продано для покупки не уродившейся ржи. И вот — на бумаге семена есть, на деле — семян

нет. Мужик кидается, прежде всего, на старосту и писаря. Староста и писарь не смеют идти против земского начальника...» [8, с. 298].

Общественные работы, призванные помочь крестьянину в голодный год, также не принесли желаемого эффекта. Эти работы низко оплачивались и проходили в крайне тяжелых условиях, с риском для здоровья участвовавшего в нем населения. Плюс ко всему, семьи крестьян, принимавших участие в общественных работах, зачастую лишались возможности получить положенные им по закону продовольственные ссуды, так как считались обеспеченными заработком. Общественные работы были плохо организованы по ряду причин: бюрократические проволочки, халатность, корыстные интересы должностных лиц. Так, ответственный за проведение общественных работ — земский начальник 2-го участка Лукояновского уезда А. Л. Пушкин, племянник знаменитого поэта, не справился с возложенными на него обязанностями и сорвал запланированные мероприятия. Кроме того, по мнению В. Г. Короленко, А. Л. Пушкин явно злоупотреблял своими должностными обязанностями. В личной переписке В. Г. Короленко указывал: «...Или хоть Пушкин, племянник поэта. Прокутился, разорился, потом обокрал опеку родных детей, а посмотри с каким глубоким презрением говорит о мужике, утаивающем какие-нибудь 2 меры проса! Недавно этот мерзавец устроил у себя помочь. Помочь у земского начальника, это, конечно повинность. И вот, чтобы выразить свое презрение к этим "скотам" и к людям, кричащим о голоде, он после дня работы выставил мужикам ушат водки, ковш и ничего больше. И это делается открыто, и этим, брат, они в своей среде гордятся...» [7, с. 157].

Стоит отметить, что В. Г. Короленко не только подвергал критике действовавшую систему продовольственного обеспечения, но и предлагал способы преодоления кризисных явлений. Писатель полагал, что для правильной организации дела необходимо четко разграничить права и обязанности коронной администрации, земства и частных лиц. По его мнению, основную роль в решении продовольственных проблем должно было играть земство, которое могло не только помогать населению в годы неурожая, но и поднять экономическую устойчивость крестьянских хозяйств, развивая местное сельское хозяйство. Он считал, что необходимости в распределении продовольственных ссуд чиновниками, а также прямого вмешательства губернатора в дела земства не было, государство лишь было обязано обеспечить контроль за правильным расходом средств [8, с. 331–336].

Предложенные в период голода обществом проекты оставались, главным образом, на страницах газет, журналов, научных сборников и почти не имели практического воплощения [1, 4, 13, 14]. Что касается государственных ведомств, то они не спешили с решением проблемы. Межведомственные противоречия привели к тому, что «продовольственный

вопрос» не был решен и «увяз» на стадии обсуждения [9, с. 191–192]. Созданная Александром III 18 февраля 1893 г. «Особая комиссия по пересмотру Устава о народном продовольствии» продолжала работу на протяжении семи лет. Итогом ее деятельности стали «Временные правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей», утвержденные Николаем II 12 июня 1900 г. [12, с. 7]. Основное отличие «Временных правил» от «Устава» заключалось в том, что в земских губерниях продовольственное дело передавалось от земств местной администрации: надзор за хлебозапасными магазинами осуществляли земские начальники и уездные съезды, а выдачу ссуд разрешало губернское присутствие. В остальном новый закон напоминал предыдущий [2]. Законодательную разработку актуальных вопросов продовольственного обеспечения Министерство внутренних дел оставляло на неопределенное будущее: «К области мер, подлежащих разработке с точки зрения более общей должны быть отнесены как вопрос об устройстве центральных хлебных магазинов, так и другие: продажа хлеба по заготовительной цене, принятие мер к обеспечению скота кормом, устройство общественных работ, снабжение населения улучшенными семенами, меры, направленные к удержанию населения от поспешной реализации урожая и т.п. Разработка этих мер, признаваемая Министерством внутренних дел безусловно необходимою, не может, однако, быть закончена в непродолжительном времени» [15, С. V].

Несмотря на тяжесть последствий и общественный резонанс, кризис 1891–1892 гг. не дал принципиально новых решений «продовольственного вопроса». Ведомственные и общественные дискуссии медленно тлели в благополучное время и разгорались в неурожайные годы. В начале XX в. Российская империя продолжала преодолевать неурожай 1901, 1906, и 1911–1912 гг., «опираясь» на положения «Временных правил».

Библиографический список

1. Анненский Н. Ф. Еще несколько слов о продовольственной нужде // Русское богатство. 1898. № 3 (март). С. 161–183.
2. Белокуров Е. В. Сельская хлебозапасная система в Российской империи (1891–1914 гг.) // Институт российской истории РАН [Электронный ресурс] URL: <http://mkonf.iran.ru/papers.php?id=101> (Дата обращения: 15.05.2015).
3. Виттакер Т. Доллары Льву Толстому // Огонек. 1992. № 6. С. 6–7.
4. Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства / Под. ред. А. И. Чупрова, А. С. Постникова. Т. 1. СПб., 1897. VIII, LIV, 532 с.
5. Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. В 2-х т. Т. 2. 1887–1892 гг. / ред. и коммент. П. А. Зайончковского. М., 1966. 576 с.
6. Ермолов А. С. Неурожай и народное бедствие. СПб., 1892. 270 с.
7. Короленко В. Г. Собрание сочинений в 10-ти т. Т. 10. Письма. 1879–1921. М., 1956. 717 с.
8. Короленко В. Г. Собрание сочинений в 10-ти т. Т. 9. Публицистика. М., 1955. 776 с.
9. Мацузато К. Сельская хлебозапасная система в России 1864–1917 гг. // Отечественная история. 1995. № 3. С. 185–197.

10. Нижегородскому Губернскому благотворительному комитету Владимира Галактионовича Короленко доклад (Приложение к журналу Губернского благотворительного комитета 28 марта 1892 года) // Нижегородские губернские ведомости. 1892. № 16. 15 апреля. С. 3–5.
11. Нижегородскому Губернскому благотворительному комитету Владимира Галактионовича Короленко доклад (Приложение к журналу Губернского благотворительного комитета 28 марта 1892 года) // Нижегородские губернские ведомости. 1892. № 17. 22 апреля. С. 1–4.
12. Продовольственная безопасность Урала в XX в. Документы и материалы. Т. 1. 1900–1928 / Под ред. Г. Е. Корнилова, В. В. Маслакова. Екатеринбург, 2000. 552 с.
13. Продовольственный вопрос в 1897–1898 г. Обсуждение продовольственного вопроса в Общих собраниях Императорского Вольного Экономического общества 12, 13, 14, 19 и 26 марта 1898 года. СПб., 1898. 253, 149, 10 с.
14. Пругавин А. С. Голодающее крестьянство. Очерки голодовки 1898–99 г. М., 1906. 197 с.
15. Сборник правил по обеспечению народного продовольствия / Сост. Г. Г. Савич. Вып. 1. СПб., 1900. XXII, 456 с.
16. Сорока М. Квакеры и русский голод // Родина. 2011. № 12. С. 54–57.
17. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. М., 1954. Т. 29. XXVIII, 452 с.

УДК 312

О. В. Горбачев

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ*

В статье поднимается проблема применимости теорий разного уровня для исторического изучения миграции. Показывается, что, в отличие от западных исследователей, отечественные авторы склонны использовать макротейории и концепции «среднего уровня», в том числе теорию модернизации. В большой степени это объясняется характером доступных источников, содержащих, как правило, агрегированные данные. При всей значимости достигнутых результатов следует признать, что полноценное изучение целого ряда связанных с миграцией проблем (адаптивность мигрантов, гендерных, информационных аспектов миграции, возвратной миграции и др.) более перспективно в контексте персональных миграционных историй, т.е. на микроуровне. Оцениваются перспективы использования наиболее востребованных концепций.

Ключевые слова: *миграция населения, миграциология, теория миграции, междисциплинарность, теория модернизации*

Пространственная мобильность населения является одной из существенных черт общественного развития. Особенно большое влияние на общественные процессы миграция стала оказывать в XX в. Настолько значимое, что вторую половину XX в. назвали «эпохой миграций» [2, С. 33]. Современное знание о миграциях описывается довольно большим количеством теорий и гипотез, их количество варьируется от десяти наиболее

Горбачев Олег Витальевич, доктор исторических наук, профессор, Уральский Федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург; og_06@mail.ru.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ–БРФФИ № 15-21-01008 «Беларусь — Средний Урал: эволюция форм миграционного взаимодействия в XX в.»

значимых до 45 [24; 9]. При давно декларируемой заявке на использование междисциплинарного подхода в этой сфере исследователи миграции остаются крайне разобщенными. Свой собственный интерес в изучении миграций имеют антропологи, демографы, экономисты, историки, правоведы, политологи и социологи. По подсчетам В. А. Ионцева, 5 теорий ориентированы на экономический подход, 5 — на социологический, 4 — на чисто миграционный, 3 — на демографический, 2 — на исторический и политический и т. п. [9, с. 18].

Контакты между представителями разных дисциплин весьма избирательны. Что касается историков, то в изучении миграции они наиболее активно взаимодействуют с антропологами, социологами и демографами.

Американские авторы теоретической статьи о миграции считают, что историки с большой неохотой обращаются к теоретическим обобщениям, поскольку в этой дисциплине главные, подлежащие изучению вопросы сориентированы во времени и пространстве [2, с. 37]. В отношении отечественных исследований это утверждение едва ли соответствует действительности, хотя применяемые российскими историками теории и нельзя считать чисто историческими. Специфика исторического знания не отменяет возможности и необходимости прибегать к обобщающим концепциям.

Различия в оценках основаны на том, что западные историки в большей степени склонны к микроисследованиям в рамках «культурологического поворота» 1990-х — начала 2000-х гг., а российские авторы обычно отдают предпочтение макроподходу с привлечением историко-социологических теорий и обобщенных демографических данных. По-прежнему относительно небольшой список исторических работ, где присутствуют миграционные сюжеты, включает главным образом региональные исследования с использованием агрегированных статистических данных в контексте традиционных представлений об эволюции демографических процессов [3; 5; 6; 10; 11; 14; 17; 18; 19]. Эта ситуация продиктована спецификой используемых источников (в российских архивах крайне мало формализованных персональных данных, особенно по советскому периоду). Кроме того, в России традиционно большое внимание уделяется организующей роли государства в миграции, что вытекает из специфики российского исторического процесса [7; 8; 13; 15; 16].

С точки зрения перспектив изучения российской миграции, немаловажными являются вопросы, во-первых, об адекватности распространенных в отечественной исторической науке теоретических предпочтений современному уровню миграциологии, а во-вторых, о возможности использования историками многочисленных теоретических подходов для изучения миграции, разработанных в сопредельных областях научного знания.

По степени охвата общественных процессов выделяются теории макро-, мезо- и микроуровня. Все они используются в изучении миграции. Чем выше уровень теории, тем больше претензий на всеохватность, и тем более общими выглядят изучаемые в ее контексте процессы. К таковым, например, относятся марксистская теория формаций, теория мировых систем И. Валлерстайна, цивилизационная теория.

В рамках марксистской парадигмы миграция рассматривалась как естественная форма перераспределения рабочей силы при капитализме из сельского хозяйства в промышленность: «В земледелии уменьшение живого труда может быть абсолютным» [12]. Согласно теории мировых систем, международная миграция следует за политической и экономической организацией расширяющегося глобального рынка: международный поток рабочей силы следует за международным потоком товаров и капитала [22, с. 127–128].

В контексте цивилизационной парадигмы изучение миграций представляет интерес с точки зрения антиномии «уединенных—преемственных» цивилизаций (по Н. Я. Данилевскому). Цивилизации, подобные российской, т.е. находящиеся на «перекрестках» исторических миграционных потоков, на разных стадиях своего развития демонстрируют разную интенсивность миграционного обмена, в первую очередь международного. Проблема цивилизационной теории — сложность установления горизонтальных межцивилизационных связей для возможности сравнительного анализа [О подходах к ее решению см.: 20, с. 12]. По этой причине соответствующий материал в большей степени востребован антропологами, а не историками [См. напр.: 4].

Положительной стороной макротеорий с точки зрения изучения миграции является широкий контекст, в который вписываются процессы пространственного движения населения. Отрицательных сторон существенно больше. Во-первых, макротеории схематичны по своей сути и не в состоянии охватить все многообразие реальных процессов. Замечено, например, что направление реальных миграционных потоков не совпадает с потоками движения капитала. Во-вторых, миграция не играет в них самостоятельной роли. В-третьих, интерпретация миграции с точки зрения макротеорий часто грешит экономическим редуccionизмом. Дело здесь не только в экономическом детерминизме марксистской теории и в неомарксистских устремлениях теоретика мира-системы И. Валлерстайна. Согласно одному из общепризнанных миграционных правил (или эмпирических законов) Э. Равенстайна, большинство из причин миграции — экономические [27], поэтому все прочие ее факторы при избранном масштабе оказываются незаметными [одна из немногочисленных работ по миграции, апеллирующих к теории мировых систем: 23].

Из социологических мезотеорий определенную перспективу для историков имеет неозволюционистская доктрина, но реально наиболее востребованной оказалась теория модернизации. В ней заложен большой эвристический потенциал, позволяющий оценить уровень развития общественных институтов в исторической динамике, исходя из системы заданных критериев. Концепция отличается системностью, большой вариативностью подходов. Она представляет собой своеобразную «открытую платформу» для новых идей. Концепция модернизации дает возможность как обобщения, так и детализации, объединяя достоинства макро- и микроподходов.

В контексте теории модернизации миграция воспринимается как многомерное явление, в котором сочетаются обслуживание экономических «точек роста» и диффузия инноваций [См. подробнее: 20, с. 31–33]. И все же наиболее часто миграция в модернизационной парадигме рассматривается через призму урбанизации, особенно в исследованиях по истории XX в. [3; 5; 11; 14; 17 и др.]. Изучение характера миграции позволяет понять особенности формирования городской среды в России — СССР, роль государства в этом процессе.

Советская мобилизационная модель организованной миграции, обусловленная четкими индустриальными приоритетами (разные формы набора рабочих на советские промышленные стройки) рассматривается как переходная от вынужденно-принудительной к индустриально-классической, существовавшей до 1970-х гг. Переходный характер задается сочетанием различных миграционных форм, в том числе организованного сельскохозяйственного переселения, кулацкой ссылки, репатриации и депортаций в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.

Специфику миграционного освоения восточных районов страны позволяет понять теория фронтальной модернизации [20, с. 29–31]. В рамках модернизационной парадигмы адекватно интерпретируется советская миграция из села в город, которая реализовывалась преимущественно в стихийных формах.

С точки зрения концепции диффузионизма, вписанной в теорию модернизации [1], миграция может быть интерпретирована как коммуникационный канал. При таком подходе появляется возможность оценить масштабы и характер международного миграционного обмена, прежде всего в социокультурном плане.

Недостатком теории модернизации является ее малоприспособленность для анализа эпох за пределами модернизационного перехода — доиндустриального и постиндустриального обществ. Предшествующая «аграрная» эпоха оказывается слишком протяженной, а оценки постиндустриальной стадии нередко носят эмпирический, и даже оценочный характер. Кроме

того, как и в случае с макротеориями, в мезотеориях миграция населения играет подчиненную роль.

Наибольшие возможности для исследователя миграции связаны с микротеориями. Среди них есть как связанные с определенными отраслями знания, так и чисто миграционные. К последним относится, например, теория «миграционного перехода» У. Зелински [24, с. 15], в которой миграция рассматривалась стадийно, а содержательно очень тяготела к модернизационному подходу. В заслугу этой теории следует поставить то, что она рассматривала миграцию в качестве самостоятельной сферы изучения, а также стремление представить внутреннюю и внешнюю миграции как разные стороны одного и того же процесса. В остальном теория «миграционного перехода» очень мало добавляла к тому, что можно было увидеть в контексте теорий более высокого уровня, и это объясняет ее относительно малую востребованность.

Гораздо более популярной стала неопозитивистская концепция «притяжения–выталкивания» (“push-pull”) [25]. В соответствии с ней, люди уезжают отсюда, где им живется плохо, в места с лучшими условиями труда и жизни. Именно теория притяжения–выталкивания активно используется в различных теориях социальной эволюции. К недостаткам концепции относится как выраженный экономический редуционизм, так и нерешенность проблемы разной интенсивности миграции из мест со схожими жизненными условиями. Еще один вопрос, остающийся без ответа, состоит в том, почему большая часть населения не подчиняется правилу «притяжения–выталкивания» и остается в месте постоянного проживания (доля подвижной части общества обычно не очень велика). Тем не менее, именно идея притяжения-выталкивания лежит в основе большинства отечественных исследований, анализирующих сельско-городскую миграцию в XX в. в рамках социально-эволюционистских схем.

Более интересной с точки зрения специфики исторического исследования является концепция «своего пути», впервые сформулированная в 1970 г. для Западной Африки [26]. В рамках этого подхода предлагалось последовательно рассматривать характеристики окружающей среды, мигранта, подсистемы выхода, реакцию среды на отъезд и прибытие мигранта в сельском и городском контексте, а также информационный обмен между местами входа и выхода. В результате формировалось комплексное представление обо всех существенных компонентах миграционного процесса. Проблемой оказалось то, что собранный большой массив эмпирических данных с трудом поддавался теоретическому обобщению.

Неким промежуточным вариантом между теорией «притяжения–выталкивания» и концепцией «своего пути» принято считать новую экономическую теорию миграции (решения о переезде принимаются

не индивидуально, а на семейном уровне; ключевую роль играет идея не максимизации доходов в миграции, а диверсификации занятий и снижения рисков) [21, с. 260].

Большое количество проблем нуждается в дополнительном внимании со стороны историков миграции. Это адаптивность мигрантов, этнический компонент, информационные каналы миграции, гендерный подход, возвратная миграция и др. Их решение возможно только с выходом на микроуровень, что невозможно в контексте популярной теории модернизации. Полезными в этом отношении могут оказаться наработки антропологов и этнографов; перспективными видятся теория «своего пути», а также более поздние концепции (новая экономическая теория миграции, теория социальных сетей [22, с. 128–130] и др.).

Библиографический список

1. Алексеева Е. В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII — начало XX в.). М., 2007.
2. Бретелл К., Холлифилд Д. Теория миграций // Методология и методы изучения миграционных процессов. Под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. М., 2007.
3. Вербицкая О. М. Российское крестьянство от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х — начало 60-х гг. М., 1992. 222 с.
4. Головнев А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009. 496 с.
5. Горбачев О. В. На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946–1985 гг.) и советская модель урбанизации. М., 2002.
6. Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е гг. М., 1996.
7. Занданова Л. В. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию (конец 40-х — середина 60-х гг. XX в.). Иркутск, 1997. 157 с.
8. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. 306 с.
9. Ионцев В. А. Классификация основных научных подходов в изучении миграции населения // Миграция населения: Теория и практика исследования. Вып. 1. М., 2001. С. 18–34.
10. Кабузан В. М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX в. М., 1998. 270 с.
11. Мазур Л. Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX–XX вв.). Екатеринбург, 2012.
12. Маркс К. Капитал. Т. 3. [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital3/kapital3-15.html>. (дата обращения 30.01.2015)
13. Массовые аграрные переселения на Восток России (конец XIX — середина XX в.). Отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск, 2010. 206 с.
14. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2 т. Изд. 3. СПб., 2003.
15. Платунов Н. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 — июнь 1941 гг.). Томск, 1976.
16. Полян П. М. Не по своей воле: история и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. 328 с.
17. Сенявский А. С. Урбанизация России в XX в.: роль в историческом процессе. М., 2003. 285 с.
18. Славина Л. Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск, 2007. 471 с.
19. Шелестов Д. К. Историческая демография. М., 1987. 288 с.

20. Урал в контексте российской цивилизации: теоретико-методологическая концептуализация. Отв. ред. И. В. Побережников. Екатеринбург, 2014. 172 с.
21. Юдина Т. Н. Миграция. Терминологический словарь. М., 2007. С. 260.
22. Юдина Т. Н. Социология миграции: Учебное пособие для вузов. М., 2006. 272 с.
23. Friedman-Kasaba K. Memories of Migration: Gender, Ethnicity and Work in the Lives of Jewish and Italian Women in New York, 1870–1924. Albany, N.Y., 1996.
24. King R. Theories and typologies of migration: an overview and a primer // Willi Brandt Series of Working Papers in International Migration and Ethnic Relations. Vol. 3. Malmö University, 2012.
25. Lee E. S. A Theory of Migration // Demography, 1966, № 3(1), P. 47–57.
26. Mabogunje A. Systems Approach to a Theory of Rural-Urban Migration // Geographical Analysis, 1970, № 2 (1), P. 1–18.
27. Ravenstein E. G. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London, Vol. 48, № 2. (June, 1885). P. 167–235.

УДК 94 (470.13) «17/18»

А. К. Гагиева

РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА В ОСВОЕНИИ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ КОМИ КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. в России и на Европейском Севере шла активная индустриализация. Расширялась этническая территория, создавались новые промышленные районы. Это не могло не отразиться на социально-экономических отношениях. Результатом стало освоение новых территорий, в основном, на севере и формирование здесь новых экономических анклавов. Особенностью данного процесса явилось формирование на вновь освоенных территориях различных по структуре и национальному составу крестьянских организаций.

Ключевые слова: *волость, община, освоение, модернизация, Европейский Север*

Изучение вопросов, связанных с историей освоения территорий Европейского Севера России во второй половине XVIII — первой половине XIX вв., имеет давнюю традицию [9; 10]. Исследователи справедливо связывали данный вопрос с миграциями населения, показывали динамику роста или убыли населения во вновь освоенных регионах. Одной из причин ухода населения из ранее обжитых мест назывались «ухудшение социально-экономических условий: рост налогов, усиление феодальной эксплуатации, обезземеливание и т.д.» [8, с. 388]. Признавая определенную правоту данных высказываний, необходимо отметить следующее.

Как показано в исследованиях И. В. Побережникова, К. И. Зубкова и других авторов, освоение любой территории необходимо рассматривать в рамках модернизации страны, когда земли, которые уже

Гагиева Анна Капитоновна, доктор исторических наук, доцент, профессор, Коми Республиканская академия Государственной Службы и Управления, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар; e-mail: gngkol2@mail.ru.

были присоединены и частично освоены, продолжали осваиваться [13]. На процессы освоения влияли разделение территории на центр и периферию, которые различались по демографическим, социальным, культурным признакам. Здесь присутствовали богатые ресурсами пограничные области, а пришлое население могло обеспечить себе удовлетворительные условия для существования. На территории Европейского Севера, где были большие массивы слабозаселенных пространств, создавались предпосылки для миграций, переселения и освоения новых территорий. Колонизационные процессы здесь растянулись во времени, и освоение территорий шло по нескольким направлениям — аграрному, промышленному, этноконфессиональному и другим. Огромное влияние на них оказывали: различная степень освоенности региона, экстенсивный характер экономики, социальное расслоение и др.

Цель настоящей работы — рассмотреть ход и результаты освоения северных территорий Коми края во второй половине XVIII — первой половине XIX вв., обратив внимание на человеческий фактор. Выбор территории исследования был обусловлен двумя причинами. Во-первых, в бассейне рр. Печора, Цильма, Ижма (северные территории Коми края) в исследуемое время сложился уникальный этнокультурный район. Во-вторых, до настоящего времени, в литературе отсутствуют работы, рассматривающие освоение района в свете модернизации страны.

Европейский Север в изучаемое время представлял обширную территорию, куда входило несколько губерний. Здесь шли процессы не только заселения новых пространств, но и промыслового освоения, которые сопровождались изменением структуры национального и конфессионального состава населения. Коми край — бассейны рр. Вычегды, Печоры, Двины и их притоков на северо-востоке страны, являлся его составной частью. К началу XIX в. — это Усть-Сысольский и Яренский уезд Вологодской губернии, Мезенский уезд Архангельской губернии, Орловский уезд Вятской губернии и Чердынский уезд Пермской губернии [5, с. 63–69].

На протяжении исследуемого времени население края постоянно возрастало. С 1799 по 1856 г. численность жителей Усть-Сысольского уезда увеличилось на 93%, Яренского — на 38%, Мезенского на 68% [3, с. 26–27]. Если во второй половине XVIII в. увеличение наблюдалось во всех районах, и наиболее высокий прирост был на верхней Вычегде (26%) и Сыsole (20%), то к концу изучаемого периода, фиксируется увеличение количества населения на р. Печоре, Ижме, Цильме и Пижме. Социальный состав пришлого населения был однородным. Это были государственные крестьяне. Однако национальный состав не отличался однородностью.

На Нижней Печоре и ее притоках появились поселения, основанные русскими крестьянами (в основном из Усть-Цильмы). Например, к началу

XIX в., русские переселенцы из Усть-Цильмы — Дуркины, Чупровы основали дер. Кривомежную, Сергеево-Щелья, Уежная и Чуркина. В 1859 г. возникли дер. Коровий Ручей, Карпушевка, Среднее, Верхнее и Нижнее Бугаево, Лаврино и др. В конце XVIII в., начинается заселение русским населением берегов р. Цильма. С 1800 по 1843 гг., здесь появились дер. Филиппово, Рочево, Трусово, и др. Берега Средней Печоры заселяли, в основном, коми-ижемцы. Между устьями рр. Ижмы и Усы в изучаемое время появились дер. Няшабож, Пиль-Егор, Праскан, Новикбож, Кипиево. В 1843 г. здесь возникла дер. Усть-Лыжа, основанная К. Филипповым из Бакура, которая стояла на пути оленеводческих перекочевок. В числе первых поселенцев были Хозяиновы, Артеевы и Чупровы. Во второй половине XVIII в. коми-ижемцы пользовались промысловыми угодьями р. Усы, однако заселение этих районов происходит лишь во второй половине XIX в. Колонизация верховьев р. Ижмы шла по двум направлениям. Коми-ижемцы основали деревни Порожск, Усть-Ухта (дер. Гам; Злобы; Мошьюги и др.), Аким, Кедвавом и др. Второе направление освоения было представлено выходцами из коми волостей верховьев рр. Вычегды и Вишеры. Ими были основаны деревни Лач, Роздино, Нягод, Чулки. На Верхней Печоре коми население основало деревни Лемты, Усть-Воя, Деме, Дутово, Концебор, Красный Яг и др. К концу исследуемого периода были основаны выселки на берегу р. Илыч — Когиль, Мортъюдин, Саръюдин, Мамыль, Порог и др. Между дер. Мамыль и Порог пролегла граница расселения коми и русских на верхней Печоре [6, с. 33].

Все вновь колонизируемые территории отличались суровыми природно-климатическими условиями, малопригодными для ведения сельского хозяйства, сезонного и находившегося в сильной зависимости от климатических колебаний. Это не могло не отразиться на складывающихся здесь социальных и экономических отношениях. Однако следует учитывать, что не всегда неблагоприятные природно-климатические условия для занятий сельского хозяйства ведут к «разорению и нищете» населения. В литературе обращалось внимание на отсутствие жесткой зависимости между природно-климатическими условиями и уровнем социально-экономического развития, что «иллюстрируется хозяйственным и социальным прогрессом, достигаемым в неблагоприятной географической среде, и, наоборот, стагнацией и регрессом при благоприятных природно-климатических условиях» [14, с. 22].

Осваивая новые территории, особенно на севере, русские поселенцы оказывались в новых географических и климатических условиях, вступали в контакты с представителями иных культур. Как показывают исторические источники, процесс освоения северных территорий требовал формирования различных хозяйственных типов. Так в Мезенском уезде,

начинается активное развитие земледелия и скотоводства. По данным П. П. Котова, посевной клин заметно расширился, и посевы ржи увеличились с 1801 по 1806 гг. с 325 до 578 четвертей, а ячменя — с 6605 до 9061 четверти. С 1808 г. начались неблагоприятные для земледелия годы, которые привели к неурожаю, падению производства [11, с. 21–40]. Шанс выжить в таких условиях прямо зависел от потенциальной аграрной культуры мигрантов и возможности адаптироваться к природным условиям. Внимание было обращено на скотоводство, которое в северных районах края приобрело определенную самостоятельность. Так, в Ижемской волости в изучаемое время «лошадей было довольно, в среднем на двор приходилось две лошади, а в Усть-Цилемской — по три. Крупный рогатый скот в вышеназванных волостях составлял: от пяти до тридцати голов на двор. Так, в 1840-е гг. в Ижемской и Усть-Цилемской волостях бедные крестьяне имели до пяти голов крупного рогатого скота, средние — до десяти, а богатые — до тридцати» [1, с. 54]. Продукты животноводства поступали на местные и российские рынки. Особенно ценилось коровье масло, которое считалось «одним из лучших в губернии» [1]. Вновь прибывшие переселенцы, в основном русские, не только организовывали свое хозяйство в соответствии с природными условиями данной местности, но и формировали свой быт и культуру. Примером служит формирование на территории Нижней Печоры, заселенной, в основном, русскими, старообрядческих общин-поселений. Последние были оформлены и существовали (довольно успешно) в Усть-Цильме издавна.

Таким образом, русское заселение северных территорий Коми края носило аграрно-промысловый характер, на которое определенное влияние оказывал конфессиональный элемент. Активное вовлечение в хозяйственный оборот вновь освоенных земель, развитие промыслов, скотоводства, улучшение условий жизни, за счет участия в торговых операциях, было обеспечено концентрацией здесь так называемых «внесистемных» и оппозиционных элементов в виде преследуемых старообрядцев. Если на восточных окраинах, в период модернизации российского государства этот элемент не играл определяющей роли, то на Нижней Печоре наоборот. Старообрядцы, заселяя необжитые пространства, совершенствовали аграрную практику и формировали особый этнокультурный ландшафт, отличающийся от соседних районов.

Несколько иначе шло освоение Средней и Верхней Печоры и верхней Ижмы. Основным элементом здесь выступало коми-ижемское население. Причем, осваивались как незаселенные, так и уже бывшие в хозяйственном обороте земли, но оставленные по каким-либо причинам. В первом случае, это были территории богатые природными ресурсами. Речь идет о рыболовстве и охоте. Рыболовство для коми переселенцев,

пожалуй, как и для русских, играло большую роль в организации жизнеобеспечения. Так, в 1855 г. чердынские купцы закупили у крестьян Ижемской волости 10 тыс. пудов семги и 20 тыс. пудов белой рыбы. Всего, в Печорском крае Мезенского уезда в 1839–1842 гг. вылавливалось от 10 до 15 тыс. пудов семги и от 20 до 39 тыс. пудов речной и озерной рыбы, которая шла на продажу на местные и российские рынки [12, с. 50–51]. Естественно, для получения прибыли, необходимо было осваивать незаселенные территории. Расширение территории, с одной стороны увеличивало ресурсы для хозяйственного развития, способствовало складыванию обширного внутреннего рынка, но при этом создавало предпосылки для консервации крестьянской жизни, формирования замкнутого общества, способного быть самодостаточным. Возможно поэтому, в изучаемое время возрастает количество спорных дел между Ижемской и Усть-Цилемской волостями на право владения «рыбными тонями по р. Печоре» [4, с. 123].

Коми-ижемцы, осваивая большие пространства, создавали новые производства. Заселяясь на уже освоенных землях, они вынуждены были обеспечивать условия для мирного развития в условиях «пограничья». Речь здесь идет о взаимодействии с ненцами. Первые упоминания о контактах коми-ижемцев и ненцев относятся к концу XVI — началу XVII вв. В это время первые поселенцы стали приобретать у ненцев, жителей тундры, опыт по содержанию оленей и заводить стада. На первых порах, коми-ижемцы нанимали для выпаса оленей самоедов (ненцев), но к началу изучаемого периода уже сами не только занимались выпасом, но и содержанием оленей. К 1830-м гг. оленеводством, по подсчетам Т. И. Беленкиной, занималось 130 (16,2%) семейств, в 1840-е гг. — 245 (30,6%). Всего же у коми-ижемцев в 30-е гг. XIX в. насчитывалось 120 тыс. оленей, а к концу исследуемого периода — от 150 до 175 тыс. голов [2, с. 68]. Взаимоотношения между коми-ижемцами и ненцами не всегда носили мирный характер. Как указывалось в «Истории Коми с древнейших времен до конца XIX в.», «концентрация оленей у ижемцев проходила не всегда праведным путем. Они спаивали и обманывали ненцев при заключении торговых сделок, отбирали оленей за долги, просто воровали их...» [8, с. 323]. Но, несмотря на это, для коренного народа Севера контакт с переселенцами создавал предпосылку для совершенствования своей собственной культуры. Для коми населения процесс освоения новых земель сопровождался формированием нового хозяйственно-культурного типа, где в основе лежало знакомство с оленеводством. Последнее подтолкнуло к формированию нового производства на Печоре — замшевого. К 1830–40-м гг., в Ижемской волости уже насчитывалось 150 замшевых «заводов». Естественно, здесь речь шла о хозяйствах, где не только содержали оленей, но и обрабатывали шкуры. Большинство из них были

устроены самостоятельно «без дозволения начальства» и представляли собой мануфактуру с внутрицеховым разделением труда, ориентированную на рынок. К концу изучаемого периода, а именно в первой половине XIX в., ранняя индустриализация колониационного типа пришла и на север. Здесь, как и в центральных районах, формирование промышленного анклава дало стимул для развития замшевого производства. Почти все владельцы мануфактур закупали олени шкуры, формировали крупные стада, нанимали работников и т.д. Общие ежегодные доходы от продажи замши в 40–50-е гг. XIX в. составляли 50–70 тыс. руб. [2, с. 68].

Таким образом, освоение северных территорий Коми края, где человеческий фактор играл определяющую роль, привело к складыванию на данной территории многоэтнического по составу населения. Носители различных этнокультур оказывались в новых природно-климатических условиях, вступали во взаимоотношения с местным населением, для которого контакты с новыми людьми также создавали предпосылки для совершенствования собственной культуры и улучшения быта. Однако активное использование ресурсной базы вновь освоенных территорий не могло не сказаться на общем развитии Коми края. В результате, развитие северных территорий Коми края, как и восточных районов Российской империи «было обречено перманентно нести в себе черты «незавершенной» модернизации» [7, с. 15].

Библиографический список

1. Беленкина Т. И. Животноводство в крестьянском хозяйстве Коми края в конце XVIII — первой половине XIX вв. // Хозяйство северного крестьянства в XVII — начале XX вв.: Межвуз. сб. науч. тр. / Сыктывкар, ун-т. Сыктывкар, 1987.
2. Беленкина Т. И. Замшевый промысел крестьян Ижемской волости в первой половине XIX в. // Вопросы социально-экономической истории Коми края. Труды Института языка, литературы и истории Коми фил. АН СССР. Вып. 23. Сыктывкар, 1980.
3. Вишнякова Д. В. Этнодемографические процессы в Коми крае в XIX — начале XX в. / Отв. ред. И. Л. Жеребцов. Сыктывкар, 2012. 164 с.
4. Гагиева А. К. Община крестьян Коми края во второй половине XVIII в.: Дисс... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1987 // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 401.
5. Гагиева А. К. Модернизация Европейского Севера России в XVIII в. // Коми Республиканская Академия государственной Службы и управления Вестник. Теория и практика управления. №12(17). 2014. С. 63–69.
6. Жеребцов И. Л. Коми край в XVIII — середине XIX в.: территория и население. Сыктывкар, 1996. 174 с.
7. Зубков К. И. Модернизационный эффект освоения восточных регионов России сквозь призму исторической геополитики // Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII–XX вв. Сб. науч. ст. / отв. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург, 2012.
8. История Коми АССР с древнейших времен до конца XX в. Сыктывкар, 2004. Том 1. 480 с.
9. Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1971. 188 с.
10. Колесников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX в.: к вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве. Вологда, 1976. 416 с.

11. Котов П. П. Динамика уровня земледелия в Коми крае в конце XVIII — начале XX вв. Сыктывкар, 1996. 166 с.

12. Мадук М. А., Шаньгина В. В. Торговля и пути сообщения в Коми крае в XIX в. Сыктывкар, 1996. 241 с.

13. Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро– и микропроцессов /В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков и др. Екатеринбург, 2011. 404 с.

14. Побережников И. В. Модель фронтальной модернизации в истории России: концептуальная интерпретация // Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII–XX вв. Сб. науч. ст. / отв. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург, 2012.

УДК 94 (470.1) «19»

Р. Е. Романов

ОРГАНИЗОВАННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В УСЛОВИЯХ ВОЕННО-ИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ВОСТОЧНЫХ РАЙОНОВ РСФСР (1941–1945)*

В статье рассматривается процесс организованной трудовой мобильности людского потенциала Поволжья, Урала и Сибири в условиях военно-индустриальной модернизации РСФСР в первой половине 1940-х гг. Показаны изменения в объеме и интенсивности социальных и профессиональных перемещений, связанных с проведением в данных регионах крупномасштабных мобилизаций населения в ведущие отрасли народного хозяйства. Автор приходит к выводу, что в самый критический для страны момент восточные районы сыграли высокую роль в управляемой сверху мобильности трудовых ресурсов, что стало одним из важнейших факторов создания и развития в глубоком тылу высокотехнологичной военно-экономической базы действующей армии.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, восточные районы РСФСР, трудовые ресурсы, организованная мобильность.*

Накануне и в годы войны советская экономическая модернизация приобрела наиболее ярко выраженный милитаристский характер. Данное явление было связано сначала с подготовкой СССР к обороне, а затем с его напряженной борьбой с фашистской агрессией. В этих условиях модернизационные процессы приобрели специфику, характерную для военного времени. Если в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг. цель коренной реконструкции народного хозяйства заключалась в преодолении отставания от развитых капиталистических стран в отраслях высокотехнологичной промышленности, то в конце 1930-х — первой половине 1940-х гг. — в создании и развитии тотальной военной экономики. В рассматриваемый период индустриализация была направлена на развертывание и рост массового

Романов Роман Евгеньевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СО РАН, г. Новосибирск; e-mail: rromanov1981@mail.ru.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01725 «Социальная мобильность в России в эпоху войн, революций и радикальных трансформаций первой половины XX в.»).

оборонно-промышленного производства на востоке страны, ставшего глубоким тылом. Речь идет, прежде всего, о трех крупных экономических районах РСФСР — Поволжье, Урале и Сибири, которые из 1,5 тыс. эвакуированных предприятий приняли не менее 1,2 тыс. Размещение и введение в строй в этих регионах львиной доли перебазированных заводов и фабрик в условиях призыва в армию многих рабочих и специалистов привело к обострению кадровой проблемы в отраслях народного хозяйства. Советское государство пыталось решить данную проблему за счет трудовой мобилизации неработающего населения для перераспределения потенциальной рабочей силы в пользу предприятий, имевших оборонное и важное народнохозяйственное значение. Призывы на производство сопровождались целенаправленными перемещениями людских масс из одних регионов, отраслей, социальных и профессиональных групп в другие. Наличие таких перемещений позволяет поставить вопрос о влиянии подобных призывных кампаний на характеристики организованной мобильности трудовых ресурсов в восточных районах России, внесших основной вклад в экономическую победу над фашистской Германией и ее союзниками.

В отечественной историографии управляемые передвижения населения, организованные советским государством в годы войны, анализировались в рамках мероприятий по проведению трудовых мобилизаций людского потенциала на предприятия и в учебные заведения гострудрезервов. В исследованиях советских [4] и современных [1, 3] российских историков было обращено внимание на нормативно-правовую базу, механизмы, направленность и характер подобных мобилизационных кампаний, численность и состав населения, призванного на производство. При этом призыв на трудовой фронт характеризовался историками обычно как основная форма комплектования рабочих кадров в военное время. Рассмотрение данного вопроса на междисциплинарном стыке истории и социологии с использованием в качестве методологической базы теории социальной мобильности позволяет по-новому оценить конкретно-историческое значение мобилизационной практики, а именно с точки зрения управления массовыми социально-профессиональными перемещениями людских масс. В частности, целью данного исследования является выявление объема и интенсивности, а также удельного веса организованной мобильности трудовых ресурсов в восточных регионах РСФСР в первой половине 1940-х гг.

Организация управляемых перемещений населения в форме трудовой мобилизации началась уже в первые месяцы войны. 30 июня 1941 г. при Совете народных комиссаров СССР (СНК) был образован Комитет по распределению рабочей силы, на который возлагалось проведение призывных кампаний на общесоюзном уровне. В регионах данные мероприятия

осуществлялись бюро по распределению рабочей силы, созданными при исполкомах советов областей, краев и автономных республик. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. окончательно упорядочил практику вовлечения людских ресурсов в отрасли военной экономики. Согласно Указу, на предприятия направлялись неработающие мужчины от 16 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет. Часть молодежи от 16 до 18 лет поступала на производство через ремесленные, железнодорожные училища (РУ, ЖУ) и школы фабрично-заводского обучения (ФЗО). За уклонение от мобилизации полагалось уголовное наказание в виде исправительных работ сроком до одного года [6, с. 164]. В результате призыв превратился в основной механизм организованной мобильности трудовых ресурсов, которая приобрела принудительный характер и стала инструментом политики высших органов власти по обеспечению кадрами промышленности и строительства.

В годы войны благодаря мобилизациям в ведущие отрасли народного хозяйства СССР были привлечены миллионы новых работников. С июля 1941 по июль 1945 г. Комитет по распределению рабочей силы из числа неработающего населения направил на производство 3,1 млн чел., на сезонные работы — 6,8 млн. За этот период Наркомат обороны мобилизовал в рабочие батальоны 1,6 млн военнообязанных, негодных к строевой службе [2, л. 118]. Кроме того, в учебные заведения гострудрезервов было призвано 2,7 млн юношей и девушек [2, л. 85]. Всего в первой половине 1940-х гг. в процесс организованной трудовой мобильности включились 14,2 млн чел. В частности, в военную индустрию, размещенную преимущественно в восточных районах страны, поступили не менее 7 млн чел. Основную массу данного контингента составляли неработающие женщины и молодежь, а также не призванные в армию мужчины, вынужденные менять свой прежний статус на новый, обусловленный занятостью в оборонной промышленности и смежных с ней отраслях.

Среди союзных республик наибольший объем мобильности людских ресурсов приходился на РСФСР. С февраля 1942 по июль 1945 г. на предприятия и в учебные заведения гострудрезервов России было призвано около 3,5 млн чел. (см. табл. 1) или 67,8% от численности населения, мобилизованного на производство в СССР. В 1942–1943 гг. число направляемых сверху перемещений на новые рабочие места в республике в абсолютном выражении увеличилось с 1,13 до 1,25 млн, в относительном выражении — с 72,5 до 75,4%. В частности, такая высокая доля мобилизованных обуславливалась смещением географического пространства трудовой мобильности с запада на восток страны в связи с временным выпадением из него оккупированных прибалтийских республик, Белоруссии, Украины и Молдавии. В 1944 г. ее абсолютный и относительный

Табл. 1

Численность населения, мобилизованного на предприятия
и в гострудрезервы, по экономическим районам РСФСР
с февраля 1942 по июль 1945 г., тыс. чел.*

Экономический район	1942		1943		1944		1945		Всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Центральный	309,0	27,3	266,6	21,3	232,4	24,5	32,2	21,3	740,2	21,2
Северо-Западный	30,3	2,7	40,7	3,2	44,2	4,7	32,3	21,3	147,5	4,2
Волго-Вятский	106,7	9,4	122,6	9,8	62,6	6,6	15,9	10,5	307,8	8,8
Центрально-Черноземный	54,9	4,9	95,0	7,6	53,9	5,7	9,6	6,4	213,4	6,1
Северо-Кавказский	12,8	1,1	107,1	8,5	99,0	10,4	12,3	8,1	231,2	6,6
Поволжский	125,2	11,1	167,2	13,3	83,8	8,8	13,4	8,9	390,6	11,2
Уральский	264,8	23,4	243,1	19,4	78,3	8,3	17,5	11,6	603,7	17,3
Сибирский	196,4	17,3	189,5	15,1	74,3	7,8	15,3	10,1	475,7	13,6
Дальневосточный	31,6	2,8	21,3	1,7	8,7	0,9	2,1	1,4	63,7	1,8
Всего по РСФСР	1131,4	100	1253,3	100	948,7	100	151,1	100	3484,3	100
В т.ч. по восточным районам (кроме Дальнего Востока)	586,4	51,8	600,0	47,9	236,4	24,9	46,7	30,9	1386,5	39,8

*Составлено автором по: [2, л. 86–88].

показатели по РСФСР сократились соответственно до 0,95 млн и 58,8%, в первом полугодии 1945 г. — 0,15 млн и 50,8%. Данная тенденция объясняется хозяйственным восстановлением освобожденных от оккупации западных районов страны, сопровождавшимся распространением на них действия законодательства о мобилизации трудоспособного населения.

Изменение границ неоккупированной территории СССР оказывало влияние на объем и интенсивность организованной мобильности трудовых ресурсов в основных тыловых районах страны. Об этом свидетельствуют сведения о мобилизации людского потенциала в отрасли индустриальной экономики восточной части России. В 1942 — первом полугодии 1945 г. на предприятия, в РУ, ЖУ и школы ФЗО Поволжья, Урала и Сибири по призыву поступили почти 1,4 млн чел. или около 40% от численности данного контингента, мобилизованного в РСФСР (см. табл. 1). В рассматриваемый период абсолютные и относительные показатели по указанным регионам в социальном передвижении населения, связанном с трудоустройством по разрядам Комитета по учету и распределению рабочей силы, значительно сократились. Если в 1942–1943 гг. на эти регионы приходилось около 1,2 млн перемещений или примерно половина объема регулируемой трудовой мобильности, то в 1944 — первой половине 1945 г. — около 0,3 млн или четверть. За три года доля Поволжья в этом объеме сократилась с 11,1 до 8,9%, Урала — 23,4 до 11,6%, Сибири — с 17,3 до 10,1% (см. табл. 1). В целом по удельному весу Уральский экономический район оставался на втором месте после Центрального, а Сибирский и Поволжский районы опустились соответственно с третьего на четвертое и с четвертого на пятое место. Первоначально существенное значение востока России в общегосударственных мероприятиях по перемещению людских масс на новые рабочие места обуславливалось превращением западной, северо- и юго-западной части республики в оккупационную, боевую или прифронтовую зоны и как следствие — сосредоточением за Волгой основного оборонно-промышленного и кадрового потенциала. По мере того, как театр военных действий стал неумолимо возвращаться к западным рубежам СССР и Восточной Европе началась массовая эвакуация населения в бывшие прифронтовые и оккупированные регионы страны, что создало условия для проведения там крупномасштабных мобилизаций, направленных на восстановление народного хозяйства. В связи с этим интенсивность управляемой мобильности рабочей силы в ведущих тыловых (восточных) районах РСФСР к концу войны заметно снизилась.

Об удельном весе вынужденных социально-трудовых перемещений в общей мобильности работоспособного населения в условиях войны наиболее явно позволяют судить данные о доле призванных на производство

Табл. 2

Доля мобилизованных на предприятия в составе трудоспособных мигрантов, прибывших из сел в городские поселения Башкирской АССР, Молотовской и Чкаловской областей в 1942 г., тыс. чел.*

Регион, город	Трудоспособные мигранты из сельской местности		В том числе мобилизованные на предприятия	
	абс.	%	абс.	%
Башкирская АССР	17,8	100,0	8,5	47,8
Молотовская область	41,6	100,0	7,5	18,0
Чкаловская область	22,5	100,0	0,2	0,9
Итого по трем регионам	81,9	100,0	16,2	19,8

*Составлено автором по: [2, л. 86–88; 5, л. 1–5]

контингентов в составе мигрантов в возрасте от 16 до 59 лет, прибывавших из сельской местности в городские поселения отдельных регионов Урала. В 1942 г. в Башкирской АССР, Молотовской (Пермской) и Чкаловской (Оренбургской) областях на трудовые мобилизации приходилась примерно пятая часть всех миграционных потоков, связанных с переходом селян на работу в промышленность, строительство и транспорт. В частности, если в Башкирской АССР мобилизованные составляли около половины выходцев из деревни, то в Чкаловской области — менее одной сотой (см. табл. 2). Такая разница обуславливалась как различной интенсивностью трудовых миграций из сельской местности в города и рабочие поселки, так и численностью призываемых на предприятия колхозников и членов их семей. При этом сравнительно невысокая доля мобилизованных селян среди деревенских новоселов, осевших в промышленных центрах трех указанных уральских регионов в 1942 г., объясняется преимущественным призывом городского населения. В 1943–1944 гг. в связи с увеличением удельного веса сельского элемента в призывных кампаниях прослойка колхозников, вливавшихся в производство, в среде мигрантов заметно расширилась. В данном случае речь идет о возрастании роли трудовой мобилизации в территориальном передвижении людских масс, ведущем к смене места жительства (село — город) и социально-профессионального статуса (колхозник — рабочий).

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны в условиях форсированной военно-индустриальной модернизации восточных районов РСФСР организованная мобильность трудовых ресурсов осуществлялась с помощью мобилизационного механизма распределения рабочей силы в пользу ведущих отраслей народного хозяйства. При этом в 1942–1943 гг. в Поволжье, на Урале и в Сибири объем и интенсивность вынужденных

социально-профессиональных перемещений населения достигли своего пика, а в 1944 — первой половине 1945 г. — резко снизились в связи с началом ликвидации экономической разрухи в западной части СССР. Кроме того, в рассматриваемый период вырос удельный вес управляемых передвижений в миграции сельских жителей в городские поселения данных регионов. В целом в самый критический для страны момент высокая роль Востока России в управляемой сверху социально-трудовой мобильности людского потенциала самой крупной союзной республики стала одним из важнейших факторов создания и развития в глубоком тылу новой высоко-технологичной военно-экономической базы действующей армии.

Библиографический список

1. Гончаров В. А. Трудовая мобилизация советских граждан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Омского государственного университета. 2006. № 6. Т. 1. С. 183–186.
2. ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1. Д. 25.
3. Исупов В. А. Главный ресурс Победы: людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945). Новосибирск, 2008. 378 с.
4. Митрофанова А. В. Рабочий класс Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. 525 с.
5. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 397.
6. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). Сб. документов. Т. 3: 1941–1952 гг. М., 1968. 750 с.

УДК 94 (571.121+571.122) «19»:314.7

А. С. Иванов

ВЛИЯНИЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МИГРАЦИЙ НА РАЗВИТИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1941–1945 гг.)*

В статье исследуется проблема влияния депортаций населения на развитие территорий Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов. Проведенное исследование позволило автору выделить ряд аспектов влияния принудительных миграций военных лет на развитие Северо-Западной Сибири: распад централизованной сети расселения депортантов в спецпоселках и вынужденный переход к дисперсному расселению среди правового населения; изменение принципов режимного контроля за спецпереселенцами; перевод территории региона на ведомственное снабжение; расширение власти начальников производства в отношении депортантов и полноправного населения; изменение баланса рабочей силы в местах поселения.

Ключевые слова: *депортация, репрессии, наказанные народы, принудительные миграции, спецпереселенцы.*

Иванов Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, Сургутский институт нефти и газа, г. Сургут; e-mail: 88d@bk.ru.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-31-01231 а2.

В современной историографии активно дискутируется проблема взаимодействия ГУЛАГа (в том числе его «периферии» — спецпоселений) и не-ГУЛАГа (правового пространства и общества) в социальной и институциональных областях [1, с. 34; 24, с. 8]. Однако, специальные работы, раскрывающие воздействие депортаций (принудительных миграций) на полноправное советское население и территории регионов-реципиентов в целом по-прежнему отсутствуют.

Известный историк П. М. Полян полагает, что депортации мыслились насущным и эффективным орудием социальной инженерии, причем орудием «гуманным», поскольку тем или иным социально неблагонадежным контингентам отказывалось не в праве на жизнь (тогда бы это был геноцид), а «всего-навсего» в праве на свободу [21, с. 10]. При этом механизм, посредством которого осуществлялось подобного рода социальное конструирование, влияние оказываемое депортациями на социум и социальную среду остается неизученным.

Северо-Западная Сибирь (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа) уже в довоенное время испытала на себе влияние принудительных миграций. В 1930-е гг. в ходе нескольких депортационных операций на территории национальных округов возникла сеть спецпоселков, где были расселены раскулаченные крестьяне. Оформившаяся к тому времени система административного контроля над ними именовалась системой трудпоселений, а сами ссыльные — трудпоселенцами (до 1934 г. трудпоселенцы именовались спецпереселенцами).

Режим, существовавший на трудпоселении к началу войны, определялся «Временным положением о правах и обязанностях спецпереселенцев» от 25 октября 1931 г. Согласно этому положению, спецкомендант осуществлял на территории поселка административные функции органов советской власти, а спецпереселенцы были обязаны заниматься «общественно полезным трудом», не имея права без его ведома покидать спец(труд)поселок [20, с. 536-341, 1040]. Во втором разделе «Временного положения...» отмечалось, что спецпереселенцы и их семьи прикреплены к определенным поселкам и даже домам [20, с. 537], что являлось отличительной чертой системы спецпоселений.

К началу Великой Отечественной войны на территории Северо-Западной Сибири существовала разветвленная система трудпоселений, включавшая 6 районных комендатур и 51 трудпоселок (на 1 июля 1941 г.). Основное население режимных поселков, в общей сложности 23500 человек, составляли трудпоселенцы (с 1944 г. вновь «спецпереселенцы») — раскулаченные десятилетие назад крестьяне. На территории северных округов было сосредоточено 2/3 всех ссыльных кулаков Омской области [22, с. 284–285].

17 февраля 1942 г. Омский облисполком разрешил организованный набор рабочей силы (4700 чел) как на юге области, так и в Тобольском, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах. За некоторое время до начала переселения представители Омгосрыбтреста начали проводить также и набор спецпереселенцев для отправки на Север. Ввиду совпадения процессов добровольного организованного набора и принудительного отбора спецпереселенцев, вербовку рабочих из «правового» населения было решено прекратить 25 апреля 1942 г. [13, л. 58].

Для получения права на набор «спецконтингента» требовалось получить санкцию отдела спец(труд)поселений УНКВД и исполкома, однако, уже в начале июня стало понятно, что этот процесс выбивается из первоначального графика, так как санкцию на набор спецпереселенцев трест получил в то время, когда большинство людей были задействованы на хозяйственных работах. Это привело к невыполнению плановых цифр по набору уже в начальной стадии спецпереселения [13, л. 53].

Факт одновременного набора Омгосрыбтрестом для работы в рыбной промышленности «правового» населения и спецпереселенцев является одной из особенностей переселения 1942 г. Завербованные рабочие доставлялись на Север на тех же пароходах, что и спецпереселенцы. Совмещение добровольного и принудительного переселения привело к «...перенасыщению людьми по отдельным заводам (в условиях недостаточности жилого фонда), особенно по Ямалу» [13, л. 58].

Все усилия властей были направлены на изыскание свободной жилплощади для новых переселенцев. Не случайно Ханты-Мансийский окружком 5 марта 1942 г. распорядился начать строительство четырех новых поселков для прибывающих с юга Омской области спецпереселенцев [8, лл. 101, 136]. А 17 апреля 1942 г. окружком и окрисполком ходатайствовали о возможности размещения новых спецконтингентов в «полностью освободившихся поселках, ... построенных в 1941 году для размещения польских граждан... выехавших из своих поселков» [6, л. 54]. Но даже обращения к областному руководству не могли исправить сложившееся положение. К моменту начала завоза (по данным на 13 мая 1942 г.) в районах предполагаемого заселения пригодными для проживания были признаны лишь 9 возведенных силами Омгосрыбтреста срубов из 500 (!), запланированных к возведению в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах [16, л. 17]. Расчеты производственных начальников не оправдались [8, л. 136]. В целом по округу план строительства жилья был выполнен лишь на 34,2% [7, л. 28]. Провал «строительной эпопеи» означал, что в условиях войны регион-реципиент был не в состоянии обеспечить строительство новых режимных поселков для прибывающих спецпереселенцев. Попытка расширить сеть изолированных спецпоселений не удалась.

Завоз переселенцев производился с конца мая по октябрь 1942 г. По состоянию на 1 января 1943 г. для работы на предприятиях Омгосрыбтреста на территории Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов было завезено 13 622 чел (спецпереселенцев 1942 г.), по Ханты-Мансийскому округу 6 994 чел, по Ямало-Ненецкому 6 628 человек [14, л. 88].

Национальный состав депортированных был пестрым. На Север в навигацию 1942 г. прибыли немцы, финны, русские, украинцы, молдаване, румыны и др. [15, л. 45–54 об]. Если мы посмотрим на этот вопрос с точки зрения органов НКВД, то получится, что на спецпоселение прибыли два контингента: спецпереселенцы-немцы и ссыльнопоселенцы. Но так как округ не смог изыскать нужного количества жилья, депортантов приходилось селить «где придется» и «на уплотнение», что означало отход на практике от «поселкового принципа». Распространяется практика дисперсного расселения депортированных среди «правового» населения.

Помимо дефицита жилой площади этому способствовал и другой фактор. В соответствии с совместным постановлением СНК и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. № 19 «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем востоке» [22, с. 110–112], спецпереселенцы были переданы предприятиям рыбной промышленности. Поэтому при осуществлении вторичной компенсаторной репрессии, каковой по своей сути являлось переселение 1942 г., представители трестов осуществляли предварительный отбор спецпереселенцев, под их контролем проводились все мероприятия по приему, расселению и распределению по объектам работы.

Аналогичным образом («на рыбу») происходило принудительное переселение на Север калмыцкого населения в 1944 г. [2, л. 30, 52]. Отправку начали 15 мая, закончить должны были к 15 июня [18, л. 51]. Фактически переселение затянулось до конца октября. Расселение переселенных было произведено в трех северных округах, в системе трех рыбопромышленных трестов: Тобольского — 1 879 [11, л. 4]; Ханты-Мансийского — 5 999 [12, л. 1]; Ямало-Ненецкого — 1 467 чел [10, л. 161].

Директора предприятий в отношении прибывших спецпереселенцев руководствовались указаниями управляющего Омгосрыбтрестом (в 1943 г. был разделен на Тобольский, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий рыбопромышленные тресты) В. П. Боганова. Эти указания гласили: «...весь контингент, завезенный Вам в порядке переселения, поступает в полное распоряжение завода (комбината) и должен быть использован в первую очередь на лове и, во вторую очередь, на всех остальных работах, связанных с рыбной промышленностью, в основном на обработке рыбы. Учтите, что вся ответственность за завезенных Вам людей ложится полностью на Вас персонально как директора завода... без Вашего разрешения ни один из работников, прибывших в порядке переселения, не должен переводиться

и использоваться в другом месте. Переводы и перемещения указанных работников должны производиться только с Вашего разрешения с одновременной отметкой в личном деле. Перевод из района в район допускается только с моего (управляющего треста — *А.И.*) разрешения или разрешения моего заместителя... В тех случаях, когда потребности завода в рабсиле полностью обеспечены, допускается временная передача переселенцев в рыболовецкие колхозы и сельхозартели (рыболовецкие бригады). Причем, если контингент переселяемых по каким бы то ни было причинам не может быть использован в колхозах на лову, следует произвести замену, снимая работников, занятых на подсобных работах и в сельхозаистстве из основных жителей данного колхоза, переводя их на добычу и используя переселяемых на вспомогательных и с/х работах» [14, л. 110].

Об усилении роли руководителей хозяйственных организаций свидетельствуют слова секретаря Сургутского РК ВКП(б) Ужинцева на заседании пленума Ханты-Мансийского окружкома, проходившего 6–7 июля 1942 г. Он говорил о том, что местные органы управления «регулирование рабочей силы передали во власть директора рыбозавода и коменданта» [5, л. 9]. Полномочия производственных руководителей простирались далеко за пределы трудовых отношений. Уже в послевоенные годы руководство отдела спецпоселений МВД Тюменской области сообщало в Москву о нежелании руководства рыбопромышленного треста содержать 16 калмыков-инвалидов и стариков, переданных Кушеватскому рыбзаводу и оставшихся «без всякой помощи». При этом областной отдел социального обеспечения (облсобес) в дома инвалидов их не принимал «...из-за отсутствия мест и, ссылаясь на то, что поскольку калмыки завезены рыбтресту — он и должен строить свой дом инвалидов, или содержать их на свои средства» [4, л. 163].

На наш взгляд, приведенные сведения говорят не только о существенном усилении роли хозяйственных органов в отношениях с системой спецпоселений НКВД, но и показывают изменения, которые произошли в этой структуре. Не случайно в распоряжении управляющего трестом нет ни слова о спецпоселках. Подтверждение мы находим в словах начальника отдела спецпоселений УНКВД Новосибирской области Жукова, который в декабре 1944 г., характеризуя положение с кадровым составом аппарата спецкомендатур Сибири, осуществляющим надзор за калмыками, отмечал: «в абсолютном большинстве областей спецпоселков в том виде, как они были раньше, уже давно не существует. Наш контингент живет так же, как и остальное правовое население, т. е. расселен по всему району. Таким образом, комендант там, где он один по штату, фактически обслуживает целый административный район, там, где их два, половину административного района» [3, л. 171].

Война продолжалась, и округа продолжали испытывать острейший дефицит трудовых ресурсов. Потребность в очередном завозе была особенно велика, ведь 11 апреля 1942 г. ГКО было принято постановление о призыве в действующую армию бывших кулаков, не являвшихся на момент выселения главами семей. К 1 ноября 1942 г. мобилизация трудпоселенцев в армию завершилась. Известно, что за этот период только с территории Ханты-Мансийского округа было призвано не менее 1 200 трудпоселенцев.

Приказом НКВД от 22 октября 1942 г. члены семей трудпоселенцев, призванных в Красную Армию снимались с учета трудссылки [16, с. 19–20; 19, с. 48]. Таким образом, освобождению из ссылки на территории округа подлежало несколько тысяч бывших кулаков. В середине апреля 1943 г. начальник окружного отдела НКВД Куликов сообщал, что «в связи с освобождением из трудссылки ряда трудпоселенцев... ряд поселковых комдатур рабочую силу согласно договору поставить не могут» [13, л. 33].

Именно в военное время особую остроту приобрел вопрос централизованного карточного снабжения населения продовольствием и промышленными товарами. Обеспечение продовольствием и промтоварами спецпереселенцев всех категорий нельзя отделять от снабжения всего населения Северо-Западной Сибири, так как они снабжались через существовавшую в северных округах систему распределения. Потоки принудительных миграций военных лет оказали существенное влияние на кооперативную сеть, через которую шло снабжение населения.

Весной 1942 г. президиум Центрального союза потребительских обществ СССР, утвердил решение, возложившее снабжение всего рыбацкого населения продовольственными и промышленными товарами на систему Райрыболовпотребсоюза. В связи с этим советское и партийное руководство Ханты-Мансийского округа ходатайствовало перед Омским обкомом о передаче «из системы потребкооперации Омрыболовпотребсоюзу во всех районах расселения рыболовецкого населения нашего округа» торговой сети «со всеми торгово-материальными ценностями, магазинами, складами, пекарнями». Советские и партийные деятели просили ликвидировать сеть райпотребкооперации в округе, так как переход на снабжение в Облрыболовпотребсоюз всего рыбацкого населения привел к тому, что контингент, оставшийся на снабжении сети потребительской кооперации, сократился на 50 тыс. чел и составлял теперь только 8 400 чел. (общая численность населения округа составляла около 90 тыс. чел.) [6, л. 113–114]. Сургутский райисполком 10 июня 1942 г. рассмотрев вопрос «об обслуживании торговлей завозимых переселенцев в рыбную промышленность района», просил облисполком утвердить решение о передаче снабжения всего населения района в руки рыболовпотребкооперации,

ставя вопрос о «реорганизации Сургутского райпотребсоюза в райкооп, с непосредственным подчинением ему всей розничной торговой сети». Особый интерес для нас представляет третий пункт данного документа, в котором говорилось: «Вследствие закрепления всей рабочей силы на трудпереселенческих поселках за рыбной промышленностью предложить райпотребсоюзу передать, а райкоопу принять с 10 июня 1942 г. снабжение всего населения в трудпоселках в т. ч. населения незанятого в рыбной промышленности» [23, лл. 1–1 об.].

Таким образом, принудительные миграции, приоритетное развитие рыбной промышленности и концентрация основных трудовых и материальных ресурсов в этой отрасли народного хозяйства привели к тому, что снабжение всего населения округа, не исключая спецпереселенцев, было передано в руки организации, которая первоначально занималась целым снабжением работников рыбной промышленности.

К концу войны стало очевидно, что подобные трансформации не пошли на пользу населению Северо-Западной Сибири. Управляющий Ханты-Мансийским госрыбтрестом Максютенко на исходе 1945 г., критиковал систему рыболовпотребкооперации, которая не справлялась с задачами снабжения всего населения округа [9, л. 128 об.]. Примечателен пример Самаровского райкоопа, который с февраля по июнь 1945 г. отоваривал стахановцев, инженерно-технических работников, плавсостав, гослов и спецпереселенцев-калмыков (!) по полным нормам, а остальных на 50–60%. С другой стороны, на Полноватском рыбзаводе, отпущенный кооперацией лимит не позволил обеспечить карточное снабжение рабочих завода (включая депортированных) в сентябре и декабре 1945 г. Сетовал этот начальник и на нестабильность снабжения в целом [9, л. 128 об.–129].

В результате прибытие и постановка на снабжение новых контингентов (в первую очередь депортированных) привели к реформированию сети продовольственного и промтоварного снабжения, дестабилизировали ее и вызвали падение уровня снабжения жителей округов. Эти выводы справедливы и для Ямало-Ненецкого округа, поскольку население Ямала, к тому времени, также находилось в ведении рыболовецкой кооперации.

Проведенное исследование позволяет выделить ряд аспектов влияния принудительных миграций военных лет на развитие Северо-Западной Сибири: распад централизованной сети расселения в режимных (изолированных) поселках, вынужденный переход к дисперсному расселению среди полноправного населения и обострение жилищной проблемы ввиду увеличения давления на социальную инфраструктуру мест поселения; изменение принципов режимного контроля за спецпереселенцами, ввиду резкого роста количества занимаемых ими населенных пунктов; изменение баланса рабочей силы в местах поселения, превратившее рыбное

хозяйство в приоритетную промышленную отрасль региона; перевод на ведомственное снабжение (через систему рыболовецкой кооперации подконтрольный рыбопромышленным трестам) значительных территорий населенных как полноправными гражданами, так и представителями различных спецконтингентов.

Библиографический список

1. Бородкин Л. И. «Вертикаль» управления ГУЛАГом: проблема «принципал — агент» // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память: материалы международной научной конференции. Москва, 28–29 октября 2011. М.: РОССПЭН, 2013. С. 19–36.
2. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 152.
3. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 161.
4. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 416.
5. ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 631.
6. ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 633.
7. ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 737.
8. ГАТО. Ф. 1785. Оп. 1. Д. 1350.
9. ГАТО. Ф. 1786. Оп. 1. Д. 11.
10. ГАТО. Ф. 1787. Оп. 1. Д. 4а.
11. ГАТО. Ф. 1821. Оп. 1. Д. 31.
12. ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 262.
13. ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 2.
14. ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 10.
15. ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 11.
16. Земсков В. Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 3–26.
17. ИсАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3207.
18. ИсА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 131.
19. Петрушин А. А. Цепелин над Югрой // Великий подвиг народа: Третьи военно-исторические чтения, посвященные 60-летию Победы в Великой Отечественной войне: Докл. и сообщ. Ханты-Мансийск, 5-6 мая 2005 г.). Екатеринбург, 2005. С. 43–49.
20. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940. В 2 кн. Кн. 2. М.: РОССПЭН, 2006. 1020 с.
21. Полян П. М. Депортации и этничность // Сталинские депортации. 1928–1953. М., 2005. С. 5–19.
22. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. Новосибирск, 1996. 311 с.
23. Сургутский городской архив. Ф. 1. Оп. 2. Д. 108.
24. Хлевнюк О. В. Зоны советской экономики. Разделение и взаимодействие // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память: материалы международной научной конференции. Москва, 28–29 октября 2011. М.: РОССПЭН, 2013. С. 8–18.

Н. А. Михалев

ЖЕНЩИНЫ-ЗАКЛЮЧЕННЫЕ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ ЧУМ–САЛЕХАРД–ИГАРКА*

В статье рассматривается до этого почти не изучавшийся аспект истории строительства дороги Чум–Салехард–Игарка — вопрос полового состава заключенных, самой многочисленной категории ее строителей. Удельный вес женщин среди них в отдельные годы достигал 20%, а сожительство превратилось в одно из самых массовых нарушений лагерного режима.

Ключевые слова: *железная дорога Чум–Салехард–Игарка, история строительства, половой состав заключенных, режим содержания*

Задуманную как первую очередь трансконтинентальной железнодорожной магистрали от Урала до Чукотки, но так никогда и не построенную железную дорогу Чум–Салехард–Игарка можно по праву отнести к числу крупнейших и сложнейших транспортных строек за весь период существования Советского Союза¹.

Данное строительство находилось в ведении Главного управления лагерей железнодорожного строительства (ГУЛДЖС) МВД СССР и за период своего существования в 1947–1954 гг. прошло через ряд крупных реорганизаций. Первоначально конечным пунктом трассы должен был быть морской порт на Мысе Каменном в Обской губе. Строительство этого порта, а также прокладка трассы к нему были возложены на созданное в апреле 1947 г. Северное Управление строительства и лагерей (строительство № 501). В начале 1949 г. место строительства порта перенесено в Игарку и с 1 марта в составе Северного Управления, переведенного из пос. Абезь Коми АССР в Игарку Красноярского края, созданы: 1) Обский ИТЛ (строительство № 501) с местонахождением в Салехарде и задачей постройки линии от ст. Чум до р. Пур; 2) Енисейский ИТЛ (строительство №503) с участком работ Пур–Игарка и расположением штаба в пос. Ермаково; 3) Игарский строительный район, имевший задачей сооружение порта и судоремонтного завода в Игарке. С 1 декабря 1949 г. Обский ИТЛ со всеми подразделениями (объект № 501) выделен в самостоятельную единицу, Енисейский ИТЛ ликвидирован, а на Северное Управление ИТЛ и строительства № 503 возложена задача по сооружению порта и дороги от Игарки до р. Пур. В июле 1952 г. все работы на линии поручены Обскому ИТЛ строительства № 501, а ИТЛ строительства

Михалев Николай Анатольевич, кандидат исторических наук, ученый секретарь Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: n.mikhalev@mail.ru.

* *Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ № НШ-3422.2014.6.*

¹ О предыстории проекта Полярной железной дороги см. подробнее: [12, с. 11–39; 13, с. 325–329].

№ 503 ликвидирован. В 1953 г. все управления ГУЛЖДС МВД были переданы в систему Министерства путей сообщения, работы по линии Салехард–Игарка были остановлены. Обский ИТЛ был ликвидирован в начале 1954 г. [15, с. 300–322].

Строительство дороги опиралось на привлечение значительного по численности контингента строителей. Трудившиеся на стройке кадры были неоднородны и включали в себя несколько основных категорий. К таковым прежде всего относились административно-управленческий аппарат, охрана и непосредственно строители, основную часть которых составляли заключенные, выполнявшие самую тяжелую и малоквалифицированную работу.

Женщины-заключенные, в свою очередь, также составляли на строительстве особую группу. Согласно данным В. Н. Гриценко, проведенным несколько полевых сезонов «на шпалах сталинки», примерно каждый четвертый-пятый лагерный пункт был женским [12, с. 97]. Имеющиеся источники позволяют привести более точные сведения. Самые ранние из них относятся к началу 1948 г. Как свидетельствует табл. 1, удельный вес женщин, содержащихся в ИТЛ строительства № 501, на 1 января 1948 г. составлял 16% (5290 из 33074 чел.). В дальнейшем, по мере роста общей численности лагерного населения доля женщин постепенно снижалась, хотя абсолютное число их имело выраженную тенденцию к увеличению. По состоянию на 1 февраля 1949 г. женщины из общего количества заключенных ИТЛ 501 стройки составляли 6500 чел., или 13,3%.

В организованном в феврале 1949 г. Енисейском ИТЛ (строительство № 503) доля содержащихся женщин была несколько выше, а абсолютное их количество меньшим. На 29 декабря 1949 г. здесь находился 22 581 заключенный, из них женщин было 4352 чел., или 19,3% [3, л. 95]. На 1 июля 1950 г. в ИТЛ 503 строительства женщины составляли 16,5% заключенных (4758 из 28 772 чел.), на 1 сентября — 16,9% (4959 из 29 259 чел. соответственно) [4, л. 22, 26]. К середине 1951 г. и удельный вес, и абсолютное количество женщин-заключенных на 503 стройке уменьшились: в мае 1951 г. их насчитывалось 3594 чел. (из 26837), или 13,4% [5, л. 1]. К июлю 1952 г. в связи с общим сокращением числа лагерных контингентов количество женщин-заключенных в ИТЛ 503 строительства сократилось еще более — до 11,2% всех заключенных (1506 из 13 395 чел.) [7, л. 158].

Относительно строительства № 501 (Обскому ИТЛ) мы располагаем менее подробными данными в этом вопросе. Известно, что по состоянию на 1 июня 1952 г. из общего числа в 17520 заключенных в лагере содержалась 3081 женщина, или 17,6%. На 1 января 1953 г., т.е. после объединения строительства, списочный состав заключенных Обского

Табл. 1

Динамика абсолютного числа и удельного веса женщин среди заключенных ИТЛ строительства № 501, 1948–1949 гг.*

Состояло на	Всего заключенных	В том числе женщин	
		Абс.	%%
1 января 1948 г.	33074	5290	16,0
1 апреля 1948 г.	39381	5924	15,0
1 июля 1948 г.	51498	7864	15,3
1 октября 1948 г.	51618	7129	13,8
1 января 1949 г.	48195	5895	12,2
1 февраля 1949 г.	48785	6500	13,3

* Составлено автором по: [1, Л. 97; 2, Л. 1].

ИТЛ составлял 29 049 чел., из которых женщины составляли уже 20,4% (5 917 чел.) [11, л. 73; 8, л. 2].

Размещение и содержание женщин-заключенных регламентировалось специальными инструкциями и приказами МВД. В соответствии с действовавшей до 1947 г. инструкций от 1939 г. разрешалось совместное размещение заключенных женщин и мужчин в общих зонах в отдельных бараках. Однако резкий рост случаев сожительства в условиях увеличения общей численности лагерных контингентов в послевоенные годы заставил Министерство ужесточить требования к содержанию женщин за колючей проволокой. Согласно новой инструкции, вступившей в силу с 1947 г., предусматривалось создание специальных женских подразделений и только в исключительных случаях разрешалось размещение женщин в мужских подразделениях в отдельных изолированных зонах [12, л. 94–97].

С самых первых этапов заполярного строительства выполнение этих предписаний было далеко не полным. Периодические проверки состояния ИТЛ строительства постоянно выявляли множественные нарушения должного неукоснительно соблюдаться принципа жесткой половой сегрегации. Так, в феврале 1949 г. в ИТЛ Северного Управления имелось 9 женских колонн, но на них в качестве специалистов содержалось также 950 мужчин. В это же время женщины содержались на многих мужских колоннах в качестве хозяйки, хотя в обоих случаях и те, и другие могли быть «совершенно безболезненно» заменены представителями противоположного пола [2, л. 3].

В конце 1949 г., как отмечалось выше, Северное Управление было разукрупнено, однако нарушения в области изоляции женщин от этого изжиты не были. В ИТЛ строительства № 503 по состоянию на май 1951 г. женщины размещались в отдельных подразделениях: трех женских колоннах, подкомандировке и при райбольнице Второго лагерного отделения (Турухан),

двух женских колоннах Третьего лагерного отделения (Ермаково), одной колонне Отдельного лагерного пункта № 3 в Игарке, при центральном лазарете и в женском лагпункте Отдельного лагерного пункта № 2 в Ермаково. Но даже в этих специальных женских подразделениях полной изоляции не наблюдалось. Так, на подкомандировке № 1 колонны № 54 Второго лаготделения в одной зоне работали и проживали 50 женщин и 9 мужчин. Использовались мужчины и в хозобслуге колонны. Совместная работа и проживание приводили к «многочисленным фактам сожительства». Очередная проверка в начале 1951 г. зарегистрировала среди женщин, принадлежащих данной колонне 8 беременных, не считая 11 беременных, переведенных в другие подразделения. Ревизия колонны № 22 Третьего лаготделения обнаружила 14 случаев беременности [5, л. 10–11].

Отсутствие должной изоляции между мужчинами и женщинами привело к тому, что из допущенных за 1951 г. в ИТЛ строительства № 503 со стороны заключенных 423 различных нарушений лагерного режима сожительство стояло на первом месте — 201 случай (на втором месте находились т.н. «промоты» или растраты казенного имущества — 195 случаев). Помимо 201 случая сожительства за 1951 г. было также зафиксировано 290 случаев беременности заключенных женщин. Особо подчеркивались источники этого явления: «Сожительства заключенных женщин в основном происходят с бесконвойными заключенными мужчинами, которые по халатности конвоя или умышленно пропускаются для этой цели в зоны оцепления, где работают женщины». Кроме того, регистрировалось «много случаев сожительства» с заключенными женщинами солдат охраны и вольнонаемного состава (особенно начальников женских лагподразделений) [10, л. 130–131].

Принимаемые лагерной администрацией меры для недопущения сожительства, учитывая приведенные выше данные, были недостаточны. Тем не менее, именно к началу 1952 г. в ИТЛ строительства № 503 все заключенные женщины были размещены и работали изолированно от заключенных мужчин. Для госпитализации больных был организован специальный женский филиал лазарета. Ранее работавшие на женских лагпунктах в качестве инструментальщиков, электромонтеров, печников и другой хозобслуги заключенные мужчины были оттуда изъяты и заменены заключенными женщинами. Со стороны надзирательского состава был усилен контроль за бесконвойными [10, л. 131].

Имеющиеся сведения относительно Обского ИТЛ и строительства № 501 дают основания утверждать, что ситуация здесь коренным образом не отличалась. Так, в течение 1951 г. в лагере было зафиксировано 139 случаев беременности женщин. Принимаемые меры — выделение отдельных участков пути для работы и т.д. — полностью прекратить сожительства

не могли. Как официально признавала лагадминистрация, «все же строительство вынуждено на женских лагпунктах держать... некоторое количество мужчин-специалистов, которых среди имеющегося женского состава заключенных нет, а именно: механиков-электромонтеров, техников-экономистов, контролеров-замерщиков и т.п.». Кроме того, строительство вынуждено было идти на расконвоирование женщин для обслуживания железнодорожных околотков в силу недостаточного количества мужчин с подходящими статьями и сроками заключения [6, л. 16].

Данные о деятельности Дома матери и ребенка (ДМР, или Дом младенца) лишний раз свидетельствуют о том, что сожительство в Обском лагере также представляло собой весьма распространенное явление. Спичочный состав ДМР по состоянию на 1 января 1952 г. выражался цифрой в 383 чел., в т.ч. 179 кормящих и 35 беременных женщин (остальные — работающие). Кроме того, в Доме находилось 258 детей, из них в возрасте до 6 мес. — 85 чел., от 6 до 12 мес. — 92 чел. и от 1 года и старше — 81 чел. [6, л. 29] После объединения строителей в ведении Санитарного отделения Обского ИТЛ находилось уже два ДМР: в Салехарде и Ермаково (первый ранее и так принадлежал 501 стройке, а второй входил в состав ликвидированного Северного Управления и строительства № 503) [9, л. 21]. Емкость ДМР в Салехарде составляла 400 мест и на 1 января 1953 г. в нем находилось 37 беременных женщин и 301 ребенок, в т.ч. в возрасте до 6 мес. — 99 чел., от 6 мес. до 1 года — 53 чел., от 1 года до 2 лет — 135 чел., от 2 до 3 лет — 14 чел. Емкость ДМР в Ермаково составляла 250 мест и в нем на ту же дату находилось 40 беременных женщин и 202 ребенка, в т.ч. в возрасте до 6 мес. — 60 чел., от 6 мес. до 1 года — 65 чел., от 1 года до 2 лет — 77 чел. [8, л. 13] Таким образом, на 1 января 1953 г. в Обском ИТЛ находилось 503 ребенка (или 1,7% от общего числа заключенных), появление на свет большинство из них, по всей видимости, явилось прямым результатом неполной изоляции женских и мужских контингентов.

Ответить на вопрос о том, какова была роль женщин непосредственно на строительстве, весьма проблематично. В документах, отложившихся в фонде ГУЛЖДС МВД СССР (прежде всего, ежегодных отчетов Управлений строительства и актах проверки входивших в их состав лагерей) такого рода сведений не содержится. Имеющиеся данные носят отрывочный характер, но позволяют отметить следующее. Как уже указывалось выше, женщины-заключенные использовались, прежде всего, на подсобных работах и в качестве обслуживающего персонала (в лазаретах, Домах ребенка, непосредственно в женских колоннах и т.д.). В то же самое время, женщин активно привлекали и к тяжелым работам. Так, по свидетельству одного из бывших работников ИТЛ 501 строительства,

«женщины, как и мужчины, валили лес, разгружали вагоны, катали тачки с мерзлым грунтом», а также занимались расчисткой железнодорожного полотна от снега зимой [14; 12, л. 98]. Вот как описывает работу женщин, содержащихся на лесоповальном пункте около Надыма, М. М. Соловьева, в 1950–1953 гг. служившая здесь культторгом: «К лагпункту относились три подкомандировки, т.е. участка работы. По утрам после переключки их во главе с бригадиром выводили за зону, где заключенных принимал конвой и отводил на работу. Женщины целый день лес валили, а потом свозили его на берег. Обед доставлялся на место работы. Из поваленного леса делали плоты и отправляли их в Надым, на шпалы. А лес валить — не женское дело. На лошадях попробуй-ка вытащить этот лес. Тракторов не было. В волокуши запрягали лошадь и понукали ее. И вот день женщины проработают, придут, а им дают баланду» [12, л. 98].

Следовательно, говорить о наличии каких-либо существенных различий между работой, выполнявшейся на строительстве женщинами и мужчинами-заключенными нельзя. Принимая во внимание то обстоятельство, что доля женщин доходила до 20% всего лагерного населения, очевидно, что примерно до пятой части общего объема работ на строительстве заполярной железной магистрали производили именно женщины.

Таким образом, сооружение в 1947–1953 гг. железной дороги Чум–Салехард–Игарка привело к сосредоточению в малонаселенных и неосвоенных районах Крайнего Севера значительных контингентов заключенных, удельный вес женщин среди которых в разные годы колебался от 11–12% до 20%. Несмотря на предписания МВД об изолированном содержании заключенных-женщин и мужчин, обеспечить таковое лагадминистрация не могла, в результате чего сожительство превратилось в одно из самых массовых нарушений лагерного режима, а доля детей до 3 лет, находившихся в ИТЛ строительства, составила почти 2% от общего числа заключенных.

Библиографический список

1. ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1171.
2. ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1173.
3. ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1324.
4. ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1325.
5. ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1358.
6. ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1489.
7. ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1492.
8. ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1631.
9. ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1691.
10. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 481.
11. ГАСПИТО. Ф. 1572. Оп. 9. Д. 2.
12. Гриценко В., Калинин В. История «мертвой дороги». Екатеринбург, 2010. 240 с.

13. История Ямала: в 2-х томах. Т. II Ямал современный. Кн. 1. У истоков модернизации / Под ред. К. И. Зубкова и др. Екатеринбург, 2010. 367 с.

14. Иванов Л. 501-я стройка Гулага // Труд. 2003. 30 октября.

15. Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930-1953 / Под общ. ред. А. Н. Яковлева; Сост. А. И. Кокурин, Ю. Н. Морукон. М., 2005. 568 с.

УДК 94 (571.1):338

Н. Ю. Гаврилова

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В УСЛОВИЯХ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В статье анализируется роль человеческого фактора в освоении нефтегазовых месторождений Западной Сибири и создании крупнейшего в стране топливно-добывающего комплекса. Основное внимание обращено на систему ценностей участников индустриального освоения Севера. Рассмотрены особенности менталитета поколений 50–60-х и 70–80-х гг. XX столетия.

Ключевые слова: *нефтегазовые ресурсы, человеческий потенциал, нефтегазовый комплекс Западной Сибири*

Вторая половина XX столетия явилась мощным прорывом в индустриальном освоении Севера Западной Сибири. Создание здесь крупнейшего нефтегазодобывающего региона на основе открытия и эксплуатации месторождений углеводородного сырья стало возможным в результате целенаправленной государственной политики, одним из ведущих направлений которой явилось обеспечение новых отраслей трудовыми ресурсами.

Необходимость привлечения в районы нового промышленного освоения (РНПО) кадров соответствующей квалификации была продиктована самой спецификой региона: малоосвоенного, труднодоступного, с суровыми природно-климатическими условиями.

Значительная часть территории севера Западной Сибири входила в состав Тюменской области, которая простиралась от берегов Ледовитого океана до южных степей Казахстана, занимая около 1,5 млн кв. км и включая территорию двух автономных округов — Ханты-Мансийского (ХМАО) и Ямало-Ненецкого (ЯНАО).

К началу промышленного освоения нефтегазовых месторождений (середине 1960-х гг.) территория северных округов была одной из самых малонаселенных в Сибири. Если на юге области проживало 0,8 чел. на 1 кв. км, то в ее северных округах — ХМАО и ЯНАО — эти показатели

Гаврилова Надежда Юрьевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук, Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень; e-mail: nygavrilova@mail.ru.

едва достигали 0,5 и 0,1 чел соответственно [2, с. 226]. Традиционными отраслями деятельности коренного населения Севера являлись пушной промысел, рыболовство и оленеводство. Социальная структура населения отражала отраслевую специализацию.

Правительственный курс на интенсивную разработку нефтегазовых ресурсов региона требовал первоочередного решения кадровой проблемы. Новая отраслевая специализация: геологоразведка, разработка и обустройство нефтегазовых месторождений, трубопроводное строительство, сооружение дорог и городов практически с «нуля», — все это диктовало необходимость мощного притока кадров соответствующего уровня образования и квалификации. Особые требования к составу привлеченного населения предъявляли условия РНПО. Суровые природно-географические условия севера с его резко-континентальным климатом, высокой заболоченностью территории, гнусом в весенне-летний период, удаленностью от «большой земли», отсутствием элементарных бытовых условий, необходимых для жизни и отдыха — это далеко не полный перечень проблем, с которыми сталкивалось население, прибывшее на обустройство месторождений. Подобная «романтика» индустриального строительства вызывала необходимость не просто привлечения молодых кадров, полных энтузиазма, жизненных сил и энергии, но и способных выдержать испытание суровыми условиями Севера и бытовыми трудностями пионерного этапа освоения. Север привлекал сильных духом, мужественных и одержимых людей.

Ко времени начала промышленной разработки нефтегазовых ресурсов Западной Сибири страна уже пережила «нефтяной бум» в Баку, Татарии и Башкирии, индустриализацию Урала и Кузбасса. Сибирь стала испытательным полигоном не только новых индустриальных методов эксплуатации нефтегазовых месторождений на необжитой территории, в краю тайги и болот, но и новых форм и методов привлечения трудовых ресурсов.

«Матрицу» будущего плацдарма промышленного обустройства северной территории «закладывали» геологи-первооткрыватели. Именно они «задали» направление, ритм и романтику освоения. Геологические партии, экспедиции являлись одновременно производственными коллективами и «кочевыми» поселенческими микрообщностями», а сами геологи в силу особенностей своей профессии, по образному выражению тюменского исследователя М. Г. Ганопольского, были «наиболее яркими представителями безместного утопического сознания», которые не только «задали региону первоначальный палаточный стандарт, окрашенный романтикой неустроенности, но и на старте процесса освоения ...подчинили структуру расселения задачам производства» [1, с. 112].

К этому поколению геологов-первопроходцев относились Ю. Г. Эрвье — первый руководитель Главтюменьгеологии, Ф. К. Салманов, впоследствии сменивший Ю. Эрвье на посту руководителя Главка, начальники геологических экспедиций и партий, рядовые геологи — все те, кто прошел «школу Березова» — первого газового фонтана на Тюменской земле, убедительно подтвердившего прогнозы о наличии нефтегазовых ресурсов в северных широтах. С их именами связаны открытия крупнейших нефтяных месторождений в Среднем Приобье, ставших «жемчужинами» не только Сибири, но и мира (таких, как Самотлорское), газовых — в районах Крайнего Севера. Одни стояли у истоков «прикладной геологии», осуществляя руководство отраслью, определяя направления и объемы геологоразведки, другие в споре с пессимистами обосновывали перспективу нефтегазоносности Западной Сибири и ее северных территорий, возглавляя научные центры и отраслевые геологические институты. Благодаря убедительной логике, решительности и уверенности корифеев геологической науки академика А. А. Трофимука, Л. И. Ровнина, Н. Н. Ростовцева и была заложена основа нефтегазового комплекса Западной Сибири. За каждым из них стояли коллективы «рядовых в геологии», кто своим трудом и упорством созидал крупнейшую нефтегазовую провинцию.

Вторым эшелонem в промышленном освоении Тюменского севера были кадровые нефтяники, которые сложившимися коллективами прибывали в северные широты Среднего Приобья с территории Поволжья, нефтяных районов Татарии и Башкирии. Это было поколение 1950–1960-х гг., познавшее как трудности послевоенного времени, так и «воздух свободы» хрущевской оттепели. Оно относилось к особой категории «покорителей недр». Как вспоминал по этому поводу лауреат Ленинской премии В. Грайфер: «Послевоенное время было необычайно богато на ярких, очень сильных, смелых, решительных мужчин–нефтяников» [3, с. 6].

Одним из наиболее ярких представителей этого поколения был Виктор Иванович Муравленко, на чьи плечи легло руководство нефтяной и газовой отраслью Западной Сибири. Прошедший «нефтяную школу» от должности моториста «Грознефтеразведки» до начальника управления промышленности Средне-Волжского Совнархоза (город Куйбышев), с 1965 по 1977 гг. В. И. Муравленко возглавлял Главтюменьнефтегаз. Герой Социалистического труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, он, по воспоминаниям коллег, был «высококласный профессионал, буровик от бога». Как писал В. Грайфер, сменивший его на посту руководителя нефтегазовой отрасли Западной Сибири, Виктор Иванович «был для людей этой профессии... высшим существом» [3, с. 6]. С именем В. И. Муравленко связаны главные достижения в нефтяной отрасли Западной Сибири, благодаря которым был создан крупнейший в мире

нефтегазодобывающий комплекс (ЗСНГК), аналогов которому не было не только в стране, но и в мире. Не случайно коллеги называли В. И. Муравленко «нефтяным маршалом». «Птенцами гнезда муравленковского», которым выпала удача жить и работать с этим незаурядным человеком, были его последователи В. Филановский, Ф. Аржанов, В. Грайфер — поколение соратников.

«Поколение соратников» — так называли нефтяников, строителей, газовиков, — тех, кто в небывало короткие сроки в сложнейших природно-климатических условиях Севера на безлюдных пространствах Западной Сибири создавал главную топливно-добывающую базу страны — Западно-Сибирский нефтегазодобывающий комплекс.

Это первое поколение пионеров освоения сырьевых ресурсов Севера ехало в Сибирь не за «длинным рублем», а по зову сердца и долгу совести. Благо страны и честь мундира были для представителей этого поколения не парадными словами, а проявлением долга (прежде всего профессионального) и человеческого достоинства.

«Они жили в балках и бараках, мерзли на зверском холоде, подставляя плечо друг другу в сложнейших ежедневных ситуациях...» [3, с. 6], но именно благодаря их труду и упорству осваивалось необжитое пространство сибирского Севера, сооружались новые города и поселки, прокладывались нефте- и газопроводы, формировался топливно-добывающий комплекс.

Наряду с опытными нефтяниками и строителями, прошедшими «нефтяную школу» в традиционных нефтяных районах Баку и Поволжья, в северные широты прибывало новое молодое поколение «романтиков» из различных районов страны: Урала и Западной Сибири, Казахстана и Украины. Эти регионы страны наряду с Башкирией и Татарией обеспечивали основной приток населения в РНПО. Если в первое десятилетие формирования ЗСНГК (1960–1970-е гг.) центром притяжения мигрантов было Среднее Приобье, где в основном находились нефтяные месторождения, то в последующее десятилетие, в связи с активным обустройством газовых месторождений, зона миграционного притяжения значительно расширилась, охватывая районы Крайнего Севера — территорию ЯНАО, где были более суровые природно-климатические условия.

1970–80-е гг. внесли изменения не только в географию освоения, темпы и методы эксплуатации нефтегазовых ресурсов, но и в политику привлечения трудовых ресурсов, что было связано с широким использованием вахтово-экспедиционных методов труда. Менялась и система ценностей тех, кто участвовал в освоении этих ресурсов. На смену поколению «романтиков» приходило поколение «прагматиков». Как свидетельствовали социологические опросы, главными стимулами приезда

в РНПО севера Западной Сибири для представителей этого поколения являлись не мотивы, связанные с «участием в освоении природных богатств края» или участием в «реализации грандиозного проекта создания ЗСНГК», а стимулы «быстрого карьерного роста», но гораздо в большей степени — материальные факторы. При этом участие в индустриальном освоении Севера рассматривалось ими как «временное», поскольку целью было заработать «северные» надбавки, стаж, а затем «обустроиться» в более благоприятном для постоянного проживания регионе страны. Именно это поколение и породило психологию «покорителей недр», которая ассоциировалась с понятием «временщики». Это был особый тип людей, у которых не только в сознании, но и в укладе жизни доминировала установка на временное пребывание на Севере. Но несмотря на прагматическую ментальность, а нередко и бытовую неустроенность, и поколение 1970–80-х гг. представляло собой тот «человеческий потенциал», представители которого строили города, прокладывали дороги, трассы нефте- и газопроводов, осваивали природные ресурсы, создавая мощный индустриальный комплекс на севере Западной Сибири. Благодаря труду этих «покорителей недр» Западно-Сибирский нефтегазовый регион занял к середине 80-х гг. XX в. ведущее место в экономике страны. Если в середине 1980-х гг. на его долю приходилось 65% союзной добычи нефти и 63% газа, то к началу нового столетия из недр Тюменской области добывалось 66% российской нефти и газового конденсата и 92% природного газа [3, с. 4]. От режима работы ЗСНГК зависело не только обеспечение страны углеводородным сырьем, но и ее внешнеполитическое положение, поскольку западно-сибирские нефть и газ являлись основным источником получения конвертируемой валюты. Таковой остается роль региона и в настоящее время.

Библиографический список

1. Ганопольский М. Г. Региональный этос: истоки, становление, развитие. Тюмень, 1998. 160 с.
2. Очерки истории Тюменской области / под. ред. В. М. Кружинова. Тюмень, 1994. 271 с.
3. Соратники: Поколение Виктора Муравленко / Сост. С. Великопольский, Ю. Переплеткин. Тюмень, 2002. 400 с.

Т. Е. Санжиева

РАБОЧИЕ БУРЯТИИ В КОНЦЕ XX В.: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЛИКА

В статье рассмотрены процессы, происшедшие с рабочими промышленных предприятий Республики Бурятия в ходе экономических реформ 1990-х гг. С сокращением числа промышленных предприятий в целом снизилась численность рабочих, однако в цветной металлургии и электроэнергетике наблюдался рост рабочих кадров. Рабочие, прежде занимавшие высокое место в общественной жизни, в новых экономических условиях полностью изменили свой статус. На выборах 1998 и 2002 гг. в числе кандидатов в депутаты парламента Республики Бурятия еще были рабочие, начиная с 2006 г. они перестают участвовать в выборах.

Ключевые слова: *рабочие, промышленные предприятия, численность рабочих, трансформация облика, выборы в парламент, Бурятия.*

Экономический кризис конца XX в. кардинально изменил качественный и количественный состав рабочих Бурятии. Деиндустриализация наиболее ярко проявилась в национальных перифериях, где большинство промышленных предприятий сократило производство, либо прекратило существование. В советский период рабочие осознавали собственную значимость в экономике, политике и социальной сфере. В постсоветский период ситуация резко изменилась: стремительно увеличивалась социальная и экономическая дистанция между рабочими и высшим менеджментом, появились репрессивные экономические и внеэкономические методы управления и стимулирования [4, с. 240].

Бурятия до индустриализации была аграрным регионом, рабочие как социальная группа начали формироваться в конце 1930-х гг.; завершился этот процесс на рубеже 1950–1960-х гг. Например, в начале 1970-х гг. на Улан-Удэнском локомотивовагонно-ремонтном заводе (ЛВРЗ) выходцы из рабочих семей составляли 62,8%, из семей колхозников — 23,2%. На предприятиях Бурятии в 1975 г. среди молодежи до 30 лет выходцы из рабочих семей составляли 90% [5, с. 191]. Эти данные свидетельствуют о формировании социальной группы рабочих в национальной периферии.

Являясь доминирующим в трехчленной советской социальной структуре, рабочий класс в Советском Союзе в «чистом виде» существовал фактически до его распада. В конце XX в. радикальные экономические реформы привели к формированию новых общественных отношений [6, с. 44]. В течение 1990-х гг. рабочие стали другими: во-первых, сократилась их численность; во-вторых, прежде консолидированная социальная

Санжиева Татьяна Ефремовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Бурятии, Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ; e-mail: sanj_te@mail.ru.

группа перестала быть таковой; в-третьих, безработица, административные отпуска лишили их социальной активности и мобильности. Кардинально изменился их социокультурный облик.

Профессиональный облик в последнее десятилетие XX в. оставался прежним, поскольку еще велась подготовка по рабочим специальностям в ГПТУ, которые в первое десятилетие XXI в. стали колледжами. Престиж рабочей профессии, культивируемый советской властью, когда «рабочий был фигурой неприкосновенной» [4, с. 240], в постсоветский период резко упал. Молодежь стала предпочитать другие виды занятий.

В 1990-е гг. экономические реформы привели к спаду промышленного производства в Бурятии и сокращению числа рабочих. Если в 1992 г. в республике было 2047 предприятий, 205 из которых были крупными и средними, то через три года (в 1995 г.) их насчитывалось уже 2273 и 202 соответственно, а к 1999 г. их количество сократилось до 1758 и 192 [7, с. 6–7]. К началу 2010 г. в РБ действовали 1084 предприятия, 2011 г. — 979, в 2012 г. 1301 [3, с. 293].

Среднегодовая численность рабочих в 1992 г. составляла 88,9 тыс. чел., пятью годами позже — 55,9, а в 1999 г. она составила 50,9 чел. [7, с. 27]. Самое большое сокращение произошло в период 1993–1996 гг., когда шел резкий спад производства. Сокращение числа рабочих произошло в следующих отраслях промышленности: машиностроении и металлообработке (с 44,1 тыс. чел. в 1992 г. до 18,7 тыс. в 1999 г.), лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной (с 16,2 тыс. чел. в 1992 г. до 9,1 тыс. в 1999 г.), промышленности строительных материалов (с 5,6 тыс. чел. до 3,1 тыс.), стекольной (с 1,4 тыс. чел. до 0,2 тыс.), легкой (с 8,7 тыс. чел. до 3,8 тыс.), пищевой (с 7,8 тыс. до 4,8 тыс.). В цветной металлургии, наоборот, численность рабочих увеличилась почти в два раза: с 3,7 тыс. чел. в 1992 г. до 6,6 тыс. в 1999 г.; рост числа рабочих в электроэнергетике составил 1,4 тыс. чел. (с 4,7 тыс. чел. в 1992 г. до 6,1 тыс. чел. в 1999 г.) [7, с. 27–28]. В мукомольно-крупяной и комбикормовой промышленности, в полиграфической и некоторых других промышленных производствах произошли незначительные сокращения численности рабочих. Снижение рабочих кадров коснулось ведущих отраслей промышленности Бурятии, предприятия которых были флагманами индустриализации.

Многие предприятия находились на грани банкротства и были убыточными: в 1997 г. такие составляли 72%, в 1998 г. — 75%, в 1999 г. — 68,6% [7, С. 39]. В течение 1990-х гг. полностью прекратили производство такие крупные предприятия как стекольный завод, Джидинский вольфрамово-молибденовый комбинат, заводы «Электромашина», «Теплоприбор»; в 2000-е гг. — Тонкосуконная мануфактура, ПО «Забайкаллес». В тяжелом положении оказались предприятия военно-промышленного

комплекса, потерявшие заказы (авиазавод, Приборостроительный завод, Джидакомбинат).

В первой половине 1990-х гг. в период наивысшего спада производства предприятия переходили на неполную рабочую неделю и отправляли своих работников в административные отпуска. Подобная практика применялась и впоследствии. Так, на 1 января 2000 г. на крупных и средних предприятиях 3,7 тыс. чел. (6,6%) работали неполное рабочее время по инициативе администрации и 8,9 тыс. чел. (16%) были предоставлены административные отпуска [1, с. 44]. Заработная плата регулярно не выплачивалась или выплачивалась с большими задержками, в значительной степени обесцененная.

Промышленный спад, вызвавший снижение уровня жизни рабочих, вызвал забастовочное движение. В 1994–1995 гг. оно набирало обороты, когда прошли по одной забастовке в год с небольшим количеством участников (136 чел. в 1994 г. и 63 чел. в 1995 г.). Наивысшего напряжения забастовочное движение достигло в 1996 г.: шесть забастовок с 5551 участниками. С 1997 г. оно пошло на спад: две забастовки с 600 участниками, начиная с 1998 г. забастовки на промышленных предприятиях прекратились [7, с. 29].

Общественная активность зависела от ситуации в экономике и материального положения трудящихся: следствием либерализации цен, вхождения в рыночные отношения нередко становились невыплата заработной платы, оплата труда рабочих производимой продукцией, увольнения и, в конечном итоге, снижение уровня жизни, маргинализация бывших рабочих, оказывавшихся безработными.

Рабочие второй половины 1990-х гг. стали кардинально отличаться от рабочих советской эпохи. «Российскому человеку, как в прошлом, так и сейчас, свойственно двойственное отношение к государству. С одной стороны, это надежда и упование на власть, а с другой — это отчуждение от нее. Такое отношение проявляется не только в ценностных ориентациях, но и в социально-психологических характеристиках поведения людей» [6, с. 57]. Реформирование экономики и новые политические устои привели к изменению менталитета работающих по найму, в том числе рабочих.

Изменение динамики численности рабочих привело к снижению их качественного состава. Прежде консолидированная устойчивая социальная группа распалась. Потомственные рабочие продолжали работать на предприятиях, но их дети из-за нестабильности организации производства уже не могли и не хотели трудиться на заводе. В 1990-е гг. качество труда, то есть его квалификация, перестало иметь значение, на первый план выходит место работы [6, с. 49].

Бывший «гегемон» сошел с арены общественной жизни страны. Среди депутатов всех уровней, делегатов съездов не стало рабочих. Советская система квотирования приоритет отдавала рабочим как основным «строителям» коммунистического общества. Новая избирательная система выдвинула на первый план политически активных людей, в число которых вошли бывшие партийные работники, затем обладатели значительных капиталов.

В 1998 г. на выборах в Народный Хурал (парламент Республики Бурятия) на 24 мандата депутата претендовали 174 чел. Среди них было пять рабочих: механик ОАО «Улан-Удэнского авиазавода В. А. Козлов, электрослесарь ЛВРЗ Н. Ж. Бурцев, рабочий ТЭЦ-2 Н. И. Куликов, плотник ТЭЦ-2 Г. В. Волосатов, рабочий Заудинского мелькомбината Ю. А. Баранов. Все они трудились на крупных предприятиях. Выборы выиграл Н. Ж. Бурцев, став депутатом на постоянной основе. Будучи известен как активный борец за права рабочих, обладавший определенным политическим опытом Н. Ж. Бурцев занимал пост председателя комитета рабочего движения Бурятии. Выборы 2002 г. стали последними, в которых принимали участие рабочие: Н.Ж. Бурцев и рабочий литейного цеха ОАО МРА «Джидинский вольфрам» С. И. Зитев [8]. Мандат депутата получил Н. Ж. Бурцев. На выборах 2006 г., как и в последующих, среди кандидатов в депутаты уже не было ни одного рабочего. Таким образом, в начале XXI в. рабочие полностью исчезли с политической арены Бурятии.

К началу XXI в. ситуация на промышленных предприятиях стала меняться к лучшему, однако, рабочий вопрос остается актуальным. Промышленное производство остро нуждается в квалифицированных индустриальных рабочих, но прежних рабочих, опытных кадров, как и в целом «ведущего класса», не стало. Рабочие промышленных предприятий больше не имеют прежних общественных функций и притязаний.

Библиографический список

1. Бурятия в цифрах. Стат. сб. Часть 1. Улан-Удэ, 2000. 86 с.
2. Бурятии 70 лет. Стат. сб. Улан-Удэ, 1993. 252 с.
3. Бурятия 2013. Статистический ежегодник. 2013. Стат. сб. Улан-Удэ, 2013. 514 с.
4. Лейбович О. Л. Рабочий вопрос на Урале в начале XXI века в зеркале истории и социологии: к постановке проблемы / О. Л. Лейбович, Н. В. Шушкова // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 20-летию Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2008. С.235–242.
5. Митупов К. Б.-М. Рабочий класс в социальных процессах Бурятии (1930–1970-е гг.). Улан-Удэ, 2002. 244 с.
6. Митупов К. Б.-М. Социальные процессы в Бурятии (90-е годы XX в.). Улан-Удэ, 2001. 91 с.
7. Промышленность Республики Бурятия. Стат. сб. № 03-9. Улан-Удэ, 2000. 60 с.
8. Архив Избирательной комиссии Республики Бурятия.

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В работе проанализирована конкурентоспособность российской экономики. Обоснована логика и последовательность действий при решении проблемы повышения конкурентоспособности российской экономики.

Ключевые слова: *институты, инфраструктура, образование, конкурентоспособность, инновационный потенциал*

Мировой экономический форум — швейцарская неправительственная организация, известная проведением ежегодных встреч в Давосе — регулярно публикует Доклад о глобальной конкурентоспособности (The Global Competitiveness Report) [1]. Как признается экспертным сообществом, Доклад в настоящее время представляет наиболее полный комплекс показателей конкурентоспособности по 148 странам мира.

Согласно Докладу, отечественные показатели невысоки: в 2013–2014 гг. Россия в рейтинге конкурентоспособности занимала лишь 64-е место в мире. Остановимся подробнее на том, как были получены эти результаты и, главное, как можно использовать имеющиеся данные для решения задач модернизации.

В Докладе понятие конкурентоспособности определяется как «совокупность институтов, стратегий и факторов, которые задают уровень производительности страны. Уровень производительности, в свою очередь, задает уровень жизни, который способна обеспечить экономика. Уровень производительности также определяет эффективность инвестиций в экономику, которые являются фундаментальным драйвером экономического роста. Другими словами, чем более конкурентоспособна экономика, тем с большей вероятностью она способна поддерживать экономический рост» [1, р. 4].

Производительность и конкурентоспособность определяются многими факторами. В Докладе они структурированы по 12 категориям, называемым основами (pillar), «краеугольными камнями» конкуренции:

1. Качество институтов
2. Инфраструктура
3. Макроэкономическая стабильность
4. Здоровье и начальное образование

Алексеев Алексей Вениаминович, кандидат экономических наук, доцент, зав. отделом темпов и пропорций промышленного производства, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, г. Новосибирск; e-mail: avale@mail.ru.

5. Высшее образование и профессиональная подготовка
6. Эффективность рынка товаров и услуг
7. Эффективность рынка труда
8. Развитость финансового рынка
9. Уровень технологического развития
10. Размер внутреннего рынка
11. Конкурентоспособность компаний
12. Инновационный потенциал.

Каждая из основ рассчитывается по своей системе показателей. Например, качество институтов определяется через 22 показателя. Показатели по странам получают экспертную оценку.

Авторы Доклада исходят из того, что рост слаборазвитых экономик в первую очередь определяется факторами производства (дешевый низкоквалифицированный труд и природные ресурсы). Конкурентоспособность таких экономик определяется тем, насколько хорошо функционируют институты (основа 1), развита инфраструктура (основа 2), достигнуты ли макроэкономическая стабильность (основа 3), приемлемый уровень здоровья и начальное образование (основа 4) населения. Компании в таких экономиках ведут ценовую конкуренцию и продают сырье или продукты невысокой степени переработки с уровнем доходности, соответствующим их низкой производительности и уровню оплаты труда.

По мере роста производительности труда и, следовательно, конкурентоспособности национальной экономики растут доходы работников. В определенный момент (в Докладе он задается переходом данной экономики из одного интервала ВВП на душу населения в другой) основным драйвером роста экономики становятся уже не столько факторы производства, сколько факторы повышения эффективности. На данной стадии экономическое развитие определяется прогрессом в используемых технологиях и повышением качества продукции. В условиях жестких ценовых ограничений и первое, и второе достигается за счет прогресса в высшем образовании и профессиональной подготовке (основа 5), эффективности рынка товаров и услуг (основа 6), эффективности рынка труда (основа 7), развитости финансового рынка (основа 8), уровне технологического развития (основа 9), размере внутреннего и внешнего рынка (основа 10).

Наконец, экономика переходит в следующий формат роста — инновационный. Поддержание высоких доходов и соответствующего уровня жизни здесь возможны только если бизнес оказывается способным генерировать новые или уникальные продукты, услуги, процессы. На этой стадии первую скрипку в росте национальной конкурентоспособности начинают играть инновационный потенциал (основа 12) и конкурентоспособность компаний (основа 11) [2]. Структура индекса глобальной конкурентоспособности приведена на Рисунке 1.

Рисунок 1. Структура индекса глобальной конкурентоспособности (в скобках показано место РФ в мире по соответствующему показателю)

В России поставлена задача модернизации экономики [3]. Для ее решения принципиальное значение имеет выявление главных, базовых факторов развития. Действительно, некорректное определение причинно-следственных связей неизбежно ведет к тому, что ограниченные финансовые, временные, человеческие ресурсы будут использоваться, как минимум, неэффективно, как максимум, постепенно начнется разрушение основ существования общества.

Не ставя задачу дать полноценный ответ на вопрос: «на решении каких проблем российскому обществу следует сосредоточиться в первую очередь, а какие будут «автоматически» решены в силу решения базовых проблем», все же внесем свой вклад в дискуссию по этому направлению.

В докладе представлены оценки по каждой из двенадцати основ для 148 стран, а также данные по ВВП на душу населения по всем рассматриваемым странам. Воспользуемся этим массивом данных, чтобы выявить общие закономерности взаимосвязей между «основами».

Рассчитаем коэффициенты корреляции каждой из основ и ВВП на душу населения (долл. США). Чтобы чрезмерно не усложнять дальнейший анализ, исключим из рассмотрения основы, связи которых с ВВП на душу населения относительно слабы. Остаются семь основ, коэффициенты корреляции которых с ВВП на душу населения высоки: качество институтов (1), инфраструктура (2), высшее образование и профессиональная подготовка (3), эффективность рынка товаров и услуг (4), уровень технологического развития (5), конкурентоспособность компаний (6) и инновационный потенциал (7).

Составим диагональную матрицу парных корреляций (каждая основа с каждой основой) (см. Табл. 1).

Выделим по три самые сильные связи и составим сетевой граф. Так, качество институтов (1) сильно связано с эффективностью рынка товаров и услуг (4), чуть слабее с конкурентоспособностью компаний (6) и инновационным потенциалом (7). Инфраструктура (2) и высшее образование и профессиональная подготовка (3) сильно связаны с уровнем технологического развития (5), а также с конкурентоспособностью компаний (6) и инновационным потенциалом (7).

Сложнее с направлением связей. Что является курицей, а что яйцом, например, в связи «качество институтов» (1) и «эффективность рынка товаров и услуг (4)»? Корреляционный анализ лишь фиксирует наличие/отсутствие связей и их силу, но не дает оснований для утверждения о том, какой из этих факторов первичен, а какой вторичен.

Авторы доклада подчеркивают взаимосвязь всех основ, наличие сильных как прямых, так и обратных связей. «Рассмотренные факторы тесно взаимосвязаны между собой. Слабость одной основы воздействует на остальные. Так, инновационный потенциал едва ли будет высок при нездоровой и малообразованной рабочей силе, неспособной воспринимать новые технологии, равно как и при слабом финансовом рынке, который не позволяет вывести инновацию на рынок» [1, р. 8]. Вместе с тем, сама последовательность представления основ отражает логику, в рамках которой она формировалась (см. Рис. 1).

Будем опираться на логику авторов доклада, которую разделяем. Тогда «качество институтов» (1) определяет «эффективность рынка товаров и услуг» (4), а не наоборот. Действительно, если правила игры непоследовательны, противоречивы, скорее карающие, чем поощряющие бизнес, трудно ожидать, что рынок товаров и услуг будет функционировать столь же эффективно, как в обществах с более адекватными институтами. Верно, впрочем, и то, что и логика развития рынка товаров и услуг требует изменения институтов. Неформальные институты как раз и отражают силу этого воздействия. Тем не менее, общество не может сколько-нибудь

Табл. 1.

Парные корреляции основ глобальной конкурентоспособности*

		1	2	3	4	5	6	7
	Качество институтов		Инфраструктура	Высшее образование и профессиональная подготовка	Эффективность рынков товаров и услуг	Уровень технологического развития	Конкурентоспособность компаний	Инновационный потенциал
Качество институтов	1	x	x	x	x	x	x	x
Инфраструктура	2	0,789	x	x	x	x	x	x
Высшее образование и профессиональная подготовка	3	0,723	0,899	x	x	x	x	x
Эффективность рынков товаров и услуг	4	0,874	0,776	0,736	x	x	x	x
Уровень технологического развития	5	0,772	0,929	0,924	0,782	x	x	x
Конкурентоспособность компаний	6	0,817	0,849	0,832	0,868	0,857	x	x
Инновационный потенциал	7	0,819	0,820	0,805	0,795	0,855	0,932	x

*Составлено автором по: [1, p.14-20].

Примечания: Цифры снизу показывают место, которое занимает РФ в мире по соответствующему показателю. Жирными линиями выделены связи с коэффициентами корреляции выше 0,9, сплошными линиями самые сильные связи между каждой из основ, прерывистыми — сильные связи

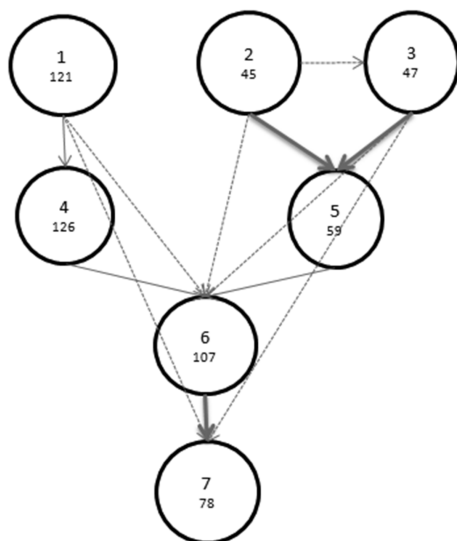

Рисунок 2. Взаимосвязь основ глобальной конкурентоспособности (цифры снизу место РФ в мире по соответствующему показателю)

долго жить «по понятиям»: либо оно рано или поздно начинает жить по закону, либо распадается. Поэтому будем исходить из того, что пока общество не институционализирует вновь возникшие требования к своему развитию, оно не сможет успешно развиваться дальше. В этом смысле (ограниченном) основа 1 первична, а основа 2 вторична.

Такая же ситуация и в связке «инфраструктура — высшее образование и профессиональная подготовка — уровень технологического развития». Сначала создается развитая инфраструктура и качественное образование, затем и на основе этого возникает соответствующий уровень технологического развития. При этом, в свою очередь, чем выше степень технологического развития, тем большие требования предъявляются как к инфраструктуре, так и к образованию.

Согласно графу, качество институтов, инфраструктура, высшее образование и профессиональная подготовка являются корневыми проблемами, вторые два (эффективность рынка товаров и услуг, уровень технологического развития) — узловыми проблемами, последние два

(конкурентоспособность компаний, инновационный потенциал) — результирующими проблемами.

Представленный граф дает основания для следующего утверждения: для того чтобы повысить конкурентоспособность национальной экономики, ее инновационный потенциал, в первую очередь требуется повысить качество институтов, улучшить инфраструктуру и поддержать высшее образование и профессиональную подготовку. Продвижение в решении этих проблем облегчит или в значительной мере решит проблемы с эффективностью рынка товаров и услуг, а также повысит имеющийся уровень технологического развития. Повышение качества рынка товаров и услуг и рост технологического уровня, в свою очередь, повысят конкурентоспособность компаний и их инновационный потенциал.

Попытка перепрыгнуть через неурегулированные институциональные вопросы, игнорирование проблем в области образования и инфраструктуры, сосредоточение на решении проблем эффективности рынка товаров и услуг или технологического уровня производства малоперспективна. Возможные отдельные достижения все равно будут упираться в эти нерешенные вопросы и при очевидно немалых затратах иметь небольшую положительную, а, возможно, и отрицательную эффективность. Более того, качественное изменение ситуации в трех первых основах конкуренции неизбежно изменит сам характер проблем в последующих основах. А это сделает еще менее продуктивными попытки их апгрейда в случае нарушения представленной логики решения стоящих перед российской экономикой проблем.

Библиографический список

1. The Global Competitiveness Report 2013–2014. [Электронный ресурс] URL: www.weforum.org/issues/global-competitiveness (дата обращения 20.02.2015)
2. Алексеев А. В. Дорожная карта повышения конкурентоспособности российской экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2014, № 9. С. 66–74.
3. Алексеев А. В. Производственный аппарат промышленности: от деградации к модернизации // Экономист. 2011, № 2. С. 31–44.

ИНДИВИД И ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

УДК 316

К. С. Романова

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

Статья посвящена анализу взаимодействия структурных элементов общества (социальных институтов, культуры, ценностей, информации, коммуникации) со структурными элементами личности в процессе социальной адаптации в условиях модернизации общества.

Ключевые слова: *общество, модернизация, культура, ценности, личность, социальная адаптация, социализация*

История человечества есть перманентное обновление человека. Каждая историческая, социально изменяющаяся ситуация сталкивает людей с новой областью действительности, познание и практическое освоение которой становится неперенным условием дальнейшего развития человека. «История есть не что иное, как последовательная смена поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями. В силу этого данное поколение, с одной стороны продолжает унаследованную деятельность, а с другой — видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности» [4, с. 44–45].

Эти изменения происходят в двух измерениях — технологическом и гуманистическом. В XX в. произошли самые значительные технологические открытия и преобразования (начиная от телефонов, автомобилей, самолетов и кончая атомными станциями, космическими кораблями, водородной бомбой и т.д.), которые окончательно сделали мир индустриальным. Трудно представить, что ничего этого не было еще сто лет назад. Социальные потрясения в виде мировых войн, революций изменили гуманистическое самосознание мирового сообщества. В XXI в. мы являемся уже свидетелями и участниками информационно-коммуникативной революции, которая технологически превращает окружающий мир в виртуальный, а жизнь в нем — в симулякры. В разных странах, по мере участия в этих мировых процессах, адаптация человека к ним происходит с разной скоростью и с разными локальными последствиями.

Романова Кира Степановна, кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: romkira@yandex.ru.

Россия после распада СССР и становления в качестве самостоятельного государства на сегодня еще не достигла уровня постиндустриальной страны, но заимствовала многие внешние манеры и стиль жизни Запада. Она переняла пороки западной цивилизации раньше, чем освоила ее достижения. В настоящее время изменились социально-классовая и профессиональная структура общества, образ жизни, системы ценностей и социальные институты, включая семью. В обществе утеряны стабильность (устойчивость развития) и уверенность в завтрашнем дне (психологическое равновесие).

Модернизация, в первую очередь, оказывает влияние на характер экономического развития общества. Негативным следствием этого процесса стало кричащее социальное неравенство. Социальное расслоение общества, произошедшее за последние двадцать лет, начавшись со стихийного перераспределения государственной и общественной собственности, сегодня получило правовое закрепление. Например, Трудовой кодекс, который в прошлом, в силу одинакового отношения к собственности, определял равенство граждан в экономическом плане, теперь устанавливает для них разные статусы — работника и работодателя. Поскольку работодатель в данном случае — «барин», то на практике именно под его диктовку вводятся различные дискриминационные цензы по половым, возрастным, образовательным и иным признакам даже на открытые вакансии. В результате произошло «расслоение» самой социально-культурной реальности. Лишь малая часть общества, «прихватизировавшая» большую часть национального богатства, полноценно живет сегодня по стандартам «современности». Образ жизни другой — подавляющей — части общества испытал деградацию и породил социальную реальность, отличающуюся причудливым переплетением элементов традиционного образа жизни (включая натуральное хозяйство) с атрибутами современной эпохи (например, в виде телевизора или мобильного телефона). При этом, как показывают данные ВЦИОМ, полученные в ходе конкретно-социологического исследования ценностных ориентаций, треть населения (30,7%), т.е., каждый третий, считает, что равенство доходов, материального положения, условий жизни важнее, чем равенство возможностей [7, с. 27].

Базисные изменения общества происходят в первую очередь через трансформацию тех социальных институтов, которые ближе всего к личности и определяют ее социализацию. Это — конституция как базисный институт права, институт собственности, семья, школа и др.

Конституция, по существу, является моделью политического и социально-экономического устройства государства. В период глубоких общественно-политических изменений принятие новой конституции становится актом своеобразного предвидения, юридическим закреплением

еще не существующей, но желаемой (по крайней мере, для политической элиты) модели устройства страны. Поэтому в трансформирующихся обществах конституция выполняет не только регулятивные, но и конструктивные функции. Она не только активно взаимодействует с общественно-политической реальностью, претворяется в законодательстве и других нормативных правовых актах, но и непосредственно влияет на ход современного развития страны [2, с. 1059]. Например, статья 55 Конституции Российской Федерации гласит: «... [В] Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина». Вместе с тем, за период ее действия были отменены более 112 законов социального характера, в том числе законы РФ «Об образовании», «О социальном развитии села», «О ветеранах», «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», «О пособиях гражданам, имеющих детей» и др., что, по существу, оборачивается реальным нарушением прав граждан, ухудшением условий жизни большинства из них. Эта проблема является одним из слагаемых признаков общей социальной катастрофы, которая видится уже не прогнозом, а настоящей реальностью. Вопрос стоит уже не о том, как ее избежать, а о том, как ее пережить обществу в целом и отдельному человеку. Конституция РФ также гарантирует защиту материнства, детства и семьи (статья 38), социальное обеспечение для воспитания детей (статья 39) [8], однако, в действительности, эти гарантии носят декларативный характер, поскольку не обеспечены соответствующими материальными ресурсами. Декларации и полумеры бессильны сократить непрерывно расширяющуюся пропасть как между поколениями, так и между представителями одного поколения, принадлежащими к разным социально-экономическим группам. Во имя достижения идеала свободы «для всех и каждого» либерально-демократическое правительство готово принести в жертву народ, истощить его материальные и духовные силы, обескровить подрастающее поколение, а значит, и будущее своей страны. Для того чтобы преодолеть кризис семьи и детства, государству и обществу необходимо не только декларировать их ценность для страны, не только разработать (национальный проект поддержки материнства уже озвучен перед обществом), но и реализовать приоритетную программу по их спасению, с привлечением различных социальных институтов и достойным материальным обеспечением, в социальной практике. Тем более, что исторический опыт решения таких проблем в нашей истории имеется. Однако само по себе изменение социальных институтов не влечет автоматической трансформации общества и личности. Это — процесс болезненный и зачастую жертвенный.

Социальная сущность человека определяется воспроизводством общественных отношений, порождаемых социально-экономическим

содержанием производства. Взгляд на производственные отношения как на безличную форму общественных связей довольно широко распространен в научной литературе. При этом, однако, мало уделяется внимания тому, как воспроизводятся сами эти отношения, как идет процесс воспроизводства человека, его образа жизни, самого человеческого фактора производства. Понять реального человека невозможно вне рамок той культуры, в которой он развивался. Исторические изменения форм материального производства являются в то же время историей развития человеческой свободы и культуры. При этом культура понимается, в самом широком смысле, как феномен коллективного сознания, органично объединяющий, например, такие явления, как массовая культура, культура производства и потребления, корпоративная культура. Культура задает определенный алгоритм действий индивидов, воспроизводящих институциональные отношения, солидарные связи разного назначения. Однако специфика культурной составляющей институциональных отношений заключается в том, что, находясь в привычной для себя социокультурной среде, человек ее не ощущает.

Одним из базисных элементов культуры являются мораль и нравственность, которые отражают не только представления о добре и зле, но и руководящие идеи чести, достоинства личности, смысла жизни. Они выступают внутренней преградой при неразборчивом усвоении чуждых ценностей, ведущих к разрушению собственной культуры. В настоящее время эта базисная культурная составляющая почти исчезла или утратила свое значение именно в главном — в качестве способа смыслополагания, наделения мира значениями, выбора ценностей — как духовных, так и материальных. Содержательно социальные общности и среда их обитания диалектически настолько связаны, что разделить их невозможно. Они в совокупности представляют повседневную социальную жизнь во всем ее многообразии, как сферу проявления различных ориентаций человека: на карьеру, достаток, комфорт, индивидуальные пристрастия, гражданские позиции, обычаи, традиции, идеалы и т.д. Человек всегда нацелен на самоопределение и самоосуществление в повседневном жизненном пространстве. Стихийность жизненного процесса, а тем более, насильственно навязываемые институциями способы жизни лишают человека возможности социального выбора и ответственности за него.

Создавая новые институты и социальные общности, люди не могут освободиться от сформировавшихся в течение веков ценностно-нормативных образцов и предпочтений. В силу этого, неизбежно происходит удержание старого и привычного в новых социальных образованиях. Непрерывность этого процесса допускает сравнение влияния культуры на совокупность общественных отношений с генетическим кодом, который

задает тождественность, закладывает основы принадлежности к одному виду многих индивидуальных особей. Этот процесс лежит в основе социализации личности.

Социализация личности, включающая процесс ее адаптации к окружающей социальной действительности, и трансформация социальных институтов — неразделимый диалектический процесс, предполагающий их противоречивость, взаимосвязь и взаимообусловленность в условиях изменяющейся действительности. Социальная жизнь общества шире, чем экономическая. Но экономика, хотя и существует внутри широко понимаемой социальной жизни, тем не менее, является базисной, определяющей сферой, поскольку доставляет основную сумму средств жизни. В то же время, согласно К. Марксу, механизмы социальных отношений определяют направленность экономического поведения людей, влияют на их активность. Что же касается противоречий между экономическим и социальным, то они неустранимы, поскольку в основе экономического и социального поведения лежат различные целевые и смысловые критерии.

Если в основе экономической деятельности лежит принцип выгоды, а критерий успеха — богатство, то в основе социального — этические (моральные, гуманистические) нормы. Ориентация на социально приемлемое поведение предполагает, что любая экономическая деятельность, направленная на реализацию личных целей, должна укладываться в рамки морали не только по гуманистическим (например, альтруистическим) соображениям, но и по прагматическим. В противном случае, как пишет Ф. А. фон Хайек, «успехи одних оплачиваются неудачами других, проживших не менее искренние и даже достойные усилия» [6, с. 129]. При этом, как отмечают А. А. Шулус и Г. М. Мкртчян, «социальная ориентация» экономики концентрируется на вопросе воспроизводства капитала как такового, так как раздел и перераспределение общественного богатства обусловлены потребностью возобновления экономического роста. Следовательно, область компромиссных решений между поведением «человека экономического» и «человека социального» может расширяться по мере роста материальных благ и сужаться в условиях относительного недостатка». Поэтому отсутствие взаимосвязи и согласованности между «человеком экономическим и «человеком социальным» приводит к нарушению эволюционного развития общества со всеми нежелательными для него потрясениями [8, с. 176, 177].

Кризис общественных отношений и вовлеченной в них человеческой личности порождает социальное отчуждение во всем его многообразии. Социальная несправедливость, порождая крайние формы эгоизма, влечет за собой отрицательные нравственные последствия. Компания «HeadHunter», занимающаяся подборкой персонала, опросила

более 2 400 россиян в разных регионах России, задавая им вопрос: «Какой поступок вы могли бы совершить, чтобы избежать увольнения?» Ответы распределились следующим образом: 49,16% готовы были ради этого «солгать/обмануть»; 18,19% — «переспать с начальником/начальницей»; 13,31% — «присвоить чужие заслуги»; 12,2% — «подсидеть/подставить»; 10,70% — «нарушить закон иным способом»; 4,49% — «украсть»; 3,25% были «готовы на всё», чтобы сохранить работу [5]. А народное творчество закрепило эти «идеалы» в анекдоте: «Секрет успеха в жизни связан с честностью и порядочностью. Если у вас нет этих качеств — успех гарантирован...».

Как показывает история, во времена социальных перемен, когда обесцениваются культурные традиции, рушатся идеологические устои общества, неизбежно обостряется проблема ценностей в их широком значении. Ценностные ориентации составляют одно из важных звеньев личностной структуры, определяя направленность развития личности. Ценностные ориентации по своей природе носят объективно-субъективный характер. С одной стороны, ценностные системы формируются в условиях определенного социума, создаются им и трансформируются в процессе исторического развития общества, а, с другой, в процессе социализации усвоение этих ценностей индивидом превращает его в личность. По М. Веберу, ценности — это обобщенные цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм. Они обеспечивают интеграцию общества, помогая индивидам осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях, а в повседневной жизни личности ценности связаны в единую систему, определяющую ее структуру.

Особенностью модернизации современного общества является возникновение нового вида реальности, основанного на компьютеризации — «виртуальной реальности», искусственной псевдосреды, с которой можно обращаться как с подлинной. Эта новая технологическая среда оказывает мощное (и пока что совершенно непредсказуемое) воздействие на человеческую психику. Современные технологии в целом глобальны по характеру своего воздействия, но в первую очередь это относится именно к информационным технологиям, которые, как бы продолжая центральную нервную систему людей, соединяют их в «едином глобальном объятии» [1, с. 231]. Вопрос о месте человека в новом информационном мире можно перевести в плоскость вопроса о новых функциях человека. Прежде всего, следует обратить внимание на новые формы коллективного сознания, на новые формы общения и объединения людей. Целостное человеческое общество, все стороны жизни которого повседневно взаимосвязаны, предполагает требование оптимизации производства информации, средства распределения которой, действуя со скоростью света, т.е.

мгновенно, «ужимают» земной шар до размеров деревни. Сегодня лидерство в развитии информационных технологий и овладении ими в этой связи становится все более эффективным средством обеспечения господствующего положения в социуме. Подтверждением этого может служить борьба олигархов за средства массовой коммуникации. Приобретение в собственность как можно большего числа телеканалов, журналов, газет и других средств массовой информации — это гарантия политической власти, основанной на владении информацией и возможности манипулировать ею. ТВ создает иллюзию всеобщей «красивой» гламурной жизни, и только редкие авторские репортерские работы под названиями «Обреченные на нищету», «Мошенники», «Лекарства. История всероссийского обмана» и др. заставляют зрителя вздрагивать и вспоминать, что за пределами телевизора есть другая жизнь, в которой многим людям неуютно и страшно.

Современные реалии общественной жизни способствуют превращению личности не в индивидуальность, с богатым душевным миром и разносторонними духовными потребностями, а в индивидуалиста, для которого главным сокровищем и смыслом жизни является его кошелек. Общество должно последовательно проводить социальную политику, способную осуществить социальное равенство и высокий уровень удовлетворения материальных и духовных потребностей каждого члена общества. Для оживления российской экономики, как базиса социальных отношений, необходимо раскрепощение творческих, созидательных сил каждого предприимчивого человека — будь то в промышленности, в сельском хозяйстве или в сфере услуг. Однако, согласно исследованиям экономистов, предпринимателями (бизнесменами) в любом обществе могут быть не более 11% населения [9]. Оставшемуся большинству населения необходимы оптимальные условия для жизни в социальном государстве, не только декларируемые Конституцией, но и обеспеченные им.

Библиографический список

1. Каграманов Ю. Возвращенный рай Маршалла Маклюэна // Иностранная литература. 1972. № 1. С. 231–239.
2. Клишас А. А., Шахрай С. М. Конституция 1993 года как план будущего для России // Вестник Российской академии наук. 2008. № 12. Т. 78. С. 1059–1064.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. М., 1997. 48 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М., 1955. С. 7–544.
5. Миронов Н. Боясь работу потерять, я буду врать и подставлять [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 11.02.2010. URL: <http://www.KPRU/daily/24440?3/605734/> (Дата обращения: 11.02.2010 г.).
6. Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992. 304 с.
7. Хахулина Л. А. Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, ценностные ориентации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 2 (40). С. 24–33.

8. Шулус А. А., Мкртчян Г. М. Трансформирующееся российское общество: проблемы формирования социального государства — социальное партнерство, трипартизм и генеральные соглашения // *Личность. Культура. Общество*. 2007. № 37. Т. 9. С. 175–194.

9. *Экономическая психология: социокультурный подход*. Под ред. И. В. Андреевой. СПб., 2000. 511 с.

УДК 94 (470.5) «17»

Е. В. Бородина

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОБСТВЕННОСТИ У КРЕСТЬЯН КУНГУРСКОГО УЕЗДА В МОДЕРНЫХ ПРАКТИКАХ СУДОПРОИЗВОДСТВА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII В.

В статье рассматривается проблема регулирования поземельных отношений между крестьянами в период перехода от средневековья к новому времени в России начала XVIII столетия. В ходе анализа историографии автор приходит к выводу о существовании взаимодействия традиционных и современных механизмов упорядочения общественных отношений в сфере землепользования.

Ключевые слова: реформы первой четверти XVIII в., правовая культура, судопроизводство, правовой обычай, традиции землепользования.

Правовая системы любой страны развивается в условиях постоянно го взаимодействия разнообразных элементов. На формирование правовых норм, регулирующих отношения в обществе, влияют различные источники права, среди которых — традиционные нормы и нормативно-правовые акты. В результате принятия или отторжения тех или иных форм и происходит функционирование права. Большую роль в исследовании процессов эволюции права имеет изучение правовой практики на разных этапах жизни социума, дающее возможность лучше понять основания, на которых он зиждется.

Начало XVIII столетия в России стало временем серьезных реформ, оказавших влияние на различные сферы жизни общества. Среди преобразований Петра Великого стоит выделить судебную реформу, ставшую первой попыткой выделения суда в качестве самостоятельной области управления. Кроме того, первую четверть столетия можно охарактеризовать как период изменений в восприятии закона, он становится не только проявлением воли монарха, но и важным актом — регулятором общественных отношений. Каждый нормативный правовой акт петровского времени начинается с объяснения причин его введения, давая жителям страны возможность осознанного отношения к исполнению вновь принятых законов.

В поле нашего внимания попала правовая ситуация, сложившаяся вокруг регулирования отношений по вопросу о праве собственности:

Бородина Елена Васильевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: sosnovi-bor@yandex.ru.

его сущности, возникновении и передаче другим лицам. На сегодняшний день неоспоримым является факт того, что вопрос о праве собственности на землю решался для различных категорий Российской империи неодинаково. Особенно отчетливо эта тенденция наблюдается в XVIII в., когда, по мнению Г. В. Вернадского, были установлены «регулярные сословия» (состояния) [3, с. 71]. С точки зрения органов государственной власти, многие социальные категории обладали этим правом на официальной основе. Среди них наибольшие преимущества были у дворянства, которое наряду с правом собственности на землю получило также и исключительную возможность владеть крестьянами. Остальные общественные группы не имели официального разрешения иметь в собственности крупные земельные участки.

Тем не менее, такая социальная категория, как крестьяне, жила на земле и имела возможность ее обрабатывать, самостоятельно решая вопросы о разграничении земельных угодий между собой. Земельные участки также имели в своем распоряжении посадские люди, многие из которых не только занимались ремеслом и торговлей, но обрабатывали землю под сады и огороды для своего прокормления.

Изучение аграрной истории России имеет значительную историографию, которая охватывает различные временные периоды с момента возникновения Древнерусского государства и до конца имперского периода. Рассматривая вопросы развития форм землевладения и землепользования, исследователи неоднократно обращали внимание на проблему регулирования поземельных отношений представителями общинных структур. Общинные формы землевладения вызывали значительный интерес как у историков дореволюционного периода, так и у советских и современных российских исследователей. Особое внимание в их работах уделялось механизмам передела земельных участков между крестьянами-общинниками, проживавшими на государственных землях (Русский Север и Сибирь).

Если вопросы крестьянского землевладения и землепользования на региональном материале XVII—XVIII вв. рассматривались такими историками, как М. М. Богословский, А. И. Копанев, И. В. Власова, Н. А. Миненко и др. [1, 4, 6, 8], то работ, посвященных вопросам функционирования судебных учреждений петровской поры и исследованию регулирования земельных правоотношений в крестьянской среде, немного. В частности, среди них можно назвать труды Е. П. Кузьмина о марийских государственных крестьянах в системе судопроизводства XVIII столетия [7].

Материалы практики землепользования крестьян Поморья, Северного Приуралья и Западной Сибири привели историков к мнению, что в XVII—XVIII вв. в их среде шел активный обмен землями. Одним из первых на это явление обратил внимание М. М. Богословский, который,

проанализировав ряд актовых источников XVII в., заметил, что в Поморье «владельцы черной земли совершают на свои участки все акты распоряжения: продают их, закладывают, меняют, дарят, отдают в приданое, завещают, притом целиком или деля их на части». Более того, в крестьянской среде было распространено деление земель на вотчинные, то есть полученные по наследству, и купленные. Крестьяне считали свои земельные наделы собственностью, одновременно признавая верховным собственником на землю государство [1, с. 53–56].

К схожим выводам пришел и А. И. Копанев: источники XVII в. позволили ему выявить «весьма активную позицию» крестьянства Поморья «к правительственным мерам по крестьянскому землевладению». В соответствии с указами крестьянам было запрещено отчуждать свои земли. Несмотря на этот факт, они не прекратили практики земельного оборота. Более того, черносошные крестьяне рассматривали эти земли как собственность, которой они пользовались и распоряжались по своему усмотрению [6, с. 11, 23–24, 37].

Н. А. Миненко, обратившись к вопросу общинного землевладения в XVIII в., акцентировала внимание на том, что крестьянская община в Западной Сибири являлась важным посредником в регулировании вопросов землепользования между государством и крестьянами. Кроме того, она отметила существовавшую в крестьянской среде практику проведения разнообразных поземельных сделок, которую государство стремилось пресечь в середине XVIII столетия, напоминая, что земля в Сибири «государева и закладывать и продавать оной никому не подлежит» [8, с. 89–92].

И. В. Власова, рассматривая земледельческие практики крестьян северного Прикамья и Припечорья XVII–XIX в., резюмирует, что у государственных крестьян этого региона существовало «подворно-наследственное землепользование с правом свободного распоряжения участками» [4, с. 24–25].

Таким образом, все исследователи, так или иначе занимавшиеся рассматриваемым вопросом, отмечают существование устойчивой практики проведения сделок с землей и передачи ее по наследству, которая не устраивала власть, стремившуюся получить полный контроль над землями в стране. Так ли это было на самом деле? Насколько власти были против реализации такого обычая и признавали складывающиеся на его основе правоотношения? Попробуем в этом разобраться.

Следует уточнить, что статья будет сосредоточена на государственно-правовых аспектах регулирования проблемы крестьянского землевладения. В первую очередь она касается проблемы землепользования в среде государственных крестьян, которые населяли территорию Приуралья в первой трети XVIII столетия. В большинстве случаев вопросы распределения земли решались непосредственно органами мирского самоуправления

и не подвергались документированию. Тем не менее, в нашем распоряжении оказались некоторые источники. Так как данные вопросы проходили через органы суда, мы сконцентрировались на характеристике деятельности региональных административно-судебных органов власти. В частности, данная статья построена на архивных материалах, отложившихся в результате деятельности судебной и воеводской канцелярий города Кунгура.

Основание Кунгура относится ко второй половине XVII в. Территория вокруг города оформлялась в уезд в течение второй половины XVII — начала XVIII в. В ее состав вошли сам Кунгур и ряд «подгородных» деревень, а также населенные пункты, отстоящие на более далекое расстояние от города. В окрестностях города проживали как русские, так и нерусские народности (в основной массе — татары). Во главе города и уезда стоял воевода. Правда, административно-судебные реформы Петра Великого привели к некоторым изменениям в составе управленческого аппарата. В частности, с 1721 по 1722 гг. помимо воеводской канцелярии здесь действовала судебная канцелярия. С 1723 г. уезд управлялся асессорами провинциального воеводы, направляемыми сначала из Вятки, а затем (с 1724 г. по 1727 гг.) — из Соликамска [2, с. 79,]. В 1728 г. все административно-судебные полномочия вновь оказались сосредоточены в руках воеводы.

Судебно-следственная документация административно-судебных учреждений Кунгура показывает, что население уезда достаточно часто обращалось с челобитными о земельных вопросах в органы местной администрации. Челобитья отражают процессы обращения земельной собственности и способы регулирования поземельных отношений, которые в целом похожи на те, что происходили в черносошных землях в предыдущем столетии. Следует заметить, что роль государства в регулировании поземельных отношений значительно усилилась. В частности, сделки купли-продажи недвижимого имущества следовало составлять и регистрировать в течение определенного срока в региональных органах государственной власти. Все сделки фиксировались в письменной форме [9, л. 67об.–68; 12, л. 2об.–4; 10, л. 193–193об.; 10, л. 195–195об.].

Кроме того, власти выступали и в качестве посредников в регулировании поземельных отношений между соседними общинами. Челобитные с подобной тематикой исходили не только от русского крестьянства, но также и от татар, стремившихся сохранять в целостности свои владения, а также урегулировать порядок их эксплуатации [10, л. 175–176; 11, л. 384–384 об.].

Основными способами приобретения собственности были покупка, получение заложенного в долг имущества ввиду неуплаты долга, наследование, получение «поступного письма», введение в эксплуатацию «порозжей земли».

Незанятые земли по берегам рек чаще всего использовались для строительства мельниц. В начале XVIII в. становится обязательной процедура получения разрешения на строительство от представителей региональной администрации, которое давалось лишь после проведения тщательного исследования вопроса о принадлежности земельных угодий. Данная ситуация была связана с тем, что непахотные угодья (леса и прибрежная зона) чаще всего были распределены между ясачными татарами [10, л. 1–30об.]. На этот факт обратила внимание еще М. М. Громыко. Изучая проблему освоения территории Западной Сибири XVIII столетия, она обратила внимание, что русские деревни, как правило, брали в аренду лесные угодья у татар («в кортом») [5, с. 30]. Для обозначения территорий, издавна находившихся во владении нерусского населения уезда, использовалось слово «вотчина». Это является еще одним доказательством, подтверждающим характер отношения к земельным угодьям, находившимся в руках «инородцев», как к своей собственности [9, л. 162–163; 12, л. 1–1об.].

В крестьянской среде также продолжало существовать правило приобретения собственности по давности владения. При отсутствии документов на владение землей крестьяне, участвуя в различного рода земельных спорах, обращают особое внимание на сроки их использования: «и пахал означенные перемены, которые за скотским выпуском, лет з 20, а другие 8 лет» [10, л. 166]. Для доказательства использования земли в течение длительного времени они также активно привлекают показания свидетелей [13, л. 2–2об.]. Следует отметить, что при вынесении решения представители региональной власти принимают во внимание все показания, рассматривая одинаково важными как официально зарегистрированные свидетельства, так и не подтвержденные документами сведения. Последнее обстоятельство свидетельствует о значительной роли обычного права в регулировании поземельных отношений, нормы которого использовались не только органами мирского самоуправления, но и государственными структурами. Для решения поземельных конфликтов региональные власти берут на вооружение наиболее устойчивые и широко используемые в крестьянской среде нормы, привлекая законодательство лишь в крайних случаях.

Таким образом, изучение судебных казусов дает любопытную информацию о взаимодействии традиционных и государственных начал в ходе формирования позиции власти по отношению к проблеме крестьянского землевладения. Ввиду отсутствия специальных законодательных актов, которые бы регулировали поземельные отношения между крестьянами, местные судебные-административные структуры были вынуждены обратиться к существовавшей в крестьянской среде практике разрешения подобных вопросов. Кроме того, несмотря на периодические запреты коронной администрации совершать крестьянам различные сделки с землей, они

продолжали эту практику, которая, в соответствии с нормами Соборного Уложения 1649 г. и другими нормативными правовыми актами начинает закрепляться в письменном виде. Таким образом, нормы обычного права нашли применение и признание у региональной администрации. Вне зависимости от того, какова была конфигурация постоянно реформируемых судебно-административных структур, они использовали традиционные механизмы стабилизации локального социума. Несмотря на позицию верховной власти, они были вынуждены приспосабливаться под местные условия.

Библиографический список

- Богословский М. М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. Т. 1: Областное деление Поморья. Землевладение и общественный строй. Органы самоуправления. М., 1909.
- Бородина Е. В. Судебная реформа Петра I на Урале и в Западной Сибири. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2012.
- Вернадский Г. В. Очерки истории права Русского государства XVIII–XIX вв. (Период империи) // История права. СПб., 1999. С. 9–110.
- Власова И. В. Община и обычное право у русских крестьян Северного Приуралья (XVII–XIX вв.) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 24–44.
- Громько М. М. Западная Сибирь в XVIII в.: Русское население и земельное освоение. Новосибирск, 1965. 265с.
- Копанев А. И. Крестьяне русского Севера в XVII в. Л., 1984. 241с.
- Кузьмин Е. П. Марийские государственные крестьяне в системе судопроизводства уездных воевод в XVIII в. // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность: Материалы III Всероссийской (IX Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (Ижевск, 17–19 октября 2010 г.). Ижевск, 2010. С. 241–246.
- Миненко Н. А. Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII — первая половина XIX в. Новосибирск, 1991. 265 с.
- РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 21.
- РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 23.
- РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 25.
- РГАДА. Ф. 1015. Оп. 1. Д. 1048.
- РГАДА. Ф. 1015. Оп. 1. Д. 1893.

УДК 94 (470) «17»

О. К. Ермакова

И. ГЕЙДЕНРЕЙХ И ЕГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРАВАХ ИНОСТРАНЦА В РОССИИ (1722–1731 ГГ.)*

В статье на материале частной, казусной истории Иоганна Гейденрейха, служившего в России по контракту в 1720-е гг., рассматриваются проблемы социально-правового статуса иностранцев. Анализируются представления иностранного специалиста о его правах, согласно заключенному договору, и степень соответствия этих представлений

Ермакова Ольга Константиновна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: ermakovaok@mail.ru.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ НШ-3422.2014.6.

реальной ситуации. Сделан вывод о том, что в рассматриваемый период отношение к иноземным специалистам, в целом, было далеко не столь бережным, каковым стало к началу XIX в. Их права часто нарушались, а контракт еще не укрепился в достаточной мере в качестве гаранта социально-правового статуса иностранцев.

Ключевые слова: *иностранцы, социально-правовой статус, контракты, представления о правах.*

Петровские преобразования дали мощный импульс для притока в Россию иностранцев. Традиционно считается, что приехавшие из Западной Европы специалисты самых разных профилей обеспечили активное развитие многих отраслей промышленности, а также образования, культуры и искусства. Кем же были эти иностранцы? Чего они ждали от приезда в Россию, и как складывались их судьбы в чужой стране? Всегда ли совпадали их интересы с предложениями и ожиданиями российского государства? Ответить на эти и другие вопросы помогает обращение к частным историям и казусам. Судьба Иоганна Готфрида Гейденрейха в России — яркая и показательная иллюстрация ко многим проблемам, касающимся взаимоотношений иностранного подданного (в частности, технического специалиста) и государства, социально-правового статуса иностранца, а также соответствия (или несоответствия) его представлений о собственных правах реальной ситуации¹.

Исследования разнообразных аспектов жизни и деятельности иностранцев в России проводятся как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Рассматриваются национальные диаспоры, судьбы отдельных людей, записки и впечатления иностранцев-путешественников о России. Объектами изучения становятся различные профессиональные группы, оценивается вклад иноземцев во все сферы жизни российского государства и общества. Осуществлен ряд исследований правового положения иностранных подданных в России в XVII-XIX вв. Данная тематика популярна в контексте актуального в настоящее время направления, связанного с изучением вопроса «Россия и Запад», определения степени включенности России в общеевропейское пространство [3, 4, 5, 9, 10, 11, 12, 13]. Однако проблема, обозначенная в заглавии настоящей статьи, ранее специально не исследовалась.

Контракт с бергмейстером И. Гейденрихом о службе в России был заключен в декабре 1722 г. в Гамбурге. Однако, подписывая договор, стороны не определили срок его действия. Это обстоятельство впоследствии серьезно осложнило положение иностранца. Иоганн Гейденрейх в 1727 г., проработав на российских заводах уже более четырех лет, подал прошение об увольнении со службы и отъезде «во отечество». Но осуществить

¹ Благодарю Д. А. Редина за указание на комплекс неопубликованных документов о И. Гейденрейхе, хранящийся в фондах ГАСО.

свое желание бергмейстеру не удалось. Ответ на его просьбу оказался отрицательным, поскольку его контракт не имел определенного срока, «однако причины к прошению абшида кроме его при флешном деле необыкновения не показывает» [1, л. 56]. Согласно последовавшему императорскому указу, И. Гейденрейх должен был отправиться на Нерчинский сереброплавильный завод для осмотра руд. С таким решением иностранец категорически не согласился. Следует отметить, что вопрос с поездкой бергмейстера в Нерчинск поднимался еще в 1725 г. Тогда начальник уральских горных заводов генерал-майор В. Геннин, следуя указу Берг-коллегии, приказал И. Гейденрейху ехать в Нерчинск, поскольку «он к серебряным рудам искусен». Однако бергмейстер объявил, что он не поедет, потому что он «не в такой силе служит, чтоб по земле бегать» [2, л. 137]. Двумя годами позже это дело приняло более серьезный оборот.

В начале 1728 г., отвечая на объявленный ему указ о командировании в Нерчинск, И. Гейденрейх заявил, что по условиям контракта не обязан туда ехать, и без подписания нового договора, а также без собственных маркшейдерских инструментов на те заводы не поедет. Однако со стороны горной администрации речи о новом контракте не шло, напротив, за слушание иностранца приказано было немедленно отправить в Нерчинск, а если «волею ехать не похочет», приставить к нему в провожатые двух солдат. Кроме того, ему приказано было принять присягу о верной службе императору [1, л. 70–70об.]. Но Гейденрейх составил в ответ подробную записку в Сибирский обер-бергамт, апеллируя к своему контракту. Во-первых, он настаивал на том, что присягу на верную службу не примет, пока с ним не будет заключен новый контракт, который, как следует из его слов, был послан им в Берг-коллегию в январе 1728 г. Во-вторых, бергмейстер оспаривал само намерение отправить его в Нерчинск, хотя в договоре и значилось, что он обязуется служить «в том месте, куда высочайше Его Императорское Величество повелит» [1, л. 92–92об.]. Гейденрейх служил на разных заводах (в частности, на Олонецких), а затем был переведен на Урал. Он беспрекословно переезжал на разные места службы, однако, более не намерен этого делать, т.к. в контракте ни слова не упомянуто о том, чтобы всегда его «от места на место посылать». Также, чтобы обосновать свое право не следовать более заключенному в 1722 г. соглашению, И. Гейденрейх указывает на то, что один из пунктов контракта не исполнен. Речь идет об условиях вознаграждения за службу. Несмотря на то, что жалованье иностранец получал в установленном размере, выплата его часто происходила с большими задержками. Еще больше его возмущало, что он не получал акциденций, положенных бергмейстеру, хотя в контракте содержалось упоминание о дополнительных доходах, надлежащих такому чину.

Иоганн Гейденрейх неоднократно посылал письма в Сибирский обер-бергамт о своем несогласии ехать в Нерчинск. Несмотря на это, 1 июня 1728 г. была сделана попытка силой отправить туда бергмейстера. Протоколист Феоктист Кузнецов докладывал, что получил приказание вместе с подпрапорщиком Клепиковым явиться в дом к И. Гейденрейху и объявить ему, чтобы он немедленно ехал в Нерчинск. Если же бергмейстер не подчинится, то следует его «взять под руки и посадить в коляску и проводить за город» [1, л. 132]. Вместе с Кузнецовым и Клепиковым к иностранцу были отправлены двое солдат. Когда они пришли к Гейденрейху и изложили цель визита, бергмейстер отвечал: «Извольте делать, как вам приказано, токмо я не еду». После этого солдаты открыли ворота во дворе бергмейстера и стали готовить коляску, чтобы запрягать лошадей. Тогда И. Гейденрейх, увидев, что они делают, выбежал во двор и выгнал их. Ф. Кузнецов так описывал поведение иностранца: «Оной бергмейстер, увидя в окно, что мы на двор подводы повели, выбежав он во двор к воротам с великим криком, и подвод на двор ввезть не пустил, и многие слова говорил по-немецки, а какие не знаю, понеже переводчика тут не было <...> токмо по-русски выговорил: до меня де и до двора моего никому никакого дела нет и зачем ходить, и впредь де не почто ходить ко мне, а я де не еду, и ворота запер запором» [1, л. 132–132об.]. Однако прислушиваться к желаниям иностранца не собирались. Уже через два дня был отдан следующий приказ о посылке его в Нерчинск, который звучал буквально следующим образом: «... для высылки оного бергмейстера <...> в неволю на оные Нерчинские серебряные заводы послать к нему, бергмейстеру, на квартиру вторично лейб-гвардии сержанта Бессонова с шестью человек солдат, которому велеть, взяв подводы и заложив коляску и посадя оного бергмейстера неволю в коляску, выпроводить загород, а понеже во оном доношении <протоколита Ф. Кузнецова — Е.О.> показано, что оной бергмейстер упрямится и ворота запирает, того ради оному сержанту Бессонову, ежели он, бергмейстер, и от него запирает будет, двери выбить и посадить в коляску всеконечно неволю, и потому ж выпроводить загород» [1, л. 133]. Насколько жесткие меры после этого были применены к иностранцу сказать сложно, но совершенно очевидно, что, в конце концов, И. Гейденрейх все же был против воли отправлен на Нерчинские заводы, где он осуществил порученный ему осмотр руд и дал заключение об их истощении [7, л. 40об.].

В начале 1731 г. Иоганн Гейденрейх, по свидетельствам Сибирского обер-бергамта, «непрестанно требовал себе скорого отпуска во отечество» [8, л. 10–10об., 79–83об.]. При этом он не отступал в борьбе за собственные права, запрашивая различных компенсаций. Во-первых, он требовал проценты (ростовые деньги) за то, что не всегда вовремя получал жалованье.

От этого, однако, в исследуемый период страдал не один И. Гейденрейх, а очень многие иностранные специалисты. Упоминания о несвоевременной выплате жалования встречаются регулярно [6, л. 23, 41]. Берг-коллегия отказалась выплачивать проценты, аргументировав свое решение тем, что в России немало иностранцев находится на службе, и часто случается, что жалование им в срок не выдается, однако никто за это «росту» не просит. Во-вторых, И. Гейденрейх вновь требовал акциденций. Он утверждал, что в Германии бергмейстерские акциденции гораздо выше самого жалования, и считал, что ему полагается в год по 500 рублей дополнительных доходов, что было эквивалентно размеру окладного жалования. Но и это требование иностранца не было удовлетворено. Берг-коллегия отвечала, что такие акциденции И. Гейденрейх мог сам заработать при случае, выполняя помимо основной службы какую-либо работу или давая консультации на частных заводах, но от казны подобные выплаты не полагается получать [6, л. 80]. В-третьих, иностранец просил Берг-коллегию о «справедливой сатисфакции за учиненные ему в Екатеринбурге ругательства», имея в виду конфликты, в частности, с В. де Генниным, о чем было приказано провести разбирательство. Некоторые просьбы Гейденрейха все же были исполнены. Они касались, прежде всего, его отъезда из России. Предписывалось отпустить иностранца на родину без промедления, выдав ему положенные прогонные деньги. Также, не осталась без внимания просьба И. Гейденрейха о награждении его «за трудные поездки, которые он вопреки службы своей в России имел и почти от всего своего стал быть лишен и в немалые долги впал». Обращаясь с этим вопросом, бергмейстер вновь ссылается на контракт, в восьмом пункте которого прописано, что в случае достойной и полезной службы, он будет повышен в чине. Перед отправлением на родину Иоганн Гейденрейх получил чин обер-бергмейстера [6, л. 82об.].

Таким образом, служба И. Гейденрейха в России сопровождалась постоянной борьбой за собственные права. При этом иностранец неизменно апеллировал к заключенному с ним контракту, будучи уверенным в юридической силе договора. Несмотря на то, что в 1720-е гг. уже сформированы были основополагающие пункты контрактов с иностранными специалистами, этот вид документа еще был далеко не совершенен. Многие условия не учитывались, что приводило к спорным и конфликтным ситуациям. Именно эти прецеденты впоследствии и позволили сформировать более полный и унифицированный формуляр контракта. Однако в рассматриваемый период отношение к иноземным специалистам, в целом, было далеко не столь бережным, каковым стало к началу XIX в. Их права часто нарушались, а контракт еще не укрепился в достаточной мере в качестве гаранта социально-правового статуса иностранцев.

Библиографический список

- ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 33.
ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193.
Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.): Мат-лы науч. конф. «Германия — Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI–XX вв.» Екатеринбург, 2001. 583 с.
Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. М., 2007. 383 с.
Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII в. (правовой статус и реальное положение). М., 2004. 341 с.
РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1.
РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 169.
РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 180.
Россия XVIII в. глазами иностранцев / Подготовка текстов, вступительная статья и комментарии Ю. А. Лимонова. Л., 1989. 544 с.
Тихонова А. В. Российская политика в отношении швейцарских колонистов в первой половине XIX в. // Вопросы истории, 2010. № 8. С. 82–90.
Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX в. (Les Français dans la vie intellectuelle et scientifique en Russie au XIXe siècle) / Под ред. А. О. Чубарьяна, Ф.-Д. Лиштегана, В. С. Ржеуцкого, О. В. Окуновой. М., 2013. 387 с.
Bartlett R. P. Human Capital. The settlement of foreigners in Russia, 1762-1804. Cambridge, 1979. 323 pp.
Cross A. G. «By the banks of the Neva»: chapters from the lives and careers of the British in eighteenth-century Russia. Cambridge, New Yorkersity Press, 1997. 474 pp.

УДК 94 (470.5) «17»

А. М. Сафронова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЦЕННОСТИ ШКОЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ У НАСЕЛЕНИЯ КАЗЕННЫХ ЗАВОДОВ УРАЛА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

Раскрывается изменение представлений горнозаводского населения о ценности обучения детей в школах Урала под влиянием изменившегося образа жизни, приводятся данные о подаче родителями прошений о приеме детей в школы, открытии школ по месту жительства детей, обучении в частных школах.

Ключевые слова: *Урал, горнозаводские школы, частные школы, отношение родителей к обучению детей.*

В первой половине XVIII в. Урал превратился в передовой в отношении школьного обучения регион Российской империи. Этому способствовали два фактора — Урал стал самой крупной площадкой для развития модернизационных процессов в экономике страны, руководил промышленностью края в 1720–1722 и 1734–1739 гг. один из выдающихся государственных деятелей В. Н. Татищев, видевший в открытии школ и распространении грамотности важнейшее средство, содействующее

Сафронова Алевтина Михайловна, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург; e-mail: alevtina.safronova@gmail.com.

развитию экономики и культуры. Действия Татищева как начальника заводов позволяют считать его одним из самых успешных акторов модернизации региона в 20-е и 30-е гг. XVIII в.

Если в первый период пребывания на Урале Татищевым были открыты словесные школы при Уктусском и Алапаевском заводах, арифметические на Уктусе и в Кунгуре (1721); в наказе заводскому комиссару разработан план развития школьного дела, охватывающий также новый Екатеринбургский и перешедший в горное ведомство Каменский завод (октябрь 1723), то во второй период руководства заводами (1734–1739) по инициативе Татищева словесные, а по мере усвоения детьми грамоты и арифметические школы, должны были открываться при всех казенных заводах. К 1734 г. к 4-м действовавшим прибавились еще 8 заводов: Пыскорский и Лялинский (1723), Полевской и Егошихинский (1724), Уктусский верхний, Верх-Исетский и Синячихинский (1726), — Сысертский (1732). При Татищеве начали строиться и были пущены в строй еще 7: Северский и Юговской (1735), Висимский (1736), Сусанский (1737), Туринский, Сылвенский, Кушвинский (1739).

Быстрый рост численности заводов, а, следовательно, и усложнение практики управления ими, потребовали увеличения числа мастеров, подмастерьев, заводских работников, укомплектования мест заводских учеников — доменного, плавильного, пробирного, мехового, плотинного, медного, камнерезного, монетного дела; появления новых специальностей — механиков, геодезистов, маркшейдеров, специалистов инструментального дела, лекарей, аптекарей, переводчиков, школьных учителей, не говоря уже о десятках приказных служителей, надзирателей работ, управляющих заводами. Школы были призваны обеспечить расширявшиеся потребности заводов в людях, овладевших грамотой, основами математики, черчения, рисования, латинского и немецкого языков. Обучение в них стало давать ее учащимся выход в новую жизнь, особенно усвоившим основы арифметики, геометрии, черчения, иностранных языков.

На горнозаводском Урале многое было сделано для организации обучения и привлечения детей в школы: назначены учителя, на некоторых заводах обязали обучать арифметике самих надзирателей, в немецкую и латинскую выписали учителей из столицы через Кабинет министров и Академию наук. В школах ввели казенное жалованье. С 1735 г. оно стало назначаться ученикам, чьи родители получали в год менее 25 руб., а проживающим вдали от родителей — независимо от размера окладов отцов. По сути, обучение в школах стало обязательным с 1735 г. для детей мастеровых, солдат, приказных служителей, детей дворян, горных офицеров. Но из-за роста числа учащихся, найма дорогостоящих учителей, покупки книг произошел большой перерасход полагавшихся на школы штатных

сумм. На ряде заводов открытие школ приостановили, детей с них стали забирать в близлежащие учебные заведения: с Синячихинского и Суванского — на Алапаевский завод; с Висимского — на Пыскорский, с Юговского — на Егошихинский, с Северского — на Полевской. В 1742 г. хронический перерасход школьных сумм вынудил уральскую администрацию сократить как сеть школ (оставить их при Екатеринбургском, Полевском, Алапаевском и Егошихинском заводах), так и круг учащихся, подлежащих обучению в них на жалованье. Власти стали забирать в школы лишь сирот, детей отставных от дел, солдат, разночинцев, прочих принимали по желанию отцов.

Примечательно, что в феврале 1722 г. молотовые мастера Уктусского завода сразу же после отъезда Татищева в Москву подали коллективное прошение Михаэлису, оставшемуся за главного в руководстве заводами, чтобы не брать с них «дымных денег» и «детей наших в школу не спрашивать», ссылаясь на несуществовавший указ из Санкт-Петербурга, якобы запрещавший это делать [1, л. 577–578]. Это прошение ярко отражает непривычность ситуации, порожденной предписанием Татищева об определении в школы детей. По сути, это был протест против введения непривычной для населения школьной повинности. Но постепенно жители казенных заводов стали понимать ценность школьного обучения, наблюдая за распределением бывших школьников к делам, начавшимся в 1723–1724 гг., их «служебным» ростом, видя ежегодно увеличивавшуюся потребность в грамотных людях для занятия тех или иных вакантных мест. Они сами начали подавать прошения о приеме детей в школу, опережая действия властей. Рост этих прошений на протяжении первых 30 лет деятельности учебных заведений хорошо отражает эту тенденцию.

Первые записи о их подаче регистрирует опись дел Алапаевского завода за июнь 1721 г. — подьячий Федор Попов просил Татищева во время посещения завода «о определении детей его в Канцелярию для обучения»; с аналогичной просьбой обратился и сын молотового мастера Яков Елкин, что ускорило открытие школы при заводе. Описи дел Екатеринбургской конторы за 1724–1725 гг. фиксируют 3 прошения родителей о приеме детей в Уктусскую школу. Прошения о приеме детей в школы Екатеринбурга убедительно отражают тенденцию увеличения их численности со временем. За первые 10 лет деятельности школ (1724–1734) было подано всего 4 прошения, за последующие 1735–1745 гг. — 43 и за последние 5 лет — 27, т. е. сама статистика прошений свидетельствует о росте популярности школ среди местного населения, о положительной оценке их деятельности. Из отдаваемых учиться: 27 детей заводских работников, детей солдат — 18, подьячих — 12, крестьян — 5, ссыльных — 5, сторожей — 4, заводских управителей — 3, офицеров — 3, учителей — 2.

Один из офицеров, подполковник, отправил сына из Саратова, а бывший надзиратель Каменского завода — из Тобольска [8, с. 5–7].

Данные о возрасте детей свидетельствуют, что 70% их отдавалось в школы в возрасте 6–8 лет, т. е. сразу же по достижении годности к обучению, остальные — 9–13 лет. Треть просителей излагала мотивы кратко: имею сына 8 лет «и ныне желаю ево отдать для научения словесному и писать в здешние школы»; «желаю отдать в Екатеринбургскую словесную школу, а без определения канцелярии... не принимают»; брата «ныне желаю обучить арифметической науке» и т. д. В большинстве прошений мотивировка развернутая, их авторы ссылаются на подростков из других семей, уже отданных для обучения и выражают опасение, как бы их дети не упустили нужного времени и не избаловались. Типично в этом отношении прошение солдата Тараданова: «а в таковые ево лета у протчих моей братьи екатеринбургских солдат дети взяты к научению в школы грамоте и протчим наукам, а втуне время их не проходит. Також и я желаю...». Копиист канцелярии Родюков сообщал о 6-летнем брате: «Находится празден и грамоте еще не обучен и дабы напрасно из младенчества не закоснел, желаю, чтоб оного определить ко обучению напервее грамоте и письму, а потом и прочим наукам, как и прочие малолетние обучаются». Об этом же беспокоился и копиист Карпов: брат 11 лет, «находится ныне празден и опасно, чтоб он к приходящему возрасту не избаловался». Подобные оговорки присущи прошениям заводских работников, солдат, копиистов 1730-40-х гг. Некоторые из них отдают в школу второго или даже третьего ребенка, вдова же подканцеляриста Чебакова одного за другим определила в школу 4-х своих детей по достижении ими 8-летнего возраста [8, с. 8–9].

Большинство просителей — жители Екатеринбурга, но среди них есть лица, проживавшие при других заводах: близлежащих Верх-Исетском и Уктусском, и удаленных от Екатеринбурга на десятки и сотни верст — Сысертском, Полевском, Каменском, Арамилской слободе, деревнях Камышловского дистрикта и таких довольно далеких поселений как Алапаевский, Кушвинский, Лялинский заводы, Нижне-Туринские рудники, расстояние до которых в современном исчислении равняется 180, 198, 320 и 254 км. В годы подачи прошений при этих заводах школы еще не были заведены, либо уже перестали действовать, поэтому таких «иногородних» набиралось довольно значительное количество: 23% к общему числу определяемых.

Из 83 человек, определяемых в школы, 15 уже обучались грамоте «на дому». Если исключить из их числа детей 5–7 лет (22 чел), можно говорить, что каждый пятый подросток 8–13 лет, поступавший в школу по инициативе родных, уже владел азами грамоты. Семеро прошли программу словесной школы и поступали сразу же в арифметическую,

сын же бывшего лесного надзирателя Каменского завода Корнилов был и «арихметика наукой до умножения за свой кошт... обучен». Среди них было по двое детей заводских управителей, надзирателей, рудокопщиков, солдат, крестьян, трое — «конторских», один «разночинский», происхождение еще одного не известно, брат же, устраивающий его в школу, лекарский ученик.

Половина ходатайствующих о приеме сами когда-то обучались в екатеринбургских школах, что, безусловно, укрепляло в них мысль о необходимости обучения детей и младших братьев. Все они рассматривали домашнее обучение как начальный этап. Елкин, просивший об обучении грамоте в 1721 г., выучил в школе сына и в 1745 г. хлопотал об устройстве осиротевших внуков 12 и 13 лет, «кои в жизнь сына... на воле обучались грамоте и некоторую часть уже и обучились, а ныне... имею охоту, чтоб их обучить в совершенство». Рудокопщик Сысертского завода Карпов обучил сына «своим коштом» азбуке, часослову и псалтири до половины, после чего решил отдать в школу «для совершенного обучения оной науки» [8, с. 11].

К просьбам о приеме детей для обучения примыкают прошения родителей, которые подавались коллективно, об открытии школы при их заводе. Нами установлено 4 таких случая, свидетельствующие о стремлении родителей приблизить место обучения детей, создать им для этого более приемлемые условия. Попытка родителей повлиять на сам процесс организации школ — результат их высокой сознательной активности. В 1738 г. отцы учащихся словесной школы Лялинского завода обратились с прошением в контору об открытии при Лялинском заводе наряду со словесной арифметической школы. Поводом явился предстоящий перевод их детей, обучившихся грамоте, в арифметическую школу Екатеринбурга. Узнав, «что на Алапаевский завод из Екатеринбурга прислан для обучения арифметике особливой учитель», они постановили: «требовать» такого учителя и на Лялю, «понеже ...дети их ныне жалованье не получают, а пропитание и одежду имеют от них, родителей своих, а сиродския дети кормятца мирским подаванием» [2, л. 233]. В 1741 г. с просьбой открыть словесную школу при Сусанском заводе обратились родители 14 детей, назначенных к отсылке на Алапаевский завод: «мастеровые и работные люди просили, чтобы для способности их в пропитании и в одежде и в обуви обучать при том заводе» [3, л. 399–400]. В 1748 г. работники Северского завода, дети которых уже посещали Полевскую школу, жаловались, что они «принуждены ходить на Полевской завод (чтобы проведать детей и обеспечить едой. — А. С.) и им от такого содержания излишней расход и нужда есть», и просили организовать школу на месте, при Северском заводе [4, л. 503 об.].

В 1748 г. жители Сысертского завода обратились в местную контору с прошением учредить школу, чтобы учить «мастерских и рабочих детей словесному, писать и арифметику» [5, л. 206]. Поскольку с 1742 г. их дети не подлежали обязательному обучению и не должны были набираться администрацией для отсылки на другие заводы, это ходатайство наиболее инициативное. Перед нами уже коллектив родителей, поддерживающий школьную форму обучения, согласных самим оплачивать труд учителя, которого определяют власти. Замечательно, что работникам Лялинского и Сысертского заводов удалось добиться удовлетворения своей просьбы — их прошения, пожалуй, наиболее результативны среди всех прочих в плане влияния на окружающую действительность.

Параллельно со словесной школой горного ведомства, действовавшей в Екатеринбурге, в которой в середине 1730-х гг. обучали около 150–170 учеников, действовали частные школы, в которых детей за плату обучали ссыльнопоселенцы. В августе 1736 г. ссыльный Иван Максимов, пытавшийся устроиться на место учителя в горнозаводскую школу, сообщил: «обретаюсь здесь за старостию не у дела, токмо обучаю здешних обывателей вольных словесной грамоте и писать по договору родителей их» [6, л. 514]. В 1746 г. место освобожденного из ссылки учителя Екатеринбургской словесной школы Семена Иванова, уезжающего в Москву, пожелал занять ссыльный Никита Афонасьев. Он просил начальство разрешить «имеющихся ныне у него во обучении вольных детей» 25 человек доучить в горнозаводской школе. Ему позволили доучить «собственными их книгами, а казенных к тому не употреблять...» [7, л. 312]. Таким образом, можно говорить о существовании конкуренции между школой горного ведомства и частными школами. Часть родителей выбирала последние, соглашаясь платить за обучение и снабжать детей учебными пособиями, возможно из-за переполненности казенной школы и желания обеспечить детям более приемлемые условия овладения грамотой.

Библиографический список

1. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а.
2. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 762.
3. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 907.
4. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 50.
5. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 380.
6. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624.
7. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 349.
8. Сафронова А. М. Прошения о приеме в горнозаводские школы как источник по изучению демократической культуры Урала первой половины XVIII в. // Из истории демократической культуры на Урале (XVIII — начало XX в.). Пермь, 1986. С. 3–12.

ПРОШЕНИЯ И ЖАЛОБЫ РОССИЙСКИХ ПОДДАННЫХ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.: ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССА МОДЕРНИЗАЦИИ

В статье рассматриваются содержание и мотивы обращения крестьян к властным структурам с различными прошениями и жалобами. На основе сравнительно-текстологического анализа прошений выявлены особенности самоидентификации крестьян и субъективные оценки характера взаимоотношений с помещиками посредством использования понятий «свобода/вольность», «рабство/владение».

Ключевые слова: *крепостной вопрос в России, крестьянство, прошения, крестьянское мировоззрение.*

Важным показателем содержания и направленности процесса модернизации являются изменения в мотивации и стереотипах поведения людей. С приходом к власти императора Александра I, объявившего курс на укрепление «силы закона» и либерализацию социально-экономических отношений, в различных кругах российских подданных возникли ожидания позитивных изменений. Содержательно они отражены в многочисленных проектах, журнальных статьях и публицистических произведениях. Однако не менее информативным для понимания изменений в сознании современников являются жалобы и прошения представителей различных категорий населения, посредством которых они пытались решить наиболее актуальные проблемы. Сопоставление содержания и целевой направленности прошений открывает перед исследователем перспективу реконструкции особенностей социальной самоидентификации индивида, зарождения у него стремления к правовому решению конфликтов посредством обращения к различным государственным структурам.

Широкий спектр проблем, которые современники пытались решить посредством письменных обращений к властным структурам не позволяет в рамках одной публикации сопоставить мотивы составления прошений всех категорий российских подданных. Именно поэтому в настоящей статье внимание сконцентрировано на содержании и направленности прошений представителей одной из наиболее многочисленных категорий населения России первой четверти XIX в. — крепостных крестьян. В результате проведенного сравнительного анализа крестьянских жалоб и прошений достаточно отчетливо прослеживаются три основания для обращения к представителям центральной администрации.

Тимофеев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: dmitrim@yandex.ru.

Первое основание — обвинения помещика в жестоком обращении, «изнурении работами» и неспособности прокормить крестьян. Так, например, в 1818–1819 гг. в Таврический комитет при МВД от крестьян поступила жалоба на отставного коллежского секретаря Алексея Юхарина и его брата, квартирмейстера Михаила Юхарина. Они обвинялись в том, что «...ведя жизнь распутную, и обращаясь беспрестанно в пьянстве, причиняют крестьянам своим бесчеловечные побои, изнуряют ежедневными работами и не дают никакой пищи и одеяния» [1, л. 8]. Проведенная проверка подтвердила обоснованность жалобы крестьян, и по предложению Таврического губернатора Симферопольский уездный суд принял решение об установлении «опеки над людьми помещиков Юхариных» [1, л. 20 об].

Однако, далеко не всегда жалобы крестьян на жестокость помещиков описывали реальное положение дел. В ряде случаев жалобы использовались как инструмент сведения личных счетов с управляющими или помещиками, и содержали не только обвинения в жестокости, но и в нарушении помещиком установленных государством запретов. В данном контексте показательным является «донесение» дворовых людей Алексея и Ивана Поляковых на помещика Курской губернии А. Бровицына, в котором, наряду с описанием «необыкновенных тиранств», сообщалось, что помещик насильственно «...венчал однодворческих дочерей за своих крестьян» и «производил... из винокуренного на свой обиход вина непозволенную онаго продажу» [2, л. 8об]. Можно предположить, что обвинения в незаконной продаже вина, по мысли доносителей, должно было привлечь особое внимание государства и неизбежно привести к негативным последствиям для помещика. О наличии стремления осложнить жизнь помещику посредством привлечения внимания государственных чиновников свидетельствуют и показания других крестьян, которые утверждали, что Алексей говорил своему сыну Ивану: «Ты удавись, или что-нибудь над собой сделай, то помещик и не отделается» [2, л. 39].

Подобные обращения крестьян с жалобами на помещиков были своеобразной формой социального протеста с заранее непредсказуемым результатом и отражали представления крестьян о контролирующих функциях государственных чиновников, обращение за помощью к которым могло улучшить повседневную жизнь крепостных, или даже привести к их освобождению. Именно такая мотивировка представлена, например, в показаниях по делу «о доносе принадлежащей отставному прапорщику Мартынову крестьянки Н. Яковлевой», которая «...созналась, что обжаловала господ своих для того, дабы воспользоваться свободой от крестьянства» [1, л. 6].

Второе основание для обращения к представителям властных структур возникало, как правило, при смене помещика, сопровождавшейся судебными спорами по вопросу о наличии у новых владельцев законных

прав наследования недвижимой собственности. Возникновение конфликтов с новым помещиком или его представителями, непривычные формы управления, распродажа части имущества и изменения «тяжести» повинностей — все это, на фоне слухов о судебных разбирательствах, или существовании иных наследников, могло быть действенным стимулом для составления прошений. В подобных случаях крестьяне обращались за помощью к местным канцелярским чиновникам, которые за определенную плату консультировали просителей о юридической стороне их дела и порядке подачи документов. В результате в прошениях, наряду с апелляцией к нормам действующего законодательства, воспроизводились представления о «доброте» и бережливости «законного наследника» и, соответственно, расточительстве и несправедливости действий наследника, не имевшего безусловных прав на владение имением.

Ярким примером сочетания юридических аргументов и убежденности в том, что настоящий, «законный» наследник будет рачительным и заботливым хозяином, является поданное осенью 1814 г. ревизору А. Л. Львову «Покорнейшее прошение» крестьян Тамбовской губернии Потапа Кудрявцева и дворового человека Ивана Шверкина. В нем крестьяне жаловались на действия жены умершего в 1813 г. помещика Л. Полтавского, которая совместно со своими родными сестрами, по происхождению «простыми казачками», продала разным лицам «запасной хлеб», сено и другое имущество, а недовольных крестьян подвергала «тюремному заключению» [3, л. 8]. Надежда на предотвращение дальнейшего разорения имения и восстановление справедливости была связана с информацией о существовании прямого наследника по мужской линии. По дошедшим до крестьян сведениям, он находился в расположении Донского казачьего войска. В связи с этим обстоятельством крестьяне просили взять имение под опеку государства, а для «... скорейшего отыскания того наследника дать нам на проезд в войско Донское и обратно билеты...» [3, л. 8]. Таким образом, крепостные, с одной стороны, обращались к чиновнику, олицетворявшему государство, как к силе, способной остановить злоупотребления новых помещиков, а с другой, выражали готовность самостоятельно найти законного наследника. Важно отметить, что просители, описывая свое положение, не использовали понятие «рабство» и не отрицали крепостное право. Для них принципиально важным представлялось восстановить сложившуюся ранее систему взаимоотношений помещика и находящихся на территории его имения крестьян.

Третье основание, воспринимавшееся как достаточное для составления жалоб и прошений, было связано с незаконным удержанием крестьян лицами недворянского происхождения, которое напрямую отождествлялось с «рабством». Следует отметить, что на рубеже XVIII–XIX вв. попытки присвоения права обладания крепостными людьми предпринимали

состоятельные купцы и так называемые «разночинцы». Особенно заметно это стремление становится после издания указа 12 декабря 1801 г., разрешившего приобретение ненаселенных земельных участков представителями всех «свободных состояний». В большинстве случаев незаконная продажа крестьян лицам недворянского происхождения совершалась под прикрытием перехода крепостного по «верующим письмам» в «услужение», «учение» или «на воспитание».

Множество случаев нарушения лицами недворянского происхождения установленного законом запрета владеть крепостными крестьянами, вызвало достаточно жесткую реакцию власти. 23 октября 1816 г. помещикам было запрещено предоставлять по «верующим письмам» «...права на продажу или заклад вверяемого в управление их имения и крепостных людей», а также «отдавать на воспитание, или в учение крепостных помещичьих людей» на срок более пяти лет [5, с. 1056–1057.]. На практике стремление владеть крепостными было сильнее установленных государством запретов. Даже несмотря на угрозу наложения денежного штрафа в размере от 200 до 500 руб. и принудительное освобождение работников [6, с. 906–908], помещики и их «доверители» каждые пять лет составляли новые «прокормежные и плакатные паспорта», «верующие письма» или контракты на «учение крестьян».

Отданные «в услужение» или «учение» крестьяне могли находиться в полной власти лиц недворянского происхождения несколько десятилетий подряд, и полностью утрачивали какую бы то ни было связь с законным владельцем. Не имея достоверной информации о перепродаже от одного помещика к другому, или продлении срока пребывания в услужении по «верующему письму», некоторые из них подавали «прошения об отыскании свободы от рабства». Так, например, 7 февраля 1816 г. крестьянин Гаврила Шебалин подал прошение, в котором утверждал, что «...от рождения состоял во владении полковницы Мильгуновой, а от нее продажен, или по закладной, находился у Пензенского купца Федорова Попова в рабстве 15 лет, и оным продан княгини Шаховской крестьянину Павлу Пастухову, ...у коего находился с семейством лет восемь...» [4, л. 5]. После многолетнего пребывания «в услужении» у лиц недворянского происхождения Г. Шебалин выказывал недовольство тем, что его и его семью передали помещику Яковкину, который «делает сильное семейству его изнурение, одевает хуже других своих людей» [4, л. 5]. Проведенное губернскими властями расследование выявило, что в действительности помещица Мильгунова продала крестьянина коллежскому советнику Яковкину, который, в свою очередь, отдал по «верующему письму» купцу Ф. Попову, а через несколько лет потребовал вернуть крестьян в свое имение. Таким образом крепостных просто вернули к законному владельцу. Однако, с позиции

крестьянина, все, что произошло после передачи из владения помещицы Мельгуновой, свидетельствовало о пребывании его в «рабстве», а следовательно, давало ему право подать прошение об «отыскании свободы от рабства».

В общем виде, сравнительно-контекстуальный анализ крестьянских жалоб и прошений показал, что в сознании крестьян «рабство» отождествлялось с рядом конкретных проявлений: чрезмерная жестокость наказания, изъятие личного имущества, удержание работников, рожденных от «людей свободного состояния», а также длительное пребывание в услужении у лиц недворянского происхождения. При этом важным для понимания особенностей социальной самоидентификации крестьянина становится соотношение понятий «владение» и «рабство». В прошениях понятие «владение» использовалось для описания прав помещика на управление имением и было, по сути, частью исторически сложившегося обозначения «состояния» крестьянина и места его проживания. Второе же понятие («рабство») имело уже исключительно негативные коннотации и употреблялось в случае, когда крестьянин оказывался в положении, требующем незамедлительного вмешательства представителей государственной власти. В такой трактовке понятия его использование усиливало эмоциональную окрашенность текста, а следовательно, порождало у просителей ожидания благоприятного решения чиновников по конкретному делу.

Таким образом, проведенный анализ показал ряд важных особенностей самоидентификации российского крестьянина и его представлений о желательных сценариях решения крепостного вопроса. Во-первых, «рабство», как система взаимоотношений, предполагающая возможность «своевольного» применения физического насилия и отсутствие имущественных прав, вызывала неприятие у представителей различных сословий российского общества. Особенностью крестьянского понимания было то, что противоположностью «рабства» одновременно были понятия «свобода/вольность» и «законное владение». При этом для крестьян-земледельцев «свобода/вольность» не обязательно означала переход в другое «состояние», а лишь отсутствие мелочного контроля со стороны помещика. Крепостные же находящиеся на положении «дворовых людей», особенно те из них, кто длительное время проживали в городах, отождествляли «свободу» с предоставлением личной независимости и возможности уйти от помещика. Во-вторых, наиболее вероятный, с точки зрения крестьян, сценарий решения крепостной проблемы предполагал, что инициатива должна исходить от императора и сопровождаться финансовой поддержкой бывших помещиков со стороны государства. Следует отметить, что такая патерналистская схема решения крепостного вопроса встречается

и в проектах, предлагаемых императору представителями европеизированного дворянства. Общность патерналистских установок проявлялась не только в форме слухов, но и в форме письменных обращений к власти за помощью, по аналогии с всеподданнейшими прошениями и судебными исками, подаваемыми представителями дворянства и других свободных состояний.

Библиографический список

1. РГИА. Ф. 1306. Оп. 1. Д. 25.
2. РГИА, ф. 1163, оп. 1, т. XVI, 1807, д. 65, л. 8об.
3. РГИА, ф. 1549, оп. 1, д. 28.
4. РГИА, ф. 1553, оп. 1, д. 177
5. ПСЗ-1. Т. XXXIII. СПб., 1816. № 26.469.
6. ПСЗ-1. Т. XXXVIII. СПб., 1823. № 29.416.

УДК 94 (571.1) «17/19»

А. Ю. Конев

ОБМЕН И ТОРГОВЛЯ НА СИБИРСКОМ СЕВЕРЕ В XVIII — НАЧАЛЕ XX ВВ.: ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И МОДЕРНИЗАЦИЯ С ПОЗИЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ*

Историю взаимодействия российской и автохтонных социально-экономических и политических систем в Сибири принято рассматривать как по преимуществу конфликтный процесс, предполагавший выстраивание отношений соподчинения и постепенное вытеснение традиционных форм, в том числе в экономической сфере, особенно в XIX — начале XX вв. Автор статьи предлагает посмотреть на эти процессы под новым углом зрения, с позиции экономической антропологии. Анализируется использование аборигенных дарообменных практик в сборе ясака, синтез этих практик с элементами рыночной экономики на примере ярмарок Северо-Западной Сибири. Предлагаемый подход может существенно дополнить модернизационную парадигму, применяемую для изучения процессов интеграции и экономического развития сибирского региона в составе Российской империи.

Ключевые слова: дарообмен, ясак, торговля, деньги, ярмарка, экономическая антропология, ненцы, ханты, Сибирь.

Сфера обмена и торговли в Сибири с момента её присоединения к Русскому государству всегда была предметом особой заботы властей, при этом достаточно жестко регламентировались торгово-обменные контакты с автохтонным населением. Эта регламентация касалась, прежде всего, оборота пушнины, так как именно она составляла до середины

Конев Алексей Юрьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень; e-mail: aldimoks@mail.ru.

* Автор выражает признательность Н. В. Ссорину-Чайкову за ценные консультации в процессе работы над данной публикацией.

XIX в. основную часть ясачного сбора — специфической формы натуральной повинности индигенных народов в пользу российской короны. Процесс коммутации ясака, то есть фактического или санкционированного властями замещения его натуральной формы денежной, отражал изменения в хозяйственно-экономической жизни «ясашных народов». Традиционный по этому поводу тезис о развитии товарно-денежных отношений в аборигенной среде отсылает к парадигме формационного подхода, а также тесно увязывается с процессами модернизации и интеграции сибирских автохтонов в систему экономических связей империи [15, с. 46–48]. Не имея возражений по поводу факта углублявшейся интеграции, и не только в экономике, отмечу, что более сложной и неоднозначной предстаёт модернизационная траектория этих взаимодействий, как и в целом история сосуществования аборигенной и российской экономических систем в сибирском регионе.

В экономической антропологии под влиянием трудов её основоположников Бронислава Малиновского [10; 19], Марселя Мосса [13; 20] и Карла Поляни [21], как и в классической политэкономии, утвердились представления о принципиальном (стадиальном) отличии традиционных (архаических) и цивилизованных (капиталистических) экономик. Архаические общества характеризуются существованием системы дарообмена, которая в отличие от рыночных отношений не была подчинена извлечению экономической выгоды (прибыли), а соответствующие обменные операции не были обезличены. При этом важное, а порой определяющее, значение имели соображения престижа и морали, религиозные представления. Дарообмен выступал как форма общественного договора, заключаемого между коллективами при посредничестве вождей с возникновением взаимных обязательств. Предметами обмена/передачи могли быть не только вещи, но и пиры, праздники, женщины и дети, услуги [13, с. 189–190]. Одна из ключевых идей Мосса и его многочисленных последователей заключается в том, что в обществах с рыночной экономикой отношения «дара-отдара» вытесняются рынком. Но в последние десятилетия в ряде исследований различие между традиционными и современными экономиками поставлено под сомнение, подвернуты критике «эволюционные и “историцистские”» положения о том, что «незападные безденежные формы обмена в хронологически современном мире представляют собой дорыночные, “несовременные”, социально-экономические формы» [4; 17, с. 75; 18, р. 669]. Экстраполируя эти положения на сибирскую пушную торговлю XVII–XX вв., Н. В. Ссорин-Чайков характеризует её как результат взаимовлияния российской и «нерыночной» туземной экономик, расширявшуюся за счет «взаимной дополняемости “дара”, “дани” и “торговли”» [17, с. 75].

Было бы интересно проследить эту «дополняемость» на примере русско-аборигенных взаимодействий на западносибирском Севере в XVIII — начале XX вв., определив какую роль в соответствующих процессах играли денежные эквиваленты. В этом, собственно, и состоит главная исследовательская задача настоящей работы.

Сохранилось немало свидетельств о наличии тесной связи дарообмена с уплатой ясака у некоторых обитателей субарктических районов Восточной Сибири. А. С. Зуев полагает, что обмен подарками был не только обязательным элементом гостеприимства, но и частью «дипломатического этикета» чукчей: «Получение от русских подарков и ответное одаривание (ясаком) вполне соответствовали такой “дипломатии”. Но требование ясака без подарков вызывало у чукчей непонимание» [7, с. 89]. Следует отметить, что задолго до знакомства с чукчами, ещё на рубеже XVI–XVII вв., в Сибири устанавливается практика произнесения царского «жалованного слова» перед князьями, мурзами и старшинами ясачных людей, после прочтения которого представителей туземной элиты полагалось «накормить и напоить гораздо» [1, с. 365; 3а, л. 1]. Таким образом, элементы символического дарообмена уже были включены в дипломатический этикет русской стороной и воспринимались коренными обитателями всех сибирских земель как необходимый жест. Определённые элементы этой практики в трансформированном виде сохранились и после реализации I-ой Ясачной реформы 1763–1769 гг. Отныне полагалось чинить «пристойное награждение из казны» старшинам и князьям ясачных волостей за то, что ясак будут вносить «бездоимочно» и сами его «привозить из своих улусов в надлежащие места» [9, с. 253]. На мой взгляд, такое нерегулярное вознаграждение скорее носило характер отдарка, чем оплату фискальных агентов.

О том, что представления о дарообмене как средстве установления и поддержания добрососедских контактов существовали у инородцев Нижней Оби, свидетельствуют записи их юридических обычаев, опубликованные в начале 80-х гг. XIX в. березовским земским исправником Т. Поповым. Он обратил внимание на то, что «между остяками в большом употреблении дарение, и у них существуют случаи обязательного дарения». Имелись ввиду прежде всего внутригрупповые практики во взаимодействиях между родственниками и свойственниками. При этом отмечается, что именно «через взаимные подарки устанавливается дружеское отношение, называемое «рума», «логаз» (друг)». Подарок обязательно требовал отдарка, и если такового не последовало, «то бывают ссоры, доходившие до суда». При этом «споров из-за неравных подарков не бывает: всякий дарит и отдаривает по своему состоянию» [11, с. 134]. Известно, что шурышкарские ханты, отправляясь в гости, в качестве подарка брали

с собой 2–3 оленей [3, с. 87]. Н. А. Миненко полагает, что дарение у северообских народов походило скорее на даровую ссуду, чем на безвозмездную сделку. Подарок выступает символом в верности своих действий и своему долгу. Получив отдарок, человек получал соответствующее заверение от своего контрагента [12, с. 212, 213].

Психологические и символические установки дарообменных практик безусловно влияли на торгово-обменные отношения, в которые коренные жители Северо-Западной Сибири вступали не только со своими одноплеменниками, но и с пришлыми группами — русскими и коми. А. И. Иконников, давший подробное описание Обдорской ярмарки середины 60-х гг. XIX в., отмечает, что местные русские старожилы и зыряне «хорошо зная язык инородцев, имеют между ними много знакомых, сужают их хлебом и разными товарами, и те, приезжая на ярмарку, являются на дом к своим друзьям и приятелям, <...> усаживаются бесцеремонно на чем попало, угощаются мерзлой рыбой» и только после этого начиналась процедура сделок. Поддержание дружеских связей, которые «в глазах инородцев имеют большое значение», использовалось последними как стратегия для выгодного обмена: «ведь ты мне друг, — так отчего же не хочешь уступить? <...> и если хочешь, чтобы я остался твоим другом, возьми, пожалуйста, столько-то песцов, а иначе ты мне и вовсе не друг» [8, с. 56]. Подобная аргументация, как правило, приносила результат, так как выгода была обоюдной, а в арсенале русских и зырян всегда оставались возможности компенсировать свою уступку. О том насколько были заинтересованы обдорские торговцы в сохранении своей клиентской базы свидетельствует Н. Л. Скалозубов, посетивший в 1896-1897 гг. северные уезды Тобольской губернии. Торговые люди, «принимают самоедов как гостей; обменный торг состоится не раньше, как купец угостит самоедскую семью и ещё не один раз водкой и хлебом». Всё время пребывания на ярмарке самоеды гостили у торговцев, которым сдавали свой товар, и у которых покупали нужный им. Обычай этот был весьма тягостным для принимающей стороны, но нарушить его «никто не решается» [16, с. 15–16]. Плохое угощение могло стать поводом для прекращения сделки и смены торгового партнёра.

Аналогичная ситуация наблюдалась и на другой знаменитой во второй половине XIX в. ярмарке Тобольского севера — Сургутской, которая проходила ежегодно в конце декабря — первой половине января и называлась Рождественской. Среди торгового класса и местных жителей она была известна как самоедская, так как основные торгово-обменные операции осуществлялись с самоедами, прикочёвывавшими к Сургуту с рек Пур, Надым и Таз. Для остяков в Среднем Приобье были свои ярмарки и торжки в сёлах Юганском и Ларьякском [14, с. 320–322, 327]. И. Я. Неклепаев, описывая особенности здешней торговли, обращает внимание на то,

что внешне ход ярмарки не был замечен, и не сопровождался видимым оживлением, так как всё происходило в домах богатых сургутских купцов преимущественно ночью. «При этом установился здесь тоже давний обычай, что если кто из самоедов кредитуются у того или другого русского купца, то только с ним одним он и ведёт всю торговлю». Случаи перебежки от одного к другому зависят от того «кто из сургутских купцов лучше всех примет и угостит самоедов во время первого визита, который <...> имеет решающее значение на всю ярмарку» [14, с. 322]. Результаты визитов различных групп ненцев к разным купцам затем обсуждались на «кайме» — особом становище в 30-40 верстах от Сургута, где располагались прибывшие на ярмарку жители северных тундр, и до времени держали свой товар. Лишь после этого ненцы выезжали в Сургут уже с товаром. Русским торговцам являться на «кайм», тем более с водкой, было запрещено. Действенность запрета, хотя его нарушения наблюдались, обеспечивалась не только дачей специальных расписок местному начальству, но и контролем со стороны самого предпринимательского сообщества. Щедрость угощения в доме немалым количеством мяса, стряпнёй, коровьим маслом, и, конечно же, водкой становилась главным инструментом в борьбе за клиента.

Безусловно, что долги, которые неминуемо возникали у инородцев в сложившейся системе кредитных отношений, также служили нитью, связывающей торговцев и их поставщиков-аборигенов, но сам кредит должен рассматриваться в этой сети социальных взаимодействий как часть более широкой системы дарообменных практик, пронизывавших всю торговлю на Обском Севере между инородцами и русскими.

Какова же была роль денег в этой системе? Известно, что в середине XIX — начале XX вв. инородцы севера Тобольской губернии возвращали ими долги, платили некоторые сборы, в том числе ясак, и в основном на деньги покупали вино. По имеющимся материалам сложно судить, насколько широко они использовались в качестве кредита. Деньги скорее были промежуточным инструментом в цепочке обменных операций, где каждый преследовал свой интерес. Как платёжное средство деньги были не очень удобны для автохтонов. «Инородцы — отмечает Иконников — мало знают толку в деньгах: им известны только трёхрублёвые и пятирублёвые бумажки, которые они считают на ассигнации гладко в 10 и 17 руб.; о лишних полтинах <...> они и слышать не хотят» [8, с. 56]. Аналогом денег как стоимостного эквивалента и расчётного средства выступали шкуры песца (в Обдорском крае) или белки (в Сургутском округе). Средняя стоимость белого песца в Обдорске в 1860-х гг. составляла 2 руб. 50 коп. ассигнациями, песцовая лапа — 10 копеек ассигнациями [8, с. 56–57]. С падением пушного промысла и ростом товарного значения рыболовства в качестве

эквивалента обмена в низовьях Оби стали использовать рыбу ценных пород (муksуна). В этой связи резонно замечание В. Ю. Вануйто, что «меновая стоимость и эквиваленты обмена на территории Обского Севера могли быть достаточно динамичными категориями» [2, с. 95]. Даже с расширением к концу XIX столетия использования денег, как отмечает Неклепаев, «вся эта уплата деньгами есть собственно, одна только фикция, а, в сущности, происходит лишь обмен самоедских товаров на русские», полученная самоедами наличность тут же при покупке ими товаров переходила «обратно в руки сургутских купцов» [14, с. 325]. Вместе с тем известный северовед А. А. Дунин-Горкавич, отмечает, что на рубеже XIX–XX вв. наличные деньги не были редкостью в экономическом обиходе, в том числе при займах, у остяков и самоедов северных уездов. Это касалось сделок как с русскими, так и между инородцами [5, с. 263–264; 6, с. 67–68, 72].

Таким образом, практика обмена дарами, которая использовалась как автохтонами, так и русскими, в том числе представителями власти, являлась выражением как горизонтальных, так и вертикальных связей. Эти связи определяли диспозицию представителей туземных социумов в социальной и экономической системе государства. Товарно-денежные отношения не отменяли, и не вытеснили к началу XX в. сложившиеся формы экономического поведения сибирских инородцев. Скорее наблюдался определённый синтез дарообменных и производных от них практик и рыночного института купли-продажи. Подводя итоги, которые, безусловно, являются предварительными, и нуждаются в более тщательной проверке и дальнейшем исследовании, отмечу, что применение теории дара-отдара в интерпретации таких исследователей как Натали Девис и Николай Ссорин-Чайков позволяет дополнить модернизационную парадигму при изучении процессов интеграции и экономического развития народов Сибири в составе Российской империи.

Библиографический список

1. Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая — 17 июля 1610 г.). Собрал и редактировал А. М. Гневушев // Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. М., 1914. Вып. 2. 421с.
2. Вануйто В. Ю. Торгово-обменные связи народов Обского Севера и русскоязычного населения в XVIII–XIX вв. // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2001. С. 93–95.
3. Головнёв А. В., Конев А. Ю. Община у народов Нижнего Приобья во второй половине XIX — начале XX вв. // Община и семья в сибирской деревне XVIII — начала XX вв. Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1989. С. 79–91.
- 3а. ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 28.
4. Девис Н. З. Дары, рынок и исторические перемены: Франция, век XVI // Одиссей. Человек в истории. 1992. М., 1994. С. 193–203.

5. Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т. I: Общий обзор страны, её естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб, 1904. 376 с.
6. Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т. III: Этнографический очерк местных инородцев. Тобольск, 1911. 208 с.
7. Зуев А. С. Ясак, подданство и договорный дарообмен: (чукотский вариант XVII–XIX вв.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 2. С. 84–92.
8. Иконников А. Заметки об Обдорской ярмарке // Тобольские губернские ведомости. 1864. № 7. Часть неофициальная. С. 55–61.
9. Инструкция лейб-гвардии Семеновского полка секунд-майору Щербачёву // Бульчев И. Путешествие по Восточной Сибири. СПб., 1856. Ч. 1. С. 251–268.
10. Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М., 2004. 584 с.
11. Материалы по юридической этнографии малых народов Севера / Публикация В. А. Зибарева. Томск, 1992. 160 с.
12. Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. 308 с.
13. Мосс М. Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / Сост., пер. с фр., предисловие, вступит. статья, комментарии А. Б. Гофмана. М., 2011. С. 134–285.
14. Неклепаев И. Я. Самоедская ярмарка в Сургуте // Сибирский листок, 1890–1894 [Избранные материалы из газеты: Из фондов Тобольского гос. ист.-архитектурного музея-заповедника] / Сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). Тюмень, 2003. 591 с.
15. Побережников И. В. Север Западной Сибири в контексте российской модернизации XIX — начала XX в. // Вестник Пермского университета. История. 2013. Вып. 3(23). С. 44–52.
16. Скалозубов Н. От Тобольска до Обдорска (Из путевого журнала) // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XVI. 1906. Тобольск, 1907. С. 1–18.
17. Скорин-Чайков Н. В. Медвежья шкура и макароны: о социальной жизни вещей в сибирском совхозе и перформативности различий дара и товара // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 2. С. 59–81.
18. Ferguson J. The Bovine Mystique: Power, Property and Livestock in Rural Lesotho. Man (New Series). 1985. 20(4). 647–674.
19. Malinowski B. Argonauts of the Western Pacific. An Account of Native Enterprise and Adventure in the Archipelagoes of Melanesian New Guinea. L., 1922. 527 p.
20. Mauss M. Essai sur le Don. Forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques // l'Année Sociologique, nouvelle série. 1. P., 1925. 30–186.
21. Primitive and Archaic Modern Economies. Essays of Karl Polanyi. N. Y., 1968. 346 p.

УДК 94 (470.5) «18/19»

Л. А. Дашкевич

УЧАЩАЯСЯ МОЛОДЕЖЬ УРАЛА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВВ.: ОБРАЗОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

В статье анализируются воспоминания учеников Уральского горного училища второй половины XIX — начала XX в. Автор делает вывод о том, что обучение в стенах этого специального учебного заведения расширяло интеллектуальный кругозор молодых людей, приобщило их, через чтение и обсуждение литературы, к настроениям русского

Дашкевич Людмила Александровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: ldash54@mail.ru.

интеллигентного общества. Идеи, распространявшиеся в молодежной среде, меняли традиционную «картину мира» учащихся и когнитивные основы их ментальности.

Ключевые слова: *образование, воспитание, горное училище, мемуары, образ жизни.*

Важным каналом приобщения населения Российской империи к культуре европейского типа была система светского образования. Об изменениях в мироощущении подрастающего поколения рубежа XIX–XX в. позволяют судить многочисленные воспоминания учащихся. Предметом нашего анализа стали мемуары воспитанников Уральского горного училища, сохранившиеся в фондах Государственного архива Свердловской области.

Уральское горное училище возникло в 1852 г. по инициативе главного начальника уральских горных заводов генерала В. А. Глинки. Представления генерала о правилах образования и воспитания кадров военизированной горной службы легли в основу «Положения об учебных заведениях уральских горных заводов», которое было официально одобрено 31 декабря 1852 г. Уральское горное училище, в соответствии с этим Положением, было закрытым учебным заведением. Учащиеся, происходившие по большей части из семей заводских служащих и рабочих, жили в пансионе под строгим наблюдением надзирателей. Для «нерадивых и замеченных в каких-либо проступках воспитанников» существовала целая система наказаний, включавшая порку розгами и заключение в карцер.

Впечатления учеников о подобной системе воспитания отразились в мемуарах горного техника Евгения Никитича Короткова, обучавшегося в Уральском горном училище в 1866–1870 гг. Вот что вспоминает Коротков о своем сокурснике Алексее Быдарине, подвергшемся наказанию розгами: «Этот Быдарин при самом поступлении в училище был намного развитее всех нас. Выделялся он и знаниями своими: так с немецким языком был знаком настолько, что мог уже порядочно переводить и имел большой запас слов /.../ Серьезный фундамент был у него по французскому языку. С нарождавшейся литературой 60-х годов он уже был настолько знаком, что при чтении её нами он указывал уже и критику на разные места её» [1, л. 23]. Наказали же этого уже достаточно взрослого и уважаемого в коллективе учащихся человека за то, что на улице он не отдал честь горному начальнику Екатеринбургских заводов Данилову. Горный инженер, отчитав ученика за проступок, велел ему донести о своем поведении управляющему училищем Н. К. Чупину. Алексей этого не сделал, надеясь, что инженер «не пойдет жаловаться». Однако Чупин получил от Данилова письмо и вынужден был поступить согласно Уставу училища. «Ученик просил лучше исключить, но не наказывать, — пишет Е. Н. Коротков. — Чупин доказывал ему, что исключением он может испортить будущую его жизнь, а сечением — нет, и тот согласился» [1, л. 22].

Строгими мерами администрация училища пыталась поддерживать дисциплину и верноподданнические настроения. Первоначально эти действия были достаточно эффективными. Примером может служить случай шалости учеников, записанный Е. Н. Коротковым: «После вечерней молитвы инспектор шел по обыкновению в спальню проверять наличие учеников. Кто-то сзади легонько свистнул, а человека два–три засмеялись. Инспектор вернулся найти свистнувшего, в это время в другом конце спальни уже свистнули громко, что вызвало еще больше хохота. Инспектор ушел, но через полчаса снова является и снова появляется хохот и свист. Как раз в это время входит Н. К. [Чупин] со свечой в руке. Все утихло и тишина продолжалась с полминуты, наконец Н. К. громко сказал: “Господа, стыдно: всякий гражданин да повинуется законам своего Отечества”. Повернулся и ушел. Эти слова подействовали на всех учеников, как ушат холодной воды и назавтра едва ли не всем было стыдно перед инспектором. Досталось от остальных и виновникам» [1, л. 13].

В начале XX в. ситуация в училище изменилась. В случаях личного оскорбления кого-то из учащихся, их интеллектуального принуждения или других вызовов администрации ученики стали занимать согласованную позицию и нередко добивались своего. Инженеры И. В. Шишкин и В. Н. Швецов, окончившие училище в 1904 г., например, вспоминали об учителе Головачеве, который получил у ребят прозвище «пожарный» за свою привычку браниться. Однажды, когда учитель обозвал ученика «дрянью», все ребята поднялись и вышли из класса. На перемене они написали Головачеву письмо с требованием извиниться за оскорбление и впоследствии быть вежливым. Вплоть до публичных извинений учителя и его заявления о том, что впредь он будет с учащимися «изысканно вежлив», занятия не продолжались, ученики отказывались отвечать на поставленные учителем вопросы [3, л. 40].

Главным принципом жизни учащихся Уральского горного училища было товарищество, взаимовыручка. Мемуары свидетельствуют, что коллективная идентичность учеников начала формироваться еще в 1860–1870-х гг., когда в учебном заведении появились различные ученические объединения, студии, самодеятельные кружки. В те годы здесь действовал драматический кружок, выпускались ученические журналы: «Свободное время», «Новое время», «Среда», «Уралец» (последнее наименование постепенно вошло в обиход и стало самообозначением воспитанников училища). У Уральцев складывались общие символы, ценности и ритуалы, выделявшие их в городском сообществе. Инженеры И. В. Шишкин и В. Н. Швецов вспоминали, что «надев форму Уральского горного училища, вновь поступившие в училище, очень быстро делались “взрослыми”, ибо Уралец — это, прежде всего, взрослый человек. Так

говорили молодежи старшие по классу и по возрасту товарищи. Если до поступления в училище через загородь бульваров считалось особым шиком перепрыгнуть, а не пройти там, где люди ходят, то, надев форму Уральца, самый подвижный паренек через эти загороды уже не перепрыгивал, а чинно шел там, где идут и другие» [3, л. 24]. Одним из знаковых символов была студенческая форма. Многие учащиеся гордились своей принадлежностью к горной службе. Инструкции предписывали Уральцам приветствовать преподавателей и чиновников горного ведомства по военному артикулу. «Нечего греха таить, — писали И. В. Шишкин и В. Н. Швецов, — отдавать честь новичкам очень нравилось, и нередко молодой Уралец обгонял какого-нибудь старика горного инженера, возвращался, отдавал этому старику честь, немного погодя опять возвращался, перегонял этого старика и шел своей дорогой» [3, л. 24].

Объединяли учащихся и совместные мероприятия. Администрация Уральского горного училища ежегодно устраивала для своих питомцев праздники и балы. Особо готовились ребята к балам, которые проводились в помещениях дворянского или общественного собрания. И. В. Шишкин и В. Н. Швецов вспоминали, что на балах Уральцы старались поддерживать престиж своего учебного заведения и вели себя весьма пристойно. «Не было ни одного случая, чтобы на своих балах хотя бы один Уралец был в нетрезвом состоянии. Навеселе, может быть, кто-нибудь и был, но нетрезвым не было ни одного» [3, л. 30]. На балы приглашались дамы. Билеты для приглашенных и атласные программы вечера продавались участникам по одному рублю. Выручку тратили на угощение гостей и бальный оркестр. В стенах Горного училища развлечения были попроще. В начале XX в. там почти ежедневно с 9 до 10 часов вечера проводились танцы, где «отплясывали пансионеры», здесь они, как пишут авторы воспоминаний, не стеснялись своего пролетарского происхождения. И. В. Шишкин и В. Н. Швецов вспоминали, что танцы в училище обычно заканчивались отчаянной пляской русского, во время которой «топот поднимался необычайный».

Трудно судить о том, каковы были общественно-политические убеждения всех учащихся Горного училища. Советские авторы утверждали, что они находились под крылом местной большевистской организации. Управляющий училищем П. И. Паутов считал, что взгляды его подопечных были более разнообразны. В 1907 г. он доносил в Горный департамент: «Воспитанники Уральского училища, как дети заводских служащих и рабочих, как более возрастные в среде учащихся Екатеринбурга, всегда были особенно восприимчивы к социалистическим учениям. Привлечение их к ответственности по политическим делам служит указанием сопричастности учеников Уральского горного училища ко всем современным течениям

и проявлениям политической жизни» [4, с. 83]. Аресты учеников по политическим мотивам начались в 1905 г., когда учебные занятия в Горном училище были, по сути, сорваны. Ученики ходили на митинги, писали общую петицию на имя министра финансов, посещали занятия школы пропагандистов. Для прекращения дальнейших волнений главный начальник уральских горных заводов П. П. Боклевский решил временно закрыть училище. В декабре 1905 г. пансионерам предложили в трехдневный срок очистить интернат и разъехаться по домам. Занятия восстановились только осенью 1906 г., но в училище приняли не всех. Девять бывших пансионеров, привлеченных полицией к ответственности по делу Екатеринбургского комитета социал-демократической рабочей партии, были исключены. Полицейский надзор над Уральцами не прекращался и впоследствии.

Одной из причин радикализации молодежи конца XIX — начала XX вв. были настроения интеллигентного общества, к которым ученики приобщались через чтение литературы. Е. Н. Коротков писал: «Со второго же года нашего житья начала в учениках проявляться сильная жажда к самообразованию. Не имея для чтения книг, достаточно свободного времени днем, когда инспектор с надзирателем наблюдали, чтоб ученики в определенные часы дня занимались определенными же учебными же предметами, приходилось прибегать к чтению ночью. После того, как ученики улягутся спать, а вместе с ними и надзиратель, тогда несколько учеников поднимаются, накидывают на себя шинели и подсаживаются с книжками к ночнику /.../ Большая часть учеников чтением книг, можно сказать, захлебывалась, употребляя на это всё свободное время. Вскладчину абонировались в библиотеку, а в воскресные дни попускались обедом, брали с собой ломтя два ржаного хлеба и шли в библиотеку, чтобы с 10-ти до 3-х часов почитать в кабинете для чтения газеты за истекшую неделю и т.п. новости» [1, л. 17]. Сходная информация содержится в мемуарах Николая Дмитриевича Чадова, однокурсника Е. Н. Короткова: «Картежной игры тоже у нас не было, играли очень редко в преферанс, дурачка, свои козыри, мельники и пр., да и времени лишнего не было, переписка и приготовление уроков, а главное, чтение почти запоем поглощало почти всё наше время. Читали мы «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Дело» и почти зачитывались ими, потом разбирали, критиковали, но по большей части восхищались Некрасовым, Тургеневым, Толстым, Решетниковым, Добролюбовым и проч. В свободное время, воскресении и праздники нередко ходили (у кого был пятак) в библиотеку (у монастыря), лишая себя обеда, брали с собой 2–3 куска черного хлеба, просиживали там с 10 часов утра до 9 вечера» [2, л. 10].

Одним из их любимых занятий Уральцев в свободное время, судя по мемуарам, было также посещение городских театров — драматического

и оперетты. Преподаватели поощряли это увлечение. В театр ученики обычно ходили компаниями, стараясь получить лучшие места на галерке. «Театралы мы были страшные, — вспоминал Н. Д. Чадов (выпускник училища 1870 г.), — конечно, раешники, забирались с 4 часов, чтобы застать первые (скамейки) места и вместе с тем выдерживать тяжесть всех остальных» [2, л. 9 об.]. Не пропало это увлечение и в начале XX в. И. В. Шишкин и В. Н. Швецов (выпускники 1904 г.) писали: «Посещение городского театра, где была оперетта, посещение Верх-Исетского театра (теперь сломан), где была драма, было для Уральцев не редкостью. Лучшие драматические артисты тех времен (Дальский, Евгеньева и др.), а также постановки таких трагедий, как «Отелло», «Уриэль — Акоста», «Гамлет» и др. и таких драм, как «Дети Ванюшина» и «Бесприданница» и др. были известны каждому Уральцу» [3, л. 29].

Политическая субкультура учащейся молодежи формировалась в русле отечественной и зарубежной социальной мысли. Инженеры И. В. Шишкин и В. Н. Швецов вспоминали, что в 1901–1904 гг. «чтение таких писателей, как Тургенев, Добролюбов, Писарев, Достоевский, Толстой и других корифеев русской литературы считалось совершенно необходимым. Чтение В. Гюго, Экрмана, Шатриана, Шатобриана и других было не редкостью. Немного увлекались и чтением Ч. Дарвина. Делу самообразования служило также то, что Уральцами посещались открытые заседания Общества любителей естествознания, заседания Общества уральских техников» [3, л. 28]. В конце XIX–XX в. Уральцы увлеклись трудами Маркса. Литературу они брали в своей училищной библиотеке и других книжных собраниях Екатеринбурга (библиотеке имени Белинского, частной библиотеке Клушиной и др.).

Под влиянием литературы в молодежной среде распространялись радикальные идеи и религиозная индифферентность, а иногда и безверие, которые были присущи тогда русскому образованному обществу. И. В. Шишкин и В. Н. Швецов писали: «К концу второго года пребывания в пансионе первокурсник сменял свое мировоззрение полностью и становился, по меньшей мере, атеистом, чему много способствовало групповое чтение Бокля, Маркса, Энгельса и нелегальной литературы, которой в училище всегда было достаточно. Хранилась она под подоконными железными листами и никакие обыски никогда не могли таковую обнаружить» [3, л. 25]. Большая часть Уральцев начала XX в. воспринимала изучение Закона божьего и катехизиса как никому не нужную обузу и сопротивлялась тому образу жизни, который навязывался училищным начальством. Об этом свидетельствуют случаи, описанные инженерами И. В. Шишкиным и В. Н. Швецовым: «Вот, например, Николай Ш. и Борис С. во время причастия поменялись именами. На вопрос дьякона “Как звать” Николай Ш.

называет себя Борисом, а Борис С. называет себя Николаем. Во время пения “Богородицы” на утренней или вечерней молитве очень многие поют “и мать кузьки нашего” вместо “и мать бога нашего”. Чтецам, входившим в церкви за амвон читать шестипсалмие, обычно наказывали “не тянуть” и были такие чтецы, которые ухитрялись пятый псалом и всю процедуру проделать в пять минут: стоит паренек и трещит как пулемет на радость своих приятелей. Во время же обязательных земных поклонов подавались такие реплики, от которых краснели бы волжские грузчики добрых старых времен. Большое удовольствие доставляло Уральцам украшать свою церковь к Пасхе: в это время можно было походить по алтарю, повольничать, а были и такие, которые примеряли в это время диаконскую или поповскую ризу и даже пытались изобразить в этом одеянии “русскую» [3, л. 26].

Поражение революции 1905–1907 гг. несколько охладило радикальные настроения молодежи. Изменились и условия жизни и обучения Уральцев. В 1908 г. было введено новое Положение, отменившее прежние суровые меры наказания в Уральском горном училище и усилившее права его выпускников. В 1910 г. в учебную программу учебного заведения были включены новые предметы: электротехника, электрометаллургия, законоведение применительно к горнозаводскому делу, основы бухгалтерии и коммерческой электрометаллургии, теория словесности, история русской литературы, немецкий язык с техническими переводами. Для желающих стали преподаваться французский и немецкий языки [4, с. 85]. Хотя училище и продолжало считаться одним из центров «крамолы» в городе, многие его питомцы предпочли отказаться от политических акций. Приоритетными для них стали вопросы профессионального обучения и будущей служебной карьеры. Об этом свидетельствует профессор Уральского горного института А. И. Веселов. Он писал: «Мои воспоминания об Уральском горном училище относятся к 1911–1915 годам, когда я и мои одноклассники (В. В. Данилов, С. Г. Мокрушин и К. В. Кочнев) учились в нем. Уральское горное училище пользовалось хорошей репутацией на предприятиях горной промышленности Урала, Сибири. Это объяснялось хорошей подготовкой горных техников, которые нередко занимали инженерные должности» [5, с. 79].

После революции 1917 г. Горное училище было преобразовано в Уральский рабочий политехникум, а затем — Уральский горнозаводской и строительный техникум для подготовки техников-металлургов, горняков и строителей. Это были уже новые учебные заведения. Авторы труда, посвященного уральской школе техников, справедливо заметили, что «дело отнюдь не ограничивалось одним изменением названия — с ним пришел и действительно новый «дух» [5, с. 88]. Уральское горное училище и населявшие его Уральцы остались в прошлой жизни.

В целом, анализ мемуаров воспитанников Уральского горного училища позволяет сделать вывод о том, что обучение в стенах этого специального учебного заведения расширяло интеллектуальный кругозор молодых людей. Приобщение, через чтение и обсуждение литературы, к настроениям русского интеллигентного общества стимулировало в них стремление к самообразованию, саморазвитию. Идеи, распространявшиеся в молодежной среде, меняли традиционную «картину мира» учащихся и когнитивные основы их ментальности.

Библиографический список

1. ГАСО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 131.
2. ГАСО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 132.
3. ГАСО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 365.
4. Сто лет горнотехнической школы на Урале. Свердловск, 1948. 248 с.
5. Уральская школа техников. Свердловск, 1972. 199 с.

УДК 94 (470) «18/19»

О. А. Полянина

ФЕМИНИЗАЦИЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

В статье прослежена взаимосвязь процесса феминизации занятости и становления института муниципальной службы. Автор рассматривает правовые и экономические предпосылки найма женщин в органы местного самоуправления Российской империи. Сделан акцент на вовлечение женщин в новые сферы занятости.

Ключевые слова: феминизация, феминизация занятости, Российская Империя, органы местного самоуправления, земство, муниципальные служащие, «третий элемент».

Модернизация социальной структуры позднеимперской, а затем советской России неотделима от феминизации занятости и, как следствие, постепенного усиления роли женщин в различных сферах жизни общества. В исторической и социологической литературе достаточно подробно исследован процесс феминизации таких массовых профессий, как учителя и медики. Вместе с тем, данный процесс нередко рассматривается без учета конкретных исторических условий, которые способствовали повышению экономической и социальной эффективности женского труда, а, значит, и слову мировоззренческих стереотипов по поводу распределения гендерных ролей. Трудно отрицать, что феминизация целых сфер занятости находилась в тесной связи со становлением дореволюционного института муниципальной службы, поскольку количественные и качественные изменения состава «третьего элемента» во многом происходили

Полянина Ольга Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, Башкирский государственный университет, г. Уфа; e-mail: olga-polyanina@mail.ru.

за счет женщин. Причины этого явления следует искать не только в подчеркнутом идеологическом противопоставлении общественной (то есть земско-городской) и государственной или частной службы [5, с. 28], но и в правовом статусе «третьего элемента».

Как земские, так и городские положения крайне скупо регламентировали вопросы, относящиеся к вольнонаемным сотрудникам органов местного самоуправления, нигде не конкретизируя половую принадлежность служащих. «Свод общих губернских учреждений» (редакция 1866 г.) [11] и последовавшее за ним Положение Комитета министров «О предоставлении губернаторам особых прав при замещении постоянных должностей по земским и городским учреждениям» [8, с. 56], в свою очередь, уравнивали мужчин и женщин перед процедурой подтверждения благонадежности и возможностью «удаления от должности» по решению губернатора. Отсутствие ограничительных правовых норм резко контрастировало с порядком прохождения государственной службы. «Свод уставов о службе гражданской» содержал точный перечень министерств и ведомств, куда «допускались» лица женского пола. За редким исключением женщины могли быть приняты только «по письменной и счетной частям» по вольному найму «без предоставления прав и преимуществ, государственную службу приобретаемых» [12, с. 40–42].

Земские и городские органы самоуправления не были связаны подобными ограничениями и при необходимости напоминали об этом губернской администрации. В 1895 г. тверской губернатор отменил решение Новоторжской уездной земской управы о назначении женщины-врача Серафимы Розановой заведующей народной библиотекой при земской больнице. Единственной причиной отказа явилось «неудобство» занятия указанной должности лицом женского пола. Земская управа обратилась с жалобой в Правительствующий Сенат, который в мае 1897 г. отменил распоряжение губернатора, подчеркнув, что утверждение или неутверждение в должности зависит исключительно от благонадежности претендента [10, с. 694].

Тем не менее, вплоть до конца XIX в. лицо земства оставалось мужским. Практически каждая земская управа начинала формирование штатного расписания служащих с учреждения должностей врачей, техников, землемеров, счетоводов. Следующим шагом становилось приглашение ветеринаров, агрономов и статистиков — все перечисленные профессии на тот момент являлись сугубо мужскими. Относительно немногочисленный (по сравнению с последующим периодом) учительский, библиотечный и средний медицинский персонал не мог изменить соотношение мужчин и женщин в пользу последних. Еще в меньшей степени нуждались в женском труде органы городского самоуправления, поскольку уездные и даже

губернские центры длительное время обходились минимальным количеством служащих.

На рубеже XIX–XX вв. стало очевидно, что усложнение земско-городских задач, появление совершенно новых сфер деятельности органов муниципальной власти привели к обострению кадровой проблемы. Важно отметить, что органам местного самоуправления требовались кадры разной квалификации, поэтому поиск будущих сотрудников происходил сразу по нескольким направлениям. Наиболее ценных специалистов, имевших опыт организаторской работы, управы «похищали», переманивая более высокой заработной платой и лучшими условиями труда. Педагогический и средний медицинский персонал, наоборот, «выращивали» в своей губернии, учреждая учительские семинарии и фельдшерско-акушерские школы. Еще одним способом решения кадровой проблемы стала феминизация земско-городской службы.

Отдавая предпочтение женскому труду, гласные и члены управ не столько демонстрировали широту взглядов, сколько исходили из рациональных соображений, стремясь «купить» наиболее квалифицированные кадры за наименьшую цену. Оклад фельдшерицы-акушерки, получившей специальное образование, равнялся или ненамного превышал заработок так называемого ротного фельдшера, обладавшего минимальными медицинскими познаниями. Жалование женщины-врача практически всегда было меньше вознаграждения, которое получали ее коллеги-мужчины на аналогичной должности.

Говоря о причинах и особенностях феминизации, нельзя не отметить четко выраженный семейный характер муниципальной — прежде всего земской — службы в дореволюционной России. Для работы в некоторых учреждениях (отдаленные земские больницы или школы, психиатрические лечебницы) управы изначально подбирали семейные пары. Источники сохранили множество примеров совместной службы мужа и жены, которые являлись фельдшерами, смотрителями, водопроводными служащими и т.д. Иногда такие пары создавались уже в процессе работы, иногда жена поступала в земство вслед за мужем. В начальных училищах постепенно возникали династии: мать или отец работали учителем, а дочь поступала в ту же школу в качестве помощницы. Характерно признание главного врача Уфимской губернской земской больницы, который отмечал, что «для наших целей прислугу <т. Е. низший медицинский персонал — О. А.> приходится комплектовать из семейных: они больше дорожат местом и в общем значительно скромнее холостых» [4, с. 749–754].

Очевидно, что дальнейшее изучение направлений и особенностей феминизации «третьего элемента» предполагает поиск статистических данных о возрастном составе и семейном положении женщин, находившихся

на службе в органах городского и земского самоуправления. Высокой информативностью обладает документация пенсионных касс, учреждавшихся земствами различных губерний для обеспечения своих служащих на случай старости или утраты трудоспособности. В соответствии с законодательством в личные карточки участников заносились тщательно выверенные сведения о дате рождения, семейном положении, возрасте мужа (жены) и детей. В конце года эти данные систематизировались и публиковались в виде таблиц, форма которых была утверждена министерством внутренних дел. В качестве примера могут быть рассмотрены отчеты одного из самых крупных учреждений данного типа — пенсионной кассы Уфимского губернского земства. С 1908 по 1913 г. количество женщин-участниц пенсионной кассы возросло с 539 до 1043 чел, что составляло 37 и 42% от общей численности участников соответственно. Около половины женщин (от 48 до 52%) было моложе 25 лет; количество незамужних в разные годы колебалось от 69 до 75% [9, с. 137–167]. Вместе с тем, участниками пенсионных касс не состояли низшие служащие и сотрудники, работавшие на временной основе — а именно на такие должности женщины поступали в первую очередь. Поэтому вопрос о реальных масштабах и причинах феминизации муниципальной службы следует решать на основе анализа различных видов источников.

В частности, мемуарная литература четко зафиксировала и «доверчивое, простое отношение к женщине-врачу со стороны деревенского люда» [1, с. 20–21], и настроения самих женщин, поступавших на муниципальную службу, чтобы «не только приносить пользу населению, но и доказывать обществу, что женщины могут быть на практике не худшими врачами, чем мужчины» [7, с. 3–7]. В делопроизводственной документации можно встретить мнение гласных и членов управ о предпочтительности приглашения женщин в качестве палатной прислуги или заведующих читальнями. Городской голова Баку А.И. Новиков, столкнувшийся с необходимостью заново комплектовать штат управы, впоследствии отмечал, что «считает женский труд более добросовестным» [6, с. 100].

Убедившись в эффективности женского труда, органы местного самоуправления перестали ограничивать его применение сферами образования и медицины. Это привело к появлению целого ряда новых профессий, которые стали восприниматься как исключительно женские. Даже в таких «мужских» отделах управ, как воинский или строительный перепечаткой документации занимались машинистки. Статистические отделы с удовольствием брали на работу счетчиц и регистраторш. На земских телефонных станциях несли дежурство телефонистки — обычно молодые девушки, недавно окончившие прогимназию или несколько классов гимназии. Полностью женскими были должности заведующих детскими

яслями, которые земства открывали в деревнях на время летней страды. В лабораториях станций по осмотру мясных и молочных продуктов самоотверженно трудились микроскопистки, а к началу 1910-х гг. женщины впервые начали появляться на должностях делопроизводителей и помощников бухгалтера.

Процесс феминизации земско-городской службы значительно ускорился в годы Первой мировой войны. Прежде всего женщины заменили призванных мужчин в больничных учреждениях. Так, Уфимская городская дума была вынуждена уже в августе 1914 г. восстанавливать деятельность своих амбулаторий с помощью призванных на муниципальную службу женщин-врачей. На «офисные» должности счетчиц, машинисток, регистраторш хлынули жены и дочери тех, кто ушел на фронт, а в тыловых губерниях «любую работу по земской или городской управе» просили еще и женщины-беженки [15]. Кроме того, представительницы слабого пола осваивали совершенно новые для себя виды деятельности. Женский труд начал широко использоваться на самарском муниципальном трамвае. Как отмечал журнал «Городское дело», женщины занимали все должности кондукторов, вагоновожатыми тоже работали — впервые, кажется, в России — женщины» [2, с. 1133]. Оренбургская городская управа в 1916 г. объявила о своем решении организовать специальные курсы фонарщиков, куда должны были приниматься жены призванных на войну [3, с. 736].

При этом оценка общей численности женщин, поступивших на земско-городскую службу в годы войны, затруднена уже описанными выше проблемами источникового характера. Многие женщины принимались на должности, которые раньше занимали их мужья, либо на должности, считавшиеся временными (например, в продовольственных и воинских отделах, в заразных бараках). Такие служащие не проходили официальную процедуру назначения и оставались практически неуловимыми для отчетности. О том, что жена выполняла обязанности мужа-библиотекаря или мужа-сторожа, иногда свидетельствуют только требовательные ведомости на выдачу жалования [16].

Таким образом, феминизация «третьего элемента» выразилась не только в увеличении численности представительниц прекрасного пола, но и в вовлечении их в новые сферы занятости. Развитие института земско-городской службы привело к появлению целого ряда профессий, которые стали восприниматься современниками как женские, что, в свою очередь, оказало заметное влияние на модернизацию рынка труда и социальной структуры российского общества.

Библиографический список

1. Веретенникова А. И. Записки земского врача / Предисл., коммент., подготовка документов В. А. Скачилова. Уфа, 1981.

2. Городское дело. 1915. № 21.
3. Городское дело. 1916. №13-16.
4. Журналы Уфимского губернского земского собрания XXXIV очередной и XLI чрезвычайной сессий 1908 и 1909 гг. Уфа, 1909.
5. Загряцков М. Д. Земская служба и третий элемент. Петроград, 1914.
6. Записки городского головы Александра Новикова. СПб., 1905.
7. Покровская М. И. Как я была городским врачом для бедных (Из воспоминаний женщины-врача). СПб., 1903.
8. ПСЗ-II. Т. LIV. Отделение второе. СПб., 1881.
9. Полянина О. А. Становление российской системы пенсионного обеспечения муниципальных служащих (на материалах Уфимской губернии). Уфа, 2014. 169 с.
10. Сборник определений Первого департамента Правительствующего Сената по городским и земским делам за 10 лет (1891–1900 гг.). С приложением алфавитного указателя. Составил Я. А. Канторович. СПб., 1903.
11. Свод законов Российской Империи. Т. 2. Часть I. Общее губернское учреждение. Издание 1876 г. СПб., 1876.
12. Свод законов Российской Империи. В пяти книгах. Под редакцией и с примечаниями И. Д. Мордухай-Болтовского. Кн.1. Т. I–III. СПб., 1912. Т. III.
13. Справочник по Уфимскому городскому общественному управлению на 1914 г. Составлен под общей редакцией члена управы В. А. Подобедова, при ближайшем участии А. М. Александрова, Е. Л. Песиса, Ф. И. Полякова. Уфа, 1914.
14. Уфимский вестник. 1914. 3 августа. №172. С. 3.
15. ЦИА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 11.
16. ЦИА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 26.

УДК 94 (470.5) «18/19»

Л. В. Женина

ТРАНСФОРМАЦИЯ АГРАРНОЙ КУЛЬТУРЫ УРАЛЬСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ПОД ВЛИЯНИЕМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗЕМСТВ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВВ.

В статье анализируется деятельность губернских и уездных земств Урала по модернизации аграрной культуры крестьянства. Показано отношение крестьян к мероприятиям земств, эффективность просветительских новаций земств, выстраивание каналов воздействия земств на местное население. Рассматриваются просветительские мероприятия земств в отношении русскоязычного и инородческого населения. Характеризуются основные формы деятельности по изменению аграрной культуры: создание сети специализированных учебных заведений, демонстрация рациональных форм ведения хозяйства и новых видов сельскохозяйственного и кустарного производства, формы материальной поддержки добровольных помощников земства. Дана характеристика сотрудничества земств с добровольными корреспондентами и сельскохозяйственными обществами.

Ключевые слова: земство, аграрная культура, сельскохозяйственные общества, добровольные корреспонденты, аграрное просвещение, опытно-показательные фермы.

Женина Лариса Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь; e-mail: larzhe@rambler.ru.

Проблема трансформации аграрной культуры крестьянства конца XIX — начала XX в. является достаточно актуальной для современных исследователей. Историков интересует, прежде всего, аспект преобразования традиционных форм и внедрение инновационных идей, привнесенных модернизационным потоком в российское аграрное производство, уклад жизни, общественное сознание. Данный вопрос рассматривался на примере аграрной модернизации Центрально-Черноземной России С. А. Козловым и М. М. Есиковой [см. 5; 9]. Роль земства в повышении агрокультурного уровня российского земледелия рассмотрена в диссертации А. В. Ефременко [6]. Небезынтересно проследить влияние земских мероприятий на аграрные изменения в уральском регионе.

Аграрная культура как совокупность отношений, возникающих между людьми по отношению к земле, производству, с особой системой ценностей подвергается изменениям, как под воздействием внешних вызовов, так и в результате внутренней эволюции. Создание земских представительных органов стало важным актом модернизации. Их деятельность можно рассматривать как внешнее воздействие на аграрную культуру крестьянства, стимул к внутренней эволюции последней. Земства, в силу возложенных на них полномочий, были ближе к жизни местного населения, как по «мужицкому» составу представителей на Урале, так и по программам преобразований.

Основная часть населения Урала участвовала в сельскохозяйственном производстве, что обуславливало востребованность земских мероприятий по модернизации аграрного сектора. Формальное внешнее воздействие (экономическая помощь, патерналистские мероприятия поддержки традиционного хозяйства) на крестьянский быт без включения непосредственного производителя в контекст инновационного процесса не могло стать точкой отсчета в аграрных изменениях. Восприятие нововведений должно было быть осознанным, поэтому деятельность земств направлялась на стимулирование аграрного интереса к новшествам как мотивации к изменению аграрных ценностей, отношений к труду, основанному на новых принципах организации. Воздействовать на сознание крестьян предполагалось не только через просвещение и распространение знаний, но и через демонстрацию достижений нововведений, пробы и добровольное соучастие крестьян в аграрных изменениях. Только в этом случае можно было говорить об эффекте модернизации аграрной культуры.

Трансформация аграрной культуры во многом была связана с вопросами экономического благосостояния населения, продовольственной безопасности. При технологической отсталости сельскохозяйственного производства, преобладании натурального хозяйства, традиционализме мировоззренческих установок крестьянства решить проблему экономи-

ческого неблагополучия большинства крестьян было сложно. Первоначально земства Урала оказывали крестьянскому хозяйству помощь в рамках традиционной культуры производства, удовлетворяя лишь некоторые из существующих уже сельскохозяйственных потребностей населения. Осознание необходимости планомерных мероприятий по модернизации аграрной культуры и улучшению экономического состояния населения пришло позже, после неурожайных лет и голода 1890–1892 гг., когда явно проявилась неспособность мелкого крестьянского хозяйства в рамках традиционной культуры производства обеспечить население продовольствием.

Это постепенно стали осознавать крестьяне. Нолинская уездная земская управа Вятской губернии отмечала, что «год полного неурожая дал некоторый толчок мысли крестьянина, заставил его искать новые способы пользования землею» [2, л. 38.]. Начинается период в деятельности земств, который сами земцы охарактеризовали временем, «когда идет воздействие на крестьянство в смысле различных сельскохозяйственных усовершенствований» [8, с. 38.].

К 90-м гг. XIX в. уральские земства в целом определили основные формы деятельности по изменению аграрной культуры: создание сети специализированных учебных заведений, демонстрация рациональных форм ведения хозяйства и новых видов сельскохозяйственного и кустарного производства, разнообразные формы материальной поддержки добровольных помощников земства.

В Пермской губернии при содействии губернского земства открылись сельскохозяйственные отделения при народных училищах. Советание преподавателей этих учебных заведений в 1900 г. определило, что цель данных отделений не только образовательная, но и рассчитана на развитие умственного кругозора учащихся, для формирования сознательного отношения к явлениям сельского хозяйства. Заведующий отделением статистики земства Владимирский констатировал, что «деревня до неузнаваемости изменилась, прежний застой её нарушен напором новых веяний, умственный кругозор крестьянина расширен, возникли новые запросы, новые умственные интересы», что «почва для широкой просветительской работы в деревне готова», четвертые отделения взяли на себя популяризацию научных знаний [13, с. 3–4].

Вятское губернское земство выработало основные подходы к «воздействию на крестьянство»: постепенность в применении мероприятий, направленных на подъем сельского хозяйства; учет психологических особенностей крестьянского мировосприятия; ориентация на особенности местных почвенно-климатических условий при проведении сельскохозяйственных опытов; разносторонность воздействия на крестьянство.

Программа мероприятий содержала как узкопрактические задачи (распространение среди населения сельскохозяйственных знаний, улучшение техники сельского хозяйства, введение новых сельскохозяйственных производств), так и более широкую задачу — «вывести крестьянскую мысль с пути чисто практических наблюдений и завещанных преданий на дорогу осмысленного отношения к сельскохозяйственной деятельности», через ознакомление крестьян с современными агрокультурными знаниями [10, с. 5].

Осуществление этих задач было возложено на агрономический персонал, который к 1901 г. насчитывал 33 служащих. Первоначально крестьяне недружелюбно относились к агрономам, воспринимая их как людей без определенного общественного положения. Отсутствие земли и своего хозяйства превращало их в представлении крестьян в людей «не состоящих при постоянном деле», следовательно, не вызывающих никакого доверия. С целью преодоления недоброжелательного отношения первый съезд агрономов Вятской губернии наделил агрономов участком земли для проведения демонстрационных мероприятий.

Новшества воспринимались крестьянами как «праздная затея». Земство констатировало, что «крестьянина не может убедить слово, его может убедить только факт». Основой всех мероприятий земства становится организация показательных («доказательных») участков, ферм, полей. В начале XX в. Вятское земство содержало 4 показательных фермы, которые должны были служить образцом для крестьян ближайших деревень в деле рационального ведения хозяйства, быть «практической и теоретической школой для крестьянских мальчиков». Фермы стали испытательными станциями, где проводились опыты с целью «выявления пригодности для данных климатических условий того или иного сорта растений, орудий труда». Это были хозяйства фермерского типа, где использовались все достижения современной сельскохозяйственной техники и агрокультуры, применялся труд наемных работников, в качестве которых выступали, в том числе и крестьяне-подростки [10, с. 7].

Ножовское опытно-показательное хозяйство Пермской губернии являлось типичным примером практического воплощения аграрного просвещения. Местное сельское общество отдало в безвозмездное пользование земству участок земли для образцового хозяйства. Цель — «быть проводником усовершенствованных приемов техники сельского хозяйства и вводить улучшенные семена хлебов и трав». Сначала хозяйство считалось просто семенным, позже стало функционировать по строго определенному плану, составленному губернским агрономом Варгиным, и из семенного стало опытно-показательным. Гласные губернского земства проявили осторожность в вопросах финансирования преобразования образцовых хозяйств в опытно-показательные, заявляя, что «деньги,

испрашиваемые на опытно-показательные хозяйства большие, а польза неизвестна». Член управы Теплоухов доказывал полезность данных хозяйств, «служащих проводником в население понятий о современной обработке почвы и употреблении усовершенствованных сельскохозяйственных орудий» [3, л. 194].

Земства распространяли новые рациональные методы и приемы сельскохозяйственного производства среди удмуртского и татарского населения. Убытки, которые несли пчеловоды-удмурты, по мнению земцев, были связаны с тем, что «вотьяки упорно придерживаются старины». Земский учитель С. Загубев из Малмыжского уезда отмечал, что «убедить вотьяков вести нововведения очень сложно... на все убеждения они отвечают: «Нет, наши старики не делали так, а пчелы-то велись у них все-таки не худо». Уфимская губернская управа выступала организатором распространения популярных брошюр на татарском языке по сельскому хозяйству, прежде всего пчеловодству, что преследовало цель: поддержки населения территорий, где «эта отрасль развита, но ведется примитивным образом ...нужно способствовать развитию рациональных сведений и советов по пчеловодству». Земство профинансировало перевод на татарский язык и бесплатное распространение книг А. Н. Бутлерова «Как водить пчел», выпустило брошюру на татарском языке И. Терегулова «Речи дедушки Наума о пользе пчел». Распространение брошюр вызывало подозрение среди мусульманского населения, как «посягательство на чистоту веры». Земские деятели учитывали данное обстоятельство и активно привлекали к участию в просветительской миссии приходских мулл, учителей-мусульман начальных земских школ [1].

Важным для воздействия на традиционализм восприятия крестьян были особые «каналы общения» земских представителей и служащей в земстве интеллигенции. Постепенно формируется команда добровольных корреспондентов, участвующих в сборе статистических материалов для земств, отправляющих письма в редакцию земских газет и журналов.

На страницах «Вятской газеты» автор из с. Смешанино Уржумского уезда писал, что «ко всем нововведениям наши мужики относятся недоверчиво, а растолковать пользу некому... правительство и земство стремятся поднять материальное положение крестьянина путем образования и культуры... помощь от служащих в земстве интеллигентов высока: покупают и заготавливают хлеб, сено и др.». Сельскими авторами комментировалась позиция, которой придерживались неграмотные крестьяне: «ничего хорошего не получишь от интеллигентов — только шею протяни, так они оседлают», к земской интеллигентам относились как к «чужакам» [1].

К сотрудничеству с земскими служащими статистических бюро стремились, прежде всего, образованные и наиболее «продвинутые» крестьяне,

которые выражали мнение о земских мероприятиях, советовали, как лучше обустроить жизнь деревни. Большинство добровольных корреспондентов были крестьяне, занимающиеся хлебопашеством. Представители волостных правлений (в том числе волостные и сельские писари) и сельская интеллигенция, в меньшей степени, но также участвовали в данной работе [4, л. 2–3].

Добровольные корреспонденты Вятской губернии отмечали непонимание со стороны крестьян важности сбора сельскохозяйственных сведений для земства. Фразы: «Какая от этого польза» или «это прихоть и пустая выдумка земства» сопровождали деятельность сотрудников земства. Некоторые крестьяне опасались, что сбор сведений ухудшит их положение: «... мы тебе ответим всю правду ... только как бы только хуже не было... не вывуют ли собираемые сведения увеличение земских налогов».

Развитию сети добровольных корреспондентов в Уфимской губернии способствовала инициатива Уфимского губернатора Н. М. Богдановича. В записке для Уфимской земской управы губернатор указал на необходимость обратиться к опыту Пермского земства по привлечению населения к сотрудничеству с земством. Добровольным корреспондентам, сотрудничавшим с земскими статистическими отделениями, предлагались некоторые льготы по приобретению сельскохозяйственных орудий, семян, бесплатно выдавались популярные книги сельскохозяйственного содержания. Подобные вознаграждения решали две задачи: вербовались корреспонденты и распространялись знания, необходимые для просвещения народа [14].

Из Верхотурского и Пермского уездов корреспонденты поддерживали организацию опытных полей: «производство опытов могут принести не малую пользу для хлебопашцев, так как ихняя старая обработка уже начинает им и самим надоедать, а новому они и верят и не верят, а чтобы их убедить необходимо это доказывать опытом». Крестьяне предлагали собственное поле для опыта «удобрения полей фосфатной мукой, который если принесет пользу, то не упадет на каменистую землю, а напротив упадет на мягкую и принесет плод бедному человеку и обеспечит его существование» [11, с. 107].

Некоторое оживление и подъем в сельском хозяйстве в Екатеринбургском уезде корреспонденты связывали с деятельностью земцев по распространению сельскохозяйственной техники. Указывалось, что «поднятие земледелия ... происходит благодаря старанию земств и складам земств, а так же полезными книжками, раздаваемыми корреспондентами и которыми пользуются крестьяне». Корреспонденты из Соликамского уезда отмечали прогрессивное значение деятельности земских агрономических смотрителей в распространении сельскохозяйственных машин.

Отмечался определённый прогресс в использовании сельскохозяйственной техники, например, в 1894–1895 гг. машинная молотья «употреблялась только в виде опытов», а уже в 1900 г. в 6-и уездах машинный способ обмола зерна вытеснил ручной [12, с. 17].

Данные характеристики свидетельствуют о том, что крестьянство уральских губерний небезразлично относилось к деятельности земств в области модернизации аграрного производства, считая нужным не только критиковать, но и поддерживать земство в его начинаниях, предлагая свои варианты решения некоторых проблем.

Помимо информационного сотрудничества с конкретными людьми по вопросам сельского хозяйства земские служащие создавали «коллективные группы» для продвижения агрономических начинаний. В начале XX в. была широко распространена организация сельскохозяйственных обществ, которые совмещали в себе просветительские и производственные функции. В Вятской губернии их насчитывалось 35, в Пермской — 22. Председатель управы Вятского земства А. П. Батуев отмечал, что создание сельскохозяйственных обществ являлось важным средством для обеспечения необходимой связи между крестьянством и земством. Темпы организации сельскохозяйственных обществ в Пермской и Вятской губерниях были одними из самых быстрых в России. Их опережали лишь Самарское и Саратовское земства. Уральские земства организовывали специальные совещания агрономов с представителями обществ. Уржумская уездная управа видела в обществах своих соратников, отмечая, что задачи этих обществ те же, что и у уездного земства, а именно «содействовать в районе своих действий соединёнными силами своих членов развитию и усовершенствованию сельского хозяйства и сельской промышленности» [7, с. 262].

Членами сельскохозяйственных обществ были преимущественно крестьяне. В отношении членов сельскохозяйственных обществ земцы использовали фразы, типа «наиболее образованные, развитые, сознательные, способные, передовая часть, наиболее молодые...», тем самым подчеркивая, что членами обществ являлась энергичная, заинтересованная в улучшении сельского хозяйства часть населения, с которой земство активно сотрудничало. Сельскохозяйственные общества имели значительную поддержку со стороны земства при проведении мероприятий аграрного характера.

Таким образом, на рубеже веков земцы разработали целенаправленную программу по воздействию на традиционную культуру сельскохозяйственного производства. Традиционализм сознания был свойственен основной массе крестьянского населения, он ограничивал возможности ускорения модернизационных процессов. Земство, которому было делегировано право решать

вопросы «местных польз и нужд», стало проводником инновационных процессов, становилось посредником модернизации, сфокусировав свою деятельность на просветительских начинаниях, воздействуя на культурную традицию, формируя рациональную систему ценностей.

Библиографический список

1. Вятская газета. 1898. №9.
2. ГАКО. Ф. 616. Оп.1. Д. 1101.
3. ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 132.
4. ГАСО. Ф. 435. Оп.1. Д. 812
5. Есикова М. М. Традиции и новации в аграрной культуре России. 1880-е — начало 1930-х гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Саратов, 2011.
6. Ефременко А. В. Роль земства в повышении агрокультурного уровня российского земледелия в конце XIX — начале XX в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени. Ярославль, 2000.
7. Журналы Уржумского уездного земского собрания 37 очередной сессии 1903 г. Вятка, 1904.
8. Земский юбилей. Доклад № 1 Вятской губернской земской управы губернскому собранию. Вятка, 1914.
9. Козлов С. А. Аграрная модернизация в Центрально-Нечерноземной России в пореформенный период (по материалам экономической печати). М., 2012. 568 с.
10. Обзор деятельности агрономического института Вятской губернии. Вятка, 1896.
11. Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор за 1897 г. Пермь, 1898.
12. Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор за 1900 г. Пермь, 1900.
13. Сборник Пермского земства. 1901. № 1.
14. Сельскохозяйственное приավление к Уфимским губернским ведомостям. 1898 г. № 1.

УДК 94 (470.5) «19»

В. В. Семячкова

ДЕТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX В.

В годы Русско-японской войны сформировалась общественная организационная система оказания помощи детям военнослужащих, которая охватила различные стороны жизнедеятельности последних: выдача денежной и материальной помощи, назначение стипендий и устройство для обучения и проживания. Эти мероприятия проходили и в Пермской губернии.

Ключевые слова: *социальная помощь, военнослужащие, благотворительность, Алексеевский Главный комитет, призрение, общественные организации.*

Становление и развитие системы оказания социальной помощи в России имеет глубокие исторические корни. Эта проблема не раз рассматривалась на общероссийском [5, 19, 21, 23, 30, 33, 34, 36, 37], и региональном

Семячкова Вероника Викторовна, методист, Уральская государственная архитектурно-художественная академия, г. Екатеринбург; e-mail: veronika.semyach@mail.ru.

уровнях [3, 4, 6, 13, 18, 20, 22, 24, 32, 35], институты помощи детям военнослужащих, однако, пока систематически не исследованы.

Историки отмечают, что в России начала XX в. сформировалась общественная организационная система оказания помощи, которая охватила практически все стороны жизни нуждавшихся людей. В период войны это позволило государству значительно усилить свои ресурсы и сконцентрировать их на решении особо значимых социальных проблем помощи военнослужащим и членам их семей. Уже в течение первого после начала войны с Японией в местных газетах появились сообщения о сборе пожертвований для оказания помощи детям мобилизованных.

Среди государственных актов благотворительности того периода можно выделить издание 19 августа 1904 г. Манифеста, возвещавшего государству о рождении наследника престола Алексея. Манифест, помимо прочего, обещал сиротам, чьи родители погибли в войне с Японией, государственное обеспечение [7, лл. 56, 68-69]. Так был создан «Алексеевский главный комитет по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией». Устав комитета был утвержден 16 июня 1905 г. [29, с.527]. Комитет состоял под покровительством императрицы Марии Федоровны и являлся внутриправительственной, межведомственной организацией. Руководителем был председатель Государственного Совета П. П. Семенов-Тянь-Шанский.

За первые пять лет деятельности Алексеевский Главный комитет принял под свое покровительство 2 482 детей офицеров и 102 248 детей нижних чинов. В 1910 г. под опекой находилось 54 036 сирот нижних чинов, погибших в войну с Японией; 37093 — детей нижних чинов, утративших трудоспособность; 2 539 детей нижних воинских и полицейских чинов, пострадавших от революции 1905 г.; 185 детей сотрудников тюремного ведомства; 143 — детей частных лиц. Расходы комитета в 1905–1910 гг. составили 9 425 642 руб.; в последующем ежегодные ассигнования из казны составляли около 4000 000 руб., благотворительный фонд составлял около 130 000 руб. Эти цифры иллюстрируют деятельность Комитета на территории Российской империи [19].

Непосредственное попечение о военных сиротах на местах было возложено на земские собрания и городские думы, либо приказы общественного призрения [14, с. 414–415]. Земские управы в своей деятельности по оказанию социальной помощи военнослужащим и их семьям, руководствовались утвержденным 16 июня 1905 г. мнением Государственного Совета: «дети-сироты нижних чинов, погибших в войну с Японией и посещающих начальные школы, снабжаются необходимой для посещения школ теплой одеждой и обувью и учебными принадлежностями за счет Алексеевского Главного Комитета». Расход не должен был превышать

15 руб. на каждое лицо при поступлении его в школу и мог быть вторично продлен по истечению двух лет непрерывного посещения школы [10, л. 5об.].

Основной формой помощи являлась выдача постоянных пособий из государственной казны от лица Главного комитета. В губерниях этим занимались, в основном, уездные земские управы, а также сельские общества. Окончательный размер пособий колебался от 4 руб. 80 коп. до 11 руб. 20 коп. в год на одного ребенка, в зависимости от его имущественного и семейного положения [14, с. 414–415].

Правом на получение пособия обладали дети военнослужащих, погибших во время войны, умерших от ран и болезней, вызванных войной, а также умерших позднее, в течение года после окончания войны. Выделялись две категории призреваемых: а) дети погибших офицеров (к ним же приравнивались дети гражданских чинов всех ведомств, в т.ч. медицинского, ветеринарного, фармацевтического и др.); б) дети нижних чинов (к ним же приравнивались дети погибших санитаров и священнослужителей) [21, с. 396–397].

В Пермской губернии помощь от Главного Алексеевского комитета получали практически все нуждающиеся. Стоит заметить, правда, что помощь оказывалась детям до достижения ими совершеннолетия (16 лет). При переводе на «казенный счет», при выходе замуж или женитьбе или при наступлении смерти их, она прекращалась [12]. После революционных событий 1905–1907 гг., среди призреваемых появились новые категории — дети воинских чинов, погибших в мирное время, и дети полицейских чинов, погибших при исполнении служебных обязанностей [25].

Наиболее полную информацию о деятельности Алексеевского комитета нам удалось обнаружить применительно к Екатеринбургскому уезду Пермской губернии. В этом уезде числилось на июнь 1905 г. — 50 сирот в 33 семьях, из них в 32-х семьях глава семьи погиб в военных действиях, в одной — утратил трудоспособность. В 1906 г., когда была проведена повторная перепись, количество учтенных сирот увеличилось [7, л. 80].

Одной из значимых функций Алексеевского комитета, совместно с земскими органами власти, было определение сирот в учебные заведения, в том числе с постановкой данных лиц на вакансии и стипендии за счет Комитета. Дети-сироты поступали в учебные заведения вне конкурса, по состязанию между собой, в случае превышения их числа.

В 1909 г. последовало увеличение пособий детям нижних чинов и приравненных к ним лиц, подлежащих покровительству Алексеевского Главного комитета [2, с. 45], после чего были составлены новые списки детей-сирот. В Верхотурской уездной земской управе, например, в 1909 г. этим видом призрения воспользовались семьи с 72 детьми-сиротами нижних чинов [10, лл. 1–109].

В годы Первой мировой войны под опеку данного Комитета стали причислять детей-сирот из семей солдат и офицеров, проходивших службу «в военном, военно-морском ведомствах и по воздухоплавательной части» [31]. Часть средств поступала в семьи, часть — на создание общественных столовых, ясель, приютов [30, с. 159.]. Стоит сказать, что пособия от Алексеевского Главного комитета являлись зачастую единственным источником вспомоществования всех нуждающихся членов семей военнослужащих. Система взаимодействия с местными органами самоуправления и образования была хорошо налажена, в том числе по составлению списков и выдаче необходимых средств.

Помимо Алексеевского Главного комитета в деле подготовки и оказания социальной помощи детям военнослужащих сыграли общественные организации Пермской губернии, Среди них можно выделить «Общество попечения о сиротах-детях врачей», оказывавшее помощь семьям медиков, пострадавшим на войне. Общество заботилось о сиротах-детях врачей вплоть до получения ими полного образования, для чего устраивались учебно-воспитательные учреждения, оплачивалось обучение сирот в средних и высших учебных заведениях. В Российской империи к 1912 г. в общество входило 2900 врачей и 14 врачебных организаций [5, с. 64].

В Екатеринбургском уезде помощь детям военнослужащих оказывал Екатеринбургский епархиальный комитет Миссионерского общества. Одной из основных функций комитета было благоустройство и упрочнение школьно-воспитательного дела, а также содержанием учебных и благотворительно-просветительных учреждений и приютов. Часть расходов комитета шла на призрение детей убитых и раненых офицеров, а также на выдачу пособий пострадавшим воинам и их семьям. Главный комитет Миссионерского общества располагался в Санкт-Петербурге, откуда и шли средства на призрение [16, с. 443–445].

Оказанием социальной помощи увечным воинам и их семьям занималось также Российское общество Красного Креста (РОКК). Его местные комитеты выплачивали небольшие денежные пособия, направляли нуждавшихся на «минеральные воды», присматривали за воинами-инвалидами в приютах, инвалидных домах, богадельнях, снабжали их протезами, костылями, очками, оказывали бесплатную медицинскую помощь в лечебных учреждениях [34, с. 71].

Действовали на Урале и комитеты либо филиалы других общероссийских общественных организаций. Одним из них был «Дамский кружок по снабжению одеждой вдов и сирот нижних чинов, погибших на войне». Он работал в Санкт-Петербурге под председательством Анны Федоровны Коковцевой. В Пермской губернии филиалом данного кружка было Общество при Красноуфимской уездной земской управе. Данная

организация занималась сбором денег и материалов для изготовления белья, одежды и верхнего теплого платья; содействовала местным властям при определении нуждающихся военнослужащих и их семей. В частности, были составлены списки солдатских семейств Красноуфимского уезда, нуждающихся в пособиях одеждой и обувью, в июле 1905 г. в них числилось 4 000 чел [8, л. 1–1 об.].

Большую роль в оказании помощи детям военнослужащих играли органы местного самоуправления. Екатеринбургская городская дума, например, заботилась об учащих, отцы которых погибли на войне, дети освобождались от платы за учебу. Попечительский совет субсидировал городские средние учебные заведения (реальное училище, женскую гимназию и прогимназию) и оказывал материальную помощь осиротевшим учащимся [1, с. 226–237]. Вдовы и дети нижних чинов армии и флота, погибших или без вести пропавших, кроме того, получали пособие от казны. В Екатеринбургском уезде, например, в 1905–1906 гг. пособие получали 94 семьи военнослужащих нижних чинов. Ежемесячное пособие составляло 1 руб. 60 коп. на человека. Выдача пособий была прекращена согласно закону от 23 апреля 1906 г., за отнесением дальнейшей выдачи таких пособий за счет сумм Алексеевского Главного комитета.

Пермская городская дума в мае 1906 г. постановила «принять на попечение города сирот погибших воинов-пермяков и выделять дополнительные суммы за счет государства, в размере 24 руб. на каждого ребенка» [3, с. 8–9]. Ранее, в апреле месяце [1, с. 34–40] городская дума утвердила «правила для облегчения податного бремени для семей лиц, погибших или пострадавших вследствие войны с Японией», а также подтвердила «правила об обеспечении участи вдов нижних чинов, погибших на войне и тех ближайших родственников этих чинов, которые содержались их трудом».

Еще одной страницей, связанной с Русско-японской войной, стало учреждение стипендий для вспомоществования бедным учащимся. Совет Каслинской женской второстепенной школы уже в июне 1905 г. заявил, что в общежитии при школе имеются 4 стипендии для детей воинов, убитых или умерших от ран полученных на войне с Японией [14, с. 331]. В Отчёте Екатеринбургской Городской Управы о движении денежных средств, капиталов и имущества города за 1907 г., в статье «Городской запасной и специальный капитал и депозиты» появилась информация, что осуществлен «Приход сумм, пожертвованных А. А. Левицким на учреждение стипендии во 2-й Екатеринбургской женской гимназии им. генерал-адъютанта Линевича» [27, с. 156]. В феврале 1906 г. была учреждена стипендия им. инженера-механика Павла Михайловича Дмитриева при Екатеринбургском Александровском реальном училище в размере 500 руб. [35].

В целом, можно прийти к выводу, что война с Японией 1904–1905 гг. стала определенным катализатором для формирования системы оказания социальной помощи семьям военнослужащих. В годы войны и последующее десятилетие сложилась цепочка взаимодействия государственных органов власти, органов местного самоуправления, общественных организаций и отдельных граждан, которая позволила решить многие социальные проблемы.

Библиографический список

1. Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1907 г. Пермь, 1907.
2. Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1910 г. Пермь, 1909.
3. Апкаримова Е. Ю. Органы городского управления на Среднем Урале в годы Русско-японской войны // Первые уральские военно-исторические чтения. Материалы региональной научной конференции. Екатеринбург, 1997.
4. Благотворительность на Урале. Парадоксы времен / ред.-сост. А. М. Лушников. Екатеринбург, 2003.
5. Будко А. А., Селиванов Е. Ф., Чигарева Н. Г. «Веди слепого, дай кровлю неимеющему, напои жаждущего...» // Военно-исторический журнал. 2004. №12.
6. Власова А. В. Благотворительность на Урале во второй половине XIX — начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2004.
7. ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 551.
8. ГАСО. Ф. 375. Оп. 1 Д. 199.
9. ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 1147.
10. ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 1278.
11. ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 1443.
12. ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 1661.
13. Голикова С. В., Дашкевич Л. А. Призрение детей на Урале в XVIII — нач. XX в.: институциональные и социокультурные аспекты. Екатеринбург, 2013. 436с.
14. ЕЕВ. 1905. № 14.
15. ЕЕВ. 1905. №17.
16. ЕЕВ. 1907. №34.
17. Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XXXVII очередной сессии и доклады уездной земской управы и комиссии — Екатеринбург, 1907.
18. История становления краснокрестного движения в Пермской губернии [Электронный ресурс]. URL: <http://redcross.perm.ru/permredcross.htm> (дата обращения — 15.03.2015).
19. Керзум А. П. Алексеевский главный комитет // Энциклопедия благотворительности Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: <http://encblago.lfond.spb.ru/showObject.do?object=2806468089> (дата обращения — 21.01.2015)
20. Кубицкий С. И., Бабкина Л. Ф., Власова А. В. Благотворительность в социальной жизни Урала (XIX–XXI вв.). Челябинск, 2006. 226 с.
21. Кузьмин К. В., Сутырин Б. А. История социальной работы за рубежом и в России (с древнейших времен до начала XX в.). Учебное пособие. М., 2005. 620 с.
22. Леготина И. М. Благотворительность в Курганской области: история и современное состояние. Учебное пособие для студентов вузов. Шадринск, 2010. 244 с.
23. Милосердие и благотворительность в Российской провинции: Тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф., (Екатеринбург, 22–23 марта 2002 г.) / Общ. ред. М. Е. Главацкого. Екатеринбург, 2002. 230 с.
24. Миненко Н. А., Апкаримова Е. Ю., Голикова С. В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII — начале XX в. М., 2006.

25. Обзор деятельности Алексеевского комитета за пять лет его существования. СПб., 1910.
26. ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 876.
27. Отчёт Екатеринбургской Городской Управы о движении денежных средств, капиталов и имущества города Екатеринбурга за 1907 г. Екатеринбург, 1910.
28. Отчет Екатеринбургской Городской управы о движении денежных сумм, капиталов и имущества города Екатеринбурга за 1906 г. Екатеринбург, 1909.
29. ПСЗ-III. Т. XXV. Отд. 1. № 26435.
30. Пушкарёва Н. Л., Щербинин П. П. Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 2. С. 147–162
31. Речь. 1914. 16 августа.
32. Сутырин Б. А. Из истории благотворительства на Урале в конце XIX — нач. XX в // Каменный пояс на пороге III тысячелетия. Екатеринбург, 1997.
33. Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи. кон. XVIII — нач. XX в.. Автореф. дис... д-ра. ист. наук. М., 2006.
34. Учебник для сестер милосердия и пастырей, несущих служение в больницах. СПб., 2000.
35. Шабалина Л. «Библиотека на Сухаревке». [Электронный ресурс]. URL: http://www.art.uralinfo.ru/literat/Ug_sled/1999/03/9903-06.html (дата обращения — 07.12.2014).
36. Щербинин П. П. Особенности призрения военных инвалидов и членов их семей в России в XVIII — нач. XX в. // Вестник Воронежского госуниверситета. Сер: Гуманитарные науки. 2005. № 2.
37. Яременко В. А. Социальная защищенность военных чинов в России до 1917 г. // Новая и новейшая история. 2005. №4. С. 177–183

УДК 94(470.5) «1914/1917»

О. С. Поршнева

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ОБЩЕСТВЕННОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914 — ФЕВРАЛЬ 1917)

Статья посвящена анализу практик национальной мобилизации в условиях Первой мировой войны, составляющей которой была общественная «самомобилизация» населения. Проблема исследуется на региональном уровне, применительно к Пермской губернии, в контексте рассмотрения форм сотрудничества власти и общества, гражданской активности и самоорганизации населения. Показаны достижения и проблемы процесса общественной мобилизации, нарастание противоречий между его основными участниками

Ключевые слова: *Первая мировая война, общественная мобилизация, Пермская губерния*

Изучение общественной самоорганизации в контексте анализа становления гражданского общества, новых социокультурных практик стало сегодня одним из приоритетных направлений историографии истории

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург; e-mail: porshneva@yandex.ru.

России второй половины XIX — начала XX в. [11, 13, 19, 24, 25; и др.] Особенно актуальным представляется изучение данной проблемы на региональном и локальном уровнях в экстремальных условиях военного времени. Оно нацелено на выявление своеобразия подходов к решению проблем военного времени в конкретных территориальных и социокультурных условиях, воссоздание реальных механизмов взаимодействия центральных и местных общественных структур, исследование социального поведения различных групп населения.

Значимость изучения проблемы применительно к Первой мировой войне определяется беспрецедентными масштабом и характером военного конфликта, породившего особые условия функционирования государственных и общественных институтов. Это проявилось не только в формировании властью чрезвычайных органов и методов управления, но и в стремлении власти и общества к максимальной мобилизации материальных и человеческих ресурсов в интересах войны. В воюющих странах феномен национальной мобилизации включал общественную «самоорганизацию» — самоорганизацию общественных сил для помощи фронту и пострадавшим от военных действий, а ведение «тотальной» войны, как отмечал С. Ферстер, оказалось невозможным без прямой поддержки гражданского общества [22, с. 25]. Если опыт национальных мобилизаций в европейских странах в годы Первой мировой войны воплотился в обобщающем исследовании, позволяющем выявить общее и особенное в реализации его различных вариантов [26], то в отношении российского опыта подобные исследования стали активно осуществляться лишь в постсоветский период. Их характерной чертой стало внимание к проблемам взаимоотношений власти и общества, формам патриотической культуры, состоянию гражданской деятельности в условиях войны [1, 17, 18, 23; и др.].

Высокая востребованность общественной самоорганизации определялась непредвиденными масштабами военных действий, неспособностью правительства в одиночку руководить сложным делом мобилизации национальных ресурсов, наладить снабжение армии, функционирование фронта и тыла. В обстановке патриотического подъема в начале войны в России возник целый ряд общественных организаций, призванных помогать правительству, армии и населению в военных условиях. Наиболее influentialными из них стали Всероссийские Земский и Городской союзы.

В августе 1914 г. на территории Пермской губернии был образован Пермский Губернский Комитет Всероссийского Земского Союза (далее — ВЗС) [3, л. 51]. В состав Пермского Губернского Комитета, помимо представителей губернской управы, земства, общественных организаций, специалистов вошли деятели двенадцати уездных комитетов ВЗС: Верхотурского, Екатеринбургского, Ирбитского, Камышловского, Красноуфимского,

Кунгурского, Осинского, Оханского, Пермского, Соликамского, Чердынско-го и Шадринского [4, л. 52, 52 об]. Комитеты Земского Союза, изначальной компетенцией которых была помощь больным и раненым воинам, вносили главный вклад в решение этой проблемы. Из общего количества 5957 госпитальных коек, созданных и содержавшихся в Пермской губернии на 1 января 1915 г., на долю ВЗС приходилось 85,3%, на долю Всероссийского Союза городов — 3,7 %. [14, с. 17–25]. Количество лазаретов в Пермской губернии с января 1915 по сентябрь 1916 гг. увеличилось в 2,7 раза. На 1 сентября 1916 г. было оборудовано 111 лазаретов для приема больных и раненых воинов, из них 94 содержались за счет ВЗС, причем около 85% воинов возвращались в строй после лечения [9, с. 2, 3, 9]. Помимо оборудования лазаретов, попечения о больных и раненых воинах с 1915 г. Пермский Губернский Комитет ВЗС стал оказывать материальную помощь семьям призванных и сиротам воинов, а в дальнейшем — решать широкий круг вопросов снабжения армии и помощи населению. Расширение сферы компетенции ВЗС по сравнению с первоначальной отразилось в постановлении собрания уполномоченных губернских земств в марте 1916 г., где отмечалось, что в ведение ВЗС и его местных комитетов входят снабжение армии теплыми вещами, борьба с заразными болезнями, оказание помощи беженцам, сиротам, материально-техническое снабжение армии, обеспечение населения продовольствием и топливом [5, л. 35].

Местные комитеты Всероссийского союза городов (далее — ВСГ) состояли преимущественно из членов Городских и Земских Управ, за исключением комитетов губернского центра — Перми и «столицы горно-заводского Урала» — Екатеринбурга. Впоследних состав комитетов был значительно шире, представлен, помимо деятелей земского и городского самоуправления, членами различных общественных, благотворительных и профессиональных организаций, предпринимателями. Основными направлениями работы местных комитетов ВСГ были помощь семьям призванных воинов, оборудование и содержание лазаретов, мобилизация и распределение благотворительных средств, участие в решении продовольственного, беженского и других острых социальных вопросов.

ВЗС и ВСГ, как и многие другие общественные организации, стали центрами общественной самодеятельности, средоточием гражданской инициативы. Под руководством их местных комитетов действовали возникшие «снизу» многочисленные добровольные общественные объединения, такие как Комитеты служащих земств, Попечительские комитеты при лазаретах, Дамские кружки и др. В полной мере это относится к Пермской губернии, где помимо «цензовых» элементов в деятельности Союзов своим добровольным трудом, пожертвованиями участвовали широкие слои населения [15, с. 37–38].

Щедрое субсидирование государством общественных организаций [12, с. 24–28] не исключало финансовых трудностей в реализации ими своих задач. Так, работа учреждений ВЗС и ВСГ в Пермской губернии обеспечивалась прежде всего за счет местных средств. Распространенной ситуацией, особенно в уездах и уездных городах, было прекращение функционирования госпиталей к началу 1917 г. из-за недостатка финансирования. Главные комитеты Союзов нерегулярно погашали долги органам самоуправления, кредитовавшим местные учреждения ВЗС и ВСГ, оставаясь их должниками на протяжении всей войны [15, с. 38]. С середины 1915 г. и в 1916 г. наметилась отрицательная динамика численности уездных лазаретов комитетов ВЗС Пермской губернии, количество которых за период с 1 июня 1915 г. по 1 сентября 1916 г. сократилось почти на одну треть. Сходные проблемы переживали местные комитеты ВСГ: нехватка собственных денежных средств из-за недостаточности городских бюджетов, недофинансирование со стороны центрального управления ВСГ, разногласия с местной губернской и центральной администрацией ВСГ в решении организационных и финансовых вопросов отрицательно сказывались на работе этих организаций. На заседаниях городских дум Пермской губернии стали даже подниматься вопросы о закрытии комитетов [10, № 149. с. 3; № 150. с. 3; № 151. с. 3]. Несмотря на попытки местных властей спасти комитеты, обратившись за финансовой поддержкой к предприятиям и населению, с сентября 1916 г. ряд городских комитетов фактически перестали существовать [10, № 195. с. 3].

«Великое отступление» русской армии весной–летом 1915 г. дало новый мощный импульс общественной самоорганизации. Для мобилизации ресурсов на нужды фронта 5 июля 1915 г. под эгидой ВЗС и ВСГ был образован объединенный комитет этих двух организаций — Главный Комитет по снабжению армии (Земгор). На Среднем Урале функции Земгора выполнял созданный 26 июня 1915 г. при Пермском Губернском Комитете ВЗС Отдел по снабжению армии. Управление Отделом было поручено В. А. Чердынцеву, в его состав вошли Губернская Управа и представители общественных организаций: И. А. Гейкинг, В. Н. Грамматчиков, И. В. Иванов, А. И. Беленьков, А. Е. Гутт, В. М. Здравомыслов, И. И. Падалка. В обязанности Отдела входил широкий круг вопросов, связанных с материально-техническим обеспечением армии [8, с. 8].

Несмотря на формальное главенство Перми как губернского центра, наиболее значимые административно-хозяйственные и общественно-политические учреждения Уральского региона были сосредоточены в его горнозаводской столице — Екатеринбурге. Среди них особую роль играл Уральский областной Военно-промышленный комитет (далее — ВПК), созданный в июне 1915 г. и осуществлявший руководство мобилизацией

промышленности Урала на военные нужды. Председателем его стал глава Екатеринбургской товарной и горно-промышленной биржи кадет П. В. Иванов. Рабочей группой при ВПК, возникшей в мае 1916 г., руководил кадет Л. А. Кроль. Уральский областной ВПК, как и Екатеринбургский комитет ВСГ, стал центром общественной мобилизации, стимулировал гражданскую инициативу городского населения [20].

В ноябре 1915 г. в Екатеринбурге приступило к работе Уральское заводское совещание — крупное местное отделение Особого совещания по обороне государства. Председателем его стал главный горный начальник Уральского горного управления П. И. Егоров. К работе Уральского заводского совещания были привлечены представители как министерств, так и местных экономических и общественных организаций (ВПК, Екатеринбургского биржевого комитета, ВСГ и др.). В Екатеринбурге находились также Бюро съездов горнопромышленников Урала, Управление уполномоченного Особого совещания по топливу и другие государственно-общественные и общественные организации, участвовавшие в руководстве делом обороны на региональном уровне. Они стали центрами объединения и сплочения сил местных деловых и предпринимательских кругов, интеллигенции, служащих.

Многие представители земств входили в состав Екатеринбургского ВПК. Так, Пермскую губернскую земскую управу представляли М. Ф. Кузнецов и А. П. Черногоров, Пермский губернский комитет ВЗС — Н. А. Вармунд и А. И. Беленков, Екатеринбургский комитет ВЗС — А. М. Симонов, Екатеринбургскую уездную земскую управу — Н. М. Беренов, Камышловское уездное земство — Я. Е. Крупин, Верхотурское уездное земство — И. Я. Черемных, Осинское уездное земство — П. Н. Горшков, Уфимское уездное земство — Г. М. Курковский, Красноуфимское уездное земство — И. М. Луканин. Из 17 общественных организаций, участвовавших в деятельности ВПК, 10 являлись земскими [2, с. 71–72].

В условиях нарастания с середины 1915 г. политического и социально-экономического кризиса в деятельности участников общественной мобилизации стали проявляться противоречия. Верховная власть, идя на определенные уступки и продолжая сотрудничать с общественными силами [12, с. 24–28], одновременно стала проявлять стремление к ограничению самостоятельности общественных объединений, усилению контроля над их работой. В июле 1915 г. Департамент полиции МВД обязал губернаторов выдавать разрешения для проезда на фронт служащим Земского и Городского Союзов только при предъявлении ими удостоверения о политической благонадежности, выданного местными властями. Перед командировкой служащему Союзов с удостоверением и фотокарточкой

необходимо было явиться к ближайшему военному начальнику и заверить подлинность выданного ему документа [6, л. 45 об.].

С другой стороны, уральские деятели либеральной ориентации стали заявлять с трибун органов местного самоуправления, на заседаниях местных комитетов ВЗС, ВСГ, ВПК о необходимости политических реформ, создания правительства общественного доверия или ответственного министерства. По оценке Н. С. Сидоренко, Пермское губернское земство было одним из самых левых в империи, а его центром стал Екатеринбургский комитет кадетов [16, с. 150]. В Екатеринбурге были сильны позиции радикального крыла кадетской партии во главе с Л. А. Кролем, который в вопросах тактики не исключал революционные действия [16, с. 149].

На региональном уровне проявлялись противоречия не только между властью и общественными деятелями, но и между различными группами буржуазии и общественности, участвовавшими в процессе национальной мобилизации [2, с. 31–32]. В своем выступлении на общем собрании Уральского областного Военно-промышленного комитета 16 января 1916 г. Л. А. Кроль критиковал Уральский Горнозаводской комитет, находившийся в Петербурге, за то, что «он преследует цели и интересы промышленников, а не интересы обороны». Только введение в состав ВПК общественных элементов, по мнению Л. А. Кроля, способно было обеспечить «беспристрастное, а не узкоклассовое, ведение ими дел в интересах обороны страны» [21].

Не удалось в полной мере привлечь рабочих к деятельности Уральского областного военно-промышленного комитета. В выборах в его рабочую группу приняли участие 35% рабочих. Если меньшевики и эсеры выступали за участие рабочих в ВПК, то большевики — против сотрудничества с буржуазией и царизмом. В Открытом письме Л. А. Кроля говорилось о расколе в рядах уральских социалистов в этом вопросе, отражающемся на результатах выборов, и неразборчивости большевиков в средствах борьбы против ВПК. Требования автономии и самоорганизации уральских рабочих как условий вхождения в ВПК были сформулированы на состоявшемся в июне 1916 г. съезде выборщиков от рабочих в Уральский областной ВПК по городу Екатеринбург и уезду. Вопросы, касавшиеся участия рабочего класса в деле обороны, планировалось обсудить в июле 1916 г. на областном съезде представителей ВПК и Земгора Пермской, Вятской, Оренбургской, Тобольской губерний и Тургайской области. Однако их постановка, включавшая требование созыва съезда уральских рабочих, организации примирительных камер, создания Рабочего союза была запрещена полицией на том основании, что они не входят в компетенцию ВПК и нарушают закон об их учреждении [7, лл. 50, 148].

Таким образом, изучение регионального опыта общественной мобилизации в условиях Первой мировой войны свидетельствует о способности российского общества к самоорганизации в экстремальных условиях военного времени, ее значимых успехах в первые два года войны. В то же время обеспечение общенациональных интересов затруднялось растущим противостоянием власти и общества, разнонаправленностью интересов и стремлений различных групп населения.

Библиографический список

1. Белова И. Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 — февраль 1917 г./ Под ред. Г. А. Бордюгова. М., 2011. 288 с.
2. Ваганова Л. В., Рукоусев Е. Ю. Военно-промышленные комитеты на Урале в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) Екатеринбург, 2005. 108 с.
3. ГАПК. Ф. 515. Оп. 1. Д. 3.
4. ГАПК. Ф. 515. Оп. 1. Д. 9.
5. ГАПК. Ф. 515. Оп. 1. Д. 10.
6. ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 441.
7. ГАСО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1.
8. Журналы Пермского Губернского Земского собрания 54-й чрезвычайной сессии и Доклады Управы сему собранию. Пермь, 1915.
9. Журналы Пермского Губернского Земского собрания 58-й чрезвычайной сессии и Доклады Управы сему собранию. Пермь, 1916
10. Зауральский край. 1916.
11. Казакова-Апкаримова Е. Ю. Формирование гражданского общества: городские словные корпорации и общественные организации на Среднем Урале во второй половине XIX — начале XX в. Екатеринбург, 2008. 289 с.
12. Куликов С. В. Благотворительность и политика: новые источники по истории отношений Земского и Городского Союзов с царским правительством в 1915–1916 гг. // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. СПб, 2008. С. 17–67.
13. Невоструев Н. А. Образование и развитие элементов российского гражданского общества на Урале во второй половине XIX — начале XX в. Пермь, 2005. 347 с.
14. Пермская земская неделя. 1915. № 7.
15. Поршнева О. С., Баженова К. Е. Эволюция деятельности организаций Всероссийского Земского союза на Среднем Урале в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.) // Гражданское общество в России и за рубежом. 2011. № 2. С. 35–39.
16. Сидоренко Н. С. Эволюция политической атмосферы провинциального общества в условиях Первой мировой войны (на примере губерний Урала) // Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения. Сб. ст. Отв. ред. Ю. А. Петрова. М., 2014.
17. Судавцов Н. Д. Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны. М.—Ставрополь, 2001. 718 с.
18. Туманова А. С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). М., 2014. 327 с.
19. Туманова А. С. Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 гг. Тамбов, 2002. 488 с.
20. Уральская жизнь. 1915, 17 июля.
21. Уральская жизнь. 1916. 16 января.
22. Ферстер С. Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 гг. // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. Челябинск, 2007. С. 12–28.

23. Шевырин В. М. Власть и общественные организации в России (1914–1917). М., 2003. 152 с.

24. Emerging Democracy in Late Imperial Russia. Case Studies on Local Self-Government (the Zemstvos), State Duma Elections, the Tsarist Government, and the State Council before and during World War I. Nevo, Colorado, 1998.

25. Porter, Th. The development of political pluralism in the late Imperial Russia: Local self-government and the movement for a National Zemstvo Union, 1864–1917. Ann Arbor: University of Washington, 1990.

26. State, Society and Mobilization in Europe during the First World War / Edited by J. Horne. Cambridge, 1997.

УДК 94 (470.5) «19»

А. П. Килин

АКТОРЫ И «АКТЁРЫ» МОДЕРНИЗАЦИИ В УРАЛЬСКОЙ ПРОВИНЦИИ В ГОДЫ НЭПА*

Рассматриваются противоречия периода новой экономической политики, которые находят свое отражение в конфликтах отдельных социальных групп, акторов модернизационных процессов, интересы которых были специфичны и согласовывались в конкурентной борьбе. На материалах информационных сводок Окружных отделений Объединенного главного политического управления Уральской области за 1924 г. рассматриваются отдельные социальные группы по критерию лояльности к Советской власти, РКП (б) и Красной Армии. В публикации обозначен ряд противоречий, которые складывались в рамках основных тенденций развития, таких как секуляризация, социальная мобилизация, демократизация (советизация), технологический прогресс и развитие системы образования. Приводятся данные о настроениях технических специалистов, рабочих, советских служащих, священников и учителя.

Ключевые слова: *история, НЭП, социальный слой, актор, интересы, оценка, ОГПУ.*

Географические и пространственные характеристики России, dogo-няющее развитие в технологической сфере, консервация и архаизация системы государственного управления, а также ряд прочих специфических черт предопределили проведение отечественных реформ сверху. Интенсивность и краткосрочность этого процесса компенсировалось инертностью объектов реформирования, порой откровенным сопротивлением новациям, а распространение инновационных импульсов на всю территорию государства приводило к их затягиванию, превращению в перманентный процесс. Идущие одна за другой реформы, как волны порой гасили друг друга, а порой вступали в резонанс, но не гарантировали получение заранее запрограммированного результата для инициаторов. Если учесть ряд контрреформ, то картина представляется еще более противоречивой.

Килин Алексей Павлович, кандидат исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург: e-mail.ru: Alexey.Kilin@urfu.ru.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ №15-11-66003 «Частный сектор хозяйства в экономике Уральской области (1923–1934 гг.)»

Одной из основных проблем, которая возникает в процессе модернизации — кто является движущей силой процесса, кто акторы, в чем заключается их интерес?

Большинство наших сограждан придерживается консервативных установок, для них стабильность выглядит более привлекательной, чем реформы. Однако под угрозой потери работы или резкого падения уровня жизни, взгляды радикализируются, а изменения ощущаются как личностно-необходимые. Напротив, интеллектуальная элита убеждена в необходимости преобразований, но направление инноваций («назад в прошлое» или «вперед в будущее») активно дискутируется. Можно говорить о модернизации отечественной модели экономики, но при этом резко выступать против реформы Академии наук. Таким образом, каждый индивид выступает и как реформатор, и как контрреформатор. Эта ситуация выбора, своего рода «развилка» дорог знакома многим.

Особый интерес представляют периоды отечественной истории, в которые радикальные изменения сочетаются с контрреформами. Это характерно для тех этапов, когда выстраданные и явно запоздалые изменения происходят радикально, реформаторы забегают вперед, их проекты базируются на идеологических установках, а не реальной оценке ситуации. Для сохранения завоеваний (или видимости этих завоеваний), происходит отступление, стремление подтянуть необходимую социально-экономическую базу и сохранить власть новых (или старых) элит.

История событий 1920-х гг., буквально на наших глазах, приближается к столетнему юбилею, ко времени, когда они приобретут весьма солидный возраст, дистанция будет составлять целый век. Период НЭПа весьма противоречив и неоднороден, этим он и привлекает исследователей. За последнее время введен в научный оборот большой объем исторических, в т.ч. массовых, источников, существует богатое историографическое наследие. Закономерно, что, прежде всего, изучаются те процессы, которые протекали наиболее интенсивно и насыщенно, которые концентрировались в крупных городах или в точках концентрации экономической активности. Россия самая большая страна, поэтому анализ провинциальной жизни существенно обогащает наши представления о характере изменений, о социальной базе преобразований.

С этой целью мы обратились к источнику, всегда вызывавшему интерес у исследователей, в том числе зарубежных [1], — к информационным сводкам Объединенного государственного политического управления при Совете народных комиссаров СССР (ОГПУ при СНК СССР), составленных уполномоченными его окружных отделений, существовавших в пределах Уральской области. Наиболее полный массив сохранился в фондах Центра документации общественных организаций Свердловской области за 1924 г.

Если представить себе жизнь провинциального города в тот период, то событий, заслуживающих внимания областного начальства, происходило не так много. Но регулярность отчетов (примерно, раз в две недели) никто не отменял, а их объем от 8 до 20 страниц, вынуждал рассматривать широкий круг вопросов, порой не имеющих прямого отношения к деятельности ОГПУ. Степень детализации при описании отдельных сюжетов, серьезно отличается и зависит от того, какой исходный документ, поступивший в Окружной отдел ОГПУ, брался за основу. Авторы сильно различаются по глубине анализа отдельных проблем, стилю и логике изложения материала, грамотности. Очевидно, что в различных округах у авторов были «любимые» темы, которым они уделяли больше внимания. Это могло объясняться отраслевой специализацией округа, уровнем осведомленности или подготовки автора, личными пристрастиями. Так, в одном из отчетов округов освещалось участие женщин в перевыборах в Советы, в других рассматривались детально проблемы школьного образования. Необходимо учитывать саму специфику такого источника как отчет, документ предполагал демонстрацию эффективности собственной деятельности, с акцентом на ее значимости для безопасности государства. Необходимо учитывать и то, что оценочные суждения граждан (в том числе и агентурные сведения), приведенные в отчетах, могли быть истолкованы неверно, более критично, чем они того заслуживали.

Как уже отмечалось, типовой характер документа подчеркивается общностью структуры, построенной на разных принципах (тематический, объектный). Эта структура не вполне логична и не позволяет избежать дублирования материала. Выделяются блоки связанные как с видами деятельности (промышленность, сельское хозяйство, кооперация, торговля, партстроительство и т.п.), так и с отдельными значимыми мероприятиями (смерть В. И. Ленина, хлебозаготовки, сельхозналог, призыв в армию, преступность). Помимо этого, присутствуют разделы с описанием деятельности отдельных организаций.

Если исходить из тезиса, что «человеку всегда будет больше интересен человек», даже в исторической ретроспективе, мы можем апеллировать к акторной модели модернизации [2, с. 95–100] и обратиться к «действующим лицам и исполнителям», которые вышли на сцену в период НЭПа. Именно поэтому наибольший интерес представляют рубрики отчета, построенные по объектному принципу, где за основу описания «настроенный» берутся отдельные социальные группы. При этом отчетливо прослеживается классовый подход, а все социальные группы делятся на три категории, условно: «за», «против» и «нейтральные». Категория «врагов» очевидна и неизменно подчеркивается роль ОГПУ в борьбе с ними. Среди противников Советской власти: «бывшие» (белые офицеры,

священники, спецы, контрреволюционеры), «новые враги» (нэпачи, торгаши, барышники, кулаки, исключенные из РКП (б), административно-высланные) и «традиционные» (бандиты, конокрады, жулики, воры).

В отношении сторонников Советской власти все не так просто, т.к. их круг чрезвычайно узок. Это можно объяснить как реальным положением вещей в глубокой провинции, так и характером документа, выходящим из-под пера сотрудников правоохранительных органов, чье внимание сосредоточено на «контрреволюции». В любом случае, статистические данные, приводимые в сводках, свидетельствуют о чрезвычайно узкой прослойке активных сторонников Советской власти. Однозначно, это члены Российской коммунистической партии большевиков (РКП (б) и Российского ленинского коммунистического союза молодежи (РЛКСМ), военные, отчасти деревенская беднота, а также демобилизованные красноармейцы, рабочие и сотрудники милиции. Именно эти социальные группы мы можем рассматривать как активных сторонников преобразований.

Слой «сомневающийся», лояльных, но с некоторыми оговорками, составляет абсолютное большинство. Здесь и значительная часть рабочих и крестьян, интеллигенция (в том числе советские служащие), безработные, призывники, члены кооперативов.

Лояльность, по оценке сотрудников ОГПУ, обусловлена не столько идеологическими предпочтениями, сколько конкретными материальными благами, которые получают граждане от властей. Патерналистские, а порой иждивенческие настроения воспроизводятся снова и снова. В качестве основного тренда можно назвать стремление дистанцироваться от мероприятий властей, жить своей частной жизнью, ориентация на стабильность и материальное благополучие (мещанство, обывательщина). Ограничениями при реализации этих целей выступали дефицит ресурсов (прежде всего финансовых) и законодательство.

Сама категория «лояльность» весьма расплывчата и вполне сочетается с не менее абстрактной категорией — «революционная законность». И в том, и в другом случае, за основу бралась не буква, а дух законности, неуловимое для юриста, но вполне осязаемое для коммуниста понятие. Лояльными считались подача заявления в партию (это самое явное проявление лояльности), вступление в профсоюз, в общественные и добровольные организации, общественная деятельность, приобретение облигаций государственных займов, служба в Красной армии, нелояльными — отказ от общественной работы, непосещение собраний и массовых мероприятий, антисоветские выступления и саботаж мероприятий Советской власти, отказ от уплаты налогов, посещение и финансовая поддержка религиозных общин, противоправные деяния и т.п.

Мне ни разу не приходилось читать анкеты, в которых со слов автора была бы запись «нелоялен». Если дело дошло до заполнения анкеты или протокола допроса, то это было бы самоубийственно, абсурдно. «Нелоялен», как правило, являлось внешней негативной оценкой, призванной обосновать санкции.

Настроение социальных групп рассматривалось относительно трех институтов, трех столпов системы: Советской власти, РКП (б) и Красной армии. Именно в такой формулировке и оценивалось отношение граждан: «Настроение служащих и отношение к Сов[етской] власти и РКП (б), и Красной Армии в общем хорошее» [8, л. 133]

Модернизация реализуется в самых разнообразных сферах человеческой деятельности [2, с. 63–65], при этом на каждом из направлений должны проявляться не просто носители идей, а действующие субъекты, акторы, которые осознают себя таковыми и стремятся к реализации собственных интересов.

Применительно к периоду НЭПа, можно говорить о таких основных тенденциях как секуляризация, социальная мобилизация, демократизация (советизация), технологический прогресс (с акцентом на идею восстановления хозяйства до довоенного уровня), урбанизация, развитие системы образования. Парадокс ситуации заключался в том, что носители передовых идеологических установок, лидеры политических процессов были аутсайдерами в образовательной сфере, а их профессиональный уровень не соответствовал планке поставленных задач. Дефицит интеллектуального и управленческого потенциала заимствовался у «попутчиков», «бывших», лояльность к власти которых, не была очевидна. В связи с этим создавалась конфликтная ситуация, которая препятствовала реализации различных направлений модернизации, формировала весьма причудливую траекторию развития, а прогресс осуществлялся не благодаря, а вопреки идеологическим установкам.

Явные противоречия существовали между акторами в сельскохозяйственном и промышленном производстве, в процессе формирования советского управленческого аппарата, в образовательной сфере и в процессе секуляризации общественной жизни.

Задачи восстановления хозяйства страны требовали восстановить сельское хозяйство и промышленность, модернизировать социально-экономические отношения на селе и в городе. Носителями передовых технологий в деревне были зажиточные крестьяне, они же активно использовали сельскохозяйственную технику, пользовались кредитом, диверсифицировали свое хозяйство, активно вовлекались в посредническую деятельность, благодаря товарности производства. С точки зрения идеологии это были кулаки, враги советской власти, поэтому ставка делалась

на беднейшее крестьянство. Нельзя сказать, что бедняки рвались к власти, порой пассивно участвовали в процедуре выборов в сельские советы, в т. ч. из-за страха окончательно погубить свое хозяйство.

В качестве выхода виделось укрепление сельсоветом представителями городского пролетариата, которые не знали аграрных технологий, но привносили в деревню свои методы управления. «Деревенские ячейки авторитетом среди населения не пользуются и деревенской жизнью не руководят. Недостаток тот, что деревенские коммунисты никак не могут поставить себя примером и порой грубят с населением, главным образом проявляя слишком административные наклонности» [3, л. 184]. Закономерен тот факт, что при мобилизационной и авторитарной модели развития в управлении чрезвычайно большую роль играют военизированные организации (армия, правоохранительные органы, партия «нового типа»), поэтому велико влияние бывших красноармейцев, в том числе и членов РКП (б), в советизации деревни. «Сельская интеллигенция участия в выборах почти не принимала, да кроме учительства интеллигенции то в деревне нет. ...Большую роль в выборах играли демобилизованные красноармейцы, которые старались выдвинуть кандидатуру из среды бедняков...» [8, л. 193]

На производстве изменения были возможны при активном участии «спецов». Изменение социального статуса специалистов (в т.ч. представителей бывших привилегированных сословий), снижение их роли в общественной жизни и выдвижение на первый план «пролетариата», могло спровоцировать социальные конфликты, стремление компенсировать свою социальную ущемленность. В новых условиях они пользовались иными способами доминирования (если не юридическими, то морально-психологическими или экономическими, в т. ч. за счет различий в уровне заработной платы). «На заводе Магnezит, говорят: «Соввласть должна быть нашей, а с нас дерут шкуры, как царское правительство. Коммунисты говорят, что они за большие оклады купили спецов, а на деле выходит, что спецы купили коммунистов, а с нас рабочих, последние штаны слетают»» [5, л. 85]. Конфликты между администрацией, спецами и рабочими возникали довольно часто и по самым разным поводам. Златоустовский оружейный завод: «Рабочие просили улучшить школы для детей, а они на эти деньги строят сады и отпускают авансы членам партии в рассрочку, что видно рабочий так и останется, как раньше, у господина с капиталом, а теперь у господина коммуниста, а в это время главный инженер завода Фидлер говорит, когда к нему приходят рабочие и просят чего-нибудь: «Вы ведь сами хозяева, что меня просите»» [5, л. 128].

Вопросы материального обеспечения, принципов расчета и процедура выплата заработной платы являлись наиболее актуальными для

рабочих [7, л. 9]. Следует отметить, что острота проблемы снималась тем обстоятельством, что большинство рабочих не могли себя отнести к чистым пролетариям, т.к. имели в собственности, дом, участок земли и скот. «Многие рабочие имеют свои дома, что вполне естественно, так как в [Курганском] Округе чисто пролетарского слоя рабочих нет. А если и есть, то не более 10%» [8, л. 217–218]. Это обстоятельство, с одной стороны, позволяло им не столь резко реагировать на задержки заработной платы, а с другой, вовлекало их в «омут мелкобуржуазной стихии», ориентировало их на личное, в ущерб общественному. Таким образом, связь уральских рабочих с сельским хозяйством, особенно в провинциальных городах по традиции сохранялась.

Процесс выстраивания новой советской государственности и демократизация управления после периода «военного коммунизма» должен был реализовываться при помощи нового, «советского» аппарата управления. В большинстве Сводок речь идет о нейтральном отношении советских служащих к советской власти. «Интеллигенция состоит исключительно из учительского персонала и совслужащих, которые все же разделяются на две группы, первая группа стремится своей лояльностью завоевать авторитет от Соввласти и ко всем распоряжениям, как и местной, так и к высшей власти относится с должным вниманием. Со стороны этой группы заметно проявление общественной работы, направленной на поднятие авторитета Соввласти. Вторая группа интеллигенции представляет из себя не что иное, как трусливых наблюдателей, не принимающих никакого участия в общественной работе, пустившихся в обывательщину. Эта группа все еще кого-то ждет. Возложенную работу проводит не за совесть, а за страх» [7, л. 114]. «Совслужащие... на все смотрят с наблюдательной точки зрения» [8, л. 159]. «Настроение совслужащих, отношение их к соввласти и РКП в общем удовлетворительное, за исключением учреждений, в которых в связи с районированием производится сокращение штатов служащих» [4, л. 120].

В сфере образования, которая играет исключительно важную роль в процессах модернизации, также не обошлось без конфликтных ситуаций. Актуальность борьбы с неграмотностью и необходимость получить образование резко повысили спрос на школы и учителей. Проблемы возникали как с созданием самих школ, так и с кадрами учителей (школьных работников или «шкрабов»). Шадринской округ: «Политнастроение шкрабов удовлетворительное, большинство учительства настроено религиозно, поэтому на местах не ведут никакой антирелигиозной работы. Материальное положение шкрабов, работающих в селе плохое, т.к. жалование получают 12–14 руб. в месяц и нет никаких побочных заработков, по городам же последнее наблюдается, в следствии этого городское учительство живет в лучших материальных условиях» [4, л. 130]. В Сводках

приводится информация о забастовках учителей [4, л. 142; 7, л. 42]. В докладе «О происходивших конфликтах на заводах Южно-Уральского треста с сентября 1923 года» говорилось, что в Саткинском округе рабочими наряду с вопросом о пересмотре норм выработки была поднята школьная тема: «Для обучения детей рабочие отчисляют на школу в месяц 2% (на Магнезите) и кроме того вынуждены нести «добровольно» натуральные повинности по отношению к школе: подвести, нарубить дрова, уборка и прочее...» [5, л. 160 об.]. Таким образом, говорить о бесплатном образовании нельзя, т.к. помимо налога, родители брали на себя содержание школ, которые открывались по их инициативе [8, л. 147].

В процессе секуляризации значительную роль играл раскол православной церкви, в процессе которого взаимные обвинения служителей культа дискредитировали их намного сильнее, чем партийная пропаганда. «На состоявшемся собрании 19 августа [1924 г.] велись большие дебаты, кому должно принадлежать первенство в Курганской епархии тихоновцам или обновленцам, в результате прений достигнуто ничего не было, кроме выявления дрызг не присущих церкви. Обе стороны называли друг друга еретиками и вскрывали свою интимную жизнь, в конечном же результате собрание оставило плохой отпечаток на душе мирян и внесло отвращение по отношению к священству» [8, л. 114].

Таким образом, можно говорить о большом количестве акторов, преследующих свои собственные интересы и порождающие конфликтные ситуации. Возможно, что именно конфликтность и придавала высокий динамизм процессу, позволила за короткий срок мобилизовать ресурсы многоукладной экономики и восстановить хозяйство страны. Создается ощущение, что движущей силой были именно «враги» и в попытках их нейтрализовать, сформулировать ответ на соответствующий вызов, власть способствовала формированию и развитию советской модели экономики. Именно кулачество вынуждало модернизировать сельское хозяйство, а «спецы» повышать производительность труда, аполитичные советские служащие вынуждали формировать новые кадры управленцев, а старорежимные учителя менять систему школьного образования, а частные торговцы, «нэпачи» обнажали все дефекты кооперативной торговли. Впоследствии, когда конфликты стали решаться не в конкурентной борьбе, а силовыми методами, путем уничтожения одной из сторон, политическая и экономическая палитра стала оскудевать. Государственные интересы вытеснили как интересы отдельных регионов, так и наиболее активных акторов преобразований. Переход на глобальный уровень решения задач, не оставил места для такого разнообразия участников, превратил реальных игроков в статистов.

Библиографический список

1. Дэвис С. Мнение народа в сталинской России: Террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941. Пер. с англ. В. Н. Морозова. М., 2011. 231 с.
2. Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006. 239 с.
3. ЦДООСО Ф. 4–р. Оп. 2. Д. 61.
4. ЦДООСО Ф. 4–р. Оп. 2. Д. 63.
5. ЦДООСО Ф. 4–р. Оп. 2. Д. 69.
6. ЦДООСО Ф. 4–р. Оп. 2. Д. 70.
7. ЦДООСО Ф. 4–р. Оп. 2. Д. 71.
8. ЦДООСО Ф. 4–р. Оп. 2. Д. 72.

УДК 930.1(470)

Е. П. Емельянов

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ УСТЮГОВ: ОТ СЕМИНАРИСТА К СОВЕТСКОМУ ИСТОРИКУ*

Статья посвящена профессиональному становлению выдающегося советского историка Николая Владимировича Устюгова. Анализируется влияние его сословного происхождения на развитие научной карьеры. Подчеркивается, что жизненный путь Устюгова от семинариста к учёному был типичен для России, переживавшей процесс модернизации.

Ключевые слова: *российская модернизация, духовенство, советская историческая наука, первое поколение советских историков, Николай Владимирович Устюгов.*

Одним из проявлений процесса модернизации, протекавшего в России в XVIII–XX вв., стала постепенная секуляризация социума, проявлявшаяся, в частности, в отказе детей священнослужителей от духовной службы и их вступлении в ряды интеллигенции. Хотя после революции большевистская партия взяла курс на создание новой пролетарской интеллигенции, процесс её пополнения выходцами из духовного сословия продолжался и в первые годы советской власти [18, с. 147–152, 165]. К числу сыновей священников, выбравших после революции научную и педагогическую деятельность, принадлежал выдающийся историк, профессор Московского Государственного Историко-архивного Института Николай Владимирович Устюгов (1896/97–1963).

Будущий учёный родился на хуторе Синеглазовском Челябинского уезда Оренбургской губернии в семье Владимира Владимировича и Екатерины Ивановны Устюговых. Первоначально он готовился к продолжению духовной карьеры отца. В 1907 г. Николай Устюгов поступил в четырёхклассное Челябинское духовное училище, которое окончил в 1912 г.

Емельянов Евгений Павлович, аспирант, Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: sverdlovsk89@mail.ru.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ № НШ-3422.2014.6.

с правом поступления в духовную семинарию без экзаменов [9, с. 205]. В том же году он поступил в Оренбургскую духовную семинарию. Полный срок обучения в семинариях в то время составлял 6 лет, но для поступления в университет достаточно было проучиться в них лишь 4 года. Последние два года семинарского обучения посвящались исключительно богословским наукам и непосредственной подготовке выпускников к пастырскому служению [14, с. 110]. Тем не менее, Устюгов не стал покидать семинарию после четвёртого класса, а проучился в ней шесть лет вплоть до мая 1918 г. [13, л. 63]. Закончив Оренбургскую семинарию со званием студента, которое присваивалось только лучшим выпускникам, Устюгов уехал к семье в Челябинский уезд на станцию Полетаево [7, л. 6].

После окончания семинарии Устюгов решил продолжить образование в высшем учебном заведении и в сентябре 1918 г. поступил на первый курс историко-филологического факультета Томского университета [4, л. 1]. Выбор для обучения именно Томского, а не более близкого Казанского университета был, очевидно, связан с тем, что Казань в августе–сентябре 1918 г. фактически находилась на линии фронта, в то время как и Томск, и Полетаево находились под контролем войск Чехословацкого корпуса. Но по финансовым причинам обучение в Томском университете пришлось прервать вскоре после начала занятий. Из-за недостатка средств Устюгов был вынужден проработать два года учителем начальных классов в железнодорожных школах на Урале и в Сибири [13, л. 103об.]. Летом 1920 г. Устюгов был призван в ряды РККА, т. к. руководство железной дороги не оформило на него документы об отсрочке от военной службы. Поначалу он проходил службу на административных должностях в Челябинской уездной комиссии по борьбе с дезертирством и Челябинском военном комиссариате. Позднее, в сентябре 1921 г., ему удалось стать штатным преподавателем и начальником учебной части 97-х пехотных учебных курсов, расквартированных в Челябинске [6, лл. 1–4].

В 1921 г., когда Устюгов находился в армии, началась кампания по пролетаризации высшего образования, в ходе которой право преимущественного поступления в ВУЗы предоставлялось абитуриентам, командированным на учёбу партийными, профсоюзными и комсомольскими организациями [2, с. 272–273]. Несмотря на то, что родители Устюгова принадлежали к духовному сословию, а сам он не состоял ни в партии, ни в комсомоле, именно эта кампания помогла ему стать студентом университета. Это было связано с тем, что приоритетом при поступлении, наряду с вышеназванными категориями лиц, обладали и красноармейцы. В конце 1921 г. руководство курсов направило Устюгова по его просьбе на учёбу в Московский университет, носивший в то время название 1-го МГУ. Юридически его поступление было оформлено как перевод из Томского

университета на второй курс МГУ, и в феврале 1922 г. он приступил к занятиям на общественно-педагогическом отделении факультета общественных наук (далее ФОН) [13, л. 68].

Общественно-педагогическое отделение до марта 1921 г. носило название исторического, и было переименовано в связи с изданием декрета СНК «О плане организации факультетов общественных наук российских университетов», по которому исторические и филологические отделения подлежали упразднению [11, с. 20]. Переименование сопровождалось коренными изменениями в учебной программе, связанными со стремлением большевистской партии установить идеологический контроль над высшей школой. Тем не менее, на отделении продолжали работать многие учёные «старой школы», получившие профессиональную подготовку в дореволюционный период и не разделявшие марксистско-ленинских идей.

Именно они стали главными наставниками Устюгова в исторической науке. Во время обучения в университете он посещал семинары А. А. Кизеветтера, М. М. Богословского, Д. М. Петрушевского, А. И. Яковлева, С. В. Бахрушина и В. И. Пичеты [10. лл. 1 об.–2 об.]. Также, как историки «старой школы», он считал историю научной дисциплиной, опирающейся на факты, а не на идеологические догмы. Обучавшаяся вместе с ним А. Б. Закс вспоминала, что на семинаре А. И. Яковлева Устюгов возглавлял тех студентов, которые ожесточённо спорили с последователями М. Н. Покровского и выступали за объективное отношение к истории [10, с. 199]. Наибольшее влияние на становление Устюгова оказали Петрушевский и Пичета, которых он называл своими учителями [15, с. 28]. Они принадлежали к научной школе Ключевского-Виноградова и являлись по своим методологическим установкам неокантианцами и позитивистами. Рассмотрение первых научных работ Устюгова позволяют говорить, что в начале своей исследовательской карьеры он также придерживался позитивистских подходов к изучению прошлого.

В то время, когда Устюгов окончил университет, возможности для профессиональных занятий историей (за исключением историко-партийной тематики) в Советском Союзе были сведены к минимуму. В этих условиях выходом для Устюгова, как и для многих представителей первого поколения советских историков (в частности, А. И. Неусыхина, А. Д. Люблинской, Л. В. Черепнина и др.), стали занятия библиографией и библиотечным делом, о чём он позднее писал: «Все мы, историки, в период 1924–1934 гг. усиленно «грешили» вопросами библиографии и библиотечного дела, т. к. тогда вместо истории преподавалось обществоведение» [12, с. 95].

Ещё обучаясь в университете, в октябре 1923 г., Устюгов устроился в библиотеку Коммунистического университета национальных меньшинств Запада на должность помощника заведующего библиотекой,

в которой проработал до декабря 1925 г [13, л. 63об.]. В 1925 г. он перешёл на службу в одно из крупнейших советских книгохранилищ — Библиотеку Коммунистической академии (далее — Библиотека Комакадемии). Поскольку Комакадемия являлась идеологическим учреждением, Устюгов скрыл факты своего происхождения из духовного сословия и обучения в семинарии. В анкете, заполнявшейся при поступлении, он указал, что его родители принадлежали к трудовой интеллигенции, а сам он обучался в средней школе [3, л. 110]. Тем не менее, в следующем 1926 г. он возглавил библиотеку Института советского строительства, входившего в состав академии, которой заведовал до 1928 г.

Вместе с тем в свободное от службы время Устюгов продолжал заниматься историческими исследованиями. Он участвовал в семинарах, проводившихся на квартире Бахрушина, и продолжал начатое в университете изучение истории русского крестьянства, исследуя архив московского губернского предводителя дворянства [13, л. 65 об.]. При этом им были выполнены две работы о сословии вольных хлебопашцев, оставшиеся в то время неопубликованными. Одна из них, посвящённая увольнению крестьян в вольные хлебопашцы, была напечатана только в 1947 г. в трудах МГИАИ, и по своему характеру резко отличалась от произведений советской историографии, созданных в послевоенный период. В статье полностью отсутствовали цитаты из классиков марксизма, упоминания о классовой борьбе и эпитеты «прогрессивный» и «реакционный». Но ещё более важными её отличиями являлись отсутствие обвинений царского правительства в злонамеренности и признание положительных моментов его деятельности. Воздерживаясь от негативных выпадов в адрес самодержавия, он объяснял непоследовательность правительственного курса по отмене крепостного права в первой половине XIX в. социально-психологическими особенностями господствовавшего класса помещиков [17, с. 143].

В те годы, когда Устюгов занимался изучением сословия вольных хлебопашцев, в стране начались масштабные репрессивные кампании против представителей «старой» интеллигенции. В 1930 г. были арестованы С. В. Бахрушин и многие участники его семинара. Арестованный в сентябре 1930 г. член кружка И. С. Макаров, перечисляя лиц, регулярно посещавших его заседания, назвал Л. В. Черепнина, Н. В. Устюгова, Н. И. Привалову и А. Н. Сперанского [1, с. 99]. Вскоре после этого, в феврале 1931 г., в Комакадемию поступил донос на Устюгова от участницы комсомольских отрядов т. н. «лёгкой кавалерии», занимавшихся внезапными проверками различных учреждений. В числе обвинений в его адрес фигурировали поддержание отношений с отцом-священником, которого Устюгов материально поддерживал, и пренебрежительная оценка «Истории России в самом сжатом очерке» М. Н. Покровского [3, лл. 107–107 об.].

Но, несмотря на доносы, Устюгов смог избежать ареста и приступить в начале 1930-х гг. к профессиональным занятиям исторической наукой. В 1933 г. ему удалось опубликовать свою первую работу, которой стало предисловие к подборке документов о волнении крепостных рабочих на шёлковой фабрике в Московской губернии в 1841 г., напечатанной в издававшемся Коммунистической академией сборнике «История пролетариата СССР» [16, с. 207–213].

Произошедшие в те же годы изменения в советской идеологии, связанные с отказом от идеи мировой революции и формированием советского патриотизма, создали условия для возрождения исторической науки в СССР. Его началом послужило издание в мае 1934 г. совместного постановления СНК и ЦК ВКП (б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», восстанавливавшего историю как самостоятельный предмет школьной программы [8, с. 203–205]. Тогда же, в мае 1934 г., Устюгов приступил к работе по договору в московской группе Историко-археографического института АН СССР, готовившей публикацию документов по истории ремесленного труда и форм найма в России XVII в., а в 1935 г. стал её штатным сотрудником. В 1938 г. он защитил кандидатскую диссертацию, написанную по материалам его работы в вышеназванной группе, и приступил к преподаванию в МГИАИ. В эти годы сформировалась тематика его исследований, определившая дальнейшее направление его творчества. Отказавшись от изучения аграрной истории XIX в., Устюгов обратился к исследованию социально-экономического развития России в XVII в., истории народов СССР XVII–XVIII вв. и вспомогательным историческим дисциплинам. Занимаясь данными направлениями, он сформулировал концепции «свободного вассалитета» башкир и раннего генезиса капитализма в России. Последняя концепция стала теоретической основой диссертации о солеваренной промышленности Соли Камской в XVII в., по результатам защиты которой Устюгову была присвоена в 1956 г. степень доктора исторических наук.

Духовное сословие служило одним из основных источников формирования российской интеллигенции при переходе от традиционного к современному обществу. Среди историков выходцами из духовенства были такие крупные учёные как С. М. Соловьёв, В. Г. Васильевский, В. О. Ключевский, М. М. Богословский и др. Это позволяет утверждать, что жизненный путь Николая Владимировича Устюгова, сына сельского священника, ставшего историком, был во многом типичен для России, переживавшей процесс модернизации. Однако, в первые годы советской власти духовное происхождение стало серьёзным препятствием для получения образования и развития карьеры будущего учёного. Государственная политика, направленная на ликвидацию истории как самостоятельной

науки, лишила его возможности профессионально вести научные исследования, и он был вынужден заниматься ими в свободное время. Сохранив, полученные в университете профессиональные навыки, он смог, после смены идеологического курса в 1930-е гг., вернуться к научной работе и в дальнейшем вошёл в число ведущих советских историков.

Библиографический список

1. Ананьич Б. В., Панях В. М. Следствие в Москве по «Академическому делу» 1929–1931 // Русский исторический журнал. 1999. Т. II. № 3. С. 93–113.
2. Андреев Д. А. «Красное студенчество» в 1921–1924 гг.: контуры образа // Диалог со временем. 2007. Вып. 20. С. 270–285.
3. АРАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 318.
4. АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 7.
5. АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 12.
6. АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 41.
7. АРАН. Ф. 1535. Оп. 2. Ед. хр. 50.
8. Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005. 800 с.
9. Духовенство и церковные деятели по публикациям Оренбургских епархиальных ведомостей за 1912–1917 гг. / Сост. А. Г. Щегольков. Челябинск, 2012. Т. 4. 368 с.
10. Закс А. Б. Факультет общественных наук МГУ (1921–1924): Из воспоминаний историка // Археографический ежегодник за 1993 г. М., 1995. С. 197–202.
11. Иванова Л. В. У истоков советской исторической науки: подготовка кадров историков-марксистов в 1917–1929 гг. М., 1968. 197 с.
12. Каменцева Е. И. Письма историка с фронта // Советская историография отечественной истории. М., 1988. С. 77–97.
13. Научный архив Института Российской Истории РАН. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 45.
14. Сушко А. В. Духовные семинарии в России до 1917 г. // Вопросы истории. 1996. №11–12. С. 107–114.
15. Троицкий С. М. Николай Владимирович Устюгов как историк Европейского Севера СССР // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 27–47.
16. Устюгов Н. В. О волнении крепостных рабочих на шёлковой фабрике помещика Окулова в Бронницком уезде Московской губернии в декабре 1841г. // История пролетариата СССР. 1933. сб. 4. С. 207–213.
17. Устюгов Н. В. Увольнение крестьян в свободные хлебопашцы по духовному завещанию // Труды Историко-архивного института. М., 1947. Т. 3. С. 142–169.
18. Федюкин С. А. Советская интеллигенция в 20-х гг. // Изменения социальной структуры советского общества 1921 — середина 30-х гг. М., 1979. С. 146–175.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБРАЗА ЖИЗНИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

УДК 930.01

П. Дюкс

МОДЕРНИЗАЦИЯ И АНТРОПОЦЕН: КЛЮЧЕВЫЕ ДАТЫ*

В то время как историки пишут о поворотных точках и рубежах, геологи обращаются к эпохам и «золотым гвоздям». Два ученых-естественника рассматривают три возможных «золотых гвоздя» в качестве начала эры антропоцена: 1610, 1784 и 1964. Они утверждают, что особый этап в «колумбовом обмене» достоин наименования «гвоздь Orbis» 1610 г. Однако немногие историки готовы принять 1610 г. как важнейший поворотный момент, многие из них предпочитают в качестве такового конец XVIII в., а то и конкретный год — 1784. Ученые естественнонаучного профиля и историки, тем не менее, признают значимость развития атомного оружия, для которого 1964 год был ключевым.

Ключевые слова: *модернизация, антропоцен, историки и поворотные моменты, геологи и «золотые гвозди», ключевые даты 1610, 1784, 1964.*

В марте 2015 г., в публикации онлайн-издания «Вестник ученых-атомщиков», было дано объяснение переводу стрелок Часов Судного дня с 5 минут до полуночи на 3 минуты до рокового часа: «неконтролируемое изменение климата, модернизация ядерного оружия, идущая во всем мире, и слишком большой ядерный арсенал представляют небывалую и бесспорную угрозу существованию человечества, в то время как мировые лидеры не справляются с задачей действовать с той скоростью и в том масштабе, которые необходимы для защиты граждан от потенциальной катастрофы. Эта неспособность политических лидеров ставят под угрозу жизнь каждого человека на Земле». «Вестник» гласил: «сейчас часы тикают, находясь в трех минутах от полуночи, потому что международные лидеры не исполняют свой самый важный долг — гарантировать и сохранить здоровье и жизнеспособность человеческой цивилизации».

Мы можем только надеяться, что на Конференции ООН по изменению климата, которая должна состояться в Париже 30 ноября — 11 декабря 2015 г., будут согласованы необходимые ограничения, и что наметится прогресс в отношении контроля и сокращения ядерного оружия с участием не только «международных лидеров», но также и озабоченных этим вопросом граждан.

Дюкс Пол, заслуженный профессор Абердинского университета, г. Абердин, Великобритания; e-mail: p.dukes@abdn.ac.uk.

* Перевод Е. В. Алексеевой.

Среди них должны быть историки. Призыв в соответствующем ключе был выдвинут в «Историческом манифесте» Джо Гулди и Дэвида Армитэйдж, опубликованном в 2014 г. в Кембридже, в котором авторы ищут ответ на вопрос: «почему история, особенно история длительных периодов, настолько важна для понимания многочисленных событий прошлого, которые дали начало нашему противоречивому настоящему?». Гулди и Армитэйдж не отвергают локальные исследования, но утверждают, что они должны встраиваться в движение «направленное на выявление конкретных поворотных точек и рубежей в истории, революционных моментов, которые дестабилизируют институции, климат и общества» [4, р. 36]. Среди этих моментов авторы называют наступление эпохи антропоцена. Они, без сомнения, высказались более чем определенно, в пользу того, что антропоцен — слишком серьезная проблема, чтобы оставить ее на рассмотрение исключительно ученым-естественникам.

И хотя само слово «антропоцен» придумано учеными естественнонаучного профиля, монополии на термин у них нет. Как отметил Ричард Монастерски, «это понятие используется археологами, историками и даже представителями гендерных исследований; несколько музеев по всему миру проводили выставки произведений искусства, вдохновленных антропоценом, и СМИ с воодушевлением восприняли эту идею» [6, р. 142–147].

Поясним, что термин «антропоцен» был предложен в 2000 г. для фиксации того обстоятельства, что человеческая деятельность является глобальной и главной причиной современного изменения окружающей среды, которое началось с увеличением количества «парниковых газов» в 1784 г. и продолжается по сей день. Масштабная эксплуатация Земли человеком привела к исчезновению многих видов. «Человеческая деятельность явно изменила поверхность суши, океаны, атмосферу и переструктурировала жизнь на Земле» [5, р. 172]. Современному уровню понимания этой проблемы предшествовало развитие близкого круга вопросов в трудах французского натуралиста Жоржа-Луи Бюффона, валлийского геолога и богослова Томаса Дженкина, французского геолога Поля Жерве, шотландского геолога Чарльза Лайелля, советских геологов Алексея Павлова и Владимира Вернадского. В настоящее время издается, по меньшей мере, три научных журнала, посвященных изучению антропоцена.

В качестве начала эры антропоцена двумя специалистами по климатическим изменениям и их последствиям — экологом-ботаником Саймоном Л. Льюисом и климатологом Марком А. Маслином были предложены две разные даты [5, р. 171–180]. Первая — 1610 г., когда было отмечено небывалое снижение количества углекислого газа в атмосфере и состоялся необратимый обмен видами животных между Старым и Новым светом.

Вторая дата — 1964 г., на который пришелся пик радиоактивных осадков после испытания ядерного оружия (до того, как начал действовать соответствующий запрет).

Аргументы этих ученых включают и несколько ссылок на работы историков. И те, и другие сходятся во мнении, что хотя такие природные явления, как падения метеоритов, подвижки континентов, извержения вулканов вносят существенные изменения в ситуацию на Земле, в настоящее время именно глобальная человеческая деятельность стала доминирующей причиной большинства перемен в современной окружающей среде.

Три значимых процесса особенно важны для отсчета эры антропоцена: встреча культур Старого и Нового Света; начало промышленной революции; и Великое ускорение в развитии человеческого общества с 1950 г., маркируемое радиоактивными осадками после испытаний атомной бомбы.

Столкновение культур Старого и Нового Света

Прибытие европейцев в Карибский бассейн в 1492 г. и последующее занятие Америки привели к крупнейшему перемещению человеческого населения за последние 13 000 лет и началу глобальной торговли. Произошел обмен видами растений, животных, микроорганизмов (имевший как положительное, так и отрицательное значение). Численность населения Северной и Южной Америки сократилось примерно с 54 миллионов в 1492 г. до приблизительно 6 миллионов в 1650 г., вследствие войн, порабощения, голода и болезней. Сельское хозяйство замерло, что повлекло за собой сокращение использования огня, сохранение и регенерацию более 50 млн гектаров леса, саванны и пастбищ, резкое падение уровня углекислого газа в атмосфере, достигшего низшей отметки в 1610 г. (о чем свидетельствуют данные исследования антарктического льда). Поэтому Льюис и Маслин предложили обозначить низшую точку содержания двуокси углерода в атмосфере как «гвоздь Орбис», а последующие перемены, маркируемые 1610 г., как начало антропоцена. Название гипотезы «Орбис» происходит от латинского слова «мир», поскольку после 1492 г. человечество обоих полушарий было объединено, торговля стала глобальной, что дает основание некоторым крупным социологам обозначать это время как начало современной «мир-системы» [8, р. 3].

Промышленная революция

Льюис и Маслин полагают, что, хотя начало промышленной революции часто выдвигается в качестве начала антропоцена (поскольку этот период отличается большими объемами использования ископаемого топлива и быстрыми социальными изменениями), однако люди были вовлечены в промышленное производство на протяжении тысяч лет до XVIII в.

Кроме того, загрязнение окружающей среды в этом веке носило слишком «локальный и диахронный характер, чтобы отразиться в явном пике на графике» [8, p. 175]: промышленная революция в основном ограничивается северо-западной Европой и датируется в широком промежутке с 1760 до 1880 г., что опять же затрудняет единую маркировку Глобального стандартного стратиграфического возраста.

Великое ускорение

Великое ускорение с 1950-х гг. характеризуется быстрым ростом человеческой популяции и резким увеличением промышленного производства, в котором старые элементы, такие, как металлы и ископаемое топливо соседствуют с новыми, такими, как пластик и ядерное оружие. После договора 1963 г., частично запретившего ядерные испытания, уровень радиоактивности снизился, а пик содержания двуокси углерода в атмосфере в 1964 г., фиксируемый в годовых кольцах польской сосны и других вторичных свидетельствах, предлагается Льюисом и Маслином в качестве основного маркера Глобального стандартного стратиграфического возраста.

В своей статье Льюис и Маслин активно пользуются термином «BP» (Before Present), что означает «до настоящего», которое определяется как 1 января 1950 г., но эта аббревиатура также остроумно распространяется на словосочетание «до физиков» (Before Physicists). Очевидно, что специалисты самых разнообразных дисциплин интересуются термином «антропоцен» и многосторонней дискуссией вокруг него.

Обратимся в заключении снова к историкам, для которых 1610 г. не является ключевой датой. Необходимо признать значимость «колумбова обмена», но, в то же время, нельзя утверждать, что он достиг определенного важного результата в каком-то конкретном году. В любом случае, историки имеют дело, в основном, с поворотными моментами и вехами, а не с пиками графиков. Более того, многие из них предпочли бы указать на события в других частях мира, и на период до 1610 г.

Льюис и Маслин, обращаются к работе Иммануила Валлерстайна, но игнорируют его основной аргумент о том, что, хотя мир-система возникает в XVI в., «доминирует мнение, что качественное историческое изменение произошло в конце XVIII — начале XIX вв.». Валлерстайна поддерживает К. Чаудри, который пишет об азиатских империях и династиях: «Их неспособность в конце XVIII в. усвоить европейский милитаризм и изолировать цивилизационную идентичность также ознаменовала конец жизненного цикла» [1, p. 41].

Начало XVII в., возможно, лучше всего рассматривать как прелюдию к глобальному кризису, так тщательно исследованному недавно Джеффри Паркером. Возвращаясь к теме, впервые возникшей почти пятьдесят лет

назад, Джеффри Паркер расширяет и уточняет понятие «общеευропейского кризиса XVII в.», учитывая события во всем мире, а также последствия малого ледникового периода 1640-х — 1690-х гг. К основной аргументации Вольтера, впервые обоснованной в его «Опыте о нравах и духе народов», Паркер добавил фактор возможного голода. «Три вещи оказывают постоянное влияние на умы людей: климат, правительство и религия», вместе взятые, они дают «единственный способ объяснить загадку этого мира». Вольтер позднее добавил к этому перечню население [7, р. 1].

В 1965 г. Кристофер Хилл — по мнению Паркера, «возможно, наиболее проникательный современный историк темы», — предположил, что сравнительный метод, примененный к «всеобщему кризису» в Западной и Центральной Европе, может являться «полезным инструментом для историка, самым сподручным для его лабораторных изысканий» [7, р. XXVII¹. После того, как Паркер расширил дискуссию, включив в исследование весь мир и климатические изменения, эти лабораторные изыскания приблизились к настоящей науке. Однако, проводя аналогию между XVII и XXI вв., он мог бы упомянуть и столетия, лежащие между ними, как часть эволюционного процесса.

Что касается 1964 г., то трудно оспаривать беспрецедентный характер ядерной угрозы, которая неизменно упоминается в Бюллетене ученых-атомщиков. Но эта угроза не явилась неожиданно, как гром среди ясного неба, ее происхождение должно быть исследовано для правильного понимания. Возможно, новая эпоха, включающая предмет, имеющий дело с зонами, не должна сводиться ни к одной из этих дат, но включать все три: 1610, 1784 и 1964.

В конце концов, именно об этом писали Пауль Крутцен и Юджин Штермер в 2000 г.: «Назвать конкретную дату наступления эры антропоцена можно только условно, но мы предлагаем считать в качестве таковой конец XVIII в., хотя прекрасно осознаем, что могут быть предложены и другие варианты (некоторые, возможно, охватят даже весь голоцен). Однако мы выбираем эту дату, потому что в течение прошлых двух столетий глобальные последствия человеческой деятельности стали особенно ощутимы» [3, р. 17].

Библиографический список

1. Chaudhuri K. N. *Asia before Europe: Economy and Civilisation of the Indian Ocean from the Rise of Islam to 1750*. Cambridge, 1990. 477 pp.
2. *Crisis in Europe 1550–1650: Essays from Past and Present*. Ed. Tr. Aston. London, 1965.
3. Crutzen P. J. and Stoermer Eu. E. 'The Anthropocene' in the IGPB // *International Geosphere-Biosphere Programme. Newsletter*, 41, 2000. P. 17.
4. Guldi J. and Armitage D. *The History Manifesto*. Cambridge, 2014.
5. Lewis S. L. and Maslin M. A. *Defining the Anthropocene* // *Nature*, 12 March 2015.
6. Monastersky R. *The human age* // *Nature*, 12 March 2015.

¹ Кристофер Хилл цитируется по: [2, р. 3].

7. Parker G. Global Crisis: War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century, London, 2015.

8. Wallerstein I. The Modern World-System III: The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730–1840s, (Studies in Social Discontinuity). London, 1989.

УДК 930.1

Е. В. Алексеева

АНТРОПОБИОЛОГИЧЕСКИЕ И АНТРОПОГЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ*

В статье поставлена проблема аксиологической оценки российского модернизационного процесса. Сопоставляется «человеческая» и экологическая цена модернизации. Обоснована необходимость сохранения и ревалоризации индустриального наследия — материального воплощения эпохи модернизации — как ценного социального и культурно-исторического ресурса.

Ключевые слова: человек, модернизация, индустриальное наследие, природные ресурсы, качество жизни, экология, здоровье нации.

Человек, подобно матрешке, окружен взаимопересекающимися оболочками природной, антропогенной, социальной сред. Фокус внимания историков традиционно сосредоточивается на постепенных или радикальных переменах в окружающей человека социальной среде — от повседневных до цивилизационных аспектов экономики, техники, науки, образования, политики, демографии, культуры, менталитета и проч. Относительно недавно историки и представители других наук стали осмысливать сложный комплекс вопросов, связанных с взаимодействием в современную эпоху людей и окружающей их природной среды [11; 9]. Изучение воздействия человека на окружающую среду в ходе развития классических модернизационных процессов (индустриализации, агро-механизации, урбанизации и др.), а также выявление и исследование последствий модернизации, сопряженных с изменением жизни человека как социо-биологического существа в этом контексте представляется все более актуальным.

Многовековое стремление человечества к более сытой, безопасной, благоустроенной, свободной, интересной жизни в существенной степени реализовалось в ходе длительного и сложного процесса модернизации. Сопоставляя базовые параметры среднестатистического жителя России в пределах примерно столетнего интервала, мы увидим разительный контраст крайних звеньев этой эволюционной цепи. По данным переписи 1897 г.

Алексеева Елена Вениаминовна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: alekseeva167@mail.ru.

** Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ № НШ-3422.2014.6.*

85% более чем 125-ти миллионного населения Российской империи проживало в сельской местности, $\frac{3}{4}$ ее жителей занималось преимущественно сельским хозяйством. 78% населения империи (без Финляндии) было неграмотно (не умело читать). На 100 мужчин приходилось 99,6 женщин. К возрасту 45–49 лет лишь около 4% мужчин и 5% женщин оставались вне брака. Средний размер домохозяйства в европейской части России на рубеже XIX–XX в. составлял около шести человек [3, с. 221]. Средняя продолжительность жизни по империи варьировала около 32 лет. Итак, среднестатистический житель Российской империи рубежа веков — крестьянин (ка), обеспечивающий существование за счет земледелия и животноводства, живший часто практически безвыездно в своем доме с хозяйственными постройками, в тесненных и плохих санитарных условиях, имевший жену/мужа (с которой фактически невозможно было официально развестись) и не менее четырех детей, в тесном соседстве с многочисленными родственниками, неграмотный, в основном скудно и однообразно питающийся, руководствующийся в повседневной жизни передаваемыми из поколения в поколение представлениями о своей четко очерченной роли и месте в обществе и традиционным теоцентричным мировоззрением.

По переписи 2010 г. «портрет» гражданина России рисуется в обратной перспективе и выглядит совершенно иначе. 74% жителей 146-ти миллионной России ныне проживает в городах. Количество женщин превышает число мужчин на 10,8 млн чел (на 1000 мужчин приходится 1163 женщины). Свыше 24 млн чел никогда не состояло в браке. Число супружеских пар примерно равно 33 миллионам, но, например, в первом полугодии 2014 г. на каждые 1000 браков приходилось 702 развода [1, 9]. Россия — первая среди стран с самым высоким показателем уровня разводов. В 2010 г. среднее число рожденных женщинами детей в расчете на 1000 женщин равнялось всего лишь 1469. Ожидаемая продолжительность жизни населения России в 2012 г. составила по населению в целом около 70 лет. Среднее домохозяйство насчитывало 2,6 чел. (более половины всех частных домохозяйств состояло из одного и двух человек). В составе домохозяйств как в городе, так и в селе преобладали домохозяйства с одним ребенком [6, с. 45, 46]. На человека в среднем приходится около 23 кв.м. жилой площади, но обеспеченность своим жильем недостаточна, т.к. доходы большинства населения несоизмеримы со стоимостью жилья. 91% чел. возрастной группы 15 лет и старше (110,6 млн) имеет общее и выше образование. В России насчитывается 596 тыс. кандидатов наук и 124 тыс. докторов наук. Причем среди кандидатов наук женщины составляют 265 тыс. человек (44%), среди докторов наук — 41 тыс. чел. (33%) [2]. Из этого следует, что наш среднестатистический современник/ца — светски хорошо образованный городской житель (эмансипированная

жительница), часто одинокий, бездетный, достаточно долгоживущий благодаря соблюдению основных санитарных норм и продвинутому уровню медицинской науки и практики. Таким образом, есть основания полагать, что модернизация (по крайней мере, в ее российском варианте) оказалась по целому ряду показателей противоречащей интересам человека как биологического вида, но принесла ему значительную социальную мобильность, развитую медицинскую помощь и образование. При этом радикальные социальные метаморфозы (превращение «деревенщины» в «метросексуала» и «чайлдфри») оплачены сотнями тысяч жизней, отданных шахтам, станкам, металлургическим и другим цехам, новостройкам, железным дорогам и проч. Пафос данной до гротеска заостренной сентенции направлен на необходимость учета аксиологической составляющей модернизационных процессов, часто остающейся за скобками современных исследований.

Как следствие, другим фокусом внимания (не только научного, но и общественного) должны являться сохранение и ревалоризация наследия индустриальной эпохи (преимущественно созданного на пике модернизационного этапа развития человечества). Необходимо сохранить представляющие ценность объекты индустриальной культуры, в том числе, старые промышленные предприятия и ландшафты Урала, исчезающие на наших глазах. Движение за сохранение индустриального наследия — это уникальный ресурс для позитивного формирования региональной идентичности в ее внутреннем, ценностном качестве и внешнем, имиджевом проявлении. Пропаганда цивилизационной ценности индустриальных памятников исчезающей эпохи, созданных неимоверными усилиями наших предков, представляется социально значимой на всех уровнях: от школьного учителя до губернатора. Привлечение внимания к данной проблеме региональными властями будет расценено обществом как сигнал к признанию заслуг трудовых поколений, как движение к социальному миру, вклад в развитие региональной идентичности, местного патриотизма, формирование позитивного имиджа региона внутри страны и за рубежом.

Отличаясь безусловным национально-культурным разнообразием, модернизационный процесс обладал одной общей для всех государств и обществ чертой: он шел за счет все возрастающего потребления природных ресурсов. Художественный образ проблемы ярко создан А. П. Чеховым в знаменитой пьесе «Вишневый сад». Ее прочтение сквозь призму модернизационных перемен, получивших новый мощный импульс в России после отмены крепостного права, позволяет, во-первых, острее понять трагедию прощания со старым, привычным укладом в широком смысле (когда все было от века предустановлено: «мужики при господах, господа при мужиках, а теперь все враздробь, не поймешь ничего»),

а во-вторых, заострить внимание на найденном Лопахиным способе «прогрессивного» решения накопившихся проблем — за счет природы. «Эй, музыканты, играйте, я желаю вас слушать! Приходите все смотреть, как Ермолай Лопахин хватит топором по вишневому саду, как упадут на землю деревья! Настроим мы дач, и наши внуки и правнуки увидят тут новую жизнь... Музыка, играй!».

Разумеется, человек начал уничтожать природу в промышленных масштабах намного раньше, по крайней мере, с начала первой промышленной революции. Массовое извлечение полезных ископаемых, вырубка лесов на производство древесного угля, загрязнение рек и воздуха сопутствовало росту промышленности в Соединенном королевстве, а затем и других странах. Примерно с середины XIX в. шел быстрый рост добычи ископаемого топлива, которое постепенно становится основным энергетическим ресурсом. С этого же времени отмечается резкий рост эмиссии углекислого газа. Проблема обеспечения заводов топливом являлась ключевой для европейской и российской промышленности XIX в. К середине столетия огромные лесные площади на Урале были вырублены на древесный уголь, расстояние лесов от заводов доходило до 80 км. Ежегодно на Урале выжигалось до 60 млн пудов угля [7, с. 180]. Велись активные поиски каменного угля, но долгое время удовлетворительных результатов они не приносили. Между тем проблемы угрозы экологии в связи с экономической конкуренцией осознавались очень остро: «соперничество других держав поставяет уральские заводы в необходимость противостоять ему единственно дешевой выделкой железа...но усиление производительности заводов несоразмерное запасам лесов вместо пользы может нести вред заводам и способствуя ко временному их развитию, по истреблении лесных запасов привести к конечному уничтожению и закрытию всего горного производства — причины цветущего положения края, населенного миллионами. Не говорю уже о том, что истребление лесов расстраивает вместе с тем климатические отношения и производит оскудение рек, как тех, на которых устроены заводы, так и сплавных — главных артерий и путей сообщений для доставки выработанных металлов, хлеба и других продуктов богатой Сибири во все концы европейской России» [7, с. 175–176].

Опасения уральского горного инженера Ф. И. Фелькнера относительно будущего окружающей среды, высказанные в середине XIX в., были совершенно обоснованными. Основная часть из примерно 360 млрд т углекислого газа, поступившего в атмосферу в результате хозяйственной деятельности человека, приходится на XX столетие, и темпы выброса неуклонно растут [3, с. 8]. Значительное количество углекислого газа выделяется в атмосферу также при освоении пахотных земель из плодородного слоя и в результате вырубки лесов, приводящей к разрушению

природных экосистем. «Самый сокрушительный удар по естественным экосистемам был нанесен в XX в. Если на рубеже XIX–XX вв. территории с полностью разрушенными человеком экосистемами занимали только 20% суши, то к концу XX столетия они охватывали уже 63,8%» [3, с. 9]. Вырубка лесов также ведет к расширению засушливых территорий, площадь которых достигает уже 41% мировой суши, на которой проживает более 1 млрд чел [3, с. 12]. Земля становится пустыней и вследствие массового забора воды на орошение сельскохозяйственных угодий. (Классическим примером является понижение уровня Аральского моря с начала 1960-х гг. более чем на 20 метров, и рост солености воды в нем в 3 раза, что стало следствием многолетнего почти полного забора воды из Амударьи для орошения посевов хлопчатника. В результате ветрового выноса солей и падения уровня грунтовых вод это привело к резкому ухудшению климата, засолению и деградации почв огромного региона с населением 30 млн чел [3, с. 13]). Результатом промышленной деятельности является еще одна сложная проблема — гигантский масштаб производственных отходов. Согласно расчетам ученых, на одного жителя Земли из ее недр ежегодно извлекается и перемещается 50 т. сырого вещества, причём лишь 2 т. из них превращается в конечный продукт [3, с. 41].

Рост антропогенного вмешательства в окружающую природную среду влечет за собой реальную опасность здоровью человека. По данным Всемирной организации здравоохранения, значительная часть болезней (80%) вызвана состоянием экологического напряжения [10, с. 25], т. е. современная медицина имеет дело преимущественно с отрицательными последствиями научно-технического прогресса [10, с. 20]. Воздействие экологических факторов не прерывается на уровне организмов, оно идет дальше — на уровень клетки и генов [8, с. 228]. По оценке академика В. А. Черешнева, сегодня каждый тысячный россиянин рождается с уродствами, а через 20–30 лет таким будет каждый 20-й [8, с. 235]. Согласно наблюдениям иммунологов, в Перми, Соликамске, других промышленных городах иммунограмма нормальна лишь у 30% детей [8, с. 235]. Наблюдается ежегодный рост количества детей с поражением высших психических функций. По минимальным оценкам, нарушения психики наблюдаются примерно у 10% населения нашей страны, что составляет около 15 млн чел [10, с. 222]. Качество жизни включает в себя не только уровень потребления материальных благ и услуг (уровень жизни), но и удовлетворение духовных потребностей, здоровье, продолжительность жизни, условия окружающей человека среды, морально-психологического климата, душевный комфорт. Душевное смятение современных людей опять же хорошо выражено словами чеховских персонажей «Вишневого сада»: «Епиходов. Я развитой человек, читаю разные замечательные

книги, но никак не могу понять направления, чего мне собственно хочется, жить мне или застрелиться...». Ему вторит Шарлотта. «Эти умники все такие глупые, не с кем мне поговорить... Все одна, одна, никого у меня нет и... и кто я, зачем я, неизвестно...».

Таким образом, в результате модернизационных процессов в материальной сфере общественной жизни, связанных с большими объемами разработки полезных ископаемых, требующихся для удовлетворения все возрастающих объемов промышленного производства; интенсификацией сельского хозяйства, применением средств агромеханизации; перемещением большинства населения в города, окружающей среде нанесен граничащий с катастрофическим урон. Антропогенное влияние на природу, являющееся следствием модернизационных процессов в промышленности, начинает подавлять биосферу. Физическое здоровье человека, теснейшим образом связанное с состоянием природы, в существенной степени ослаблено, многократно возросли проблемы, связанные с его психическим состоянием. Все более шатким основанием жизни становится семья, распадающаяся почти у каждой второй семейной пары, в том числе и из-за бездетности. Современные городские жители получили возможность разнообразного питания, но в массе своей это углеводная пища и продукты, длительно хранящиеся за счет консервантов. Треть жизни современные люди тратят на систематическое образование, а после его получения проводят на работе (и в дороге) по 8–14 часов. В итоге, по качеству жизни, включающим как экономические показатели, так и состояние среды обитания и удовлетворенность условиями жизни, среди 80 стран мира Россия в 2013 г. находилась на 72 месте [5]. На смену основным акторам эпохи модернизации, совершивших исторический рывок ценой собственного здоровья и за счет экстенсивного использования природных ресурсов, должно прийти социально и экологически ответственное поколение человечества.

Библиографический список

1. Белобородов И. И. Трансформация семейно-брачного поведения в России // Демографические исследования №14. [Электронный ресурс] URL: http://demographia.net/transformaciya-semejno-brachnogo-povedeniya-v-rossii#_ftnref9 (дата обращения — 25.10.2014)
2. Вот какие мы — россияне. Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 г. // Российская газета. (Федеральный выпуск) №5660 от 16 декабря 2011 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2011/12/16/stat.html> (дата обращения— 06.09.2014)
3. Казанцева Л. К., Тагаева Т. О. История современных экологических отношений в России. Новосибирск, 2009. 179 с.
4. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.). СПб., 1999. Т.1. 548 с.
5. Россошанский А. И. Оценка качества жизни населения: обзор методологических подходов // Молодой ученый. 2013. №11. С. 440–445.
6. Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г./ Федер. служба гос. статистики. М., 2012. 183 с.

7. Фелькнер Ф. И. Новый способ углежжения, введенный на Суксунских горных заводах в 1851 г. // Горный журнал. 1854. Ч. II. Кн. V.
8. Черешнев В. А. Иммуниетг человека и общества. Екатеринбург, 2004. 316 с.
9. Щербакова Е. За 6 месяцев 2014 г. число зарегистрированных браков и разводов, по сравнению с тем же периодом 2013 г., увеличилось [Электронный ресурс] // Демоскоп weekly. № 609–610. 8–21 сентября 2014. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0609/barom04.php> (дата обращения — 10.03.2015)
10. Экология человека в изменяющемся мире / Колл. авторов. Екатеринбург, 2008. 568 с.
11. Dukes P. Minutes to Midnight. History and the Anthropocene Era From 1763. L. and N.-Y., 2011.

УДК 94 (470) «17»

А. И. Куприянов

ВЫБОРЫ И МОДЕРНИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ ДВОРЯНСТВА. 1776–1861 ГГ.*

В работе предпринимается попытка очертить круг проблем, связанных с влиянием института выборов на культуру дворянства в контексте процессов модернизации императорской России. Автор приходит к выводу, что хотя дворянские губернские объединения вплоть до конца 1850-х гг. нельзя рассматривать как элементы гражданского общества, однако именно в ходе выборов дворяне обретали навыки демократической культуры и гражданского самосознания.

Ключевые слова: дворянство, выборы, модернизация, публичная жизнь, общественные организации, досуг, культура.

Первые дворянские выборы меняли социокультурную среду губернских городов. На развлечения дворянства наместники Екатерины II не жалели ни государственных, ни собственных средств. Выборы сопровождались различными культурно-массовыми мероприятиями, в которых участвовали дворяне-избиратели, члены их семей, чиновники разных рангов, духовенство, непривилегированные горожане. Праздничный досуг был сословно стратифицирован. Организация праздничного пространства предусматривала и межсословное публичное общение. Верхние и средние слои купечества приглашались на театральные представления, маскарады, а по окончании выборов к столу наместника вместе с дворянами приглашали купцов, избранных в члены магистрата.

Кроме официально провозглашенной цели выборов, когда решалась прагматическая задача наполнения аппарата местного управления благонадежными чиновниками, у Екатерины II были и другие — имплицитные цели. Одна из них состояла в том, чтобы выборы стали выполнять

Куприянов Александр Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, г. Москва; akouprjanov@rambler.ru.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ №15-01-00325 «Российское общественное собрание в контексте формирования публичной сферы в России».

функцию коммуникации между властью и обществом. Другая цель заключалась в упрочении легитимности императорской власти. Легитимность, согласно С. М. Липсету, — это способность политической системы создавать и поддерживать веру в то, что существующие политические институты больше всего подходят данному обществу. Среди исследователей существует консенсус, что для Екатерины II, учитывая обстоятельства ее воцарения, эта задача была чрезвычайно важна. Поэтому после введения Учреждения для управления губерний 1775 г., дворянские выборы, регулярно проводившиеся через три года, сопровождались разнообразными общественными мероприятиями разного уровня публичности. По замыслу Екатерины II выборы должны были начинаться в обстановке официального торжества, перерастающего в веселый праздник.

Инициатива в организации публичного общения между властью и обществом принадлежала наместникам. В январе 1776 г. на первых выборах в Твери после принятия присяги был стол у наместника для чиновников и дворян штаб-офицерского чина — всего 180 чел. Застолье сопровождалось пушечной пальбой. «Во время стола находилась вокальная и инструментальная музыка», вечером звучал колокольный звон, была устроена иллюминация города. Праздничный обед или ужин у губернатора, иллюминация центра города и колокольный звон — все это уже привычные элементы проведения государственных торжеств в провинции. Однако выборы сопровождалась и новациями в сфере культурного досуга. В один из последних дней выборов «для увеселения всего в Твери собрания на сделанном театре представлен был спектакль выписанными государевым наместником для того из Москвы московского театра актерами, вход в театр был безденежен». Комедии давались еще дважды. 28 января после открытия присутственных мест, мероприятия официального характера (прием наместником избранных на службу), сменились праздничными увеселениями: пушечной пальбой, а для городского простонародья «...перед дворцом изготовлен был на рундуке жареной бык с мясами, живностию и хлебами; из кадок текло вино; в бассейнах пиво; на мачтах повешено было платье лоцманское и деньги». Для благородной публики вечером в доме наместника был маскарад и ужин «числом до трех сот пятидесяти масок; а перед домом зажжен большой фейерверк, представляющий кроме множества увеселительных огней вензловое имя ея императорского величества и их императорских высочеств и города Твери» [7, л. 139–139 об.].

Близкий набор развлечений был и для участников выборов в Новгороде в январе 1780 г. Ежедневно устраивались угощения по уездам. 19-го января был дан маскарад числом более четырех сот персон, а 21-го числа маскарад у правителя наместничества П. С. Протасова [7, л. 79].

В Калуге наместник Кречетников проводил те же досуговые мероприятия, что и Сиверс в Твери: обеденные столы, ужин, маскарад, на который «из калужского купечества несколько человек впущены без масок». Новацией культурной жизни стал театральный спектакль в «новопостроенном Калужском театре, в котором вместились более 900 персон; и в числе сих здешнего купечества до полутора ста человек...» [6, л. 25 об.–26, 27–27 об.].

По аналогичному сценарию протекало общение дворян с начальником губернии и в Москве. Здесь организовывались те же обеденные столы для дворян разных уездов. В октябре 1782 г. вечером воскресного дня был дан бал для всего дворянства (до 500 чел обоего пола) в доме главнокомандующего. С учетом того, что в 8 часов утра следующего дня мужчины — участники бала — обязаны были приступить к очередному голосованию, пришлось скорректировать и время проведения бала, который окончился довольно рано — в первом часу ночи [10, л. 40 об.].

Круг дворян, которые участвовали в разнообразных увеселительных мероприятиях, сопровождавших выборы, не ограничивался избирателями. Число желающих повеселиться значительно превышало число участников выборов. В Москве в декабре 1794 г. к избирательным ящикам пришло меньше 300 чел, а на маскараде, устроенном по случаю выборов для «благородного дворянства», было до 4 000 персон [9, л. 56]. Такой серьезный дисбаланс между активным электоратом и дворянами, участвовавшими лишь в досуговой части губернского съезда дворянства, был характерен для Москвы, а не для провинциальных центров. Этот перевес был обеспечен рядом факторов: во-первых, в столицу для участия в зимнем бальном сезоне съехалось много помещиков с женами и дочерьми; во-вторых, в Москве было много служащих различных ведомств; в-третьих, в столице проживало немало дворян, которые не соответствовали имущественному и возрастному цензам для участников выборов; в-четвертых, в московском обществе был заметный перевес дворянок над дворянами, судя по оценкам современников о составе Московского благородного собрания в 1787 и 1792 гг. [5, с. 180; 11, с. 307]. Все эти категории дворян не могли принимать участия в голосовании.

Важно, что информация о праздничной стороне губернских выборов содержалась в официальных донесениях наместника императрице. Благодаря этому можно узнать о времени построения театров в провинциальных городах, их вместимости, иногда даже, как в Калуге, ознакомиться с планом первого театра, узнать об агентах театра в провинции, а также о социокультурных процессах, протекавших в провинциальном городе. Донесения свидетельствуют об интересе купцов к новым явлениям культуры (спектаклям, концертам, маскарадам) и одновременно об их приверженности традиции. В частности, появление на маскараде купцов без

масок говорит, что для них было допустимо «ряжение» лишь в дни святок и масленицы.

Из документов о проведении выборов можно получить информацию об отношении дворян к некоторым календарным праздникам. Так, «Обряд выборов» 1808 г. в Твери свидетельствует, что дворянство еще не рассматривало новый год как важный общественный и семейный праздник. Согласно регламенту избрание на последние должности завершалось 31 декабря, а 1 января на 8 часов утра были назначены сборы участников выборов в зале дворца, откуда собравшиеся следовали в соборную церковь, где была литургия и принятие присяги. [1, л. 19 об.–20 об.]. Предложенный распорядок выборов позволяет утверждать, что в новогоднюю ночь не было ни балов, ни маскарадов.

В конце правления Екатерины II из губернаторских донесений исчезает информация о досуговой стороне выборов. Означает ли это, что различные публичные увеселения, сопровождавшие выборы, ушли в прошлое? И. М. Долгоруков, повествуя о выборах в Пензе в декабре 1792 г., писал: «Слух о готовящихся балах соблазнил многих офицеров стоящих вокруг полков». По вечерам ежедневно давались балы, продолжавшиеся до 3–4-х часов ночи. У губернатора ежедневно были обеды для разных «округ» [3, с. 306]. Схожим образом описывает Долгоруков и выборы 1802 г. во Владимире: «Выборы продолжались дней пять, сопровождаемы обычными пирами, балами и маскарадами» [3, с. 601]. В Тамбове в середине декабря 1812 г., когда еще в стране продолжались боевые действия, выборам сопутствовали балы и прочие развлечения [2, с. 618].

Дворянские выборы изначально рассматривались Екатериной II и ее доверенными лицами как публичное мероприятие. На них в качестве зрителей могли присутствовать и те дворяне, которые не имели права голоса. Постепенно эта норма без законодательного оформления была распространена и на женщин-дворянок. С уверенностью о присутствии дам на выборах можно говорить после 1831 г., когда помещицы получили опосредованное право голоса, в случае их соответствия имущественному цензу. В 1830-х — 1840-х гг. губернские корпорации дворянства стали активнее обзаводиться собственными домами. Дворянские (благородные) собрания были местом, где устраивались балы, маскарады, концерты и спектакли, а также выборы. Вероятно, многие здания дворянских собраний строились с учетом возможности размещения зрителей на разных уровнях, как в театре. Прототипом такой организации пространства служили не столько театры, сколько здание Российского благородного собрания в Москве. Наличие балкона или галереи позволяло допустить дам в качестве зрительниц в помещения, где проходили выборы. Судя по беллетристике 1850-х — начала 1860-х гг., во время вы-

боров балконы были заполнены публикой, состоявшей преимущественно из дам [8, с. 224, 258.].

Наиболее важные изменения произошли в политической культуре дворянства. В ходе исследования были выявлены четыре модели электорального поведения: сервильная, клиентелистская, конвенциональная и абсентеистская. Три первых модели описывают действия участников выборов, а последняя — тех дворян, которые, обладая правом голоса, сознательно уклонялись от дворянских выборов. О сервильной (прислужнической) модели повествует в своих мемуарах князь И. М. Долгоруков, служивший вице-губернатором в Пензе и губернатором во Владимире. Поведение участников выборов отличалось гражданской незрелостью и угодливостью перед губернатором. В Московской и в Тверской губерниях встречаются лишь единичные факты сервильного поведения электората при выборах на уездные должности. Случаи избрания на должность губернского предводителя дворянства без баллотирования П. Б. Шереметева в 1782 г. и М. В. Неклюдова в 1813 г. укладываются в «теорию взаимного уважения» Фрэнка О'Гормэна, когда британские избиратели признавали особые права на власть за аристократами, а последние учитывали интересы своих сторонников. Шереметев и Неклюдов действительно пользовались значительным авторитетом. Поэтому их избрания без баллотирования трактовалось как выражение всеобщего доверия. Заметное распространение сервильная модель имела в Воронежской, Калужской и Рязанской губерниях, где выборы нередко проходили под давлением на избирателей губернских властей или губернского предводителя. Вероятно, более распространенной была другая модель электорального поведения, когда кандидата и избирателей связывали отношения: патрон — клиент. Клиентелизм на дворянских выборах — явление, описанное и в мемуарах, и в художественной литературе (особенно красочно у Квитки, Селиванова и Храповицкого). Иногда сведения о нем встречаются в жалобах на нарушения, имевшие место на выборах. Богатые помещики привозили «на свой кошт» бедных дворян, которые за вознаграждение или по долгу («должники») голосовали по указанию своего патрона. Одновременно действовал и другой принцип создания дворянских «партий». Группа дворян объединялась и принимала решение о поддержке своих кандидатов на конкретные должности, добываясь скоординированного баллотирования. Поведение на выборах члена такой «партии» укладывалось в конвенциональную (от «конвенция» — соглашение) модель электорального поведения. Последствия выполнения таких договоренностей легко обнаруживаются в баллотированных списках на разные уездные должности. Эта модель функционировала во многих уездах Московской, Тверской и Тамбовской губерний. После 1831 г. она в основном

вытеснила две первые модели электорального поведения участников дворянских выборов.

Поведение большинства дворян на выборах в последней четверти XVIII — начале XIX в. характеризуется электоральным инфантилизмом. С опытом участия в избирательных кампаниях, электоральное поведение дворянина постепенно обретало рациональные черты, становясь более искусственным и менее зависимым от мнения губернского начальства, губернского предводителя или богатого соседа. Рациональность поведения дворян прослеживается, с одной стороны, в более внимательном отношении к соблюдению предписанных в законе процедур, например, обязательности баллотирования кандидатов, в обеспечении тайного голосования, а с другой — в опережении имперского законодательства в деле борьбы за справедливые выборы. Так, дворяне Московской и Тверской губерний, прежде чем эта норма появилась в законе, отказались учитывать «доверенности». А дворяне Волынской губернии были инициаторами отмены голосования по доверенностям [4, с. 17]. Хотя дворянские губернские объединения вплоть до конца 1850-х гг. нельзя рассматривать как элементы гражданского общества, однако именно в ходе выборов дворяне обретали навыки демократической культуры и гражданского самосознания.

Библиографический список

1. Государственный архив Тверской области. Ф. 59. Оп. 1. Д. 267.
2. Грибоедовская Москва в письмах М. А. Волковой к В. И. Ланской. 1812 — 1818 гг. // Вестник Европы. 1874. №8. С.572 — 666.
3. Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего. СПб., Т.1. 2004. 816 с.
4. Куприянов А. И. Электоральное поведение русского дворянина // Вестник РУДН. Серия история. 2012. №1. С.5-19.
5. Миранда Франсиско де. Путешествие по Российской Империи / Пер. с исп. М., 2001. 368 с.
6. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729.
7. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 788. Ч.2.
8. Селиванов В. В. Дворянские выборы // Селиванов В. В. Соч. Т. 1–2. Владимир. 1902. 348 с.
9. Центральный архив г. Москвы. Ф.16. Оп. 1. Д. 520.
10. Центральный архив г. Москвы. Ф. 16. Оп. 30. Д. 1.
11. Fortia de Piles. Voyage de deux Francais dans le Nord de l'Europe. Paris, 1796. V.3.

В. В. Ведерников

**ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ГОРНОЗАВОДСКОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ АЛТАЯ КОНЦА XVIII — XIX ВВ.
ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОК***

Речь в статье идет о двух наложенных друг на друга процессах: смены поколений и собственно модернизации горного дела и металлургии на Алтае. Внедрение новых технологий сопровождалось острыми конфликтами между ее сторонниками и противниками. Старое не всегда уступало дорогу новому. В этих условиях формировался и менялся образ Алтая. Таково «человеческое измерение» модернизации с точки зрения автора статьи.

Ключевые слова: *Алтай, Змеиногорск, Колывано-Воскресенские заводы, модернизация Качки-Чулкова, руды, серебро.*

Горное дело на Алтае по мировым меркам начало развиваться сравнительно поздно — лишь с середины XVIII в. Главной его целью изначально было извлечение максимума прибыли за минимально короткий срок. Источником роста производства служило богатейшее Змеиногорское месторождение, где добывалось, в т. ч. и серебро. Динамика производства серебра на Алтае во второй половине XVIII в. демонстрирует одну закономерность: резкий рост в период вступления России в очередную войну и последующее снижение.

В 40–60-х гг. XVIII в. горное дело на Алтае находилось под сильным саксонским влиянием. Первыми учителями русских в горном деле были именно саксонцы. Об отцах-основателях сереброплавильного производства Колывано-Воскресенских заводов (далее — КВЗ) Иоганне Самюэле Христиани (ум. в 1766 г.) и Иоганне Готлибе Улихе (ум. в 1767 г.) русские администраторы тепло отзывались как о своих учителях.

В 1768 г. по указу из Кабинета в связи с началом войны против Турции, производство серебра на КВЗ было усилено. Главный командир заводов А. А. Ирман решил эту задачу за счет добычи самых богатых и легкоплавких залежей Змеиногорского месторождения. В том же 1768 г. один из горных офицеров, служивших на Змеиногорском руднике, 26-летний Василий Чулков отправил в Кабинет донос на управляющего рудником саксонца Иоганна Леубе и обвинил его в хищнической добыче руды [4, л. 12–15]. Внутренние ходы рудника стали обрушиваться, потому что

Ведерников Виталий Валерьевич, доктор исторических наук, зав. кафедрой теории и истории государства и права, Алтайский институт экономики, Санкт-Петербургского университета управления и экономики, г. Барнаул; e-mail: vedernikov75@mail.ru.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 15-11-22005а(р) «Историко-географические образы Алтая в трудах ученых и путешественников XVIII — начала XX вв.»

креплению выработок не уделялось достаточно внимания, поэтому к за-
лежам приходилось делать новые ходы с лишним трудом и издержками.

Кабинет отправил на КВЗ из Петербурга горного офицера И. Княгинкина для следствия. Княгинкин вошел в состав канцелярии местного горного начальства, коллегиального органа. Канцелярия подтвердила правоту «доносителя» Чулкова. В ответ Ирман занял сторону Леубе. Конфликт вступал в свою острую фазу: Ирман лишил Княгинкина дворянского звания, чина и наград и выслал с заводов. По дороге в столицу Княгинкин скончался, не выдержав бесчестия. Еще раньше началась травля «доносителя» Чулкова, он был заключен на гауптвахту на воде и хлебе. Командир заводов угрожал ему лишением чина, дворянского звания и смертной казнью. Впоследствии Чулков уехал на Олонецкие заводы.

Все рекорды Ирмана были достигнуты за счет ближайшего будущего. Авральная добыча лучших руд, богатых и легкоплавких, истощила Змеиногорский рудник, началось падение производства. К 1779 г. накопилось много фактов самовластия Ирмана; в конце концов он был отправлен в отставку. Между тем, Змеиногорский рудник обрушился и был затоплен грунтовыми водами. В 1783 г. кризис горного дела достиг дна (было выплавлено лишь 380 пудов), что заметила даже императрица.

В 1780-е гг. ситуация меняется, горная элита становится в основном русской по своему составу, администрация формируется из поколения «учеников» саксонцев. В 1785 г. новым начальником КВЗ Екатерина II назначила бывшего управляющего столичным монетным двором Гаврилу Симоновича Качку, которого считала «своим другом». В следующем году Качка прибыл на КВЗ, чтобы поднять производство. Г. С. Качка происходил из семьи венгерского штейгера, первым учителем в горном деле был его отец. Качка учредил новую систему отработки месторождений. Она предполагала соразмерную добычу и проплавку богатых и бедных руд, чтобы по истощении богатых руд не пришлось плавить одни только бедные. И. Герман, побывавший на Алтае в то время, подтверждает: «Добывание руд ныне производится по венгерскому способу» [6, с. 172]. Геолог К. Гривнак, посетивший Алтай в 1870 г., утверждал, что система отработки месторождений на Алтае напоминала ему старые рудники Нижней Венгрии конца XVIII столетия [7, с. 172–173].

Падение содержания серебра в рудах требовало новых подходов к механическому обогащению. В 1788-1790 гг. на Змеиногорском руднике проходили опыты по обогащению отвалов под руководством П. Ильмана по заданию Г. С. Качки. Ильман вернулся из двухлетней поездки по Саксонии и Нижней Венгрии, где он «упражнялся» в практическом обогащении руд «на венгерский манер» [5, л. 66].

На Змеиногорском руднике в 1760–70-х гг. уже действовало механическое обогащение, работало четыре обогатительных фабрики по проектам К. Д. Фролова. Способ Ильмана принципиально отличался от прежнего тем, что руды обогащались именно на серебро, а не на золото, как прежде. Другим отличием нового способа стали неизбежные траты рудного серебра при обогащении.

Через напряженных конфликтов с высокопоставленными саксонцами на рубеже 1760–70-х гг. не прошла бесследно. Ильман был саксонцем, кроме того, официально он состоял в ведомстве Нерчинских заводов. Змеиногорская контора предоставила 50 работников для обработки 1 тыс. пудов руд из отвалов. Ильману были назначены два помощника из местных обер-офицеров: шихтмейстеры Иван Фелькнер и Иван Эллерс, оба с саксонскими корнями, как и сам Ильман, что важно отметить. К концу 1780-х гг. на КВЗ, по-видимому, сложилась особая психологическая обстановка. К власти пришла русская горная элита, которая в 1770-е гг. понесла немалый моральный ущерб в конфликтах с высокопоставленными выходцами из германских земель. Внедрение обогащения «на венгерский манер» на КВЗ стало чисто саксонским проектом по составу участников. Технология, которая отрабатывалась тремя саксонцами на змеиногорских отвалах, была призвана вытеснить прежнюю, внедренную Фроловым, что вызвало профессиональную ревность с его стороны.

В 1790 г. опыты были завершены. Змеиногорская контора в лице управляющего Н. де ла Кроера оказала внедрению технологии прямое противодействие. Сам К. Д. Фролов, служивший на Змеиногорском руднике, преувеличил недопустимую растрату серебра, якобы в 15 раз большую, чем при обыкновенном сухом молоточном разборе.

П. А. Соймонов, сановник Кабинета, принял сторону Ильмана, заявив, что «непреоборимости таковой не только не оказывается, но, напротив того, отовсюду видна от установлений его (Ильмана — *В.В.*) ощутительная казне прибыль» [5, л. 175]. В 1790 г. Ильман, выполнив поставленную задачу, отбыл обратно на Нерчинские заводы. Обогащение змеиногорских отвалов продолжалось в промышленных масштабах.

Следующим начальником после Качки стал никто иной как В. С. Чулков (1799–1806 гг.), тот самый инженер, который в молодости сильно пострадал от своего конфликта с И. Г. Леубе и А. А. Ирманом. При Чулкове венгерское обогащение было вовсе прекращено. Дочь начальника Чулкова была выдана замуж за среднего сына К. Д. Фролова, а Фролов-отец был противником способа Ильмана.

Венгерское обогащение возобновилось только в правление И.И. Эллерса, ученика Ильмана, в 1807–1816 гг. Н. А. Кулибин в своем описании КВЗ сообщает: с 1805 по 1817 г. «были производимы небольшие опыты

над мокрою протолчкою руд. В 1815 г. было вновь предписано произвести опыты потолочки и промывки руд на... верстаках, но сие было оставлено» [8, с. 591–592].

В «Горном словаре» Г. И. Спасского находим: «Промывальный лоток... введен был в Колывано-Воскресенских заводах с давнего времени покойным обер-бергмейстером Ильманом... Но сначала, как говорят, по разным противодействиям, а после, может быть, по невнимательности к этому простому и легкому способу не имел успеха. В 1816 г. были еще люди, обученные Ильманом действию на промывальном лотке» [10, с. 325–326].

Дерптский профессор К. Ф. Ледебур, посетивший Алтай в составе экспедиции, упоминал, что в начале 20-х гг. XIX в. на Змеиногорском руднике продолжалась промывка руды «способом, применяемым в Венгрии» [9, с. 451].

Летом 1828 г. в Змеиногорск приехал врач И. Брыков. Он опубликовал свои впечатления, возвратившись в столицу. В частности, он писал: «Теперь многие из сих отвалов дают более серебра, нежели руды, с столь великим трудом и издержками из недр рудника добываемые. Несколько человек, при нарочно устроенных промывальных машинах, производят промывку мельчайших руду содержащих камней» [1, с. 113]. Далее идет описание технологии обогащения с сортировкой толченых руд по размеру, что совпадает с описанием венгерской технологии у Германа.

Мероприятия Г. С. Качки в конце XVIII в. не ограничивались лишь мероприятиями по модернизации горнорудной промышленности. Другим направлением деятельности Качки на КВЗ была модернизация металлургии. В 1770-е гг. заводы ежегодно плавил 1 млн пудов, при Качке — 2 млн пудов. Требовалось не только строительство «прибавочных» печей, но и усиление дутья. Раньше меха соединялись с печами напрямую. Новшеством стало применение воздуходувной трубы, которая соединяла меха с печами, что позволило увеличить количество печей у пары мехов с 2-х до 3-х, т.е. в 1,5 раза возрастали и объемы расплавки. На первой плавильной фабрике Барнаульского завода в конце 1780-х гг. заменили клинчатые меха на более производительные воздуходувные цилиндры. В России эту технологию впервые применил англичанин Гаскойн на Олонецких заводах в 1783 г. Далее эта технология попала на Урал, откуда, очевидно, на КВЗ. В 1796 г. на Алтае строили новый Гавриловский завод по примеру уральского Воткинского завода. Это был завод нового типа, с цилиндрическими насосами и воздухопроводными трубами. Качка ограничился частичными мероприятиями в металлургии. Однако еще в его правление в 1793 г. управляющий Локтевского завода В. С. Чулков, возвратившийся к тому времени с Олонецких заводов, ввел центральное

дутье и перестроил плавильные печи. На Локтевском заводе был тем самым осуществлен переход на новый технологический уровень.

В 1798 г. Качка довел производство на КВЗ до 1 тыс. пудов руды. Устанавливалось правило, что заводы не имеют права производить менее этого уровня. В. С. Чулков стал следующим главным начальником КВЗ (1799–1806 гг.). При нем проводилась модернизация сереброплавильного производства на всех заводах. А в целом рубеж XVIII–XIX вв. на КВЗ представляет собой модернизацию Качки-Чулкова [3, с. 85–98].

Иногда Кабинет совершал кадровые ошибки. Одна из них — назначение И. И. Эллера на должность главного начальника КВЗ (1807–1816 гг.) после смерти Чулкова. Эллерс — ученик Ильмана, при нем возобновилось венгерское обогащение змеиногорских отвалов, прекращенное Чулковым. В целом модернизация горнозаводской промышленности при Эллере приостановилась: освоение новых технологий проводилось в малом масштабе без перспективы их внедрения. Исполнительская дисциплина на КВЗ ослабла, заводы едва держались на плаву, и любой сбой в поставках мог обернуться падением уровня производства, с таким трудом установленного при предшественниках.

Правление П. К. Фролова (1817–1830 гг.) было тем редким случаем в кадровой политике Кабинета, когда главный начальник назначался «из своих». «Он проникнут каким-то родственным чувством к заводам» [2, с. 70], — записал в своем дневнике о Фролове генерал-губернатор Западной Сибири М. М. Сперанский. При П. К. Фролове модернизация Качки-Чулкова нашла логическое завершение. К 1821 г. на КВЗ были созданы 3-х летние запасы руд, угля и основных материалов для поддержания стабильного производства серебра на уровне 1 тыс. пудов в год.

Сын талантливого изобретателя К. Д. Фролова и зять В. С. Чулкова, Петр Козьмич стал жесткой рукой устанавливать строгий административный порядок, искореняя служебные злоупотребления и нерадения. Результат был действительно впечатляющим. Английский путешественник Дж. Кокрен, посетивший Барнаул летом 1821 г. писал: «Соответственный дух правления в Барнауле вообще мог бы войти в поговорку» [11, р. 189].

Добыча рудного золота на Алтае не имела самостоятельного значения, а технологии добычи желтого металла из песков не было. В 1829 г. П. К. Фролов приказал разобрать венгерскую обогатительную фабрику и перевезти на Зырянский и Риддерский рудники для обогащения отвалов, которое велось там в небольших объемах. Так закончилась история одного из важных этапов модернизации горнозаводского производства на Алтае: с новыми технологиями металлургии, но без современного для той эпохи механического обогащения руд. Внедрение новых технологий

сопровождалось острыми конфликтами между ее сторонниками и противниками. И старое не всегда уступало дорогу новому.

Менялся образ Алтая: если в 50–70-е гг. XVIII в. там господствовало саксонское влияние, то на рубеже XVIII–XIX вв. Алтай превратился в передовой для той эпохи горнопромышленный центр. Через четверть века (к концу последней четверти XIX в.) под просвещенным управлением П. К. Фролова Алтай стал регионом, в котором царил строгий и справедливый административный порядок.

Библиографический список

1. Брыков И. Поездка в Змеиногорский рудник и Кольванскую шлифовальную фабрику // Указатель открытий. 1831. Т. 8. № 1.
2. Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. СПб., 1872. Т. I.
3. Ведерников В. В. Кабинетская цветная металлургия Сибири XVIII — первой половины XIX вв. Барнаул, 2012.
4. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 485. Л. 12–15.
5. ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 574.
6. Герман И. Сочинения о сибирских рудниках и заводах. Ч. 2. СПб., 1798.
7. Гривнак К. Рудные месторождения Алтая // Горный журнал. 1875. Т. 2. № 6.
8. Кулибин А. Н. Описание Кольвано-Воскресенских заводов по 1833 г. // Горный журнал. 1836. Кн. 3.
9. Серебряный венец России. Очерки истории Змеиногорска. Барнаул, 2007.
10. Спасский Г. И. Горный словарь. М., 1841. Ч. 1.
11. Cochrain J. D. Narrative of a pedestrian journey through Russia and Siberian Tartary. 2nd edition. London, 1824. Vol. 1.

УДК 94 (470.5) «18»

Е. В. Банникова (Бурлуцкая)

ОБРАЗ ЖИЗНИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО УРАЛЬСКОГО КУПЕЧЕСТВА В ПРЕДРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Статья посвящена анализу характера трансформации российского провинциального купечества накануне Великих реформ XIX в. На основе изучения образа жизни уральских коммерсантов в предреформенный период делается вывод о преобладании в нем эволюционных и адаптационных процессов. Провинциальное уральское купечество середины XIX в. характеризуется как традиционное сообщество, ориентированное на сохранение привычного, во многом архаичного образа жизни.

Ключевые слова: модернизация, эволюция, адаптация, повседневность, образ жизни, провинциальное купечество

В последние годы в области исторических изысканий наблюдается вполне объяснимый и сознательный отход ряда представителей

Банникова (Бурлуцкая) Елена Вадимовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург; e-mail: ida777@yandex.ru.

отечественной науки от изучения социально-экономических проблем в область социокультурного и историко-психологического анализа повседневности. В значительной степени это обусловлено распространением идеи поливариантности развития различных регионов и социумов, которая позволяет отказаться от жестко заданной схемы стадий экономической или общественной эволюции. Однако в складывающейся картине исторического многообразия необходимо определить наиболее общие и абстрактные характерные категории, которые позволят осуществлять сравнительный анализ тех или иных сообществ на различных этапах их существования. Категория «повседневности» как раз и может рассматриваться как такая универсальная категория.

«Образ жизни» — понятие социологии, характеризующее существующие в реальности типичные формы, способы и механизмы жизнедеятельности социальных субъектов. В целом, образ жизни человека описывается как совокупность привычных для него занятий, режима повседневной активности и субъективной оценки человеком своей жизни. Это обобщенная характеристика особенностей повседневной жизни человека, того, что составляет его жизненную среду [11, с. 41, 42].

Публикации, посвященные образу жизни провинциального купечества, отличаются разнообразием авторских подходов в понимании объекта и предмета исследования. Так, например, в статье Н. В. Макаровой «Образ жизни российского купечества во второй четверти XIX века (по материалам «высшей» полиции)» [8] автор рассуждает о роли купечества в экономической и политической жизни страны, приводя примеры различных вариантов взаимодействия предпринимателей с властью. Л. И. Файзрахманова сводит образ жизни купцов Вятского края к одному из аспектов более широкой, на ее взгляд, проблемы социокультурного облика уральских предпринимателей, рассматривая его через ценностные ориентации, этические и деловые традиции коммерсантов, их отношение к образованию [15]. О. А. Сутягина, рассуждая о социокультурном облике сибирского купечества, рассматривает образ жизни сибирских коммерсантов как совокупность их материальных и духовных потребностей, ценностных ориентаций, норм поведения [14]. Более соответствующим сущности понятия, на наш взгляд, стал анализ образа жизни провинциального купечества, осуществленный в статье Е. И. Герасимиди. Автор отмечает, что образ жизни «астраханского купечества, так же, как купечества других российских городов, отличался закрытостью, ограничивался семейным кругом и несколькими знакомыми семьями» [6, с. 65], придавая указанной категории свойство обобщенной характеристики повседневных практик.

В концепции процессуального характера повседневности, которая была предложена автором статьи в одной из последних монографий [1,

с. 23], категории «образ жизни» отведено весьма важное место. Повседневность в рамках данной концепции представлена как двуединый процесс взаимодействия человека с действительностью и ее субъективной интерпретации. Образ жизни, как присвоение человеком социальных норм и условий своего существования, а также реализация самого человека в этих нормах и условиях и попытка их трансформации, понимается как механизм взаимодействия человека и окружающего мира. Ключевыми элементами данного механизма являются повседневные практики индивидуума, динамика его активности и степень его удовлетворенности собственной жизнью.

Десятилетия, предшествующие реформам 60–70-х гг. XIX в., часто становились объектом внимания историков, выясняющих характер трансформации российского социума в контексте формационного или модернизационного подходов. В рамках советской историографии был сформулирован постулат, согласно которому «изживание домостроевских традиций в среде буржуазии происходило крайне медленно, но оно совершалось неуклонно под влиянием закономерного развития капиталистической промышленности и торговли» [2, с. 320]. Рубежным периодом назывались Великие реформы Александра II. В работах В. Н. Яковцевского, Ф. Я. Полянского подчеркивалось, что в среде купечества в дореформенную эпоху происходили глубокие изменения, затрагивавшие как материальную, так и духовную области его жизни [16; 12]. В свою очередь, П. Г. Рындзюнский [13] проводил мысль о незначительной экономической силе российского дореформенного торгового сословия, что определяло его небольшой общественно-политический вес. По мнению исследователя, в первой половине XIX в. ведущие позиции занимало купечество старого типа, приспособившееся к условиям и порядкам феодальной системы и извлекавшее из них наибольшие для себя выгоды.

В рамках данной статьи хотелось бы выяснить, насколько же образ жизни провинциального уральского купечества отражал процессы, происходившие в обществе в середине XIX в., соответствовал этим процессам; был ли он иллюстрацией реформаторских замыслов власти, либо, напротив, демонстрировал полное непонимание провинциальным сообществом ее модернизационных побуждений?

Предреформенный период охватывает 40–50-е гг. XIX в. Двадцать лет, предшествующих преобразованиям Александра II, были временем все более ярко проявляющего себя кризиса государственно-крепостнического строя, началом промышленного переворота. Промышленное и торговое развитие страны в национальном масштабе по-прежнему направлялось и определялось государством. Однако, по словам Элис Виртшафтер, «вне рамок этого крупномасштабного производственного

процесса на локальном уровне кипела активная деятельность — деятельность, которая могла быть законной, полузаконной или совершенно незаконной и которая мотивировалась мелочной жадностью, давящей нуждой или честной погоней за прибылью» [3, с. 130]. Аналогичным по сути является вывод Дж. Маккея, что «в экономическом развитии Российской империи ... следует различать два отдельных, жизнеспособных фактора: автономное развитие и государственное стимулирование» [9, с. 211].

Несмотря на то, что жизнь купечества протекала в правовых рамках, устанавливаемых государством, результат его повседневной жизни в большей степени зависел от личностной активности, располагался именно в сфере автономного развития личности. Данное обстоятельство предполагало выбор — купец мог полностью принять государственные устремления и активно, сознательно модернизировать свой образ жизни в соответствии с новыми жизненными обстоятельствами, а мог сохранять привычный для себя повседневный уклад, стремясь пассивно приспособиться к социальным нормам и условиям существования. В первом случае мы наблюдали бы модернизацию сословного облика, во втором — его адаптацию.

По мнению С. Н. Гаврова, в исторической судьбе России присутствует постоянное «желание сохранить за собой право неделания, избегнуть определенности выбора» [4, с. 132]. Несмотря на все попытки окончательно избавиться от необходимости выбора — избавиться от него невозможно, но в качестве паллиативного решения можно переложить его на другого человека, обстоятельства, внешнюю среду в целом. В этом случае «гармонизация картины мира осуществляется посредством делегирования упорядочивающих функций и инициатив на уровень вышестоящих социальных инстанций» [4, с. 138]. Именно такой вариант развития событий и можно было наблюдать в среде провинциального купечества середины XIX в. На власть была возложена как задача модернизационной инициативы, так и ответственность за нее. Сам провинциальный социум, как правило, не демонстрировал никаких модернизационных импульсов. Он постепенно приспосабливался к тем процессам, которые государство считало необходимым осуществить.

Модернизация любого объекта предполагает его изменение по схеме: новация (новшество) — инновация (новообразование) — стереотип [5]. При этом трансформация традиционного общества не воспринималась как таковая, поскольку процесс превращения новаций в стереотипы был крайне растянут во времени, а сама новизна была мировоззренчески неприемлема для большинства членов этого социума. По словам С. Н. Гаврова, главная функция традиционного сознания «заключается в адаптации человека к существованию в противоречивой ситуации ... смешения социальных отношений и жизненных укладов» [4, с. 130].

Вся повседневная жизнь провинциального коммерсанта в предреформенный период, как нам представляется, была нацелена на сохранение порядка в беспорядке, на создание островка стабильности в непрерывно трансформирующемся мире. Купец, предприниматель, всеми гранями своей повседневной жизни был обязан транслировать вовне свою надежность, постоянство и как партнера по бизнесу, и как члена городского сообщества.

Торгово-промышленное законодательство формировало правовое поле предпринимательской деятельности купечества лишь в той мере, в какой это было выгодно государству. Интересы самих купцов часто приносились в жертву внешнеполитическим обстоятельствам или сословной политике властей. При осуществлении коммерческих операций провинциальные предприниматели неизбежно сталкивались с такими трудностями, как недостаток капиталов, внутрисословная и межсословная конкуренция, нехватка профессиональных работников, трудности с транспортировкой товаров. К ним могли добавляться как более мелкие проблемы (ненормированный рабочий день, неустроенный быт в периоды коммерческих поездок), так и специфические сложности, связанные с конкретной сферой приложения капиталов (особые режимы торговли с другими государствами, необходимость личного участия в разведке месторождений золота и т.п.). Кроме того, купцы были вынуждены ежегодно подтверждать свое право находиться в составе сословия путем объявления капитала и уплаты соответствующих налогов. В этих сложных, непрерывно меняющихся условиях профессиональной деятельности провинциальные предприниматели не имели возможности выстраивать долгосрочные коммерческие комбинации, стремились получить прибыль в максимально короткий срок [1, с. 139–174].

Характерной чертой деловой этики уральских коммерсантов было разделение общества на «своих» и «чужих». К первым принадлежали коммерческие партнеры, ко вторым — все остальные. К «своим» надлежало относиться с уважением, доверием и соблюдать взаимный баланс интересов. «Чужие» могли быть обмануты, все контакты с ними следовало жестко контролировать, их интересы в ходе осуществления коммерческих операций могли быть нарушены. В ходу были как достаточно грубые и примитивные способы «отъема денег у населения» (воровство, долговая кабала, физическое насилие), так и изощренные психологические приемы (лесть, блеф, шантаж). На многочисленные нарушения закона и аморальные проступки купцов толкала необходимость быстрого получения результата труда, т.е. получения прибыли для подтверждения сословного статуса семьи. Это вызывало в купеческой среде разнообразные девиации, которые могут рассматриваться как попытки регрессивной

трансформации существующих социальных норм. Противоправное или аморальное поведение купцов в профессиональной сфере должно было восприниматься (и, в конечном итоге, воспринималось) как естественное положение дел. Купцы всячески пытались доказать, что выгодную торговлю нельзя построить исключительно на законных основаниях, что обман покупателя вполне соотнобразуется с нравственным поведением торговца вне профессиональных коммуникаций [1, с. 175–209].

Провинциальное купечество четко отделяло себя от других категорий городского населения, позволяя себе проявлять по отношению к ним явное или скрытое пренебрежение, определенный снобизм. В рамках собственного сословия общение между купцами было менее формальным. И все же здесь соображения выгоды также выходили на первый план, что подталкивало предпринимателей к дружеским и брачным контактам преимущественно с купечеством высших гильдий. Семейные отношения в провинциальной купеческой среде были теснейшим образом связаны с особенностями сословного происхождения и статуса предпринимателей и были подчинены, как и другие сферы повседневной жизни купцов, корпоративным и частным материальным интересам. Упорядоченные внутрисемейные отношения служили гарантом удержания и приумножения фамильного капитала. Сохранить честь (а вместе с тем и финансовое благополучие) семьи можно было, только установив строгие внутрисемейные традиции, передававшиеся из поколения в поколение [1, с. 277–304].

Семья являлась средой, где закладывались азы воспитания и получались основы образования. В купеческих семьях воспитательная составляющая всегда преобладала над образовательной. В качестве основных жизненных ценностей, культивируемых с помощью воспитания, провинциальное уральское купечество, как и в целом по России, рассматривало глубокую внутреннюю религиозность, почтение к старшим, добродетельность, трудолюбие и усердие. Нехватка профессиональных теоретических знаний компенсировалась практическим опытом и упорством в достижении цели. Все перечисленные категории вполне вписывались в традиционное мировосприятие купечества. Патриархальность и традиционализм из фамильных взаимоотношений постепенно перетекали и в повседневное купеческое существование [1, с. 305–319].

А. Ю. Дворниченко, рассуждая о социальной структуре России XVIII — первой половины XIX в., отмечает его «глубокую архаику». Автор пишет, что в условиях российского государственно-крепостнического строя традиции «полностью находились в руках государства и легко им ломались... Все нововведения шли сверху и насильственно прививались народу. Вот почему перед нами общество архаическое, но не традиционное» [7, с. 667]. Сохранение привычного образа жизни большей частью

российского провинциального купечества приводит к мысли об адаптационном, эволюционном характере его развития.

Основными принципами эволюции являются стремление к сохранению идентичности и адаптация к внешним условиям. Эволюционный процесс основан на способности социальных систем к адаптации к условиям внешней среды путем вариации способов функционирования. Вариации имеют, как правило, случайный характер, и большая часть из них выбраковывается в результате взаимодействия с внешними условиями. Наиболее эффективные стратегии выживания затем закрепляются через нормы морали, законы, социальные институты и т.п. [10]. Адаптация к изменяющейся ситуации могла происходить и в пассивной форме. В таком случае она выглядела как ожидание возможного обратного изменения, либо как привыкание к изменившимся условиям. И хотя привыкание в принципе тоже может рассматриваться как обновление особого рода, его кардинальным отличием будет отсутствие внешней активности.

Таким образом именно понятие «эволюции», по-видимому, более точно определяет процесс исторической трансформации российского провинциального социума в середине XIX в., в отличие от политической или экономической систем, подвергшихся имперской модернизации.

Библиографический список

1. Банникова Е. В. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода). СПб., 2014. 439 с.
2. Бахрушин С. В., Рожкова М. К., Рынзюнский П. Г. Московская буржуазия // История Москвы. Т. 3. М., 1954. С. 292–320.
3. Виртшафтер Э. К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002. 272 с.
4. Гавров С. Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004. 352 с.
5. Гавров С. Н. Модернизация России: постимперский транзит. М., 2010. 269 с.
6. Герасимиди Е. И. Специфика культуры астраханского купечества XIX в.: быт и праздники // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12. Ч. 1. С. 64–66.
7. Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. Учебное пособие. М., 2010. 944 с.
8. Макарова Н. В. Образ жизни российского купечества во второй четверти XIX в. (по материалам «высшей» полиции) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2010. № 3. С. 159–162.
9. Маккей Дж. Развитие экономики и региональное предпринимательство в последний период Российской империи // Реформы или революция. Россия 1861–1917. Материалы международного colloквиума историков. СПб., 1992. С. 210–223.
10. Малков С. Ю. Методологические аспекты логико-математического моделирования социально-исторических процессов // Эволюция. 2003. № 1. С. 42–45.
11. Мельникова Н. Н. Образ жизни и его адаптивная функция // Вестник ЮУрГУ. 2009. №5. Серия «Психология». Вып. 4. С. 41–48.
12. Полянский Ф. Я. Первоначальное накопление капитала в России. М., 1958. 416 с.
13. Рынзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. 559 с.

14. Сутягина О. А. Социокультурный облик сибирского купечества второй половины XIX в. (по материалам периодической печати) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 338. С. 105–107.

15. Файзрахманова Л. И. Купечество Вятской губернии во второй половине XIX — начале XX. К вопросу социокультурной характеристики // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. № 3. С. 120–125.

16. Яковцевский В. Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953. 201 с.

УДК 94 (470) «18»

С. А. Нефедов

ВЕЛИКАЯ РЕФОРМА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ВЕСТЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ*

Статья посвящена анализу причин, вызвавших отмену крепостного права в 1861 г. Автор доказывает, что эта реформа может быть объяснена с помощью теории диффузионизма. В частности, отмена крепостного права может рассматриваться как составная часть диффузионного процесса, порожденного промышленным переворотом.

Ключевые слова: *Россия, XIX век, освобождение крестьян, теория диффузионизма, теория вестернизации*

В контексте теории диффузионизма главным двигателем реформ является военное превосходство противника, побуждающее соседние страны к заимствованию сначала военно-технических, а затем экономических и социальных институтов страны-гегемона [1]. В ситуации середины XIX в. военное превосходство Запада было обеспечено промышленной революцией, которая, с одной стороны, привела к созданию паровых военных судов, а с другой стороны, обусловила освоение производства ружейной стали и создание винтовки-«штутцера». Как и предсказывает теория, военно-технические инновации породили волну завоеваний, и Крымская война была составной частью распространявшейся по всему миру экспансии западных держав. В соответствии с теорией, государство, подвергнувшееся удару завоевательной волны и стремящееся выжить, должно полностью или частично модернизироваться по образцу победоносного противника. В ходе этой модернизации сначала заимствуется оружие противника, затем — военная организация и военная промышленность. Это необходимые первоочередные заимствования, без которых государство не сможет противостоять завоевателям. Затем круг заимствований расширяется, охватывая другие области социальной организации — глубина заимствований в этих

Нефедов Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург: e-mail: hist1@yandex.ru.
* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 13-01-00114 «Волны вестернизации в России (XVII — начало XX в.)».

областях может быть различной, она определяется силой того влияния, которое оказывает на государство победоносный противник, а также соотношением консервативных и модернизационных сил.

Первые шаги модернизации были сделаны в военной, технической и экономической сфере; они не вызывали в обществе сомнений и споров. Следующий шаг состоял в распространении модернизации на социальную сферу: на повестку дня ставился вопрос о социальных реформах, о ликвидации крепостного права, политических свободах и конституции.

Требовало ли промышленное и техническое развитие освобождения крестьян? На этот счет высказывались различные мнения. При определенных условиях рабские плантации экономически достаточно эффективны; как показали А. Конрад и Дж. Мейер, американские плантации были частью капиталистической рыночной экономики, они обеспечивали относительно высокую производительность труда и давали хозяевам высокую прибыль [13]. Прибыльными были и барщинные хозяйства русского Черноземья, а проведение железных дорог должно было открыть для их продукции европейский рынок и еще более увеличить рентабельность [8, с. 219].

Как бы то ни было, помимо экономических соображений, действовал диффузионный фактор: удар завоевательной волны привел не просто к технической модернизации, но к модернизации российского общества по европейскому образцу, к вестернизации. Вестернизация однозначно означала освобождение крестьян, потому что в Европе уже не было крепостного права и потому что в глазах Запада (и русских «западников») крепостное право было позором России. Эти настроения хорошо передал декабрист М. А. Фонвизин, племянник знаменитого драматурга, выражавший надежду, что подражание Европе приведет к отмене крепостного права. «Тогда мы много выиграем во мнении европейцев, — писал Фонвизин, — потому что существование в России рабства... внушает им презрение к нам» [цит. по: 10, с. 363]. Таким образом, едва ли не главную роль в отмене крепостного права играл фактор диффузии, действовавший в форме морального, идеологического давления.

Моральное давление Запада проявлялось и на дипломатическом поле. После окончания Крымской войны Наполеон III — новый союзник России — призывал русского императора освободить крестьян. Как видно из письма Александра II римскому папе, в Европе было распространено мнение, что реформы в России были вызваны «внушениями» Наполеона и стремлением самодержавия повысить авторитет страны в глазах Европы [5, с. 25]. Полицейские сообщения свидетельствуют, что слухи об этих советах дошли и до крестьян; по словам князя Кропоткина, «среди крестьян шел слух в то время, что Наполеон III при заключении мира потребовал от Александра II дать волю» [6, с. 294].

Главной движущей силой реформы была партия либералов-западников. Вождем «западников» в окружении нового императора Александра II был великий князь Константин Николаевич, глава военно-морского ведомства и (как многие моряки) закоренелый англоман. Нужно сказать, что англomanия великого князя имела веские причины: как раз в это время в Англии и Франции появились первые броненосцы, и копирование западных образцов было для русского флота вопросом жизни и смерти. Начиная с 1855 г. великий князь проводил в своем ведомстве «сепаратные» прозападные реформы: он не только строил новые корабли, он отменил цензуру, реформировал военно-морские суды и освободил принадлежащих адмиралтейству крестьян. «Морское министерство являет в русской администрации зрелище европейского оазиса в азиатской степи», — писал князь П. Долгоруков. По свидетельству П. Долгорукова, именно Константин Николаевич убедил брата приступить к освобождению крестьян [12]. Великий князь создал свою «партию реформ» и выдвигал своих приверженцев («константиновцев») на высокие посты, в частности, М. Х. Рейтерн занял пост министра финансов [9, с. 52].

Свобода личности была для либералов самоудовлеющей ценностью, но чтобы убедить крепостников в необходимости реформ, требовались другие аргументы. Таким аргументом была угроза крестьянского восстания. «Если мы не произведем собственными руками мирной и полной революции — она неизбежно произойдет без нас и против нас», — говорил великий князь Константин, ссылаясь на книгу Токвиля о французской революции [2, с. 536]. Об этом же говорил и Александр II в его первом обращении к московскому дворянству: «Мы живем в таком веке, что со временем это должно случиться. Я думаю, что и вы одного мнения со мной: следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу». На позицию царя оказало большое влияние мнение барона Гакстгаузена, известного эксперта и деятеля прусских реформ, написавшего книгу о России и представившего царю в июне 1857 г. особый доклад. Гакстгаузен указывал, что в эпоху пара и электричества нет страны, которая могла бы предохранить себя от новых веяний, что правительство должно опережать события, «дабы события, опередив его... не вырвали от него уступок, которые повлекли бы к его падению». Прусский эксперт предупреждал царя, что Джузеппе Мадзини, признанный лидер международного революционного движения, возлагает большие надежды на социальную революцию в России, и что, как показывает опыт, предводители революционной партии — не пустые мечтатели. «Гакстгаузен отгадал мое главное опасение, чтобы дело не началось само собой снизу», — писал царь [4, с. 66].

В этих высказываниях суммирована аргументация сторонников реформ. Во-первых, это ссылка на неизбежность модернизации по западному

образцу. Надо брать пример с Запада, потому что Запад продемонстрировал свое военное и культурное превосходство — таким образом формулировалось влияние могущественного диффузионного фактора. Вторым аргументом — это призрак крестьянского восстания: если правительство промедлит, то освобождение «неизбежно произойдет без нас и против нас». Совокупное воздействие этих факторов должно было привести к неизбежным переменам.

Однако аргументы царя, изложенные в марте 1856 г. в московском дворянском собрании не убедили дворян. «Речь была громовым ударом для большинства публики», — писал товарищ министра внутренних дел А. И. Левшин о реакции на выступление Александра II. Характерно, что против освобождения крестьян выступала и церковь; московский митрополит Филарет писал, что он не может восхвалять эту царскую милость, поскольку она «ущемляет права законных владельцев» [7, с. 129]. Среди высшего дворянства в окружении императора, за немногими исключениями, не было сторонников реформ. «У меня нет никого, кто бы помог мне в этом важном деле», — говорил Александр II графу П. Д. Киселеву [3, с. 76].

Можно было ожидать сильного сопротивления, поэтому правительство сформировало для подготовки реформы две редакционные комиссии; не без участия Константина Николаевича в обход высших сановников в эти комиссии были подобраны молодые (средний возраст 39 лет) министерские чиновники — убежденные «западники» и либералы. Наиболее активными из них были племянник П. Д. Киселева Н. А. Милютин и ближайший сподвижник знаменитого министра А. П. Заблоцкий-Десятковский. Возглавлял комиссию адъютант и близкий друг Александра Я. И. Ростовцев; он умер незадолго до начала реформы и его последние слова были: «Государь, не бойтесь!» [7, с. 118]. О том, что император действительно боялся, говорит то обстоятельство, что, начиная с декабря 1857 г., министр внутренних дел по требованию царя делал ему еженедельные доклады о настроениях дворянства и крестьянства, о «слухах» и «толках» на местах [4, с. 30].

Первые проекты реформы предполагали освобождение крестьян без земли по образцу прусской реформы 1807 г. В проекте, представленном в июле 1857 г. министром внутренних дел Ланским, говорилось, что «при сохранении за крестьянами полного надела земли они не будут иметь надобности работать на помещиков и сии последние... останутся без рабочих рук» [3, с. 78]. Это был ключевой вопрос реформы: дворяне соглашались на освобождение лишь при условии, что они останутся собственниками земли и лишённые земли крестьяне, таким образом, будут вынуждены обрабатывать их поля в качестве батраков или арендаторов. Однако представители либерального чиновничества понимали, что предоставление крестьянам «свободы птиц» невозможно, что оно чревато восстанием.

«...Хлебопашцы без земли перешли бы в тягостную зависимость землевладельцев и были бы их полными рабами или составили пролетариат, выгодный для них самих и опасный для государства», — писал императору граф П. Д. Киселев [3, с. 77].

Решение освободить крестьян с землей подкреплялось также и тем, что по мере обсуждения реформы правительство ощущало все более нарастающее давление снизу. В отчете Третьего отделения за 1857 г. указывалось, что слухи о приближающемся освобождении привели крестьян «в напряженное состояние», что возможны массовые волнения и «спокойствие России» будет зависеть главным образом от «расположения войск». Тревожные сообщения Третьего отделения оказывали влияние на редакционные комиссии, в которых, в конце концов, возобладала позиция либералов, настаивавших на освобождении крестьян с землей [7, с. 56, 64, 72].

Группе молодых чиновников-реформаторов удалось провести процедуру разработки и принятия законов так, чтобы обеспечить видимость «согласия» со стороны дворянства. Дворяне называли Н. А. Милютина «красным» и направляли в правительство протесты и официальные записки против выработанного комиссиями проекта. «Суть достаточно однообразных записок и памфлетов... — отмечает И. А. Христофоров, — можно сформулировать следующим образом: реформа затеяна и проводится противниками дворянства, стремящимися разорвать союз высшего сословия с верховной властью, усилить роль бюрократии в управлении и распространить «социалистические начала» (под которыми имелась в виду не только община, но и отчуждение помещицкой собственности, хотя бы и за выкуп, создание крестьянского землевладения и — главное — инициативная роль государства в решении этих задач)» [11, с. 70].

Раздавались и замаскированные призывы к неповиновению властям; едва не начавшиеся оппозиционные выступления были предотвращены полицией. С 23 января по 17 февраля 1861 г. выработанный редакционными комиссиями законопроект обсуждался в Госсовете (69% членов которого были «плантаторами»), и был отвергнут большинством его членов, но, несмотря ни на что, император утвердил его своей властью. О том, насколько реальной казалась тогда опасность, говорит то, что 19 февраля 1861 г., в день подписания указов о реформе, в Зимнем дворце были приняты особые меры безопасности, а для государя на всякий случай были приготовлены оседланные лошади. И хотя все окончилось благополучно, в апреле 1861 г. Александр II счел нужным уволить в отставку тех разработчиков реформы, которые возбудили особенное негодование дворянства [7, с. 117, 120, 129, 231].

Таким образом, мы можем утверждать, что Великая реформа 1860-х гг. в целом может быть интерпретирована в рамках диффузионистской теории: фундаментальные технические инновации сначала в промышленной,

а затем в военной сфере порождают волну западной военной экспансии, которая вынуждает Россию перенимать сначала военные, затем транспортные железнодорожные, промышленные и экономические достижения своих противников. В конечном счете, речь доходит до перенимания социальных порядков Запада, что подразумевает освобождение крестьян.

Библиографический список

1. Алексеев В. В., Нефедов С. А., Побережников И. В. Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии // Уральский исторический вестник. 2000. № 5–6. С. 152–183.
2. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. I. М.–Л., 1946. 632 с.
3. Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. 366 с.
4. Захарова А. Г. Самодержавие и реформы в России // Великие реформы в России. М., 1992. С. 24–44.
5. Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. М., 1984.
6. Игнатович И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л., 1925. 405 с.
7. Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. 301 с.
8. Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005. 539 с.
9. Рибер А. Дж. Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России 1856–1874. М., 1992. С. 44–72.
10. Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и в первой половине XIX в. Т. II. СПб, 1888. 625 с.
11. Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 — середина 1870-х гг. М., 2002. 432 с.
12. Шаповалов А. «Все Романовы — революционеры...». Великий князь Константин Николаевич // Культура. 2000. № 30. [Электронный ресурс]
URL: http://www.kulturagz.ru/Archive/Issues/vipusk_2000_30/Rubriks/smenal/a1.htm (дата обращения — 29.11.2014)
13. Conrad A., Meyer J. The Economics of Slavery in the Antebellum South // Journal of Political Economy. 1958. Vol. 66. Apr. P. 95–130.

УДК 94 (470.5) «18/19»

Е. Ю. Казакова-Апкаримова

НОВЫЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НА УРАЛЕ В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В.: ВОСПРИЯТИЕ СОВРЕМЕННОСТЕЙ*

В статье на основе историографических трудов и преимущественно исторических источников личного происхождения анализируются изменения в городской повседневности

Казакова-Апкаримова Елена Юрьевна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: apkarimova@mail.ru.
* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ № НШ-3422.2014.6.

Уральского региона во второй половине XIX — начале XX в., связанные с внедрением новых средств сообщения. Статья посвящена проблеме восприятия технических инноваций самими современниками и отражению данной проблематики в их письменных свидетельствах. Автор показывает отношение современников (путешественников и самих уральцев) к новейшим достижениям научно-технического прогресса в области транспорта. Ключевым в исследовании является антропологически ориентированный подход.

Ключевые слова: *урбанизм, город, Урал, эволюция, современники, культура, инновации, средства передвижения, городской транспорт.*

Развитие индустриального общества исторически сопровождалось интенсивной урбанизацией и формированием урбанистического образа жизни. Между тем, говоря об особенностях этого процесса, исследователь Луис Вирт указывал на «опасность смешения урбанизма с индустриализмом и современным капитализмом». Справедлив его тезис о том, что «рост городов в современном мире, конечно, не оторван от появления современных машинных технологий, массового производства и капиталистического предпринимательства; но как бы ни отличались города прежних эпох от больших городов наших дней в силу того, что развивались в условиях доиндустриального и докапиталистического порядка, они, тем не менее, были городами» [2]. Очевидно, что в каждую историческую эпоху города, с одной стороны, имели свои сущностные социально-экономические и социокультурные особенности, с другой же стороны, целесообразна попытка найти общие для исторических типов городов как социальных сущностей (носителей особой культуры) черты. Применительно к капиталистическому городу урбанизм в значительной степени ассоциируется с собственно буржуазным образом жизни, о чем еще категоричнее, полемизируя с Л. Виртом, писал М. Кастельс [4].

Последствия промышленной революции и утверждения нового капиталистического строя в России во второй половине XIX — начале XX в., стиравшие постепенно следы патриархальности, изменявшие образ жизни городского населения, отчетливо наблюдали сами современники. Представляется важным дать «право голоса» самим участникам исторического процесса и реконструировать их взгляды, проанализировать оценки и особенности восприятия технических инноваций, в частности, связанных с эволюцией средств передвижения, поскольку такие представления накладывали отпечаток на общественное сознание. Социолог Д. Харви полагает, что полный анализ процесса урбанизации заключается в выявлении основ формирования сознания в повседневной жизни [13, с. 79–94]. Между тем, незаменимым источником для реконструкции различных форм сознания являются источники личного происхождения (дневники, путевые заметки, воспоминания) и имеющие субъективную окраску исторические документы, выявленные в уральской периодической печати дореволюционного периода.

Сами уральцы отдавали дань значительным переменам в социально-экономической и социокультурной жизни городов Урала и Зауралья особенно в конце XIX — начале XX в. В стихотворении поэта-самоучки Антона Безродного (псевдоним Савелия Григорьевича Уткова), опубликованном в «Народной газете» (1913 г., № 49–50, 15 декабря) противопоставлялись два художественных образа (старый и новый) города Кургана. Олицетворением научно-технического прогресса и новой индустриальной культуры стал в восприятии автора свисток паровоза:

«Жизнь привольно идет,
И ключом она бьет,
И кипит, и бурлит, и волнуется;
Уж не князь кочевой,
Не разбойник лихой
Здесь парит полновластным владыкою;
Проносясь на восток,
Паровоза свисток
Нам пророчит культуру великую...» [3].

О значении Уральской горнозаводской железной дороги в 1887 г. писал С. А. Кельцев: «Уральская горнозаводская железная дорога, построенная восемь лет назад между Пермью и Екатеринбургом почти исключительно для удовлетворения ближайших нужд горнозаводского Урала, с продолжением ее в прошлом году до Тюмени, явилась первым паровым путем, связавшим Европейскую Россию с Сибирью, первым соединительным звеном Волжско-Камского и Обского бассейнов» [11, с. 134]. Испробовав на себе удобства нового пути, очевидец отмечал, что дорога была построена «даже с излишнею роскошью»: «Не говоря уже о главных конечных вокзалах дороги в Перми и в Екатеринбурге и о пермских мастерских, в которых даже в помещении паровой машины лепные потолки, паркетный пол и полированный дуб, как в мебели, так и на футлярах для приводных ремней, не говоря о прекрасных главных промежуточных станциях, даже маленькие станции с красивыми домиками для служащих, даже сторожевые будки — все имеет изящный вид». Указывал путешественник и на тот факт, что вагоны всех классов на Уральской дороге были устроены «со всеми удобствами», подчеркивал также ее безопасность (за восемь лет не было ни одного крушения). По мнению гостя, относительно дорогой тариф, на что сетовали уральцы, был вполне оправданным [11, с. 140–141].

В. Л. Дедлов-Кигн, писатель-публицист, неутомимый путешественник, обращает читательское внимание на значение железнодорожного сообщения и развитие крупных железнодорожных пунктов. Например, в своей книге «Панорама Сибири», названной путевыми записками через

Сибирь — от Урала до Тихого океана, автор писал о Челябинске: «Челябинск, сделавшись начальным пунктом сибирской железной дороги, в три, четыре года увеличил свое население с пяти до 25 тыс душ [Цит. по: 20].

Тема «новой дороги» часто привлекала внимание публицистов начала XX в. На страницах газеты «Уральская жизнь» автор заметки «Дальневосточный экспресс» сообщал: «В настоящее время отпущен кредит на устройство и оборудование специального поезда, который будет вращаться между Петербургом и Владивостоком, независимо от теперешних ускоренных сибирских поездов, совершающих рейсы между Москвой и Дальним Востоком» [6]. Говорилось, что движение будет открыто с 1 января 1908 г., что поезд будет отправляться еженедельно в направлении через Вологду, Вятку, Пермь, Екатеринбург и Челябинск. Проект был успешно реализован. Историкам известно, что уже 7 января 1908 г. через Пермь II прошел первый экспресс из Петербурга в Иркутск.

Жизнь путешествующих и работающих на железной дороге заметно преобразилась. Управлением Пермской железной дороги решено было освещать станцию Екатеринбург I электричеством. Предполагалось, что «станция будет оборудована к маю при депо и сначала рассчитана на отпуск электричества для освещения обоих зданий вокзалов, платформ и путей» [21].

Известный общественный деятель В. А. Поссе довольно объективно писал о Екатеринбурге 1907 г. как о «городе очень оригинальном», перечисляя его культурные достижения, технические инновации и материальные «удобства» на фоне некоторых бросающихся в глаза недостатков. К последним, в частности, современник относил отсутствие в «столице Урала» «не только трамвая, но и самой примитивной конки», «а вместе с тем и поливки улиц» («так что в летние дни не только бедняки пешеходы, но и богачи, — повествовал автор книги «По Европе и России», — разъезжающие на своих рысаках, положительно купаются в пыли»... [Цит. по: 5]).

Отсутствие передовых средств передвижения являлось заметным недостатком не только в глазах столичного жителя, подобные взгляды были близки уральской передовой общественности. Летом 1907 г. в Пермской городской думе обсуждался вопрос о проведении трамвая от железнодорожной станции вновь строящейся железной дороги до Мотовилихи [18, С. 140]. Спустя короткое время в Екатеринбурге тоже подумывали уже о внедрении трамвайного транспорта. Впервые этот вопрос стал активно дискутироваться на заседании Екатеринбургской городской думы 13 января 1909 г. На этом заседании обсуждалось соответствующее предложение предпринимателя В. К. Павловского. Проект представлялся весьма дорогостоящим; неудивительно, что на собрании присутствовали представители бюджетной комиссии и комиссии по изысканию новых источников доходов [16]. Прогрессивно мыслящие горожане и особенно пресса

поддерживали начинание. По вопросу об устройстве трамвая в Екатеринбурге корреспондент газеты «Уральский край» писал: «Устройство в городе Екатеринбурге трамвая, известие о котором проникло в недавнее время в печать, многим обывателям показалось заманчивым и желательным». Современник отмечал, что размеры города Екатеринбурга с его пригородами, значительность торгового оборота и многие другие факторы создавали благоприятные условия для реализации этого предприятия. В газете говорилось: «Мы не сомневаемся, что устройство трамвая своевременно, что это предприятие, будучи поставлено разумно, будет развиваться и нужно приложить немного стараний, чтобы найти солидных предпринимателей» [9]. Однако в действительности на тот момент городское самоуправление было не в состоянии реализовать идею. К проектам о введении трамвайного сообщения гласные вернулись накануне Первой мировой войны. Один из проектов, полученный городской управой, был от горного инженера А. М. Ткемаладзе (из Екатеринодара) [10]. В 1914 г. городское самоуправление рассматривало встречное предложение от инженера путей сообщения Розенталя [16]. Однако Первая мировая война и последующие революционные события заставили думцев заняться другими актуальными вопросами городской жизни, надолго отложив проекты о внедрении трамвайного сообщения.

Главным видом транспорта и в губернской Уфе оставался в это время гужевой. По городу курсировали экипажи богатых собственников и извозчиков. В 1913 г. в Уфе насчитывалось 395 извозчиков. Брали по 2 коп. за версту с каждого проезжающего. До революции 1917 г. городское самоуправление анализировало возможность сооружения в городе трамвайного движения. Свои услуги городу предлагали инженеры: Н.В. Коншин, позднее Васильев и Штудер. Однако высокие цены отпугнули «отцов города» [8].

А вот автомобильный транспорт в крупных уральских городах стал атрибутом городской повседневности еще до Первой мировой войны. В той же Уфе в начале XX в. в личном пользовании богатых буржуа имелось 15 легковых автомобилей и 8 мотоциклов. Грузовых же машин не было [8].

Среди екатеринбуржцев, например, было немало весьма предприимчивых людей, готовых к внедрению инноваций в сфере городского транспорта. Значительную роль в приобщении горожан к автомобилям и омнибусам играл В. Г. Ярутин. В начале XX в. автомобильное движение в «горнозаводской столице» Урала развивалось весьма успешно [7]. О новых успехах в развитии транспорта охотно писала пресса. В частности, сообщалось об открытии автомобильного грузового движения между Екатеринбургом и Сергинско-Уфалейским округом. Речь шла об автомобиле с подъемной силой 360 пудов и скоростью в 15 км в час. Автомобиль был

получен от автомобильного общества в Берлине его через екатеринбургское отделение [1]. В хронике газеты «Уральская жизнь» сообщалось о господине Ярутине, получившем разрешение городской думы на движение по Екатеринбургу товарного автомобиля. Екатеринбургец предполагал купить в Берлине автомобиль (грузоподъемностью не менее 600 пудов) [15].

Очевидно, что даже в российской провинции сказывалось европейское влияние. Так, 26 июня 1908 г. через Пермь проехали участники автомобильной гонки Париж-Нью-Йорк-Париж (в частности, капитан Шустер, механик Миллер и корреспондент «New-York Times» Мак-Адам). В гонке участвовали 6 автомобилей (американский, немецкий, итальянский и 3 французских) [18, с. 149]. На следующий год благодаря частному предпринимателю пермяки получили возможность воспользоваться услугами нового вида транспорта: для перевозки пассажиров были пущены 3 автомобиля, вмещавшие по 3–4 человека с платой по 10 коп. за станцию [18, с. 153].

Технические нововведения становились первоначально достоянием представителей высших (состоятельных) слоев городского общества, будучи предметом забавы и роскоши, показателем престижа и средством удивить других. Об этом писал в своих «Вятских воспоминаниях» Б. Г. Сергиев, приводя пример Кузьмы Лаптева, купеческого сынка, «нажившегося на военных поставках во время войны с Японией». Лаптев поставлял на фронт овчинные полушубки, разбогател, «приобрел автомобиль фирмы «Фиат» и по вечерам со своими приятельницами и друзьями приезжал в опереточный театр, собирая массу зевак, не выдавших ранее автомобиля» [19].

Новый вид транспорта вызывал у рядовых городских обывателей любопытство, неподдельный интерес и удивление: «Помню, шел я днем по Московской улице. Слышу какой-то шум, что-то стрекочет. Вижу, навстречу идет автомобиль, открытый, в нем важно восседает Кузя Лаптев и гордо смотрит на прохожих. Прохожие, конечно, ахают, автомобиль — дело в Вятке невиданное. Непривычна была и быстрота движения автомобиля — в Вятке ездили только на извозчиках и своих лошадях со скоростью 6–7 верст в час, а тут по улице мчится автомобиль со скоростью чуть ли не в 20 верст» [19]. Воспоминания В. Н. Шкляева не лишены иронии: «Но не это главное. Главное в том, как реагировали на автомобиль лошади. Ведь на улицах всегда было достаточно лошадей. При виде удивительной «телеги» бедные вятские лошади от удивления, страха и огорчения (без лошади!!!) теряли самообладание, впадали в панику, ревели от страха и бросались в сторону, на тротуары, чтобы спастись от ужасного зверя, как, вероятно, им казалось» [19].

Показательно и то, что новое средство передвижения не сразу стало привычной частью городской повседневной жизни Вятки. Сенсационная

история первого автомобиля в губернском городе заканчивается «внезапно и бесславно» и даже таинственно: «Словом, Кузя своим выездом произвел полный разгром на улице. После этого Кузя появлялся на автомобиле на улицах еще несколько дней, а потом автомобиль точно исчез. Ходили о нем всякие слухи. Одни говорили — полиция запретила Кузе ездить на автомобиле. Другие утверждали, что автомобиль сломался, и никто в Вятке не может его исправить. Третьи думали, что Кузя сам отказался от попыток привить автомобиль на вятскую почву и поставил его на хранение в сарай или увез его куда-то из Вятки, может быть, продал. Словом, это «культурное» мероприятие Кузи окончилось внезапно и бесславно. Только лет через 10–12 появились единичные автомобили в Вятке, и все постепенно к ним привыкли, в том числе и лошади» [19].

Пропагандой и рекламой новых средств передвижения усиленно занималась пресса. Знакомство с газетными заметками позволяет видеть, что со временем автомобиль превращался из предмета роскоши в средство передвижения. В периодике печатались объявления о происшествиях на дорогах, о продаже автомобилей, сообщения о свадьбах с использованием автомобиля. Например, в газете «Голос Приуралья» (30 июля 1913 г.) было напечатано объявление: «Автомобиль пятиместный, открытое торпедо 30–45 сил, малоезженный, случайно дешево продается, осматривать и обращаться письменно: Екатеринбург, ул. Фетисовская, д. 20, контора Вадарской». Быстрее других горожан технические инновации осваивались предпринимателями. В другом номере газеты «Голос Приуралья» (от 14 октября 1912 г.) в разделе хроника в заметке «Автомобильное движение» говорилось, что в городскую управу поступило заявление Брожевского о желании возобновить в Челябинске автомобильное движение от вокзала до моста через Миасс и до городского приюта и обратно (плата за проезд до моста 15 коп., до приюта — 25 коп. «за конец»), первоначально предполагалось движение одного автомобиля.

Иногда знакомству с новыми видами транспортных средств провинциалы были обязаны представителям интеллигенции. В числе первых (если не первым) мотоциклистов в Вятке называется русский фотограф-художник С. А. Лобовиков. Его сын Т. С. Лобовиков утверждал в письме Б. В. Садырину: «Думаю, что с 1910 г. он пользовался мотоциклом. Я помню его второй мотоцикл (с 1913 по 1917, когда мотоцикл был национализирован на нужды армии). Это был «Вандерер». Сергей Александрович в летнее время часто выезжал на нем «за город»...). В эти годы новое средство передвижения было еще непривычной для провинции новинкой: «Мотоцикл в 1910–1917 гг. был в Вятке крайней редкостью. Нередко на дороге возникали «конфликты» по поводу пугающихся лошадей — Сергею Александровичу приходилось обычно при встрече глушить мотоцикл и переждать,

пока подводы пройдут мимо». Задолго до мотоцикла С. А. Лобовиков освоил велосипед, о чем писал его сын: «С середины 90-х гг. прошлого века (XIX в. — Б. С.) был заядлым велосипедистом — в те годы и это было очень не частым, в Вятке существовал какие-то годы «велоклуб». И Сергей Александрович был его активным членом» [12].

Не обходилось в городах и без дорожных происшествий, в адрес сторонников технического прогресса можно было услышать критические замечания. В газете «Голос Приуралья» (от 3 июля 1912 г.) была опубликована критическая заметка: «В высшей степени ненормально явление постоянной езды катающейся на велосипедах публики по тротуарам. Нечего говорить, как это неудобно и даже небезопасно для пешеходов. А между тем такое зрелище постоянно наблюдается в городе. Что бы местным властям не следить за этим нарушением обязательных постановлений, грозящим общественной безопасности?».

Накануне Первой мировой войны правила дорожного движения еще только создавались и вводились в повседневную жизнь горожан. Так, 22 июня 1913 г. вступило в силу составленное Челябинской городской думой и изданное оренбургским губернатором обязательное постановление езды на велосипедах, мотоциклетах и автомобилях по городу Челябинску. Езда на велосипедах разрешалась «во всякое время, по всем улицам и площадям города лицам, получившим билет и номерной знак из городской управы», знак этот прикреплялся к седлу велосипеда с задней стороны. Челябинская городская управа выдавала разрешение на автомобильную езду лишь лицу, выдержавшему испытание в умении управлять машиною. Лицам, выдержавшим испытание в умении управлять машиною, выдавался билет на право езды и номерной знак, который прикрепляется к заднему сиденью автомобиля. Любопытно, что лицам несовершеннолетним свидетельство могло выдаваться «не иначе, как с согласия их родителей, воспитателей или начальников надлежащих учебных заведений». Билеты и номерные знаки выдавались ежегодно с 1 мая на один год.

Органы городского самоуправления не только участвовали в выработке правил дорожного движения. Интересовал городские власти и налоговый вопрос. В газете «Голос Приуралья» (от 29 ноября 1912 г.) журналист информировал обывателей в заметке «Доходы с автомобилей» о том, что в оренбургской казенной палате обсуждался вопрос по поводу взимания платы в доход города Троицка с автомобилей, казенная палата «не встретила препятствий к сбору платы с автомобилей по 2 руб. с каждой силы автомобиля», аналогичная плата с автомобилей казенной палатой была утверждена для Оренбурга и Челябинска.

Очевидно, что к началу Первой мировой войны новые транспортные средства стали привычным атрибутом повседневности во многих

уральских городах. Их первое эмоциональное восприятие (от тревоги или насмешки до неподдельного восторга и удивления) сменилось рациональным отношением к достижениям научно-технического прогресса в области транспорта. Внедрение технических инноваций в повседневную жизнь горожан на Урале в конце XIX — начале XX в. осуществлялось благодаря частной и общественной инициативе (общественным организациям), политике городского самоуправления. С появлением новых транспортных средств заметно менялась городская среда и образ жизни горожан, эволюционировало их общественное сознание, трансформировались представления о времени и пространстве, горожане осознавали значимость научно-технического прогресса.

Библиографический список

1. Автомобильное грузовое движение // Уральская жизнь. 1907. № 146.
2. Вирт Л. Избранные работы по социологии. М., 2005.
3. Голдин В. Н. Поэзия конца XIX — начала XX столетий в периодических изданиях Урала. Кн. вторая. Екатеринбург, 2006.
4. Горнова Г. В. Урбанистический дискурс западной философии XX в. // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 16 (197). Философия. Социология. Культурология. Вып. 17. С. 180–187.
5. Грамолин А. И., Коридоров Э. А. Екатеринбург — Свердловск — Екатеринбург. История городской власти (1745–1919). Документально-публицистические очерки. Екатеринбург, 2003.
6. Дальневосточный экспресс // Уральская жизнь. 1907. № 152.
7. Миненко Н. А., Алкаримова Е. Ю., Голикова С. В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII — начале XX в. М., 2006.
8. Нигматуллина И. В. Старая Уфа. Историко-краеведческий очерк. Уфа, 2007.
9. По вопросу об устройстве трамвая в Екатеринбурге // Уральский край. 1909. № 12. С. 12.
10. Проект электрического трамвая // Зауральский край. 1913. 14 февраля. № 37. С. 2–3.
11. По Каме и Уралу: путевые записки XIX — начала XX вв. Пермь, 2011.
12. Садырин Б. В. Радость и гордость Вятки (Из писем Т. С. Лобовикова) // Герценка : Вятские записки. науч.-попул. альм. Сост. Н. П. Гурьянова Киров, 2005. Вып. 9. [Электронный ресурс] URL:
13. http://www.herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?NUMBER=number9&ELEMENT=gerzenka9_5_2 (дата обращения — 15.03.2015)
14. Савченкова В. М. Концепции города и урбанизации в западной социологии: теоретико-методологический анализ. Дис. ... канд. социол. наук. М., 2005.
15. Сергиев Б. Г. Вятские воспоминания (1890–1906). Сады, скверы, бульвары, кладбища // Герценка: Вятские записки. науч.-попул. альм. Сост. Н. П. Гурьянова Киров, 2010. Вып. 18. [Электронный ресурс]
16. URL: http://www.herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?NUMBER=number18&ELEMENT=gerzenka18_6_13 (дата обращения — 10.12.2014)
17. Товарный автомобиль в Екатеринбурге // Уральская жизнь. 1907. № 138. С. 2.
18. Трамвай в Екатеринбурге // Уральский край. 1909. № 10. С. 2.
19. Трамвай и электрическая станция // Уральская жизнь. 1914. 21 января. № 16. С. 3.
20. Трапезников В. Н. Летопись города Перми. Пермь, 1998.
21. Шкляев В. Н. Воспоминания. Учеба. Вятка (1899–1908) // Герценка: Вятские записки. науч.-попул. альм. Сост. Н. П. Гурьянова Киров, 2013. Вып. 24. [Электронный ресурс] URL: http://www.herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?NUMBER=number24&ELEMENT=gerzenka24_4_2 (дата обращения — 21.11.2014).

22. Шмаков А. Письма из Лозанны. Литературоведческие очерки. Челябинск, 1980. С. 188–193.

23. Электрическое освещение // Уральская жизнь. 1914. № 23. С. 3.

УДК 94 (571.1) «19»

И. Н. Стась

**МОДЕРНИЗАЦИЯ ЖИЛОЙ СРЕДЫ ГОРОЖАНИНА
В НЕФТЕДОБЫВАЮЩИХ РАЙОНАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(1960-е — 1990-е гг.)***

В статье рассматриваются основные тенденции изменения городской жилой среды в процессе урбанизации нефтедобывающих районов Западной Сибири в 1960-х — начале 1990-х гг. Автор показывает трансформацию жилой среды горожанина от балков, вагончиков и брусчатых двухэтажных домов к типовым капитальным многоэтажкам.

Ключевые слова: *балок, жилая среда, модернизация, урбанизация, хрущевки.*

Антропология урбанизации включает в себя изучение механизмов и форм адаптации в городской среде в условиях динамичного общественного развития. В Советском Союзе урбанизационный процесс обуславливал стадиальность модернизации жилой среды горожан от временок и трущоб к благоустроенным квартирам. Во второй половине XX в. такая эволюция была характерна для городов нефтедобывающих районов Западной Сибири.

Формирование жилой среды нового горожанина происходило под влиянием экстремальной ситуации — масштабной миграции рабочей силы в необжитые территории Севера Западной Сибири. Изначально территория не была готова к притоку огромного количества людей. В населенных пунктах региона до начала 1960-х гг. строительство жилья велось в основном за счет индивидуальных деревянных домов преимущественно с печным отоплением, без водоснабжения и иногда без электроосвещения. В последующем особенностью урбанизации нефтедобывающих районов Западной Сибири было то, что жилищный фонд городов практически не пополнялся за счет индивидуального жилищного строительства (не считая самовольного временного жилья, которое в историографии не рассматривается как индивидуальное жилье). В такой ситуации неизбежным было появление новых городских поселений с чрезвычайными условиями проживания, когда городской жилищный фонд создавался из временных, непригодных и неблагоустроенных помещений, домов и зданий.

Стась Игорь Николаевич, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры всеобщей истории и археологии, старший лаборант Югорской лаборатории археологии и этнологии, Сургутский государственный университет, г. Сургут: e-mail: igor.stas@mail.ru.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 15-11-86001a(p) «Антропология урбанизации: региональный аспект (на материалах ХМАО-Югры)».

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. геологи, которые открыли нефтяную провинцию и способствовали началу урбанизации, были вынуждены самостоятельно заниматься обустройством необжитой территории. Выход из жилищной проблемы осуществлялся за счет возведения палаток (обычно на двадцать мест) и землянок, строительства каркасно-засыпных домиков. Люди стремились самостоятельно улучшить жилищные условия: днем работали на производстве, а вечером строили засыпные дома. Поселки геологов стали застраиваться деревянными, металлическими или из подручного материала маленькими невысокими кривыми домиками с небольшими огороженными участками, ставшими до конца 1960-х гг. главным элементом личной жизненной среды первооткрывателей. Эти домики назывались балками. Они не имели какой-то стандартной формы — все зависело от фантазии строителей. Возводились и деревянные балки большого размера, на несколько комнат. В них часто жило несколько семей. Многие геологи также проживали в вагон-домах, из которых создавались целые городки.

В 1963–1964 гг. в рабочих поселках Сургуте и Нефтеюганске стали возводиться первые двухэтажные брусчатые жилые дома на 8, 12 и 16 квартир. Многие рабочие стали переселяться в эти дома. Так изменялось жизненное пространство людей: первое время, по приезду в поселок, переселенцев размещали в балке или другом «жилом помещении», затем строился свой балок или осуществлялся переезд в вагон-дома, потом заселялись либо в свою квартиру, либо в общежитие, располагавшиеся в двухэтажных брусчатых домах. Квартиры в двухэтажных домах были на одну-две комнаты. Они не оборудовались водяным отоплением, не имели водопровода и канализации, но предусматривалось паровое отопление и электричество. В домах было очень холодно из-за того, что их фундаменты и стены были плохо утеплены и промерзали. Толщина завоzimого бруса для этих домов не соответствовала расчетной температуре. Поэтому в каждой квартире ставились буржуйки или самодельные электрообогреватели, которые жильцы называли «козла». Из-за них часто случались пожары. Дворы домов не были благоустроены, а сами дома имели неприглядный вид. Обеспечение водой осуществлялась через водоразборные колонки или доставлялась автоцистернами. Туалет располагался на улице в виде дворовой уборной. Жилищные условия в этот период были очень тяжелыми. В конце 1964 г. при санитарной норме 9 кв. м и расчетной 7,5 кв. м жилья реально в Сургуте на одного человека приходилось 3,0 кв. м, а в Нефтеюганске — 2,3 кв. м [6, л. 79; 7, л. 115, 117].

В середине 1960-х гг. началась разработка и проектирование типового домостроения для городов нефтяников. В 1966 г. первые пятиэтажки выросли в поселке нефтяников в Сургуте, а в 1970 г. — в поселках строителей

и энергетиков. В 1967 г. нефтяники заселили капитальный дом в Нефтеюганске, а в 1969 г. — в Урае. Жилищные условия горожан, которым повезло переехать в пятиэтажки, существенно улучшились. В квартирах предусматривались элементарные условия, свойственные обычной городской среде: водопровод, канализация, ваннные комнаты, газ. Сургутский краевед И. П. Захаров писал о первой пятиэтажке в поселке строителей: «Несмотря на очень малые кухни, узкие коридоры, тогда этот первый крупнопанельный дом часто называли дворцом» [12, с. 51–52].

Результаты анкетного опроса горожан Севера Западной Сибири, организованного архитектором В. Д. Станкевским в начале 1970-х гг., показали основные недостатки квартир в строящихся капитальных домах. К ним относились: нечеткость функциональной организации, заниженные размеры жилой и подсобной площади, недостаточный набор подсобных помещений для хранения инвентаря, одежды, продуктов, охотничье-рыболовной снасти. В домах капитального исполнения некоторое время после ввода в эксплуатацию не было воды, не работала канализация. При рабочем водопроводе часто отсутствовала горячая вода, не во всех бежала и холодная. Архитектор указывал, что недостатки систем отопления, вентиляции, конструкций стен, окон и дверей обусловили появление неудовлетворительно микроклимата в квартирах (чрезмерные перепады температуры, повышенная скорость движения внутреннего воздуха и др.) [14, с. 4, 18–19].

В 1970-х гг. в базовых городах нефтяного края развернулось массовое строительство капитальных домов. К 1979 г. жилой фонд Нижневартовска стал составлять более 1 млн кв. м общей площади, Сургута — 1040 тыс. кв. м, Нефтеюганска — свыше 500, Мегиона — 156,1 тыс. кв. м [2, лл. 123, 125; 9, л. 136–137]. Эти цифры говорили о масштабах урбанизации. Однако небольшими темпами росла обеспеченность жилой площадью. В 1979 г. общая (не жилая, которая была на пару–тройку квадратов меньше) площадь составляла: в Нижневартовске — 9,3, Сургуте — 9,7, Нефтеюганске — 11,5, в Мегионе — 6 кв. м [2, лл. 123, 125; 9, л. 136–137].

В 1970-х гг. городское строительство в округе осуществлялось в основном посредством возведения пятиэтажных типовых домов устаревших серий 1-467 (панельно-блочные дома), 1-439 (бетонно-блочные дома), 1-464 и 1-335 (панельные дома), 1-447 (кирпичные дома) и др., строительство которых в большинстве городов России было прекращено еще в 1960-х гг. Новая серия крупнопанельных домов И-164-07, разработанная институтом ЛенЗНИИЭП специально для северных территорий, внедрялась медленно. Они были введены в широкое производство только к концу 1970-х гг.

В 1980 г. было проведено социологическое исследование среди семей Нижневартовска (1185 семей) и Нефтеюганска (900 семей), проживавших в домах капитальной жилой застройки. Оно показало, что семьи

проживали в основном в больших многоквартирных домах (80,4%), преимущественно из панелей и крупных блоков. Средняя обеспеченность жилой площадью в них на одного человека составляла 7,5 кв. м (меньше, чем фиксировалось в госстатистике и ведомственной отчетности). Многие семьи были недовольны своим жильем: почти половина семей выразили неудовлетворение маленькими размерами и габаритами прихожих, ванны и туалета, отсутствием подсобных помещений в квартирах. Были и другие причины недовольства: недостаточная звуко- и теплоизоляция стен (44,8%), наличие тараканов, клопов и муравьев (20,2%), маловыразительный облик застройки (11,6%), этаж проживания (9,6%) [13, с. 6–7].

Вместе с тем, несмотря на всю критику «хрущевок», вырвавшихся в городах нефтяников и образовавших целые районы — «хрущобы», нельзя не сказать, что по сравнению с балками и вагон-домами, они все-таки стали для своего времени огромным социальным завоеванием, существенным фактором становления индустриально-урбанистического образа жизни [3, с. 167].

Лучше жилищные условия были у тех, кто переехал в дома новой серии И-164-07. Стены этих домов не промерзали. Квартиры имели общую площадь на 10% превышающую новые нормы СНиП Л-П. 1-71 для средней полосы СССР, высоту этажа 2,7 м, кухни-столовые не менее 8 кв. м., увеличенные площади жилых комнат, специальные шкафы для сушки одежды и обуви, помещения для хранения колясок и санок, мусоропроводы [1, с. 16].

Однако трудности возникали и при переезде в новые дома. Государственные приемочные комиссии часто принимали жилые дома в эксплуатацию с незаконченными работами по встроенным помещениям торговли и культурно-бытового назначения, лифтам, внутренней и наружной отделке помещений и фасадов, сетям водопровода и канализации, монтажу сантехнических приборов, прокладке подъездных дорог, отмосткам, благоустройству. В некоторых капитальных домах жители по несколько лет не были обеспечены горячим водоснабжением.

Для горожанина, чье жизненное пространство было связано с временками — балками и вагончиками, — жилищные условия не улучшались. И таких горожан становилось все больше. В 1970-х гг. стесненные капитальным строительством балки стихийно разрастались на периферии городов в виде ведомственных поселков. На 1 января 1975 г. более 20 тыс. жителей Сургута, Нижневартовска и Нефтеюганска проживало в вагончиках и балках [8, лл. 30, 71, 73]. Еще хуже стала ситуация в 1980-х гг. Согласно социологическим паспортам городов, в 1982 г. в Нижневартовске насчитывалось 4 663 балков и 1 685 вагончиков, в Нефтеюганске — 200 и 1500, в Мегионе — 1582 и 981, Нягани — 56 и 1150, Радужном — 596 и 609 балков и вагончиков соответственно [5, л. 5–48]. Если учесть, что

в среднем в одном балку жило 2–3 чел, а в вагончике 5–8 чел, то станут понятны масштабы проблемы. В целом в середине 1980-х гг. около 20% горожан проживало во времянках.

Жилая среда горожан также формировалась в общежитиях. Общежития стали важнейшей частью жилищного фонда городов, выступали буферным звеном, оперативно обеспечивающим жильем прибывающих на работу до их заселения в благоустроенное капитальное жилье. Однако часто проживание в общежитиях затягивалось. В 1986 г. в Сургуте в общежитиях проживало 32,5 тыс. чел., а в Нижневартовске — 23,6 тыс. чел. (15% и 12% соответственно от всех жителей города) [10, л. 16–17]. Условия жизни в общежитиях были тяжелыми. Часто они были переполненными — заселялись все холлы, уголки, подсобные помещения. Обеспеченность жилплощадью на одного человека была очень низкой — 5–6 кв. м на чел. [10, л. 16–17].

В 1970–1980-х гг. обеспеченность общей площадью на одного человека в городах и рабочих поселках ХМАО росла небольшими темпами. В 1992 г. в городах ХМАО обеспеченность общей площадью на одного человека стала составлять в среднем 14–15 кв. м. [4, с. 40]. В домах, построенных в 1971–1988-х гг., средний размер общей площади на одного человека составлял 14 кв. м, а жилой — 9 кв. м. В домах 1961–1970 гг. постройки этот показатель составлял 13 и 8 кв. м соответственно [11, лл. 3, 5, 7, 9, 11].

В 1980-х гг. заметно повысился уровень благоустройства городов ХМАО. В первую очередь он был высоким в домах, построенных в период 1980-х гг., и чуть хуже в домах, возведенных 1970-х гг. Хуже было с благоустройством в домах 1960-х гг. постройки. Высокая степень обеспеченности электричеством, отоплением, водопроводом и канализацией было в капитальных домах — 97–99%, в деревянных же домах она составляла 54–99% [11, лл. 2, 4, 6, 8, 10].

Несмотря на положительные тенденции в обеспеченности жилищными условиями, социологические опросы 1980-х гг. показывали, что главной причиной масштабной эмиграции из региона (при взаимной высокой миграции в регион) продолжала оставаться неудовлетворенность жильем.

В целом жилищный фонд городов нефтяников характеризовался очень высокими темпами роста в период с середины 1960-х гг. вплоть до начала 1990-х гг. Согласно нашим подсчетам, за 1965–1990 гг. жилфонд Сургута увеличился в 41,1 раз, Нефтеюганска в 47,6 раз, Урая в 9,5 раз, а Ханты-Мансийска лишь в 3 раза. В 1990 г. жилфонд Нижневартовска вырос в 19,8 раз по отношению к 1970 г., в Сургуте за это же время в 12,3 раз, в Нефтеюганске в 8,4 раз. Если в середине 1960-х гг. самый большой жилфонд был в Ханты-Мансийске, то в 1970 г. лидерство перешло к Сургуту. Через пять лет (к 1975 г.) наибольшим стал жилфонд Нижневартов-

ска. В конце 1980-х гг. объемы жилищного строительства в Нижневартовске резко уменьшились, из-за чего жилфонд Сургута вновь стал самым большим в округе. В последнее десятилетие XX в. среди городов, получивших городской статус в 1980-х гг., наибольшим жилфондом обладали Когалым и Нягань.

Несмотря на нерешенность жилищной проблемы, условия жизни горожан на протяжении 1970–1980-х гг. постепенно улучшались. В первую очередь это касалось строительства капитальных домов. Несмотря на то, что директивы по вводу жилья не выполнялись, среднегодовые темпы ввода жилья в 1980-х гг. в нефтяных районах Западной Сибири были одними из самых высоких в стране. По сравнению с 8-й пятилеткой (1966–1970 гг.) они увеличились более чем в 7 раз. С 1965 г. по 1990 гг. жилищный фонд городов и рабочих поселков нефтедобывающего Ханты-Мансийского округа вырос более чем в 25 раз (с 696 до 17683 тыс. кв. м). В результате обеспеченность общей площади жилья на одного человека к началу 1990-х гг. достигла 14–15 кв. м.

Таким образом, совершенствование жилой среды горожанина в нефтедобывающих районах Западной Сибири обеспечило переход от балков, вагончиков и брусчатых домов в 1960-х гг. к благоустроенным квартирам в капитальных домах в 1980-х гг. Однако увеличение масштабов строительства капитальных домов так и не решило жилищную проблему. К началу 1990-х гг. лишь половина горожан проживала в благоустроенных квартирах, другая половина обитала в балках и вагончиках (20%), брусчатых двухэтажных домах (15%) и общежитиях (15%).

Библиографический список

1. Антонов А. Особенности застройки городов Севера // Архитектура СССР. 1976, №11. С. 16–22.
2. Архивный отдел Администрации города Сургута. Ф. 80. Оп. 1. Д. 102.
3. Букин С. С., Исаев В. И. Жилищная проблема в городах Сибири (1920–60-е гг.). Новосибирск, 2009. 198 с.
4. Города Тюменской области. Тюмень, 1996. 111 с.
5. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 7610.
6. ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4213.
7. ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4525.
8. ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5545.
9. ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6218.
10. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 1748.
11. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 325.
12. Захаров И. П. Моя земля. Сургут, 1999. 216 с.
13. Лебедев В. Б., Пархоць О. П. Некоторые результаты исследования жилищно-бытовых потребностей семей нефтепромысловых городов Среднего Приобья // Тезисы обл. науч.-техн. конф. «Развитие прогрессивных методов градостроительства в сложных природных условиях». Нижневартовск, 1982. С. 5–8.
14. Станкевский В. Д. Особенности архитектурных решений жилых зданий в условиях Северо-Западной Сибири (на примере Тюменской области): автореф. дисс. ... канд. арх.. М., 1971. 21 с.

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ ПРОМЫШЛЕННОГО РЕГИОНА: ПЕРСПЕКТИВЫ АКТУАЛИЗАЦИИ*

Индустриальное наследие, рассматриваемое как сохранившийся культурный капитал индустриальной эпохи, имеет весомое значение в системе ценностей промышленного региона, во многом образуя ее основу. Основы индустриальной культуры были заложены в XVIII–XIX вв. В XX в., как компонент государственной идеологии, индустриальная культура вошла в повседневность и быт всей страны. Деиндустриализация на рубеже 1980–1990-х гг. способствовала девальвации индустриальной культуры, что не только обострило проблему сохранения индустриального наследия, но и углубило характерные для промышленных регионов социально-экономические проблемы. Развитие туризма, появление иных направлений использования культурного капитала региона позволяют судить об актуализации ценностного потенциала индустриальной культуры. Ее значимость начинает в полной мере осознаваться не только научным, гражданским сообществом, но и властью, бизнесом, что позволяет на качественно новом уровне рассматривать проблему сохранения памятников промышленности.

Ключевые слова: *индустриальное наследие, индустриальная культура, туризм, памятники промышленности, ревалоризация, памятники истории и культуры, система ценностей*

Воздействие индустрии на культуру промышленного региона многообразно. Если рассматривать индустриальное наследие как явление не только материальной, но и духовной культуры, то можно расценивать его как важнейший фактор формирования системы ценностей регионов, истории становления которых связана с промышленным освоением.

Влияние промышленности на формирование региональной культуры прослеживается уже в XVIII–XIX вв. Несколько веков вовлеченности значительной части населения таких регионов, как Урал, в промышленный труд породили множество направлений и образцов художественного, прикладного творчества. Такие культурные феномены, как художественное литье, гравюра по металлу, лаковая живопись, камнерезное, стеклодувное искусство, оружейное мастерство, составляют весомую долю культурного богатства промышленных регионов Центральной России, Урала, Алтая. Каслинское литье, Тагильская роспись, Златоустовская гравюра являются весомой частью индустриального наследия Урала и представляют

Курлаев Анатолий Евгеньевич, научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: aekurlaev@gmail.com.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации. (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г.

значительную ценность как неотъемлемый элемент современного образа региона.

Духовное наследие промышленного периода XVIII–XIX вв. выражено в литературных образах промышленного Урала, воспетого в произведениях и П. П. Бажова, и Д. Н. Мамина-Сибиряка. Среди знаковых образов промышленного Урала следует отметить Малахитовую шкатулку, Хозяйку медной горы П. П. Бажова, ставших одними из символов горного дела на Урале, а также детально и достоверно проработанные образы рабочего, предпринимателя, заводского устройства и быта Д. Н. Мамина-Сибиряка. Творчество писателей является важным компонентом, обеспечивающим преемственность индустриальной культуры региона, и позволяет судить о формировании в дореволюционный период на Урале самобытной ценностной палитры, основой которой послужила индустриальная культура.

Начиная с 1920-х гг., на фоне возрастания значимости идеологического измерения культурной политики, индустрия приобрела особое значение в ценностной системе не только промышленных регионов, но и всей страны. Для нужд ускоренной индустриализации, экономического роста страны, идеологическими средствами планомерно начал создаваться образ советского рабочего, формировались и насаждались новые принципы организации рабочего процесса, мотивации, этические нормы трудового коллектива, быта и повседневности. Преподносимая массовой культурой система ценностей планомерно воплощалась на практике: идеологическое воспитание, система поощрений, порицаний становились единой основой трудовой мотивации. Ценность и идеалы промышленного труда преподносились при помощи искусства кино, литературы, печати, заслуживающие внимания как неотъемлемый компонент нематериального индустриального наследия советского периода.

Одним из примечательных феноменов индустриальной культуры советского периода стало издание плакатов, отразившее наиболее характерные направления индустриального развития СССР в годы предвоенных пятилеток [5]. Идеи трудового подвига, сопутствующие лозунги продвигались при помощи массовой печати, партийной деятельности. Новая парадигма индустриальной культуры в значительной степени игнорировала региональную специфику, формируя универсальную систему ценностей. В то же время, историческая специфика промышленного Урала оказалась востребована в период войны. Образ опорного края державы, на многие десятилетия ставший одной из ценностных основ региона, актуализировал вопрос исторической преемственности промышленных традиций. Тема преемственности поднимается в творчестве военного времени и выражена в таких произведениях, как кинолента «Урал кует победу» (1943), картина Н. Воскобойникова «Седой Урал кует победу» (1944).

Результатом постоянно усиливающегося значения кино в идеологическом строительстве стала актуализация промышленной тематики в послевоенных фильмах. Такие картины, как «Весна на Заречной улице», «Время, вперед!», «Высота», являлись образцами не только трудовых отношений, но и повседневности, быта, досуга. На сегодняшний день сформированная в послевоенных фильмах система ценностей все еще является актуальной для старших поколений, для которых остаются значимыми сформированные в кинообразах представления о добросовестном труде, трудовых подвигах, рабочем коллективе.

Индустрия являлась одним из ключевых компонентов советской идеологической парадигмы, в соответствии с которой промышленному производству, труду отводились ведущие роли в комплексе основных достоинств советского общества. Сформированная «сверху» универсальная система ценностей не имела опоры в исторической специфике отдельных городов и регионов, что, на наш взгляд, обострило кризис деиндустриализации, симптомы которого проявились в связи с распадом СССР. Вслед за сменой идеологической парадигмы произошел распад системы трудовых, производственных ценностей: потеряли свое прежнее значение трудовые заслуги — грамоты, накопленный стаж, квалификация. Особо остро симптомы деиндустриализации сказались на регионах, богатых промышленной историей и наследием, таких как Урал. В силу особенностей развития отраслевой специализации промышленных регионов, обилия «моногородов», такие регионы оказались наименее подготовленными к распаду идеологической и экономической моделей. Обесценились не только заслуги поколений, посвятивших большую часть жизни производству, но и понятия рабочего труда, рабочей профессии.

Одним из наиболее важных с точки зрения проблематики индустриального наследия компонентов этого кризиса является девальвация материальных ценностей промышленной эпохи. Памятники промышленной архитектуры в течение длительного времени не позиционировались как компоненты культуры промышленных городов и регионов и использовались по своему прямому назначению. Тяжелое экономическое положение, банкротство предприятий привело к уничтожению множества промышленных сооружений, представляющих историческую ценность. Естественное разрушение дополнилось целенаправленным, так как заброшенные заводские площадки для городов, потерявших основу своей экономики, становились источником стройматериалов, металлолома и соответствующего заработка. Воздействию подверглись не только сооружения обанкротившихся промышленных предприятий, но и охраняемые государством памятники промышленной архитектуры. На территории Свердловской области [3] к ним, в частности, относятся Нижнетагильский завод-музей, сооружения

которого страдают от сборщиков металлолома, каменный цех Молотовой фабрики в городе Алапаевск, который разбирается на стройматериалы, а также комплекс сооружений Билимбаевского завода.

Важным фактором, влияющим на статус индустриального наследия в системе ценностей региона, является экология. Длительное пренебрежение проблемами защиты природы с целью повышения интенсивности промышленного развития в СССР привело к особой актуализации экологического движения в последние десятилетия. Устаревшие технологии производства, использование экстенсивных методов промышленного освоения и развития, добычи полезных ископаемых сформировали неблагоприятную экологическую повестку в большинстве промышленно развитых регионов. Такие города, как Карабаш, Чернобыль, стали международными символами негативного воздействия промышленности на экологию, ассоциировав индустриальное развитие с экологической катастрофой.

Таким образом, одним из результатов начавшейся на рубеже 1980–1990-х гг. деиндустриализации можно считать значительную девальвацию промышленной культуры. Обострившиеся в данный период проблемы сохранения индустриального наследия вызвали озабоченность у научного сообщества [1], однако, на фоне кризиса ценностного восприятия индустриальной культуры, системных проблем в сфере охраны памятников истории и культуры, ключевую роль в которой играет государство, усилия ученых, направленных на сохранение промышленных памятников, не нашли широкой поддержки.

В настоящее время можно констатировать факт появления тенденций, свидетельствующих о ревалоризации статуса индустриальной культуры и индустриального наследия. Промышленная тематика все чаще становится основой новых музейных, творческих проектов, утвердилась в повестке дня средств массовой информации. Одним из свидетельств, характеризующих преодоление кризиса деиндустриализации, является развитие индустриального туризма. Индустриальный туризм уже занимает весомую часть туристического рынка таких европейских стран, как Германия, Великобритания, Франция, Италия, принося доходы в сотни миллионов евро ежегодно [7], образует основу туристической индустрии исторических промышленных регионов и городов Европы, а также является ключевым фактором сохранения индустриального наследия.

В России также заметны отдельные инициативы в этой сфере [2; 4; 6], но наиболее развитым оказалось альтернативное направление индустриального туризма. Зброшенное состояние множества промышленных сооружений, превращение производственных площадок в промышленные пустоши, в силу их специфических эстетических свойств, позволило

многим из них стать популярными объектами для неорганизованного туризма, но вместе с этим усугубило проблему сохранения памятников промышленности. Постепенное развитие туристической отрасли, возрастающая популярность музеев промышленной специализации, позволяет рассчитывать на будущее развитие инфраструктуры индустриального туризма в промышленных регионах России, так как индустриальное наследие можно расценивать как их уникальное конкурентное преимущество для развития внутреннего и въездного туризма.

Валоризация индустриальной культуры, выраженная в том числе в осознании потенциала индустриального наследия как источника извлечения прибыли в сфере услуг, позволяет судить об осознании его ценности в коридорах власти. Индустриальное наследие имеет осязаемый потенциал трансформации из финансовой обузы в инструмент для решения не только экономических, но и социальных вопросов.

Среди таковых следует выделить возрастающую потребность в промышленном труде. Индустриальное производство, развивающееся благодаря роботизированным технологиям и отодвинутое на второй план сферой услуг, тем не менее испытывает острую потребность в рабочих специальностях. Богатая история развития отраслей промышленности, отдельных предприятий, воплощенная в материальных свидетельствах — исторических сооружениях, инструментах, представляет из себя основу для самоопределения молодежи в качестве индустриального рабочего, продолжающего дело предков. На Урале посещение промышленных музеев, экскурсии на производство являются неотъемлемым компонентом образовательных программ в школах промышленных городов, таких как Полевской, Верхняя Пышма. Крупные корпорации, такие как Уральская Горно-металлургическая корпорация, Синара-групп, активно используют индустриальное наследие для мотивации подрастающего поколения к выбору рабочей специальности.

Ценность индустриального наследия дополняется потенциалом использования его в качестве основы для бренда промышленных городов и регионов. Использование уникальных стилевых элементов промышленной архитектуры и сооружений, ландшафтов, а также образов художественной культуры, подчеркивает богатство промышленных традиций, преемственность, что положительно сказывается на инвестиционной привлекательности как отдельных предприятий, так и всего региона.

Постепенное упрочнение позиций индустриальной культуры в системе ценностей промышленного региона как со стороны научной сферы, гражданского общества, так и бизнеса, власти, позволяет подходить к проблемам индустриального наследия на качественно новом уровне. Использование ресурсов постиндустриального общества, связанных

со сферой туризма, понятиями бренда, рекламы, имиджа, является ключом к решению проблемы сохранения индустриального наследия.

Библиографический список

1. Алексеев В. В. Проблемы изучения и сохранения индустриального наследия Урала // Сохранение индустриального наследия: мировой опыт и российские проблемы. Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 1994. С.47–56.
2. Зименко Ю. Вместо пляжа — на завод // Российская Газета–Бизнес. 2011 (786) [Электронный ресурс] URL.: <http://www.rg.ru/2011/02/01/turizm.html> (дата обращения— 29.11.2014)
3. Свод памятников истории и культуры Свердловской области. Екатеринбург, 2008.
4. Складенко С. А., Панченко Т. М. и др. Перспективы развития промышленного туризма в России // Российское предпринимательство. Т. 1 (193). 2011. С. 146–150.
5. Федосеева И. В. Индустриализация в зеркале плаката // Россия и Западная Европа: взаимодействие индустриальных культур 1700-1950 гг. Екатеринбург, 1997. С. 110–116.
6. Ходырева А. К., Шипицина О. А. Yek_2.0: «Индустриальные маршруты» // Новые идеи нового века / материалы международной научной конференции ФАД ТОГУ. Хабаровск, 2012. С. 608–612.
7. Lane B.; Weston R. Industrial heritage and agri/rural tourism in Europe / Brussels, 2013. [Электронный ресурс] URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2013/495840/IPOL-TRAN_ET\(2013\)495840_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2013/495840/IPOL-TRAN_ET(2013)495840_EN.pdf) (дата обращения — 01.03.2015)

УДК 004

А. С. Макшакова

МЕДИАТИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В период развития информационного общества, концептуальную основу которого составляют новые информационные технологии и коммуникационные системы, актуализируется вопрос медиатизации личности. Под данным процессом понимается символическое преобразование человеческой природы с точки зрения его постепенного перехода в виртуальную среду. Способствуют этому много факторов: различные технологии, медиатизированное пространство и пр. В результате субъект вынужден искать свою идентичность не в реальном, а в иллюзорном мире, приобщаясь к различным онлайн-сообществам и забывая о существовании подлинной действительности. Раскрытие обозначенной темы в этой статье представлено в виде различных подходов зарубежных авторов, которые вносят свой вклад в интерпретацию данной проблемы.

Ключевые слова: *Интернет, информационная глобализация, новые информационные технологии, медиатизация личности*

Развитие электронных коммуникативных и информационных систем способствовало появлению уникальной коммуникационной среды. Сконструированная на базе материальных (технических) носителей, данная среда сыграла существенную роль в процессе интеграции различных сфер общественной жизни, нивелировании пространственно-временных

Макшакова Анастасия Сергеевна, аспирант, Институт философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: nesty16@mail.ru.

ограничений, что, в конечном итоге, отразилось на формировании социокультурного контекста в глобальных масштабах. Вместе с тем, описанная специфика медиатизированного пространства, так или иначе, взаимосвязана с технологиями, которым отведено не меньшее значение в реконфигурации ментальных установок человека, его деятельности, опыта. При этом новые информационные технологии, обеспечивающие проникновение субъекта в коммуникационное пространство, являются результатом эволюции предшествующих концептуальных технологий, которые оказали не меньшее влияние на человеческую природу.

Рассуждая об истории появления медиа, канадский культуролог М. Маклюэн выделил несколько этапов [5]. Первый этап — первобытная дописьменная культура — определяется принципами устной передачи информации. На тот период в сознании людей наличествует образное отношение к миру, которое складывалось на основе слуховизуального восприятия мира. Облачение коммуникационных форм в знаковую концептуальную оболочку начинается с появления алфавита, который создал ментальную инфраструктуру для кумулятивной, основанной на знаниях, системы установления взаимодействий [4].

Второй этап наступает спустя несколько столетий и связан со становлением письменно-печатной культуры, распространение которой значило следующее: увеличение числа грамотных людей; возможность производить, хранить, передавать знания; устанавливать коммуникационные взаимодействия, минуя пространственные, временные ограничения и др.

Наступление третьего этапа обусловлено созданием принципиально нового структурирования мира, где «электричество, как и мозг, дает средство вхождения в контакт со всеми гранями бытия сразу» [5]. Прежде всего, М. Маклюэн делает акцент на изучении не столько коммуникационной среды, сколько на тотальном проникновении в повседневную жизнь новых медиа. Под «медиа» мыслитель понимает не только средства массовой информации, но и широкий спектр окружающих человека вещей: число, фотография, телеграф, игры, деньги, алфавит, часы и так далее. Выступая в роли «технологий» или «посредников», они не только трансформируют коммуникационные процессы, но и вступают в скрещивание с человеческим телом, сознанием. «В нашу электрическую эпоху, — пишет М. Маклюэн, — мы видим себя все более и более переводимыми в форму информации и идущими в сторону технологического расширения сознания [...] мы можем переводить все большую и большую часть самих себя в иные формы выражения, превосходящих нас самих» [5, с. 69]. Бессознательно поддаваясь этой ситуации, человек постепенно принимает технологическую форму. Выражается это в образном расширении различных частей физического тела, которые начинают уподобляться медиа

(например, колесо как расширение ноги). В такой ситуации, человек занимает подчиненное по отношению к «посредникам» место, поскольку, привязавшись к ним, он начинает служить технологической инфраструктуре, обладающей логикой, далекой от человеческой. Все происходящее, как уже было сказано, воспринимается личностью неосознанно. Причина тому — «ампутация» человеческого сознания, что является проявлением защитного механизма нервной системы, которая в целях самосохранения блокирует узнавание самой себя в этих технологиях. Человеку, таким образом, уготовлена роль Нарцисса, который ввергает в оцепенение свой собственный самоампутированный образ, не видя в отражении воды себя самого.

Спустя полвека взаимодействие человека с медийной средой и окружающими его технологиями воспринимается как нечто неотъемлемое, перманентное, в некоторых случаях — обязательное. Столь глубокое проникновение «технологического» в нашу повседневную жизнь не стоит недооценивать, так как медиатизация личности не только усилилась, но и приблизилась к логическому завершению. Об этом, в частности, пишет в своей работе словенский культуролог Славој Жижек. Его метафорические размышления о специфике виртуальной реальности, порожаемой компьютером и достижениями в геномной инженерии, позволяют иначе взглянуть на постепенную трансформацию человека и его переход в «цифру». Признание преобладающего положения виртуальной реальности означает потерю человеком связи с жизненным миром, приобретение им искусственного статуса. Способствует медиатизации субъекта различные медиа: подобно тому, как в научно-практической литературе зеркало, окно или дверь служат проходом в другое измерение, так и экран компьютера разделяет «человеческое измерение» от виртуальной реальности. Увеличение интенсивности нагрузки касательно времяпровождения в искусственном мире приводит к тому, что человек постепенно отрывается от реальности, признавая свою идентификацию лишь в несоизмеримых границах виртуального мира. Наполнение иллюзорного пространства ранее материальными вещами означает постепенное размывание границ между «настоящей жизнью и ее механической стимуляцией, объективной реальностью и ложным (иллюзорным) ее восприятием» [2]. Итогом конвергенции обозначенных выше аспектов станет полномасштабная реконфигурация субъекта: «тело, которое почти полностью «медиатизировано», функционирует с помощью протезов и говорит искусственным голосом» [2].

Ставшая неотъемлемым компонентом нашей повседневной практики, коммуникационная среда выступает, прежде всего, средством социального взаимодействия. Ее использование позволяет поддерживать жизнеспособность электронных сетей, которые предоставляют возможность выйти в параллельную реальность — виртуальную — и осуществить

поиск своей идентичности. Н. Бейли, изучавшая поведение онлайн-сообществ, отмечала: «реальность, по видимому, заключается в том, что многие, а возможно, и большинство общественных пользователей компьютерных средств коммуникации создают онлайн-эго, совместные с их внесетевой идентичностью» [3].

Таким образом, особое значение приобретают виртуальные сообщества. Эти сетевые структуры, представляя собой аналогии социальным структурам, «возникают на основе объективных потребностей в общении («Одноклассники») и для решения определенных (конкретных) задач («Химкинский лес»). Далее происходят трансформации сетей по различным сценариям и под воздействием разнонаправленных факторов» [1].

Следующий важный аспект — идентичность, который выступает в качестве организующего принципа, способствующего вовлечению индивида в интерактивную среду онлайн-сообществ. Под идентичностью понимается «процесс, через который социальный актор узнает себя и конструирует смыслы, главным образом, исключая более широкую соотнесенность с другими социальными структурами» [4]. Иначе говоря, медиатизированный субъект, вышедший в виртуальное пространство, получает возможность самостоятельно выбрать тип социальной организации, либо самостоятельно заняться ее созданием, инициируя появление новой сетевой платформы. Применительно к описываемой ситуации исследователь М. Кастельс оперирует понятием «сетевой индивидуализм»: интернет — не просто технология, а средство коммуникации, которая обеспечивает соответствующую материальную поддержку для распространения сетевого индивидуализма в качестве доминирующей формы социальности; именно индивидуумы строят сеть, основываясь на своих интересах, ценностях, склонностях и проектах [3].

Библиографический список

1. Блохин И. Н. Функции и виды поведения личности в сетевой среде // Молодежь и медиа. Экология медиaprостранства: сб. материалов II Международной научно-практической конференции / сост. И. В. Жилавская, С. И. Августевич. М., 2012.
2. Жижек С. Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия // Искусство кино. 1998. № 1. [Электронный ресурс] URL: <http://kinoart.ru/archive/1998/01/n1-article25> (дата обращения: 16.03.2015)
3. Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург, 2004. [Электронный ресурс] URL: <http://m.litread.ru/read/431307/436000-437000?page=1> (дата обращения: 16.03.2015)
4. Кастельс М. Информационное эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000. [Электронный ресурс] URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/ (дата обращения: 15.04.2015).
5. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.; Жуковский, 2003. 464 с.

УДК 94 (470.5) «18»

С. В. Голикова, В. А. Шкерин

«НЕ МУЖИКИ, СЛАВА БОГУ...»: УРАЛЬСКИЕ ГОРНОЗАВОДСКИЕ РАБОЧИЕ И ИХ ОТНОШЕНИЕ К КРЕСТЬЯНСТВУ (XIX В.)*

Процесс самоопределения, самоидентификации горнозаводского населения Урала шел через отрицание аграрного образа жизни и конфликт с вековыми крестьянскими ценностями. Символические границы между горнозаводским и аграрным мирами пролегли не только территориально — между заводскими округами и сельской округой, но и демонстрировались в особенностях поведения, одежды, языка, межличностных и групповых отношений. Формирование языка самоописания, имиджевых ресурсов и собственного символического капитала методом «от противного» служило важным стимулом к единению горнозаводской общности.

Ключевые слова: *горнозаводской Урал, крестьяне, мастеровые, непременные работники, промышленный труд, культурные ценности, культурные различия.*

На протяжении XVII — начала XIX в. крестьянству, как уральскому, так и пришлому, довелось быть основным поставщиком рабочих кадров для формируемой горнозаводской промышленности края [6, с. 23–28]. Роль эта большей частью игралась подневольно и, если не совсем отторгала крестьян от привычной деревенской среды, то отягощала их новыми повинностями. Даже основание по соседству частного завода, использовавшего вольнонаемный труд, грозило «теснотой» пашенному земледелию, рыбной ловле и заготовке древесины [15, с. 246–247]. Не удивительно, что представления земледельцев о зародившейся «в сусидях» экономической, социальной и культурной реальности носили преимущественно негативный характер. Опираясь на доиндустриальные этические ценности, крестьяне считали заводской и рудничный труд греховным, а самих заводчан осуждали и даже демонизировали. В духовных стихах «горщики», ведшие поиск «серебра, золота, камней самоцветных», назывались «бесами погаными» [4, с. 40].

Голикова Светлана Викторовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: avokilog@mail.ru.

Шкерин Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: shkerin_uit@mail.ru.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ №15-11-66002 а(р) «Историко-символическое пространство горнозаводского Урала в формировании геокультурного образа края (XVIII — с ередина XIX вв.)».

В значительной степени именно крестьянское противодействие погубило первые уральские заводы XVII в. [8, с. 121]. Но и заводы XVIII в., уже не зависевшие от крестьянских рудоплавильного и кузнечного промыслов, не обходились без приписных крестьян. Считалось, что приписные поставляют заводам руду и древесный уголь в счет уплаты подушной подати, жить же по-прежнему должны за счет аграрных трудов. Такой порядок был разорителен для крестьян, жаловавшихся, что «пришедши восвоеси, к сердечному прискорбию находят в полях своих вместо пшеницы дикую траву и вместо тучных колосьев пожинают солому» [17, л. 1; 19, л. 1]. Их массовые выступления, включая участие в событиях 1773–1775 гг., достигли цели лишь в 1807–1814 гг., когда приписных заменили при заводах непременными работниками. Непременные (позже урочные) работники, подобно мастеровым, получали за труд жалование и провиант и были людьми уже не аграрного, а горнозаводского мира.

В XIX в. крестьяне продолжали массово поступать на уральские горные заводы: через рекрутские наборы — на казенные, через покупки и переводы — на частные. Архивы хранят множество прошений новоявленных рабочих о своем возвращении в крестьянство. «Повели возвратить в первобытное состояние нас к семействам и детей наших», — зывали к Александру I непременные работники Нижнесергинского завода [19, л. 1об.–2]. К тому моменту (при посещении Урала царем в 1824 г.) просители прожили при заводе 14 лет. Но уже со второй трети XIX в. людские потребности заводов удовлетворялись преимущественно за счет естественного прироста заводского населения. С этих пор рекруты поступали на казенные заводы лишь взамен отданных в солдаты или по экстраординарным наборам. Покупки крепостных на частные заводы также прекратились к середине века [11, с. 79–82]. Пуповина, соединявшая горнозаводское население с крестьянским миром, наконец, отмерла. Родство с этим миром отныне осознавалось как подлежавшее пусть не отрицанию, но преодолению. Искоренение в себе крестьянского начала ложилось в основу процесса самоопределения новых заводчан, придания смысла своему бытию в принципиально иных условиях.

Процесс раскрестьянивания не ограничивался рамками, которые определяли ему государство и заводчики. Показательно отношение рабочих к основе основ крестьянского образа жизни — пашенному земледелию. Огороды, домашний скот и птицу держали все заводчане, включая мастеровых, почему в летний период им предоставлялись отпуска продолжительностью от 20 до 30 дней. Непременные работники дополнительно должны были наделяться пашенной землей. Однако работа на земле заводчан не прельщала. «Хлебопашества имеем самую малость, посему, что земля по хлебопашеству не способна и не хлебородна, почасту

бывает летний мразолей...», — уверяли Александра I в 1824 г. работники Сысертского завода, одного из самых южных в Пермской губернии [20, л. 40об.]. Попытка администрации Алапаевских заводов сократить выдачу пайка, увеличив свободное время для хлебопашества, вызвала волнения непрременных работников, продолжавшиеся с 1841 по 1849 г. [16, с. 281–313]. Общее положение дел констатировал в 1841 г. главный начальник горных заводов хребта Уральского генерал-лейтенант В. А. Глинка, называвший уральских заводчан «народом промышленным и не занимающимся почти совсем земледелием» [16, с. 277].

Через 20 лет, в начале либеральных преобразований, горнозаводское население получило новое деление: вместо мастеровых и урочных работников — мастеровых и сельских работников. Посетивший Урал академик В. П. Безобразов отметил: «Звание сельских работников пугает народонаселение Гороблагодатских заводов, в особенности северных, тем, что люди никогда не занимавшиеся хлебопашеством думают, что вследствие этого звания, хлебопашество делается для них обязательным по закону. В этом смысле я слышал от народа много жалоб, что правительство принуждает его к крестьянскому быту, который ему чужд и противен» [3, с. 59]. Опасения оказались не напрасны: в новых условиях хозяйствования заводы стремились избавляться от лишних работников. Те в ответ негодовали: «Секли нас, когда учили заводскому делу, а теперь хотят от завода отрывать» [13, с. 156], «Что мы, грызть, что ли, ее будем, эту землю?» [22, с. 31].

Проблема заключалась не только в нежелании заниматься хлебопашеством: утраченными оказались сами навыки крестьянского труда: «Люди, давно свыкшиеся с работой в рудниках, куренях, у заводских машин и горнов, не могут быстро и легко изменить свой быт и перейти в земледельческое состояние» [1, с. 23], «...население привыкло к горнозаводскому труду, и нередко оно не умеет даже пахать» [13, с. 41], «12-ти летний мальчик, крестьянин, лучше и больше понимает земледелие, чем заводской мастеровой, не умеющий и лошадь толком запрячь» [9, с. 50], «Что может дать земля для мастерового, не имеющего ни денежных средств, ни сельскохозяйственного инвентаря, ни навыка к земледельческому труду, ни знаний, необходимых для ведения сельского хозяйства, да еще такая земля, как уральская, малоодоходная в земледелии?» [22, с. 31].

Даже признавая собственную неспособность к пашенному земледелию, рабочие продолжали свысока отзываться о крестьянском труде, как не требовавшем больших физических и тем паче интеллектуальных усилий: «Ловко крестьянину-ту и богатеть-ту: посеет мешок (зерна), а намолотит два» [5, с. 6]. Земледелие и само крестьянство трактовались как вредные для заводов и заводчан. В жалобе 1837 г. на имя Николая I

мастеровые называли крестьян соседних селений «совсем ненужными и бесполезными, а более вредными Артинскому заводу по многим причинам, наипаче опустошением... лучших и самонужнейших лесов на пахоты и самовольными порубками» и попрекали соседей тем, что те довели «лучших жителей до нищеты и крайнего разорения, ибо... не только вспахали покосные луга, но и сено накошенное мастеровыми увезли себе» [21, л. 4об., 5]. Заводской труд, напротив, превозносился, как, например, в прошении нижнетагильских мастеровых 1891 г.: «...не каждый, кто обладает физической силой и умением трудиться, способен успешно выполнять нашу огненную работу. <...> Для получения благоприятных результатов (производственный процесс — *С. Г., В. Ш.*) требует от рабочих людей, кроме интенсивности труда, еще знание техники дела, сноровку, выдержку, практику и вообще, так сказать, осмысленное понимание своей профессии» [14, с. 435].

Специфика заводского труда обуславливала иные, порой далекие от производственных процессов особенности быта и самосознания рабочих. «Горная и горнозаводская промышленность вошла в плоть и кровь уральского населения; это находит свое отражение и в народных пословицах, и в песнях, и в играх, и во всем укладе повседневной жизни народа, населяющего эту область», — писал экономист С. П. Фармаковский, управлявший в начале XX в. делами уральского синдиката «Кровля» [22, с. 1]. Работа с техникой, соблюдение технологических процессов горно-металлургического производства не позволяли целиком полагаться на традицию, предполагали определенный уровень образования. «По умственному развитию рабоче население заводов стоит вообще выше земледельческих населений России, — утверждал некто А. С. в 1870-х гг. — Между бывшими заводскими крепостными множество людей грамотных...» [1, с. 22, 24]. Ранее подобные замечания делал подполковник Генштаба Х. И. Мозель: «Вообще говоря, заводское население более развито, чем сельское... <...> Заводские мастеровые составляют нечто среднее между городским и сельским населением. В жизни их заметны уже некоторые привычки и потребности, чуждые крестьянам» [10, Ч. I, с. 360; Ч. II, с. 532].

Уральские заводские поселки не считались городами юридически, но по степени урбанизации и численности населения некоторые из них (Нижний Тагил, Невьянск и пр.) превосходили многие уездные центры. «Завод выдает себя по наружному виду чистенькими постройками, скученными около прудов и речек, в гористой всегда местности. <...> Домашняя обстановка у мастеровых заводских далеко лучше и опрятнее земледельца крестьянина. <...> У состоятельных заводских людей домашняя обстановка чисто-городская», — отмечал И. И. Архангельский в конце XIX в. Подобную же «городскую» характеристику он давал

и внешнему облику заводчан: «Заводского крестьянина вы всегда отличите по платью. Он одет щеголевато. Служащие заводские, разных положений и званий, носят немецкое платье, волосы стригут и часто, как чиновники, бреются. В подражание им и рабочая молодежь ходит стриженная, в сюртуках; носит длинные щегольские сапоги с калошами, в сухое даже время» [2, с. 9–10, 11]. «Мужчины и женщины одевались чисто, опрятно, а в праздничные дни даже нарядно и франтовато», — вторил ему Ал. Корельский, выросший на заводском Урале [7, с. 137].

Указание на то, что они «не мужики, слава богу» было общим местом в рассуждениях рабочих. В праздники, еще более чем в будни, они стремились подчеркнуть культурную дистанцию, отделявшую их от деревни. По наблюдениям журналиста Вас. И. Немировича-Данченко, путешествовавшего по Уралу в 1870-х гг., рабочие Нижнего Тагила «соблюдали» себя «в аккурате»: «старались быть чисто одетыми», «хорошо держались», обращались друг другу на «вы», обходились без ругани и нецензурных слов. «Хороводов тагильские рабочие тоже не водили — “Помилуйте, мужицкое дело!”». «Господа рабочие» предпочитали гулять «по благородному» — «без шута» [12, с. 407, 408].

Итак, процесс самоопределения, самоидентификации горнозаводского населения Урала шел через отрицание аграрного образа жизни и конфликт с вековыми крестьянскими ценностями. Символические границы между горнозаводским и аграрным мирами пролегли не только территориально — между заводскими округами и сельской округой, но и демонстрировались в особенностях поведения, одежды, языка, межличностных и групповых отношений. Формирование языка самоописания, имиджевых ресурсов и собственного символического капитала методом «от противного» служило важным стимулом к единению горнозаводской общности.

Библиографический список

1. А. С. О необходимости технической школы на Урале // Беседа. 1872. № 8. С. 22–29.
2. Архангельский И. И. Этнографические очерки горнозаводского населения Урала (извлечено из неофициальной части Пермских губернских ведомостей 1890 г.). Пермь, 1891. 32 с.
3. Безобразов В. П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869. 643 с.
4. Белорецкий Г. Сказитель-гусяр в Уральском крае // Русское богатство. 1902. № 11. С. 3–55.
5. Гладких А. Н. Крестьянские свадебные обряды и проч. у жителей села Торговичского Красноуфимского уезда Пермской губернии // Труды Пермской государственной ученой архивной комиссии. Вып. 10. Пермь, 1913. С. 16–73.
6. Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействие и противоречия (XVIII — первая половина XIX в.). М., 2000. 261 с.
7. Корельский А. Горнозаводская служба и общественная жизнь на Урале в крепостное время // Русская старина. 1905. № 10. С. 131–167.

8. Миненко Н. А., Побережников И. В. Горно-металлургическая промышленность и крестьянство Урала в XVIII — начале XIX вв. // *Металлургические заводы и крестьянство: Проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период*: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 1992. С. 121–143.
9. Митинский А. Н. *Горнозаводской Урал*. СПб., 1909. 244 с.
10. Мозель Х. *Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба: Пермская губерния*. СПб., 1864. Ч. I. 430 с.; Ч. II. 800 с.
11. Неклюдов Е. Г. Численность и состав горнозаводского населения и рабочих Урала в предреформенный период (30–50-е гг. XIX в.) // *Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма*: Сб. науч. тр. Свердловск, 1990. С. 77–87.
12. Немирович-Данченко В. И. *Кама и Урал (Очерки и впечатления)*. СПб., 1904. Ч. 2. 448 с.
13. Озеров И. Х. *Горные заводы Урала*. М., 1910. 255 с.
14. *Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX в. 1861–1904*: Сб. док-тов. М.-Л., 1969. 666 с.
15. Преображенский А. А. *Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в.* М., 1972. 392 с.
16. *Рабочее движение в России в XIX в.*: Сб. док-тов и мат-лов. Под ред. А. М. Панкратовой. М., 1955. Т. 1. Ч. 2.
17. РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 16.
18. РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 61.
19. РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 155.
20. РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 163.
21. РГИА. Ф. 37. Оп. 13. Д. 370.
22. Фармаковский С. *Горнозаводские дела Урала: Доклад, читанный в Императорском Русском техническом обществе 3 марта 1909 г.* СПб., 1909. 47 с.

УДК 94 (470) «18»

Г. Н. Шумкин

МАСТЕРОВЫЕ КАЗЕННЫХ ГОРНЫХ ЗАВОДОВ XIX В.: ПРОБЛЕМА ДЕФИНИЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА*

Статья посвящена проблеме определения социально-правового статуса мастеровых казенных горных заводов в XIX в. Сделан вывод о том, что в дореформенное время мастеровые являлись особой сословной группой со своим специфическим набором прав. В пореформенное время мастеровой — это маркер, обозначающий принадлежность к высококвалифицированным наемным рабочим казенных заводов, а специфические права мастеровых являлись дополнительными условиями найма на работу.

Ключевые слова: *мастеровые, непременные работники, сословия, классы, права, социальная история*

Фундаментальные исследования Б. Н. Миронова [7], В. П. Желтой и Н. А. Ивановой [5; 6] стали крупнейшими событиями в изучении

Шумкин Георгий Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: shumk@mail.ru.

* *Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01873 «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.»).*

социальной истории России Нового времени. В этих работах представлена общая панорама эволюции социальных структур в масштабе всей Российской империи. В числе ключевых векторов общественной трансформации в XIX — начале XX вв., авторы указывают переход от сословных структур к классовым. Однако именно такой характер взаимодействия классов с сословиями представляется не столь очевидным.

По формальным признакам, опираясь только на смысловое наполнение терминов, субституциональность сословных и классовых структур представляется проблематичной. Категория «сословие» относится к социально-правовому тезаурусу, а «класс» — к социально-экономическому. Фундаментальным признаком сословности является набор передаваемых по наследству прав, привилегий и обязанностей, которые зафиксированы в законах или обычаях социума. Категория «социальный класс» полисемантическая. Принадлежность к тому или иному классу определяется имущественным положением (низший, средний и высший класс); отношением к средствам производства (классы капиталистов, пролетариата и т.д.); специализацией на определенном факторе производства в системе общественного разделения труда, являющимся для данной социальной группы основным источником дохода (классы наемных работников (Труд), рантье (Земля), предпринимателей (Капитал)).

Но даже самый поверхностный анализ показывает «точки соприкосновения» сословной структуры с матрицами общественных классов, поскольку сословные права это, прежде всего, исключительные права на реализацию определенного вида экономической деятельности или на владение определенным ресурсом (либо, наоборот, обязанность предоставления ресурса). Великие реформы Александра II упразднили значительную часть этих прав и обязанностей, но сам принцип деления общества на сословные группы сохранился и был отменен только Советской властью.

В связи с этим возникают вопросы о соотношении сословий до и после Великих реформ, о темпах разложения сословной структуры и т.д. Проблема осложняется тем, что исследователи одни и те же социальные группы относят и к сословиям, и к классам. К числу таких групп относятся мастеровые казенных горных заводов.

Наиболее полное и корректное описание социально-правового статуса мастеровых первой половины XIX в. сделал Н. Г. Павловский. Он определил горнозаводских рабочих казенных горных заводов как «самостоятельную сословную группу», юридический статус которой «постепенно оформлялся на основе принципов феодального права и с учетом особенностей промышленного труда» [8]. В качестве основного вектора в эволюции статуса мастеровых Н. Г. Павловский указал на сближение с правовым положением солдат в процессе поэтапного утверждения

на казенных заводах военного режима: в 1806 г. был введен военный суд; в 1832 г. официально признано, что мастеровые состоят на правах военнослужащих; в 1847 г. мастеровые и непременные работники были приравнены к рядовым и получили название «рабочих чинов», а низший административно-технический персонал — к унтер-офицерам и стал называться «нижними чинами» [8, с. 144].

С военнослужащими мастеровых сближали методы пополнения. Как и в случае с солдатскими детьми служба на заводах считалась наследственной. При необходимости «потребное количество людей» «заимствовалось» по рекрутскому набору [15, ст. 306]. На мастеровых не распространялась рекрутская повинность; при желании мастеровой мог уйти в армию, но он должен был найти себе замену среди солдат. После отставки мастеровые, как и отставные солдаты, становились лично свободными. Работа на казенных заводах, также как и военная служба, рассматривалась Законом как государственная повинность, поэтому мастеровые не платили податей, они относились к группе «ревизии не подлежащих».

Завод предоставлял им жилье или лес для строительства, а также покосы по две десятины на взрослого работающего мастерового (на заготовку сена в июле выделялся отпуск в 25 дней). Мастеровые и их семьи бесплатно пользовались заводской больницей. Для увечных и одиноких отставных на заводах были устроены богадельни. При «беспорочной» выслуге 35 лет мастеровой мог рассчитывать на пенсию. Каждый, кто относился к мастеровым, бесплатно получал продовольствие — от 1 пуд (дети) до 2 пуд (взрослый и «подросток» 15–18 лет) ежемесячно [10, №21203]¹. Дети 8–9 лет проходили обучение в одноклассной заводской школе (с двухлетним курсом обучения). Лучшие ученики переводились в двухклассное окружное училище, по окончании которого становились писцами на заводах или продолжали обучение в Уральском горном училище в Екатеринбурге или Пробирной школе в Петербурге. Мастеровые имели право на временное увольнение для посторонних заработков, имели право заниматься ремеслами и промыслами, нанимать вольных работников, переходить в другие сословия (если находили себе замену). Мастеровые, проживавшие в горном городе Екатеринбурге, обладали «городовыми правами»: если екатеринбургский мастеровой занимался ремеслами, он должен был вступить в ремесленный цех и нести цеховые повинности [8, с. 144].

К категории мастеровых относились урочные (или иначе — непременные) работники, выполнявшие вспомогательные работы при заводах —

¹ Продовольственный паек составлял существенную часть бюджета. В 1850 г. среднее годовое жалование мастеровых Златоустовского горного округа составляло 13,5 руб., а стоимость продовольствия (самого рабочего, без учета семьи) — 11,3 руб. [1, л. 15–31].

заготовку дров и древесного угля, транспортировку грузов. Данная категория возникла в 1807 г. вследствие ликвидации института приписных крестьян. Создавая категорию непременных работников, законодатель специально оговорил, что «урочные работники не составляют какого-либо особого состояния, но суть тоже, что и мастеровые» [9, № 22498]. Но в правовом положении мастеровых и непременных работников были определенные различия. Например, продовольствием обеспечивались только сами непременные работники и рабочие лошади. Свои семьи работники должны были обеспечивать хлебом самостоятельно, обрабатывая выделенную им пашню. Непременные работники делились на две категории: «пеших», занимавшихся заготовкой дров, угля, добычей полезных ископаемых, и «конных», осуществлявших транспортировку сырья, топлива и готовой продукции. На каждом заводе «конные» и «пешие» выбирали себе старосту. Кроме того, непременные работники делилась на десятки и сотни, которые выбирали «десятских» и «сотских», следивших за выполнением работ. При невыполнении «уроков» начинал действовать принцип круговой поруки. Непременные работники могли переводиться в мастеровые либо вследствие дефицита рабочих рук на заводе, либо по просьбе «общества» [15, ст. 306, 353].

В «Штатах и основных положениях казенных горных заводов хребта Уральского», изданных в 1847 г., мастеровые и непременные работники были определены как «сословие рабочих» [15, ст. 305]. В Уставе горном редакции 1857 г. вместе с «нижними чинами» (уставщиками, мастерами, штейгерами, унтер-шихтмейстерами) они образовали «горное сословие» [3, с. 157]. Таким образом, к середине XIX в. на казенных горных заводах Урала произошло оформление особого «горного сословия», права и обязанности которого сближали его представителей с военнослужащими (источники пополнения, личная свобода при отставке, подсудность военному суду и т.д.), с крестьянами (право на покос и на пашню), с городскими сословиями (право на занятия ремеслом) и даже с привилегированными сословиями (свобода от податей). Кроме того, «горное сословие» обладало рядом специфических прав — право на провиант, на жилье, медицинскую помощь.

В 1858 г., в связи с предстоящей отменой крепостного права, создана «Комиссия об устройстве горнозаводских людей», которая собрала проекты, предлагавшиеся горными начальниками. Данные проекты разрабатывались с учетом сословной специфики мастеровых государственных заводов [11, л. 129об. – 132]. Однако «Комитет для устройства положения крестьян разных ведомств», разрабатывавший окончательный вариант проекта освобождения мастеровых, исходил из иной установки — не сохранение и упрочнение корпорации мастеровых; а, наоборот, — ликвидация ее специфики.

По «Положению о горнозаводском населении казенных горных заводов», подписанному Александром II 8 марта 1861 г. [11, № 367189],¹ «рабочие и нижние чины» становились «свободными сельскими обывателями», а в Екатеринбурге и Златоусте (с 1863 г.) [10, №39326] — городскими обывателями. В соответствии с новым статусом, горнозаводское население лишалось бесплатного провианта, права на пенсию по 35-летней выслуге²; на него распространялись подати и рекрутская повинность. Дома и усадьбы передавались им безвозмездно. Они получили право заниматься торговлей и ремеслами (кроме тех, которые требовали «огненного действия»), а также обрабатывать за оброчную подать ту землю, которую они возделывали до увольнения от обязательной службы. Мастеровые, не имевшие «участка пахотной земли», «отвода оной» не получали [10, № 36719].

В конце 1860-х гг. государство показало, что рассматривает горнозаводское население казенных заводов в ряду государственных крестьян, освобожденных от «обязательных отношений». Положением Главного Комитета об устройстве сельского состояния от 12 марта 1868 г., государство приняло на себя обязательство обеспечивать население закрывающихся заводов земельными наделами по норме государственных крестьян (в этом году было принято решение о приватизации или закрытии тех казенных предприятий, которые не выполняли государственных заказов). В плоскость практического воплощения наделение земель горнозаводского населения казенных заводов была переведена после издания Инструкции 1877 г. [1; 10, № 57054].

На горнозаводское население перестала распространяться юрисдикция военного суда. Законом 17 декабря 1862 г. новые «свободные сельские обыватели» получали ту социальную организацию, которая была определена манифестом 19 февраля 1861 г. для бывших крепостных крестьян, — в заводских селениях создавались сельские общества и волости [10, № 39043].

С этого времени мастеровыми именовались только те лица, которые поступали на завод по контракту и выполняли основные работы — «работы рудничные и приисковые», в металлургическом, металлообрабатывающем и механическом производстве, а также в углежжении. Лица, выполнявшие вспомогательные, т.н. «поторожные работы» (перевозка грузов, заготовка дров, кирпича и других материалов, строительные работы), стали называться «рабочими» или «сельскими работниками» [10, № 36719].

¹ По мнению Н. Г. Павловского, в данном акте впервые в нормотворческой практике был использован термин «горнозаводское население» для обозначения социальных групп, занятых на работах на казенных горных заводах [8, с. 129].

² Исключение было сделано только для мастеровых имеющих 15-летний стаж работы. Им предоставлялось право выработать пенсию на прежних условиях.

В сравнении с «рабочими», «мастеровые» получили ряд льгот. Они по-прежнему бесплатно пользовались покосами, пашней и лесом, покупали хлеб из заводского магазина по льготной закупочной цене. В 1862 г. они были освобождены на 6 лет от уплаты подушной подати [10, №38810]. В 1861 г. их на 10 лет освободили от рекрутских наборов (их детей на 3 года [10, №38559]). Эта льгота подтверждалась законами в 1863 и 1867 гг. [10, №40126, 45301], а затем им предоставлялось право вносить 300 руб. «натурою» в случае выпадения жребия [10, 38653]. На «рабочих» эти права и льготы не распространялись [12, л. 10–12].

Часть функций по социальному обеспечению должны были взять горнозаводские товарищества, членом которого мог стать рабочий, занятый на основных производствах и заключивший контракт на срок не менее одного года. Товарищества должны были защищать интересы рабочих в случае конфликтов между рабочими и администрацией, выплачивать пособия из вспомогательных касс вдовам, сиротам, увечным мастеровым, оплачивать лечение в больнице. Заводоуправление оказывало помощь товариществу содержанием больниц и школ (в конце 1870-х гг. система школьного образования при заводах была ликвидирована), а также участием в финансировании вспомогательных касс, которые являлись основным денежным фондом товариществ. Капитал вспомогательных касс пополнялся в равном размере из взносов членов товарищества (2–3% от зарплаты) и взносов заводоуправления, а также штрафов, кредитных операций, операций с ценными бумагами.

В 1865–1873 гг. товарищества возникли почти на всех казенных горнозаводских предприятиях Урала (исключение составили только Пермский пушечный и Артинский заводы, на которых товарищества были созданы, соответственно, в 1886 и 1895 гг.). Нормативно-правовая база горнозаводских товариществ была разработана только в 1880–1893 гг. С этого времени товарищества стали полноценно функционировать. Вспомогательные кассы стали выплачивать пенсии членам товарищества, вдовам и сиротам, предоставлять денежную помощь, оплачивать лечение. Средний размер пенсий увеличился с 4 руб. в 1880–1881 гг. до 36–37 руб. в 1910 г., а число пенсионеров — с 21 в 1880 г. (0,3% от общего числа членов товариществ) до 6 тыс. в 1913 г. (27% от общего числа членов). Кроме того, кассы активно занимались кредитованием рабочих [16].

Таким образом, ликвидировав «рабочее сословие», уравнивая горнозаводское население (мастеровых и непременных работников) с крестьянами, освобожденными от крепостной зависимости, государство, с одной стороны, избавилось от необходимости опекать весьма многочисленное население казенных заводов (в 1860–1864 гг. общее число рабочих казенных горных заводов Урала сократилось с 30 тыс. до 17,8 тыс. чел. [13; 14]);

а, с другой, предоставив «мастеровым» ряд прав и льгот, сохранило для казенных горных заводов кадры квалифицированных рабочих [4, с. 85].

Итак, категория «мастеровые» до и после 1861 г. имеет кардинальные отличия. В дореформенную эпоху это сословная группа, оформленная в «горное сословие» в 1850-х гг. вместе с непрременными работниками и «нижними чинами»; обладающая набором определенных прав и обязанная выполнять повинность, работая на казенных заводах. После отмены «обязательных отношений» это наемные рабочие, заключившие долгосрочные контракты с заводоуправлением, занятые на работах, требовавших специальных навыков. Если до 1861 г. специфические права мастеровых были обусловлены принадлежностью к сословной группе, то после являлись, по сути, дополнительными условиями найма на работу, т.е. тем, что на современном языке называется «социальным пакетом»¹. По своему сословному положению горнозаводское население относилось или к «свободным сельским обывателям», или к «городским обывателям».

Библиографический список

1. Алеврас Н. Н. Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX в. Челябинск, 1996. 212 с.
2. Архив Златоустовского городского округа. И-19. Оп. 1. Д. 1642.
3. Дашкевич Л. А. Социально-правовое положение технических кадров горных заводов Урала в первой половине XIX в. // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1991. С. 151–164.
4. Железкин В. Г. Развитие казенной горнозаводской промышленности Урала в пореформенный период (1861–1900): Дисс... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1992. 215 с.
5. Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII — начало XX в.). М., 2010. 752 с.
6. Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословно-классовая структура России в конце XIX — начале XX в. М., 2004. 574 с.
7. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1. 548 с.
8. Павловский Н. Г. Правовой статус мастеровых и рабочих людей казенных горных заводов Урала в первой половине XIX в. // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1991. С. 127–150.
9. ПСЗ-I [Электронный ресурс] URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/descript.html, (дата обращения — 20.11.2014)
10. ПСЗ-II [Электронный ресурс] URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/descript.html, (дата обращения — 03.02.2015)
11. РГИА. Ф. 37. Оп. 77. Д. 122.
12. РГИА. Ф. 378. Оп. 77. Д. 123.
13. Сборник статистических сведений по горной части на 1863 г. — СПб, 1863.
14. Сборник статистических сведений по горной части на 1865 г. СПб, 1865.

¹ По мнению В. Г. Железкина, «Положение 8 марта 1861 г. вводило, по существу, новое сословное разграничение: взяв за основу участие или неучастие в постоянных заводских работах, оно делило горнозаводское население на две новых категории — «мастеровых» и «сельских работников». См.: [4, с. 85].

15. Собрание законов Российской империи. 1857. Т. 7. Устав горный.
16. Шумкин Г. Н. Горнозаводские товарищества во второй половине XIX — начале XX вв. // Гуманитарная наука Урала: приоритеты и перспективы исследовательского поиска. Екатеринбург, 2013. С. 282–291.

УДК 94 (470) «18/19»

С. В. Куликов

РЕФОРМАТОРСКИЙ ПРОЕКТ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II: ИСТОЧНИКИ, ЭЛЕМЕНТЫ, РЕАЛИЗАЦИЯ

В статье рассматривается реформаторский проект Николая II, понимаемый как совокупность идей, отражавшихся на страницах программных документов его царствования, которое по части подобного рода документов является беспрецедентным в истории Российской империи. Особое внимание уделяется источникам проекта, его элементам и реализации.

Ключевые слова: *реформа, проект, император, министры, программа, консерватизм, либерализм.*

Под реформаторским проектом Николая II правомерно понимать не какой-то конкретный документ, а систему взглядов императора на либеральные реформы — взглядов, отражавшихся в программных документах, которыми он руководствовался в своей государственной деятельности. Тот факт, что эти документы готовились не непосредственно самодержцем, а его ближайшими сотрудниками, отнюдь не преуменьшает личного участия Николая II в планировании реформ, ибо почти все известные российские (да и не только) реформаторы — как монархи, так и их министры — сами никогда проекты не писали, развивая свои идеи при общении с теми, кому выпадала роль интерпретаторов и фиксаторов данных идей на бумаге. Реализацией собственного реформаторского проекта, имевшегося у самодержца уже при вступлении на престол, в 1894 г., Николай II занимался в течение всего своего царствования, вплоть до 1917 г., по причине чего его политику всегда отличал не случайный, а системный характер. Генерал А. Г. Елчанинов писал в 1913 г., что «обширные и всесторонние преобразования, которые были намечены государем императором при самом восшествии его на престол, неукоснительно осуществлялись и продолжают осуществляться» [1, с. 116]. Мнение А. Г. Елчанинова весьма важно, поскольку является, по сути, мнением самого Николая II, лично цензурировавшего книгу генерала [12, с. 58], и полностью соотносится с информацией других осведомленных современников. Уже 2 января 1896 г. германский император Вильгельм II напомнил кузену

Куликов Сергей Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург; e-mail: sergeyikulikov70@mail.ru.

о существовании у него «многочисленных планов, выработанных тобой на благо подданных» [18, с. 278]. Экс-президент Франции Э. Лубе в мемуарах, опубликованных в январе 1910 г., подчеркивал, что у царя имеются «зрело продуманные и тщательно выработанные планы». «Над осуществлением их он трудится беспрестанно, — писал Э. Лубе — Иной раз кажется, что что-либо забыто. Но он все помнит» [13, с. 437].

Первой попыткой сформулировать реформаторский проект Николая II стало предисловие к «Своду высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1894 г. генерал-губернаторов, губернаторов, военных губернаторов и градоначальников». В проекте предисловия, вспоминал Н. Н. Покровский, «с одобрения» Н. Х. Бунге, председателя Комитета министров и ближайшего советника молодого царя, «были изложены начала как бы программы нового царствования во внутренней политике». На корректуре проекта предисловия Николай II написал: «Хорошо» [19, с. 188–189]. «В области экономической» этот документ выдвигал на первое место всеобъемлющую аграрную реформу. «В сфере промышленности» предисловие делало акцент на содействии превращению России в промышленную державу. Не менее важным направлением в предисловии признавалось осуществление мер социальной политики. «В области духовной жизни» предисловие обращало внимание на «нужды православной церкви», на повышение образовательного уровня населения и ликвидацию неграмотности. По поводу «администрации, суда и общественного самоуправления» в предисловии говорилось о реформировании местного управления и самоуправления [21, с. I–IV]. Таким образом, редакцию этого первого программного документа, имевшего как бы делопроизводственный характер, отличала явная осторожность. Однако в данном случае Николай II действовал как классический реформатор. «Проблема реформатора, — подчеркивает С. Хантингтон, — состоит не в том, чтобы ошеломить одного оппонента исчерпывающим набором требований, а в том, чтобы минимизировать оппозицию за счет по видимости очень ограниченного набора требований» [26, с. 346]. В общем, несмотря на осторожную редакцию этого программного документа, он, как бы в зародыше, содержал основные положения реформаторского проекта Николая II, воплощавшиеся им впоследствии.

В основе реформаторского проекта Николая II лежало политическое завещание Н. Х. Бунге, оставленное им августейшему ученику. В завещании с консервативно-либеральной точки зрения рассматривались вопросы внешней, национальной, внутренней, экономической и финансовой политики России и способы их решения. «Загробные заметки», как называлось это завещание, подразумевало постепенное решение аграрного, крестьянского, рабочего, вероисповедного, еврейского, польского, остзейского, финляндского и прочих национальных вопросов, реформирование

высших, центральных и местных государственных учреждений, земского и городского самоуправления, развитие народного просвещения на всех его уровнях и введение всеобщего начального образования, изменение экономической политики в направлении уменьшения вмешательства государства в экономику и предоставления большей свободы иностранному капиталу, установление золотого обращения и преобразование налоговой системы [24, с. 191–271]. Н. Х. Бунге не успел закончить «Загробные заметки» и какую-то часть своих рекомендаций передал Николаю II не в письменной, а в устной форме. Вероятно, устные рекомендации касались такой деликатной для того времени материи, как осуществление политических реформ, и именно поэтому не получили отражения на бумаге. В своей государственной деятельности Николай II постоянно ориентировался на завещание, призывая к тому же и представителей правящей элиты. В 1895 г., после кончины Н. Х. Бунге, царь повелел раздать 50 печатных экземпляров завещания великим князьям, министрам, в том числе С. Ю. Витте, и членам Государственного совета. Благодаря Николаю II, с текстом завещания были знакомы министры внутренних дел И. Л. Горемыкин, Д. С. Сипягин, В. К. Плеве и князь П. Д. Святополк-Мирский, сообразовавшиеся с ним в своей деятельности.

В конце 1901 г., после поездки по губерниям промышленного Центра, Д. С. Сипягин представил Николаю II многотомный всеподданнейший отчет, содержащий программные соображения о реформировании местного управления и самоуправления и о решении аграрного, крестьянского и рабочего вопросов, а также многолетний план соответствующих законодательных и административных мероприятий. Отчет удостоился положительной оценки со стороны Николая II, который написал на нем 16 декабря 1901 г.: «Нахожу весьма желательным, чтобы теперь же были приняты меры к правильному разрешению намеченных здесь вопросов» [9b, с. 146]. В 1902–1904 гг., учитывая мнение монарха, программу преобразований разрабатывал В. К. Плеве, который, по признанию Николая II, сделанному князю В. Н. Орлову, «готовил план реформ для России» [16, с. 57]. Часть этого плана, очевидно, вошла в Манифест 26 февраля 1903 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». А. А. Клопов сообщал императору 18 марта 1903 г., что многие современники считали Манифест 26 февраля «предвестником многочисленных важных реформ, долженствующих охватить чуть не все стороны нашей жизни», содержащим «целую программу», и возлагали надежды «на реформы более обширные, чем те, которые были возведены Манифестом 19 февраля 1861 г.» [25, с. 210, 211]. Действительно, в развитие Манифеста 26 февраля 1903 г. по повелению Николая II П. Д. Святополк-Мирский представил императору 24 ноября 1904 г. всеподданнейший доклад,

составленный на основе завещания Н. Х. Бунге. Доклад явился непосредственной причиной появления Указа 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», воспроизводившего основные положения доклада П. Д. Святополк-Мирского и ставшего, по оценке А. Н. Куломзина, «полным осуществлением» завещания Н. Х. Бунге [9а, л. 83]. Не менее важно и мнение В. А. Маклакова, отмечавшего, что Указ 12 декабря содержал «либеральную программу» [11, с. 38]. По свидетельству С. Е. Крыжановского, доклад П. Д. Святополк-Мирского, как программный документ, имел самостоятельное значение: Николай II использовал его в 1905-1906 гг., сделав на нем многочисленные пометки. Копии доклада использовали также премьеры И. Л. Горемыкин и П. А. Столыпин, реформы которого являлись осуществлением ряда положений доклада [5, с. 5].

После издания актов 18 февраля 1905 г., в апреле того же года, исполняя царскую волю, главноуправляющий Канцелярией Его Величества по принятию прошений барон А. А. Будберг представил Николаю II проект Манифеста, провозглашавшего ускорение созыва народного представительства, сформированного на основе всеобщего избирательного права и имеющего законодательный характер, а также расширение крестьянского землевладения, дарование свободы печати и собраний, неприкосновенности личности и политической амнистии. Само появление подобного проекта и рассмотрение его Николаем II свидетельствовало о сочувствии монарха идеям Манифеста [3, с. 108–115]. Эти идеи, после издания Манифеста 6 августа 1905 г. об учреждении законосовещательной Государственной думы, который подразумевал ее превращение в законодательную [9, с. 19–69], и легли в основу Манифеста 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», хотя традиционно отцом Манифеста 17 октября считается С. Ю. Витте. Последний, между тем, сам опровергал эту версию [4, с. 215, 216, 217, 218]. Николай II полностью проигнорировал рекомендации графа не публиковать Манифест и ограничиться изданием его всеподданнейшего доклада. Наряду с Манифестом 17 октября, программный характер имели утвержденный Николаем II тогда же упомянутый доклад С. Ю. Витте [20, с. 25–27] и одобренная царем в апреле 1906 г. «Программа вопросов, вносимых на рассмотрение Государственной думы», которую кабинет С. Ю. Витте подготовил в связи с предстоявшим открытием I Думы [23, с. 449–459]. Положения реформаторского проекта Николая II содержали также составленные по его повелению в конце 1905 — начале 1906 г. товарищем государственного секретаря П. А. Харитоновым (совместно с сенатором Н. П. Гариным), директором Александровского лицея А. П. Саломоном и помощником начальника Военно-походной канцелярии царя графом

А. Ф. Гейденом проекты новых Основных государственных законов [6, с. 91–164] и их окончательная редакция, утвержденная царем 23 апреля 1906 г. [7, с. 29–64]. По мнению В. В. Леонтовича, принятие новых Основных законов означало, что «монархия принимала либерализм как свою программу» [10, с. 465].

В 1906–1916 гг. положения реформаторского проекта Николая содержали и декларации премьеров, выражавшие взгляды не только Совета министров, но и монарха, поскольку эти программные документы, как вспоминал один из премьеров, граф В. Н. Коковцов, получали высочайшее утверждение [22, с. 100]. Первую декларацию, озвученную И. Л. Горемыкиным 13 мая 1906 г. на заседании I Думы, современники и исследователи считали консервативной, но в действительности ее реформаторская часть явно перевешивала реакционную [14, с. 101–107]. В. А. Маклаков удостоверял, что сутью этой декларации была «либеральная программа» [11, с. 41]. Позднее положения реформаторского проекта Николая II содержали программа кабинета П. А. Столыпина, опубликованная 24 августа 1906 г. [17, с. 28–32], декларация этого кабинета, зачитанная П. А. Столыпиным 6 марта 1907 г. на заседании II Думы [14, с. 320–332], утвержденный царем 15 февраля 1907 г. Особый журнал Совета министров 12 января того же года «По вопросу о законопроектах, подлежащих внесению в Государственную думу» и «Проект государственных преобразований», составленный с ведома Николая II П. А. Столыпиным, при участии его сотрудника А. В. Зеньковского, летом 1911 г. [2], а также декларация кабинетов В. Н. Коковцова [15, с. 160–161], Б. В. Штюрмера [15, с. 369–373] и А. Ф. Трепова [15, с. 311–318].

Каждый из программных документов, отражавших положения реформаторского проекта Николая II, основанного на завещании Н. Х. Бунге, начиная с предисловия к «Своду высочайших отметок» и заканчивая декларацией А. Ф. Трепова, с одной стороны, сохранял преемственность по отношению к предыдущему, а, с другой — дополнял его в соответствии с выявившимися потребностями времени. Насколько реформаторский проект императора предопределял политику правительства, настолько ее результаты влияли на его содержание, выдвигая на первый план те или иные положения данного проекта. Реформаторский проект Николая II влиял и на тактику оппозиции, поскольку, будучи консервативно-либеральным, отличался большей умеренностью, чем ее реформаторский проект, а потому воспринимался оппозиционерами отрицательно. Конкуренция между двумя проектами, протекавшая в плоскости политического дискурса, стала одной из причин обострения конфликта между властью и обществом, завершившегося революцией 1917 г. Что касается реализации реформаторского проекта Николая II, то к моменту падения старого

порядка практически все положения проекта были реализованы в законодательном или административном порядке либо находились на рассмотрении законодательных учреждений, а потому их судьба от императора уже не зависела [8, с. 45–69]. Реализацию этого проекта тормозили не только дефекты в деятельности обеих палат, главный из которых заключался в слишком медленном прохождении законопроектов через них, но и внешние и внутренние катаклизмы, войны (русско-японская и Первая мировая) и революции (Первая и Вторая).

Библиографический список

1. Елчанинов А. Г. Царствование государя императора Николая Александровича. СПб.; М., 1913.
2. Зеньковский А. В. Правда о Столыпине. М., 2002. 255 с.
3. Из архива С. Ю. Витте // Красный архив. 1925. Т. 4–5.
4. Из архива С. Ю. Витте: Воспоминания. В 2-х тт. СПб., 2003. Т. 2.
5. Крыжановский С. Е. Воспоминания. Из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009. 228 с.
6. Куликов С. В. Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. // Русское прошлое. 1998. Кн. 8.
7. Куликов С. В. Институт экспертизы при создании Основных законов 1906 г. Неопубликованные документы // Нестор. 2004. № 4. Наука и власть: Источники, исследования, рецензии.
8. Куликов С. В. Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. 2009. № 4. С. 45–60.
9. Куликов С. В. К истории создания законодательной Государственной думы. Николай II, У. Т. Стэд и Манифест 17 октября 1905 г. // Таврические чтения—2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: В 2-х ч. СПб., 2013. Ч. 1.
- 9а. Куломзин А. Н. Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 195.
- 9б. Лаврычев В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861–1917 гг.). М., 1972.
10. Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995.
11. Маклаков В. А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля — 8 июля 1906 г. М., 2006. 335 с.
12. Николай II и великие князья (Родственные письма к последнему царю). М.; Л., 1925.
13. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. 672с.
14. Ораторы России в Государственной думе (1906–1917): В 2-х тт. СПб., 2004. Т. 1.
15. Ораторы России в Государственной думе (1906–1917): В 2-х тт. СПб., 2004. Т. 2.
16. Орлов В. Н. Из дневника // Былое. 1919. № 14.
17. Столыпин П. А. Программа реформ: Документы и материалы. Т. 1. М., 2003. 768 с.
18. Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914 гг. М., 2007. 640 с.
19. Покровский Н. Н. Воспоминания о Комитете министров в 90-е гг. XIX в. // Исторический архив. 2002. № 2.
20. Савич Г. Г. Новый государственный строй России. Справочная книга. СПб., 1907.
21. Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1894 г. генерал-губернаторов, губернаторов, военных губернаторов и градоначальников. СПб., 1896.
22. Сидоров А. Л. Интересная находка [Допрос графа В. Н. Кокочова в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства] // Вопросы истории. 1964. № 4. С. 94–111
23. Совет министров Российской империи 1905–1906 гг. Документы и материалы. Л., 1990. 477 с.
24. Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). Сост. Л. Е. Шепелев. СПб., 1999. 360 с.

25. Тайный советник императора. СПб., 2002. 528 с.

26. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004. 480 с.

УДК 94 (470.5) «18»

К. А. Абдрахманов

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ГОРОДАХ
ЮЖНОГО УРАЛА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ
XX В. В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ: ДОСТИЖЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ**

В контексте проблемы формирования гражданской культуры анализируются работы современных историков, посвященные истории общественных организаций на Южном Урале во второй половине XIX — начале XX в. Автор показывает, что в постсоветской историографии доминируют исследования, выполненные в формате всего региона, лишь в немногих публикациях объектом исследования стал собственно южноуральский город. Автор приходит к выводу о том, что наиболее исследованными при этом являются религиозные, благотворительные и отдельные виды культурно-просветительских организаций, а также феномен кооперации на Южном Урале. Исследователь заключает, что в современной историографии отсутствуют работы комплексного, обобщающего характера по истории общественных организаций на Южном Урале во второй половине XIX — начале XX вв.

Ключевые слова: *гражданское общество, общественная организация, Южный Урал, регион, благотворительность.*

В 1990-е гг., с уходом в прошлое подходов советской исторической науки, начинается переосмысление исторического опыта создания полноценного гражданского общества в нашей стране, пробуждается интерес к углубленному изучению этого процесса, начатого еще в годы Великих реформ Александра II. В данной статье предполагается обратиться к современным региональным (на материалах Южного Урала) исследованиям истории общественных организаций в имперской России. Тема данного историографического очерка обусловлена тем, что именно на два первых десятилетия XXI в. приходится пик активности в исследовании деятельности общественных организаций Южного Урала во второй половине XIX — начале XX вв. Это обусловлено волной интереса к истории формирования гражданского общества в России, феномену общественной самоорганизации в дореволюционный период в целом.

Прежде всего, необходимо отметить работы, в которых раскрываются общие для России в целом и для Урала в частности проблемы

Абдрахманов Константин Алексеевич, студент, Орский гуманитарно-технологический институт, (филиал) Оренбургского государственного университета, г. Орск; e-mail: kostya.abdrakhmanov@mail.ru.

и особенности процесса формирования гражданского общества. К таким исследованиям относится докторская диссертация Н. А. Невоструева «Образование и развитие элементов российского гражданского общества на Урале во второй половине XIX — начале XX вв.». Историк рассматривает такие проявления гражданской активности на поприще общественной жизни, как деятельность просветительских, культурных, благотворительных организаций и участие в ней земских учреждений. Несмотря на то, что территориальные рамки указанной работы охватывают Средний, а не Южный Урал (Вятская и Пермская губернии), автор подтверждает общие черты в формировании гражданского общества в нашей стране: «В России процесс формирования основ гражданского общества инициируется государственной властью, в ходе земской и городской реформы 60–70-х гг. XIX в., что обеспечивало ей контроль над происходившими процессами в стране и удерживало новые учреждения от вхождения в политическую сферу» [8, с. 3].

Е. Ю. Казакова-Алкаримова в своей работе «Формирование сферы гражданской деятельности в уральском городе во второй половине XIX — начале XX в.» рассматривает на региональном материале процесс демократизации и формирования гражданской культуры горожан. Территориальные рамки ее работы охватывают границы Пермской губернии («самой обширной губернии Уральского региона с наибольшим количеством городов») [3, с. 10]. Заслуживает внимания ключевой вывод автора о том, «что в условиях существования самодержавного государства в России доминирующей была патерналистская модель взаимоотношений гражданского общества и государства» [3, с. 15]. Исследователи солидарны, указывая на главное отличие процессов формирования гражданского общества в России и на Западе, которое заключается в инициировании в нашей стране этого феномена «сверху».

Во второй половине XIX — начале XX вв. из-за отсутствия жесткого контроля со стороны правительственных структур и, даже напротив, в условиях поощрения государством благотворительность была наиболее распространенной формой общественной деятельности. Изучение данной проблемы в масштабе рассматриваемого нами региона представлено в диссертации О. М. Мокроносовой «Благотворительные организации во второй половине XIX — начале XX вв.: на материалах Южного Урала». В своей работе автор, рассматривая взаимоотношения государства и благотворительных организаций, подтверждает, что благотворительностью может считаться не только деятельность частных лиц, но и общественных организаций, «на особых основаниях управляемых» [7, с. 4]. Однако исследователем особо подчеркивается возможность и степень участия в этом процессе государства. Эффект от деятельности благотворительных

обществ на Южном Урале, по мнению автора, проявился в том, что он усилил порожденные реформами 60-х гг. XIX в. перемены в общественном сознании страны, дал импульс к осознанию обществом и отдельными индивидами своей ответственности, наряду с государством, за судьбы граждан России.

Важность существования в России, в том числе на Южном Урале, кооперации как одной из форм общественной активности обосновал в своей диссертации «Кооперация на Южном Урале во второй половине XIX — начале XX в.» Д. А. Ковылин. Ученым подчеркивает значимость участия кооперации в деле просвещения народных масс и акцентирует внимание на развитии кооперативного движения в сельской местности. Экономическая целесообразность организации кооперативов в условиях преимущественно аграрного региона, по словам автора, заключалась в содействии кооперации «росту сельскохозяйственного производства, улучшению снабжения населения товарами по умеренным ценам и высокого качества, возрождению народных промыслов и традиций, снятию социальной напряженности в крае» [4, с. 15].

Произошедшие в 90-х гг. XX в. изменения в духовной жизни страны возродили интерес ученых к участию церкви в общественной жизни. Эту тему разработала А. В. Власова в своей докторской диссертации «Социальная деятельность Русской православной церкви на Урале во второй половине XIX — начале XX в.» [2]. Автор рассматривает взаимодействие церкви как традиционного социального института с новаторским, каким явились общественные организации, отводя первой роль арбитра между государством и обществом. Создаваемые церковью общественные организации в основном занимались благотворительностью, но были и такие, которые имели своей целью борьбу с пьянством среди населения. Автор считает одним из основных достижений созданных церковью общественных организаций реализуемое ими, совместно со светскими ячейками гражданской инициативы, сокращение государственного присутствия в социальной сфере.

В настоящее время ведутся исследования развития книжной культуры региона и степени участия в этом процессе общественных организаций. В кандидатской диссертации Е. С. Бурлаковой «История библиотек Южного Урала: вторая половина XVIII — начало XX в.» описываются все виды существовавших тогда библиотек, роль общественных организаций в их открытии и деятельности. По мнению автора, «особенность формирования народных библиотек Южного Урала второй половины XIX — начала XX в. заключалась в значительной роли казачьих библиотек, библиотек Комитетов попечительства о народной трезвости и земских органов управления» [1, с. 10]. Общества трезвости пытались предложить альтернативу

употреблению спиртных напитков, популяризируя в обществе такой вид досуга, как чтение книг. В работе также говорится о частных инициативах по организации платных коммерческих библиотек для состоятельной части населения. Автор полагает, что степень участия общественных организаций региона в просветительской деятельности зависела от успехов процессов урбанизации и экономического развития региона в целом. Исходя из этого, Е. С. Бурлакова констатирует, что просветительская деятельность общественных организаций Южного Урала развивалась в русле общероссийских тенденций, но со значительным отставанием. Это обуславливалось более поздним по сравнению с центральной Россией освоением края, неровными темпами экономического развития и административных преобразований региона, разным по времени введением института земства и городского самоуправления.

Тема книжной культуры и библиотечного дела на Южном Урале во второй половине XIX — начале XX вв. вообще пользуется большой популярностью у современных ученых. Представляет интерес диссертация Л. М. Массеровой «Библиотечное обслуживание инационального населения Оренбургской губернии (вторая половина XIX — начало XX в.)», в которой анализируется участие религиозных и светских благотворительных организаций в приобщении к книжной культуре представителей разных этносов и конфессий [6]. Исследователь приходит к выводу, что общественные организации культурно-просветительского профиля, целью которых было содействовать сохранению у многонационального населения края самобытных традиций, способствовали контактам народов и культур Оренбуржья на основе толерантности и взаимоуважения.

Традиционно высок интерес южноуральских историков к другим проявлениям культурной жизни региона. В диссертации В. А. Колесниковой «Культурно-художественная жизнь населения Оренбургской губернии во второй половине XIX — начале XX вв.» [5] анализируется степень готовности к восприятию населением Оренбуржья новшеств в области досуговой, театральной и художественной культуры, подъему которой способствовали Великие реформы 60-х гг. XIX в., рассматривается деятельность общественных организаций и личная инициатива отдельных общественных деятелей в этой сфере. Историк рассматривает процесс формирования художественной культуры среди населения Южного Урала как результат совместных усилий общественной инициативы и властных структур. Оренбург, как губернский город, находился в авангарде адаптации социокультурных инноваций и передачи передового культурного опыта другим соседним поселениям.

В диссертации К. А. Тухватулиной «Театральная культура Южного Урала конца XIX — первой трети XX в.» анализируется деятельность

представителей художественной интеллигенции в области развития провинциального театра. Исследователем оценивается деятельность таких организаций, как театральное агентство Е. Н. Рассохиной, Русское театральное общество (РТО) и профсоюз работников искусств — Рабис [11, с. 8].

Популярным в постсоветский период стал гендерный подход к истории общественных организаций. В докторской диссертации Р. Н. Сулеймановой «Женщины в общественно-политической жизни Башкирии XX в.» объектом исследования стали женщины Башкирии, представительницы всех национальностей, проживающие на территории края, прежде всего, собственно башкирки [10, с. 4]. Исследование фокусируется на наиболее традиционной и самой распространенной сфере приложения женских гражданских инициатив — благотворительных обществах. Основным достижением первых женских общественных организаций Р. Н. Сулейманова считает приходящее к их участницам, по мере втягивания в орбиту гражданской деятельности, осознание того, что для преодоления бесправного положения женщин необходимо повышать их образовательный уровень (как следствие, в этот период разворачивается широкая кампания по решению вопросов женского просвещения).

В основе трудов Е. Г. Подгайко также лежит гендерный подход. В ее кандидатской диссертации «Повседневная жизнь женщин в городах Южного Урала в конце XIX — начале XX вв.» основной упор делается на изучение моделей поведения и деятельности женщин в меняющихся социально-экономических условиях. Участие женщин в общественной жизни, как подчеркивает автор, было одной из важных сторон их повседневного бытия, поэтому в диссертации довольно подробно описываются такие традиционные для женщин проявления гражданской инициативы, как организация благотворительных и культурно-просветительских обществ. В работе также содержатся выводы о влиянии различных внутри- и внешнеполитических факторов на уровень гражданской активности женщин: «Общественная активность женщин заметно усиливалась в периоды значимых внешне- и внутривнутриполитических событий, таких как русско-японская война 1904-1905 гг., революция 1905–1907 гг. или Первая мировая война, поскольку в такие моменты, с одной стороны, у женщин из разных слоев городского населения появлялось больше возможностей реализовать себя на общественном поприще, а, с другой стороны, именно во время войн и революций обострялись многие проблемы, так или иначе затрагивавшие женщин» [9, с. 23].

В публикациях Е. Г. Подгайко на материалах Южного Урала показано, что именно в городах с их особой социальной организацией происходил процесс формирования сферы гражданской деятельности. Исследователь выделяет город как особый «полигон» для апробации и внедрения

в повседневную жизнь инноваций в области научно-технического прогресса и культурно-просветительской мысли, что не могло не сказываться на менталитете горожан.

В большей части других исторических трудов, освещающих деятельность общественных организаций на Южном Урале в рассматриваемое время, ученые исследуют их историю в масштабе всего региона. Наиболее изученными являются религиозные, благотворительные и отдельные виды культурно-просветительских организаций, а также феномен кооперации на Южном Урале. Что касается степени исследованности истории общественных организаций Южного Урала второй половины XIX — начала XX в. в территориальном разрезе, то здесь наблюдается известная диспропорция: наименее исследована их история в границах современных Оренбургской и Курганской областей, успешнее обстоит дело с территориями, охватываемыми ныне Челябинской областью и Республикой Башкортостан. Кроме того, следует признать, что в современной историографии отсутствуют работы комплексного, обобщающего характера по истории общественных организаций на Южном Урале во второй половине XIX — начале XX в.

Библиографический список

1. Бурлакова Е. С. История библиотек Южного Урала: вторая половина XVIII — начало XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2010. 14 с.
2. Власова А. В. Социальная деятельность Русской православной церкви на Урале во второй половине XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Ижевск, 2011. 30 с.
3. Казакова-Апкаримова Е. Ю. Формирование сферы гражданской деятельности в уральском городе во второй половине XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Екатеринбург, 2011. 30 с.
4. Ковылин Д. А. Кооперация на Южном Урале во второй половине XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2002. 21 с.
5. Колесникова В. А. Культурно-художественная жизнь населения Оренбургской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2003. 25 с.
6. Массерова Л. М. Библиотечное обслуживание инонационального населения Оренбургской губернии (вторая половина XIX — начало XX в.). автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2014. 24 с.
7. Мокроносова О. М. Благотворительные организации во второй половине XIX — начале XX вв.: на материалах Южного Урала. автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2002. 29 с.
8. Невоструев Н. А. Образование и развитие элементов российского гражданского общества на Урале во второй половине XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Пермь, 2006. 22 с.
9. Подгайко Е. Г. Повседневная жизнь женщин в городах Южного Урала в конце XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2013. 26 с.
10. Сулейманова Р. Н. Женщины в общественно-политической жизни Башкирии XX в.: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Екатеринбург, 2011. 24 с.
11. Тухватулина К. А. Театральная культура Южного Урала конца XIX — первой трети XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2010. 14 с.

СТИХИЙНАЯ ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

В статье рассматриваются проблемы развития системы местного самоуправления в Пермской губернии под влиянием Февральской революции 1917 г. Именно в это время органы местного самоуправления стали играть существенную роль в жизни региона. Архивные материалы и периодическая печать этого времени содержат уникальную информацию о политической работе земства и городских дум, о политических настроениях гласных в условиях революции, в частности, о восторженном отношении к Февральской революции, полной поддержке Временного правительства. После свержения самодержавия значительно расширяются полномочия земств и городских дум. Одним из главных показателей этого становится стихийная демократизация органов местного самоуправления, произошедшая еще до официальной реформы Временного правительства.

Ключевые слова: *местное самоуправление, локальная история, земство, городская дума, демократизация.*

В современной ситуации в России и в мире как никогда актуальна проблема построения правового гражданского общества. Особенно остро стоят проблемы, связанные с поиском наиболее эффективных форм и методов регионального управления. В условиях построения и укрепления государственной «вертикали» власти огромное значение приобретают взаимоотношения местного самоуправления и центральной власти. Существующие в настоящее время в российских регионах многочисленные проблемы и противоречия на уровне местного самоуправления и государственной власти говорят о том, что процесс выработки нового механизма для взаимодействия между органами управления общероссийского и локального уровней еще не завершен. В связи с этим особый научный и практический интерес приобретает проблема изучения политической деятельности органов местного самоуправления, особенно период их демократизации в 1917 г.

Долгое время в отечественной историографии этой проблеме, в силу ее идеологической «взрывоопасности», не уделялось должного внимания. Лишь уход от идеологического единообразия в конце XX в. позволил исследователям расширить круг изучаемых проблем, разнообразить методологическую базу исследований. Изменилось отношение к самой идее самоуправления, стали создаваться благоприятные условия для ее обстоятельного и всестороннего изучения [См.: 1, 4, 13]. Появились работы,

Тетерин Вадим Игоревич, старший преподаватель, Пермская государственная сельскохозяйственная академия им. Д. Н. Прянишникова, г. Пермь; e-mail: teterinvi@gmail.com.

ставящие своей целью отразить региональные особенности деятельности органов местного самоуправления [См.: 3]. Однако по-прежнему недостаточно внимания уделяется региональным аспектам демократизации органов местного самоуправления в 1917 г.

События Февральской революции 1917 г. в Пермской губернии были во многом неожиданными. В отличие от первой русской революции 1905–1907 гг., когда в губернии наблюдалась повышенная активность самых разных общественных классов и групп, в последних числах февраля 17-го года, когда в Петрограде происходили решающие события, в Перми всё было спокойно.

Органы местного самоуправления, будучи средоточием оппозиционных власти общественных сил, оплотом либерализма, пытались выйти за рамки чисто хозяйственной деятельности. Вся их работа была перестроена на нужды войны. К началу 1917 г. всё чаще на заседаниях земств и городских дум звучали вопросы политического характера. Власть всячески пресекала эти попытки. Так, в феврале губернатор отдал распоряжение отстранить от дел за антиправительственную деятельность и предать суду председателя Пермского военно-промышленного комитета А. Е. Ширяева, будущего городского голову [14, с. 15].

Сообщения о событиях в Петрограде оказались неожиданностью для Пермского губернского начальства. Местная власть была растеряна и не знала, что делать. В отчетах Министерства внутренних дел было зафиксировано, что губернатор и вице-губернатор восприняли телеграмму как провокацию, и поскольку никаких официальных сообщений не поступало, ее решили скрыть. Несмотря на эти ухищрения, информация была получена местными органами самоуправления. Городская дума Перми объявила об организации новой власти в Пермской губернии. Гласные городской думы и представители общественных организаций составили Комитет общественной безопасности, который и взял власть в свои руки. Экстренно было созвано совещание по поводу происходящих чрезвычайных событий [5, л. 6]. Однако внести полной ясности в ситуацию никто не мог. Телеграммы, приходящие из центра и городов губернии, только усиливали сумятицу. Лишь получив телеграмму с актом отречения Великого Князя Михаила Александровича и манифестом о передаче всей полноты власти князю Г. Е. Львову, пермский губернатор М. А. Лозина-Лозинский сложил с себя полномочия, передав себя в полное распоряжение Временного правительства и Учредительного собрания [17, с. 48].

5 марта была получена телеграмма о передаче власти на местах губернским комиссарам: «Временное правительство признало необходимым временно устранить губернатора и вице-губернатора от исполнения обязанностей по этим должностям. Управление губернией возлагается

на председателя губернской земской управы, которому благоволите сдать должность» [15]. На следующий день состоялась торжественная передача власти бывшим губернатором, действительным статским советником М. А. Лозина-Лозинским и вице-губернатором надворным советником Л. В. Лыщинским-Троекуровым комиссару Временного правительства председателю земской управы Е. Д. Калугину, что и было отражено в соответствующем акте.

Сразу после Февральской революции начался процесс демократизации органов местного самоуправления. Предпосылки к этому были заложены еще в царское время. После первой русской революции, по точному определению Дж. Бэрбанк, начинается период «буржуазной законности» («bourgeois legality») [18, Р. 33]. Однако только революция смогла создать условия для притока в органы местного самоуправления новых демократических сил.

Весной 1917 г. демократизация стихийно началась в ряде уездов и городов Пермской губернии. Так, например, Екатеринбургская городская дума в ходе чрезвычайного заседания 7 марта 1917 г. одобрила проект расширения состава гласных думы за счет демократических элементов, не имеющих ценза [8, л. 2–5; 11, л. 21–22]. В Соликамске городское самоуправление значительно пополнилось интеллигенцией, особенно сельским учительством, что, в свою очередь, ослабило влияние цензовых элементов. Впервые в составе думы, еще до выборов, появляется женщина — А. И. Нечаева, представительница партии меньшевиков [2, с. 25].

Земство также начало процесс демократизации. Например, в Красноуфимском уезде был значительно расширен его состав. До революции уездное земство здесь состояло из 18 гласных, из которых 10 — от городских цензовых элементов, 8 — от сельских обществ. В действительности же, на сессии собиралось еще меньше. Сразу после революции были добавлены представители от городского самоуправления и 40 волостей уезда. В новом составе земства было уже 55 гласных. Вдвое выросло представительство в губернском земстве [12, с. 5]. Относительно поздно демократизация произошла в Камышловое. Здесь только 10 апреля в состав местного уездного земства были включены представители общественных организаций и волостей. Число гласных в результате достигло 102 чел, из них 88 обладали решающим правом голоса [9, л. 4]. В других уездах ситуация развивалась аналогичным образом. Губернский комиссар А. Е. Ширяев даже разослал по уездам телеграмму от 17 апреля 1917 г. с призывом пополнить состав гласных уездного земства новыми демократическими элементами на 100% и в два раза увеличить представительство в губернском земстве [17, с. 69].

Однако были и органы самоуправления, которые не стали инициаторами расширения состава гласных за счет демократических элементов.

Так, например, на предложение Губернского комиссара Временного правительства о введении новых членов, не имеющих имущественного ценза, Далматовское городское общественное управление ответило отказом, ссылаясь на ожидание в апреле 1917 г. указа Временного правительства о новых выборах на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования [6, л. 1]. Такие же сообщения приходили из Верхотурья [7, л. 1]. В Ирбите вопрос о расширении состава гласных впервые был поднят на совещании городской думы 23 марта. В результате оживленных прений несогласные даже покинули думу. Не набрав кворума, «частным порядком» было решено отложить расширение состава собрания до проведения выборов [10, л. 36–37].

Демократизацию земств оценили даже большевики. На одном из заседаний Лысьвенской партийной организации РСДРП обновленное земство было охарактеризовано как «явление благоприятное в том отношении, что каждое местечко, каждый маленький уезд будет иметь свое самоуправление, и в это новое самоуправление войдут все слои населения, независимо от цензового благосостояния, а так же не будут применяться те драконовские ограничения, которые применялись раньше при выборе в земство» [16, л. 19]. На том же заседании было озвучено решение о принятии энергичных мер по выборам в местное земство. Такая активность со стороны партии большевиков еще раз наглядно подтверждает высокую значимость земств в жизни общества.

В результате первого этапа демократизации, когда земства и городские думы сами приняли решение ввести в состав гласных демократические элементы, значительно меняется состав органов местного самоуправления. За счет представителей волостей резко возросло количество крестьян. В городах преобладать начинают мещане. Число «старых», избранных до событий февраля 1917 г., гласных на их фоне было уже незаметным. В партийном отношении весной 1917 г. еще не было четкого разделения. Большинство считало себя беспартийными. Те же, кто указывал принадлежность к партии, были в основном эсерами.

Библиографический список

1. Абрамов В. Ф. Российское земство: экономика, финансы и культура. М., 1996. 166 с.
2. Бакулин В. И. Соликамский (Усольский) уезд в 1917-1919 гг. Соликамск, 1995. 98 с.
3. Богатырева О. Н. Эволюция системы местного самоуправления в Вятской и Пермской губерниях (1861 — февраль 1917). Екатеринбург, 2004. 458 с.
4. Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. М., 1990. 262 с.
5. ГАПК. Ф. 404. Оп. 1. Д. 2.
6. ГАПК. Ф. 43. Оп. 2. Д. 11.
7. ГАПК. Ф. 43. Оп. 2. Д. 12.
8. ГАПК. Ф. 43. Оп. 2. Д. 5.
9. ГАСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 64.
10. ГАСО. Ф. 644. Оп. 1. Д. 294.

11. ГАСО Ф. 8. Оп. 1. Д. 2018.
12. Красноуфимский земский листок. 1917. 15 мая. № 2.
13. Лаптева Л. Е. Земские учреждения в России. М., 1993. 133 с.
14. Обухов Л. А. Предисловие // 1917 г. в Пермской губернии: Сб. документов. Пермь, 2007. С. 14–26.
15. Пермская жизнь. 1917. 7 марта. № 368.
16. Пермский государственный архив новейшей истории. Ф. 90. Оп. 4. Д. 796.
17. 1917 г. в Пермской губернии. Сб. документов. Пермь, 2007. 220 с.
18. Burbank J. Lenin and the Law in Revolutionary Russia // Slavic Review. 1995, Spring. Vol. 54, No. 1. P. 23–44.

УДК 94 (470)

К. И. Зубков

РОССИЙСКАЯ ПОЗДНЕИМПЕРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ТРУДАХ УЧЕНЫХ – ИДЕОЛОГОВ МОДЕРНИЗАЦИИ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX В.)*

В статье анализируется комплекс идей виднейших представителей российской науки рубежа конца XIX – начала XX в., затрагивавший проблему геополитического и культурно-цивилизационного самоопределения России на этапе ее ускоренной капиталистической модернизации. Доказывается, что вступление России в новую фазу своего развития сопровождалось ростом национального самосознания, стремлением передовой части русского общества отстоять самобытный, отвечающий условиям страны путь прогрессивного развития. Взгляды русских ученых на проблему российской идентичности были неотделимы от вопросов роли и места науки в преобразовании России. Одновременно позиции русских ученых запечатлели важный идеологический сдвиг, связанный с отходом от слепого, подражательного европеизма и утверждением идеи особого культурно-цивилизационного облика и исторического призвания России.

Ключевые слова: *модернизация, наука, идентичность, Россия, Европа, цивилизация.*

Рубеж XIX–XX вв. – период, когда, в связи с ускорением темпов капиталистической модернизации, Российская империя переживала глубокие трансформации, затронувшие многие сферы государственной и общественной жизни. Под внешней оболочкой традиционной формы правления и идеологического официоза, выражавшего идеи благотворности для России самодержавного абсолютизма в его первозданной неизылемости (К.П. Победоносцев, В.А. Катков, Д.А. Толстой), общественно-политическая жизнь страны в этот период была далека от монотонности и приобретала все более богатый политическими оттенками и культурными смыслами, дискуссионно-полемичный характер. В дискурс волновавших русское общество вопросов о выборе дальнейшего

Зубков Константин Иванович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: zubkov.konstantin@gmail.com.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ НШ-3422.2014.6.

пути развития России и наилучших для нее формах прогресса всё более активно вторгалась и проблема идентичности — геополитического и культурно-цивилизационного самоопределения страны в быстро меняющемся, модернизирующемся мире. Помимо ее значения в качестве укрепляющей общественную солидарность и духовно-мобилизующей силы, идентичность, в сугубо прагматическом ключе, была в этот период объективно связана с выбором модели модернизации. Это подразумевало не только ориентацию на какой-либо внешний образец для подражания и копирования, но и обретение достаточной политической и духовной зрелости для выработки самостоятельного (и, по определению, самокритичного) взгляда на насущные задачи обновления России, т.е. органично для страны, национально-самобытного пути развития.

В рассматриваемый период активными участниками, а подчас и инициаторами, общественных дискуссий и умственных исканий, касающихся проблем идентичности России, становятся видные русские ученые. Эта их роль — не только высококомпетентных профессионалов, но и неравнодушных к политическим вопросам общественных деятелей — была, на наш взгляд, предопределена несколькими факторами. Во-первых, это — раскрепощение и развитие гражданской общественной сферы, вызванное «Великими реформами» 1860-х — 1870-х гг. Попытки «подморозить» эту бурную активность в ходе контрреформ 1880-х гг. не только принципиально не изменили общественного настроения на преобразования, но и внесли дополнительные штрихи в общественные дискуссии, предложив, помимо широко разделявшейся передовыми кругами русского общества либеральной идеи прогресса, более прагматичный консервативный, постабсолютистский вариант трансформации общественных структур с удержанием общего вектора на модернизацию. Во-вторых, выход ученых на арену общественной деятельности, безусловно, связан в этот период с принципиально новой ролью науки в условиях развернувшейся в мире «второй промышленной революции» (последняя треть XIX — первая треть XX вв.). Научные знания теперь являлись не побочным и во многом случайным результатом удачных открытий и изобретений, сопровождавших индустриальное развитие, но выступали в качестве основы опережающей разработки и проектирования эффективных технико-технологических решений для производственно-экономической сферы [4, с. 68]. В-третьих, динамичный процесс модернизации с конца XIX в. локализовался уже не только в узкой группе стран «первого эшелона», представляющих западную цивилизацию (Западная Европа, США), но охватил также страны мировой периферии, в том числе культурные государства Востока (Япония, Китай), которые, широко заимствуя технологический опыт Запада, осуществляли преобразования вполне самобытно — с опорой

на свои традиционные институты. В связи с этим вопрос о выборе оптимальной стратегии модернизации уже не сводился к механическому копированию западного опыта, но превращался в сложную проблему, требующую взыскательной и углубленной научной экспертизы, учета множества факторов и условий развития — как экзогенных, так и эндогенных.

Творчество ряда выдающихся русских ученых в рассматриваемый период отчетливо отражало крепнущую и становившуюся всё более органичной связь принципиальных вопросов развития науки в России с проблемой российской идентичности – обретением страной собственного самосознания, понимания не только своего места в мире, но и собственного исторического предназначения. Новый взгляд на задачи науки в преобразовании России был характерен, например, для В.В. Докучаева, выдающегося русского ученого-почвоведа, создателя всемирно известной научной школы почвоведения. Говоря о XIX в. как «веке естествознания», отмеченном эпохальными научными открытиями, Докучаев, вместе с тем, видит принципиальный недостаток всей предшествующей науки в том, что ею, как правило, в соответствии с разделением на области познания, изучались «отдельные тела» и «отдельные стихии», что придавало научному знанию несколько отвлеченный и малопрактичный характер. По мысли Докучаева, на новом этапе развития науки ее предметом должна существующая между природными телами и стихиями «генетическая, вековечная, и всегда закономерная, связь», которая только и составляет «сущность познания естества». Эти «соотношения» природных сил (включая результаты деятельности человека) носят всегда конкретный, часто уникальный характер, соотносятся с обстоятельствами места, а потому и современная наука, не утрачивая своего фундаментального характера, должна быть, по возможности, нацелена на разрешение жизненно важных для человечества практических вопросов, связанных с конкретностью тех или иных местных сочетаний природных факторов [3, с. 5]. Придерживающееся комплексного «естественно-исторического» подхода почвоведение для Докучаева как раз и являлось таким идеалом науки новейшего времени. Ученый выводил из научных задач почвоведения целую программу изучения, рачительного использования и сбережения почв России как ее наиболее ценного достояния – особенно ценнейших черноземов, которые для страны «дороже всякой нефти, всякого каменного угля, дороже золотых и железных руд» [3, с. 19]. Отсюда и непреложное требование, которое Докучаев предъявлял не только российской науке, но и российскому самосознанию: они должны развиваться с ясным пониманием своеобразия природных и социально-исторических условий России и руководствоваться результатами собственных научных исследований и исканием собственной пользы. Ученый беспощадно критиковал умственное

раболепие русской аграрной науки, проявившееся в бездумно-механическом перенесении приемов «немецкой агрономии», выросшей на бедных подзолистых почвах Пруссии, на различные почвенно-климатические и аграрно-производственные зоны России. Этой порочной практике Докучаев противопоставлял необходимость внимательно изучать почвенные условия страны и «выработать свои агрономические приемы и методы, строжайшим образом приспособленные к местным условиям, как почвенным и климатическим, так и бытовым и экономическим» [3, с. 18].

К этой позицией были близки взгляды другого выдающегося русского ученого В.И. Вернадского, одного из последних энциклопедически образованных людей своей эпохи. Учившийся у В.В. Докучаева, Д.И. Менделеева, А.Н. Бекетова, В.И. Вернадский не только проявил свой гений в разных областях научного знания — геологии, минералогии, геохимии, почвоведения, биологии и др. — и в философии (знаменитое учение о ноосфере), но и известен своими глубокими работами по истории русской науки. Для Вернадского изучение исторического пути, пройденного русской наукой со времен Петра I и М.В. Ломоносова, — повод к размышлениям о роли и месте науки в экономическом и культурном преобразовании современной ему российской действительности. Считая науку интернациональным феноменом, достоянием всего человечества, Вернадский, вместе с тем, полагал, что в начале XX в. ее успехи в конкретных странах — это неперемное «условие общественной силы», а значит, и важная часть «национального самосознания». «Сила русского общества и мощь русского государства, — писал он в 1911 г. — тесно и неразрывно связаны с напряжением научного творчества нации» [1, с. 61]. Однако, по мнению ученого, наука — это та область русской культуры, осознанная поддержка которой со стороны правительства и общества проявилась меньше всего. Вернадский вел речь не только о нищенском материальном уровне поддержки науки, но и о присущих русскому обществу отсталых, непрактичных установках в отношении научного творчества. Ученый подвергал критике не только равнодушие правительства к нуждам науки, но и отстраненную позицию русской интеллигенции по отношению к практически важной для прогресса России задаче изучения естественных производительных сил, ее ресурсной базы: «... Русская интеллигенция оказалась совсем не подготовленной ответить на этот вопрос. Она не знала ресурсов своей страны, она жила в своей стране вне сознательной связи с тем неизбежным нервом всякого богатства, с источником той энергии, который питает и дает возможность развернуться духовным силам народа. Она была от него духовно оторвана. Она даже не сразу поняла значение того вопроса который поставила перед ней история» [1, с. 338]. Полагая, что «использование естественных производительных сил есть

основной элемент жизни культурного человечества» [1, с. 333], Вернадский предвидел, что условием движения России по пути экономического прогресса должно стать принципиальный сдвиг в национальном самосознании, связанный с изменением отношения к науке и практическому использованию ее достижений. Его личным вкладом в решение этой проблемы стало создание в тяжелых условиях Первой мировой войны, в 1915 г., Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), в которой Вернадский стал первым председателем [1, с. 318].

Проблема трансформации российской идентичности на рубеже XIX–XX вв. приобретала особую остроту в контексте выбора ориентиров геополитического и культурно-цивилизационного самоопределения страны. В то время как либерально настроенная интеллигенция (в том числе и научная) продолжала видеть в экономических, культурных и социально-политических достижениях европейских демократий пример, которому должна следовать Россия, настроения, связанные с укреплением чувства национального достоинства и отходом от слепого преклонения перед Европой, становились все более определенными. Эту позицию замечательно выразил в своей речи на смерть императора Александра III в октябре 1894 г. выдающийся русский историк В.О. Ключевский. Отмечая достижения царствования почившего монарха, Ключевский подчеркнул свершившийся при Александре III «глубокий перелом, в высшей степени важный для судеб цивилизации» – перелом в отношениях России и Европы. Суть этого перелома, по Ключевскому, – в том, что привыкшая видеть в России «авангард азиатского варварства, вечную угрозу европейской цивилизации», сама Европа, оказавшись ослабленной перед лицом небеспеченности мирного развития и угрозы большой войны, вынуждена считаться с уверенным движением России по пути реформ и экономического прогресса, ее растущей силой. Европа в новых условиях вынуждена видеть в лице России уже не чуждый ей придаток, но важного гаранта «международного мира и порядка». «Европа призналась, – отмечал Ключевский, – что страна, которую она считала угрозой своей цивилизации, стояла и стоит на ее страже, понимает, ценит и оберегает ее основы не хуже ее творцов; она признала Россию органически необходимой частью своего культурного состава, кровным, природным членом семьи своих народов» [5, с. 5–6].

Вместе с тем, в рассматриваемый период среди виднейших представителей русской науки с не меньшей определенностью проявила себя тенденция связывать новый этап модернизации России с обретением ею своей подлинной, вполне самобытной культурно-цивилизационной сущности. Эта позиция была особенно сильна среди ученых и общественных деятелей, связывавших идею ускоренного индустриального прогресса

страны со сдвигом «центра тяжести» ее экономики, населения и культуры на восток — в глубинные континентальные области Евразии. Эти мыслители, которых можно считать предшественниками «евразийцев» 1920-х гг., обоснованно полагали, что именно такая пространственная ориентация развития будет наилучшим образом соответствовать географическому местоположению России как «срединной» материковой мас-се, соединяющей Европу и Азию, и ее исторической миссии, сформированной многовековой традицией колонизации евразийских пространств. В новых условиях этот вектор развития должен был не только подчеркнуть и укрепить идею цивилизационной самобытности России, но и повысить геополитическую устойчивость всего ее государственного здания перед внешними вызовами со стороны как Запада, так и Востока.

К числу таких геополитически мыслящих ученых — поборников ускоренной индустриализации России — в первую очередь следует отнести Д.И. Менделеева. В 1896 г., определяя Россию как страну со «средней» степенью промышленного развития, Менделеев считал ее «среднее» географическое положение между плотно населенными, индустриально развитыми странами Запада и еще более многочисленными, вступающими на путь промышленного прогресса странами Востока (Япония, Китай, Индия) крайне уязвимым, если оно не будет дополнено соответствующим ростом индустриального могущества, в первую очередь, в географической сердцевине страны. России, испытывающей возрастающее давление с запада и востока, как считал ученый, «промышленный и всякий иной прогресс... обязательнее, чем множеству других стран» [8, с. 147].

Фактором, лимитирующим развитие страны в этом направлении, Менделеев считал узость сложившейся территориальной базы промышленного роста. Столь необходимый России рост фабрично-заводской промышленности для многих ее частей представлял, по существу, совершенно новую задачу развития, поскольку, по наблюдению ученого, области «чисто промышленного, т.е. наиболее сложного и развитого быта» в стране ограничивались окрестностями Москвы, Петербурга, Риги и Варшавы — немногих центров, выросших на путях тесного общения с Европой. На остальной территории страны можно было наблюдать «поучительное сочетание частей во всех периодах развития», в том числе громадных пространств, переживающих лишь начальные ступени экономической жизни (охотничий быт племен Крайнего Севера и Сибири, кочевой быт степняков, чисто аграрный тип экономики «в еще немалой части Великой, Малой и Новой России»). Коренное несовершенство территориальной организации российской экономики Менделеев видел в резком территориальном контрасте сложившихся пропорций экономики: на одном полюсе — густо населенные, оплодотворенные культурой и ранним

приобщением к промышленному укладу области центра и севера Европейской России, на другом — еще только колонизируемые, малонаселенные, но богатые плодородными землями и природными ресурсами окраины (Юг, Кавказ, Урал, Сибирь). Движение промышленности на окраины с их земельным простором и громадными «запасами природных материалов», по Менделееву, не сводится к простому ее рассеянию по территории страны: исключительно удачное сочетание в новых районах всех основных факторов производства способно было сделать их промышленное развитие «наиболее плодородным и выгодным для всей страны», придать индустриальному прогрессу новое качество роста [8, С. 42, 44].

Представления Менделеева о первоочередных задачах развития страны были во многом созвучны взглядам его покровителя, выдающегося русского реформатора С.Ю. Витте. «Система Витте» – стратегия индустриального прорыва, предложенная Витте Николаю II в 1899 г., — также учитывала специфику географического положения Российской империи между Европой и Азией, рассматривая его как основу структурного маневра, посредством которого возможно было обеспечить соединение дешевых капиталов из развитых стран Европы и богатых, еще не затронутых развитием ресурсов внутренней России для общего подъема русской промышленности. Витте полагал, что зависимость России от промышленного импорта с Запада вполне обрекала бы ее на положение колониальной страны, если бы не полновесный государственный суверенитет, который позволяет стране, твердо придерживаясь политики протекционизма, заместить приток товаров из-за границы иностранными инвестициями, для которых именно в восточных областях России открывался самый широкий простор. Движение в Азию, как считал Витте, было жизненно необходимым для быстрого развития русской промышленности, поскольку приближало ее к неосвоенным азиатским рынкам, где Россия могла выступать как промышленная европейская держава, и именно за счет этого, по мнению Витте, «наши нынешние потери в европейской торговле могут заместиться выигрышами в азиатской» [2, с. 177, 180].

Позднее фокус внимания к азиатским окраинам был резко усилен русско-японской войной 1904–1905 гг. Эта война служила для Менделеева ясным указанием на то, что начатое Александром III строительство Великой Сибирской железной дороги, связавшей коренную Россию с берегами Тихого океана, есть лишь начальная фаза необходимого в связи с обострившейся мировой борьбой заселения и промышленного обустройства пустынных восточных окраин [7, с. 200]. Менделеев считал, что борьба России за возможность закрепиться «на теплом и открытом море» при сознании «великого будущего на берегах Тихого океана» и в условиях усиливающегося демографического давления соседних стран Дальнего

Востока глубоко трансформирует ее историческое призвание и ее судьбу как цивилизации. Этот сдвиг потребует с новой силой приведения «к равновесию центробежной нашей силы с центростремительной» и особой готовности к военным испытаниям, требующей заселения и обустройства не только дальневосточных, но и прилегающих к географическому центру страны юго-восточных (Кавказ, Средняя Азия) и зауральских частей империи [7, с. 203]. Уже в марте 1904 г., в самом начале русско-японской войны, Менделеев обратил также внимание на стратегическое значение Арктики и необходимость развития навигации по Северному Ледовитому океану для обеспечения кратчайшей резервной линии транспортной связи с побережьем Тихого океана [7, с. 197–198].

Решительно ратовал за расширение баз сосредоточения населения и промышленности в направлении географического центра России и за выравнивание культурно-экономических потенциалов ее европейской и азиатской частей известный географ В.П. Семенов-Тянь-Шанский. В своем учении о «могущественном территориальном владении» России ученый развивал мысль о «чрезматериковой» протяженности России «от моря до моря» как основе завершенности и устойчивости ее геополитической структуры. Цивилизационную специфику России как колонизирующейся страны он в этом отношении соотносил со спецификой крайнего ответвления западной цивилизации — Америкой. Однако, в отличие от Соединенных Штатов Америки, где устойчивая территориальная структура формировалась на основе продолжающегося колонизационного процесса, заполняющего пространство между двумя усиленными полюсами развития — Атлантическим и Тихоокеанским, в России «колонизация имеет вид постепенно суживающегося, зазубренного меча, тончающего и слабеющего на своем восточном конце, вклинившегося между суровыми в климатическом отношении территориями севера Азии и исконными землями самого обширного государства желтой расы». В случае военного конфликта, как отмечал Семенов-Тянь-Шанский, «очень легко обрубить конец такого меча», уничтожая тем самым всю систему «от моря до моря» [9, с. 144–145]. Для исправления этой невыгодной конфигурации распределения силы, как полагал ученый, необходимо «неотложное доведение географического центра» государственной территории «по возможности до одинаковой или близкой степени густоты населения и экономического развития с западным коренным концом государства, до возможного выравнивания их», что, в итоге, на тысячи верст приблизит плотно заселенную и культурную «среднюю» часть государства к его восточным рубежам и обеспечит совершенно новые шансы в борьбе за российские интересы на Дальнем Востоке. Такое распределение силы, по мнению Семенова–Тянь-Шанского, создаст на Дальнем Востоке немногим менее

эффективные условия для военной обороны, чем на западном фланге — в Польше и Финляндии.

Для того, чтобы придать этой идее руководящий смысл, необходимо было также уходить от традиционного разделения России на Европейскую и Азиатскую, подчеркивая, напротив, неразрывную цельность «срединной» континентальной части страны — «Русской Евразии» [9, с. 146]. Урал с его громадными естественными богатствами, по мнению географа, самой природой предназначен к превращению в «один из богатейших промышленных центров, имеющих первостепенное значение для всей Российской Империи», и это его предстоящее развитие должно было стать «естественным и мужественным перемещением части центра тяжести нашей экономической и культурной жизни вслед за нашей колонизацией на восток» [10, с. IV]. Это движение должно было, как считал Семенов–Тянь-Шанский, служить начальным звеном построения новой пространственной структуры российской экономики, опирающейся, помимо центральной России, на четыре новые колонизационные «культурно-экономические базы» — на Урале, Алтае, в горном Туркестане и Кругобайкальской области [9, с. 147]. Критическое усиление таких «срединных» баз могло, по мнению Семенова–Тянь-Шанского, быть наилучшей гарантией сохранения позиций России как великой державы в условиях нарастающих международных угроз на ее западных и восточных границах.

Переход от традиционно-славянофильской идеологии отстаивания самобытности России к евразийской воплощало творчество выдающегося этнолога, историка, филолога-слависта и общественного деятеля В. И. Ламанского, который в яркой, публицистичной форме, опираясь на фундамент панславистских идей, активно продвигал новый взгляд на Россию как на цивилизационно самобытный, нуждающийся в развитии собственных, неподражательных начал жизни «Средний мир», ясно отделяющий себя как от романо-германской Европы, так и от зарубежной Азии. Рассматривая культурную сущность «Срединного мира» как восточно-христианскую, греко-славянскую, Ламанский, вместе с тем, обратил внимание на своеобразие, отличавшее отношения Российской империи с интегрированными в нее народами Азии от европейской колониальной политики. В представлении Ламанского, как и Семенова–Тянь-Шанского, Европейская и Азиатская Россия представляют собой «одно непрерывное территориальное целое», не знающее «строгих и резких различий и противоположностей ни в географическом, ни в этнологическом, ни в историко-культурном отношении» [6, с. 190–191]. Подобный же характер постепенных, незаметных и органичных переходов носит и самое присутствие русских в их азиатских владениях, где, при редкости собственно азиатского населения, для них по-прежнему открыта широкая

перспектива народной колонизации и прочного закрепления на этих землях. Славянство, как отмечал Ламанский, выступает в «Срединном мире» как «громадный крепкий кряж или ствол, а все прочие инородческие племена нашего мира являются как бы его ветвями» [6, с. 259]. Во всемирно-историческом противостоянии и конкуренции романо-германскому миру, быстро растекающемуся в Азии, Америке, Австралии и Африке, греко-славянскому «Срединному миру», по мнению Ламанского, вместо того, чтобы «истощаться в бесполезных агитациях, непроизводительных тратах и усилиях для разрушения Турции и Австрии», надлежит связанное с этим ослабление враждебного натиска «употребить на подъем своего материального и нравственного быта, который бы значительно повлиял на заселение и обработку наших пустынных пространств» [6, с. 71]. Внутреннее укрепление и обустройство России, переключения внимания власти и общественности на борьбу с невежеством и показной подражательностью Европе Ламанский считал самой назревшей задачей русской политики [6, с. 294].

Таким образом, из вышесказанного вытекает, что ускорившийся к рубежу XIX–XX вв. процесс капиталистической модернизации России сопровождался глубокими трансформациями общественного сознания, которые затрагивали и вопросы цивилизационного самоопределения страны, ее идентичности. На этом этапе развития представители русской научной мысли выступали не только активными поборниками прогресса, но и шли в авангарде глубокого переосмысления исторической судьбы России, стремясь определить тот строй идей, который бы, не покидая почвы реализма, в наилучшей степени соответствовал задачам модернизации страны.

Библиографический список

1. Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. – М.: Наука, 1988. 464 с.
2. [Витте С.Ю.]. Всеподданнейший доклад министра финансов С.Ю. Витте Николаю II о необходимости установить и затем непреложно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи // Материалы по истории СССР. Вып. VI. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 173–195.
3. Докучаев В.В. К учению о зонах природы. Горизонтальные и вертикальные почвенные зоны. СПб.: Тип. СПб. Градоначальства, 1899. 28 с.
4. Зубков К.И. Вторая промышленная революция и происхождение Первой мировой войны // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. Всеросс. науч. конференция, посвященная 90-летию заслуженного деятеля науки России, д.и.н., проф. А.В. Бакунина: Материалы. Екатеринбург, 4–5 декабря 2014 г.: В 2-х т. Т. 1. Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2014. С. 66–74.
5. Ключевский В.О. Памяти в Бозе почившего Государя Императора Александра III. Речь, произнесенная на заседании Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском университете 28 октября 1894 г. // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1894. Кн. 4. С. 1–7.

6. Ламанский В.И. Геополитика панславизма / Сост., предисл., комментарии Ю.В. Климаков; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 928 с.

7. Менделеев Д.И. Заветные мысли: Полное издание (впервые после 1905 г.). М.: Мысль, 1995. 413, [2] с.

8. Менделеев Д.И. С думаю о благе российском: Избранные экономические произведения. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1991. 231 с.

9. Семенов-Тянь-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России: Очерк по политической географии // Пространственная экономика. 2008. № 2. С. 144–160.

10. Семенов-Тянь-Шанский В. Предисловие к пятому тому // Россия. Полное географическое описание нашего отечества / Под общ. рук-вом В.П. Семенова-Тянь-Шанского и В.И. Ламанского; под ред. В.П. Семенова-Тянь-Шанского. Т. V. Урал и Приуралье. СПб., 1914. С. III–IV.

УДК 94 (574) «19»

М. Г.-Н. Габдсаттарова

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В. И ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ КАЗАХСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье доказывается, что в контексте модернизационных процессов столыпинская реформа представляла собой попытку утвердить новые экономические приемы в развитии сельского хозяйства окраин и интегрировать их в культурно-цивилизационный ландшафт России. В Казахстане проведению реформы сопутствовало широкое развитие экономических и культурных контактов между коренным и пришлым населением, взаимообогащение культур народов.

Ключевые слова: модернизационные процессы, столыпинская реформа, культурно-цивилизационный ландшафт, полиэтничное пространство, толерантность, поликонфессиональность, межкультурная коммуникация.

Как известно, в России модернизационные процессы происходили в течение нескольких столетий, начиная с преобразований Петра I. В их контексте столыпинская реформа представляла собой попытку утвердить новые экономические приемы в развитии сельского хозяйства и приспособить их к культурно-цивилизационному ландшафту России. В этой связи, встает вопрос о том, как происходила адаптация культуры и ценностей народов, населяющих окраины России, к экономической и ценностно-нормативной системе, характерной для самого российского общества.

Казахстан и Россия не просто сопредельные государства, но и хорошие соседи. В современном мире существует очень много поликультурных государств. И Казахстан, и Россия — поликультурные государства. Во-первых, у них наиболее протяженная в мире сухопутная граница;

Габдсаттарова Мукарама Габдель-Нагимовна, кандидат философских наук, зав. кафедрой социально-политических дисциплин, Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова, г. Актюбе, Республика Казахстан; e-mail: mukarama_61@mail.ru.

во-вторых, они имеют практику совместного сосуществования в рамках интеграционного объединения. Хотя прошло более 20 лет с момента распада СССР, Казахстан и Россия остаются дружественными государствами. Подписание договора о Евразийском союзе свидетельствует о том, что экономическое, социальное, культурное развитие Казахстана и России не может осуществляться изолированно друг от друга, прежде всего, в силу геополитических и стратегических причин.

По официальным данным, в России ныне проживает более 700 тыс. казахов, а в Казахстане проживает около 4 млн русских. Экономические районы Казахстана и России связаны исторически, взаимодополняют друг друга. Тем не менее, не теряет актуальности вопрос: каким образом в поликультурном государстве достигается межэтническое и межконфессиональное согласие? Это — большая проблема, так как у каждого народа, у каждой религии свои представления о мире. В Казахстане пристальное внимание уделяется развитию языка и культуры каждого этноса, проживающего на его территории. Такая политика, разумеется, легче всего реализуется посредством межкультурной коммуникации, но нельзя сказать, что в этой сфере нет проблем. С целью их преодоления, в соответствии с Указом Президента Республики Казахстан от 1 марта 1995 г., была учреждена Ассамблея народа Казахстана как консультативно-совещательный орган при Главе государства. Идея создания Ассамблеи народа Казахстана была впервые высказана Президентом страны Н. А. Назарбаевым в 1992 г., на Первом Форуме народов Казахстана, посвященном первой годовщине Независимости. Цели и задачи Ассамблеи, структура и организация работы, основные направления деятельности определены в Положении об Ассамблее народа Казахстана и Стратегии Ассамблеи, утвержденных Указом Президента Республики Казахстан от 26 апреля 2002 г. № 856.

Казахстан заинтересован в диалоге цивилизаций, всегда выражал готовность выступить с международными инициативами, направленными на сближение Востока и Запада по стратегическим проблемам современного мироустройства. С населением в 18 млн чел, территорией размером с Европейский Союз, богатыми природными ресурсами, гостеприимным народом, исключительной философией толерантности, отношениями взаимопонимания со всеми соседями, Казахстан стал средоточием интереса для многих европейских и азиатских стран. Стратегическое положение страны между Востоком и Западом, опыт совместного проживания в ней различных этносов являются примером для подражания. На территории Казахстана мирно сосуществуют представители более 130 национальностей, 3 тыс. религиозных объединений, представляющих свыше 17 конфессий. На протяжении многих столетий территория Великой Степи характеризовалась мирным сосуществованием многих народов, которые

исповедовали разные религии, — тенгрианство, зороастризм, буддизм, христианство, иудаизм, ислам. С древних времен и до наших дней казахская земля выполняет функцию своеобразного «мостика» между Азией и Европой; она и сегодня является родным домом для представителей многих народов и конфессий. За долгие годы в стране накоплен уникальный опыт мирного проживания разных народов, и к нему все чаще и чаще обращают свое внимание другие государства мира.

Успешность национальной политики продиктована тем, что у ее истоков стоит Лидер Нации. Полиэтническое и поликонфессиональное общество Казахстана оценивает ее высоко, поскольку она всецело направлена на стабильность государства. Идея «Мәңгілік Ел» закрепляет основные морально-нравственные, духовные и исторические ценности казахстанского полиэтнического и поликонфессионального общества, и этой уникальной модели построения нашего общества мы обязаны президенту.

Казахстан выстоял в годы кризиса и разрухи, сформировав свою государственность, благодаря не только талантливому, трудоспособному, но и толерантному народу, который на протяжении 24 лет своей независимости руководствовался фундаментальными ценностями, объединяющими единый казахстанский народ. «Эти ценности — опыт Казахстанского Пути, выдержавший испытание временем» [4, с. 2]. Глава государства выделяет семь основных составляющих национальной идеи — «Мәңгілік Ел». «Во-первых, это независимость Казахстана и Астана. Во-вторых, национальное единство, мир и согласие в нашем обществе. В-третьих, это светское общество и высокая духовность. В-четвертых, это экономический рост на основе индустриализации и инноваций. В-пятых, это Общество Всеобщего Труда. В-шестых, общность истории, культуры и языка. В-седьмых, это национальная безопасность и глобальное участие нашей страны в решении глобальных и региональных проблем» [4, с. 2].

Сохранение традиции толерантности в сознании казахского народа продиктовано многолетней историей его совместного проживания с другими этносами. Казахская народность сложилась на рубеже XV–XVI вв. на обширной территории степной, полупустынной и пустынной зон умеренного пояса Евразии. Важную роль в исторических судьбах казахов играли их взаимоотношения с соседними народами, этнокультурные контакты как с оседло-земледельческими, так и с кочевыми этносами Средней и Центральной Азии, России, Западной Сибири и Восточной Европы. Эти отношения, носившие по большей части характер мирного обмена и добрососедства, нередко прерывались военными столкновениями. В XVII — начале XVIII вв. под воздействием целого ряда взаимосвязанных внешних (вторжение джунгар, столкновения со среднеазиатскими ханствами, калмыками, каракалпаками и др.) и внутренних (обострение

внутриполитической ситуации) факторов происходило нарастание и накопление кризисных явлений в развитии кочевого общества казахов. В условиях острого кризиса произошло сближение с Российским государством. Джунгарско-казахские войны, угроза разорения подтолкнули казахских правителей на союз с Россией. Корни казахско-русских отношений имеют давнюю историю. Они стали углубляться после присоединения к России Казанского (1552 г.), Астраханского (1556 г.) ханств и народов Поволжья. Русское государство было заинтересовано в отношениях с Казахстаном с целью безопасности традиционных торговых путей через Казахское ханство в Среднюю Азию. В свою очередь, Казахское ханство искало в лице России союзника в борьбе со среднеазиатскими ханствами и джунгарами.

Присоединение Казахстана к России, стартовавшее в начале XVIII в. и завершившееся в середине 60-х гг. XIX столетия, привело к массовому переселению русских и украинских крестьян на территорию Казахстана. Однако значительные группы русских и украинцев появились на территории казахстанских степей главным образом в связи с проведением столыпинской аграрной политики в начале XX в. Основными районами переселений из Европейской России были Сибирь, Средняя Азия, Казахстан, Дальний Восток и Северный Кавказ. Правительство всячески поощряло заселение данных регионов: были устранены все препятствия, отпускались кредиты, проезд был бесплатным, имевшие специальную конструкцию «столыпинские» вагоны позволяли везти с собой скот и имущество [1, с. 527].

Россия привнесла в жизнь Казахстана немало положительных новшеств. Массовое переселение крестьян сопровождалось изменением демографической структуры населения Казахстана. Известно, что во главу угла своих реформ П. А. Столыпин ставил изменения в сфере экономики. Столыпин и его сторонники подчеркивали главную задачу реформы — это формирование крестьянства как хозяйственно крепкого, достаточно благополучного социального класса, не нуждающегося для достижения своих целей в революции. При этом при проведении реформы существовало и представление о том, что без нормального функционирования сельского хозяйства промышленность России будет лишена надежных основ развития.

Столыпинская аграрная реформа была направлена на ликвидацию крестьянского малоземелья, интенсификацию хозяйственной деятельности крестьян на основе частной собственности на землю. Это усиливало переселенческий аспект реформы, вызвав массовое перемещение сельского населения из центральных районов России на постоянное место жительства на окраины — в Сибирь, на Дальний Восток и в Казахстан, стимулировав процесс внутренней колонизации этих регионов.

После введения в действие «столыпинских» аграрных законов, приток переселенцев в Казахстан резко возрос. Если с 1895 по 1905 г. в степные

области Казахстана переселилось 294 296 чел., то с 1906 по 1910 г. уже свыше 770 тыс. чел. За один только 1907 г. в край прибыло населения почти вдвое больше, чем в предыдущем. В течение следующих шести лет (с 1908 по 1913 г.) в Акмолинский, Тургайско-Уральский и Семипалатинский переселенческие районы переселились 400 327 душ муж. пола. Больше всего переселенцев падало на Акмолинский и Тургайско-Уральский районы.

Существовавшая тогда система переселения разоряла основную массу крестьян-переселенцев, часть их вынуждена была возвращаться обратно. Ежегодно в Россию из Сибири и Казахстана возвращалось от 40 до 110 тыс. семей переселенцев, большую часть которых составляли «возвращенцы» из Казахстана. За годы реформы в крае было отчуждено 45,1 млн десятин лучших пахотных и пастбищных угодий.

Переселение русских и украинских крестьян создавало условия для экономического взаимовлияния двух культур. Переселенцы сыграли значительную роль в развитии сельского хозяйства в Казахстане. Во-первых, быстрое распространение земледелия среди местного населения, освоение новых сельскохозяйственных орудий и приемов обработки почвы, рыночный спрос на зерновые и фуражные культуры содействовали тому, что все большее место в посевах стали занимать пшеница, ячмень и овес. Расширились посевы бахчевых и огородных культур. Из огородных растений возделывались лук (пияз), морковь(сэбіз), в районах, соседствующих с русско-украинским населением, земледельцы-егинши стали возделывать картофель (картоп), огурцы (кияр) и другие овощи.

Во-вторых, переселение русского крестьянства в Казахстан в начале XX в. оказало значительное воздействие на расширение неполивного земледелия, на культуру и быт коренного населения. В свою очередь, прибывшие охотно перенимали опыт казахов-скотоводов в новых для них природных условиях, большая помощь им была оказана казахами-земледельцами в освоении навыков незнакомого им поливного земледелия

В степи устраивались ярмарки, например, знаменитые Куяндинская, Таинчинская и другие, куда приезжали русские и татарские купцы из городов Поволжья, которые скупали у казахов сотни тысяч голов овец. Большим спросом овцы пользовались на рынках среднеазиатских и русских городов неслучайно. Овцы и раньше широко использовались в Казахстане в качестве денежного эквивалента при меновой торговле. В конце XIX — начале XX вв. такой вид купли-продажи еще сохранялся в отдаленных районах Казахстана.

Претерпел изменения и видовой состав стада, в нем все больший удельный вес приобретает крупный рогатый скот, особенно в районах, где происходило быстрое развитие земледелия. Лошадь так же, как и овца, играла заметную роль в местном хозяйстве, она снабжала людей мясом,

целебным напитком — кумысом, использовалась для верховой езды, при различных сельскохозяйственных работах. Население русских городов и поселков охотно приобретало у казахов лошадей, ценя их за исключительную выносливость и неприхотливость. Вместе с расширением хозяйственных возможностей, происходили динамичный рост городов, строительство грунтовых и железных дорог, учреждение школ и больниц.

В этот же период активизировалось научное исследование территории Казахстана российскими, зарубежными и казахскими учеными. В крае появились светские школы. Поэтому далеко не случайно, что на рубеже XIX–XX вв. появляется целая плеяда выдающихся общественных и государственных деятелей из числа местного казахского населения.

Казахи начали строить постоянные жилища на зимовках. В качестве строительного материала использовали дерн, камень, лес, глину, из которой делали глинобитные стены или отливали саман. Бедняки чаще довольствовались землянками или полуземлянками. Рядом с домом сооружались помещения для скота и другие хозяйственные постройки. В начале XX в. в быт казахов проникают и русские формы одежды, в то время как и само русское население, в частности, казаки, издавна носили различную казахскую одежду [2, с. 162]. Изменилась и система питания казахов, которая раньше была основана главным образом на мясе и молочных продуктах, изредка дополняемых продуктами растительного происхождения, охоты и рыболовства, и то в основном среди бедных слоев населения. Распространение земледелия, культурные контакты казахов с представителями русского и украинского народов, переселившихся в Казахстан, привели к увеличению потребления растительной пищи.

Сейчас в Казахстане проживают представители более 130 этносов, которые оказались на гостеприимной земле наших предков в силу различных исторических обстоятельств — массового переселения русских и украинцев в период присоединения Казахстана к России (начало XVIII — середина 60-х гг. XIX в.) и в годы столыпинской реформы; депортаций многих народов Кавказа, Закавказья и Поволжья и эвакуации населения в тяжелые годы Великой Отечественной войны. Все это, естественно, сопровождалось изменением демографической структуры населения Казахстана и общей этнической картины.

Исторически сложившаяся общность этносов в Казахстане прошла испытание временем, трудности переходного периода не смогли нарушить общенациональный мир и согласие, которое выстрадано нашими людьми. Во все времена и исторические эпохи философы полагали, что важнейшим качеством нации являются нравственные качества. Человек совершенствуется лишь в общении. Основой человеческого общения является культура. Культура каждого этноса — это тот источник, который

обогащает своими достижениями мировую цивилизацию. Следует подчеркнуть, что «изоляциялистские установки, требования замкнутой и неподвижной монокультуры ведут к крайним и, по сути, агонизирующим формам некоей «оригинальности любыми средствами, во что бы то ни стало», т.е. к радикализму, экстремизму, терроризму в международном масштабе. Это культура, лишившая себя живительных соков истинной открытости, толерантности, доверия. Ибо культура в точном смысле слова представляет собой внешнее, предметно-практическое проявление и воплощение духовности — нравственной сущности человека» [3, с. 107].

В этой связи представляется, что структурообразующим элементом культуры всех этносов, населяющих современный Казахстан, являются отношения согласия и терпимости. В самой природе полиэтничности и поликонфессиональности казахстанского общества содержатся позитивные моменты. Речь идет о процессах обогащения духовности через взаимовлияние различных культур. Духовность этноса — это наиболее значимая составляющая культуры. Этности могут заимствовать друг у друга элементы не только материальной, но и духовной культуры. Почтительное отношение к старшим и обычай гостеприимства, житейская мудрость и милосердие как характерные особенности культуры казахского народа стали сущностью менталитета и компонентом культуры всех этносов, проживающих в Казахстане.

Библиографический список

1. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Алматы, 2010.
2. Казах: историко-этнографическое исследование. Алматы, 1995. 352 с.
3. Казахстан в условиях глобализации: философско-политологический анализ. Алматы, 2006.
4. Казахстанская правда. 2014. 18 января. № 11 (27632).

УДК 028

О. В. Морева

ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ИНТЕРЕСЫ УРАЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ В 1910-Х ГГ.

Автор на основе анализа отчетов Екатеринбургской публичной общественной библиотеки им. В. Г. Белинского за 1910-1914 гг. очерчивает круг читательских предпочтений уральской учащейся молодежи, выясняя, какие разделы фонда были востребованы, какие авторы пользовались популярностью, как внешний контекст влиял на выбор читателей. По свидетельствам современников, не традиция и опыт старших, а знания, подчерпнутые из книг, пользовались большим авторитетом у молодых. Чтение формировало систему ценностных ориентиров, жизненных приоритетов у молодежи в эпоху модернизации. Формирование массовой читательской аудитории — общий для всех модернизи-

Морева Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, зам.директора, Свердловская областная универсальная научная библиотека им. В. Г. Белинского, г. Екатеринбург; e-mail: moreva.o.v@yandex.ru.

рующихся стран процесс — в России происходил за счет социальных низов и молодежи. В условиях отсутствия легальной политики, отстранения населения от активной общественной жизни, значимость чтения как социокультурной практики была очень высока.

Ключевые слова: *история чтения, популярные авторы, читательские интересы молодежи, Екатеринбургская библиотека им. В. Г. Белинского, эпоха модернизации.*

В конце XIX — начале XX вв. в России происходили процессы, обозначаемые в совокупности как «читательская революция»: секуляризация общественной жизни, распространение рыночных практик в культуре, удешевление печатной продукции, увеличение численности читающей публики, рост ее активности и т.п. [4] Эпоха модернизационных изменений (среди которых можно выделить такие значимые процессы, как урбанизация, рост социальной мобильности, профессионализация, политизация) создавала ситуацию необходимости обращения к чтению (не к опыту, как в традиционном обществе, а к знаниям — как в индустриальном). Чтение было одной из базовых технологий, позволяющих менять жизненные стратегии, являлось своеобразным социальным лифтом, способствовало развитию гражданского самосознания. Исследование включенности чтения в систему ценностных ориентаций, жизненных приоритетов молодежи имеет громадное значение, так как характер и активность их чтения свидетельствуют об уровне культурного, социального, образовательного и экономического развития общества в целом. Чтение является универсальным механизмом формирования духовной культуры личности в течение всей жизни. Молодежь представляет собой группу, пожалуй, активнее, чем остальные, стремящуюся к культурной обособленности. Типичные для молодежного возраста жизненные проблемы, социальные нормы, формы поведения, занятия, система ценностей составляют молодежную субкультуру [13, с. 218]. Исследователи единодушно отмечают, что в молодежной субкультуре в конце XIX — начале XX в. сложилась новая система мировоззрения, ценностных ориентаций, в которой основными принципами выступали индивидуализация, свобода самовыражения. В то же время имели место несформированность ценностного поля, полярность суждений, расплывчатость нравственных позиций [7, с. 197–204].

Благодаря отчетам Екатеринбургской публичной общественной библиотеки им. В. Г. Белинского за 1910–1914 гг., можно не только очертить круг читательских предпочтений уральской учащейся молодежи, но и выяснить, какие разделы фонда были востребованы, какие авторы пользовались популярностью. Сведения библиотечной статистики собирались с первого года работы библиотеки (1899)¹, но лишь за четыре года в 1910-х гг. они позволяют выделить данные по учащейся молодежи [8].

¹ Так называемый «библиотечный отчетный год библиотеки» начинался в ноябре и записывался как учебный — через косую черту. Для краткости мы будем указывать лишь последний, входящий в библиотечный год, к которому относится 10 месяцев отчетного года.

Интенсивность чтения молодых уральцев за 1911-1914 гг. выросла почти в полтора раза. Так, общая книговыдача в 1911 г. составляла 41 тыс. экз., 1912 г. — 44 тыс., 1913 г. — 50 тыс., 1914 г. — 61 тыс. Рост читательской активности по гендерному признаку наглядно демонстрирует тот факт, что «читательская революция» совершалась на Урале, да и в мире в целом, за счет женщин [6]. В 1911 г. девушкам было выдано на 5,2% книг и журналов больше, чем юношам, в 1912 г. — на 2,3%, 1913 г. — на 4,3%, 1914 г. — на 13,8% (табл. 1). Несмотря на то, что мальчиков по-прежнему обучалось больше, чем девочек, все же доля девочек среди детей школьного возраста, обучающихся в школе, возрастала. Об этом свидетельствуют и данные Первой всероссийской переписи 1897 г., согласно которым в Пермской губернии на 10 грамотных мужчин приходилось 26 грамотных женщин [5, с. 21]. В 1900 г. среди взрослых читателей это соотношение было 1 к 7, среди детей — 1 к 4,5 [2, с. 38]. В Екатеринбурге удельный вес грамотных всегда был выше, чем в целом по Пермской губернии. Так, по данным переписи 1897 г., грамотных в Екатеринбурге было 50,4% от общей численности городских жителей, из них 55% составляли мужчины и 45% — женщины [1, с. 102–103].

Этот динамизм фиксировали не только отчеты общественных и земских библиотек, но и воспоминания современников². Молодые читатели «Белинки» исключительны лишь тем, что в истории библиотеки был год падения книговыдачи и оттока молодых читателей, что очень обеспокоило правление библиотеки. Вероятнее всего, ситуация была связана с тем, что в 1905 г. Министерство народного образования запретило учащимся «подписываться на свое имя в публичной библиотеке» [8, 1906, с. 3]. Общие показатели книговыдачи выровнялись после возвращения прежнего порядка, и в дальнейшем «отцы библиотеки» внимательно следили за читательским поведением молодых екатеринбуржцев, чутко отзываясь на их интеллектуальные запросы.

Из 17-ти отделов фонда библиотеки, молодые читатели отдавали предпочтение изданиям из следующих отделов (здесь и далее перечисляются в порядке уменьшения книговыдач или читаемости): Ха, Хб, XI, XV, V, II, VII, IV (см. Табл. 1). Наименьшим спросом у молодежи пользовались учебники: 2 книговыдачи в 1911 г., 9 — 1913-м и ни одной в 1912 и 1914 гг. Не слишком активно читали издания из отделов IX, VIII, III, VI, XIV, XIII, XII, I. В читательских предпочтениях различия между юношами и девушками были незначительны. Так, например, в 1911 г. издания из отдела II у девушек уступали изданиям из IV (в рейтинге 7-е и 8-е место), тогда как у юношей было наоборот. В 1912-1913 гг. вкусы также различались в отношении книговыдач только двух отделов (в 1912 г. у девушек II отдел опережал VII, у юношей — наоборот; на следующий год книги из VII отдела преобладали у девушек, а II — у юношей). Лишь

² См. напр.: [12, 5, 7, 8, 19].

в 1914 г. различия были более существенны. У девушек рейтинг книговыдач распределился так: Ха, Хб, XI, XV, V, IV, XIV, VII, VIII, IX; у юношей же следующим образом — Ха, XI, XV, Хб, V, II, VII, IV, III, IX. Нет возможности проследить, закрепилась ли эта тенденция усиления различий в круге чтения юношей и девушек, так как в истории библиотеки это последний печатный отчет за предреволюционный период. Можно лишь констатировать, что юноши с большим вниманием, чем девушки, относились к философской, правоведческой и естественнонаучной литературе, а девушки отдавали предпочтение истории, художественной литературе на иностранных языках, медицине и сельскому хозяйству.

Табл. 1

Книговыдача у молодежи в Екатеринбургской публичной общественной библиотеке им. В. Белинского в 1910–1914 гг.*

№	отдел каталога	1911		1912		1913		1914	
		муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен
I	Богословие	12	25	44	25	12	18	26	20
II	Философия	357	255	264	339	344	245	489	36
III	Правоведение	74	68	72	96	163	34	159	46
IV	История и биографии	302	409	535	447	650	373	421	259
V	Литературоведение	1133	1245	1254	1274	1737	1193	1790	1624
VI	География	72	48	103	66	74	52	102	9
VII	Естествознание	351	139	254	105	420	179	429	165
VIII	Медицина	116	76	94	100	132	71	99	113
IX	Сельское хозяйство	165	11	150	32	157	29	132	47
Ха	Беллетристика русская	7534	9694	7025	9287	8685	11299	8812	19670
Хб	Беллетристика зарубежная	3293	3483	3306	4042	3654	4815	3790	5228
XI	Книги для детей	3606	4121	5544	4308	4672	5127	6071	4963
XII	Книги об Уральском крае	30	2	28	8	33	11	19	9
XIII	Справочный отдел	33	2	37	29	40	25	23	30
XIV	Книги на иностранных языках	47	31	74	61	49	36	54	195
XV	Журналы	2390	2052	2760	2492	3388	2875	4123	2605
XVI	Учебники	1	1	0	0	6	3	0	0
	Итого	19516	21662	21544	22711	24216	26385	26539	35019

*Составлено автором по: [11].

Важно отметить, что в основном различия касались последних позиций в рейтинге читательских предпочтений, в то время как первые позиции почти всегда оставались неизменными. В первую очередь, в круг чтения молодых екатеринбуржцев входили художественная литература (60–79% от всей книговыдачи у молодежи), периодика (10–12%), литературоведческие изыскания (6%), исторические и биографические издания

(2%) и философские (1–2%). Согласно разделу отчета «Число удовлетворенных требований абонемента по авторам, пользовавшимся наибольшим вниманием читателей, с указанием количества томов каждого автора, имеющегося в библиотеке», можно представить авторов, пользовавшихся особой популярностью у читателей «Белинки» без выделения молодежи. Учитывая то, что с момента открытия библиотеки и в последующие годы «учащиеся» составляли большинство читателей (от 44 до 63% в разные годы), можно экстраполировать общие сведения по рейтингу авторов и на молодую аудиторию.

Из русской беллетристики в 1911–1914 гг. самыми читаемыми авторами у екатеринбуржцев были Л. Толстой, А. Вербицкая, А. Амфи-театров, Вас. Немирович-Данченко, Д. Мамин-Сибиряк. Заметим, что в библиотеке томов Л. Толстого было наибольшее количество, в отличие от других авторов (например, книг Д. Мамина-Сибиряка было в 2,5 раза меньше). Уральцы читали произведения своего земляка волнами. Если в 1890-х гг. о нем говорили больше, чем о Толстом (из письма А. П. Чехова с пермского парохода по пути на Сахалин: «Больше всех нравится в здешних краях Мамин-Сибиряк, описывающий Урал. О нем говорят больше, чем о Толстом» [16, с. 71]), то в 1910-х гг. ситуация изменилась. После смерти он стал вновь популярен у себя на родине [15]. Исследователи чтения в России рубежа XIX–XX вв. отмечают, что интерес к творчеству авторов так называемого «второго эшелона» объясняется их «суперсовременностью», сиюминутностью образов и тем, публицистичностью их произведений, схожестью с журналистским фельетоном [11, с. 356–370]. Читательские предпочтения в отношении зарубежных авторов совпадали у екатеринбуржцев с читателями России в целом: Э. Вернер, Е. Марлитт, А. Дюма, Д. Лондон, Г. Мопассан, Э. Золя, Г. Сенкевич, Э. Ожешко [12, с. 86–88].

«Конкуренцию» беллетристике составляли журналы. Чтение «толстяков» и еженедельных журналов заменяло политические дебаты в парламенте и членство в партии. Редакции журналов, объединявшие вокруг себя авторов того или иного направления (политического, художественного, эстетического), транслировали свои идеи и поэтику в более широкие читательские массы, чем авторы книг (тираж толстого журнала составлял десятки тысяч экземпляров, тонкого доходил до 300 тыс., в то время как обычный тираж книг не превышал 1 200 экз.) [10, с. 101–112]. Предпочтения уральцев среди журналов — «Русское богатство», «Русская мысль», «Современный мир», «Вестник Европы», «Исторический вестник», «Современник», «Нива», «Вокруг Света», «Природа и люди», «Театр и искусство», «Огонек» и «Сатирикон» [10, с. 38–53]. Этот рейтинг существенно отличался от общероссийского, в котором первые позиции занимали

тонкие еженедельные журналы, такие как «Нива», «Вокруг Света» и т.д. Екатеринбургцев же отличал выбор либеральных «толстяков», со своим кругом авторов и тем, для серьезного, не развлекательного чтения.

Из авторов, чьи книги находились в XI отделе «Белинки», в 1910-х гг. пользовались популярностью М. Рид, Ж. Верн, Л. Чарская, П. Авенариус, В. Желиховская, Л. Буссенар и К. Лукашевич. Самым любимым автором, и не только в Екатеринбурге, был «великий мечтатель» Жюль Верн [3]. Правление библиотеки постоянно покупало его книги для удовлетворения читательского спроса (из детских авторов наибольшее количество томов было именно у французского фантаста).

Издания из отдела «Истории литературы и критики» традиционно пользовались повышенным спросом у учащихся, так как для них «помимо важного значения в смысле формирования общественного мирозерцания» литература этого отдела являлась «необходимым пособием при исполнении письменных работ» [14]. Предпочтения екатеринбуржцев, по-видимому, были связаны с составом фонда. Первые места в рейтинге авторов, как и наибольшее количество томов, занимали Н. Покровский, В. Белинский, Д. Овсяннико-Куликовский, С. Бураковский и В. Зелинский, тогда как у тагильских гимназисток — Д. Писарев, полное собрание сочинений которого, как и отдельные издания, были в гимназической библиотеке [17].

Исторические исследования и биографии, возможно, также читали из-за потребности освоения учебной программы, но не только¹. Из исторических сочинений были популярны книги В. Ключевского, Н. Кареева, Р. Виппера, П. Виноградова, Н. Костомарова, С. Платонова и К. Валишевского. Из героев биографических очерков неизменной популярностью пользовались новые персоны, однако на первом месте оставалась биография автора «Войны и мира». Из философов, как и по всей России, самыми читаемыми были Ф. Ницше, П. Каптерев и А. Шопенгауэр [9].

Формирование массовой читательской аудитории — общий для всех модернизирующихся стран процесс. Но в России, в условиях отсутствия легальной политики и отстранения населения от активной общественной жизни, значимость чтения как социокультурной практики была очень высока. Увеличение читательской аудитории происходило за счет социальных низов и молодежи, чьи читательские интересы не могли не учитываться всеми участниками литературного поля (авторами, издателями, книготорговцами, критиками, библиотекарями и т.п.). Правление общественной библиотеки им. В. Г. Белинского пыталось формировать читательские вкусы своих абонентов, ставило перед собой цель воспитания

¹ На рубеже XIX–XX вв. в России фиксировали «бум самообразования». За программами в Московскую комиссию по организации домашнего чтения обращались молодые люди разных сословий и положений [18].

«сознательного читателя» [8, 1910, с. 18], но как показывает анализ читательских предпочтений уральской молодежи, они почти не отличались от общероссийских тенденций. Хотя нужно отдать должное: серьезная литература была востребована, популярностью пользовались «толстяки». Современники отмечали, что «главным читателем» в России была молодежь, студенчество, для Урала, как свидетельствуют отчеты «Белинки», «главными» были учащиеся высших, средних и низших учебных заведений. «Этот “главный читатель” был не особенно разборчив, в голове у него был порядочный сумбур. Но у него было драгоценное свойство: он читал “до дыр”» [Цит. по: 10, с. 283].

Библиографический список

1. Адрес-календарь и Памятная книжка Пермской губернии на 1905 г. Пермь, 1905. 380 с.
2. Б. В. Бесплатные народные библиотеки в Пермской губернии (по данным исследования 1901 г.) // Сборник Пермского земства. 1903. № 2. С. 1–105. Отд. паг.
3. Брандис Е. Рядом с Жюлем Верном: документальные очерки. Л., 1991. 204 с.
4. Брукс Дж. Когда Россия научилась читать: грамотность и народная литература. 1861–1917 гг. Принстон, 1985 / пер. с англ. и реф. А.И. Рейтבלата // Что мы читаем? Какие мы? Сб. науч. тр. СПб., 1993. С. 120–175.
5. Доклад Оренбургской земской управы 4-му очередному Губернскому земскому собранию. Оренбург, 1917. 112 с.
6. Ежегодник Пермского губернского земства и Календарь на 1914 г. Пермь, 1914. 130 с.
7. Ермаков П. П. Воспоминания горнорабочего. Свердловск, 1947. 168 с.
8. Книга и читатель. 1900–1917: воспоминания и дневники современников / сост. А. И. Рейтблат; ред. М. М. Панфилов. М., 1999. 204 с.
9. Лайонс М. Новые читатели в XIX в.: женщины, дети, рабочие // История чтения в Западном мире от Античности до наших дней. М., 2008. С. 399–441.
10. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосмос в России начала XX в. как предмет семиотического анализа. М., 1999. 208 с.
11. Отчет Екатеринбургской публичной общественной библиотеки им. В. Г. Белинского за ... 1899–1913/1914 гг. Екатеринбург, 1900–1917.
12. Отчет и доклад комитета Пермского библиотечного общества им. Д. Д. Смышляева за 1911, 1912 и 1913 г. Пермь, 1914. С. 3–83.
13. Паперно И. Самоубийство как культурный институт. М., 1999. 252 с.
14. Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009. 448 с.
15. Рейтблат А. И. Писать поперек: статьи по биографике, социологии и истории литературы. М., 2014. 416 с.
16. Рубакин Н. А. Избранное: в 2 т. М., 1975. Т. 1. 224 с.
17. Стефановская Н. А. Чтение в пространстве молодежной субкультуры // Вестник МГУКИ. 2008. № 5. С. 218–221.
18. Титов А. К истории самообразования в России // Русская мысль. 1908. № 7. С. 80–103
19. Удинцев Б. Д. «Образы прошлого теснятся предо мною...» (Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибярике, родственных семьях, «о времени и о себе»). Нижний Тагил, 2002. 134 с.
20. Удинцев С. Излюбленные русские беллетристы: (по 10-летним данным библиотеки имени В. Г. Белинского) // Уральский край. 1911. 8 мая (№ 99). С. 4.
21. Урал: Первый сборник «Зауральского края», посвященный памяти писателя Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибярика. Екатеринбург, 1913. 95 с.
22. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. М., 1976. Т. 4. 656 с.

23. Шабаршина О. В. Круг чтения тагильских гимназисток в нач. XX в. (по книгам из библиотеки Нижнетагильской Павло-Анатольевской женской гимназии) // Тагильский вестник. Нижний Тагил, 2004. Вып. 3. С. 28–47.

УДК 94 (470.5) «19»

М. С. Кырчиков

УРАЛЬСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПЕРИОД КАМПАНИИ РАЙОНИРОВАНИЯ 1920-Х ГГ. *

В статье рассматриваются процессы проявления различных форм региональной идентичности на примере Урала в 1920-е гг. Ключевым событием в контексте работы представляется кампания по районированию Советской России с учетом региональных особенностей. Анализируется эволюция представлений о феномене идентичности, дается оценка процессам формирования местного «почерка» Уральского региона в экономическом, политическом, социокультурном плане в исторической ретроспективе. Обрисованы наиболее яркие черты уральской идентичности указанного периода, прослежена динамика регионального развития Урала в территориальной структуре страны 1920-х гг. в тесной связи с проявлениями местного регионализма.

Ключевые слова: *региональная идентичность, Урал, районирование, территориальная структура, уральский регионализм, областничество, Уральская область.*

Под региональной (территориальной) идентичностью, в отличие, скажем, от идентичности этнической, понимается «солидарность с земляками по причине совместного проживания на одной территории в данный момент или в прошлом». Подобный вариант идентификации предполагает отождествление жителями себя с определенной местностью: регионом, районом, городом, селом и т.д. Этот тип идентичности имеет мощный потенциал сплачивания людей в устойчивые группы, объединенные общими системами ценностей, схожей реакцией на социальные процессы, единой волей к определенным действиям, способностью выступать основой для мобилизации общественных сил, в зависимости от преследуемых целей. Вместе с тем, местная идентичность очень часто может существовать в скрытой форме, и ученым буквально приходится «извлекать ее из общественного сознания» [33, с. 84, 98].

Нередко процессы формирования региональной идентичности выступают индикаторами известной самоизоляции местных сообществ, концентрации ресурсов на внутреннее использование. Вместе с тем, данное явление, по мнению И. В. Побережникова, формируется, прежде всего, как следствие глубоких процессов территориальной интеграции, приводящей, как правило, к региональной специализации и профулизации.

Кырчиков Максим Сергеевич, аспирант, Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: maksim_kyrchikov@mail.ru.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ НШ-3422.2014.6.

Сама идентификация при этом осуществляется различными способами и предполагает как объективный фундамент, так и субъективное отражение. Зачастую формирование местного самосознания фиксирует кульминационный момент в развитии региональной общности, означающий трансформацию исторического пространства в среду, сконструированную самими участниками социального взаимодействия и наделенную ими неким особым статусом и смыслами [25, с. 35–36].

Множественность понятий идентичности определяется, прежде всего, различием применяемых подходов. Г. С. Корепанов, используя социокультурные и социально-экономические методы, под идентичностью понимает «переживаемые и осознаваемые смыслы и ценности «своей» локальной общности, формирующее практическое чувство (сознание) территориальной принадлежности индивида и группы» [18, с. 276–277]. Е. Ю. Казакова-Апкаримова и С. В. Голикова, в свою очередь, справедливо полагают, что региональная идентификация в России — историческое явление, непосредственно зависящее от истории и географии. При этом отмечается, что каждая конкретная модель формируется в связи с процессом освоения местного пространства в социокультурном и экономическом отношениях, динамикой политико-административного закрепления региональных границ. С одной стороны, это свидетельствует об изменчивости и подвижности данного феномена, а с другой — о значимости культурного и идеологического континуитета [14, с. 117; 13, с. 47].

Современные уральские экономисты, в частности, А. А. Глузов, отмечают, что на протяжении длительного исторического времени сформировался и сохраняется концепт Уральского экономического района. На базе текущих и стратегических социально-экономических и политических целей центральной и местной власти, консолидации общественных сил происходило изменение границ края, однако он все же сумел в разные исторические эпохи сохранить свою региональную специфику [9, с. 15].

Уральская идентичность, обусловленная самобытностью региона (в естественно-географическом, природно-ресурсном, экономическом, административно-политическом, этнодемографическом и социокультурном отношениях), на протяжении нескольких столетий является важной чертой самосознания уральцев. Наличие у них развитого регионального самосознания, которое в значительной степени подкрепляется богатым историко-культурным (прежде всего, связанным с горнозаводским укладом жизни) наследием, позволяет достаточно четко выделить исторически сложившиеся этапы формирования местной идентичности. Первый связан с периодом первоначального хозяйственного освоения края, нашедшего свое продолжение в дальнейшей промышленной колонизации, формировании специализированного горнозаводского профиля региона

в XVIII в.; второй — с зарождением идеологии уральского областничества, вызревaniem феномена регионализма (вторая половина XIX — начало XX вв.); третий — с образованием и развитием Уральской области (1923–1934 гг.). Четвертый, современный, этап — это период «второй жизни» областнических идей в новых исторических условиях, связанных с противостоянием центральной и местной власти, попыткой реализации проекта Уральской республики в 1993 г, всплеском политического и общественного интереса к сильным регионам. Дальнейшая эволюция региональной идентичности, как и современное позиционирование Урала, позволяют говорить о позитивной местной идентификации, гармонично дополняющей общегражданскую лояльность уральцев [14, с. 118].

Для крупных по размеру регионов, к числу которых относится и Урал, региональная идентичность, в первую очередь, обеспечивается, как уже отмечено, формированием определенной территориальной общности под воздействием длительного совместного проживания людей в определенной местности. На Урале на протяжении нескольких столетий складывалась самобытная система ценностей, довольно целостная общественная структура, составленная широким спектром хозяйственных отраслей и социальных ролей [25, с. 36–37]. Функционирование системы управления горнозаводской промышленностью ускорило выделение в течение XVIII в. Уральского индустриального региона, окончательно обретшего самостоятельный административно-территориальный облик во второй половине XIX в. [1, с. 319–325; 25, с. 141–142]. В дальнейшем большую роль в складывании в будущем прочной экономической основы для самодостаточности Урала внесли исследования русских ученых, в частности, Д. И. Менделеева, глубоко занимавшегося состоянием уральской промышленности и ее перспективами [24, с. 42–43]. В целом же промышленная специфика края оказала существенное влияние на региональное самосознание его жителей в XIX — начале XX вв. Индустриальное горнозаводское ядро для Урала выступало «регионообразующей осью» [1, с. 450]. В структуре Российской империи Урал вплоть до 1880-х гг. сохранял лидирующие позиции в российской металлургии, затем, в конце XIX — начале XX вв., на этапе преодоления экономического кризиса и нового промышленного подъема, происходило переосмысление перспектив развития края, сопровождавшееся новыми поисками регионального стержня [29, с. 307]. Географ В. П. Семенов–Тянь-Шанский, указывая на естественно-природный фактор, отмечал, что Урал фактически предназначен для превращения в узловой, «срединный» регион, естественно расширяющийся за счет экономического притяжения более бедных в ресурсно-экономическом отношении соседних областей, в «один из богатейших промышленных центров, имеющих первостепенное значение для

всей Российской империи» [32, с. IV]. При этом, особенности позиционирования Урала как региона, его экономическая, культурная и географическая самоидентификация выступали, как правило, единым фактором.

Революционные события 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война всколыхнули настоящую волну территориальных споров и сложных вопросов самоопределения, породив во многих областях центробежные силы и регионалистские движения. Многие из частей бывшей империи создавали отдельные органы управления, дабы стабилизировать ситуацию в регионах. Не остался в стороне и Урал, где на основе активности местных областников было образовано Временное областное правительство, объявлено о созыве Уральской областной думы [4; 12, с. 56]. При этом ни одно из возникших в 1918 г. антибольшевистских областных правительств не ставило вопроса об отделении от России. Более того, большинство из них рассматривало собственную миссию как исключительно временную, связанную с сохранением элементарного гражданского порядка и важнейших систем жизнеобеспечения в регионах, освобожденных от власти Москвы [10, с. 70; 30]. Данный период, фактически, стал одним из кульминационных моментов в истории уральского регионализма, своеобразным апогеем реализации предреволюционных идей областничества, следствием общего экономического и политического развития края, показателем зрелости культурных и общественных сил русской провинции в целом [10, с. 70].

После Гражданской войны, в 1920-1923 гг., уже на общесоюзном уровне была разработана крупная административно-территориальная реформа на основе принципа экономического районирования, которая была призвана полностью реорганизовать местное управление. На Урале в конце 1923 г. постановлением ВЦИК была образована Уральская область — крупная административно-территориальная единица, протянувшаяся с юга на север от верховьев р. Урал до Карского моря. Особую роль в формировании территориальной идентичности края в первые годы Советской власти сыграла именно идея «Большого Урала», сформулированная еще областниками и нашедшая практическое воплощение при внедрении новых принципов региональной политики на местах [34, с. 4]. Формированию местного «почерка» при этом способствовала особая роль края в экономической структуре страны, специализация регионального хозяйства. Возникающие при этом территориальные споры в смежных районах носили преимущественно экономическую природу и зачастую порождались стремлением к административному контролю Центра и регионов над ресурсами — сырьевыми, земельными и производственными [19, с. 65].

В 1923 г., при реализации кампании по районированию Советской России, уральских руководителей (М. М. Харитонов, Д. Е. Сулимов и др.) беспокоил тот факт, что вместо проектируемой мощной хозяйственной области они могли получить на выходе одну лишь только «географическую карту Урала». Ей представлялась узкая, протяженная по линии горного хребта цепь стареющих металлургических заводов, слабо связанных меридиональными железными дорогами [8, л. 55; 11, с. 41]. В дальнейшем, в связи с перспективами экономического строительства были подняты вопросы создания плана реконструкции хозяйства Советской России и, соответственно, коренного пересмотра промышленной и экономической географии «порайонно» [28, с. 9]. Тогда нередко трудно было определить, в каком направлении будет развиваться экономика отдельных административно-территориальных единиц, какие центры тяготения имеют наилучшие перспективы развития [22, с. 30–31]. В Госплане СССР тем временем сосредоточилась разработка методологии нового административного устройства страны — на основе теории экономико-географического районирования, которая активно разрабатывалась в академических кругах (Н. Н. Баранский, Н. Н. Колосовский, А. Г. Генкель и др.) с начала 1920-х гг. [2, с. 31; 7, лл. 21, 23; 16]. Проектировалось деление страны на крупные, хозяйственно сильные края и области, границы которых должны были в основном совпадать с естественно формирующимися экономическими районами — производственно-территориальными единицами с максимально развитыми экономическими связями внутри них и со специализацией в общесоюзном масштабе [12, с. 68]. Фактически, это оказался проект территориального переустройства региональной структуры на производственной основе по схеме «область — округ — район» вместо прежних губерний, уездов и волостей [27, с. 41].

В 1926 г. административно-хозяйственное районирование после выявления своего политического потенциала оказалось фактически прекращенным. В основу новой территориальной организации был положен, в первую очередь, приоритет экономической модернизации регионов: развитие на местах промышленности, инфраструктуры, электрификации. Именно на этих отраслях советское руководство делает акцент в конце 1920 — начале 1930-х гг. при проведении масштабных преобразований в сфере экономики, а также в целях усиления административно-политического контроля над регионами [20, с. 113]. Урал в понимании центральных и региональных властей представлялся целостным хозяйственным организмом, который выполняет свою специальную функцию в государственном хозяйстве Союза, «слагающемся из промышленных районов... сельскохозяйственных... лесных... и рыболовно-охотничьих...» [17, с. 26]. Горнозаводская промышленность области накладывала на ее

экономику особый отпечаток, что не единожды было использовано в политических целях уральскими руководителями при урегулировании приграничных споров (не раз интересы края в Москве по данным вопросам отстаивал заместитель председателя Уралплана Б. В. Дидковский) [5, л. 23]. В существующих условиях сельское хозяйство продолжало сохранять значительный вес, являясь естественным и мощным дополнением промышленного сектора [15, с. 140]. Некоторые аграрные территории Предуралья и обширные зауральские территории — Курганский, Тюменский и Ишимский округа — издавна снабжали хлебом заводское и городское население Урала и в составе нового региона должны были составить мощную продовольственную базу, учитывая весьма значительные внутренние потребности области [27, с. 41]. Смежные и пограничные районы (Вятка, Оренбург и др.) в процессе преобразований и дальнейших видоизменений территориальной структуры региона могли отойти к Свердловску в случае дальнейшего развития в них отраслевой специализации — например, Оренбургский район мог быть присоединен к Уральскому в случае развития в нем промышленности [6, л. 5]. Идентификация же с Уралом вновь присоединенных северных территорий (в особенности Тобольского Севера) проходила в специфических условиях реализации новых моделей экономического регионального развития. Казалось бы, в силу своих размеров, природно-климатических условий, менее других с горнозаводским краем связаны именно земли Тобольского Севера, однако, по замыслу, в будущем данный регион должен был играть большую экспортную роль, благодаря Северному морскому пути, снабжать высококачественную уральскую древесноугольную промышленность лесным сырьем. Таким образом, он оказался включенным в проектные планы области еще в годы Гражданской войны [31, с. 112].

Уральская область, при всей своей хозяйственной индивидуальности, отвечала всем типичным признакам, которые закладывались в понятие крупного хозяйственного региона при районировании [7, л. 31]. Уже в 1925 г. в пользу проекта создания Урало-Кузнецкого комбината было высказано немало положительных мнений, подкрепленных глубокими профессиональными оценками экономистов, в частности, Н. Березова [3, с. 80]. Дальнейшая практическая реализация Урало-Кузбасского проекта стала наиболее ярким воплощением идеи создания мощной «срединной» индустриальной базы России и основой планов дальнейшего развития глубинных континентальных районов страны [11, с. 66].

Социально-экономическую основу формирования уральской идентичности дополняли факторы культурного порядка. Основой формирования рефлексивной региональной идентификации выступал широкий спектр литературных и визуальных источников — путеводителей,

записок путешественников, научных работ по фольклору, диалектам, этнографии, истории, художественной литературы [25, с. 39]. В Уральской области первые шаги делал университет, продолжало свою работу Уральское Общество Любителей Естествознания (УОЛЕ). Региональные мотивы проходили «красной нитью» в творчестве уральских писателей (П. П. Бажов, В. А. Весновский и др.) [21, с. 67]. Краеведческое движение на Урале в то время во многом формировало культурную специфику позиционирования региона, в связи с чем в 1920-х гг. многие дореволюционные общественные организации смогли приспособиться к новым историческим условиям. В 1924 г. в Уральской области насчитывалось более 80 краеведческих объединений, в 1928 г. — 115 [23, с. 41]. Вместе с тем, под давлением властных структур деятельность подобных организаций стала сворачиваться уже в конце 1920 — середине 1930-х гг., полностью попав под контроль государства в конце 1930-х гг. [23, с. 43].

Крупные внутренние преобразования и общая динамика развития Уральской области в 1920-х — начале 1930-х гг. позволяют представить регион не только неотъемлемой частью политического ландшафта советского государства, но и уникальным явлением в общей территориальной структуре страны. Связано это было, прежде всего, со спецификой реализации региональной политики СССР, общественными настроениями, местными интересами и, конечно открывшимися возможностями для ярких проявлений собственной идентичности, «уральскости», подчеркивающей самобытность края и его особые черты во многих отношениях. Кампания по районированию в стране (и на Урале в частности) послужила существенным фактором, раскрепостившим и стимулировавшим практическое выражение назревших форм регионального самосознания, которое базировалось в общем и целом на приверженности уральцев идее развития своего края.

Библиографический список

1. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI — XX вв. / Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Зубков К. И., Побережников И. В. М., 2004. 600 с.
2. Баранский Н. Н. Экономическая география. Экономическая картография. М., 1956.
3. Березов Н. К вопросу о перспективах развития уральской металлургии на кузнечком топливе // Хозяйство Урала. 1925. № 12. С. 80–85.
4. Временное областное правительство Урала: Документы и материалы / Под ред. Т. И. Славко. Екатеринбург, 1993.
5. ГАСО. Ф. р-88. Оп. 1. Д. 591.
6. ГАСО. Ф. р-241. Оп. 2. Д. 2322.
7. ГАСО. Ф. р-241. Оп. 2. Д. 2346.
8. ГАСО. Ф. р-241. Оп. 2. Д. 2352.
9. Глумов А. А. Содержание и динамика процессов экономического развития срединного региона (на примере Уральского экономического района). Автореф. дис... канд. экон. наук. Екатеринбург, 2007.
10. Зубков К. И. Регионализм на востоке России: основные историографические тенденции // Роль и значение региональной истории в современной российской и польской исто-

риографии: материалы рос.-пол. науч. семинара, Екатеринбург, 20 октября 2008 г. Екатеринбург, 2010. С. 52–73.

11. Зубков К. И. Урал в евразийском геополитическом пространстве // Урал в контексте российской цивилизации: теоретико-методологическая концептуализация / Отв. ред. И. В. Побережников. Екатеринбург, 2014. С. 41–66.

12. Зубков К. И., Побережников И. В. Реформы административно-территориального устройства восточных регионов России (XVIII–XX вв.). Екатеринбург, 2003. 93 с.

13. Казакова-Апкаримова Е. Ю. Идеология областничества как фактор формирования региональной идентичности (на примере Сибири и Урала) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 12. С. 46–53.

14. Казакова-Апкаримова Е. Ю., Голикова С. В. Формирование региональной идентичности // Урал в контексте российской цивилизации: теоретико-методологическая концептуализация / Отв. ред. И. В. Побережников. Екатеринбург, 2014. С. 114–143.

15. Карпов Е. В. Проблема административных границ Уральской области в начале 1920-х гг. // Региональная структура России в геополитической и цивилизационной динамике. Екатеринбург, 1995. С. 140–146.

16. Колосовский Н. Н. Теория экономического районирования. М., 1969.

17. Константинов О. А. Экономическая география СССР по районам. Уральская область. Под ред. М. Б. Вольфа и Г. А. Мебуса. М.; Л., 1929. 208 с.

18. Корепанов Г. С. Региональная идентичность: социокультурный и социально-экономический подходы // Известия Уральского государственного университета. 2009. № 3 (65). С. 276–284.

19. Кушнир А. Г. Из опыта руководства партии административным районированием СССР // Вопросы истории КПСС. 1983. № 12. С. 62–71.

20. Кырчиков М. С. Уральская область: к вопросу об организации регионального управления в 1923–1926 гг. // Мир истории. Новые горизонты. От источника к исследованию. Екатеринбург, 2013. С. 112–113.

21. Литовская М. А. Литературная борьба за символический статус // Региональный литературный ландшафт в русской перспективе. Тюмень, 2008. С. 64–69.

22. Лужин А. В. Административно-территориальное устройство Советского государства. М., 1969. 172 с.

23. Мазур Л. Н. Историческое краеведение в системе современного исторического знания // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания. Ижевск, 2012. С. 39–47.

24. Менделеев Д. И. С думою о благе российском: Избранные экономические произведения. Новосибирск, 1991. 231 с.

25. Побережников И. В. Урал в контексте российской цивилизации: теоретико-методологические принципы исследования // Урал в контексте российской цивилизации: теоретико-методологическая концептуализация. Отв. ред. И. В. Побережников. Екатеринбург, 2014. С. 10–40.

26. Побережников И. В. Уральская региональная идентичность: у истоков формирования // Десять Татищевские чтения. Екатеринбург, 2013. С. 140–147.

27. Проблемные регионы ресурсного типа: Экономическая интеграция Европейского Северо-Востока, Урала и Сибири. Новосибирск, 2002. 356 с.

28. Районирование СССР: Сб. материалов по районированию с 1917 по 1925 гг. Под ред. К. Д. Егорова. М.; Л., 1926. 307 с.

29. Россия в XVII — начале XX вв.: региональные аспекты модернизации. Екатеринбург, 2006.

30. Рынков В. М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918–1919 гг.). Новосибирск, 2008.

31. Сапожникова Н. Д. О первой попытке создания уральской автономии // Каменный пояс на пороге III тысячелетия. Екатеринбург, 1997. С. 108–115.

32. Семенов-Тянь-Шанский В. П. Предисловие к пятому тому // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. V. Урал и Приуралье. СПб, 1914.

33. Смирнягин Л. В. О региональной идентичности // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы четвертого Конвента РАМИ. М., 2007. Т. 2. С. 75–87.

34. Урал. 1918. 19 (6) ноября. № 2.

УДК 32(019.5)

С. В. Мошкин

ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ И ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

В статье показывается, что многолетнее отсутствие перспективного социального проекта пагубно сказывается на состоянии российского общества. Мотивирующей идеей, по мнению автора, могла бы стать тема патриотизма, представленная, однако, не в традиционном дискурсе противоборства «западников» и «самобытников», а в логике объединения их усилий по избавлению общества от «социальных патологий» — паразитирующей бюрократии и коррупции. Предоставление свобод производителям, местным сообществам и регионам, содействие складыванию единой нации на основе гражданского общества — это и есть, по мнению автора, главная на сегодня патриотическая задача.

Ключевые слова: *патриотизм, российская идентичность, бюрократия, гражданское общество.*

«Российская власть должна держать свой народ в состоянии постоянного изумления», — писал М.Е. Салтыков-Щедрин полтора столетия назад [Цит. по: 2]. И как в воду глядел: нынешние правители России изумляют нас не меньше, а порой и больше, чем их августейшие предшественники: что ни год, то новая задумка, новая идея фикс: «национальные проекты», «суверенная демократия», «энергетическая держава», «нанотехнологии», «модернизация», «новая индустриализация». Всего и не упомнишь. Громко кричали и быстро забывали... Теперь вот новое: на встрече с региональными омбудсменами в сентябре 2012 г. президент неожиданно предложил последним найти новую национальную идею (видимо, комичный итог подобных изысканий времен Б. Н. Ельцина ничему не научил). Но и этого мало. Власти вдруг заговорили о патриотизме и даже создали в Администрации Президента соответствующее управление. Ну, как тут снова не вспомнить незабвенного Михаила Евграфовича: «Когда начинают часто говорить о патриотизме, значит — опять что-то украли!»

А между тем, попытки сформулировать какие бы то ни было «новые ценности» выглядят сегодня все более безнадежными. Кажется, перебрали уже все возможные идеи, а инфляционная реальность обесценивает

Мошкин Сергей Вячеславович, доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: osa-sv@yandex.ru.

их еще до начала их обращения. Вот и очередная попытка сформулировать всеобъемлющую национальную идею на деле оказывается негодной и бестолковой. В чем тут дело? В слишком ли резком разрыве между прошлым и настоящим? В том ли, что и прежние ценности были лишь их имитацией в духе «морально-политического единства», а нынешняя жесткая реальность отвергает имитацию? Более того, могут ли вообще быть сформулированы эти ценности на прежнем, скомпрометировавшем себя языке пропагандистской машины?

Многолетнее отсутствие перспективного социального проекта становится «пугающей пустотой». Мы не знаем, чего хотим. Не хотим жестокого, людоедского государства, но устраивает ли нас его нынешняя расхлябанность? Мы апеллировали к «общедемократическим ценностям», но, оказалось, что никакого «общедемократизма» нет. Есть Америка, Япония, Греция, и то, что немцу здорово, то нам и вусмерть не надо. У себя тошно, и у других — несладко. Родной ад отторгли, а чужим раем не насытишься...

Нам трудно сформулировать свои чувства к родной земле. «Но ложимся в нее и становимся ею, Оттого и зовем так свободно своею», — писала Анна Ахматова [см. 1]. Что такое сегодня наш патриотизм — слово, которое после пресловутого «военно-патриотического воспитания» и произнести нелегко? Повседневная жизнь во благо близких? Или то, от чего мы отталкиваемся, увидев чужие и чуждые страны и порядки, тем самым проникаясь любовью и пониманием своих собственных?

Если нельзя положиться на большие идеи, говорил мудрец, положиись на здравый смысл. Может, прежде чем выдвигать новые ценности, стоит сделать попытку разобраться в собственных чувствах и переживаниях. Получится не диагноз, а анамнез: попытка описания.

Сегодня «патриотизм» — слово, чаще других употребляемое в политическом лексиконе. Похоже, что все, кому не лень, используют его: одни как ключ, другие как отмычку, чтобы проникнуть в душу постимперского избирателя и завладеть ею, дорваться до власти. Вот мы и решили предложить свою версию этой необъятной темы и попытаться выяснить, что же такое сегодня — российский патриотизм?

Чтобы понять это, неплохо было бы сначала выяснить, что значит сегодня быть русским или россиянином. Для поиска «потерянной» русской идентичности попробуем выстроить некий треугольник. Его первая вершина — это русские как этнос, т.е. общность, основанная на кровнородственных связях. Вторая — это русские (россияне) как люди на службе русскому государству. И третья — это россияне по гражданству, по принадлежности к нации, т.е. общность свободных людей-граждан, солидарно обустривающих свою территорию. Надо признать, что русские очень быстро вышли из состояния этнократии: история с «призванием варягов»

показывает, что наши праотцы отказались от кровнородственной общности в пользу службы князю и земле. Дальнейшая история шла под знаком постоянного поиска русскими ответа на вопрос, кому они служат: государству или земле, начальству или Родине. Чисто имперски-службистский принцип можно упрощенно сформулировать так: где начальство платит, там и Родина. А принцип нации — это служба земле, где ты живешь, независимо от состава твоей крови и от того, какое начальство тобой правит или пытается править. Если же, как некоторые сейчас пытаются сделать, взять за основу «принцип крови» и пытаться выяснить, кто является «истинно русским», то первым из отечественной культуры должен вылететь потомок «арапа» Пушкин. После этого история России становится просто неинтересной и бессмысленной.

Здесь, однако, следует уточнить понимание термина «империя», тоже достаточно захватанного и мифологизированного: для одних это ругательное слово, символ «тюрьмы народов», для других — идеал российского государственного устройства. Многие считают ключевой характеристикой империи сочетание метрополии и колоний. Отсюда, кстати, и мнение большинства исследователей, что Россия никогда не была настоящей империей. На самом деле, классическая имперская модель подразумевает отсутствие этого разделения: все граждане империи равны в подданстве верховному властителю. Стержень империи — выстроенная сверху донизу иерархия службы. Россия, начиная с Петра, была очень близка к идеальному типу империи. Для Петра I наиболее русскими, т.е. истинными «россиянами», были те, кто верно служил ему и, соответственно, государству. Брюс, Лефор, Гордон, которые с трудом говорили по-русски, представлялись более русскими, чем многие соплеменники — обленившиеся боярские недоросли, бунтующие стрельцы или беглые холопы, не несущие государева тягла.

Православная Российская империя была более совершенной имперской формой, чем, скажем, английская или французская. Ведь она позволяла под эгидой православного царя служить всем этносам. Правда, сохранялся серьезный барьер: на государственную службу брали лишь тех, кто принимал православие. Этот критерий, позволявший выйти за пределы чисто этнических ограничений, сам был, конечно, ограничителем, фактически ущемляющим интересы многих народов империи, недовольство которых способствовало впоследствии ее краху и успеху большевиков.

Приход последних к власти привел к становлению империи еще более универсалистского типа, где можно было служить уже независимо ни от этноса, ни тем более, от вероисповедания. Коммунизм как идеология и новая квазирелигия стал супермировым явлением, превзойдя

в этом смысле православие, представляющее собой лишь одну из ветвей христианства.

Вскоре, однако, выяснилось, что претензии коммунистической империи на всемирность несостоятельны: большая часть мира воспринимала ее скорее как отклонение от магистрального пути развития мировой цивилизации. И тогда началась горбачевская перестройка, первоначально задуманная как попытка предложить этой империи еще более универсалистский проект, основанный на подключении к «мировой цивилизации», к «общечеловеческим ценностям». Но это «подключение» в итоге и похоронило коммунистическую империю. Конструкция оказалась лишена несущего коммунистического каркаса, что фактически и разрушило ее. Правда, вскоре оказалось, что не все в коммунистической империи было так уж плохо. Например, выступая как универсализирующее начало, она ослабляла этнократические притязания, ибо ее гнет не только подавлял гражданское общество, но и сдерживал этнократическую «войну всех против всех».

Сегодня принято обличать советский тоталитаризм (термин, сам по себе, скорее публицистический, нежели научный). Однако и здесь неуместно мифотворчество. Парадокс истории заключается в том, что тоталитаризм является оппонентом вовсе не демократии, а хаоса. Большевицкая диктатура возникла как ответ на российский революционный хаос, а не на демократию — у нас ее не было.

Однако существует еще одна историческая форма ответа на хаос — либерализм. Либеральные идеи, выраженные в послереволюционной Англии Дж. Локком, были сформулированы тогда, когда традиционалистские основы английского общества были разрушены, а этактистские попытки их восстановления, реставрации сверху выглядели еще более разрушительными. Еще Аристотель, споря с Платоном — сторонником тотального государства, считал, что тот, кто хочет все максимально контролировать, — главный разрушитель. А ведь бюрократия, «проверяя все амбары», проедает общественное богатство, которое без остатка идет на ее содержание. Поэтому наиболее стабильно то общество, в котором нижние этажи отданы на самоорганизацию.

Казалось бы, откуда в России, с ее известными имперско-тоталитарными традициями и недоразвитым «третьим сословием», может появиться массовый носитель либеральных идей? Вопрос закономерный. Но и здесь не надо демонизировать Россию и ее историю. У нас абсолютно нормальная страна, в которой действуют все основные общественные закономерности. Ведь главное для движения общества вперед — это не создание социального идеала, к которому надо стремиться, а отсечение патологических форм.

В мировой и российской истории есть две основные тенденции: одна — к продуктивности в широком смысле, другая — паразитическая. Главный порок современного политического режима в России — это то, что под разговоры о необходимости высвобождении гражданского общества из пут государства (вспомните медведевскую «Россия, вперед!») сформировалась еще более властно-паразитарная бюрократия, чем была раньше. Непроизводительные слои стали обходиться нам еще дороже, непродуктивность общества усугубилась. Эта опасная тенденция «проедания» национального богатства при пренебрежении к отечественному конкурентоспособному производству грозит нам новой варваризацией. Избежать этой опасности можно только на пути либеральной политики, понимаемой как создание возможностей для самостоятельного обустройства гражданами своего дома, а не как безразличное превращение его в проходной двор и объект растущего аппетита проворовавшейся власти.

Конечно, сегодня российское общество расколото. Причем, считается, что либерализм — это главное идейное оружие «новых западников» типа Рыжкова, Немцова или Каспарова, что уже исключает его принятие на вооружение нынешними «самобытниками» — такими, как Холмогоров или Дугин. Как примирить эти два традиционных для России типа мышления и предотвратить варварство?

Посмотрим на социологическом уровне, против чего и те, и другие выступают. «Западники» — против коррумпированной властной номенклатуры и развращенного бюджетным патернализмом прогосударственного бизнес-сообщества. Т.е., против тех, кого можно определить как непродуктивные паразитические индивиды. «Самобытники»? Против «криминальной буржуазии» и всяких там «купи-продаев» (т.е. против производящей части предпринимателей), а также против всё тех же коррупционеров в государственных структурах. Получается, что главный объект критики один и тот же: обременительный «трутень», который использует свое место у кормушки, не производя, а потребляя.

Поэтому и «новым западникам», и «самобытникам», следует демифологизировать ситуацию и на строго социологическом уровне совместно выяснить, против кого они борются, кто сегодня непродуктивен. Тогда и рецепт «отсечения патологии» в российском обществе будет очевиден. Это, во-первых, предоставить большую свободу производителю, т.е., надо по-настоящему, а не на словах либерализовать экономику. Во-вторых, развивать местное самоуправление, предоставить большую экономическую свободу регионам, например, увеличив их долю в распоряжении налогами. Правда, эта передача власти на места будет иметь смысл лишь в том случае, если будет существовать гражданский контроль за деятельностью власти, в том числе посредством института выборов и независимых

СМИ. Если же они останутся лишь местными филиалами неподконтрольного и коррумпированного Центра, то перераспределение полномочий ничего не решит: если раньше все проедал Центр, то теперь будут проедавать его филиалы на местах. Причем, во втором случае это будет сделано гораздо быстрее. Наконец, третье и, пожалуй, самое главное — с всемогуществом коррумпированной и несменяемой номенклатуры должно быть покончено.

Отсюда, возвращаясь к вопросу «что такое российский патриотизм сегодня?» ответим: любое обуздание паразитирующей бюрократии, борьба с коррупцией и разбазариванием национального богатства, любое содействие складыванию нормальной нации на основе гражданского общества и являются сегодня главной патриотической задачей.

Библиографический список

1. Ахматова А. А. Родная земля [Электронный ресурс]. URL: <http://www.akhmatova.org/verses/verses/681.htm> (Дата обращения: 02.02.2015)
2. Гарин И. И. Стихи и афоризмы о России [Электронный ресурс]. URL: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=441012 (Дата обращения: 11.01.2015 г.).

УДК 39 (410.16)

Д. Н. Караваева

АНГЛИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ (на материалах Северной Англии)

В работе представлены некоторые результаты историко-антропологического исследования автором дискурса английской идентичности в ее региональной и локальной проекциях (Northernness), в многослойном дискурсивном поле на материалах Северной Англии. Обычно исследующие проблематику идентичности в современной Англии обращаются к упадку или расцвету тех или иных институтов — империи, монархии, классовой системы или к анализу таких феноменов, как иммиграция, мультикультурализм, деволуция, евроинтеграция и т.д. Данная работа обращается к английскости «в диалогах». Северный (региональный) дискурс английскости имеет свою специфику, подчас затрудняющую его сопоставление с «классическими» вариантами английскости. В дискурсе играют первостепенную роль такие факторы, как специфика развития региона Северная Англия и его субрегионов, локальных сообществ, разделение Севера и Юга, региональное брендрование.

Ключевые слова: *английская идентичность, североанглийскость, современная Великобритания, Северная Англия, дискурс идентичности, региональная идентичность, постиндустриальный*

Современная Англия в отношении идентичности представляет собой интереснейший феномен. Многослойность, многовариантность идентичности, существование разнообразных, подчас конкурирующих

Караваева Дина Николаевна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: dina.karavaeva@bk.ru.

видений прошлого, настоящего и будущего англичан и Англии, несомненно, является признаком и залогом богатства культуры, ее полифоничности, живучести и адаптивности. В то же время, ответом на глобализацию с сопутствующими ей процессами размывания этничности часто оказывается активация «малых идентичностей» — групповой, локальной, а не собственно «национальной», каковой является английскость. Такие авторитетные авторы, как М. Сторри и П. Чайлд, и вовсе полагают, что для англичан настоящее значение имеют только региональные и локальные идентичности [30, p. 6].

Идентичность Севера Англии наиболее выпукло презентует данную сторону английской идентичности, поскольку существует в своеобразной, чрезвычайно сложной форме — форме взаимодействия и взаимозаменяемости различных субрегиональных и локальных версий. По нашим полевым данным, сегодня жители Севера Англии чаще отмечают свою принадлежность к «локальному сообществу», чем к сообществу национальному, «большой родине». Свою идентичность англичане связывали: с местом рождения и проживания (35 %), локальным диалектом (27 %), историей страны и региона (21 %), английской природой и ландшафтами (9 %), британским государством (3 %), с самим собой (3 %). В «матрешке идентичности» (Великобритания — Англия — Север — Сандерленд) самым значимым оказывается последнее звено [3]. По данным агентства «MORI», региональная идентификация наиболее важна для 50% населения Англии, — от 83% на Северо-Востоке до 17% на Востоке Англии [33]. В то же время часть исследователей считают призрачными большинство региональных идентичностей Англии. Ф. Фернандес-Арместо, британский историк испанского происхождения, автор работ, посвященных англичанам и шотландцам, уверен, что разделение Севера и Юга существует, но в основном в Йоркшире, где люди проявляют сильную расположенность к своему графству [8], и на Северо-Востоке, где жители демонстрируют «яростный локальный шовинизм». В остальном, по мнению исследователя, англичане являются одной из самых устойчивых наций в европейском сообществе [14, p. 42]. Р. Хазел в этой связи писал, что, несмотря на то, что со стороны общественности неоднократно выдвигались инициативы по организации региональных ассамблей, Англия остается «черной дырой деволюционных процессов» [15, p. 29].

Итак, сферой нашего особого интереса является Северная Англия, включающая одни из самых выразительных в отношении идентичности регионов Англии — Северо-Восток, Йоркшир и Хамберс, Северо-Запад. О. Митчелл пишет, что на Севере существует совершенно отличный от южного варианта английскости тип идентичности (идентичности скаузеров,

тюков, джорди и др.¹) — не менее самобытный и многозначный: «Север Англии является частью Англии, но не принадлежит ей» [24, р. 46].

Северный региональный дискурс английскости имеет свои специфики, подчас делающие невозможным его сопоставление с «классическими» вариантами английскости. В дискурсе первостепенную роль играют такие факторы, как специфика развития региона Северная Англия и его субрегионов, локальных сообществ, разделение Севера и Юга, разделение «дальнего» и «ближнего» Севера, региональное брендинг. Дискурс сигнализирует о наличии мощного паттерна неравных отношений между северной периферией и южной метрополией (в ходу взаимные прозвища «северные обезьяны» и «южные феечки»). Он содержит в себе попытки показать, что Север, его материальные и человеческие ресурсы, природные и индустриальные ландшафты оказали большое, в том числе позитивное, влияние на Англию, и противостоят своей культурой «корумпированному, разлагающемуся Югу».

В период с середины XX в. и до настоящего времени основными выразителями и «создателями» северной идентичности являются авторы туристической, диалектной литературы, индустриального и регионального романа, кино, телевизионных сериалов и музыки, для которых почти нехарактерно стремление открыть для себя и сторонних читателей/зрителей/слушателей регион и его «характер», скорее, внимание уделяется внутренним проблемам и социальным драмам. Из-за ограниченности тематик и сюжетов, исторических и географических локализаций, на основе продуктов региональной культуры можно полноценно выстроить лишь образ индустриального и постиндустриального «лауриленда» рабочего класса, но не разнообразных идентичностей региона. Весомой частью идентичности являются символы и структуры конца XVIII — начала XIX вв. (урбанизм, индустриальная экономика, культура рабочего класса и пр.). Однако очевидно, что прежние конструкции оказываются на Севере Англии изжитыми и существующими в виде некоего «музейного лубка», тогда как новая идентичность, которая с трудом себя ассоциирует с юго-восточной «титальной» английскостью, не представляет пока собой выраженного феномена. Редкие попытки воссоздать или создать северную идентичность наблюдаются лишь в академической среде.

Понятие «Северная Англия» передается в английском языке как Northern England, North of England, the North, the North Country, и развивалось в зависимости от времени, контекста и угла зрения. Как утверждают Дж. Хилл и Дж. Виллиамс, «Север, несомненно, не конкретное

¹ Тюки (tykes) — неформальное прозвище жителей Лидса, по обозначению болельщиков команды регби Лидса; джорди (Geordie) — жители Северо-Востока, а именно области Тинесайд; скаузеры (Scousers) — Ливерпуля, по названию местных диалектов [36].

место, а, скорее, образ мыслей, ментальная территория» [16, р. 6]. При попытках определения «границ» Севера — буквальных и образных — северяне и южане нередко обращаются к драматичному периоду деиндустриализации. Э. Квили, жительница Салфорда, Большой Манчестер, в беседе сказала: «В 1994 г. Лондон выкупил часть территорий нашего городка, была снесена центральная часть и построены магазины, торговые центры. Одновременно прошли забастовки шахтеров, и тут же Тэтчер закрыла все шахты. Я больше не знаю, где теперь мое место, куда все делось...» [5]. В Южной Англии респонденты нередко до сих пор видят Север как некое далекое «там, где шахты, заводы, фабрики, рабочие, забастовки, упадок» [1].

Если говорить о физической географии, то географическое положение Севера формирует уникальный климат региона: как считают часть северян, на Севере выпадает «наибольшее количество осадков в год, а также дует наибольшее количество ветров» [36, р. 3–4]. Север является значительной частью Англии в отношении и населения. Даже если говорить о его «мини-версии» — Севере из семи графств — население региона составляло в 2001 г. около 14,5 млн чел., или 30% жителей Англии (Ланкашир и Йоркшир особо густо населены), что сопоставимо с населением всей Шотландии, Норвегии и Дании [13; 29].

Э. Бриггс подчеркивает климатическое, географическое, лингвистическое, историческое и архитектурное разнообразие региона и указывает, что концепция гомогенного Севера, популярная среди участников дискуссии о Севере и Юге, является опасным упрощением, и что разнообразие Севера ставит под вопрос существование единой региональной идентичности [10, р. 3]. По мнению Д. Рассела, в отношении Севера может вестись речь о «дальнем и ближнем» (*far/near*) Севере. Так, Дарем, Нортгумберленд, Кумберленд и Вестморленд могут считаться дальним — с более суровым климатом и большей отдаленностью от метрополии. Таким образом, «настоящий» Север может пролегать выше линии северного побережья Ланкашира, и это совпадает с представлениями жителей данных регионов, отмечающих разницу в идентичности с жителями других регионов [27, р. 16; 21]. Помимо прочего, на Севере существует и «Западно-Восточное разделение», где границей выступают Пеннины [32].

Регион насыщен и внутренними трениями (между территориями, стремящимися к лидерству, культурной и другой самостоятельности, например, между Йоркширом и Ланкаширом). Наиболее значительное экономическое и политическое соперничество развивается между отдельными городами. Ф. Масгров пишет, что историческое положение Манчестера как «столицы регионов» Англии провоцировало появления ряда проблем в отношениях с другими региональными центрами. Манчестер и поныне

играет важную роль в региональных идентичностях, а также в индустриальных и коммерческих структурах страны. Манчестер — региональная столица одной из наиболее динамично развивающихся и привлекающих туристов со всего света территорий, знаменитая рабочим движением (образование Лиги против хлебных законов 1839 г. и Национальной организации чартистов 1840 г. и др.), культурными достижениями (новеллы Дизраели «Сибилла» (1845) и Гаскелл «Север и Юг» (1855) и пр. [26, р. 17]). На рубеже XIX–XX вв. Манчестер стал еще и культурной столицей Севера (во многом благодаря основанию Манчестерского королевского музыкального колледжа и Манчестерского театра). С 1920-х гг. Манчестер является вотчиной ряда выдающихся спортивных изданий, «наиболее важным центром газетной индустрии за пределами Лондона». Благодаря этим структурам в Манчестере создавались лучшие условия для развития самоощущения в качестве столицы региона, нежели в Ливерпуле, зачастую обращаемся к общему дискурсу «славного прошлого», а не к собственным региональным ценностям и символам [11, р. 88–138]. Существующее соперничество Манчестера с другими крупными городами Севера создает внутреннюю динамику конкуренции и диалога на Севере. Дж. Белчем в этой связи напоминает, что «Манчестер всегда являлся истинно северным городом в представлениях не-северян и способствовал созданию удобного образа Севера для обитателей других регионов» [22, р. 3].

Как указывает Дж. Белчем, ливерпульцы называют свой город «вторым в империи» из-за роли крупнейшего морского порта и транзита для колоний, оспаривая таким образом превосходство Манчестера [22, р. XII, 3]. Д. Рассел пишет о том, что в одной из ливерпульских газет 1964 г. говорилось и об «абсурдных и пагубных претензиях» Манчестера, способного «только на то, чтобы выдавать свое гнилое фабричное сырье за культурные ценности» [27, р. 20]. «Деиндустриализация» и ее разрушительные последствия в 1980–1990-х гг. коснулись Ливерпуля сильнее остальных. Город всегда ассоциировался с отсталой культурой рабочего класса, но в 1960-е гг., с культурной революцией, все зазвучало иначе. В 1980-е гг. на фоне экономического упадка общественность видела Ливерпуль «типичным примером всего того неправильного, что случилось в британских крупных городах» [19; 35].

На Северо-Востоке Англии региональная идентичность выражена ярче и является более политизированной. Это связано с тем, что, во-первых, у Северо-Востока есть региональный центр Ньюкасл и выраженные региональные границы: на севере он соседствует с Шотландией, на востоке омывается Северным морем, на юге огораживается Кливлендскими холмами, на западе — Пеннинами. У региона всегда существовала особая географическая идентичность — не только в силу отдаленного от Лондона

местоположения, но и из-за того, что он находится «за пределами Йоркшира», «далеко на Севере» [18]. Во-вторых, у региона есть сильная историческая идентичность: наследие Нортумбрии (Вал Адриана, например) и ранних церквей в Дареме, Джарроу и Линдисфарне, а также наследие Беды Достопочтенного [28]. Здесь издревле бытовала идея земли вне контроля центра. Как пишут Дж. Томаней и Н. Вард, Северо-Восток сохранял отчужденность от остальной Англии вплоть до объединения Англии и Шотландии в 1707 г., поэтому «следует более осторожно говорить о Северо-Востоке как о британском регионе, так как его окончательная инкорпорация проходила параллельно с формированием британской идентичности» [33]. В-третьих, регион обладает сильной идентичностью ввиду расположения здесь львиной доли тяжелой промышленности страны, хотя сегодня это один из самых бедных регионов Англии, находящийся в состоянии поиска конкурентоспособной сервисо-ориентированной постиндустриальной экономики [18]. В-четвертых, у региона сильна культурная идентичность. В прошлом это было связано с методистской церковью и рабочим движением [9; 25]. Регион примечателен наличием особых акцентов/диалектов английского языка; сильной аффилиацией к футболу и таким региональным командам, как «Ньюкасл Юнайтед», «Сандерленд» и «Миддлбороу» [31]. Северо-Восток является и одним из самых этнически гомогенных регионов страны — 96,4% белых британцев, по данным переписи 2011 г. [12].

Отличительной характеристикой Севера является тот факт, что территория является родиной индустриализации, определявшей экономический и культурный облик региона на протяжении последних столетий. Деиндустриализация XX в. и быстрый упадок производства в 1980-е гг., наряду с развитием сферы услуг, привели к резкому падению экономического уровня и потере независимости региона. Н. Джюэлл считает, что историческое развитие Севера привело к формированию здесь мощного слоя рабочего класса с развитым ощущением общности и очень небольшой, по сравнению с Югом, прослойки среднего класса [17, р. 37–38].

С индустриализацией Севера связан рост урбанизации. Из шести английских конурбаций, существовавших с XIX в., четыре находятся на Севере [34, р. 9]. Следствием стало стремительное изменение окружающей среды, ландшафтов и образа жизни. Север до сих пор является, в сознании южан, «сплошной дымящей фабрикой» [2]. Однако, как пишет П. Вэллер, именно Север, наряду с Лондоном, стал «сердцем изменений в Англии и мире вообще, тогда как в остальной части Англии наблюдалась тенденция к сохранению в нетленном виде пасторальных образов» [37, р. 73–74]. По мнению Ф. Масгрова, специфика индустриализма и урбанизма Севера привела к формированию особой политической идентичности.

Упрощенно противостояние Севера и Юга можно представить как противоборство левой и правой политической традиции; особенно это касается выборов и событий 1979–1992 гг. [26, p. 267].

При неформальном разговоре о «северной» идентичности информанты упоминают, как правило, матерчатые кепки и гончих собак, башмаки для чечетки, рабочие платки, духовые инструменты, бульжные мостовые, блюда «мясной рубец» и «черный пудинг», «трагедии» на фабриках (1980-е гг.), регбилиг, футбол, причал Уигана, комедийных актеров Джорджа Формби и Грейси Филдс, индустриальные пейзажи художника Лоури, сериал «Улица коронации», персонажа рабочего и пьяницы Энди Кэппа. Информанты обращаются к идее Севера как территории сурового, но бодрящего края вересковых пустошей и озер, доброжелательного отношения, общего плеча, самобытного фолка, особого северного акцента, ритуального приветствия в форме плотного рукопожатия, идее того, что на Севере идет «настоящая и искренняя жизнь», не существует предрассудков [4].

С. Макоуни о Севере пишет так: «Север многолик и сложен... На Севере бывает очень мрачно — и ошеломляюще красиво... Жизнь здесь не ограничивается исключительно футболом и тяжелым трудом. Тут есть политика, фольклор, гражданская война и ядерная энергия, тяжелая промышленность и высокая мода, поэзия и пина колада, корабли и магазины, жареная рыба с картошкой, а также футбол и тяжелый труд» [7, с. 9]. Как утверждает житель Лидса Дэниель Кивлингтон, «настоящий Север» может быть «ужасным и прекрасным, комическим и пугающим, несгибаемым и артистически чувственным» [6]. Или как говорит Дик Миллнер из Хартлепула, на досуге сочиняющий стихотворения о родном Северо-Востоке, «Север и его люди как Ангел — голая сталь, и в этом все заключено»¹. Как пишет Д. Рассел, «классический Север существовал до 1970-х гг. — с фабриками, улицами из одинаковых кирпичных домов, туманными долинами и вересковыми пустошами. Живя здесь, остро чувствуешь отличие от Юга. Это, возможно, не другая нация, но, несомненно, совершенно особое место» [27, p. 3].

Таким образом, идентичность северянина определяется как индивидуальными границами, профессиональной идентичностью, так и границами географического понятия «Север». Для большинства его жителей Север — особая территория, формировавшаяся на протяжении столетий и обладающая самобытным общественным самосознанием. Север — территория города, промышленности, рабочего класса, культуры честного и упорного труда, во многих отношениях обращенная в индустриальную историю XIX в.

¹ Имеется ввиду «Ангел Севера» (Angel of the North) — современная скульптура, созданная Э. Гормли, в Гейтсхеде, Ньюкасл [См.: 23].

Библиографический список

1. ПМА (углубленные неформализованные интервью, результаты формализованного анкетирования и тестирования) 12: Дж. Давей (00.07.10) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН.
2. ПМА 13: Э. Криссел (00.07.10) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН.
3. ПМА 17-39 // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН.
4. ПМА 1-9; 17; 19; 20-24; 28-36 // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН.
5. ПМА 34: Э. Квили (00.07.12) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН.
6. ПМА 7: Д. Килвингтон (00.06.10) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН.
7. Макоуни С. Гонор и предубеждение. Реальная Англия — здесь и сейчас. М.; СПб., 2010.
8. Ball J. Scotland Thinks It's Neglected by the Media? It Should Spare a Thought for Northern England // *The Guardian*. 2014. September 17.
9. Beynon H., Austrin T. Masters and Servants: Class and Patronage in the Making of a Labour Organization. *The Durham Miners and the English Political Tradition*. L., 1994.
10. Briggs A. Themes in Northern History // *Northern History*. 1966. Vol. 1, Issue 1.
11. Briggs A. *Victorian Cities: Manchester, Leeds, Birmingham, Middlesbrough, Melbourne*. London. L., 1990.
12. Census 2001. Office for National Statistics. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ons.gov.uk/ons/guide-method/census/census-2001/index.html> (дата обращения — 01.12.2014).
13. Census 2011. Office for National Statistics. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ons.gov.uk/ons/guide-method/census/2011/index.html> (дата обращения — 01.12.2014).
14. Fernandez-Armesto F. *The Times Guide to the Peoples of Europe*. L., 1994.
15. Hazell R. Regional Government in England: Three Policies in Search of a Strategy // *The English Question* / S. Chen, T. Wright (eds.). L., 2000. P. 29-44.
16. Hill J., Williams J. Introduction // *Sport and Identity in the North of England*. Keele, 1996. P. 1-9.
17. Jewell H. *The North-South Divide. The Origins of Northern Consciousness in England*. Manchester, 1994.
18. Lancaster B. Newcastle — Capital of What? // *Geordies: Roots of Regionalism* / R. Colls, B. Lancaster (eds.). Newcastle, 2005. P. 53-70.
19. Leeso P. Goodbye Scottie Road. *The Photography of Peter Leeson*. L., 2008.
20. *Liverpool Daily Post*. 1964. April 20.
21. McCord N. The Regional Identity of North-Eastern England in the Nineteenth and Twentieth Centuries // *Issues of Northern Identity*. Manchester, 1998. P. 102-117.
22. *Merseypride. Essays in Liverpool Exceptionalism* / J. Belchem (ed.). Liverpool, 2000.
23. Milner D. *Poems of the North East*. Hartlepool, 2007.
24. Mitchell A. A Manifesto for the North // *The English Question* / S. Chen, T. Wright (eds.). L., 2000. P. 45-62.
25. Moore R. *Pitmen, Preachers and Politics: The Effects of Methodism in Durham Mining Community*. Cambridge, 1974.
26. Musgrove F. *The North of England. A History from Roman Times to the Present*. Oxford, 1990.
27. Russell D. *Looking North: Northern England and the National Imagination*. Manchester; N.Y., Palgrave, 2004.
28. Stento F. *Anglo-Saxon England*. Oxford, 1971.
29. Stokes W. Definition of a Financial Region // *Issues of Northern Identity*. Manchester, 1998. P. 118-153.
30. Storry M. Introduction // *British Cultural Identities* / M. Storry, P. Childs (eds.). L., 2008.

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК КАК ПРОДУКТ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

УДК 94 (470) «19»

А. В. Сперанский

«НОМО SOVIETICUS»: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН*

В статье дается исторический анализ феномена «советского человека» как особого социокультурного типа личности, возникшего в условиях социалистических преобразований в России. Рассматриваются идеологические мифологемы и реалистические признаки его становления. Показаны негативные и позитивные оценки его деятельности, степень влияния на ход и основные результаты социальной трансформации российского общества в советский период истории.

Ключевые слова: *советский человек, идентичность, идеологема, социалистическая система, историческая общность, полиэтничность, менталитет*

Субъектом истории всегда является человек, деятельность которого приводит к развитию общества, государства, культуры. В разные периоды, в разных странах мира, складывались человеческие общности, имевшие специфические социально- антропологические, цивилизационные и социокультурные характеристики, активно влиявшие на мировой исторический процесс через соответствующие культурные модели и структуры своего самосознания. Достаточно вспомнить римский народ (*populus romanus*, лат.), создавший в эпоху античности величайшую государственность и культуру, арабов, распространивших свое влияние на огромные территории мирового пространства, или китайцев, построивших одну из древнейших земных цивилизаций.

По нашему мнению, к подобного рода обладающим идентичностью людским сообществам относится сложившаяся в XX в. на территории бывшей Российской империи человеческая общность, ставшая результатом грандиозных социальных потрясений и преобразований. Имеется в виду «советский народ», проживавший на огромной территории супердержавы, называвшейся Союзом Советских Социалистических республик.

Сегодня и в научном мире, и в обществе в целом, отношение к этому понятию противоречивое и неоднозначное. Одни считают «советский народ» некой идеологемой, другие — историческим достижением. На наш

Сперанский Андрей Владимирович доктор исторических наук, профессор, зав. сектором политической и социокультурной истории, Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: avspersky@mail.ru.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ № НШ-3422.2014.6.

взгляд, советский народ был безусловной исторической реальностью. Это была не идеологическая выдумка, туманившая сознание подавленных коммунистическим режимом масс, а социально-антропологическая и социокультурная основа строившейся и активно развивавшейся в нашей стране советской социалистической системы.

Термины «советский народ» и «советский человек», как его составная часть, начали использоваться для обозначения населения СССР в 30-е гг. XX в. Впервые они появились в песнях на слова В. Лебедева-Кумача («Советский простой человек», «Если завтра война»). Затем были использованы в передовице газеты «Правда» от 21 декабря 1939 г. «Родной Сталин», многочисленных советских произведениях, как военного, так и послевоенного периодов. В годы Великой Отечественной войны они нашли отражение в Приказах Верховного Главнокомандующего.

Ученые считают, что словосочетание «простой советский человек» было введено в советскую культуру в противовес ущемленному безыдейному дореволюционному образу «маленького человека», коим определял критик В. Г. Белинский бесправных персонажей русской литературы XIX в. Образ «советского человека» прочно вошел в литературу, кинематограф, театр, изобразительное искусство как положительный герой социалистического реализма.

Однако вплоть до начала 1960-х гг. понятия «советский человек» и «советский народ» не несли идеологической нагрузки. Только в 1961 г., выступая на XXII съезде КПСС, Н. С. Хрущёв перенес их в общественно-политическую сферу, заявив, что: «...в СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие характерные черты — советский народ». Через 10 лет, в 1971 г., на XXIV съезде КПСС Л. И. Брежнев провозгласил «советский народ» результатом прочного социально-политического и идейного единства всех классов и слоёв, наций и народностей, заселяющих территорию СССР. Общим языком советского народа был признан русский язык, что являлось выражением «той роли, которую играет русский народ в братской семье народов СССР». Дефиниция, определявшая «советский народ», как официальное понятие советской идеологии, в точной формулировке 1971 г. звучала следующим образом: «Новая историческая, социальная и интернациональная общность людей, имеющих единую территорию, экономику, единую по социалистическому содержанию и многообразную по национальным особенностям культуру, федеративное государство и общую цель — построение коммунизма».

Однако с вступлением социалистической системы в полосу кризиса и развитием антикоммунистических настроений в стране понятия «советский человек», «советский народ» стали подвергаться критике, а то и попросту высмеиваться.

Постепенно эти понятия приобрели социальный образ и стали употребляться для определения образа социального типажа. В 1982 г. в социальный лексикон вошло понятие «Гомо советикус» (*homo sovieticus*), как ироничное название советского человека. Выражение стало популярным после публикации книги советского диссидента, философа и писателя Александра Зиновьева (1922-2006) «Гомо советикус». Согласно его гипотезе, советский человек (*homo sovieticus*) — это новый тип человека, сформировавшийся в СССР под воздействием образовательной программы коммунистов [1].

В конце советской эпохи и, особенно после развала Советского Союза, феномен человека, проживавшего на 1/6 территории земного шара, продолжал и продолжает будоражить сознание ученых, политиков и публицистов. При этом, имеются попытки как объективного взгляда на существо проблемы, проявившиеся в публицистическо-социологических исследованиях Ю. А. Левады [2], С. Г. Кара-Мурзы [3], так и агрессивные, непримиримо-уничжительные оценки, сводящиеся к огульной критике и полному отрицанию чего-либо позитивного в существовании этой людской популяции.

Последняя точка зрения наиболее ярко и выпукло представлена оскорбительно-сленговым термином «совок» («совки»), часто употребляемым яркими противниками коммунистического режима, существовавшего в России более 70 лет. Этот термин прочно вошел в общественное сознание современных россиян и активно эксплуатируется в самых различных сферах нашего коммуникативного взаимодействия: от быденного общения до научных дискуссий. Считается, что термин «совок» (по созвучию со словом «советский») появился еще в 1970-е гг. среди фарцовщиков и в богемно диссидентствующей артистической среде [4]. В частности, о том, что термин «совок» придумал именно он, неоднократно заявлял музыкант, певец и композитор Александр Градский. По его словам «совок» звучит «как объяснение безысходности и бессмысленности борьбы...» [5].

Есть мнение, что термин «совок» широко использовали в СССР представители т.н. «золотой молодёжи», испытывавшие чувство идолопоклонничества перед западными ценностями и западным образом жизни. Противопоставляясь «совкам», они применяли по отношению к себе термин «чувак», аббревиатуру, расшифровывающуюся как «человек, уважающий высокую американскую культуру». В рамках т.н. «народной этимологии» существует и версия о том, что термин имеет «европейское» происхождение и представляет собой аббревиатуру «советский оккупант». Так, дескать, называли приверженцев советской власти в Прибалтике и странах Восточной Европы.

Так или иначе, прозвище «совок», носящее негативный характер, после распада СССР получило широкое распространение на пост-советском пространстве. Оно стало использоваться как термин, определяющий приверженцев советского уклада жизни, вообще людей, демонстрирующих признаки советского менталитета. Таким образом, эта точка зрения представляет термины «гомо советикус» и «совок» синонимами, отражающими якобы характерные черты советского человека, жившего в СССР: идеологизированность, духовная несвобода и внутренняя несамостоятельность, социально-иждивенческие установки, антидемократизм, нетерпимость к чужому мнению и чужой индивидуальности.

Согласно этой концепции, «совки» сохраняются и в современном российском обществе. Это люди, выбившиеся из современного ритма жизни, полностью лишённые самостоятельности и собственного мнения, слепо следующие указке «сверху», верящие массовой пропаганде, и, самое главное, не сумевшие найти подобающее место в новом обществе.

В рамках этого, достаточно прочно утвердившегося в массовом сознании стереотипа, все, что связано с понятием «советский», является или архаичным, или неправильным, или некачественным. Советский человек — бывший гражданин СССР, человек с отсталым мышлением. Советский образ жизни значит несвободный образ жизни. Советская техника, промышленность, предметы быта, архитектура и прочая атрибутика — символы низкого уровня развития экономики, политики и культуры. Советский образ подхода к современному бизнесу — это некачественное предоставление услуг и т.д., и т.п.

Конечно, в этих сентенциях есть определенная доля истины, но здравомыслящему человеку охарактеризованная точка зрения представляется крайностью, раздутой до непомерных размеров в угоду определенной идеологической и политической конъюнктуре.

Представление «советского народа» в виде серой и тупой безнациональной массы, оболваненной коммунистической пропагандой, а «советского человека» в виде послушного «винтика» огромной бездушной машины чрезмерно утрировано и политизировано. Советское государство никогда не ставило задачу ликвидировать этническое многообразие общества, заменив народы неким безнациональным *homo sovieticus*. Ни в каких документах СССР таких программных положений нет. Если же судить по реальной практике государства, то, согласно принятым в этнографии критериям, национальная политика в СССР на ассимиляцию направлена не была. Так, четыре переписи населения (с 1959 по 1989 гг.) показали небольшое, но постоянное снижение доли русских в населении СССР (с 54,6 до 50,8%). Численность же малых народов, которые первыми исчезают при ассимиляции, регулярно росла.

Люди, проживавшие в СССР, не были и искусственным конгломератом народов и этносов, никак не связанных между собой. Население Советского Союза с середины 1960-х гг. по конец 1980-х гг. официально называлось «советским народом», который, нравится это или нет критикам, реально существовал и имел целый ряд не только отрицательных, но и положительных характерных признаков. Он сложился как продукт длительного развития единого государства, граждане которого воспринимали СССР как свое Отечество и проявляли необходимую лояльность к его символам.

Согласно современным представлениям о государстве и нации, советский народ был полиэтнической нацией, не менее реальной, чем американская, бразильская или индийская. Более того, единое экономическое пространство, единые идеология, образовательная, правовая системы, армия, делади, на наш взгляд, граждан СССР даже более сплоченными, чем указанные нации. За годы существования Советского Союза между людьми разных национальностей возникло множество тонких, но важных объединяющих связей, сформировавших и культурно-психологическую основу исторической общности людей, именовавшейся «советский народ» (единые герои, любимые образы, типы юмора, даже предрассудки и суеверия). Кстати это, пусть и в негативной форме, но признают даже сторонники «совковой» теории.

Советский народ — это то, что отражало в первую очередь даже не политическую или экономическую, а прежде всего культурную составляющую социалистического строя. Всякий политический строй — это соответствующая политическая культура граждан. Поэтому в эпоху СССР советский народ был прежде всего олицетворением советской культуры.

Главным отличительным признаком советского народа была политэтничность, утверждаемая благодаря принципу интернационализма. Конечно, в этническом плане в советском народе доминировало русское начало, но оно не подавляло, а объединяло все этносы. Благодаря этому, при всех недостатках национальной политики, в советском обществе сложилась единая общность со своей специфической культурой, являвшейся плодом интенсивного взаимодействия всех народов. Душа любого народа — это его язык. У советского народа она проявлялась через язык межнационального общения — русский. Не только люди разных национальностей, но и часто представители одного и того же этноса говорили между собой по-русски, ибо он был языком советского народа, олицетворением соответствующей советской культуры. Отсюда то, что мы сегодня называем русскоязычной культурой, уходит своими корнями в наше советское прошлое.

Сегодня иногда с иронией говорят об официально декларируемой в советском обществе дружбе народов. Действительно, на бытовом уровне

национальные противоречия имели место быть. Порой звучали нелюбезные высказывания о каком-либо народе, рассказывались анекдоты, возникали инциденты во время спортивных соревнований и т.п. Но дальше бытовых конфликтов дело, как правило, не доходило. Советское государство, хоть порой и ошибалось при осуществлении национальной политики, но делало для укрепления дружбы народов немало. Можно утверждать, что идеалы толерантности, ставшие вождельной целью межэтнического общения сегодня, в советское время были осуществлены. Народы терпимо относились друг к другу, явной вражды не было. Проводилась государственная политика, дававшая возможность всем народам СССР взаимодействовать друг с другом, развивать свои отношения на всех уровнях, обмениваться своими достижениями. Дружба между представителями разных национальностей была обычным явлением, а межнациональные браки стали характерной приметой существования единого советского народа.

Однако межэтническое взаимодействие не было единственным и, тем более, главным признаком советского народа. Он был не столько этническим, сколько социальным образованием, исторической общностью людей, объединившихся на базе трех основополагающих признаков.

В первую очередь советского человека отличала высокая идейность. Не идеологизированность, как утверждают критики «совка» и «гомо советикуса», а именно идейность, т. е. искренняя вера в возможность переустройства мира на основе принципов свободы, равенства, братства и т.п. Это была психологическая особенность основной массы населения СССР, для которой идеи были важнее самой жизни. Идеи для советского человека были идеалом жизни, порой становились своеобразными идолами. Советский человек искал возвышенный идеал, стремился к нему, и свою жизнь обязательно соотносил с ним. В случае необходимости, он был готов пожертвовать собой ради сохранения достигнутого или продолжения пути к этому идеалу.

Признак идейности вполне логично сочетался с пониманием необходимости соблюдения общечеловеческих норм морали и нравственности. Идея нравственности, граничащая с религиозностью, в сознании большинства людей советского общества имела несомненный приоритет над выгодой и эгоизмом. Даже основной моральный кодекс социалистического режима («Моральный кодекс строителя коммунизма») связывался с нравственностью. Его основные положения мало чем отличались от религиозных заповедей. «Советский человек» прекрасно осознавал, что его идеи и методы их реализации должны соответствовать морально-нравственным основам и не выходить за рамки своего рода кодекса чести.

Представляется, что для «советского человека» был свойственен романтизм. Без него вряд ли возможна искренняя вера в достижение некого

идеала в соответствии со всеми морально-нравственными принципами. Очевидно, что социализм строился на романтике, которая как бы вытесняла душу человека из сферы материальной и социальной жизни в сферу возвышенных чувств, в сферу нереальностей, которые, как тогда казалось, при соблюдении вышеизложенных принципов, могут обернуться вполне ощутимыми достижениями. Эти «социалистические» мечтания не позволяли человеческой душе опуститься на землю, были своеобразным тормозом в проявлении низменных чувств и асоциальных поступков. В советскую эпоху, отнюдь не идеальную на практике, они, в отличие от нынешней, по крайней мере не пропагандировались и не объявлялись жизненными ценностями. «Добро» и «Зло» конечно существовали, но не смешивались и не подменялись.

Романтикой и духовностью были наполнены многие произведения литературы и искусства, среди которых было немало гениальных творений культуры мирового уровня. Как правило, они всегда демонстрировали свою приверженность к позитиву, осуждали негативные проявления, показывали, даже если этого еще не было в реальной жизни, идеальные образы к которым следовало стремиться. Метод социалистического искусства вошел в историю мировой культуры под названием «социалистический реализм». Однако, по нашему мнению, реализма в нем было гораздо меньше, чем романтических иллюзий. До определенного времени в советском искусстве преобладал социалистический романтизм. Но именно иллюзорные романтические герои советского времени, такие как Павлик Корчагин, Макар Нагульнов, Алексей Маресьев, формировали реальных советских людей в лице героев Великой Отечественной войны, покорителей космоса, строителей гигантских промышленных предприятий, тех, кто своими руками создавал величие Советской Державы и гордился ее достижениями.

По нашему мнению, социалистический реализм, как ни странно, утверждается на закате социализма и в постсоциалистическое время, когда искусство пытается обнажить все реальные, и прежде всего негативные, стороны нашей действительности, не предлагая никакого выхода из возникающих раз за разом социально-экономических, общественно-политических и социокультурных проблем. Как показал опыт пост-советской России 1990-х гг., это ведет к социальной апатии, бездуховности, безнравственности и аморальности. Порождает и усиливает такие негативные социальные явления, как коррупция, бюрократизм, организованная преступность, наркомания, проституция и т.п. Все это ослабляло российское общество, вело к деградации основных сфер его развития: экономики, политики, идеологии, культуры.

Продолжение государственной политики, предпринятой Б. Н. Ельциным и его командой в 1990-х гг. в угоду «просвещенной» Европе

и выигравшей «холодную» войну Америке, жаждавших максимального ослабления своего восточного конкурента, означало бы полный крах российского государства. Поэтому новое руководство России, пришедшее к власти в начале 2000 г., остановив кризисные процессы, взяло курс на самостоятельное развитие страны с учетом исторического опыта, накопленного в предшествующие периоды, в том числе и в советский.

Сегодня Россия медленно, но целенаправленно освобождается от антисоветского дурмана, и пытается на основе эффективного реформирования вернуть себе утраченные после развала СССР позиции. Для этого нужна сильная государственная власть и максимальная сплоченность народа, верящего в предложенные планы и всемерно поддерживающего их своей активной политической позицией и трудовой деятельностью.

В связи с этим представляется вполне разумной и рациональной опорой на лучшие примеры нашего недавнего прошлого, в том числе на традиции, связанные с формированием и деятельностью социально-антропологической и социокультурной основы СССР — советского народа. Не надо бояться реставрации коммунистического режима и связанных с ним негативных последствий. Войти в одну и ту же реку дважды не удалось никому. Ошибки советской власти хорошо изучены, осуждены и возврат к тоталитарным методам управления, порождающим политические репрессии и экономические деформации полностью заблокирован демократическими принципами функционирования современного российского государства.

Что касается положительных качеств советского человека, спасшего свою страну от фашистского порабощения и выведшего ее на передовые позиции в мире, то их развитие среди населения новой России было бы весьма целесообразно. Думается, что бескорыстный патриотизм, непоколебимая уверенность в завтрашнем дне, стремление к «светлому будущему», основанный на здравом смысле социальный оптимизм, глубокое ощущение принадлежности к великой общности подобных себе людей, обостренное чувство справедливости, абсолютная честность, человечность, гуманизм, неприятие тщеславия, семейная и коллективно-трудовая порядочность, неведомый западному человеку производственный энтузиазм, готовность на великие судьбоносные свершения, толерантность к другим народам, будет безусловно способствовать консолидации российского социума и предоставит ему новые возможности для успешной реализации поставленных целей.

Библиографический список

1. Зиновьев А. А. Гомо советикус. Пара беллум. М., 1991. 416 с.
2. Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 80-90-х / Отв. ред. Ю. А. Левада. М., 1993. 300 с.

3. Кара-Мурза С. Г. «Совок» вспоминает. М., 2002. 384 с.
4. Платонов О. А. История русского народа в XX в. М., 1997. Т.1 — 896 с. Т.2 — 1040 с.
5. Слово «совок»: ласкательное или оскорбительное // Вечерний Минск. 2000. 14 августа.

УДК 94 (470) «1970»

М. А. Фадеичева

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА В СССР (1970-Е ГГ.)

Анализируется проблема формирования нового человека в СССР как человека труда. Показано, что новый человек, заявленный в качестве цели социально-экономической политики КПСС, выступал средством решения задачи создания материально-технической базы коммунизма. Концепт «новый человек» сводился к концепту «советские люди/советский народ», а идеологема заботы о благе нового человека — к идеологеме наиболее полного удовлетворения растущих материальных и духовных потребностей советских людей.

Ключевые слова: *новый человек, человек труда, развитой социализм, КПСС, советские люди.*

С принятием третьей Программы КПСС на XXII съезде партии в 1961 г. был сделан вывод, что СССР вступил в этап развитого или зрелого социализма. Вместе с тем этот этап может быть поделен на определенные периоды, среди которых апофеозом зрелого социализма выступают 1970-е гг. «Зрелый социализм», т. е. социализм, развитый на своей собственной основе, представлялся в партийных документах как особо важный этап на пути строительства коммунистического общества. Этому этапу соответствовало не только развитие экономики, ему должен был соответствовать тот, кто участвовал в строительстве нового мира, — новый человек. Особое распространение концепт «нового человека» получил в партийных текстах 1970 — начала 1980-х гг. Соответственно особое внимание уделялось возникновению и развитию этого феномена. «Нового человека» — строителя коммунизма, надо было сформировать, воспитать в новом качестве, что явилось одной из важнейших задач деятельности партии. Например, в отчете ЦК КПСС XXV съезду КПСС в виде доклада Л. И. Брежнева в разделе «Партия в условиях развитого социализма» в части «Идейно-воспитательная работа партии» говорится: «...вопросы идейного воспитания людей, проблемы формирования нового человека — достойного строителя коммунизма занимали большое место во всей нашей работе» [3, с. 71–72]. Однако 1970-е гг. не исчерпали задачу формирования нового человека. В 1981 г. в отчете ЦК КПСС XXVI съезду КПСС в виде очередного доклада Л. И. Брежнева в разделе «Социально-политическое и духовное

Фадеичева Марианна Альфредовна, доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: fm366@uralmail.com.

развитие социалистического общества и задачи партии» специально выделена часть, посвященная «укреплению материальных и духовных основ социалистического образа жизни, формированию нового человека».

«Новый человек» должен был соответствовать новому периоду развития социалистического общества — периоду развитого, зрелого социализма. Однако он не мог возникнуть естественным эволюционным путем. «Новый человек» должен быть сформирован и воспитан по определенным лекалам, стандартам, которые были определены и прописаны в партийных документах. Партия пыталась осуществить комплексный подход к формированию нового человека, т. е. обеспечить «тесное единство идейно-политического, трудового и нравственного воспитания» [3, с. 74]. Особенно подчеркивалась необходимость патриотического воспитания. Таким образом, создателем, формовщиком нового человека являлась КПСС. Однако отметим парадокс: согласно известной мысли К. Маркса, воспитатели сами должны быть воспитаны. КПСС состояла из членов партии, т. е. отдельных людей, уже «новых» или «сверхновых», способных формировать и воспитывать нового человека. Очевидно, что партийная принадлежность гарантировала принадлежность к цеху формовщиков нового человека.

Человек и его благо был заявлен как цель общественного развития: «Исходным пунктом партийного, политического подхода к экономике служило и служит неизменное программное требование — все во имя человека, все для блага человека» [4, с. 31]. Главная гуманитарная партийная цель заключалась в формировании и воспитании нового человека: «Сделать все необходимое для блага человека, во имя человека. Именно эта высочайшая гуманная цель партии роднит ее с народом...» [3, с. 88]. Вместе с тем новый человек рассматривался как средство для развития промышленного производства, решения прочих экономических задач. Считалось, что повышение благосостояния народа способствует формированию нового человека. Основная социальная цель разделялась на менее масштабные задачи, к которым относилось повышение заработной платы, обеспечение стабильных государственных розничных цен, строительство жилья, забота о здоровье советских людей, развитие образования и культуры. «Это относится прежде всего к дальнейшему повышению благосостояния советских людей, улучшению условий их труда и быта, значительному прогрессу здравоохранения, образования, культуры — ко всему, что способствует формированию нового человека...» [3, с. 40]. Таким образом, новый человек в качестве цели должен быть сформирован в определенных условиях, которые обеспечивают использование его трудовой активности как средства, чтобы обеспечить рост производства, выполнить задачи очередной пятилетки, наращивать экономическую

мощь страны. Рост экономической мощи советского государства позволяет повысить народное благосостояние, а экономическая мощь достигается за счет самоотверженного труда советских людей. Круг в постановке целей и задач замкнулся.

О том, что человек вообще, советский человек и его модификация — новый человек был более средством, чем целью, говорит структура стратегических партийных текстов. Приведем типичный пример. Из 85 страниц Отчетного доклада ЦК КПСС XXV съезду КПСС 29 страниц первого раздела посвящены положению в мире и международной деятельности КПСС. Итоги пятилетки и основные задачи экономической политики партии составили второй раздел из 27 страниц. 20 страниц третьего раздела посвящены деятельности партии в условиях развитого социализма. [3, с. 3–89]. Только в заключительной части текста говорится о человеке: «И, наконец, важнейший итог предшествующего шестидесятилетия — это советский человек» [3, с. 87], дается его характеристика.

Большое внимание в партийных текстах уделялось сущностной характеристике нового человека, определению качеств, которые отличают его от других аналогичных созданий, в частности от советского человека. Новый человек должен был иметь особые качества. Прежде всего, новый человек это — человек труда. Однако и советский человек был человеком труда. Следует заметить, что понятия советского человека и нового человека не тождественны. В отличие от нового человека, которого требуется сформировать в период зрелого социализма, советский человек — продукт развития советского государства, начиная с его возникновения. Он же построил советское государство, а также развитое социалистическое общество: «Самоотверженным трудом советских людей построено развитое социалистическое общество» [2, с. 38]. В партийных текстах во множестве находятся перечисления превосходных качеств советского человека. Советский человек «соединил в себе идейную убежденность и огромную жизненную энергию, культуру, знания и умения их применять... Будучи горячим патриотом, был и всегда будет последовательным интернационалистом... Это народ исключительного трудолюбия, мужества, выносливости, душевной щедрости, одаренности и ума» [3, с. 87]. «Советский человек — это человек высокой политической культуры, патриот и интернационалист... Советский человек — это образованный, культурный человек» [4, с. 63, 75]. И самое главное, советский человек — добросовестный труженик. Традиционными были партийные здравицы в честь человека труда: «Честь и слава советскому человеку — человеку труда! Он — главное бесценное богатство нашего общества» [4, с. 33]. «Советское общество — это общество людей труда» [4, с. 57].

Описание достоинств советского человека и признание его положительных качеств «не значит, конечно, что мы уже решили все вопросы,

связанные с формированием нового человека» [4, с. 63]. 70-х гг. XX в. было не достаточно, чтобы завершить формирование нового человека. Советский человек на практике оказался несовершенно. Отчасти ему были присущи эгоизм и мещанство, накопительство, равнодушие, пьянство. К труду также он мог относиться весьма равнодушно, как к вынужденной необходимости, так как был весьма распространен некаленифицированный, тяжелый, монотонный ручной труд. Все это мешало формированию нового человека. Новый человек должен был вобрать в себя все лучшие качества советского человека, освободившись от его худших качеств. Предполагалось, что принципиальной отличительной чертой нового человека станет коммунистическая идейность. Фундаментальная идеология состояла в том, что для нового человека труд будет первой жизненной потребностью. Для воплощения этой идеологии в жизнь нужны были материальные и духовные предпосылки: новый человек должен был иметь жилище, иметь среднее образование, быть здоровым и физически развитым, а также вполне культурным. Право и обязанность трудиться было закреплено в статье 40: «Граждане имеют право на труд...» и статье 60: «Обязанность и дело чести каждого способного к труду гражданина СССР — добросовестный труд...» Конституции СССР, принятой в 1977 г. [1, с. 14, 18].

Концепт нового человека находится в связи с концептом советского народа/советских людей. Концепт советского народа употреблялся, как правило, в тестах, посвященных решению национального вопроса в СССР, где под советским народом понималась новая историческая общность людей. «Важным признаком развитого социализма в нашей стране, показателем растущей однородности советского общества, торжеством национальной политики КПСС стало образование исторически новой социальной и интернациональной общности — советского народа [5, с. 159]. Однако имелся и второй смысл, когда говорилось о труде и благосостоянии советского народа/советских людей, об улучшении положения масс, о подъеме материального и культурного уровня жизни народа. От нового человека партийный дискурс смещался в направлении общности, от человека — к народу. Идеология заботы о благе нового человека получила распространенную в партийной литературе интерпретацию, превратилась в идеологию о наиболее полном удовлетворении растущих материальных и духовных потребностей советских людей «Конкретная забота о конкретном человеке, его нуждах и потребностях — начало и конечный пункт экономической политики партии» [4, с. 49]. Начертана «линия XXIV и XXV съездов КПСС на более глубокий поворот народного хозяйства к многообразным задачам, связанным с повышением благосостояния народа» [4, с. 31]. Целью социальной политики партии

провозглашалось «благо и счастье советских людей» [4, с. 64]. Такая редукция, подмена «каждого» «всеми», индивида — общностью, во многом объясняется тем, что коллективизм как принцип, заданный изначально в партийных текстах, стал коммунитарной парадигмой, в рамках которой мыслят категориями общности. Можно предположить, что именно преобладание коммунитарной парадигмы, подмена тезисов о конкретном человеке как цели общественного развития многочисленными тезисами о благе народа, о массах, классах, общностях была одной из причин незавершенности социалистического проекта.

Библиографический список

1. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1987. 48 с.
2. Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971. 320 с.
3. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. 256 с.
4. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. 223 с.
5. Учение, преобразующее мир / Г. Н. Волков, Г. Г. Водолазов, В. В. Поштаев и др. М., 1979. 320 с.

УДК 94 (470.84.9) «1950/1960»

В. Ю. Михайлин

КОНСТРУИРОВАНИЕ НОВОЙ СОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В «ОТТЕПЕЛЬНОМ» КИНО

В статье вводится термин «перспиициация», под которым понимается процесс «опрозрачивания» публичного пространства, повышения его проницаемости и однородности, присвоения «большими» публичными дискурсами семантических систем, обслуживающих микрогрупповые уровни ситуативного кодирования и социального взаимодействия. При этом модернизация представляет собой частный случай такого процесса. Понятие «оттепель» в восприятии автора понимается как инициированный властными элитами последний удачный советский мобилизационный проект, одной из составляющих которого была попытка формирования новой идентичности. При том что само хрущевское переформатирование советского метанарратива было связано с потребностью номенклатуры в высвобождении из-под постоянного контроля со стороны публичного дискурса, в выгораживании особых зон, сохраняющих право на экстерриториальность при сохранении всех выгод, которые сам процесс перспиициации дает с точки зрения мобилизации населения как ресурса. Анализ конкретной сцены из фильма Юрия Егорова «Они были первыми» (1956) ведется с оговоренных выше позиций.

Ключевые слова: *перспиициация, мобилизационный проект, советская «оттепель», номенклатура, советское кино*

Исторический период «оттепели» и связанный с ним комплекс культурных феноменов — последний удачный советский мобилизационный

Михайлин Вадим Юрьевич, доктор философских наук, доцент, профессор, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов; e-mail: vmikhailin@yandex.ru.

проект, инициированный властными элитами, одной из составляющих которого была попытка формирования новой человеческой идентичности. Сам этот проект можно воспринимать как один из этапов масштабного и многоаспектного процесса модернизации — либо в исходном смысле этого термина, либо в более позднем и локализованном, предполагающем потенциальную «множественность модернизаций», в ряду которых не последнее место занимает «модернизация по-советски».

Не отказывая самому этому термину — модернизация — в определенной эвристической значимости, обусловленной тем, что несмотря на все обилие потенциальных его интерпретаций и весьма убедительную традицию критики теории модернизации как таковой¹, на уровне некоего «общего знания» уже более полувека существует пусть размытый, но достаточно общепринятый набор ассоциируемых с ним смыслов, будем пользоваться другим понятием, описывающим явление более определенное с точки зрения единиц анализа, не привязанное исходно к конкретной существующей на ограниченном пространстве и в ограниченный промежуток времени культуре (в случае с понятием «модернизация» это культура США конца 1940 — середины 1960 гг.) и не являющееся частью бинарной оппозиции, в которой один из членов представляет собой идеализированный конструкт, помещенный в привилегированную позицию, а другой — максимально нечеткий конгломерат качеств, определяемых по принципу негации («традиционным» является все то, что не похоже на «модерное», «модернистское», «модернизационное»). Понятие, при помощи которого, как представляется, можно обойти все перечисленные недостатки, это перспециация, т. е. процесс «опрозрачивания» публичного пространства, повышения его проницаемости и однородности, присвоения «большими» публичными дискурсами семантических систем, обслуживающих микрогрупповые уровни ситуативного кодирования и социального взаимодействия.

В качестве примера сошлемся на стандартную процедуру формирования манипулятивной политической метафоры за счет сведения в единой гномической конструкции элементов семейного уровня ситуативного кодирования и элементов предельно абстрагированного публичного дискурса. Базовыми характеристиками семейного уровня ситуативного кодирования, т. е., собственно, того «языка», на котором мы учимся говорить еще до того, как начинаем закладывать базу индивидуальных воспоминаний, составляющих основу нашей личностной идентичности, являются нерелективность смыслов (мы не задумываемся над тем, почему

¹ Исчерпывающую, на мой взгляд, критику классических инвариантов теории модернизации см. у Дина Типса в [11, *passim*], с постоянными отсылками на Сэмьюэла Хантингтона и Роберта Нисбета [9; 10].

мама является мамой), обязывающий характер иерархических статусных отношений — при односторонней прозрачности младших статусов перед старшими — и высокая степень эмоциональной мотивированности всех этих смыслов и отношений. В свою очередь, дискурсы, обслуживающие широкие публичные пространства, по определению оперируют категориями вынужденно абстрактными, поскольку те обозначают суммы обстоятельств, радикально превышающие пределы личной компетенции каждого частного человека (нельзя быть лично знакомым со 150 млн чел; невозможно с достаточной степенью эмпатии представить себе все функциональные отношения, существующие между всеми чиновниками, составляющими категорию «государственный аппарат»). В таких метафорах как «мать-родина», «братский народ», «отец отечества», «долг перед партией» и т.д. в рамках одного высказывания сводятся понятие до-рефлексивного характера, наделенное при этом не рефлексивной же эмоциональной составляющей и понятие пост-рефлексивное. В результате индивиду вменяется высоко эмпатийная, не-рефлексивная и эмоционально окрашенная ответственность за суммы обстоятельств, превышающие пределы его личностной компетенции.

Подобный процесс являет собой практически неотъемлемую часть любого сколько-нибудь развитого политогенеза — будь то Афины времен Перикла или Рим поздней Республики и раннего Принципатата. «Модернизация» в данном смысле представляет собой частный случай такого процесса, который застит для нас все остальные как в силу исторической актуальности, так и в силу своих — поистине глобальных — масштабов и совершенно иной технической и технологической оснащенности.

Вернемся к обозначенной в заглавии временной и культурной специфике и к еще одному зыбкому термину — «советский человек», который представляет собой отдельную исследовательскую проблему. В свое время Евгений Добренко проделал интересную работу применительно к обстоятельствам формирования таких более узких понятий как «советский читатель» и «советский писатель» [2; 3]; недавно Галина Беляева совершила схожую операцию спонятием «советский художник» [1], продемонстрировав на конкретном материале ряд схождения и расхождений с моделью, предложенной Е. Добренко. Однако куда более масштабный сюжет, на мой взгляд, все еще ждет своего исследователя — сюжет о том, каким образом «трудовой народ» постепенно, к середине 1930-х гг. сперва превратился «советский народ», а потом из «советского народа» был вычленен в качестве самостоятельной категории «советский человек». Мне в данном случае будет довольно и того, что я представлю понятие «советский человек» как некий идеальный конструкт с максимально размытым референтом, поскольку, с одной стороны, начиная со второй половины 1930-х гг.

предполагается, что советский человек есть любой гражданин Советского союза, а с другой, употребляя это понятие, мы обязаны отдавать себе отчет в том, что имеем дело с некой оценочной категорией, наделенной набором принципиально нечетко сформулированных качеств — что превращает ее в удобный манипулятивный инструмент, который в зависимости от конкретной ситуации может обладать различным набором ситуативно значимых свойств. Это позволяло тем, кто этот инструмент использовал в процессе советской перспирации, время от времени осуществлять операцию по «вливанию нового вина в старые меха» [7; 8].

Сталинской пропаганде была свойственна прямая — на авангардный манер — стигматизация всех смыслов, назначаемых «не нашими», и вытеснение их за пределы публичного дискурса; а также крайне агрессивная и репрессивная экспансия «правильного» публичного дискурса в традиционно не связанные с ним коммуникативные и проективные пространства — семейные, соседские, дружеские, интимные. Здесь действовала принципиальная установка на отсутствие пространств, для этого дискурса закрытых — что рано или поздно вступает в противоречие с групповыми интересами все более и более отчетливо обозначающего свои границы и интересы нового советского привилегированного слоя — «номенклатуры»¹. Изначально хрущевское переформатирование советского метанарратива связано именно с потребностью номенклатуры в высвобождении из-под постоянного контроля со стороны публичного дискурса, в выгораживании особых зон, сохраняющих право на экстерриториальность — при сохранении всех выгод, которые сам процесс перспирации дает с точки зрения мобилизации населения как ресурса. Главным содержанием речи Н. Хрущева на XX съезде, если проанализировать стоящую за ней систему установок, связанных как со стратегиями самолегитимации и самооправдания, так и с представлениями о должном и недолжном, является выведение из-под удара — во всех возможных смыслах — некоего коллективного «мы», четко отличаемого как от таких демонизируемых персонажей как Сталин, Берия и «коллективный Родос», так и от «советского народа», читающего газеты и участвующего во всех позитивных процессах наряду с ЦК партии и руководителями разных уровней — в самом конце каждого выстраиваемого по одной и той же схеме перечня. Любопытно, что в позднесоветский период именно своеобразное «право на непрозрачность» делается в восприятии «советского человека» одним из ключевых показателей качества жизни, воплотившись в великом множестве самых разнообразных и разноуровневых форм, начиная от фактической неподсудности

¹ Подробнее о становлении советской номенклатуры в позднесталинский период и об осознании ей своих групповых интересов см. [4].

(или ограниченной наказуемости)¹ представителей разного рода элитных страт до трогательно лелеемой замкнутости разного рода микрогрупповых сообществ и сред (наделяемых микрогрупповыми по сути характеристиками) — дружеских, профессиональных, криминальных, религиозных, культовых и т.д.

Сосредоточим внимание не на длинной и репрезентативной череде соответствующих образов, которые предлагает нам советский кинематограф конца 1950 — начала 1960 гг., а на моменте перехода, на примере сцены из фильма, который не являлся шедевром отечественного кино, но который был одной из первых и вполне удачных попыток поработать со «старыми мехами» на новый лад.

В фильме Юрия Егорова «Они были первыми», вышедшем на советские экраны в середине мая 1956 г., т.е. через три месяца после окончания XX съезда КПСС, есть весьма показательная сцена, с анализа которой имело бы смысл начать куда более полное и подробное исследование заявленной темы. Время и место действия — петроградский (не конкретизированный далее) райком ВКП(б), лето 1918 г. Массовка: обязательные солдаты, матросы и рабочие; барышни с папками и печатными машинками; старушка в шляпке рядом с оборванной крестьянкой и т.д. Камера постоянно перемещается по перегруженному разнородными и разноуровневыми визуальными сигналами пространству: клубы табачного дыма на фоне надписи «Не кури!», многоликая масса безостановочно снующих и коммуницирующих «типажей революционного Петрограда», объявления и плакаты на стенах, разрозненная мебель, отгородки, перила, лестницы и подиумы, которые служат рамками для отдельных микро-сцен. В центре кадра практически постоянно находится секретарь райкома Родионов, старый большевик из рабочих, мудрый, с хитринкой, «седой бобер», один из легко опознаваемых советских кинематографических типажей², в данном случае в исполнении любимца публики Марка Бернеса. Функция, которую он здесь выполняет — это функция сквозного персонажа, стержня, на который нанизывается пестрая череда сюжетов. Товарищ Родионов за неполные пять минут экранного времени успевает дважды поговорить с представителями независимой молодежной организации, желающими издавать журнал — одобрить само намерение, но отказать «независимым» в прямой поддержке; дважды, в первый раз наскоро, а во второй вполне основательно пообщаться с молодым коммунистом Колывановым.

¹ В этом отношении весьма показателен недвусмысленный сигнал, посланный советским номенклатурным элитам показательными процессами времен короткого андроповского правления.

² Заданный еще в 1935 г. в «Юности Максима» Г. Козинцева и Л. Трауберга артистом Михаилом Тархановым, сыгравшим подпольщика Поливанова, он же «Седой».

вым³, отправить в сопровождении вооруженной охраны некую Евдокию Петровну, очень похожую не то на кухарку, не то на уборщицу, «тряхнуть как полагается» какого-то «купчишку» и поставить под пролетарский контроль каждый грамм крупы — с рекомендацией «привыкать управлять государством»; притворно поддержать протест врачей, отказывающихся открывать родильное отделение при полном отсутствии условий для работы — чтобы тут же, методами сугубо манипулятивными, заставить их с рвением взяться за дело; поправить очкастенького энтузиаста в мундире не то гимназического учителя, не то чиновника почтового ведомства, который при составлении текста листовки пытался обойти острые вопросы, объяснив ему, как важно быть честным с целевой аудиторией, а затем надиктовав на удивление пустой и пафосный текст; выглянуть за окно и увязать проблемы молодежи с безнадзорностью уличного мальчишки; наорать по телефону на невидимых саботажников, пригрозив им прямым насилием; и, наконец, направить товарища Колыванова организовывать комсомол, поскольку именно «в такое горячее время нужно особенно внимательно относиться к молодежи».

Большая часть ситуаций, в которые включает зрителя персонаж Марка Бернеса, останется в картине на правах архитектурного излишества — мы так и не проследим за коллизией с саботажниками, больше не встретимся ни с уличным мальчишкой, ни с энтузиастом в мундире, и не узнаем, научилась ли Евдокия Петровна управлять государством. Сам большевик Родионов появится в картине еще несколько раз, и исключительно в тех сценах, которые требуют «большой» подсветки — т.е. там, где судьбы действительно значимых для развития сюжета героев пересекаются с суммами обстоятельств, выходящих за пределы компетенции частного человека, пусть даже и подхваченного вихрем революции. Собственно, Марк Бернес как раз и играет персонификацию большого публичного пространства, причем не всякого, а «нашего», единственно правильного; именно поэтому он загодя знает ответы на все вопросы, предугадывает развитие любой ситуации и заранее недобро смотрит на Стрельцова, предводителя независимой молодежной организации, социалиста и, естественным образом, скрытого врага. Он играет Партию.

Именно через него зритель воспринимает систему сигналов, позволяющих перенастроиться на новый поворот в генеральной линии. Для зрителя, воспитанного двумя десятилетиями сталинского кино, это фигура вполне узнаваемая: специфическая сталинская модификация такого старого театрального амплуа как резонер. Сталинский кинематографический резонер уже не просто стоит вне основного действия пьесы, помогая зрителю соотнести собственные впечатления от увиденного с некой

³ Первая роль в кино Михаила Ульянова.

внеположенной точкой зрения, четко соотносимой с той версией нормативности, сторонником которой выступает автор, но замаскированной при этом под личностно окрашенную позицию персонажа. В сталинском фильме резонер — одно из воплощений Истории: статус частного лица тем самым выносится за скобки, так же как и статус частного события, по поводу которого выносится суждение резонера. Происходит принципиальное разведение зрительской эмпатии по отношению к стандартному сталинскому экранному сюжету (в рамках которого происходит постепенное «врастание протагониста в истину», как это прекрасно показала Катерина Кларк [4]) — и идеологического комментария к сюжету, в рамках которого Истина известна заранее. В итоге имеет место нечто вроде двойной обработки зрителя, «изнутри», через эмпатию, и «снаружи», где эта эмпатия получает подтверждение и подсветку с точки зрения вечности — и в этом смысле идеальным резонером здесь является сам Сталин.

Персонаж Марка Бернеса в «Они были первыми» хорош именно тем, что разница со сталинским резонером в его случае заключается разве что в несколько повышенном «градусе анонимности», он не Сталин и даже не «товарищ Максим» из «Великого гражданина», — а в остальном новый месседж (здесь — необходимость говорить пусть горькую, но правду; в следующей сцене — внимание к частному человеку, понимание того, что идейного противника следует не уничтожать бездумно, а пытаться привлечь и использовать) подается вполне испытанными средствами. Впоследствии в оттепельном кино функции резонера будут постепенно расходиться по двум не обязательно взаимоисключающим направлениям: «внешний» голос за кадром и внутренний монолог персонажа. Внешняя оценка с точки зрения вечности либо теряет отдельное экранное воплощение, превращаясь буквально в «голос истории», как в «Обыкновенном фашизме» Ромма, либо интериоризируется персонажем. В любом случае зритель получает сигнал, связанный с постоянным присутствием больших истин, метанарратива, рядом с любым частным сюжетом, причем носителем этого метанарратива отныне может и должен быть каждый конкретный человек, со своими интонациями, сомнениями, правом на ошибку. Происходит, так сказать, интериоризация резонера: в идеале каждого советского человека должен отныне сопровождать и вести по жизни свой «внутренний Сталин».

В итоге контроль за «применимость на практике» того набора качеств, который нигде не был полностью и детально проговорен, однако настойчиво демонстрировался и навязывался зрителю оттепельным кинематографом, возлагался на самого сидящего перед экраном советского человека. Среди базовых позиций этого списка: приоритет публичных интересов над личными; готовность к принятию на себя (энтузиастической — термин значимый и заслуживает отдельного генетического

анализа применительно к советской традиции) ответственности за суммы обстоятельств, радикально превышающие пределы собственной индивидуальной компетенции; потребность в больших объясняющих конструкциях, способных обосновать эту готовность и сделать дальнейший анализ частностей нерелевантным; презрение к «мещанству» и «пошлости», по ведомству которых могут быть проведены любые узкие контексты (за счет этого — снятие с себя ответственности за «маленькие личные обстоятельства»); обеспечение «маленьких личных обстоятельств» за счет публичных ресурсов как нечто само собой разумеющееся — просто для удобства работы над большими проектами; готовность к аскетизму «во имя».

Оттепельная вариация «советского человека» оказалась на удивление живучей, надолго закрепив за собой позиции как в жизненных стратегиях вполне реальных людей, так и в кинематографических репрезентациях феномена «шестидесятничества», рефлекс которого служили материалом для серьезной проработки в отечественном кино еще два с лишним десятка лет после того, как сам проект приказал долго жить. Вариации на эту тему были самыми разными, начиная от достаточно нелепых попыток «гальванизации трупа» в совершенно иных социальных и культурных условиях, как в «Расписании на послезавтра» Игоря Добролюбова (1978), и до разных по степени жесткости и ироничности попыток с традицией расщелкаться, как в «Большой перемене» Алексея Коренева (1972–1973), «Чужих письмах» Ильи Авербаха (1975) или «Полетах во сне и наяву» Романа Балаяна (1982).

Библиографический список

1. Беляева Г. А. Социальное конструирование художественно-образовательной среды в Саратове (1918–1932): агенты и стратегии. Доклад на конференции «Концептуальные основания советской образовательной политики» (ШАГИ РАНХиГС, 26 сентября 2014 г.). [Электронный ресурс]
2. URL: <http://regconf.hse.ru/uploads/505a6e787ff6bea32066679e39a2ec61c14811a10.docx> (дата обращения — 02.11.2014)
3. Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические истоки рецепции советской литературы. СПб., 1997. 321 с.
4. Добренко Е. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб., 1999. 557 с.
5. Кларк К. Советский роман: история как ритуал / Пер. с англ. под ред. М. Литовской. Екатеринбург, 2002. 260 с.
6. Лейбович О. В. В городе М. Очерки социальной повседневности российской провинции. М., 2008. 296 с.
7. Михайлин В. Ю. Женщина как инструмент и препятствие: случай Юлия Райзмана на фоне советской модернизации // Неприкосновенный запас. 2011, № 1 (75). С. 43–57.
8. Михайлин В. Ю., Беляева Г. А. Энтузиаст, сын Героя: эволюция устойчивых ранне-советских и сталинских конвенций в «оттепельном» плакате // Неприкосновенный запас, №3 (83), 2012. С. 176–194.
9. Михайлин В. Ю., Беляева Г. А. «Наш» человек на плакате: конструирование образа // Неприкосновенный запас. № 1 (87). 2013. С. 89–109.

10. Huntington S. P. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968.

11. Nisbet R. Social Change and History: Aspects of the Western Theory of Development. N.Y., 1969.

12. Tipps D. C. Modernization Theory and the Comparative Study of Societies: A Critical Perspective // Comparative Studies in Society and History. Vol. 15, No. 2 (March 1973). P. 199–226.

УДК 94 (470) «1930»

С. И. Быкова

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК В 1930-Е ГГ.: НАУЧНЫЙ ДИСКУРС И (САМО)ИДЕНТИФИКАЦИЯ

В статье рассматривается проблема содержания понятия «советский человек» в представлениях самих участников социально-экономических и политических изменений, происходивших в 1930-е гг., и в научных исследованиях. Одним из важнейших аспектов является изучение противостояния власти и искренних романтиков социализма, сохранявших революционные идеалы и стремившихся реализовать их.

Ключевые слова: *сталинизм, новый советский человек, советский идентитет, политические репрессии 1930-х гг.*

Дискуссия о новом советском человеке стала актуальной с момента провозглашения властью оптимистичного и очень привлекательного проекта его создания. Бурные дебаты о качествах строителя нового общества являлись отличительной особенностью дискурса 1920-х гг. и признавались официально одобряемыми практиками самокритики и чисток на собраниях в 1930-е гг. Идеальный образ, создаваемый пропагандой и всеми жанрами социалистического реализма, и реальный советский человек оказались одним из главных аспектов научных исследований и философской рефлексии уже в 1930-е гг. Именно тогда был обозначен контрапункт обсуждений — являлся новый советский человек современной личностью, обладающей свободой мысли, выбора и ответственностью, или он сохранял традиционалистские черты, оставаясь в полной зависимости от власти.

В частности, известный российский мыслитель Г. Федотов в своей статье «Письма о русской культуре», опубликованной в журнале «Русские записки» в 1938 г., характеризуя итоги происходивших в СССР после социалистической революции изменений, отметил: «Вековая привычка к повиновению, слабое развитие личного сознания, потребности в свободе и легкость жизни в коллективе — вот что роднит советского человека со старой Москвой». Философ подчеркнул: «... никогда, со времен Московского царства, Россия не была отгорожена от Европы такой высокой стеной.

Быкова Светлана Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет, им. Первого президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург; e-mail: sibyкова@mail.ru.

Эта стена создана не только цензурой и запретом свободного выезда, но и необычайным национальным самомнением, прямым презрением к буржуазной, «догнивающей» Европе». В результате, по мнению философа, была пресечена линия русского «универсального» человека. Кроме того, именно Г. Федотов характеризовал советскую политическую и социальную систему как традиционную: одним из критериев он называл «сословную программу» Сталина по созданию «слоя знатных людей, обособленных от народа, строящих свое благополучие на страданиях массы», — только «им присущи социальный оптимизм и мораль господ», созданных революцией [13, с. 352, 363, 416, 414].

Нидерландский историк Й. Хейзинга, пытаясь понять причины массовой поддержки коммунистической и расистской идеологий, обратил внимание на изменение системы ценностей, как в России, так и в Германии. Характерными чертами и советского гражданина, и нациста он называл политическую аморальность, коллективизм, лояльное отношение к государству, стремление к героизму во имя священной миссии [16, с. 305–360].

Выводы ученых об особых качествах советских людей и противоречивых отношениях с властью подтверждали наблюдения иностранцев, находившихся в СССР в 1930-е гг. Например, итальянец Луиджи Бардзини, побывав в Советском Союзе в 1935 г., характеризовал советского человека таким образом: «Для него новый мир — это всегда метаморфоза старого русского мира. Даже новый человек, спец, который хочет создать большевизм, чтобы запустить машину созидания, обладает прежними добродетелями и пороками русского человека: яростью, фатализмом, страстью, инерцией» [11, с. 113]. Американский инженер З. Уиткин, принимавший в 1932–1934 гг. участие в строительстве многих военных объектов (в т.ч., авиационного завода в Филях), сочувствуя народу, указывал главное препятствие процессу модернизации: «Я обнаружил, что освобождению творческой силы русского народа препятствует стена административной бюрократии, направленная по своей природе на уничтожение индивидуума» [12, с. 56].

В продолжавшихся дискуссиях о советском человеке очень долго сохранялись полярные оценки. Отчасти этому способствовали идеологическое противостояние в годы холодной войны и получившая признание у европейских и американских историков концепция тоталитаризма. Однако иногда высказывались идеи, отвергавшие данную точку зрения. В частности, в 1952 г. Рэймонд Бауэр писал, что советские представления о психологии нового человека характеризовались «ответственностью, рационализмом, индивидуализмом, хотя это и является очевидным противоречием для тоталитарного общества» [15, с. 6]. Определенный эвристический потенциал имели методы изучения самотворчества и самодисциплинирования

советских людей, свидетельствовавших об их добровольном желании вписать себя в большевистскую систему ценностей, принять участие в реализации проекта светлого будущего [1, 14, 17, 18, 19]. Немецкий историк А. Людтке использовал термин «самомобилизация» [8, с. 54–55, 60, 71]. Однако, если обратить внимание на судьбы таких «добровольцев», то получался печальный итог: в частности, З. Денисьевская, как многие в 1933 г., умерла от голода и болезни; С. Подлубный, разочаровавшись в политике советской власти, стал ее критиком [17, 18, 6].

К. Кур-Королёв считает, что в 1930-е гг. революционный пафос и романтизм советской молодежи, ее стремление к героизму и самопожертвованию во имя великой цели оказались дезавуированы государственным нормированием всех сфер жизни и деятельности, полной конфликтов повседневностью и изнуряющей работой по самовоспитанию. По ее мнению, «сталинизм культивировал «старого человека» в новом обличье, а «нового человека», самостоятельного, мыслящего, поднявшегося над властью, тихо похоронили» [7, 20].

Современный российский ученый И. Калинин, логически продолжая исследование К. Кур-Королев, утверждает, что свидетельством признания властью субъектности советских людей стал Большой террор: «Запустив процесс дискурсивного формирования советского человека (в котором энтузиазм и инициатива переплетались с административным регулированием), ... на следующем этапе власть приступила к реализации своего господства над сформированными этим языком субъектами. Большой террор стал чудовищной формой такого телесного господства, утверждающей наличие советского человека через негативную категорию «врагов народа» [4, с. 40]. Конкретно-исторические исследования подтверждают данный вывод [2].

Одним из примеров является судьба Григория Александровича Чубарова: на мой взгляд, она свидетельствует о трагедии романтиков социализма — людей, искренне веривших в возможность реализации нового, основанного на справедливости, социального устройства. Как правило, большинство из них являлись участниками гражданской войны — служили в Красной Армии или в партизанских отрядах. Их характерной чертой было чувство личной ответственности за настоящее и будущее. Романтики активно боролись с существующими недостатками, открыто критиковали ошибки власти, выступали против несправедливости, обмана. Стремясь исправить «искажения», они выступали на собраниях, предлагая способы решения проблем; становились инициаторами принятия коллективных резолюций и заявлений во властные инстанции. В результате напряженного осмысления идеала и реальности очень часто возникала альтернативная версия социализма, воспринимавшаяся властью как

большая опасность и приводившая к репрессивным мерам в отношении «соавторов».

Следует подчеркнуть, что Григорий был потомственным рабочим — его дед и отец всю жизнь работали забойщиками в медных рудниках и горе Высокой. В тринадцать лет он сам пришел на производство, в 1916–1918 гг. работал молотобойцем на Нижнетагильском металлургическом заводе. Во время революции добровольно вступил, как и отец, в Красную Гвардию, а в годы гражданской войны — в Красную Армию. После окончания боевых действий служил до 1924 г. на границе. Вернувшись домой, Григорий работал слесарем на НТМЗ до ареста в 1936 г. При обыске были изъяты личное заявление Г. А. Чубарова от 1 августа 1926 г. о добровольном выходе из ВКП(б) и его дневник. Именно дневниковые записи и добровольный выход из партии стали главными аргументами обвинения дважды: в 1936 г. и в 1949 г.

Оценивая его поступки объективно, можно увидеть стремление сделать все возможное для улучшения работы предприятия и жизни людей. Учитывая это равнодушное отношение, Г. А. Чубарова избирают («единогласно» — отмечает он в дневнике) в профсоюзный комитет, он принимает участие («делегатом с решающим голосом») в работе районной конференции металлистов. Однако продолжающиеся в течение трех недель заседания на разных пленумах и конференциях вызывают у него только чувство усталости — нет ни одной записи о важных решениях этих заседаний. В других записях Григорий описал свои наблюдения о перевыборах в городской совет: «В большинстве избиратели не являются на собрания... Смотрят [на них] как на отбывание повинности». Только собрания о пересмотре норм «проходят бурно, настроение нервное». В один из дней на заводе произошло «что-то вроде забастовки». В апреле 1926 г., несмотря на то, что его снова избрали членом месткома, записывает в дневнике печальные наблюдения о ситуации: «В жизни партии дело идет к худшему. Просчет с хлебозаготовками настолько расстроил жизнь хозяйства, что теперь дело дошло до падения курса рубля, вздорожания цен на рынке при том же уровне зарплаты. Настроение рабочих ухудшается». Размышления о бытовых проблемах, о ситуации на производстве становятся причиной подавленного настроения и намерения выйти из партии.

30 июля он подробно описывает раскол в партии, снова отмечает, что «главная сила советской власти — рабочие разочарованы в политике». Накануне девятой годовщины Октябрьской революции «мы только говорим о нищете, да постепенно шаг за шагом сдаем свои позиции, «выхолащиваем» коммунизм...» Цитирование Н. Устрялова свидетельствует о начитанности Григория.

На содержание текстов дневника и заявления Г. А. Чубарова, ставших причиной обвинения и двукратного лишения свободы, следует обратить особое внимание. Дневник отражает повседневную жизнь советских людей в 1925–1926 гг. в городах и селах, ситуацию на предприятиях и учреждениях, изменение настроений коммунистов и перипетии семейных отношений. Самыми ценными являются записи размышлений о политических событиях в СССР, о тревогах и надежде на лучшую жизнь. Все фразы, показавшиеся следователю подозрительными, подчеркнуты красным карандашом. Например: «После внимательного прочтения материалов дискуссии нахожу неправильным осуждение оппозиции Зиновьева, Каменева и Сокольников»; «Чем больше читаю Ленина, тем больше убеждаюсь, что мы теперь не совсем по его заветам идем»; «Большое впечатление произвело сообщение из газеты «Рабочий» о провале потолка в здании милиции. Значит, не только построить новое, но и отобранное сохранить не сумели»¹.

В заявлении о добровольном выходе из ВКП(б) Григорий объяснил причины: «Побывав во многих местах С.С.С.Р, наблюдая, соприкасаясь, работая в различных организациях, проживая порядочное время среди рабочих и крестьян, состоя в партии с 1919 г., к данному времени я убедился, что таким путем, какой диктует партия в данное время, мы развивать хозяйство и вместе с этим улучшать материальное положение рабочих и крестьян не можем». Как боец Красной Армии, он отметил: «Когда мы шли защищать Советскую Власть, нам говорили, что капитализм — это строй, где рабочим и крестьянам живется плохо. Теперь же мы и этого уровня достигнуть не можем». Григорий высказал мнение о других сферах политики ВКП(б): «Национализировали фабрики, заводы, дома — в результате в большинстве они рушатся... Крестьянское хозяйство развивается медленно — коллективные формы не прививаются, а крестьяне в большинстве недовольны существующим порядком. Малейшее проведение в жизнь демократии показывает, что влияние партии не так велико, как многие думают». Осознавая важность своего решения, Григорий подчеркнул, что «в более опасные для советской власти и партии моменты не дорожил своей жизнью».

Появившуюся в газете «Рабочий» статью о его выходе из партии Григорий называет необыкновенной историей: «В Р[айонном]К[омитете], по-видимому, таких заявлений не одно, а потому главки решили дискредитировать меня через газету, нагородили целую грудку нелепостей и думают это использовать для остановки выхода из партии». Григорий записывает,

¹ В цитатах из дневника Г. Чубарова мною расставлены некоторые отсутствовавшие знаки препинания. В цитатах из дневников А. Манькова и С. Подлубного полностью сохранен авторский текст.

что его поступок удивил многих, «меня же ... на первых порах радует. Чувствую себя свободнее, в разговорах более открыт, могу говорить откровенности». Выход из партии совпал с рождением сына — «с момента выхода из партии почему-то гляжу смелее в будущее». Григорий с удовлетворением записал, что «среди населения и рабочих, в частности, по моему адресу много хороших отзывов». Уверенный в правильности своего поступка, он вступил в борьбу с редакцией газеты «Рабочий», в статье которой содержались клевета не только о нем, но и о всей семье. Григорий категорически отверг характеристику своей семьи как мелких буржуа, указав, что дед имел 50-летний стаж работы, отец работал 30 лет горнорабочим, дядя — 15 лет. Кроме того, отец, дядя и сам Григорий добровольно служили в Красной гвардии и Красной Армии. На все пропагандистские обвинения он отвечал аргументировано. Например, отвергая «утверждение» авторов статьи, что «Чубаров — прохвост, спекулирующий на интересах рабочего класса», Григорий привел данные о размере заработной платы рабочих Нижнетагильского завода: средний заработок составил 40 руб 30 коп (71, 86 % от довоенного уровня) [3, л. 57/4].

В 1949 г. Г. А. Чубаров был снова отправлен в ссылку, как и тысячи других людей, осужденных по политическим статьям в 1935–1939 гг. и уже отбывших наказание. Такое систематическое «дисциплинирование» исключало возможность проявления инициативы, самостоятельных суждений и творческого отношения к труду другими советскими гражданами. По этой причине основная часть населения придерживалась индифферентной позиции. А. Маньков, живший в Ленинграде и работавший в 1930-е гг. сначала на заводе «Красный треугольник», затем в библиотеке, ставший студентом исторического факультета ЛГУ, характеризовал молодых людей своего времени такими словами: «Некоторые из них обладают своего рода восприимчивостью и активностью, которой достает только на то, чтобы слепо уверовать в то, что преподносится в газетах, либо говорится в речах на официальных собраниях и митингах. И ни одной критической мысли...» [9, с. 82].

Приехавший в Москву сын раскулаченного крестьянина С. Поддубный, наблюдая ситуацию на предприятиях и в вузе, отметил в дневнике: «Казенные попугаи» в большом почете у существующего строя зачастую непонимающие вообще ничего или в большинстве случаев просто делающие то, что им диктуют и никогда неимеющие собственного мнения, делающие все что прикажут без рассуждения» [5, с. 177].

Исключая из производственной, научной и политической жизни искренних сторонников социализма, советская власть утратила инновационный потенциал и возможность адекватного реагирования на возникавшие «вызовы».

Библиографический список

1. Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара, 2001. 376 с.
2. Быкова С. И. Советский патриот как враг народа дилемма личностной и официально заданной идентичности // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Выпуск 35. М., 2011. С. 77–94.
3. ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 56223.
4. Калинин И. Становление советского субъекта: колонизация колонизаторов // Транслит. Литературно-критический альманах. 2012. № 10/11. С. 30–41.
5. Козлова Н. Горизонты повседневности советской эпохи (голоса из хора). М., 1996. 216 с.
6. Козлова Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005. 544 с.
7. Кур-Королёв К. «Новый человек» или социальная инженерия при сталинизме: некролог по мечтам о «новом человеке» // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. М., 2011. С. 372–377.
8. Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. 271 с.
9. Маньков А. Г. Дневники 30-х гг. СПб., 2001. 320 с.
10. Петерсен Х.-К. По ту сторону коллективизма: автобиографические подходы к изучению российской истории // Ab Imperio. 2009. № 2. С. 345–366.
11. Петракки Дж. Путешественники из фашистской Италии в СССР и в отъездах об СССР // Путешествие в Италию — путешествие в Россию. Сборник статей по материалам итало-российских исторических конференций / Отв. ред. Е. В. Крупенина. М., 2014. С. 110–115.
12. Супоницкая И. М. Американизация советской России в 1920–1930-е гг. // Вопросы истории. 2013. № 9. С. 46–59.
13. Федотов Г. Сталинокрапия. Тяжба о России. Письма о русской культуре // Мыслители русского зарубежья: Бердяев. Федотов. СПб., 1992. С. 341–354, 355–372, 394–443.
14. Фицпатрик Ш., Людтке А. Заряжая энергией повседневность. Социальные связи при нацизме и сталинизме // За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма/ под ред. М. Гейера и Ш. Фицпатрик. М., 2011. С. 349–398.
15. Хархордин О. В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб., М., 2002. 511 с.
16. Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня. Диагноз духовного недуга нашей эпохи // Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 241–366.
17. Хелльбек Й. Жизнь, прочтенная заново: самосознание русского интеллигента в революционную эпоху // Новое литературное обозрение. 2012. № 4 (116). С. 374–384.
18. Хелльбек Й. Повседневная идеология: жизнь при сталинизме // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2010. № 4 (72). С. 9–22.
19. Шаттенберг С. Техника политична. О новой, советской культуре инженера в 30-е годы // Нормы и ценности повседневной жизни: 1920–30-е гг. СПб., 2000. С. 193–217.
20. Kuhr-Korolev C. Gezahmte Helden. Die Formierung der Sowjetjugend 1917–1932. Essen Klartextverlag. 2005. 365 S.

УДК 94 (470.5) «1945/1965»

А. В. Трофимов

**МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ УРАЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
(1945–1965 ГГ.)***

В статье рассматривается сопряженность модернизационных процессов с экономическими представлениями и моделями поведения уральского населения в середине 1940-х — середине 1960-х гг. Показана специфика проявления моделей экономического поведения на разных социальных уровнях, в контексте трансформации социально-экономической политики.

Ключевые слова: модернизационные процессы, уральское население, экономические модели поведения

Двадцатилетний период после окончания Великой Отечественной войны включает в себя ряд важных процессов, событий, явлений. Магистральным процессом можно считать советскую модернизацию [5], во всей ее масштабности, противоречивости, неоднозначности. Обратим внимание на некоторые аспекты сопряженности модернизационных процессов в уральском регионе с экономическими стратегиями, моделями поведения населения, которые являясь следствием и проявлением модернизации, отражали региональную специфику.

В послевоенные годы экономические представления уральского населения определялись, с одной стороны, официальными установками о преимуществах социализма, позволившего одержать победу в Великой Отечественной войне, с другой стороны, реалиями жизни недавнего тылового региона, «опорного края державы». Один из ведущих векторов послевоенной жизни задавался стремлением власти и народа преодолеть депривационные факторы и выйти на траекторию дальнейшего развития социума в русле социалистической парадигмы, которая, по сути, означала осуществление модернизационных преобразований и создание советского варианта индустриального общества. В государственной стратегии Уралу отводилось место региона, способного в кратчайшие исторические сроки стать ракетно-ядерной «кузницей» державы. Высокопрофессиональный потенциал (в годы войны на Урале трудилось 20% всех квалифицированных промышленных кадров СССР), наличие природных богатств и ресурсов позволили региону стать «точкой роста» модернизационных

Трофимов Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры общей и экономической истории, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург; e-mail: 2519612@gambler.ru.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 14-11-66006 «Экономические представления и модели поведения уральского населения (1917–1991 гг.)».*

технологий. Создание «атомного щита», история уральских ЗАТО ярко свидетельствует об успешности послевоенного модернизационного рывка. Вместе с тем, очевидно, что в условиях мобилизационной модели развития потребности людей удовлетворялись в узком коридоре прагматизма и признания государством их полезности. «Массовый советский человек» жил в жестких условиях контроля над сферой частного посредством особой организации жилого пространства (коммуналки и покомнатный принцип расселения), запрета аборт, введения нелегитимности фактических браков и т.д., что порождало необходимость поиска стратегий повседневного выживания [3, с. 16]. Для рядовых граждан экономические представления и модели поведения определялись не столько официальными пропагандистскими стереотипами, сколько реалиями жизни, магистральными линиями, как и во время войны: оставались как добросовестный труд в промышленности и сельском хозяйстве, так и бедность, поиск путей выживания семей, особенно, оставшихся без кормильцев, инвалидов, многодетных матерей и т.п.

Значительная часть уральских жителей продолжала после окончания Великой Отечественной войны жить в условиях выживания, бедности и нищеты, обращаясь к властям с просьбами о помощи, проявляя готовность к труду на благо страны. Обращения граждан в различные властные инстанции касались трудоустройства демобилизованных военных, положения инвалидов войны, многодетных семей, женщин-матерей и детей, пенсионеров, выплат пособий, пенсий, оплаты труда и т.д. После войны продолжала оставаться острой проблема продовольственного обеспечения, регулярно возникали перебои в торговле хлебом, крупами, молочными продуктами, мясом и овощами. Нередко отсутствовали в продаже спички, соль, керосин, что вызывало обоснованное недовольство, снижало экономическую активность людей, настроенных в целом позитивно и готовых побыстрее ликвидировать последствия войны. Вместе с тем, определенная часть населения стремилась использовать существующие трудности, организуя нелегальные каналы снабжения населения продовольствием и промышленными товарами. Власть вела борьбу с этими проявлениями, хотя сегодня очевидно, что в основном то, что тогда называлось спекуляцией, по сути, являлось стремлением экономически активных граждан расширить диапазон официально разрешенных стратегий поведения в интересах людей (но и за их счет).

Важным модернизационным фактором являлась региональная уральская идентичность, в основе которой была миссия служения России, обусловившая формирование «уральского характера», которому присущи: невозмутимое спокойствие и долготерпение в отношении тягот жизни; сдержанность, доходящая до суровости; выносливость; общинная взаимовыручка

и взаимопомощь, «чувство локтя» и коллективизм; трудолюбие; религиозное «несчастельство»; особая приверженность старине и традициям, консервативность взглядов; характерная сметливость, решительность, способность к самостоятельным решениям; свободолюбие; готовность к трудовому подвигу; патриотизм, «оборонное сознание»; осмысление благополучия своей судьбы только в контексте благополучия Родины [2]. Уральцами в середине XX в. были потомки рабочих и мастеров, в том числе многочисленные трудовые династии, чьи корни уходили во времена промышленного освоения Урала в XVIII–XIX столетиях, и те, кто начал свои трудовые биографии в годы индустриализации 1930-х гг., а также был эвакуирован вместе с сотнями промышленных предприятий в годы Великой Отечественной войны и остался на Урале после ее окончания. Являясь регионом повышенной концентрации лагерных систем, Урал испытал все негативные последствия карательной политики государства. Лагерь Западного и Среднего Урала, служившие не только формой наказания, но ставшие образом жизни, оказали существенное влияние на все стороны общественного бытия края [4, с. 94–114]. К 1950-м гг. Урал превратился в своеобразный «этнический котел», что не могло не сказаться на экономических представлениях и моделях поведения населения.

В послесталинские годы на региональном уровне происходит трансформация административно-директивной экономики в экономику согласования, в которой отношения между субъектами управления представляли собой не только отношения подчиненности, но и отношения обмена, предполагавшие действие принципа обратной связи. Смена моделей поведения управленческого корпуса в годы «хрущевских» реформ происходит в контексте научно-технического прогресса и региональных особенностей управленческих реорганизаций середины 1950–1960-х гг.

Воздействие на модели поведения уральского населения в середине XX в. оказывал демографический фактор: в уральском регионе в это время обеспечивалось лишь простое воспроизводство рабочей силы. Со второй половины 1950-х гг. демографическое развитие края вступило в третью фазу демографического перехода, сопровождаемую ослаблением миграции из села в город, снижением темпов урбанизации, повышением интенсивности возвратных перемещений по мере усложнения пространственной структуры общества. С конца 1950-х гг. Урал утратил лидирующее положение по темпам прироста населения. В это время были отменены законы, запрещавшие репрессированным народам выезжать за пределы территории вынужденного переселения, сняты ограничения на выезд из сельской местности, что усилило миграционные процессы в регионе, сопровождавшиеся оттоком людей, стремившихся найти лучшие условия жизни.

Существовавшие в советской экономической модели дефекты и изъяны, сказывавшиеся на уровне и качестве жизни населения, находили

проявления в неформальных социальных практиках, «теневой экономике» (незарегистрированная хозяйственная деятельность с использованием государственных производственных ресурсов, технологические, финансовые, экологические нарушения официальных норм в целях личного и группового обогащения, взяточничество, искажения отчетной информации в интересах предприятий и ведомств), «криминальной экономике» (наркобизнес, проституция, спекуляция, ростовщичество, торговля краденым и т.п.). В условиях увеличения уровня доходов и неспособности перегруженной военными производствами промышленности обеспечить потребности людей в товарах народного потребления, происходил резкий рост спроса на спекулятивные товары, что послужило импульсом для организации в 1940-1960-е гг. подпольными предпринимателями («цеховиками») нелегальных производств с использованием государственного имущества, а в результате прихода к власти Н. С. Хрущева, отказавшегося от крайних методов авторитарного правления, в стране стало зримо проявляться такое социальное явление, как жажда наживы, ранее явно не выраженное, а порой и сознательно заглушаемое. Использование различных путей, способствующих личному обогащению, было в эпоху Хрущева вызовом советской системе, утверждавшей идеи равенства, уравнительности, стоицизма и отвергалось большей частью населения, не попавшей в номенклатурную обойму [6, с. 874–881]. Неслучайно в 1962 г. Президиум Верховного совета СССР принял указ «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество». В случаях получения взятки должностным лицом, занимавшим ответственное положение или ранее судимым за взяточничество, или получавшим взятки неоднократно, либо путем вымогательства — виновные могли быть осуждены к лишению свободы на срок до 15 лет с конфискацией имущества и последующей ссылкой, а при особо отягчающих обстоятельствах — к смертной казни (расстрелу).

Одним из направлений государственной социальной политики во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. стала реализации идеи изменения баланса рабочего и свободного времени, введения «самого короткого в мире рабочего дня», при этом количество свободного времени населения должно было увеличиться на 200 часов в год. В течение второй половины 1950-х — первой половины 1960-х гг. прирост свободного времени составил около 4–7%, на большинстве предприятий и учреждений Урала. В 1956-1965 гг. рабочая неделя составляла шесть дней, или 41 рабочий час. Тем не менее, нехватку свободного времени продолжало отмечать большинство взрослого населения, недостаточно развитой оставались транспортная инфраструктура, коммунально-бытовая и жилищная сфера. К тому же на производстве широко использовались сверхурочные работы.

Между различными категориями населения свободное время было распространено неравномерно. У мужчин его было в среднем на 60% больше, чем у женщин. Много времени у женщин отнимал труд в домашнем хозяйстве. Постепенное развитие сети предприятий бытового обслуживания даже в крупных городах региона высвобождало лишь 5% времени, необходимого для удовлетворения хозяйственно-бытовых нужд. Во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг. прослеживается тенденция изменения гендерных ролей в семье. Мужская модель поведения женщины негативно сказывалась на общем психологическом климате. Одним из результатов этих изменений стало возрастание числа разводов. В этих условиях в сложном положении оказывались дети, недостаточное внимание к воспитанию которых способствовало распространению хулиганства, бродяжничества. Кроме того, неблагоприятная семейная обстановка была одной из причин возрастания бытового пьянства.

Одним из резервов сокращения времени на домашнюю работу было использование в хозяйстве бытовой техники. В середине 1950-х гг. спрос на нее удовлетворялся лишь на 40–50%. В 1962 г. на 100 семей рабочих промышленности приходилось лишь 2,9 холодильника, 10,1 стиральной машины, 0,1 полотора, 2,3 пылесоса. В семьях инженерно-технических работников было 8,1 холодильника, 18,5 стиральной машины, 0,7 электрополотора, 6,8 пылесоса. Лишь 3–4% семей в начале 1960-х гг. имели дома бытовую технику [1, с. 40–45]. Тем не менее, это были значимые результаты модернизации, воздействовавшие на социальные практики.

Ощутимые результаты процесса модернизации на Урале (от создания ракетно-ядерного щита до появления в жизни людей отдельных квартир и бытовой техники), способствовали росту социального оптимизма (вера в возможность построения коммунизма за два десятилетия), но в то же время ставили вопросы о гибкости и возможностях модификации и трансформации советской экономической модели, способствовали участию людей в начавшейся в середине 1960-х гг. экономической реформе. Изменения экономических представлений уральского населения, в целом, происходили в границах официального социально-экономического дискурса, а экономические модели поведения, наряду с нормативными, включали неодобряемые властями находившиеся в «серой» зоне или подпадающие под статьи уголовного кодекса социальные практики, что свидетельствовало о сложном и неоднородном восприятии людьми экономических реалий советского социализма.

Библиографический список

1. Балакин В. С., Ралкова О. В. Свободное время населения Урала в 1955–1965 гг.: новые источники и подходы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. Вып. 18. Челябинск, 2012. № 10 (269). С. 40–45.

2. Казакова Г. М. Культура Южного Урала: локальный вариант регионального измерения. СПб., 2007. 254 с.

3. Лебина Н. Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля. Ленинград 1950-1960-е гг. СПб., 2015. 484 с.

4. Литературная жизнь Урала XX в.: литературоведческая концепция музейной экспозиции / отв. ред. Т. А. Снигирева, Е. К. Созина. Екатеринбург, 2008. 152 с.

5. Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу: сб. ст. Отв. редактор В. В. Алексеев. Екатеринбург, 2011. 176 с.

6. Хазиев Р. А. Будни зазеркалья социалистической экономики хрущевских времен // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 3. С. 874-881

УДК 94 (470.57) «1941/1945»

Р. Н. Сулейманова

**БАШКИРСКИЕ ДЕТИ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ МОДЕЛИ
В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ УСЛОВИЯХ КАК РЕЗУЛЬТАТ
СОВЕТСКОГО ВОСПИТАНИЯ***

В статье на примере автономной Башкирской республики рассматривается положение детей и подростков в годы Великой Отечественной войны, проявление патриотизма и активное участие детей в экономической и общественной жизни республики. При исследовании этой темы показываются тяготы и сложности чрезвычайных условий военного времени, отразившиеся на положении и настроениях этой категории населения республики.

Ключевые слова: *дети, Великая Отечественная война, положение, поведение, советское воспитание, настроения, патриотизм*

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. явилась самым героическим и вместе с тем суровым периодом в истории России и ее регионов. Она стала тяжелейшим испытанием для всех народов, для каждой семьи, для каждого жителя страны. На ее защиту и освобождение от вероломно напавшего врага встали все народы. Победа ковалась и на фронте, и в тылу. Советские граждане страны, независимо от возраста, пола, национальности и вероисповедания, каждый на своем месте приближал день Победы, делал все для освобождения родины. Особо нужно сказать о детях, чье детство пришлось на военные годы. Вместе со взрослыми,

Сулейманова Рима Нугамановна, доктор исторических наук, зав. отделом новейшей истории Башкортостана, Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа; e-mail: rnsulejman@mail.ru.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 15-11-02010 а/р «Дети войны. Детский вопрос в политике СССР в годы Великой Отечественной войны. На примере Башкирской АССР».

они стремились всеми силами помочь армии, стране победить сильного и опасного врага.

Тема «Дети войны», без сомнения, общественно значима и актуальна в научном плане. Однако в башкирской историографии она до сих пор не привлекла внимания исследователей. Ее изучение позволит пролить свет на еще одну, практически неисследованную страницу истории Великой Отечественной войны. На примере Башкирской АССР рассмотрим положение детей, их участие во всенародном движении по поддержке армии и тыла в годы войны.

Война потребовала величайшего напряжения сил, всестороннего использования ресурсов всех регионов страны. Одним из важных в стратегическом и экономическом отношении регионов в глубоком тылу стала Башкирия. Обладая достаточными природными богатствами, производственными мощностями, материальными и людскими ресурсами, несмотря на невероятные трудности и лишения, она сыграла важную роль в бесперебойном обеспечении фронта и тыла всем необходимым. В кратчайшие сроки общественно-политическая и экономическая жизнь республики была переведена на военные рельсы. Появились невероятно трудные и ответственные задачи, прежде всего, оборонного значения. В их решении важная роль отводилась промышленности и сельскому хозяйству. Однако с мобилизацией трудоспособных мужчин, эвакуацией из ряда регионов страны предприятий, расширением объема производства на предприятиях и стройках в экономике республики остро встал вопрос нехватки рабочих кадров. Правительство БАССР принимало немало мер по его решению: организовывались краткосрочные курсы, привлекались старые опытные рабочие, на которых возлагались ответственные задачи по обучению молодежи. Вот как об этом вспоминала М. Х. Зигангирова: «Войну я встретила 14-летней девчонкой. В сорок втором году часть моих сверстников по 7 классу направились учиться в ремесленное училище, а мы 12 девчонок пошли работать на завод. Работали помногу, уставали, особенно в ночной смене, но старшие рабочие всегда приходили на помощь, бригадиром у нас была очень хорошая женщина Курбатова» [6, с. 62]. За 1941–1943 гг. в производство пришло свыше 115 тыс. чел. Через сеть трудовых резервов республики было подготовлено 40,6 тыс. квалифицированных рабочих, в т.ч. из ремесленных училищ 10,9 тыс. [5, с. 315]. Таким образом, на хрупкие плечи детей и подростков, вместе с женщинами, стариками, легли основные тяготы труда в тылу.

Трудно было и на селе. Не хватало техники, лошадей, но более всего рабочих рук. Вместе с женщинами и стариками встали на выполнение сельскохозяйственных работ дети и подростки, что стало немалым подспорьем для колхозов в выполнении плановых заданий. Известный

башкирский писатель А. М. Мирзагитов в воспоминаниях пишет: «Мне стукнуло ровно тринадцать лет, когда началась война... Полная доля забот легла на неокрепшие плечи деревенских мальчишек. Мы пахали, боронили, сеяли и косили» [6, с. 59]. Вот другое воспоминание З. Зелениной, являвшейся пионервожатой одной из школ Уфимского района: «... война застала меня в уфимских лагерях, где проходили спортивные соревнования. Вернулись домой, а в селе — мобилизация. Опустело, осиротело село, одни женщины, старики и инвалиды, а фронту, армии нужен хлеб. Кому убирать урожай, кому весной сеять? Собрали пионерскую дружину, пришли комсомольцы. Решили: «Работать всем без исключения и убрать урожай до зерна!». Сначала занялись прополкой сорняков. В поле вышла вся школа, даже малыши-октябрюта. Потом пришла пора уборки. Малыши работали посменно, а старшие — наравне со взрослыми. И никто не роптал». Помощь школьников пригодилась колхозу и к осени весь хлеб был убран [4, с. 100]. Ребята Булгаковской школы на собрании пионерской дружины для себя определили: «Борьба за урожай — наша кровная забота!». На собраниях каждым отрядом принимались такие постановления: «Пионерский галстук призывает тебя быть за плугом!», «Прополка разве чужое дело? Наше, кровное!», «Нынче твоя лопата приравняется к винтовке!» и др. [6, с. 64].

Наравне со взрослыми, дети и подростки автономной республики самоотверженно трудились, принимали активное участие во всенародном патриотическом движении поддержки армии и тыла. В школах создавались тимуровские команды, которые помогали престарелым и больным людям, брали шефство над госпиталями, организовывали сбор и заготовку картофеля, лекарственных трав, грибов и ягод. Они работали на полях, помогали колхозам выполнять задания обязательных поставок государству хлеба, сельхозпродукции и сырья. Учащиеся училищ ФЗО работали на производстве, освоив за короткие сроки рабочие профессии. В одном из номеров газеты «Комсомольская правда» за 1942 г. сообщалось об ударном труде фронтовой бригады учеников ремесленного училища на моторном заводе [2, с. 71–72].

Республиканские газеты пестрели сообщениями о патриотизме детей республики, их участии в решении оборонных задач. Они собирали металлолом, книги и учебные пособия для школ, освобожденных от немецкой оккупации районов советской страны, зарабатывали трудодни, часть этих средств вносили через Госбанк в фонды Оборона, помощи детям-сиротам, семьям фронтовиков, эвакуированным и т.д. Они участвовали в сборе средств на изготовление боевой техники, тем самым оказывая поддержку Красной армии [5, с. 322]. Первыми в Башкирской АССР с инициативой собрать средства на строительство танковой колонны под

символическим названием «Пионер Башкирии» в 1942 г. выступили пионеры Караидельского района. Они собрали 12,5 тыс. руб. Ее поддержали в других районах республики. В Дюртюлинском районе при сборе металлолома перед ребятами была поставлена задача: с каждого пионера — 1 пуд, с младшего школьника — полпуда. Каждый отряд в районе должен был заработать в колхозе 100 трудодней, половину их стоимости внести на счет в банке на постройку колонны. Еще они собирали лекарственные травы [6, с. 65].

Трудно было детям и физически, и морально. Врач Н. Г. Гатаулин вспоминал: «В первые же недели войны отец ушел на фронт, а мы пятеро детей, один меньше другого, остались на руках больной матери. Так в свои тринадцать лет я внезапно стал хозяином дома, главой семьи и заодно унаследовал колхозную должность отца — стал табунщиком... Есть нечего было. Теплой одежки почти что никакой, а на ногах одни лапти...». Вспоминал он, как трудно было ему, старшему по дому, когда пошел с братишкой искать весной оставшуюся под снегом солому для единственной коровы: «земля талая, все время бредем по воде, силенок нет, зуб на зуб не попадает, хоть ложись да помирай, к тому же меньшей ревет, мне самому бы надо удариться в слезы, да нельзя, потому что я — глава семьи» [6, с. 60, 61]. Таких пронзительных по своей сути историй-рассказов детей о своей жизни в годы войны огромное множество.

Руководство республики, несмотря на трудности военного времени, принимало немало мер на государственном уровне по защите детей, укреплению здоровья, улучшению их положения и обучения, воспитания. Особое внимание уделялось детям сиротам [1, с. 253], эвакуированным детям. Определялись необходимые меры по предотвращению безнадзорности и беспризорности детей, борьбе с правонарушениями среди них [3, с. 28–29]. Наряду с государственными и общественными органами, населением, участвовали в этих инициативах и дети республики. Весной 1943 г. комсомольцы и пионеры Ермекеевского района обратились ко всем комсомольцам и пионерам республики создать фонд помощи детям фронтовиков. Они сами собрали в этот фонд 50 тыс. рублей, продукты питания и детские вещи.

С началом войны Башкирская АССР приняла на себя заботу не только об эвакуированных из западных и центральных районов СССР предприятиях, заведениях и населении, но и о более 40 детских учреждениях, с пятью тысячами детей [8, с. 4]. Им оказывалась серьезная помощь: открывались детдома, собирались средства для приобретения одежды, обуви для детей, засеивались специальные площади зерновыми и овощными культурами, картофелем, сдавались излишки продукции со своего личного хозяйства в специальные фонды. В республике размещались

детдома с испанскими детьми [4, с. 151–152], была организована здравница для детей из Ленинграда [4, с. 158–159] и т.д. В этом деле особую активность проявляли женщины. 23 марта 1942 г. работницы Уфимской швейной фабрики имени 8 марта призвали всех женщин республики взять на воспитание детей, оставшихся без родителей [3, с. 32–34]. На общегородском митинге в Белорецке жители поддержали швейниц. Только в 1942 г. 867 семей в республике взяли на воспитание детей [1, с. 255]. В поддержку детей, оставшихся без попечения родителей, эвакуированных, в республике началось создание детских учреждений по инициативе предприятий и колхозов. Почин нескольких районов по организации инициативных (колхозных) детдомов — Кандринского, Дюртиюлинского, Альшеевского, был одобрен обкомом ВКП(б). В целом, в 1942–1944 гг. таких детдомов было открыто 60 на 1,8 тыс. детей [1, с. 254]. Все это было свидетельством проявления в чрезвычайных условиях таких черт советского народа как милосердие, самопожертвование и готовность прийти на помощь. Было трудно, голодно, холодно, но главное, была мирная жизнь, к которой прибывшие дети быстро привыкали.

Участие пионеров, октябрят в общественно-политической жизни республики в годы войны определялось комсомольской организацией и было в центре внимания партийных органов. Особое значение придавалось вопросам воспитания, особенно военно-патриотического. В отчете дошкольного отдела Наркомпроса республики за второе полугодие 1941 г. сообщалось: «Воспитательная работа в детских учреждениях, школе проводится по плану. Война с фашизмом занимает в жизни ребят много времени и внимания. Радостно воспринимают они успешные наступления Красной Армии. Ребята переписываются с отцами-фронтовиками. Любовь к Родине дети отражают в своих рисунках, игре, рассказах, с чувством большой гордости они заготавливали новогодние подарки бойцам на фронт, в госпитали» [2, с. 204, 205]. В целом, башкирские дети в годы войны, активно участвуя во всенародном патриотическом движении, передали в фонд Оборона 12 млн 150 тыс. руб., отправили фронтовикам свыше 800 тыс. посылок с подарками, собрали 170 т лекарственного и технического сырья, сдали свыше 100 тыс. т металлолома, отправили детям освобожденного от врага Донбасса более 16,7 тыс. учебников, 15,4 тыс. единиц посуды для школьных столовых. Белорецкие ребята сдали пушнины на 18 тыс. руб и т.д.

Дети — самая беззащитная часть населения в экстремальных критических условиях. Они — жертвы войны, которая проходит по ним страшным катком, обездоливая и ломая судьбы. Они рано взрослеют и взваливают на свои хрупкие плечи непомерную ношу. Политика советского государства в детском вопросе заключалась в проведении директивной

установки — «забота и контроль». Не имея жизненного опыта, лишены родительского внимания, а многие — и семьи, дети военной поры приобрели не только негативные жизненные установки — асоциальное поведение, ухудшение в физическом развитии (в основном из-за недостаточности питания и ослабления медицинской помощи), снижение уровня образования и др., но и раннее взросление в связи с оказанием помощи матерям в поддержке малышей и в домашнем хозяйстве, вовлечением в производство и участием вместе со взрослыми в помощи армии и тылу, что прививало им позитивные установки — самостоятельность, инициативность, ответственность. В своей деятельности они руководствовались девизом «Заменим наших отцов!». Документальные материалы архивов республики, многочисленные источники, в частности мемуары, указывают, что, несмотря на нужду и лишения, башкирские дети внесли заметный вклад в Победу в Великой Отечественной войне.

Библиографический список

1. Ахмадиев Т. Х. Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны. Уфа, 1984. 280 с.
2. Башкирия в годы Великой Отечественной войны. Сб. документов и материалов / Сост.: Т. Х. Ахмадиев и др. Уфа, 1995. 543 с.
3. Женское движение в Башкортостане. 1941-2000: Сб. документов и материалов / Отв. редактор Р. Н. Сулейманова. Уфа, 2009. 304 с.
4. Звучат горны. Рассказы о пионерах Башкирии / Сост. Б. Гареев. М., 1963. 208 с.
5. История Башкортостана. 1917 — 1990-е гг.: В 2-х т. / Отв. редактор Р. Н. Сулейманова. Уфа, 2004. Т. 1: 1917–1945. 400 с.
6. Пионерские зори / Сост. В. Даутов. Уфа, 1972. 208 с.
7. Региональные особенности национальной политики СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Башкирская АССР: Сб. документов и материалов / Отв. редактор Р. Н. Сулейманова. Уфа, 2011. 324 с.

УДК 94 (477) «1943/1953»

Е. Ю. Титаренко

РАБОЧАЯ СРЕДА ПОСТОККУПАЦИОННОГО И ПОСЛЕВОЕННОГО ДОНБАССА (1943-1953 ГГ.): К ВОПРОСУ О СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ

В статье охарактеризован ряд особенностей социокультурных процессов на территории Донбасса в период послевоенного восстановления. Акцент сделан на вопросах адаптации к новым производственным и культурным реалиям мобилизованной молодежи, бывших оstarбайтеров и военнопленных, освещены вопросы интеркультурного взаимодействия местного населения и немецких военнопленных, пропагандистского воздействия на население.

Титаренко Елена Юрьевна, аспирант кафедры истории и политической теории, Национальный горный университет, г. Днепрпетровск, Украина; e-mail: elena_titarenko2@ukr.net.

Ключевые слова: *Донбасс, послевоенный период, демографическая ситуация, социокультурные процессы, рабочая среда, пропаганда.*

В советской историографии период послевоенного восстановления Донбасса традиционно изображался как время великих свершений, героического подвига советского народа в восстановлении разрушенного войной хозяйства. Безусловно, в значительной степени это адекватно действительности. В то же время, на периферии исследовательского интереса оставались вопросы, связанные с социокультурными процессами на этой территории. Немногочисленные публикации, в той или иной степени посвященные этим аспектам, характеризовались глорификацией достижений и, наоборот, замалчиванием проблем, сложных дискуссионных вопросов. К числу одного из них можно отнести особенности адаптации к новым социокультурным реалиям в рабочей среде, интенсивно пополнявшейся после освобождения региона от нацистской оккупации и особенно после войны.

В целом период войны и оккупации нанес тяжелый удар по населению края, существенно осложнив демографическую ситуацию. Так, в 1943 г. на момент освобождения Донбасса статистические органы зарегистрировали на территории региона 2480 тыс. чел, что составляло 46,4 % от довоенной численности населения Донбасса [13, с. 67]. В то же время необходимость максимально быстрого восстановления промышленности Донбасса стимулировала чрезвычайно активные социально-экономические процессы на его территории. На восстановление региона и, прежде всего промышленности, были направлены значительные человеческие и материальные ресурсы. Количество занятых в промышленности в первые постоккупационные и послевоенные годы стремительно увеличивалось за счет местного населения, реэвакуированных рабочих, колхозников, демобилизованных, а также мобилизованных и завербованных на восстановление Донбасса жителей Украины, России, других республик СССР. Благодаря соответствующим образом ориентированной миграционной политике, численность населения Донбасса достигла довоенного уровня уже в 1950 г., в то время как в остальном Советском Союзе только через пять лет, в 1955 г. [4, с. 118].

Следует отметить, что война, дважды прокатившаяся через край, способствовала маргинализации населения и тем самым представляла определенную угрозу социальной стабильности общества. Как отмечает российский исследователь Е. Ю. Зубкова, спаянный военной победой консенсус между властью и обществом, общая усталость от экстремальности и тяга к «нормальной» жизни [8, с. 25], сыграли роль стабилизирующих факторов в советском обществе, переходе его на мирные рельсы. В то же время этот переход, особенно в Донбассе, характеризовавшийся высокой интенсивностью демографических процессов, был весьма болезнен и неоднозначен.

Промышленность региона стала пополняться кадрами за счет возвращения эвакуированных на восток специалистов, которое началось уже с конца 1943 г. Послевоенное восстановление, несмотря на возведенный в культ трудовой энтузиазм и героизм, требовало привлечения значительного количества рабочей силы извне. Путем комсомольских мобилизаций, привлечения военнообязанных по линии НКО, мобилизации населения через органы советской власти по системе оргнаборов в Донбасс было направлено значительное количество трудоспособной молодежи из разных регионов Советского Союза — носителей различных социокультурных традиций и поведенческих моделей. Определяющую роль в системе организованного набора рабочей силы в Донбасс сыграло открытие многочисленных школ ФЗО. Так, если в 1940 г. в училищах и школах ФЗО на территории Донбасса насчитывалось 35,8 тыс. чел., то в 1943 г., после освобождения региона — 58,8 тыс. [5, с. 247]. В дальнейшем это количество увеличивалось. Следует отметить в этой связи, что помимо подготовки квалифицированных кадров, школы ФЗО в сложившихся условиях выполняли не менее значимую социальную функцию. Война и годы оккупации нивелировали систему ценностей общества, что не могло не сказаться на мировоззрении и поведении подрастающего поколения. Расшатывание норм общественного воспитания стало причиной роста проявлений асоциального поведения среди молодежи — грубого нарушения дисциплины, распространения вредных привычек, различных правонарушений. Школы ФЗО сыграли в этом плане значительную стабилизирующую роль. В то же время хронической проблемой данных учебных заведений была ориентация в основном на формирование навыков производственной деятельности. Вопросы культурно-досуговой деятельности оставались периферийными, что отмечалось центральными партийными органами: «В большинстве училищ и ФЗО культурно-массовая работа проводится плохо, как правило без учета особенностей и запросов молодежи. В свободное время для учеников не организован культурный досуг. Существующие клубы, библиотеки не имеют достаточно количества литературы, культурного и спортивного инвентаря...» [3, с. 204].

Принудительный характер мобилизации, распространение слухов о реальных и мнимых трудностях приводили к тому, что часть мобилизованных убегало еще по дороге на предприятия и на шахты. Прибыв на места работы, мобилизованные встречались с целым комплексом проблем, преимущественно социально-бытового характера. Кроме того, сельские жители, попав в город, встретившись с производственной обстановкой шахт и заводов, часто психологически были не готовы к необычной для них деятельности, которая вкупе с крайне неблагоприятными социально-бытовыми условиями часто их шокировала [1, с. 67]. Все это стало

причиной колоссального роста дезертирства. Так, только лишь за период с января по июнь 1947 г. угольные тресты «Сталинуголь» и «Артемуголь» потеряли более 22 тыс. рабочих [14, S. 366]. Помимо тяжелых бытовых условий, дефицита одежды, нормального питания, условий работы достаточно высокий уровень дезертирства, как явствует из докладной записки замначальника управления кадров ЦК КП(б) У. Савченко на имя секретаря ЦК КП(б) У. Коротченко от 8 июля 1947 г., был обусловлен «недостаточностью культурно воспитательной работы, особенно среди молодежи, резким переходом в условиях жизни, окончивших ФЗО и РУ по прибытии на предприятия...» [12, л. 312]. Местные же руководители предприятий пытались решить эту проблему традиционно: путем идеологического воздействия и даже угроз, применения командно-административных методов.

Важными источниками пополнения промышленности Донбасса кадрами стали демобилизация военнослужащих из Красной Армии, репатриация бывших военнопленных и людей, угнанных на принудительные работы в Германию. Численность их, особенно с 1946 г., существенно возросла. Пребывание этих групп населения под влиянием иных обществ, культур, политических режимов обусловило их функцию ретрансляторов иных систем ценностей. Люди писали и обсуждали то, про что не осмеливались говорить в 1930-е гг. Так, бывшие оstarбайтеры и фронтовики, вернувшись из Германии, довольно часто рассказывали то, что не всегда вписывалось в официальную канву и даже противоречило ей: «Немцы меня не обижали, можно было бы и дальше там работать», «В немецком лагере было лучше, чем дома», «Работа на Донбассе — это каторга и обман работников. Когда я был в Германии, то условия труда были лучше, чем тут», «В Германии колхозов нет. Немцы живут хорошо» [7, с. 443].

В контексте проблемы трансформации внутреннего мира, ценностных ориентиров местного населения весьма актуальным представляется анализ опыта взаимодействия местного населения и немецких военнопленных, занятых на восстановлении разрушенных войной промышленных предприятий и социально-бытовой сферы после освобождения от оккупации и в послевоенный период. По состоянию только лишь на 1945 г. для предприятий истроек Украины предполагалось выделить около 500 тыс. немецких военнопленных, большую часть которых предполагалось задействовать в Восточной Украине [9, с. 31]. Существование даже сегодня в обыденном сознании достаточно четких представлений о бывшем враге после войны («эти дома теплые — их строили еще пленные немцы», «в этой школе был лагерь немецких военнопленных», «здесь находилось кладбище немецких военнопленных») позволяют утверждать, что опыт личного взаимодействия местного населения и немцев после войны мог внести существенные коррективы в сформированные во время войны

советской пропагандой штампы, направленные на абсолютизацию ненависти к врагу.

Основная легитимная возможность коммуникации с военнопленными во время работы определяла в основном восприятие немцев-военнопленных местным населением. Безусловно, самое глубокое впечатление оставила культура труда: «...как специалисты немцы были хорошие... Я работал на участке — одни немцы работали. Работали хорошо, не то, что разговоры как у нас» [6].

В то же время открытым остается вопрос об особенностях взаимоотношений с местным населением, его восприятия со стороны немецких военнослужащих, находившихся в советском плену. Как полагает немецкий историк Андреас Хильгер, «...ненависть и гнев, выплескиваемые на военнопленных во время пропагандистских акций...либо в повседневной жизни на местах, многочисленные авторы воспоминаний часто приписывают исключительно идеологической обработке «сверху» [11, с. 169]. Исходя из того, что работающие на восстановление промышленности Донбасса военнопленные немцы могли служить для местного населения источником получения информации о Германии, о немецком образе жизни, советские и партийные органы акцентировали внимание на необходимости минимизации отношений населения и немцев [9, с. 65].

В целом территория Донбасса в течение 1940-х — начале 50-х гг. стала местом встречи и достаточно интенсивных контактов местного населения и немцев, осуществлявшиеся при разных обстоятельствах и условиях. Здесь встретились разные представления друг о друге, обусловленные не только воздействием нацистской и советской пропаганды, но и, самое главное, личными контактами; разные восприятия власти, работы, разные представления о Западе и Востоке [2]. Опыт личного общения с немцами в ряде случаев дал возможность населению представить Германию и немцев иначе, нежели пропагандировали советский и нацистский режимы.

Важным фактором регулирования и контроля повседневной жизни населения, влияния на характер социокультурных процессов, в том числе и адаптации к новым условиям работы и жизни, стала пропаганда, которая приобрела ярко выраженный мобилизирующий характер. Как отмечает немецкий исследователь Таня Пентер, «в качестве компенсации за катастрофические жизненные условия и повседневную борьбу за выживание, пропаганда предлагала снова картины счастливого настоящего и еще более блестящего будущего» [14, S. 369]. В качестве средства повышения производительности труда была использовано уже широко применявшаяся до войны концепция социалистического соревнования и стахановского движения с новыми героями, которыми стали А. Кедя, А. Голоколосов, М. Гришутина, М. Афонин.

Брошюры, посвященные будущему Донбасса, иллюстрировали созданный пропагандистами образ, обещали жизнь в хороших бытовых условиях, поселках с развитой инфраструктурой, централизованным водоснабжением и отоплением. Многочисленные публикации (письма, репортажи) в прессе создавали исключительно позитивный образ процесса восстановления Донбасса. Партийные органы утверждали репертуар театров, планы демонстрации кинофильмов, тематику вечеров и лекций в клубах и дворцах культуры. Период послевоенного восстановления усиленно продуцировал новые мифы, в частности о безусловном единении партии и народа, монолитности советского общества, отсутствии протестных настроений в обществе, в том числе в рабочей среде. Применительно к Донбассу усиленно популяризировался миф героики послевоенного восстановления, который органично являлся следствием мифа о всенародном сопротивлении врагу на территории Донбасса (он, в частности, нашел отражение в популярных не только в Советском Союзе, но и за его пределами фильмах «Непокоренные», «Это было в Донбассе», «Большая жизнь», «Молодая гвардия»). В духе того времени главной задачей было признано создание образа героических людей Донбасса, показ коммунистического отношения к труду.

Свидетельством признания особого статуса шахтерской профессии, создания ее определенного культа стало введение в официальный календарь праздника «День шахтера», который должен был праздноваться в последнее воскресенье августа [10].

Важным фактором жизни послевоенного общества Донбасса оставалась церковь. Примечательно, что война, обострив религиозные чувства населения в экстремальных условиях военного времени, оставалась важным фактором общественной жизни и после войны. Так, количество людей, принимавших участие в пасхальных мероприятиях, было сопоставимо и даже превышало количество людей, принимающих участие в демонстрациях 7 ноября [4, с. 123]. И хотя данных о том, насколько это было характерно именно для рабочей среды нет, с высокой долей вероятности можно констатировать, что это также является свидетельством достаточно сложных и амбивалентных социокультурных процессов, происходивших в послевоенном Донбассе.

В целом, социокультурные процессы в рабочей среде Донбасса в послевоенный период были достаточно сложны и мозаичны. Они характеризовались, с одной стороны, чрезмерной идеологизацией и формализацией, достаточно часто насилием над внутренним миром человека, с другой — возможностью существования и проявления иных, альтернативных официальным, позиций, оценок и нравственных ориентиров. В конечном итоге, это не могло не отражаться на процессе формирования

мультикультурной и восприимчивой к чужому опыту рабочей среды послевоенного Донбасса.

Библиографический список

1. Алфёров М. А. Миграційні процеси та їх вплив на соціально-економічний розвиток Донбасу (1939–1959 рр.). Донецьк, 2008. 192 с.
2. Вечерний Донецк. 2004. 13 мая.
3. Гаврилов В. М. Сільська молодь Північного Лівобережжя у відновленні промисловості Донбасу в перші повоснні роки // Нові сторінки історії Донбасу: Ст. кн. 8. Донецьк, 2000. С. 198–210.
4. Герасимова М. С. Історичні умови формування та правила організації повсякденного життя в Донбасі в 1945–1953 рр. // Нові сторінки історії Донбасу: Збірник статей. Кн. 12. Донецьк, 2006. С. 116–128.
5. Донетчина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Известные и неизвестные страницы истории. Донецк, 2008. 432 с.
6. Інтерв'ю з Романченко В. І., 1928 г.р. (Донецк, июль 2003 г. Транскрибованная аудиозапись) // Личный архив Д. Н. Титаренко.
7. Куромія Гіроакі. Свобода і терор у Донбасі: українсько-російське прикордоння, 1870-1990-і р. Київ, 2002. 510 с.
8. На «краю» советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945–1960-е гг. М., 2010. 816 с.
9. Сергійчук В. Новітня каторга. Військовополонені та інтерновані Другої світової в УРСР. Київ, 2001. 188с.
10. Социалистический Донбасс. 1947. 4 нояб.
11. Хильгер А. Немецкие военнопленные и их опыт соприкосновения со сталинизмом // Сталин и немцы: Новые исследования. М., 2009. С. 150-175.
12. Центральный государственный архив общественных объединений Украины. Ф. 1. Оп. 23. Д. 4953. 415л.
13. Шипік Н. Ф. Соціально-демографічні процеси в Донбасі в 1943-1955 рр.: дис... канд. іст. наук: 07.00.01 / Донецький національний ун-т. Донецьк, 2005. 250 с.
14. Penner T. Kohle für Stalin und Hitler. Arbeiten und Leben im Donbass 1929 bis 1953. Essen, 2010. 467 s.

УДК 94 (470.5) «1946/1959»

А. Л. Глушаев

СОВЕТСКИЕ ЕВАНГЕЛИСТЫ В ПОИСКАХ СЕБЯ

В статье рассматриваются вопросы социальной истории евангельских общин, сформировавшихся в послевоенные годы (1946-1959 гг.) в городах и рабочих посёлках Молотовской (Пермской) и Свердловской областей. В генезисе общин евангельских христиан-баптистов заметную роль сыграли немцы-спецпоселенцы, оказавшиеся в годы войны на территории двух уральских областей. Новым явлением стали общины меннонитов. Первое послевоенное десятилетие является вехой для региональных евангельских групп, когда происходила институционализация и легитимация их деятельности. Автор полагает, что, адаптируя фрагменты евангельских вероисповеданий к сложившейся советской реальности, представители протестантских течений кон-

Глушаев Алексей Леонидович, кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии, Пермская академия искусства и культуры, г. Пермь; e-mail: perst-ur@mail.ru.

струировали собственную идентичность, выработывали способы легализации религиозной жизни городских сообществ.

Ключевые слова: *евангельские христиане-баптисты, меннониты, Молотовская (Пермская) и Свердловская области, евангельские общины, советские верующие.*

Опыт развития советского общества 1930–1950-х гг., связанный с индустриальным рывком и коллективизацией, Большим террором и ходом Второй мировой войны, неизменно включал программный антиклерикализм. Практики политических кампаний, административный контроль жёстко очерчивали границы проявления религии. Однако в послевоенные годы наблюдался заметный всплеск религиозных настроений населения и количественный рост конфессиональных групп. В ряде регионов СССР, по замечанию Е. Ю. Зубковой, «...этот процесс был даже более массовым, чем во время войны» [8, с. 34].

В частности, на территории Молотовской и Свердловской областей на рубеже 1940–1950-х гг., наряду с общинами православной церкви, старообрядцами, мусульманами и иудеями, возросла активность евангельских общин. А если говорить о меннонитах, то их церковная самоорганизация в региональном масштабе стала абсолютно новым явлением для того времени [2]. Среди евангельских общин Молотовской (Пермской) и Свердловской областей наиболее крупными были объединения евангельских христиан-баптистов и меннонитов. Социальная и культурная близость регионов, определённая однотипность сценариев развития, объясняется тем, что обе области в годы войны пережили вторую волну индустриализации, изменилась социальная структура регионов, выросло население городов [См.: 1, с. 65]. В этом контексте генезис религиозных общин обозначил определённый вектор социального развития Молотовской (Пермской) и Свердловской областей. Наметились контуры городских сообществ, которые были представлены, в частности, евангельскими верующими. Таким образом, региональный масштаб (территории Молотовской и Свердловской областей) позволяет сфокусировать внимание на конкретно-историческом контексте, в рамках которого развивались религиозные течения евангельского типа.

За годы войны существенно изменилась конфессиональная карта двух уральских областей. В послевоенные годы появились или получили новый импульс развития течения евангельских христиан-баптистов и меннонитов. Генезис протестантских общин был связан непосредственно с социальными условиями, с историческими обстоятельствами, в которых оказались разные категории советских граждан. В частности, как подчёркивал свердловский уполномоченный Совета по делам религиозных культов (СДРК): «Что касается христиано-баптистских сект, то в прошлом

на территории Свердловской области они не имели распространения, их появление и распространение относится к военному и послевоенному времени, в связи с эвакуацией и переселением людей..., а также из числа вербованных из других областей на работу в промышленные предприятия» [14, л. 7].

Наиболее крупные общины евангельских христиан-баптистов Свердловской области находились на севере, в городах Карпинске, Краснотурьинске, Нижнем Тагиле, в рабочем посёлке Волчанка, и состояли «... главным образом из выселенных немцев» [15, л. 85]. Но помимо этого, во второй половине 1940-х гг. образовались полиэтничные общины евангельских христиан-баптистов в городах Свердловске, Асбесте, Камышлове, Полевском.

В 1958 г. было известно о 15 группах ЕХБ Свердловской области «...действующих явочным порядком», объединявших до 540 чел. «Эти группы находятся, главным образом, в городах», — отмечал свердловский уполномоченный [16, л. 229].

В Молотовской области общины евангельских христиан-баптистов были представлены в городах Молотове (с 1957 г. Пермь), Березниках, Губахе, Соликамске, Чусовом, рабочих поселках Яйва, Половинка и в других населённых пунктах. В общей сложности в 1957–1958 гг. в области действовали 28–29 общин евангельских христиан-баптистов, которые объединяли 1200–1250 чел [11, лл. 59–60]. В том числе, 15 групп были немецкоязычные [3, л. 172].

В целом же, влияние немецкого фактора в образовании евангельских общин в двух уральских областях было существенным. Трудовые мобилизации советских немцев в годы войны, послевоенная репатриация бывших советских граждан из-за рубежа привели к тому, что значительные слои населения принудительно перемещались и размещались в восточных регионах СССР, в том числе на Урале. В результате, в Молотовской и Свердловской областях вместе с немецкоязычными баптистами появляются меннониты. Близкие в догматике вероучению евангельских христиан-баптистов, меннониты в довоенное время представляли этноконфессиональные сообщества немецкоговорящих верующих. Большинство меннонитов были выходцами из сельских районов юга Украины, Поволжья, Закавказья, где с XIX в. сложились земледельческие колонии переселенцев из Голландии и Северной Германии [См.: 6, 9].

К середине 1957 г. в Молотовской области было выявлено 9 групп меннонитов (свыше 500 чел) [3, л. 72]. В Свердловской области, по данным на 1958 г., сложилось 12 общин меннонитов, объединявших до 1000 членов церкви и до 200 чел приближённых [16, л. 233]. Иными словами, в послевоенное десятилетие на территории двух областей интен-

сивно формируются евангельские общины, появляются, условно говоря, «новые» религиозные меньшинства.

Характерной чертой общин протестантского типа была их локализация. Они формировались в рабочих посёлках промышленных центров Урала. Некоторые из евангельских общин начали складываться ещё в довоенное время. Так возникла в 1932 г. группа евангельских христиан города Асбеста Свердловской области, которая состояла из нескольких человек. «Среди этой группы верующих не было местных жителей, — писал свердловский уполномоченный В. И. Рупасов, — а были только приезжие из разных областей Советского Союза в порядке переселения на работу в асбестовую промышленность» [17, л. 111].

В годы войны в Асбесте разместили советских немцев, мобилизованных в рабочие колонны. С переводом немцев на специальный административный режим в 1946–1947 гг. в городе сформировались группы меннонитов. Русскоязычные евангельские христиане-баптисты поддерживали отношения с немецкоязычными верующими. Впоследствии, уже во второй половине 1950-х гг., была сделана попытка объединения этих групп. Как говорил баптист А. Е. Берсенёв: «Мы объединились с меннонитами для того, чтобы легче было купить или построить в г. Асбесте новое молитвенное здание» [16, л. 234].

Примерно в это же время образовались группы евангельских христиан-баптистов города Краснотурьинска Свердловской области. В своей основе община была этнической (немецкой), и насчитывала до 100 чел. Однако в религиозной жизни евангельской общины участвовали и 22 русских. По описаниям свердловского уполномоченного: «До 1951 г. эта группа проявляла большую активность, проводили молитвенные собрания и крещение взрослых верующих. После ареста руководителей групп и осуждения их за контрреволюционную работу, активность верующих стала меньшей, собираются иногда небольшими группами на частных квартирах, крещений не проводят. В настоящее время [1954 г. — А. Г.] эта группа верующих добивается молитвенного здания и регистрации религиозного общества» [15, лл. 63–64].

Помимо общины евангельских христиан-баптистов, в Краснотурьинске сложилась община меннонитов, численностью до 200 чел [16, л. 230]. В своей религиозной жизни представители двух протестантских течений общались, и действовали, образно говоря, как социальная сеть, встречаясь небольшим числом участников (10–15 чел) на совместных молитвенных собраниях.

В Молотовской области развитие региональных сообществ евангельских христиан-баптистов и меннонитов протекало примерно по тому же сценарию. Группы немецкого населения были рассредоточены в горо-

дах и рабочих посёлках Молотовской области, но в городах Боровске¹ и Соликамске свыше 10 тыс немцев проживали достаточно компактно [10, с. 227]. С появлением в посёлках немцев-репатриантов (бывших советских граждан, ушедших либо эвакуированных вместе с отступающими войсками вермахта) воскресные молитвенные собрания стали регулярными. Например, как сообщалось в донесении 1947 г. из Соликамска: «[В] новом посёлке Магниевого завода в бараке № 54 <...> собираются репатриированные немцы, преимущественно в воскресенье в 9–12 час. дня и читают “божественную книгу”. <...> гражданка Клейн читает, а один старичок <...> разъясняет присутствующим [прочитанное] (он является руководителем)» [10, с. 226].

Ещё раз подчеркнём, что общины евангельских христиан и баптистов и, особенно, меннонитов на территории Свердловской и Молотовской областей имели сравнительно короткую историю развития. Довоенный период существования евангельских церквей в регионах закончился для многих членов общин трагически, часть верующих были репрессированы, церковная жизнь почти прекратилась [13, с. 7]. Либо, как выше указывалось на примере группы евангельских христиан города Асбеста, церкви не смогли оформиться. Поэтому, вполне обоснованно можно утверждать, что в социальной истории евангельских общин двух регионов существует временной и институциональный разрыв. Первое послевоенное десятилетие стало вехой для большинства евангельских верующих, когда их религиозная жизнь приобрела более чёткие очертания в совместных религиозных практиках, когда происходила институциализация и легитимация деятельности протестантских общин.

Рассмотрим, например, образование церкви евангельских христиан-баптистов города Молотова (с 1957 г. — Перми). В октябре 1946 г. группа евангельских христиан города Молотова обратилась к уполномоченному по области с заявлением об открытии молитвенного дома [4, л. 1]. Судя по сохранившимся данным, русскоязычная община объединяла не менее 40 чел. [4, лл. 1 об.–3]. Часть верующих были бывшими членами Пермской общины евангельских христиан, закрытой в середине 1930-х гг. [12, с. 2–3]

Одновременно в послевоенные годы в рабочем посёлке Ераничи города Молотова сложилась немецкоязычная община баптистов, из спецпоселенцев, с которой очень близко общались евангельские верующие из русскоязычной группы. В воскресные дни проводили общие молитвенные собрания. По сохранившимся воспоминаниям, в длинный коридор «немецкого» барака выставляли скамьи и табуреты, на которых рассаживались

¹ В 1959 г. Боровск был административно присоединён к Соликамску и превратился в один из крупных районов-посёлков северной части города.

верующие [7]. Мужчины проповедовали и читали вслух «слово Божие», все вместе пели псалмы.

Инициативная группа евангельских христиан-баптистов города Молотова долгое время добивалась регистрации общины. Разрабатывая тактику достижения своих целей, верующие, на наш взгляд, в обращениях к власти конструировали собственную идентичность, адаптируя коллективную религиозность к сложившейся социальной действительности. Как отмечалось в письме членов общины ЕХБ в горисполком: «По районам города Молотова имеется много рабочих, работниц и служащих верующих евангельских христиан-баптистов, которые с 1922 г. по 1935 г. имели помещение (лютеранскую кирку) для отправления своих религиозных богослужений.

<...> Зная, что советским гражданам, согласно Конституции, предоставлено право свободного исполнения своего вероисповедания с религиозными потребностями, мы по настоящее время находимся в стеснённом состоянии.

<...> Правительством дано распоряжение на местах, чтобы предоставить для их богослужений прежние культовые помещения <...> нас по сие время не удовлетворяют, хотя такие культовые помещения есть» [5, л. 5].

Используя в обращениях категории советского дискурса (“рабочие”, “служащие”, “советские граждане”) авторы сознательно вписывали своё вероисповедание в поле допустимых социальных практик. Вместе с тем, евангельские христиане-баптисты стремились легитимировать и зафиксировать границы автономной структуры рамками «культового помещения». Эти границы были легко проницаемые, символы власти и советские культурные практики проникали в структуры религиозной жизни, создавая гибридные формы культового поведения верующих.

В 1956 г. церковь евангельских христиан-баптистов города Молотова получила вожделенную регистрацию, объединив русскую и немецкую группы верующих. В качестве сравнения отметим, что другие евангельские общины Молотовской и Свердловской областей до 1960-х гг. не смогли добиться регистрации своей деятельности и, с точки зрения советских чиновников, находились за пределами правового поля. 28 октября 1956 г. в молитвенном доме города Молотова проходило первое общее собрание членов общины. Присутствующих было 185 чел. На повестке дня стояло два вопроса:

«1. Об утверждении состава совета общины.

2. О празднике Октябрьской Революции».

По второму вопросу слушали «...о празднике Октябрьской Революции». Помощник пресвитера сообщил, «...что праздник будет два дня и что все, занятые на производстве, должны вместе со всеми гражданами быть на демонстрации.

Постановили: 7-го ноября утром богослужение не проводить, а перенести его на вечер. 8-го же, как обычно в праздничный день — богослуженное собрание будет с 12 часов дня» [5, лл. 24–24об].

Одновременное участие советских верующих в праздничных инсценировках власти и религиозных собраниях было продолжением сложившегося социального порядка, в котором политическое измерение обыденности долгие годы поглощало приватные формы жизни религиозных меньшинств, в частности, евангельских христиан.

Однако постепенно в сфере частной жизни автономия религии нарастала, особенно в условиях нормализации советской повседневности второй половины 1950-х гг. Неслучайно уполномоченный СДРК при Молотовском облисполкоме характеризовал деятельность евангельских групп в области как «самоуправную» [3, л. 23], подчёркивая самостоятельный характер организации и проведения молитвенных собраний. Типичным примером автономных ниш религии были незарегистрированные общины евангельских христиан-баптистов и меннонитов Молотовской и Свердловской областей, о которых говорилось выше. Иными словами, развивались сферы городской жизни, лежащие за пределами политического контроля власти.

Таким образом, необходимо отметить, что за годы войны региональные общности двух уральских областей пережили существенную трансформацию, в частности, стремительно выросло население городов и рабочих посёлков. Социальные сдвиги, связанные с индустриализацией и урбанизацией регионов, сопровождались мобилизационной и репрессивной политикой власти, что драматично сказалось на судьбах отдельных людей и многих категорий советских граждан, переживших эвакуацию и депортации.

К этому времени политические практики, гражданские и производственные отношения были максимально секуляризованы. Сферы, в которых могла существовать религия, сместились в область частных отношений, в эскапистские сообщества верующих. Формирующиеся общины евангельских христиан-баптистов и меннонитов в городах и рабочих посёлках Молотовской (Пермской) и Свердловской областей представляли такого рода объединения. Они не обладали сильными механизмами групповой самозащиты, но в сложившихся обстоятельствах евангельские общины превратились в своеобразные социальные ниши для верующих. Здесь заново конструировались горизонтальные социальные связи, разрушенные мобилизационными и репрессивными практиками власти. Сама возможность образования общин протестантского типа, открывшаяся в послевоенный период, говорит о структурных сдвигах, которые более отчётливо проявятся в советском обществе в последующие годы.

Библиографический список

1. Глазычев В. Л. Город без границ. М., 2011. 400 с.
2. Глушаев А., Клюева В. «Новые» меннониты Урала и Сибири: генезис и трансформация этноконфессиональных сообществ в 1940–1960-е гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. М., 2014. №4. С. 295-313.
3. ГАПК. Ф. р-1204. Оп. 2. Д. 7.
4. ГАПК. Ф. р-1205. Оп. 1. Д. 60.
5. ГАПК. Ф. р-1204. Оп. 3. Д. 92.
6. Дик Й. Исторические корни и соотношение конфессиональных и этнических границ в меннонитской идентичности в СССР // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. М., 2014. №4. С. 275-294
7. Интервью с Т-вым В. М., пресвитером церкви МСЦ ЕХБ г. Перми. 12.12.2014 // Личный архив А. Л. Глушаева.
8. Зубкова Е. Ю. Мир мнений советского человека. 1945 — 1948 гг. По материалам ЦК ВКП(б) // Отечественная история. 1998, №3. С. 25–39.
9. Менно Симонс и анабаптисты. Сб. / Сост. и ред. С. В. Санников. Шгайнхаген, 2012. 448 с.
10. Немцы в Прикамье. XX в.: Сб. документов и материалов в 2-х томах / Т.1. Архивные документы. Кн. 2. Пермь, 2006.
11. Пермский государственный архив новейшей истории. Ф. 105. Оп. 27. Д. 133.
12. Протокол Общего собрания Пермской Общины Евангельских Христиан, состоявшего 27 Апреля 1929 г. Пермь, б.г. 4 с.
13. Страницы истории Пермской церкви ЕХБ. 1913 — 2013. Пермь: Б.и.; б.г.
14. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 64. Д. 113.
15. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 53. Д. 111.
16. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 58. Д. 112.
17. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 54. Д. 103.

УДК 397 (571.121)

В. П. Карпов

ЧЕЛОВЕК ТУНДРЫ В УСЛОВИЯХ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ТЮМЕНСКОГО СЕВЕРА

Рассмотрены результаты столкновения индустриальной и традиционной цивилизаций в ямальской тундре. Показано, что создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса нарушило уклад жизни коренных народов Севера. Насаждение новых форм жизни привело к бытовой неустроенности, бродяжничеству, алкоголизму представителей северного мира. Однако все попытки государства решить «кочевой вопрос» на Ямале закончились безрезультатно

Ключевые слова: *Ямал, тундра, человек, индустриализация, прогресс, традиция*

С середины 1960-х гг. изолированность традиционной культуры коренных малых народов (КМН) Тюменского Севера нарушилась вторжением индустриальной цивилизации — массовым десантом пришельцев с «большой земли» и строительством Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК). КМН оказались перед выбором: либо отступить

Карпов Виктор Петрович, доктор исторических наук, профессор, Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень; e-mail: 7654321.58@mail.ru.

всё дальше на Север, либо принять новый, индустриальный образ жизни. В драме и трагедии человека тундры не было ничего необычного или удивительного: на его землю пришла гораздо более мощная цивилизация и беды в связи с этим оказались те же, что у всех КМН — разрушение традиционного уклада жизни, трудности вхождения в новые ее формы, болезненные поиски своей ступени на чужой для древних северян общественно-политической лестнице [1, с. 62].

К началу индустриального наступления в глубь тюменской тайги и тундры из 70,4 тыс. чел населения ЯНАО 24,5 тыс. чел или 36% составляли представители народностей Севера (1965 г.) [7, с. 106]. «Мы пытались понять, — вспоминал позже (2009 г.) начальник Главтюменнефтегаза (в 1985–1990 гг.) В. И. Грайфер, — как же нам, нефтяникам, строить отношения с ненцами, хантами, манси?» В итоге руководитель тюменских нефтяников пришёл к выводу, что «чем реже коренные народы будут нас (нефтяников и газовиков — авт.) видеть, тем лучше» [14, с. 182]. Однако такое понимание пришло не сразу, а отказ от насильственного насаждения новых форм жизни в ямальской тундре (массовый перевод на оседлый образ жизни, укрупнение населенных пунктов, организация обучения в школах-интернатах и др.) произошёл только в постсоветский период.

Пересмотр основ государственной политики в отношении КМН стал одной из самых острых и дискуссионных проблем после ликвидации советской власти. Массовое социологическое исследование общественных позиций и настроений населения Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) в 1993 г. показало, что возврат к традиционным занятиям и образу жизни был бы для коренного населения округа наилучшим способом решения его проблем [6, с. 120–121]. Опрос проводился одновременно в Салехарде, Ноябрьске (представляющем характерный тип молодого города нефтяников и газовиков), райцентрах и промысловых селениях Шурышкарского и Ямальского районов. Характерное для понимания менталитета аборигенов письмо в 1990 г. опубликовала окружная газета «Красный Север». В нём ненецкая семиклассница задала «хватающий за сердце детской печалью» вопрос: «А если везде буровые, то не будет оленей, чума, меня и моих родителей?» [5, с. 266].

Отношение КМН Тюменского Севера к прогрессу и к пришельцам с «большой земли», через которых этот прогресс пришёл в тундру, ясно прослеживается в переписке известного тюменского литератора Константина Яковлевича Лагунова (1924–2001) с его ученицей, известной ненецкой писательницей Анной Павловной Неркаги (г.р. 1951). В конце 1970-х гг., разочаровавшись в ценностях европейской цивилизации, Анна Неркаги (член Союза писателей СССР с 1978 г.) вернулась к соплеменникам в стойбище. В апреле 1982 г. Лагунов в письме Анне убеждает её

вернуться в Тюмень или Салехард, чтобы продолжить работу над повестью «Белый ягель». Но для Анны важнее проблемы её соплеменников, поставленных индустриальным вторжением с юга на грань гибели.

Константин Яковлевич, который первым поднял вопрос о чрезмерной цене освоения Тюменского Севера в резонансном очерке «Нефть и люди», опубликованном в журнале «Новый мир» в 1966 г., пытается убедить Анну, что долг должен торжествовать над чувствами [10]. Герой для него — человек, преодолевающий традицию. А у Неркаги совсем другое отношение к прогрессу: жизнь циклична и повторяема в определённых временных пределах (год, жизнь растений, рыб, животных человека). Жизнь — это круг, а не спираль. Она достигла совершенства и поэтому всякий выход за пределы традиции есть безрассудство, грозящее гибелью. Иное, чем у Лагунова, у А. Неркаги и отношение к героизму. Жизнь ненцев в тундре проходит в экстремальных условиях, требующих от человека постоянной смелости и мужества. Поэтому требовать от ненца смелости — всё равно, что искать опасность в условиях постоянной опасности. В тундре «человек сам принимает решение совершать тот или иной поступок, и общество не вправе требовать от него проявления смелости, как это происходит в империях» [4, с. 250]. Поэтому все старания К. Я. Лагунова вернуть ненецкую писательницу в чуждую ей цивилизацию оказались, на тот момент, бесполезными.

Приход индустриальной, неизмеримо более мощной цивилизации, не оставляющей возможности выбора, — главная проблема, с которой столкнулись КМН Тюменского Севера в 1960-1980-е гг. Единственная форма самозащиты — изоляция в пределах своей цивилизации, восстановление и консервация традиционной жизни, что и пыталась осуществить на практике Анна Неркаги. Она осталась в тундре, на 16 лет пропав из виду как профессиональный писатель. Книга «Белый ягель» была закончена только в 1995 г. Через год вышла повесть с символичным названием «Молчаливый». И после этого снова почти 20 лет молчания в Байдарацкой тундре.

О родной земле А. Неркаги пишет трогательно и с большой любовью: «здесь все: олени, люди, их огни живут невидимой общей жизнью... Старые люди, старые собаки, старые олени в ненецкой жизни становятся как бы святыми еще при жизни. Старые олени в последние дни жили в ранге людей». Но с приходом индустриальной цивилизации «олени, братья ненцев по жизни, перестали быть им друзьями, стали предметом утоления жажды приобретательства и безжалостно, тысячами, уничтожаются. «Голубые слезы оленей, как драгоценные алмазы, собраны у Господа на ладони», — пишет Неркаги о душах убитых оленей, взывающих к Богу [3, с. 7].

Традиционный Ямал невозможно представить без оленей. К началу 1965 г. в Ямало-Ненецком округе было сосредоточено самое крупное

поголовье оленей в СССР. Неподготовленное должным образом индустриальное вторжение на Север нарушило уникальную природную среду, суровую, но очень ранимую и хрупкую, грозило уничтожением оленеводства и исчезновением древних северян. В условиях отчуждения значительной площади пастбищ и охотничьих угодий увеличивалась численность незанятого коренного населения. Если в 1959 г. 70% всех трудоустроенных представителей КМН ЯНАО работали в традиционных отраслях, то к концу 1980-х гг. — лишь 47,6% [2, л. 291].

Свидетельством безжалостного отношения к природе стали кладбища металла на всем протяжении от Тюмени до Нового Уренгоя. О них написала «Правда» в материале «Металл в тундре». В тайге, тундре, на буровых к 1987 г. накопилось около миллиона тонн металлического лома [11]. «При подлете к Харасавзю (поселок на п-ве Ямал — В. К.) у меня волосы дыбом встали, — вспоминает начальник Ямальского газопромышленного управления З. С. Салихов. — Сколько металлолома, сколько хлама, сколько оборудования кругом брошено! Следы оставили, в основном, геологоразведочные экспедиции, буровики, ну, и строители с Вуктыла. Следы там вездеходные, тундра вся изъезжена вдоль и поперек...» [13, с. 150]. «Буровики ведут себя на Ямале как захватчики, — вторил Салихову на коллегии Главка в ноябре 1988 г. руководитель Дирекции Ямалгазпрома В. П. Бурдин, — на своем пути всё топчут, мнут, валят отходы и т.д. ... [8, с. 87].

Коренные ямальцы с таким отношением к природе столкнулись впервые. По воззрениям аборигенов, природа одухотворена и нанесенная ей обида может обернуться бедой [9, с. 17]. Люди тундры, прекрасно понимающие цену жизненных ресурсов, не способны брать эти жизненные ресурсы безответно у кого бы то ни было. Северный мир предельно аскетичен: всё подвергается строжайшей экономии — и пища, и тепло, и жизненная энергия. «В ненецкой жизни, — утверждает Анна Неркаги, — есть что-то от монашества. Тут нет никаких излишеств. Хорошо поработал, сильно устал, немного поел, а на душе хорошо» [3, с. 7]. Поэтому всякое расточительство здесь рассматривается как выходящее за пределы нормы.

Индустриализация Севера обернулась для КМН уничтожением традиционной среды обитания и едва не закончилась этнической гибелью. Насажение новых форм жизни привело к бытовой неустроенности, бродяжничеству, алкоголизму представителей северного мира. С 1959 по 1989 гг. средняя продолжительность их жизни сократилась с 61 до 45 лет [12, с. 133]. «Кто убил мой народ?» — спрашивает А. Неркаги. Вопрос риторический. Однако все попытки государства решить «кочевой вопрос» на Ямале закончились безрезультатно — голос тундры оказался сильнее.

Доля кочевников в Ямало-Ненецком округе в постсоветский период выросла и составила значительную, а в наиболее удаленных от «большой земли» Пуровском, Ямальском и Тазовском районах — большую часть населения.

Библиографический список

1. Агранат Г. А. Российский Север: противоречия и надежды // ЭКО. 2000. № 1. С. 62–68.
2. ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4048. Л. 291.
3. Дворцова Н. Книга притчей Анны Неркаги // Тюменская область сегодня. 2015. 13 февр. С. 7.
4. Захарченко В. И. На границах этносов и эпох // Врата Сибири. 2004. № 2(13). Тюмень, 2004. С. 246–256.
5. Зотов Н. Д. Предположим, я человек «территории»... (Опыт интроспективной моралистической модели // Территория — ведомство — человек в Сибири: Мат. Всерос. науч. конф. Тюмень, 1990. С. 266–270.
6. Зубков К. И. Поиск путей развития коренного населения Ямала на старте рыночных реформ // Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера: Мат. Всерос. науч. кон. Тюмень, 2010. С. 119–124.
7. Карпов В. П. Анатомия подвига. Человек в советской модели индустриализации Тюменского Севера. Тюмень, 2014. 184 с.
8. Карпов В. П. Освоение газовых и нефтяных ресурсов Ямала в 1960-80-е гг. // Горные ведомости. 2007. № 12. С. 80–93.
9. Коренные малочисленные народы Севера Ямала. Популярный очерк / Гл. ред. Л. П. Вэлло. Салехард, 2005. 220 с.
10. Лагунов К. Я. Нефть и люди // Новый мир. 1966. № 7. С. 200–218.
11. Металл в тундре // Правда. 1987. 30 января.
12. Ревякина С. В. Исследование социально-экономического развития коренных народностей Севера (Сравнительный анализ) / С. В. Ревякина, О. В. Сырпина, Ю. В. Сырпин // Территория — ведомство — человек в Сибири: Мат. Всерос. науч. конф. Тюмень, 1990. С. 130–134.
13. Салихов З. С. Мы стали другими // Медвежье: имена и судьбы. М., 2012. С. 148–160.
14. Славкина М. В. Валерий Грайфер. Время не ждет. М., 2009. 302 с.

УДК 94 (571.12) «19»

М. В. Комгорт

«НЕФТЬ БЫЛА НУЖНА. БОГ С НИМИ, С ЛЮДЬМИ...» (НАЧАЛО НЕФТЯНОЙ ИСТОРИИ ТЮМЕНИ В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ СОВРЕМЕННОКОВ)

Рассматриваются основные проблемы, связанные с началом освоения ресурсной базы Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции. Показана борьба мнений в правительственных кругах вокруг вопроса о сроках и темпах создания в регионе предприятий нефтедобывающей промышленности, приведены аргументы противоборствующих сторон, на основе документальных источников продемонстрировано «официальное» пренебрежение к решению социально-бытовых проблем населения в районах нефтедобычи в условиях спешки и неподготовленности к выходу нефтяников в Западную Сибирь.

Комгорт Марина Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук, Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень; e-mail: komgort@mail.ru.

Ключевые слова: *Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция, пробная эксплуатация, первая тюменская нефть*

Открытие в начале 1960-х гг. новой нефтегазоносной провинции в Западной Сибири с перспективой приобретения ею статуса доминирующей поставило руководство страны в сложное положение. Недоверие к прогнозам ученых относительно углеводородного потенциала региона и сомнения в рентабельности добычи нефти и газа в суровых природно-климатических условиях длительное время сказывались на объемах, методике и географии поисково-разведочных работ. «Вы ничего в Тюмени не отыщите — В болото вы вгоняете деньги!..» — утверждение героя одного из произведений В. Высоцкого служит хорошей иллюстрацией подобного пессимизма.

В условиях планово-директивной экономики подобные «неожиданные» открытия не только радовали, но и, как правило, создавали массу проблем. В контексте данной ситуации важнейшей из них было решение вопроса о сроках и темпах освоения ресурсной базы провинции. Как и следовало ожидать, противником форсированного создания нефтедобывающей промышленности в Тюменской области выступил Госплан. «Западная Сибирь, — заявил на Всесоюзном совещании геологов в феврале 1965 г. его председатель Н. К. Байбаков, — это наше спасение на дальнейшую перспективу... Конечно, надо выходить в новые районы, но не надо забывать, что мы не все сделали, чтобы выяснить уже разрабатываемые месторождения» [16, с. 263].

Действительно, к началу 1960-х гг. не исчерпала своего сырьевого потенциала Волго-Уральская нефтегазоносная провинция, в недрах которой по расчетам специалистов находилось более 80% промышленных запасов нефти страны, на территории было открыто более 150 месторождений и имелось 250 площадей, перспективных на нефть. Весьма оптимистическими в 1960-е гг. виделись перспективы и Тимано-Печорской провинции. В планах поисково-разведочных работ на нефть и газ Министерства геологии СССР на 1959–1965 гг. «исключительно перспективными» считались и среднеазиатские республики. При этом у руководителей министерства не было сомнений, что именно здесь «в самом недалеком будущем геологами будет подготовлена третья (!) крупнейшая нефтегазоносная область СССР» [11, с. 80].

Наличие серьезных возражений в отношении перспектив Западной Сибири в 1960-е гг. подтверждает Валерий Иванович Игреский (в 1964–1965 гг. заместитель председателя Госгеолкома, в 1966–1980 гг. — заместитель министра геологии СССР). «Споры по поводу освоения нового района, — пишет Игреский, — было предостаточно. Настоящие руководители понимали: стране нужна нефть. Но можно понять и их оппонентов.

Финансовых ресурсов не хватало. Куда их направить в первую очередь? Чтобы они сразу давали отдачу? Конечно, на юг — в Баку, Дагестан. Хорошо, что мы не пошли за этой, сиюминутной выгодой...» [9, с. 87].

В свою очередь, не откладывая «выход» в Западную Сибирь предлагали руководители отраслевых министерств (нефтяной, газовой промышленности и геологии) и представители тюменской партийно-хозяйственной элиты. Их доводы казались вполне аргументированными. Создание новых отраслей промышленности должно было стать не только решающим фактором индустриализации региона, но, что не менее важно, условием окончательного отказа от реализации на территории Тюменской области масштабного гидроэнергетического проекта — строительства Нижнеобской ГЭС.

Свидетельством определенного перелома в настроениях в пользу сторонников второй точки зрения явилось постановление Совета Министров СССР «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и о дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области», принятое 4 декабря 1963 г. Документ предусматривал проведение в 1964–1965 гг. пробной эксплуатации открытых месторождений нефти и газа, в ходе которой планировалось получить в 1964 г. 100 тыс. тонн нефти, а в следующем году удвоить эту цифру. К 1970 г. добыча нефти должна была составить 10 млн т и газа — 14 млрд. куб м, что соответственно в 2 и 1,4 раза превышало намеченные годом ранее показатели [7, л. 28].

Реализация постановления наглядно продемонстрировала все плюсы и минусы советской мобилизационной экономики, предполагающей решение масштабной государственной задачи в короткие сроки, невзирая на «цену» вопроса. По мнению специалистов в области политической климатологии Ф. Хилл и К. Гэдди, руководству страны в очередной раз не удалось преодолеть противоречие между потребностью освоить месторождения и невозможностью обеспечить нормальные условия для проживания работающего там населения [19, с. 9].

Как отмечают специалисты, нигде в мире освоение новых нефтяных месторождений в необжитом районе не начиналось через два с половиной года после их открытия. Спустя время тюменских руководителей станут упрекать в том, что они не захотели ждать, «подготавливая промбазы, жилье для промысловиков, обустривая месторождения» [12, с. 99]. Действительно, пробная эксплуатация первых нефтяных месторождений была проведена с нарушением «Обязательного минимума подготовительных работ, подлежащих выполнению до начала бурения на разведанной площади». Главное категорическое требование этого документа предписывало, что строительство скважин на разведанных площадях не

разрешается без осуществления подготовительных работ, включающих водоснабжение, подъездные пути, энергоснабжение и средства связи, материально-техническое обеспечение, жилищные, культурно-бытовые и складские объекты, ремонтно-механические базы. По мнению тюменского писателя Константина Лагунова, в переводе с канцелярского на всем понятный язык это означало, что прежде чем начать добычу нефти, нужно построить для рабочих жилье, детсады, ясли, школы, больницы, клубы, столовые, дороги, пристани, аэродромы, обеспечить промыслы необходимой техникой, водой, электроэнергией. Однако в очередной раз решением социальных проблем и созданием необходимой инфраструктуры решили пренебречь. И вот результат, продолжает писатель, ни одно из требований «Минимума» не было выполнено до начала эксплуатации Сургутского и Усть-Балыкского нефтяных месторождений. Ни жилья, ни ремонтных баз, ни водопроводов, ни связи — ничего еще не было построено в Нефтеюганске для нормальной работы нефтепромысловиков, а добыча нефти уже началась [13, с. 207].

«Расчет был, видимо, довольно прост: направить людей, они как-нибудь там окопаются, перебьются, местные власти что-нибудь предпримут. А вообще, такое чувство, что там, наверху, совсем не думали о тех сотнях людей, которые были в первый год освоения нефти направлены к нам. Нефть была нужна, Бог с ними, с людьми», — пишет один из непосредственных участников этих событий [1]. И люди «окапывались». «Первая контора нашего управления, — вспоминает И. И. Рынковой, возглавивший в 1964 г. Промысел №1 только что созданного НПУ «Мегионнефть», — была расположена в Старом Вартовске, в развалюхе-сараяе, немало лет служившем рыбозаводу складом. Когда его вычистили и залатали дыры, перегородили досками пополам, одну половину нарекли «конторой» (без столов и стульев), другую «гостиницей», где спали на сене, расстеленном на полу» [14, с. 123]. Для обеспечения жильем рабочих, занятых на строительстве нефтяных промыслов в районах Ханты-Мансийского округа, использовались семь пассажирских пароходов. Предельный срок временного проживания на них должен был закончиться в сентябре 1964 г. Письмо начальника управления охраны общественного порядка Ю. Н. Рытикова секретарю промышленного обкома КПСС А. К. Протозанову свидетельствует, что и в конце октября «пароходы не были освобождены, некоторые пароходы не оборудованы электрическим освещением, на многих пароходах — семьи с детьми, в поселке Мегион рабочие живут в трюмах, допускается постоянное переполнение пароходов» [6, л. 21]. Несмотря на запрещение использования судов под жилье в зимний период, и с наступлением зимы положение не изменилось. По состоянию на 1 ноября 1964 г. на пароходах по-прежнему жили: в Нефтеюганске 12 семей, в Мегионе — 60, а в Урае — 80 чел [6, л. 20].

Жилья катастрофически не хватало. Сначала ставились палатки (обычно на двадцать мест), сооружались землянки, строились каркасно-засыпные балки. В них ютилось большинство приезжавших семей. Люди стремились самостоятельно улучшить жилищные условия: днем работали на производстве, а вечером строили индивидуальные засыпные дома. Районы нового промышленного освоения напоминали «многолюдный табор: вагончики, палатки, полевые кухни, вечерние костры на берегу реки, тысячи людей, занятых строительством и размещением» [18, с. 297].

Прибывший в 1962 г. на работу в Сургутскую НРЭ помощник буровщика В. Соловьев вспоминает: «Поселок Усть-Балык состоял примерно из двух десятков домов, множества балков. Палатки и землянки также служили жильем. Медицинский пункт, почта, пекарня, магазин располагались в балках. Нас поселили на брандвахте, служившей одновременно и пристанью. В каждой комнате без света и тепла двое нар, стол, пара табуреток.... В октябре переселили в балок. В балке сырость и иней, под матрацем лед... Новый 1963 год встречали с друзьями в землянке.... Когда учились в техникуме, не представляли, что будущая рабочая жизнь окажется столь горькой. Работа, короткий отдых и опять работа....» [17].

В феврале 1963 г. начальник Усть-Балыкской НРЭ И. Г. Шаповалов в одном из выступлений констатировал: «Рабочим не созданы минимальные нормальные условия. Нам помогли вагонами. Семьи живут в них и мирятся с тем, что они холодные, нет кухонных очагов. Плохо в них жить одиноким. Там негде сушить спецодежду. В экспедиции нет прачечной, нет медпункта. Много недостатков в торговом обслуживании. Отсутствие жилой площади не позволило экспедиции принимать квалифицированные кадры и укреплять отстающие участки».

Большинство местных руководителей, поставленное высшим партийным руководством страны перед задачей решать производственные проблемы любой ценой в сжатые сроки, считало, что забота о людях — дело второстепенное. «На протяжении нескольких десятков лет ведомства через общественный призыв и оргнабор, по существу, эксплуатировали патриотизм и энтузиазм молодежи, — считает А. А. Долголюк. Палатки, вагончики, «балки», «бочки», бараки и другие, плохо приспособленные для нормальной жизни людей помещения стали постоянными спутниками сибирских новостроек» [8, с. 255]. Традиция бытовой неустроенности первопоселенцев, которую «в 1950–60-е гг. считали своеобразным проявлением «романтики будней», «спутником героизма», была заложена тюменскими геологами [4, с. 33]. Специфика профессии заранее предполагала их готовность работать в суровых природно-климатических условиях, мириться с отсутствием элементарных бытовых удобств и постоянную мобильность. «У государства нет лишних денег, да и геологи — не маленькие дети; коль

скоро забросили вас в тайгу или в болото, своими силами и обустройтесь. Своеобразный тест на выживаемость: оставались действительно лучшие, фанатики дела. За два года молодой специалист приобретал квалификацию плотника, слесаря-ремонтника, шофера и еще бог знает кого. Он мог месяцами сидеть на подножном корме, добывая пищу ружьем и удочкой. Деньги шли на строительство скважин, а люди, геологи, — это же гранит; надо, ребята, надо, на вас вся страна смотрит!», — такова была позиция руководства тюменской геологоразведки [1, с. 90].

Однако «тюменский нефтяной Север даже выдавших виды первопроходцев поражал своей дикостью, глухотой и неприступностью. Те, кто явился его покорять, оказались совершенно неподготовленными к этому ни морально, ни физически, ни технически, ни организационно. У них не было морозостойкой болотопроходимой техники, не было сносного жилья, способного укрыть человека от диких стуж и лютых северных ветров; не было даже спецодежды, в которой мог бы верховой простоять восемь часов на открытой всем ветрам сорокаметровой высоте в пятидесятиградусный мороз...» [12, с. 92]. «И сейчас, с высоты прожитых лет, многие ветераны задаются вопросом: неужели кто-то всерьез считал, что они обязаны были жить в таких условиях, раз уж выбрали такую специальность? Может быть, кто-то опасался, что, располагая они более комфортным бытом, упал бы престиж геологии, потерялась бы романтика?!» [15, с. 80].

Ю. В. Ознобихин, начальник отряда сейсмопартии № 6/59-60, высадившейся на окраине пос. Ушья осенью 1959 г., вспоминает: «разместить всех работников в балках не представлялось возможным. К тому же, почти все ИТР — люди семейные. Пришлось проситься на постой к местным жителям леспромхоза в пос. Мулымья. В каждой квартире вместе с хозяевами располагалось по две-три семьи сотрудников партии на крохотных участках, вмещающих кровать, отгороженную занавеской» [3, с. 23]. «Жили мы тогда на буровых трудно, — вторит ему бывший начальник геологического отдела Усть-Балыкской экспедиции Е. А. Тепляков. Ни жилья хорошего, ни холодильников, ни электроплит. В летний период традиционное питание: консервы, хлеб, печенье. Варили картошку обычно в ведре с помощью паяльной лампы. Затем туда добавляли мясные консервы.... На Пимском участке поселок располагался в 300 метрах от Оби. Женщины, среди которых были и беременные, работавшие в прачечной и котлопункте, ежедневно все первое лето и часть зимы, таскали воду в ведрах с Юганской Оби за 150-200 метров с подъемом в гору на 7–8 метров» [15, с. 16].

Когда Контора бурения под руководством её начальника А. Н. Филимонова начала обживать на Юганской земле, то буровики за лето 1964 г. получили несколько десятков вагончиков, но при этом ни одного вагон-столовой, вагон-магазина или хотя бы походной армейской пекарни.

О том, как тяжело жилось, А. Н. Филимонов написал в 1995 г.: «... прошло столько лет, а как будто все это было вчера. Пришлось столкнуться с такими трудностями, что бывали моменты, когда хотелось всё бросить к чертовой матери и уехать, куда глаза глядят. Кто видел бурового мастера, плачущего в бессилии от комариного гнуса? Кто видел мгновенно провалившийся в болото трактор ДЭТ-250 и чудом выкарабкивавшегося из лап смерти бульдозериста...? Кто видел, как в сорокаградусный мороз сгорает за 25 минут шестнадцатиквартирный дом, да еще с жертвами?» [10, с. 55–56].

Следует признать, что и сами непосредственные участники событий осознавали невозможность следования установленным свыше правилам «Минимума». «Нужно было сделать так: сначала должен был приехать тов. Барсуков¹ и построить жильё, потом должны были приехать геофизики, уже потом бурильщики, потом добытчики, а потом уже давать стране нефть. Но, к сожалению, нефть нужна сегодня, и мы это понимаем», — говорил управляющий Тюменским геофизическим трестом на заседании Средне-Уральского совнархоза в сентябре 1964 г. [5, л. 54].

В ходе пробной эксплуатации тюменских месторождений объем нефтедобычи более чем в два раза превысил запланированный правительством уровень. Успешное осуществление государственной задачи в кратчайшие сроки и в сложнейших условиях имело большое значение для определения вектора дальнейшего индустриального развития региона. Прогнозируемая учеными промышленная нефть Западной Сибири была, наконец, визуализирована, что значительно увеличивало шансы региона стать новой доминирующей нефтегазодобывающей провинцией СССР.

С этой точки зрения, пробная эксплуатация тюменских месторождений себя вполне оправдала. Однако, оценивая события 1964 г. с позиции сегодняшнего дня и памятуя, что большое видится на расстоянии, становится очевидно и другое. Историческая дистанция в полвека позволяет поставить вопрос не только о том, каким образом была организована добыча первой тюменской нефти, но и том, какой «ценой» этого удалось достичь. Конечно, можно было не спешить, выполнить все положенные требования, основательно подготовиться и выйти на «нефтяную целину» во всеоружии, тогда и «цена» вопроса была бы на порядок ниже. При этом стоит признать, что решающим в тех условиях (а для Тюмени и судьбоносным) был фактор времени, и с учетом этого обстоятельства проведение пробной эксплуатации в сложнейших условиях Тюменского Севера оказалось весьма своевременным.

Библиографический список

1. Андреев С. Ю., Гольдина Н. А. Чрезвычайные люди. Свердловск, 1989. 332 с.
2. Аксарин Л. В. Первооткрыватели // Тюменская старина. Т. 1. Тюмень, 2006.

¹ А.С. Барсуков в 1964-1965 гг. являлся уполномоченным Газпрома СССР по Тюменской области.

3. Биография Великого подвига: Тюменская геология: Годы. Люди. События (1953–2011). Тюмень, 2011. 671 с.
4. Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964-1985 гг.). Тюмень, 2002. 282 с.
5. ГАСО. Ф. р -1966. Оп. 1. Д. 901.
6. ГАСПИТО. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 238.
7. ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1280.
8. Долголюк А. А. Проблемы формирования трудовых коллективов в осваиваемых районах Сибири // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Сб. науч. тр. / Отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 1990. С. 248–264
9. Игревский В. И. Большая нефть давалась непросто // Горные ведомости. Тюменский научный журнал. 2004. № 6.
10. Карпов В. П., Комгорт М. В. В каком году началась добыча нефти в Западной Сибири: в 1964 или 1965? // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015. Иркутск, 2015.
11. Комгорт М. В. Открытие Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции и перспективы промышленного освоения ресурсного потенциала региона в 1960-е гг. // Вестник Томского государственного университета. № 331. Февраль 2010. С.77-81.
12. Лагунов К. Я. После нас... // Наш современник. 1989. № 5.
13. Лагунов К. Я. Нефть и люди // Новый мир. 1966. № 7.
14. Нижневартовск. Мужские темы. Нижневартовск, 2013.
15. Редикольцев В. Ф. Сопряжение времен. Усть-Балык. Екатеринбург, 2009. 266 с.
16. Славкина М. В. Российская добыча. М., 2014. 363 с.
17. Соловьев В. Первопроходцы Тюменского Севера. История большой нефти, изменившей судьбу края // Тюменская область сегодня. 27 марта 2015.
18. Стась И. Н. Эволюция жилищных условий горожан Ханты-Мансийского округа в 1960-х гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015. Иркутск, 2015. С.295–304
19. Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России / Пер. с англ. М., 2007. 328 с.

УДК 94 (470.5) «1960/1970»

М. А. Клинова

ДЕВИАНТНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1960 —НАЧАЛЕ 1970-Х ГГ.

Статья посвящена рассмотрению практики хищений государственного имущества на предприятиях Свердловской области в период 1960 — начале 1970-х гг. На основе анализа архивных данных приведена статистика распространения данного явления в регионе, выявлены механизмы экономических и административных санкций, применяемых к нарушителям. Автором рассчитаны приблизительные объемы доходов городского населения, полученные в результате этой незаконной деятельности. Сделаны выводы относительно экономической и идеологической обусловленности распространения подобного рода преступлений в городском социуме Свердловской области 1960 — начале 1970-х гг.

Ключевые слова: *повседневность, СССР, хищение государственной собственности, растраты, экономические стратегии поведения.*

Клинова Марина Александровна, кандидат исторических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург; e-mail: klinowa.m@yandex.ru.

В современном гуманитарном дискурсе проблематика реконструкции повседневных жизнедеятельностных стратегий советского населения является актуальным направлением исследовательского поиска. Современные исследователи Е. Р. Ярская-Смирнова, П. В. Романов и Н. Б. Лебина обращают внимание на то, что наименее раскрытой областью анализа по-прежнему является понимание взаимосвязи между событиями, статистикой, нормативным контекстом и идеологией, с одной стороны, и повседневными практиками и мировосприятием простых людей, с другой стороны [см. 8–11].

Одной из важнейших тем проблематики повседневности советского социума является сфера экономических моделей поведения населения. Ее ретроспективное изучение дает возможность сформировать целостное представление об эффективности реализации советской социально-экономической политики, восприятию и «обживанию» ее результатов населением. Под экономическими стратегиями населения мы будем понимать деятельность граждан, являющуюся следствием рационального выбора, обусловленного состоянием экономического сознания, традициями и социальными стереотипами индивидов и групп, реализуемую в социально-экономической сфере (системе экономических и социальных институтов, практиках повседневной деятельности) [7, с. 103].

В процессе повседневной жизни экономическая деятельность населения могла реализовываться как в законодательно легитимной сфере, так и в плоскости девиантных практик. Одним из таких проявлений девиантных экономических стратегий населения является практика хищений государственной собственности.

Данная деятельность на протяжении всего периода существования советского государства маркировалась как уголовно наказуемая, являясь объектом пристального внимания органов внутренних дел [см. подробнее 12]. Масштабность распространения в советском социуме означенной девиантной экономической практики заставляла законодателя во второй половине XX в. обращаться к коррекции данного явления посредством издания таких постановлений и указов как «О мерах по усилению охраны социалистической собственности и устранению причин и условий, порождающих хищения и бесхозяйственность» (Постановление Совета Министров СССР от 20 февраля 1975 г. №153); «Об административной ответственности за мелкое хищение государственного или общественного имущества» (Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 декабря 1977 г.) и т.п.

О степени распространения преступлений против государственной собственности в среде городского социума Свердловской области, а также о динамике данного явления красноречиво свидетельствуют данные регионального Статуправления. Например, в аналитической записке 1969 г.

«О недостатках, хищениях и порче товарно-материальных ценностей в Свердловской области» заместитель начальника местного Статуправления Гуселетов сообщал, что за 1969 г. было установлено 240 случаев хищений государственного имущества [5, л. 1]. Уже через год в аналогичном отчете фигурировала более внушительная цифра — 5075 случаев [3, л. 6].

Количественно возрастая, к началу 1970-х гг. подобные незаконные практики фиксировались фактически во всех отраслях народного хозяйства. Количество случаев преступлений такого рода по отраслям было неравномерно, наибольший процент отмечался в сфере торговли и промышленности (см. Табл. 1).

С целью выяснения объемов доходов граждан, полученных в результате такой противоправной деятельности, мы попытались рассчитать среднюю сумму хищений и растрат, приходившихся на один случай в различных отраслях народного хозяйства Свердловской области (см. Табл. 2). Естественно, что полученная в результате подсчетов сумма не будет эквивалентна душевому доходу, так как такие преступления могли совершаться группой лиц. Полученные нами данные свидетельствуют о существенном отличии размера ущерба, нанесенного государству на промышленных предприятиях (в пределах 120-400 р.) и предприятиях связи (от 40 р.) от торговых организаций (до 1500 руб.).

Наиболее подробно в изученных нами документах описаны способы осуществления преступлений против социалистической собственности, совершенные в торговой сфере: путем прибыльной пересортицы, списания товаров, завышения цен (например, продажи хлебных котлет по цене мясных) и пр. Размер ущерба, нанесенного государству, мог быть различным и нередко зависел от методов хищений [подробнее см. 12, ст.89, 92]. Прибыль, полученная в результате таких незаконных действий, могла составлять от 204 руб. за полгода до 1,5 тыс. руб. за два месяца [1, лл. 68, 121]. Имеются данные, позволяющие утверждать, что верхний предел сумм хищений в сфере торговли был гораздо значительнее. Так, в 1962 г. в Нижнем Тагиле была раскрыта преступная группа во главе с директором одного из магазинов Абабиловой, причинившая крупный ущерб государству на сумму 47 тыс. руб. [6, л. 58].

Количество участников экономических преступлений определить не просто, т. к. далеко не во всех выявленных случаях возбуждалось уголовное дело или происходило увольнение сотрудника с указанием причины ухода в делопроизводственных документах. В справке о текучести кадров в Свердловгорпромторге отмечалось, что за растраты и хищения в 1962 г. было уволено всего 8 чел., между тем общее количество выявленных случаев преступлений такого рода составило 21 [6, л. 17, 18]. Зачастую ви-

новых обязывали возместить нанесенный государству ущерб (выплатив похищенную сумму), а в качестве наказания — лишали премии [1, л. 68].

Процесс взыскания задолженности с виновных лиц затягивался не на один год, проходя с немалыми трудностями. Начальник Свердловского статуправления П. Исаев в докладных записках за 1970 и 1971 гг. указывал данные, позволяющие подробнее проанализировать данный процесс (см. Табл. 3).

Несмотря на то, что П. Исаев пришел к заключению об уменьшении задолженности в 1971 г. (по сравнению с 1970 г. — на 1,9%), сопоставление приводимых им данных позволяет утверждать, что объемы задолженности в денежном эквиваленте значительно возросли (на 5% с 2 млн 610 тыс. руб. до 2 млн 734 тыс. руб.) [3, л. 7].

Помимо того, что выявление фактов преступлений против государственной собственности не всегда заканчивалось увольнением виновных, а взыскание ущерба растягивалось на неопределенный срок, вскрытие фактов хищений не отвечало интересам предприятия. Свообразным способом замалчивания данной девиантной экономической деятельности было списание недостач от хищений на издержки. Так, например, в 1969 г. в Свердловской области задолженность по растратам и хищениям в сумме 554 тыс. руб. была списана за счет предприятий и организаций. При этом 133 тыс. руб. «вследствие недоказанности вины материально ответственных лиц» были отнесены на издержки производства, а 361 тыс. руб. перечислены «на убытки» в связи с признанием должников неплатежеспособными [5, л. 6].

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о распространении в среде городского населения Свердловской области 1960–1970-х гг. такой девиантной экономической практики как хищение государственного имущества. Рассуждая о причинах этого явления, чиновники 1960–1970-х гг. в первую очередь указывали на «недостаточную работу по подбору кадров на материальной ответственные должности», а также «отсутствие должного контроля за их работой» [5, лл. 1–2]. На наш взгляд, причины подобной девиации не ограничивались исключительно проблемами этики и контроля, а лежали и в экономической сфере. Одним из мотивов, толкавшим население к данному виду деятельности, являлся товарный дефицит, усиливавшийся в указанный период времени. Вследствие кризиса товарного обеспечения граждан и невозможности беспрепятственного приобретения товаров в торговой сети, на первый план выходили личные связи («блат»). В результате доступ к фактически любому виду товарной продукции (на этапе ее производства и распределения) позволял актору занять место в цепочке «товарообмена», что, в свою очередь, способствовало укреплению не только его материального положения, но и статуса в социуме. С другой стороны, масштабная статистика хищений, относительно

Табл. 1.

Хищения, выявленные на предприятиях Свердловской области
в 1961–1970 гг.*

Год	Отрасль, организация	Количество случаев	Сумма (руб.)
1961	Свердлгорпромторг	18	10 155
	Свердловское городское управление торговли	105	50 000
1962	Свердлгорпромторг	21	11 898
	Свердловское городское управление торговли	125	72 000
1969	Торговые организации	80	130 000
	Промышленные предприятия	121	48 000
1970	Торговые организации	838	848 000
	Промышленные предприятия	3 541	436 000
	Подрядные и строительно-монтажные организации	204	52 000
	Предприятия связи	553	22 000

*Составлено автором по: [4, Л. 82; 2, Л. 17, 20; 5, Л. 4-7].

Табл. 2.

Средняя сумма ущерба от хищений, выявленных на предприятиях
Свердловской области в 1961–1970 гг., руб.*

Год	1961		1962		1969		1970		
	Свердлгорпромторг	Свердлгорпромторг	Торговые организации	Промышленные предприятия	Торговые организации	Промышленные предприятия	Подрядные и строительно-монтажные организации	Предприятия связи	
Сумма на один случай	564	567	1 625	397	1 012	123	255	40	

*Составлено автором по: [4, Л. 82; 2, Л. 17, 20; 5, Л. 4-7].

Табл. 3.

Задолженность за виновными лицами по недостаткам, хищениям и порче материальных ценностей в 1970–1971 гг., руб.*

№№	Отрасль, организация	1970 г.	1971 г.
1	Торговые организации	1 645 000	848 000
2	Предприятия промышленности	561 000	436 000
3	Сельскохозяйственные организации	131 000	139 000
4	Подрядные и строительно-монтажные организации	84 000	52 000
5	Предприятия связи	553	-
6	Транспорт	-	39 000
7	Заготовительные организации	-	2 000
	Итого	2 610 000	2 734 000

*Составлено автором по: [3, Л. 7]

небольшой процент взысканий и увольнений работников по данной причине, а также общая незаинтересованность предприятий в обнарождении фактов нарушений (решаемая посредством списания убытков) — все это позволяет предположить, что несмотря на стигматизацию практики хищений девиантную, она была вполне допустима в силу отсутствия должного контроля и жёсткого пресечения данной деятельности.

Библиографический список

1. ГАСО. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 107.
2. ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 34.
3. ГАСО. Ф. 1813. Оп. 3. Д. 272.
4. ГАСО. Ф. 1813. Оп. 9. Д. 8.
5. ГАСО. Ф. 1813. Оп. 26. Д. 29.
6. ГАСО. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 34.
7. Игишева Е. А., Клинова М. А. Экономические представления и стратегии поведения советского населения в годы нэпа: современная отечественная историография // Уральский исторический вестник. 2014. № 4.
8. Лебина Н. Б. Антимирь: принципы конструирования аномалий, 1950–1960-е гг. // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 / Под редакцией Е. Ярской-Смирновой и П. Романова. М., 2008.
9. Лебина Н. Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950–1960-е гг. СПб., 2015.
10. Романов П., Ярская-Смирнова Е. Трузера и крабы для советского потребителя: будни подпольного капитализма фарцовщиков // Профессии. doc Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри. М., 2007.
11. Романов П., Ярская-Смирнова Е. Фарца: Подполье советского общества потребления // Неприкосновенный запас» 2005, №5 (43).
12. Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 г. Особенная часть. [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.levonevsky.org/kodeksru/uk/19601027/index.htm> (дата обращения — 20.11.2014).

А. Д. Трахтенберг

**«НАМ НУЖЕН ПРОГРАММИСТ»: К ВОПРОСУ
ОБ ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СССР**

«Колоссально! — воскликнул горбоносый. — Программист!
Нам нужен именно программист.
Слушайте, бросайте ваш институт, и пошли к нам!»
«А чем вы занимаетесь?» — спросил я.
«Как и вся наука, — сказал горбоносый. — Счастьем
человеческим».

А. Стругацкий, Б. Стругацкий
«Понедельник начинается в субботу», 1964 г. [10, с. 429]

В статье проведен сравнительный анализ дискурсивных практик, сопровождавших развитие информационных технологий в США и СССР. Показано, как взаимодействие доминантной и контркультурной практик в США породило проблемное поле, в котором стала возможна информационная революция. Проанализировано, как доминантный дискурс научно-технической революции в СССР порождал и одновременно препятствовал реализации таких проектов, как ОГАС (Общегосударственная автоматизированная система сбора и обработки информации для нужд учета, планирования и управления).

Ключевые слова: *информационная революция, научно-техническая революция, доминантный дискурс, контркультурный дискурс*

В самом названии статьи заключено некоторое противоречие. В СССР, как известно, имела место революция научно-техническая (НТР), одним из важнейших направлений которой являлась автоматизация информационных процессов. При описании советской реальности в терминах «информационной революции», мы в каком-то смысле пытаемся соединить несоединимое. Само понятие «информационная революция», как и «информационное общество», возникло в качестве альтернативы советскому проекту. В настоящее время, когда данные концепты успели раствориться в повседневности, сам вопрос, возможно ли информационное общество без капитализма, кажется схоластическим. Однако еще в 1995 г. Т. Кертис и Х. Шемент задавали его вполне всерьез. Они пришли к выводу, что в СССР сформировалось «другое информационное общество» [14, с. 231], основанное на централизованных, и поэтому медленно развивающихся информационных технологиях. Иными словами, «другое общество» было отсталой и малоэффективной версией общества «правильного», неудачным двойником успешного оригинала.

С данным выводом трудно согласиться прежде всего потому, что он нарушает базовые принципы, сформулированные в «сильной программе»

Трахтенберг Анна Давидовна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: cskit@yandex.ru.

социально-технологических исследований, а именно принципы беспристрастности (удачные и неудачные технологические процессы должны анализироваться одинаково) и симметрии (при анализе должны применяться одни и те же объяснительные схемы) [13].

Изучая развитие информационных технологий в СССР, недостаточно ограничиться указанием на то, что «теория НТР, сузив до научно-технических изменений происходившие в мировой экономике процессы, закрыла для СССР возможный путь социально-экономических преобразований, который если и не вывел бы страну в разряд наиболее развитых держав, то, во всяком случае, позволил бы ей занять достойное место в мировой экономике» [2]. Столь же недостаточным является и указание на институциональные ограничения, заложенные в советскую экономическую систему и делавшую ее маловосприимчивой к инновациям.

В обоих случаях объяснительная схема базируется на указании того, чего в СССР не было, причем в основе анализа лежит представление внутренней неизбежной логики развития информационных технологий, которая в одних институциональных условиях получала полную возможность для самораскрытия, а в других постоянно наталкивалась на препятствия. Между тем, как показал Майкл Уорнер, эта латентная логика на самом деле является результатом развития целого комплекса дискурсивных практик, функционирующих таким образом, что «их социальные следствия и риторическое значение исчезают из поля анализа, только для того, чтобы вновь появиться в мистифицированной форме латентной логики развития самой технологии» [26, с. 8]. Поэтому вопрос о том, как латентная логика развития технологии коммуникации привела к современной информационной революции можно переформулировать в вопрос о том, какой комплекс дискурсивных практик сделал эти технологии возможными, или, напротив, невозможными.

Что касается доминантной линии развития коммуникативных технологий, то ее дискурсивная составляющая, породившая концепцию «информационной революции» в разных ее изводах изучена достаточно хорошо. Когда в шестидесятые годы М. Маклюэн и Д. Бурстин впервые стали использовать для описания информационных технологий т.н. «риторику разрыва», т.е. стали видеть в них технологии, которые полностью изменили мир, предопределив кардинальный разрыв с прошлым, это был достаточно неожиданный ход. До этого главной носительницей «риторики разрыва» была атомная энергетика [См.: 19]. После того, как Д. Белл нормализовал данную риторику через понятие «постиндустриального общества», стало можно говорить о формировании целостной концепции информационной революции.

Функция этой концепции, помимо макросоциологического объяснения общественных процессов, была еще и идеологической. Как показали

Р. Барбрук [12], К. Кумар [21] и Р. Хассан [18], решалась задача формирования привлекательной альтернативы «большому нарративу» социалистической революции. Коммунистическому будущему было противопоставлено будущее, трансформированное посредством информационных технологий и не нуждающееся в социальной революции, чтобы воплотиться в реальность [12, с. 147]. Новая социальная утопия имела глубокие корни в американской культуре, поскольку «американская мечта» основана, в том числе, и на отношении к машине как «к трансцендентному символу, физическому объекту, наделенному политическими и метафизическими идеальными свойствами» [23].

В семидесятые — восьмидесятые годы возник новый дискурсивный контекст, обеспечивший переход от мощных мейнстримных компьютеров к компьютерам персональным. Целым рядом авторов (напр., [22], [25]) были подробно проанализированы процессы формирования в контркультурной среде нового компьютерного дискурса, противоположного доминантному «закрытому» дискурсу [15], в котором компьютер выступал как воплощение рационального бюрократического контроля. В рамках нового дискурса возникает персональный компьютер как «контрартефакт» [24], выступающий в качестве инструмента освобождения личности от власти корпораций и государства. Именно в качестве контрартефакта компьютер появился в знаменитой рекламе Apple 1997 г. «Think Different» [20].

Следующий этап информационной революции — появление и взрывное распространение Интернета, идеологически был основан на синтезе контркультурных представлений о персональном компьютере как инструменте освобождения личности с неолиберальными представлениями об освобождающей силе рынка. Уже упоминавшийся Р. Барбрук назвал получившуюся смесь «калифорнийской идеологией» (по месту обитания основных ее адептов — Силиконовой долине) [11].

У новой идеологии появились свои сверхуспешные герои (С. Джобс), как и опередившие свое время пророки (Д. Энгельбарт и Т. Нельсон, предсказавшие Интернет еще в шестидесятые годы). Отличие пророков от героев состояло в полном отсутствии финансовой заинтересованности: так, Д. Энгельбарт мечтал найти способ кардинально повысить скорость, мощь и координацию мышления [16]. В историю Д. Энгельбарт вошел как изобретатель компьютерной мыши, но это был только побочный эффект его визионерского проекта.

В СССР развитие информационных технологий также породило контркультурный утопический проект с последующим его синтезом с доминантной идеологией: советская кибернетика в качестве «новояза» стремилась заместить марксизм как инструмент анализа и управления

обществом [17]. Однако, когда информационные технологии оказались в пространстве иной риторики, их символический смысл и утилитарные приложения стали радикально иными. Особенно ярко это проявилась в истории создания (точнее, не-создания) в СССР Общегосударственной автоматизированной системы сбора и обработки информации для нужд учета, планирования и управления (ОГАС).

Советское общество было обществом реализованной утопии, не предполагавшей проектов альтернативной социальности (во всяком случае, в позитивном аспекте). Это постоянно порождало противоречие между пространством утопии и ее позитивным содержанием: «хотя по своему позитивному содержанию коммунистические режимы были банкротами, ... они в то же время открывали некоторое пространство, пространство утопических ожиданий, которое, между прочим, как раз и дало нам возможность заметить банкротство самого реального социализма» [7].

В. М. Глушков мыслил именно в этом зазоре, постоянно сталкиваясь с противоречием между реальными советскими управленческими практиками, основанными на непубличной конкуренции между различными бюрократическими кланами за доступ к ресурсам, и идеальной управленческой моделью, предполагающей отсутствие у субъектов и объектов управления частных и/или корпоративных интересов.

Была предложена грандиозная программа (которую сам разработчик сравнивал по стоимости с атомной или космической) создания системы взаимодействующих друг с другом вычислительных центров. Главной особенностью данной системы был жесткий иерархизм: «Информационная база ОГАС представляет собой многоступенчатую пирамиду, нижнюю ступень которой составляет информационная база первичных экономических ячеек, а верхнюю ступень — информационная база общегосударственных органов управления» [5, с. 49], а главной задачей — обеспечение полноты передаваемой информации по бюрократической цепочке с целью ликвидировать асимметрию между принципалами и агентами (если выразаться языком современной политологии). «Новояз» и «кибер-яз» в работах В. М. Глушкова слились в единый «ново-кибер-яз» [См.: 17], исходящий из презумпции единства интересов субъектов управленческого процесса.

Когда выяснилось, что такое единство отсутствует, необходимость совместить в ОГАС территориальные и ведомственные центры привела к многолетней доработке и удорожанию программы в восемь раз. С. Герович [3] и А. В. Кутейников [8] подробно описали, каким образом ведомства, почувствовав угрозу своим властным полномочиям, заблокировали реализацию проекта. Впрочем, академик В. Г. Афанасьев сформулировал причины сопротивления еще в 1975 г., когда проект ОГАС в очередной раз

переделывался. Он совершенно справедливо указал, что научное управление несовместимо с технократическим подходом, поскольку управление — «дело партийное, политическое» [1, с. 306].

Любопытно, что создатели ОГАС эту вроде бы очевидную истину не сознавали. Много позже в своих мемуарах академик Н. Н. Моисеев писал: «Мы не принимали во внимание то, что каждый человек способен действовать и действует сообразно своим собственным, ему присущим интересам, своему индивидуальному представлению о том, что надо делать на самом деле, в данных конкретных условиях» [9].

Данное «слепое пятно» можно объяснить именно визионерством разработчиков программы. В. М. Глушков, как и Д. Энгельбарт, боролся с бесконечно нарастающим валом информации, стремясь преодолеть то, что он назвал «вторым информационным барьером». Правда, информационный кошмар принимал у него отчетливо советские очертания: «Подсчитано, что если аппарат Госплана будет работать старыми методами и не пользоваться современной вычислительной техникой, ему уже к 1980 г. для сбора и переработки необходимой информации потребуется в качестве сотрудников все население Советского Союза!» [4, с. 170]. Данная заявка еще раз демонстрирует «слепое пятно», точнее, нежелание видеть неформальные практики, которые позволяли сотрудникам Госплана решать свои задачи, не привлекая в помощь все население. Для полноты картины укажем, что В.М. Глушков искренне считал недостатком «сетей ЭВМ в капиталистических странах» то, что они «относительно просты по структуре и слабо увязаны с контурами социального управления» и постоянно подчеркивал, что «наши сети, объединяемые в ОГАС, создаются целевым порядком, для решения определенных задач планового управления» [6]. Иными словами, дискурс, в рамках которого разворачивалась идея ОГАС, делал в принципе невозможным высвобождение коммуникативного потенциала информационных технологий.

Советская информационная революция не состоялась не только из-за ведомственного сопротивления. Советский компьютерный дискурс остался «закрытым дискурсом», что исключило возможность прорыва. Тот способ достижения «счастья человеческого», который искал, и, как он думал, нашел В. М. Глушков, так и не смог реализоваться на практике.

Библиографический список

- Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом. М., 1975. 408 с.
Бокарев Ю. П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе. М., 2007. 380 с.
Герович С. Интер-Нет! Почему в Советском Союзе не была создана общенациональная компьютерная сеть // «Неприкосновенный запас», 2011. № 1. [Электронный документ]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/1/ge4.html> (дата обращения 25.05.15).
Глушков В. М., Добров Г. М., Терещенко В. И. Беседы об управлении. М., 1974. 224 с.

- Глушков В. М. Социально-экономическое управление в эпоху научно-технической революции. Киев, 1979. 52 с.
- Глушков В. М. Для всей страны // «Правда». 1981. 13 дек.
- Жижек С. Заметки о сталинской модернизации // Художественный журнал. № 36. 2001.
- Кутейников А. В. Проект Общегосударственной автоматизированной системы управления советской экономикой (ОГАС) и проблемы его реализации в 1960 — 1980-х гг. Автореферат канд. историч. наук. М., 2011. 25 с.
- Моисеев Н. Н. Как далеко до завтрашнего дня. 1917 — 1993. Свободные размышления. [Электронный документ]. URL: <http://www.infomag.ru/books/moiseev/chapter07.html> (дата обращения 25.05.15).
- Стругацкий А., Стругацкий Б. Понедельник начинается в субботу // Собрание сочинений в 11 т. Т. 3. 704 с.
- Barbrook R., Cameron A. The Californian Ideology // *Science as Culture*. 1996. Vol. 6. №26. P. 44–72.
- Barbrook R. *Imaginary Futures: From Thinking Machines to the Global Village*. L., Pluto Press, 2007. 334 p.
- Bloor D. *Knowledge and Social Imagery*, 2nd ed. Chicago, 1991. 211 p.
- Curtis T., Schemett J. R. *Tendencies and Tensions of the Information Age*. L., 1995. P. 285.
- Edwards P. N. *The Closed World: Computers and the Politics of Discourse in Cold War America*. Cambridge, MA., 1996. 440 p.
- Engelbart D. C. *The augmented knowledge workshop // A History of Personal Workstations*. N.Y., 1988. P. 185-248.
- Gerovitch S. *From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics*. Boston, 2004.
- Hassan R. *The Information Society*. Cambridge, 2008. 266 p.
- Hecht G. *Being Nuclear: Africans and the Global Uranium Trade*. The MIT Press, 2014. 480 p.
- Hornby T. *Think Different: The Ad Campaign that Restored Apple's Reputation // Low End Mac*. September 4, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://lowendmac.com/orchard/07/apple-think-different.html>. (дата обращения 25.05.2015 г.).
- Krishan K. *From Post-Industrial to Post-Modern Society: New Theories of the Contemporary World*. L., 2004. 304 p.
- Markoff J. *What the Dormouse Said: How the Sixties Counterculture Shaped the Personal Computer Industry*. L., 2006. 336 p.
- Marx L. *The Machine in the Garden. Technology and the Pastoral Ideal in America*. 2nd ed. N.Y., 2000
- Pfaffenberger B. *The Social Meaning of Personal Computer: or, Why the Personal Computer Revolution was No Revolution // Anthropological Quarterly*. 1988. Vol. 61. № 1. P. 39–47.
- Turner F. *From Counterculture to Cyberculture: Stewart Brand, the Whole Earth Network, and the Rise of Digital Utopianism*. Chicago, 2008. 354 p.
- Warner M. *The Letters of the Republic: Publications and the Public Sphere in Eighteenth-Century America*. Cambridge, 1990

**РАСШИРЕНИЕ ДОВЕРИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСЛОВИЕ
ПОЗДНЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ***

В условиях поздней современности (Late modernity) среди значимых внеэкономических факторов дальнейшего прогресса общества резко возрастает роль индивидуального и институционального доверия. Ценность доверия в процессе своего расширения и институционализации позволяет снизить транзакционные издержки во всех значимых сферах жизни общества. Экономические выгоды расширения доверия для доминирующей в позднемодерных обществах сферы рыночных обменов являются теоретически доказанными. Однако парадокс заключается в том, что в практиках периферийных капиталистических обществ можно наблюдать устойчивость индивидуальных и институциональных стратегий недоверия. В данном контексте на примере постсоветской России рассмотрена ситуация нивелирования достигнутых ранее ценностно-институциональных уровней доверия. Доказывается, что эффективное общественное развитие осуществимо в современной России только тогда, когда предполагает в своем основании позднемодерное ценностное ядро. Платформа отечественной модернизации необходимым образом связана с моральным и институциональным обеспечением в российском обществе ценности доверия как внеэкономического условия позднего Модерна.

Ключевые слова: *доверие, недоверие, поздний Модерн, модернизация, постматериальные ценности, самореализация, неолиберализм, транзакционные издержки, периферийный капитализм*

Необходимость и полезность расширения доверия в социальных взаимодействиях, без которого они были бы весьма затруднены, а общество невозможно — состояние всеобщего недоверия как «войны всех против всех» — доказывается не только морально-религиозными нарративами, но имеет вполне эффективные рационально-математические обоснования. В частности «дилемма узника» и иные игры, где двум и более участникам необходимо принимать связанные и влияющие друг на друга решения, свидетельствуют о долгосрочной эффективности для всех участников игры стратегий кооперации, основанных на доверии, нежели эгоистических индивидуальных стратегий максимизации собственных выгод. Кроме того, недоверие само по себе входит в структурные издержки любых социальных взаимодействий, поэтому снижение недоверия особенно в повторяющихся структурированных взаимодействиях прямо ведет к уменьшению издержек, когда участникам не требуется совершать дополнительные действия и нести расходы, направленные на гарантии обеспечения планируемых результатов взаимодействия.

Мартьянов Виктор Сергеевич, кандидат политических наук, доцент, ученый секретарь, Институт философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: martianovy@rambler.ru.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 15-33-11231 «Идеологические регуляторы в обеспечении общественного согласия и национальной безопасности в Российской Федерации: возможности и риски».

В частности, в экономике высокое доверие ведет к более низким транзакционным издержкам, позволяющим осуществлять более выгодные сделки и обеспечивать более устойчивый экономический рост [14]. В идеальном, утопическом варианте полное доверие людей друг к другу влечет отсутствие транзакционных издержек, которое исключает потребность в институциональной организации общества, в содержании самого государства как гаранта любых сделок. Фактически, размеры государства и его институтов являются материализованным недоверием общества, снижающим общую эффективность социальных транзакций дополнительными издержками. Недоверие, скептицизм, сомнение, подозрение ведут к росту транзакционных издержек социальных коммуникаций, падению рентабельности и нормы прибыли любых предприятий. Недоверие — это своего рода вечный естественный налог на любое реальное человеческое взаимодействие. И разные общества и культурно-исторические среды отличаются лишь величиной этого налога.

В долгом историческом времени расширение доверия сопровождается технологический прогресс и является внеэкономической моральной стратегией «на повышение», предполагающей наличие социально-политических субъектов, способных преодолевать свои партикулярные интересы в пользу всеобщих, осуществлять публичную рефлексию об условиях своего совместного существования с другими субъектами. В Новое время расширение априорного доверия между незнакомцами становится фоновой средой формируемого первоначально в городских сообществах публичного пространства Модерна. В обезличенной форме оно поддерживает существование всех основных современных социальных институтов. Это доверие к деньгам в экономике, лояльность к юридическим законам и моральным нормам, к экспертизе в науке, солидарность с политическими (общественными) решениями: «если в обществе существуют и распространены моральные нормы, не допускающие обмана тех, кто доверяет другим, то эти нормы также учитываются людьми при принятии решений и в долгосрочной перспективе могут возобладать исходы, связанные со взаимным доверием» [1, с. 77].

Априорное пространство доверия необходимо для эффективного развития рыночных обменов и является основным внеэкономическим фактором успешности проекта Модерна. Поэтому все большее признание приобретает позиция, согласно которой значимым фактором развития в позднемодерном обществе является формирование широких кругов межличностного и институционального доверия. Рост доверия обусловлен неодновременным, но закономерным глобальным переходом современных обществ от реализованных материальных ценностей самосохранения и обеспечения безопасности к ценностям и мотивам самореализации,

«постматериальным» потребностям, связанным с творчеством, кооперацией, психологическими мотивами признания, доверия, солидарности, самосовершенствования, расширения пространства индивидуальных свобод человека [4]. В глобальном мире возможности расширения доверия являются частью проблемы достройки де-факто существующей мироэкономики до регулирующей ее мирополитики как стратегии эффективной морализации капитализма, поскольку экономические институты современного мира значительно опередили в своем развитии политико-правовые регуляторы общественной жизни.

Представляется, что в условиях поздней современности (Late modernity) исторический модернизаторский потенциал территориальной нации-государства и его институтов резко сужается. Параллельно растут возможности каждого человека выступать субъектом эффективной индивидуальной модернизации в ходе свободной реализации своих целей и интересов. Здесь любые групповые и институциональные посредники скорее лишь искажают и узурпируют его законные интересы. Отсюда закономерен вывод о всё большей эффективности процессов самоорганизации граждан и минимизации государственного регулирования, заложенных в доминирующую в экономическом мейнстриме неолиберальную теорию. При этом очевидно, что все люди могут ошибаться, быть наивными, действовать в условиях нехватки информации и ситуациях ограниченной рациональности, конфликтовать за ограниченные ресурсы. Однако территориальное государство, которое было полезно в условиях первоначальной или форсированной модернизации с ее задачами аккумуляции и перераспределения общественных ресурсов на приоритетных направлениях, в ходе последующей органической модернизации, свойственной позднему Модерну, становится скорее сдерживающим фактором. Поэтому способность государства управлять общественными процессами все более проблематизируется. Подобная ситуация характерна для позднемодерных обществ с их постоянным расширением пространства доверия и исключения государства из рыночных обменов. Прямое государственное вмешательство остается легитимно лишь в тех случаях, когда оно гарантирует эффективное правовое поле для коммуникаций граждан, либо совершаются явно противоправные действия, либо граждане и их объединения не могут самостоятельно разрешить конфликт интересов и вынуждены обратиться к государственному арбитру (правоохранительные органы, суд, судебные исполнители и т.д.).

Парадокс модернизации состоит в том, что безусловная и теоретически доказанная выгода расширения практик доверия в современных обществах существует скорее как возможность, чем всеобщая и неизбежная закономерность. Несмотря на то, что для повышения общественного

благополучия эффективно высокое взаимное доверие, институциональная ловушка может заключаться в том, что с позиций рационального выбора и повышения своей индивидуальной полезности люди будут массово выбирать недоверие как оптимальную стратегию. Причем на институциональном уровне такое состояние может оказаться стабильным и равновесным, а потому трудно изменяемым во времени. Поскольку неидеальная социальная среда и сложившиеся в ней устойчивые коллективные практики, зачастую оказываются сильнее индивидуальных стратегий, которые ей противостоят: «с точки зрения экономического «менеджмента доверия» недоверие всегда связано с существенно большими затратами, нежели доверие... Однако в условиях кризисного развития общества, когда любое доверие связано с неконтролируемым нарастанием разнообразных рисков, недоверие может стать способом минимизации таких рисков и в этом своем качестве оказаться эффективной экономической стратегией. Таким образом, трактовка роли экономического недоверия может оказаться различной в стабильных и трансформирующихся обществах» [2, с. 63].

Социальная ситуация доверия является более сложной и неустойчивой, чем относительно равновесная и стабильная к внешним и внутренним факторам изменений ситуация недоверия. Пассивное социальное поведение большинства как избегание больших и средних рисков более выигрышно в долгосрочной перспективе и оптимально относительно предпринимаемых энергозатрат, хотя на институциональном уровне оно ведет к росту транзакционных издержек и инфляции бюрократического аппарата государства и иных юридических лиц. Особенно сильно данный эффект проявился в постсоциалистических странах, где новая капиталистическая этика не была компенсирована внеэкономическими механизмами солидарности в условиях отказа от предшествующих принципов обеспечения общественного согласия. Наконец, глобальность человечества порождает проблему выхода институционального доверия за пределы наций-государств и легитимирующего их национализма. При этом низкое доверие в условиях обществ периферийного капитализма образует порочный круг самоисполняемого пророчества — не доверяя другим людям и социальным институтам, граждане начинают считать подобное положение дел в обществе «нормальным», присоединяясь к воображаемому «большинству не доверяющих», а себя — не способными повлиять на изменение культурной и институциональной ситуации в обществе в лучшую сторону.

Вместе с тем, на основании межстрановых статистических обобщений, можно утверждать о возможности целенаправленной политики увеличения сферы доверия в обществе, связанной с укреплением верховенства закона, повышением образовательного уровня населения, сокращением неравенства доходов с активным использованием механизмов

перераспределения, стимулированием деятельности гражданских организаций [13]. При этом переносу новых идей и институтов, нормативному плюрализму и всевозможным институциональным «трансплантам» всегда противостоят механизмы институциональной инерции, зависимость от прошлого развития (path dependence) [10]. Зависимость от прошлого обычно переоценивается в рамках популярной в отечественном общественном сознании цивилизационной парадигмы, будучи универсальным ответом социальных сил, заинтересованных в сохранении статус-кво о причинах неудач любых социальных реформ и инноваций [8].

Если в контексте сказанного выше оценивать возможности перехода России к позднемодерному обществу, то можно констатировать, что сложившаяся модель периферийного капитализма в экономике и умножение неопатриархальных, сословных практик взаимодействия в политике закономерно привели к сокращению пространства индивидуального и институционального доверия в российском обществе. Согласно опросам, если в 1990 г. только на себя рассчитывали 20% опрошенных, то в 2012 уже 40%; опоры на друзей и родственников в 1990 г. искали 25%, а в 2012 г. — 54%, параллельно надежды граждан на помощь предприятий, общественных организаций, государства в трудной ситуации снизились с 35–15% до 1%, т. е. фактически до нуля [11]. Таким образом, модерное пространство рыночных обменов, предполагающих априорное доверие автономных индивидов к эффективным общественным институтам и незнакомцам замещается дарообменными (близкородственными) и редистрибутивными, распределительными моделями социальной коммуникации, которые существенно ограничивают возможности и эффективность любых автономных общественных институтов и коллективных инициативных взаимодействий в условиях российской модели периферийного капитализма [7].

Долгий постсоветский опыт России ясно обнаруживает, что в условиях радикализации социального недоверия произошел ценностно-институциональный откат от современных классов и социальных групп к новым сословиям (С. Кордонский). Этот откат сопровождается расширением домодерных и антимодерных ценностей, созданием разных локальных (сословных) моралей, легитимируемых их ролью в сохранении стабильности наличного политического порядка как главной политической ценности. Но это лишь стабильность ресурсного государства и рентно-сословного общества, в котором область рыночных отношений, элементов демократии и позднемодерных (постматериальных) ценностей образует лишь тонкую, постоянно сокращающуюся внешнюю оболочку, симулирующую модерность [6]. Фактически за постсоветский период в России не сформировалось влиятельных современных социальных сил в политике, экономике и культуре. Доминирующие российские политические дискурсы

демонстрируют всевозможные архаичные этики добродетелей, торжество популизма и ситуативного прагматизма, но только не универсализирующую этику принципов, позволяющую поддерживать существование сложносоставных обществ в глобальном контексте [12]. Попытки органической модернизация социума снизу наталкиваются на контр-тенденцию архаизации властного аппарата государства.

Парадокс российского периферийного Модерна заключается и в том, что «узкий радиус межличностного доверия компенсирует институциональные дефициты, но со своей стороны стерилизует потенциал универсализма и модерности» [3, с. 362]. Поэтому оказывается, что вместо позднемодерного, космополитического (У. Бек) гражданина «более продуктивны модели «человека советского» (с присущими ему свойствами двоемыслия, лукавства, демонстративной лояльности, пассивной адаптации) или традиционалистского, ксенофобского, настороженно относящегося ко всему новому и незнакомому» [3, с. 270]. Подобные выводы согласуются с рядом других исследований, согласно которым при стабильно работающих современных институтах растущее значение придается личным качествам (честность, трудоспособность, порядочность и др.), а в условиях институционального недоверия повышается значимость возможностей доступа людей к распределению ресурсов — власти, богатства, профессиональным и родственным связям и т.п. [5].

Наблюдаемые в России волны демодернизации, откат к «периферийности» в капиталистической миросистеме, инфляция бюрократии затрудняют и без того нелегкий перенос на отечественные реалии успешных теорий и практик, выработанных в обществах центра мироэкономики. Очевидно, что культура здесь тоже имеет значение (правда, вряд ли судьбоносное), так как в контексте исторически сильных сетей и ценностей неформального доверия в малых, закрытых группах модели рационального «человека экономического» в современной России работают слабо, а статистически фиксируемое доверие к современным институтам (рынок, выборы, партии, парламент, правительство, суды и т.д.) является лишь условным и символическим. Это пока своего рода «игра в доверие», готовая при любом негативном изменении обернуться тотальным недоверием. Частичным оправданием такого положения дел может служить лишь то обстоятельство, что фукуямовская логика конца истории и всеобщее торжество постматериальных ценностей (Р. Инглхарт) довольно плохо работают за пределами стран центра капиталистической миросистемы, где в большинстве государств продолжают сохраняться институциональные структуры «естественного государства» и наследственных, закрытых элит, распределяющих ресурсные потоки [9].

Таким образом, расширение ценностно-институционального пространства позднего Модерна и формирование инфраструктуры общества «открытого доступа» (Д. Норт) является лишь возможностью, но отнюдь не судьбой множества современных обществ, обозначенных на актуальной политической карте мира. Более того, как показывает пример России, даже достигнутые ранее ценностно-институциональные уровни доверия могут быть существенно нивелированы. Поэтому любые варианты альтернативной (аутентичной), технократической или трансплантированной извне модернизации будут осуществимы в России только тогда, когда будут предполагать в качестве своего ядра ценностное измерение, т.е. современные нормы и императивы, связанные с институциональным расширением и закреплением в российском обществе ценности доверия как внеэкономического условия позднего Модерна.

Библиографический список

- Белянин А. В., Зинченко В. П. Доверие в экономике и общественной жизни. М., 2010. 164 с.
- Вершинин С. Е. Социальное недоверие: парадигмы анализа, источники, функции (к постановке проблемы) // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2007. Вып. 7. С. 61–74.
- Гудков Л. Доверие в России: смысл, функции, структура // Новое литературное обозрение. 2012. №117. С. 249–280.
- Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М., 2011. 464 с.
- Козырева П. М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 43–54.
- Кордонский С. Россия. Поместная федерация. М., 2010. 312 с.
- Мартьянов В. С. Глобальный Модерн, постматериальные ценности и периферийный капитализм в России // ПОЛИС. 2014. №1. С. 84–97.
- Мартьянов В. С., Фишман Л. Г. Моральный тупик цивилизационной парадигмы // Полития. 2006. №4. С. 72–87.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011. 480 с.
- Панкевич Н. В. Взаимодействие и трансформация правовых систем в процессе глобализации // ПОЛИТЭКС. Т. 6. №3. 2010. С. 115–132.
- Тощенко Ж. Т. Экономическое сознание и поведение россиян: противоречия и парадоксы. 25 лет спустя // Альтернативы. 2014. №1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/alternativi/a1-2014/23391-ekonomicheskoe-soznanie-i-povedenie-rossiyan-protivorechiya-i-paradoksy-25-let-spustya.html> (дата обращения 07.04.2015)
- Фишман Л. Г. А теперь — добродетель! // Полития. 2012. №2. С. 89–97.
- Knack S., Zak P.-J. Building trust: public policy, interpersonal trust and economic development // Supreme Court Economic Review. 2002. Vol. 10. P. 91–107.
- Zak P. J., Knack S. Trust and growth // Economic Journal. 2001. Vol. 111. P. 295–321.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И РОЛЬ СОВЕТСКОГО НАСЛЕДИЯ В КИТАЕ

В статье на примере формирования электронного правительства рассматривается проблема взаимодействия глобальных управленческих трендов и национальной управленческой традиции в процессе модернизации системы государственного управления в Китае. Показано, каким образом при переходе к электронному правительству осуществляется генерализованное заимствование модных трендов и они включаются в уже имеющуюся систему управленческих приоритетов. Сделан вывод о том, что и конфуцианская, и советская управленческая традиция способствуют внедрению информационных технологий.

Ключевые слова: *электронное правительство, административная реформа, управленческая традиция, генерализованное заимствование*

Термин «электронное правительство» («electronic government»), описывающий процесс и результаты внедрения информационных технологий в государственное управление, был впервые употреблен в США в 1993 г. вице-президентом А. Гором в рамках т.н. «движения за новое изобретение правительства» («Reinventing Government» — REGO) [9]. С тех пор электронное правительство превратилось в символ современности и прогресса в системе государственного управления, а переход к электронному правительству получил статус глобальной управленческой реформы.

Эта реформа исходит из неявного предположения, что органы государственного управления во всем мире, независимо от характера существующего политического режима и специфики административной культуры, сталкиваются примерно с одинаковым набором проблем, и поэтому нуждаются примерно в одинаковых средствах для их решения.

Глобальная концепция «электронного правительства» операционализируется через систему международных рейтингов. В 2001 г. Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН (UN DESA) приступил к мониторингу готовности стран мира к электронному правительству. С 2008 г. речь идет о мониторинге развития электронного правительства, поскольку большинство стран мира перешли от подготовительной стадии к оказанию электронных услуг и другим формам взаимодействия с гражданами в электронном виде.

Наличие рейтингов скрывает важнейшую особенность перехода к электронному правительству как глобальной реформы: его интерпретативную гибкость. Такая гибкость — характерная особенность технологически ориентированных реформ, исходящих из того, что существуют

Дьякова Елена Григорьевна, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: gf-urfo@bk.ru.

единые решения общих для всех проблем. Поскольку проблемы на деле очень разные, участники реформ отбирают только те элементы, которые их по тем или иным причинам устраивают, или используют реформаторскую риторику для принятия решений, имеющих к первоначальным идеям весьма мало отношения.

Особенно ярко интерпретативная гибкость проявляется в том случае, когда глобальные тренды используются для модернизации управления в условиях существования многовековой автохтонной управленческой традиции. В связи с этим особый интерес представляет процесс адаптации глобальной управленческой реформы в Китае. Выбор Китая, несмотря на невысокие позиции в рейтинге развития электронного правительства UN DESA (70 место в 2014 г. — см. [12]), обусловлен тем, что эта страна, с одной стороны, в настоящее время выступает образцом как постсоциалистического, так и постколониального устойчивого развития, а с другой — потому что мощная конфуцианская управленческая традиция, сформировавшаяся в имперский период на базе интенсивного земледелия при ручном труде [5], продолжает воспроизводиться и в условиях индустриального Китая XXI в.

Вопрос о том, в какой мере глобальные управленческие тренды влияют на решения, принимаемые китайской элитой, является остро дискуссионным. Ряд исследователей придерживается крайних позиций, отрицая саму возможность реального (а не декоративного и показного) заимствования любых модернистских административных практик, как культурно несовместимых с китайской традицией. Например, Д. С. Воропаев утверждает, что модернизация управления в Китае всегда ограничивается симулятивным дискурсом, не затрагивая основ конфуцианской по своей сути системы. В основе этого вывода лежит лингвистический детерминизм: автор утверждает, что «символический характер письменности обуславливает командное место политики в обществе и форму государства» [2, с. 20], поскольку письменная, директивная коммуникация могла поддерживаться только унитарной административно-бюрократической машиной. Иными словами, контроль над каналами трансляции смыслов в обществе являлся (и продолжает являться) ключевым ресурсом властной машины, а его утрата чревата внезапным низложением политического режима.

Позицию Д. С. Воропаева, основанную на убеждении в уникальной устойчивости китайских управленческих традиций, разделяет целый ряд авторов, как отечественных, так и зарубежных, однако сторонники представления о принципиальной неизменяемости китайской системы государственного управления, по сути, игнорируют тот факт, что авторитарная модернизация в странах Юго-Восточной Азии (вне зависимости

от того, пользуются ли они иероглифами, как в Китае, или алфавитной письменностью, как в Южной Корее) основывалась на сознательном заимствовании зарубежных (западных и советских) управленческих моделей. В XX в., по замечанию А. Н. Ланькова, сторонники построения «государства как в СССР», отчаянно боролись со сторонниками построения «государства как в США»: «именно эти две страны служили образцами, с которых... копировались и политические, и экономические институты, — хотя когда их скопировали, они сразу же начали меняться» [3].

Весь XX в. сменявшие друг друга китайские правительства стремились максимально использовать зарубежный опыт для решения проблем преодоления отсталости. Синьхайская революция 1911 г. знаменовала радикальный разрыв многовековой управленческой традицией, что выразилось не только в переходе от монархии к республике, отказе от системы государственных экзаменов и от использования в управлении вэньяня, но и в активном заимствовании западных методов управления.

После 1949 г. в Китае была построена советская система партийно-государственного управления: никакой другой модели Мао не знал, а на Советский Союз смотрел как на образец для подражания [6, с. 519–520]. Как показал А. В. Лукин, председатель Мао «не только не восстанавливал традиционную китайскую империю, но боролся с ней и считал, что его соратники-традиционалисты, как только он отходит от дел, восстанавливают традиционную бюрократическую структуру» (с чем он пытался бороться «гневом народных масс» во времена «культурной революции» [4]). Это не мешало Мао воспроизводить образцы поведения китайских императоров, точнее — основателей правящих династий. Современные историки не случайно проводят параллели между председателем КПК Мао и первым императором династии Мин (и выходцем из крестьян) Чжу Юаньчжаном.

Описанный Т. Кристенсенем, Д. Лишэнем и М. Пейнтером процесс модернизации пост-маоистского Китая, направленный на переход от административного контроля к макрорегулированию экономики под лозунгом «маленькое государство, большое общество» [8], вполне можно проанализировать и по-другому, с точки зрения отхода от советской управленческой традиции в пользу генерализированных западных моделей. К сожалению, специалисты-синологи, особенно занимающиеся современным Китаем, зачастую плохо представляют себе особенности советской системы, и склонны видеть китайскую специфику там, где проявляет себя советская. Так, к удивлению западных исследователей в Китае для описания процессов внедрения информационно-коммуникационных технологий во все сферы общества используется не стандартный термин «компьютеризация», а термин «информатизация», заимствованный из советского административного лексикона.

Отход от советской модели был осуществлен при сохранении руководящей роли КПК, причем, по замечанию Л. С. Васильева, «её функционеры-ганьбу, казалось бы, столь похожие на нашу отечественную партноменклатуру, остались кем-то вроде старой китайской имперской администрации и её чиновников, привилегированного социального слоя грамотных шэньши» [1]. Поэтому целый ряд исследователей, рассуждая о системе государственного управления современного Китая, предпочитает называть ее не «постсоветской», а «постконфуцианской», подчеркивая именно преемственность традиции.

Если посмотреть, как оценивают административные реформы сами китайские исследователи, выяснится, что, по их мнению, для них характерен синтез управленческих моделей: «все преобразования осуществляются на путях социализма с китайской спецификой, а если заимствования из западной модели реформирования и происхо[дят], то только с учетом накопленного опыта и учета конкретной ситуации» [7, с. 47]. Главной целью реформирования объявляется «служение развитию экономики, а вместе с ней — богатству и процветанию всего общества» [7, с. 49].

С самого начала целью электронного правительства в Китае провозглашалось «усиление центра», т.е. ужесточение контроля центральных органов власти над местными. За этим стояла вера в то, что информационные технологии способны выступить как противоядие против травм трансформации нации, в том числе связанных с коррупцией. Электронное правительство превратилось в символ желаемого западного прогресса, позволяющий связывать между собой административную реформу, реформу законодательства и управление экономикой [10]. Соответственно основные усилия были направлены на формирование инфраструктуры обмена информацией между органами власти, а не на взаимодействие с гражданами. Информационные технологии были призваны обеспечить прежде всего возможность контролировать ежедневные действия нижестоящих чиновников. Данный подход также можно назвать одновременно и «постконфуцианским», и «постсоветским», поскольку именно проблема контроля решалась в глобальных советских программах информатизации управления, таких, как ОГАС.

Характерно, что впервые на важность информатизации для модернизации государственного управления указал Дэн Сяо-пин в 1984 г. В 1992 г. в КНР приступили к созданию автоматизированных систем управления (еще один советский термин) в органах власти. В итоге целой серии административных перестроек к 1998 г. было создано Министерство информационной промышленности, и с января 1999 г. стал реализовываться проект «Правительство он-лайн» — первый официальный проект в сфере электронного правительства в Китае. Он был направлен на создание электронных баз данных и облегчение доступа к ним представителей

бизнеса и граждан. В 2002 г. был опубликован Декрет № 17 Аппарата Государственного Совета КНР, в котором были изложены руководящие принципы формирования электронного правительства [11].

Иными словами, выстраиваемая в КНР система электронного правительства успешно взаимодействует одновременно с традиционной управленческой культурой и советским наследием. Именно поэтому использование информационных технологий в Китае осуществляется с упором на «порядок, а не демократические идеалы, технократический контроль, а не гражданское участие (кроме низового), управляемость, а не тип режима» [13], что прямо противоречит изначальной идеологии электронного правительства как она задумывалась в США.

Китайский опыт адаптации информационных технологий в государственное управление показывает, что успех модернизации во многом определяется спецификой исходной управленческой традиции, на которую она накладывается. Конфуцианская управленческая традиция, несколько тысячелетий развивавшаяся в Китае, успешно сочетается с внедрением новых технологий. (Не случайно первые две позиции в рейтинге ООН в 2014 г. (как и в 2012) занимают Южная Корея и Сингапур, представляющие собой типичные «диктатуры развития», сформировавшиеся с опорой на систему традиционных конфуцианских ценностей). Не менее эффективной оказалась и традиция советская, с ее ориентацией на научно-технический прогресс и тенденцией к поиску технократических решений любых проблем.

Стоящая перед Китаем задача модернизации государственного управления является очень сложной, учитывая его размеры и численность населения. Основные проблемы страны, препятствующие ей занять высокое место в международных рейтингах электронного правительства, связаны не с качеством предлагаемых решений, а с низким уровнем проникновения Интернета и столь же невысоким качеством развития человеческого капитала (=уровнем грамотности). Поэтому модернизация государственного управления неразрывно связана с более масштабными процессами модернизации китайской «мировой деревни».

Библиографический список

1. Васильев Л. С. От невидимания к Западу к триумфу вестернизации современного Китая // Синхайская революция и республиканский Китай: век революций, эволюции и модернизации. Сб. ст. М., 2013. С. 76-89.
2. Воропаев Д. С. Социокультурные основания китайской модели политической модернизации: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. М., 2012. 27 с.
3. Ланьков А. Н. Модернизация в Восточной Азии [Электронный ресурс] // «Полит.ру». 4 февраля 2010 г. URL: <http://polit.ru/article/2010/03/11/lankov/> (дата обращения: 25.05.15).
4. Лукин А. В. О некоторых проблемах сравнительных исследований политических систем КНР и СССР // Сравнительная политология. № 1(3), 2011. С. 3–18.
5. Малявин В. В. Империя ученых. М., 2007. 384 с.
6. Панцов А. В. Мао Цзэдун. М., 2012. 867 с.

7. Чуньянь В. Этапы и содержание трансформации аппарата государственной власти Китая // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 2 (77). С. 38–49.
8. Christensen T., Lisheng D., Painter M. Administrative Reform in China's Central Government – How Much “Learning from the West”? // International Review of Administrative Sciences. 2008. Vol. 74 (3). P. 351–371.
9. Gronlund A., Horan T. Introducing E-Gov: History, Definitions and Issues // Communications of the Association for Information Systems. 2004. Vol. 15. P. 713–729.
10. Kluver R. The Architecture of Control: a Chinese Strategy for E-Governance // Journal of Public Policy. 2005. Vol. 25. № 1. P. 75–97.
11. Seifert J. W., Chung J. Using E-Government to Reinforce Government Citizen Relationships: Comparing Government Reform in the United States and China // Social Science Computer Review, 2009. Vol. 27. № 1, P. 3–23.
12. UN Department of Economic and Social Affairs. United Nations E-Government Survey 2014: E-Government for the Future We Want. UN, 2014. 252 p. [Электронный ресурс]. URL: http://unpan3.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2014-Survey/E-Gov_Complete_Survey-2014.pdf (дата обращения: 25.05.15).
13. Yang Dali L. Remaking the Chinese Leviathan: Market Transition and the Politics of Governance in China /Stanford, CA, 2003. 432 p.

ABSTRACTS

I. V. Poberezhnikov

Doctor of Sciences (History), Head of Department of methodology and historiography, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, e-mail: pober1871@mail.ru

HUMAN POTENTIAL OF THE RUSSIAN IMPERIAL MODERNIZATION

The paper gives a historical analysis of the problem of human potential of the Russian imperial modernisation. Such components of human potential as confessional culture, education, social context are considered. According to the author, the human potential has shown considerable flexibility and readiness to adapt for requirements of modernization in imperial Russia.

Keywords: *Modernisation, human potential, human capital, confessional culture, education, social context.*

E. A. Kurlaev

Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, e-mail: kurlaev@e1.ru

THE ACTORS OF MODERNIZATION IN THE ERA OF PETER I IN THE URALS: DEFINITION OF THE OBJECT OF STUDY

This article focuses on identifying the range of the actors of modernization during the reign of Peter the Great. In the study of the genesis of the Urals industry, the author applies the concept of diffusionism. It allows to distribute the historical material on the three impulses of diffusion, which determined the formation of the basic industries. Each of the phases has its own specific actors. Objectively, the Ural region has vast resources for char-coal metallurgy. In the process of agricultural development of the region by settlers, there were created conditions for accommodation of the large-scale industry. First dowsers opened the largest ore deposits in the region. With the emergence of large plants, they were united into the professional communities. Also, there appears a new category of entrepreneurs – ore manufacturers. A significant role in the establishment of production played A. A. Vinus, and the heads of the counties, who manage the plants. Complicated process of finding, mining, smelting of precious and non-ferrous metals were carried out with the participation of foreign experts. In the process of creation of non-ferrous metallurgy and mining industry the new specialized management and educational structure has been created to manage it.

Keywords: *Industrialization, modernization, actors, genesis of the Ural industry, XVIII century*

S. V. Golikova

Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, e-mail: avokilog@mail.ru

THE PARADOX OF PERCEPTION OF ILLEGIMATE CHILDREN IN THE IMPERIAL PERIOD: THE OBJECT OF SOCIAL STIGMA AND PUBLIC CHARITY

The attention is focused on paradoxes of perception of illegitimate children during the imperial period. The legislation and public opinion turned them into object of social

stigmatization, having at the same time created system, promoting the birth, education and socialization of such children. At educational houses there was a stationary obstetric aid. Only subsequently maternity hospitals were included into health system.

Keywords: *illegitimate, social stigmatization, institutes of the closed contempt, stationary obstetric aid*

E. Yu. Lebedenko

Candidate of Sciences (History), Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, e-mail: hyulebed@mail.ru

THE STRUCTURE OF THE URBAN FAMILY IN THE URALS IN THE XIX CENTURY (ON THE MATERIALS OF SOLIKAMSK)

The article dwells on the family structure of citizens in one of the oldest urban centers in the Ural region in the early XIX century. On the basis of a town dwellers' («obyvatelei») list of Solikamsk the author investigated family typology of the urban citizens, in particular their generations' and relatives' composition. As a result the author comes to the conclusion about the predominance of immediate family forms in citizenship of Solikamsk in this period along with maintaining a significant share of «patriarchal» families.

Keywords: *urban citizenship, town dwellers' («obyvatlei») list, family structure and typology, county town, urban family*

S. A. P'jankov

Candidate of Sciences (History), Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, e-mail: kliostefan@mail.ru

PUBLIC BENEFIT AND PERSONAL POSITION: FOOD CAMPAIGN OF 1891–1892 IN ASSESSMENTS OF CONTEMPORARIES

The article deals with the opinions of state and public figures on the issue of crop failure and 1891–1892 Russia's famine. Considering as an example the views of A. A. Polovtsov, A. S. Yermolov, L. N. Tolstoy, V. G. Korolenko the author examines public perception of the famine causes, reaction of Russian society to the food crisis, criticism of current food legislation and assessment of the effectiveness of the famine relief campaign. A conclusion is drawn that despite its grave impact and deep public response the food crisis of 1891–1892 did not lead to a qualitative change in government policy on population food supply.

Key words: *1891–1892 famine, crop failure, Russian Empire, public opinion*

O. V. Gorbachev

Doctor of Sciences (History), Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, e-mail: og_06@mail.ru

MIGRATION IN THE HISTORICAL DISCOURSE: POSSIBILITIES AND LIMITATIONS OF THEORETICAL INTERPRETATIONS

The article raises the question of the applicability of theories of different scales for the historical study of migration. It is shown that, in contrast to Western scholars, domestic authors tend to use macro- and meso-theories, including the modernization theory. This is largely due to the nature of available sources containing typically aggregated data. Despite the significance of the results achieved it should be recognized

that a study of wide range of migration-related issues (adaptability of migrants, gender, information aspects of migration, return migration, and others) is more promising in the context of the personal stories of migration, i.e. at the micro level. Prospects of the use of the most popular concepts are estimated.

Keywords: *migration, theory of migration, interdisciplinary approach, theory of modernization*

A. K. Gagieva

Doctor of Sciences (History), Professor, Komi Republican Academy of State Service and Administration; Chief Researcher, Institute of language, literature and history. Komi science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, e-mail: gng-kol2@mail.ru

THE ROLE OF HUMAN FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF THE NORTHERN TERRITORIES OF THE KOMI REGION IN THE SECOND HALF OF THE XVIIIITH — MID-XIXTH CENTURIES

In the second half of the XVIIIth — first half of the XIXth centuries in Russia and in the European North an active industrialization took place. The ethnic territory expanded, new industrial areas were created. This could not have no impact on the socio-economic relations. The result was the development of new areas, mainly in the North, and the creation of a new economic enclave. A feature of this process was the formation of peasant organizations of different structure and ethnic composition in the newly developed areas.

Keywords: *volost, industrialization, community, development, modernization, European North.*

R. Eu. Romanov

Candidate of Sciences (History), Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: rromanov1981@mail.ru

THE ORGANIZED MOBILITY OF WORKFORCE UNDER THE MILITARY-INDUSTRIAL MODERNIZATION OF THE EASTERN REGION OF THE RUSSIAN FEDERATION (1941–1945)

The article deals with the process of the organized labor mobility of the human potential of the Volga, the Urals and Siberia in the conditions of military-industrial modernization of the Russian Federation in the first half of the 1940s. The author demonstrates changes in the volume and intensity of social and professional movement related to carrying out of large-scale mobilization of the population of these regions to the leading branches of the economy. The author concluded that at the most critical moment for the country the eastern regions played a high role in the labor mobility, controlled by the authorities, and that become one of the most important factors in the creation and development of the high-tech military-economic base for the army in the rear.

Keywords: *Great Patriotic War, eastern regions of the Russian Federation, workforce, organized mobility.*

A. S. Ivanov

Candidate of Sciences (History), Assistant Professor, Department of humanitarian-economic disciplines, Surgut Institute of oil and gas, Surgut, Russia, e-mail: 88d@bk.ru

THE IMPACT OF FORCED MIGRATION ON DEVELOPMENT OF THE NORTH-WESTERN SIBERIA (1941–1945)

The article examines the impact of involuntary population displacement on the development of Khanty-Mansi and Yamal-Nenets districts. The author highlights some aspects of the impact of the war years forced migrations on the development of North-West Siberia: collapse of the centralized network of resettlement of migrants in special settlements and forced transition to dispersed resettlement among civil population; changes in the principles of the regime control of special settlers; transference of the region to special supplies; expansion of production chiefs powers in relation to migrants and civil population; change in the workforce balance of the regions.

Keywords: *deportation, repression, punished peoples, forced migration, special settlers.*

N. A. Mikhalev

Candidate of Sciences (History), Academic Secretary, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, e-mail: n.mikhalev@mail.ru

FEMALE PRISONERS AT TCHUM-SALEKHARD-IGARKA RAILWAY CONSTRUCTION

The paper explores one of the most unstudied aspects of Tchum-Salekhard-Igarka railway construction history — question of sex composition of prisoners, the most numerous category of its builders. The proportion of women among labour camp population reached 20% in certain years. Against this background cohabitation turned into widespread camp regime violation.

Keywords: *Tchum-Salekhard-Igarka railway, construction history, prisoners sex composition, imprisonment regime*

N. Y. Gavrilova

Doctor of Sciences (History), Professor, Tyumen State Oil and Gas University, Tyumen, Russia, e-mail: nygavrilova@mail.ru

HUMAN POTENTIAL IN THE CONDITIONS OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF WESTERN SIBERIA

The article analyzes the role of human factor in the development of oil and gas fields of Western Siberia and in creation of the largest fuel-extracting complex in the country. The main attention is paid to the system of values of «the participants» of industrial development of the North. The author considers mentality peculiarities of the generations of the 1950 — 1960s and 1970 — 1980s.

Keywords: *oil and gas resources, oil and gas complex, the North of Western Siberia, human potential.*

T. E. Sanzhieva

Doctor of Sciences (History), Professor, Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, e-mail: sanj_te@mail.ru

WORKERS OF BURYATIA IN THE LATE TWENTIETH CENTURY: SOCIAL TRANSFORMATION

The article describes the processes that have taken place with the workers of the industrial enterprises of the Republic of Buryatia in the course of economic reforms of the 1990s. The number of workers decreased because of the reduction in the number of industrial enterprises. However, in non-ferrous metallurgy and electric power industry the workforce increased. Workers, who had high positions in public life earlier, com-

pletely changed their status in the new economic conditions. In the elections of 1998 and 2002 workers still were among the candidates for parliament of the Republic of Buryatia, but since 2006 they cease to participate in the elections.

Keywords: *worker, industry, number of workers, the transformation of appearance, the parliamentary elections, Buryatia.*

A. V. Alekseev

Candidate of Sciences (Economy), Head of Department for rates and proportions in industrial production, Institute of Economics and organization of Industrial Production, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: avale@mail.ru

QUALITY IMPROVEMENT OF HUMAN CAPITAL AS A KEYSTONE OF RUSSIAN MODERNIZATION

The article analyses the competitiveness of the Russian economy. The author substantiates the logic and sequence of actions for solving a problem of increasing the competitiveness of the Russian economy.

Keywords: *institutions, infrastructure, education, competitiveness, innovation potential.*

K. S. Romanova

Candidate of Sciences (Philosophy), Assistant Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, e-mail: romkira@yandex.ru

PROBLEMS OF INTERACTION BETWEEN THE INDIVIDUAL AND SOCIETY IN THE PROCESS OF MODERNIZATION

The paper analyzes the interaction between structural elements of society (such as social institutions, culture, values, information, communication) with the structural elements of the individual in the process of social adaptation in the modernization of society.

Keywords: *Society, modernization, culture, values, personality, social adaptation, socialization.*

E. V. Borodina

Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, e-mail: sosnovi-bor@yandex.ru

VIEWS ON PROPERTY AMONG PEASANTS OF KUNGUR DISTRICT IN THE MODERN PRACTICES OF JUDICIAL PROCEEDINGS IN THE 1ST THIRD OF XVIII CENTURY

The article deals with the problem of regulation of relations about land among peasants during the period of transition from the medieval to modern times in Russia at the beginning of the 18th century. Having analyzed the historical literature and primary sources, the author came to the conclusion that interaction existed between traditional and modern mechanisms of Petrine social relations tied with the question of land use.

Key words: *reforms, legal culture, judicial proceedings, custom, traditional land use.*

O. K. Ermakova

Candidate of Sciences (History), Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, e-mail: ermakovaok@mail.ru

I. HEIDENREICH AND HIS IDEAS ABOUT THE RIGHTS OF THE FOREIGNERS IN RUSSIA (1722–1731)

The article deals with the problems of social and legal status of foreigners in Russia on the material of the particular, case story of I. Heidenreich, who worked on Russian factories by contract in 17XXs. The author analyses the ideas of the foreign specialist concerning his rights of service, and studies the degree of compliance between them and the real situation. The author concludes that during the given period the attitude to foreign specialists in Russia, in general, was not as careful as it became in the early XIXth century. Their rights were often violated, and the contract was not enough strong for being the reliable guarantor of social and legal status of foreigners.

Keywords: *foreigners, social and legal status, contracts, concepts of rights.*

A. M. Safronova

Doctor of Sciences (History), Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, e-mail: alevtina.safronova@gmail.com

TRANSFORMATION OF IDEAS ABOUT THE VALUE OF SCHOOL STUDY OF THE POPULATION OF STATE-OWNED FACTORIES IN THE URALS IN THE FIRST HALF OF XVIII CENTURY

The article reveals changing perceptions of the mining population towards to the value of children education at schools of the Urals under the influence of changes in lifestyle, shows the parents filing applications for admission of children to schools, the opening of schools in the communities, of children studying at private schools.

Keywords: *Urals, mining schools, private schools, attitude of parents to children education*

D. V. Timofeev

Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, e-mail: dmitrim@yandex.ru

REQUESTS AND COMPLAINTS OF THE RUSSIAN CITIZENS IN THE FIRST QUARTER OF NINETEENTH CENTURY: THE INDIVIDUAL STRATEGIES OF CONDUCT IN THE CONTEXT OF THE MODERNIZATION PROCESS

The article deals with the content and motives of peasants' appeals to power structures with a variety of petitions and complaints. On the basis of comparative textual analysis of petitions the author reveals the peculiarities of peasants' self-identification and their subjective assessments of the nature of relationships with landowners through the use of the concepts of «freedom / liberty», «slavery / ownership».

Keywords: *land question in Russia; peasantry; petition; the attitude of the peasants to the social reality.*

A. Yu. Konev

Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Humanitarian Science Department, Tyumen State Oil and Gas University, Tyumen, Russia, e-mail: aldimeks@mail.ru

EXCHANGE AND TRADE IN SIBERIAN NORTH IN THE XVIII — EARLY XX CENTURY: TRADITIONALISM AND MODERNIZATION FROM THE PERSPECTIVE OF ECONOMIC ANTHROPOLOGY

History of interaction of Russian and indigenous socio-economic and political systems in Siberia has traditionally been conceptualized through the lens of conflict and domination that eventually erased traditional social forms, including those in the economic sphere, in particular, in the XIXth and early XXth centuries. The article suggests another perspective on this process, the one that draws on economic anthropology. The article charts indigenous gift practices that take place within practices of tribute (*iasak*) collection, and the integration of these practices with the market, exemplified by trade fairs in North-Western Siberia. This approach significantly modifies the modernization paradigm as it has been used in the understanding of the process of integration and economic development of Siberian regions within the Russian Empire.

Keywords: *gift exchange, tribute (iasak), trade, money, fair, economic anthropology, Nentsy, Khanty, Siberia.*

L. A. Dashkevich

Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, e-mail: ldash54@mail.ru

URAL STUDENTS IN THE SECOND HALF OF NINETEENTH — EARLY TWENTIETH CENTURY: EDUCATION AND TRANSFORMATION OF AN INDIVIDUAL

The article analyzes the memoirs of the Ural Mining School students of the second half of XIXth — early XXth century. The author concludes that the training in this special educational institution expanded the intellectual horizons of young people, through the reading and discussion of literature, associated them with the Russian intelligentsia. Ideas shared by the youth changed the traditional worldview of the students and cognitive foundations of their mentality.

Keywords: *formation, education, memoirs, lifestyle, Mining School.*

O. A. Polyaniina

Candidate of Sciences (History), Assistant Professor, Bashkir State University, Ufa, Russia, e-mail: olga-polyaniina@mail.ru

FEMINIZATION OF MUNICIPAL SERVICE IN THE RUSSIAN EMPIRE AT THE TURN OF NINETEENTH–TWENTIETH CENTURIES

The article traces the relationships of the feminization of occupation and establishment of municipal service. The author considers legal and economic prerequisite for women's positions in the bodies of local self-government of Russian Empire. The emphasis is put on women's involvement into new areas of occupation.

Keywords: *feminization, feminization of occupation, Russian Empire, bodies of local self-government, zemstvo, municipal employees, «third element».*

L. V. Zhenina

Candidate of Sciences (History), Assistant Professor, Perm State humanitarian pedagogical University, Perm, Russia, e-mail: larzhe@rambler.ru

TRANSFORMATION OF AGRARIAN CULTURE OF THE URAL PEASANTS INFLUENCED BY THE ACTIVITIES OF THE ZEMSTVOS OF THE LATE NINETEENTH — EARLY TWENTIETH CENTURIES

The article analyzes the activities of provincial and district zemstva Urals modernization of the agrarian culture of the peasantry. The author shows the relationship of the peasants to the activities of the zemstvos, the effectiveness of their educational

innovations, establishes channels of Zemstvos influence on the local population; discusses educational activities of the Zemstvos in relation to Russian and non-Russian population; examines basic forms of activities, changes in agricultural crops: a network of specialized educational institutions, demonstration of efficient forms of farming and new agricultural and artisanal production, forms of material support by volunteers of Zemstvos. There is also characteristic of cooperation between zemstva voluntary correspondents and agricultural societies.

Keywords: *Zemstvo, agriculture, agricultural society, voluntary correspondents, agricultural education, research and demonstration farms*

V. V. Semiachkova

Methodist of educational Department, Ural State Academy of Visual Arts and Architecture, Ekaterinburg, Russia, e-mail: veronika.semyach@mail.ru

CHILDREN OF MILITARY PERSONNEL AS THE OBJECT OF SOCIAL ASSISTANCE IN THE PROVINCE OF PERM IN THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

During the Russian-Japanese war a social organizational system of assistance to children of military personnel was formed, which covered different aspects of life: financial and material assistance, scholarships and meanings for the training and accommodation. These activities took place in the Perm province.

Keywords: *social assistance, military personnel, charity, the Alexeis Committee, community organizations.*

O. S. Porshneva

Doctor of Sciences (History), Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, e-mail: porshneva@yandex.ru

THE REGIONAL EXPERIENCE OF SOCIAL MOBILIZATION DURING THE FIRST WORLD WAR: INTERACTIONS BETWEEN MAIN ACTORS OF THE PROCESS (1914 — FEBRUARY 1917)

The article examines practices of the national mobilization in Russia under the conditions of the First World War on regional level. This included the self-mobilization of society which demonstrated new civil socio-cultural practices. The author describes the forms of cooperation between the government and the public, the significance of self-organization and civic initiative of the population. The achievements and problems of mobilization as well as growing contradictions between its main participants are also shown.

Keywords: *First World War, mobilization of the society, Perm province*

A. P. Kilin

Candidate of Sciences (History), Assistant Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, e-mail: Alexey.Kilin@urfu.ru

ACTORS AND «PLAYERS» OF MODERNIZATION IN THE URAL'S PROVINCE IN THE NEP YEARS

The article considers contradictions of the New Economic Policy, which were reflected in the conflicts of separate social groups, actors of modernization processes, whose interests were specific. Social groups are examined by the criterion of loyalty to the Soviet government, the Russian Communist Party (Bolshevik) and the Red Army.

The research is based on the materials of information summaries of District offices of the United General Political administration of the Ural region in 1924.

The author identifies the number of contradictions, which were formed in the framework of the main trends of development such as secularization, social mobilization and democratization (Sovietization), technological progress and development of the education system. The paper gives information about the moods of technicians, workers, government employees, teachers and priests.

Keywords: *history, NEP, actor, social stratum, interests, assessment of the OGPU.*

E. P. Emelyanov

Post-graduate student, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, e-mail: sverdlvsk89@mail.ru

NIKOLAI VLADIMIROVICH USTYUGOV: FROM A SEMINARIAN TO A SOVIET HISTORIAN

The article is devoted to the professional formation of a great Soviet historian Nikolai Vladimirovich Ustyugov. The author analyses the influence of his clerical origin on the development of his scientific career. It is emphasized, that Ustyugov's career from seminarian to the scientist was typical for Russia undergoing a process of modernization.

Keywords: *Russian modernization, the clergy, soviet historical science, the first generation of soviet historians, Nikolai Vladimirovich Ustyugov.*

P. Dukes

Emeritus Professor, University of Aberdeen, Aberdeen, UK, e-mail: p.dukes@abdn.ac.uk

MODERNISATION AND THE ANTHROPOCENE: SOME KEY DATES

While historians write of turning points and watersheds, geologists refer to epochs and golden spikes. Two natural scientists consider three possible golden spikes for the beginning of the Anthropocene: 1610, 1784 and 1964. They assert that a particular stage in the «Columbian Exchange» merits the label Orbis Spike for 1610. But few historians would want to accept 1610 as a major turning point, many of them preferring the late eighteenth century if not the specific year 1784. Natural scientists and historians can agree on the importance of the development of atomic weapons in which 1964 was a key year.

Keywords: *modernisation, anthropocene, historians and turning points, geologists and golden spikes, key dates 1610, 1784, 1964*

E. V. Alekseeva

Doctor of Sciences (History), Assistant Professor, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, e-mail: alekseeva167@mail.ru

ANTROPOBIOLOGICAL AND ANTHROPOGENIC RESULTS OF MODERNIZATION

The article dwells on the problem of axiological assessment of Russian modernization process. The author analyses the data on the «human» and the environmental costs of modernization and argues the necessity of the industrial heritage preservation as a valuable social, cultural and historical resource — the material remnants of the modernization period.

Keywords: *an individual, modernization, industrial heritage, natural resources, quality of life, ecology, health of the nation.*

A. I. Kupriyanov

Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: akouprianov@rambler.ru

ELECTIONS AND MODERNISING THE CULTURE OF THE NOBILITY.
1776–1861

The author attempts to outline the problems associated with the impact of the election on the culture of the nobility in the context of modernization processes of Imperial Russia. The author comes to the conclusion that although the nobility of the provincial associations until the late 1850s cannot be considered as elements of civil society, however, it was during the election, the nobles gained the skills of democratic culture and civic consciousness

Keywords: *nobility, elections, modernization, public life, social organization, leisure, culture*

V. V. Vedernikov

Doctor of Sciences (History), Head of Department of theory and history of state and law, Altai Institute of Economic (Saint Petersburg University of Management and Economic), Barnaul, Russia, e-mail: vedernikov75@mail.ru

PROCESSES OF MODERNIZATION IN ALTAI IN THE XVIII — XIXTH CENTURIES: VIEW OF CONTEMPORARIES

The paper considers the two superposed processes: generational change and the modernization of mining and metallurgy in the Altai. Introduction of new technologies was accompanied by sharp conflicts between the supporters and opponents of modernization. The «old» did not always give way to the «new». The image of Altai formed and changed in these conditions. That is, from the author's point of view, the 'human dimension' of modernization.

Keywords: *Altai, Chalka—Chulkov modernization, Kolyvano-Voskresenskyye plants, ores, silver, Zmeinogorsk.*

E. V. Bannikova (Burlutskaya)

Doctor of Sciences (History), Assistant Professor, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia, e-mail: ida777@yandex.ru

WAY OF LIFE OF PROVINCIAL URAL MERCHANTS DURING THE PRE-REFORM PERIOD

The purpose of this article is to analyze the character of the Russian provincial merchants on the eve of Great reforms of the XIXth century. On the basis of studying the way of life of Ural merchants during the pre-reform period, the author concludes that evolutionary and adaptation processes dominated in it. Provincial Ural merchants of the mid-XIXth century are characterized as a traditional community keeping an archaic way of life.

Keywords: *modernization, evolution, adaptation, daily life, way of life, provincial merchant*

S. A. Nefedov

Doctor of Sciences (History), Assistant Professor, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, e-mail: hist1@yandex.ru

THE GREAT REFORM AS A MANIFESTATION OF WESTERNIZATION PROCESS IN RUSSIA

The article analyzes reasons for the abolition of serfdom in 1861. The author argues that this reform can be explained by the theory of diffusionism. In particular, the abolition of serfdom can be seen as part of a diffusion process generated by the industrial revolution.

Keywords: *Russia, XIX century, the liberation of the peasants, diffusionism theory, the theory of Westernization*

E. Y. Kazakova-Apkarimova

Doctor of Sciences (History), Assistant Professor, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, e-mail: apkarimova@mail.ru

NEW VEHICLES AND EVOLUTION OF THE URBAN EVERYDAY LIFE OF THE URAL REGION IN TERMS OF URBANIZATION IN THE LATE XIXTH—EARLY XXTH CENTURIES: THE PERCEPTION OF CONTEMPORARIES

On the basis of historiographical works and historical sources of personal origin the article analyses the changes in the urban everyday life of the Ural region in the late nineteenth — early twentieth centuries. Associated with the introduction of the new means of communication. It deals with the perception of technological innovation by the contemporaries and the reflection of this problem in their written testimonies. The author shows the attitude of contemporaries (travelers and representatives of local population of the Urals) to the latest achievements of scientific and technical progress in the field of transport. A key method of studying is anthropologically oriented approach.

Keywords: *urbanism, city, Ural, evolution, contemporaries, culture, innovations, means of communication, transport.*

I. N. Stas'

Candidate of Sciences (History), Lecturer, Senior Assistant, Ugra Laboratory of Archaeology and Ethnology, Surgut State University, Surgut, Russia, e-mail: igor.stas@mail.ru

MODERNIZATION OF THE LIVING ENVIRONMENT OF THE CITIZEN IN THE OIL PRODUCING AREAS OF WESTERN SIBERIA (1960S — 1990S)

The article considers the main trends of urban living environment in the urbanization process of oil-producing regions of Western Siberia in the 1960s — early 1990s. The author shows that modernization of the living environment of the city was derived from the shacks, portacabins and stacked two-storey houses to the model of capital high-rises.

Keywords: *shack, living environment, modernization, urbanization, khrushchyovka.*

A. Eu. Kurlaev

Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, e-mail: aekurlaev@gmail.com

INDUSTRIAL HERITAGE IN THE VALUE SYSTEM OF INDUSTRIAL REGION: PROSPECTS FOR MAINSTREAMING

Industrial heritage, considered as preserved cultural capital of the industrial age, has a significant influence in the value system of the industrial region, and in many re-

spects forms its basis. Fundamentals of industrial culture were laid in the XVIII —XIX centuries. In the XX century, as a component of the state ideology, the industrial culture became a part of the everyday life of the whole country. The crisis of de-industrialization at the turn of 1980 —1990s led to the devaluation of the industrial culture. It not only aggravated the problem of preservation of the industrial heritage, but also deepened the socio-economic problems of the industrial regions. The development of tourism, the emergence of other ways of use of the cultural capital of the region, allow to judge about actualization of the value potential of the industrial culture. Its importance starts to be fully aware not only by academic, civil society, but also by government, business. It brings the problem of preservation of industrial monuments to a qualitatively new level.

Keywords: Industrial heritage, industrial culture, tourism, industrial monuments, valorization, value system

A. S. Makshakova

Postgraduate Student, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, e-mail: nesty16@mail.ru

THE MEDIATIZATION OF THE PERSON IN THE CONTEXT OF THE INFORMATION GLOBALIZATION

Today the mediatization of the person is the gradual process where a person's identity migrates into a virtual domain. The problem of the mediatization of the person is very relevant in an information society. Factors that affect this mediatization include the new information technology, the communication medium, etc. The problem with mediatization is that a person's identity in the virtual domain supercedes his identity in real life. This article surveys different foreign approaches to this problem.

Keywords: Internet, information globalization, new information technology, mediatization of the person.

S. V. Golikova

Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, e-mail: avokilog@mail.ru

V. A. Shkerin

Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, e-mail: shkerin_uit@mail.ru

«WE ARE NOT PEASANTS, THANKS GOD...»: THE MINING WORKERS OF THE URALS AND THEIR ATTITUDE TO THE PEASANTRY (XIXTH CENTURY)

The process of self-determination, self-identification of the mining and metallurgical population of the Urals went through the denial of the agrarian lifestyle and the conflict with old rural values. The symbolic border between the mining and agricultural worlds had been laid not only geographically between the mining districts and rural counties, but also was shown in the behavior, dress, language, interpersonal and group relations. The formation of the language of self-description, image resources and the own symbolic capital method «on the contrary» served as an important impetus to the unification of the mining and metallurgical community.

Keywords: *the mining and metallurgical Urals, peasants, artisans, indispensable workers, industrial labor, cultural values, cultural differences, symbolic boundaries.*

G. N. Shumkin

Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, e-mail: shumk@mail.ru

WORKMEN OF THE STATE MINING PLANTS IN THE SIXTH CENTURY — THE PROBLEM OF DEFINITION OF THE SOCIO-LEGAL STATUS

The article is devoted to the problem of determining the socio-legal status of workmen of state mining plants in the nineteenth century. It is concluded that in the pre-reform time artisans were a special estate, with its own specific set of rights. In the post-reform period workman was a marker that signified belonging to a highly qualified employee state-owned factories, and the specific rights of workmen were additional terms and conditions for employment.

Keywords: *workmen, essential workers, estates, classes, law, social history of the nineteenth century.*

S. V Kulikov

Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Saint-Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: sergeykulikov70@mail.ru

REFORMIST PROJECT OF EMPEROR NICHOLAS II: SOURCES, ELEMENTS, REALIZATION

The article discusses the reformist project of Nicholas II understood as a set of ideas reflected in the pages of political documents during his reign which from this point of view is unprecedented in the history of the Russian Empire. Special attention is paid to the sources of the project, its components and realization.

Keywords: *reform, project, the Emperor, Ministers, program, conservatism, liberalism.*

K. A. Abdrakhmanov

Student, Orsk Humanitarian-Technology Institute (branch) of Orenburg State University, Orsk, Russia, e-mail: kostya.abdrakhmanov@mail.ru

PUBLIC ORGANIZATIONS IN THE CITIES OF THE SOUTH URALS IN THE SECOND HALF OF THE XIXTH — EARLY XXTH CENTURIES IN THE CONTEXT OF CIVIL ACTIVITIES: ACHIEVEMENTS OF THE POST-SOVIET HISTORIOGRAPHY

In the context of problem of civil culture formation, this article examines the works of modern historians on the history of public organizations in the South Urals in the second half of the XIXth — early XXth centuries. The author reveals that in the post-Soviet historiography the studies covering the entire region dominate; only few research publications are devoted to cities of the South Urals. The author comes to the conclusion that the most studied problems over the region are religious, charitable, and certain types of cultural and educational organizations, as well as the phenomenon of cooperation in the South Urals. The researcher concludes that in the modern historiography there is no comprehensive works embracing the whole history of public organizations in the South Urals in the second half of XIXth — early XXth century.

Keywords: *civil society, public organization, South Urals, region, charity.*

V. I. Teterin

Senior Lecturer, Department of History, Sociology and Law, Perm State Agricultural Academy named after academician D. N. Pryanishnikov, Perm, Russia, e-mail: teterinvi@gmail.com

THE SPONTANEOUS DEMOCRATIZATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE PERM PROVINCE AFTER THE FEBRUARY REVOLUTION OF 1917

This article discusses the development of the local self-government system in the Perm Province under the influence of the February Revolution of 1917. It was during this time that the local self-governments had come to play a significant role in the political life of the region. Archival materials and periodicals of that time contain unique information about the political work of the zemstvo and city councils, the political mood of the deputies during the revolution, the enthusiastic attitude to the February Revolution, the full support for the Provisional Government. After the overthrow of the autocracy, the powers of zemstvos and city councils were significantly widened. One of the main signs of this had become spontaneous democratization of local self-governments taken place even before the official reform of the Provisional Government

Keywords: *local government, local history, zemstvo, city council, democratization.*

M. G.-N. Gabdsattarova

Candidate of Sciences (Philosophy), Head of the Department of social and political disciplines, K. Zhubanov Aktobe Regional State University, Aktobe, Kazakhstan, e-mail: mukarama_61@mail.ru

THE PROCESS OF MODERNIZATION IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY AND FORMATION OF ETHNIC COMPOSITION OF THE KAZAKHSTAN SOCIETY

The article argues that in the context of the modernization process the Stolypin agrarian reform should be seen as an attempt to introduce new economic practices in the development of agriculture on the borderlands and to integrate them into Russia's cultural and civilizational landscape. In Kazakhstan the course of that reform had been going in line with the broad development of economic and cultural contacts between indigenous and incoming populations, mutual enrichment of national cultures.

Keywords: *modernization processes, the Stolypin reforms, cultural and civilizational landscape, multi-ethnic space, tolerance, poly-confessionality, intercultural communication.*

O. V. Moreva

Candidate of Sciences (History), Deputy director, Sverdlovsk regional universal academic library named after V. G. Belinskiy, Ekaterinburg, Russia, e-mail: moreva.o.v@yandex.ru

READERS' INTERESTS OF THE YOUNG PEOPLE IN THE URALS IN 1910S

On the basis of the reports of the Ekaterinburg public library named after V. G. Belinskiy for the period from 1910 till 1914, the author outlines the readers' interests of the Ural youth and students: who were the most popular authors, what parts of the collection were in demand, how external context influenced the readers' choice. According to contemporaries, not only traditions and experience of the elders, but also knowledge gained from books had an authority among the youth. The reading formed the system of value orientations and life priorities among young people in the era of

modernization. Creation of the mass readers audience — the common process for all modernizing countries — in Russia was realized due to social bottom and young people. In the context of absence of legal politics and discharging people from active social life the importance of reading as sociocultural practice was very high.

Keywords: *history of reading, popular authors, readers' interests of the young people, Ekaterinburg public library named after V. G. Belinskiy, the era of modernization.*

M. S. Kyrchikov

Postgraduate Student, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, e-mail:

URAL IDENTITY DURING REGIONALIZATION CAMPAIGN IN 1920S.

The article examines the processes of various forms of regional identity on the example of the Urals in 1920-ies. The key event in the context of the campaign seems regionalization of Soviet Russia from a regional perspective. The evolution of ideas about the phenomenon of identity, assesses the processes of formation of local «handwriting» of the Ural region in the economic, political, socio-cultural terms in historical retrospective. Outline the most striking features of the Ural identity specified period, the dynamics of regional development in the Urals in territorial structure of the country in 1920-s. in close connection with the local manifestations of regionalism.

Keywords: *regional identity, the Urals, regionalization, territorial structure, The Ural regionalism, regionalism, Ural region, regional development.*

S. V. Moshkin

Doctor of Science (Politics), Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, e-mail: osa-sv@yandex.ru

THE PATRIOTIC PROJECT AND FORMATION OF CIVIL SENSE

The paper shows that the long-term absence of a perspective social project has exerted a destructive influence on the Russian society. The author suggests an idea that patriotism may become a motivating and unifying factor, provided, however, that it would be presented not in the traditional discourse of confrontation between the «West-erners» and «Exceptionalists», but within the logic of combining their common efforts in striving to free the society from its «social pathologies» — parasitic bureaucracy and corruption. Provision of liberties for manufacturers, local communities and regions, promotion of national identity on the basis of civil society — these are, in the author's opinion, the main patriotic tasks for today.

Keywords: *patriotism, Russian identity, bureaucracy, civil society.*

D. N. Karavaeva

Candidate of Sciences (History), Junior Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, e-mail: dina.karavaeva@bk.ru

CONTEMPORARY ENGLISHNESS (ON THE MATERIALS OF THE NORTHERN ENGLAND)

This article presents the results of the research devoted to historical and anthropological study of the Englishness discourse in its regional projections (Northerness) — on the materials of the Northern England (UK). Northern (regional) identity discourse

takes in some extent marginal place in the national Englishness discourse, and sometimes it's difficult to compare it with common southern Englishness variants. The specificity of the region and its local communities, class identity and de-industrialization, regional branding, concept of «Northern and Southern divide» (with a strong pattern of unequal relations between «northern periphery» and «southern metropolis») play the main role in the Northerness discourse.

Keywords. Englishness, Northerness, contemporary UK, Northern England, identity discourse, regional identity, postindustrial

A. V. Speransky

Doctor of Sciences (History), Professor, Head of Department of political and socio-cultural history, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, e-mail: avspersansky@mail.ru

«HOMO SOVIETICUS»: IDEOLOGICAL IMAGE AND SOCIOCULTURAL PHENOMENON

The paper gives a historical analysis of the phenomenon of «Soviet man» as a specific socio-cultural type of personality that emerged under the conditions of socialistic reforms in Russia. The paper examines ideological mythologemes and realistic features of formation of «Soviet man». The paper also shows both negative and positive assessment of «Soviet man's» activity, as well as the degree of influence of «Soviet man» on the course and main results of social transformation of Russian society in the Soviet period of history.

Keywords: Soviet man, identity, ideologeme, socialistic system, historical community, multi-ethnicity, mentality

M. A. Fadeicheva

Doctor of Sciences (Politics), Assistant Professor, Principal Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, e-mail: fm366@uralmail.com

FORMATION OF A NEW MAN IN THE USSR (THE 1970 S)

In the article the author considers the problem of the formation of a new man as the man of labor. «The new man» was proclaimed as a target of socioeconomic policy of C. P. S. U. in the 1970 s. At the same time, «the new man» was the instrument of creating material and technical base of communism. The concept «the new man» comes to the concept «Soviet people/Soviet nation». The idea of soviet ideology of the welfare of the new man comes to idea of more complete satisfaction of material and spiritual needs of soviet people.

Keywords: new man, man of labor, developed socialism, C. P. S. U., Soviet people.

V. Yu. Mikhailin

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Saratov State university, Director, Laboratory of Historical, Social and Cultural Anthropology (LISKA), Saratov, Russia, e-mail: vmikhailin@yandex.ru

CONSTRUCTING NEW SOVIET IDENTITY IN «THAW-ERA» FILMS

The author offers a new term «perspiciation», thus denominating a process of «transparentization» of public sphere, making it more pellucid and homogeneous; the process of big public discourses appropriating the culture codes attending to micro-group levels of situational encoding and social interaction. «Modernization» is seen

as a particular case of this process. The «Thaw» is seen as the last successful Soviet mobilization project initiated by political elites in the process of modifying the basic master narrative which in its own turn was caused by «Nomenklatura»'s urgent need to set oneself free from public control, to acquire a right for being exterritorial, while retaining all those benefits that the process of perspiciation offers in respect of mobilizing the population as political, economical and moral resource. All the above stated is seen as premises for analysis of a scene from «They were the first ones» (1956) by Yuri Yegorov.

Keywords: *perspiciation, mobilization project, Soviet «Thaw», nomenklatura, Soviet film*

S. I. Bykova

Candidate of Sciences (History), Assistant professor, Ural Federal University named after the First President of Russia Boris Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, e-mail: sibyкова@mail.ru

A SOVIET CITIZEN OF 1930s: ACADEMIC DISCOURSE AND (SELF)-IDENTITY

The article considers a problem of a «soviet citizen» definition in academic researches as well as in opinions of those people who participated in social, economic and political challenges of 1930 s. One of the most important parts of this subject is a study of conflict between government and socialism dreamers who kept the ideals of revolution and tried to make them true.

Key words: *Stalinism, new soviet citizen, soviet identity, political repressions in 1930 s.*

A V. Trofimov

Doctor of Sciences (History), Professor, Department of General and Economic History, Ural State Economic University, Ekaterinburg, Russia, e-mail: 2519612@rambler.ru

THE MODERNIZATION PROCESS AND ECONOMIC MODEL OF THE BEHAVIOR OF THE URAL POPULATION (mid 1940s—mid 1960s)

The article discusses the contingency of modernization processes with economic ideas and behavior patterns of the Ural population in the mid-1940 s — mid 1960 s. The author shows the specificity of the existence of models of economic behavior at different social levels in the context of transformation of social and economic policy.

Keywords: *modernization processes, the Ural population, economic models of behavior.*

R. N. Suleimanova

Doctor of Sciences (History), Head of department of contemporary history of Bashkortostan, Institute of history, language and literature, Ufa scientific center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia, e-mail: rnsulejman@mail.ru

BASHKIR CHILDREN IN THE GREAT PATRIOTIC WAR: BEHAVIORAL MODEL IN EXTREME CONDITIONS AS A RESULT OF SOVIET UPBRINGING

On the example of the Bashkir Autonomous Republic the article considers the situation of children and adolescents in the Great Patriotic War, a manifestation of patriotism and feasible participation of children in economic and social life of the country. Studying this subject the author shows the hardships and difficulties of emergency

wartime conditions, which affected the situation and the mood of this category of the population.

Keywords: *children, Great Patriotic War, behavior, soviet upbringing, mood, patriotism.*

E. Yu. Titarenko

Postgraduate Student, Department of History and Political Theory, National Mining University, Dnepropetrovsk, Ukraine, e-mail: elena_titarenko2@ukr.net

THE WORKING ENVIRONMENT ON THE TERRITORY OF DONBASS DURING THE POST-OCCUPATIONAL AND POST-WAR RECONSTRUCTION (1945–1953): TO THE QUESTION OF SOCIO-CULTURAL ADAPTATION

The article characterizes some peculiarities of social and cultural processes on the territory of Donbass during the post-war reconstruction. The author emphasizes the issues of adaptation of the mobilized young people, former ostarbeiters and prisoners of war to the new industrial and cultural realities. The points of intercultural cooperation of the local population with German prisoners of war and the propaganda influence on the population are highlighted.

Keywords: *Donbass, the post-war period, the demographic situation, social and cultural processes, the working environment, propaganda.*

A. L. Glushaev

Candidate of Sciences (History), Assistant Professor, Perm academy of art and culture, Perm, Russia, e-mail: perst-ur@mail.ru

SOVIET EVANGELICALS SEARCHING FOR THEMSELVES

The article discusses the issues related to the social history of Evangelical communities created in the post-war years (1946–1959) in the cities and working settlements of Molotov (Perm) and Sverdlovsk regions. These areas were inhabited by German settlers who played an important role in the genesis of religious communities. Communities of Mennonites became a new phenomenon for the religious landscape of the Urals. The first post-war decade became a milestone for the development of local evangelical groups. During this period the institutionalization and legitimization of their activities began. The author considers that Protestants partially adapted evangelical theology to the existing Soviet reality. Thus, Protestants designed their own identity and developed ways of legalization of the religious life of urban communities.

Keywords: *Evangelical Christians-Baptists, Mennonites, evangelical community, Soviet believers, Molotov (Perm) and the Sverdlovsk regions.*

V. P. Karpov

Doctor of Sciences (History), Professor, Tyumen State Oil and Gas University, Tyumen, Russia, e-mail: 7654321.58@mail.ru

A MAN OF TUNDRA IN THE CONDITIONS OF INDUSTRIALIZATION OF THE NORTH TYUMEN

The paper analyses the results of the collision of industrial civilization and traditional civilization in the Yamal tundra. The author shows that the West Siberian oil and gas complex has violated lifestyle of the indigenous peoples of the North. Implantation of the new life forms has led to poor living conditions, to vagrancy and alcoholism of the indigenous peoples of the North. The attempts of the state to solve the «nomadic question» in Yamal-Nenets Autonomous District failed.

Keywords: *Yamal, tundra, man, industrialization, progress, tradition.*

M. V. Komgort

Candidate of Sciences (History), Assistant Professor, Department of Human Sciences, Tyumen State Oil and Gas University, Tyumen, Russia, e-mail: komgort@mail.ru

«OIL WAS NEEDED. GOD IS WITH THEM, WITH PEOPLE ...» (THE BEGINNING OF THE HISTORY OF TYUMEN OIL IN THE TESTIMONIES OF CONTEMPORARIES)

The article is devoted to the beginning of the development of the resource base of the West Siberian oil and gas province. It shows a conflict of opinion in government circles on the question of the timing and pace of the region's oil industry enterprises development, gives arguments of the opposing sides; on the basis of documentary sources the paper demonstrates «the official» contempt to the solution of social problems of the population in the areas of oil production in the conditions of haste and lack of infrastructure for the discovered of oil to Western Siberia.

Keywords: *West Siberian oil and gas province, first Tyumen oil.*

M. A. Klinova

Candidate of Sciences (History), Assistant Professor, Department of General and Economic History, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia, e-mail: klinowa.m@yandex.ru

DEVIANT ECONOMIC PRACTICES OF THE URBAN POPULATION IN SVERDLOVSK REGION IN THE 1960S — EARLY 1970S

The article is devoted to the practice of theft of state property at the enterprises of Sverdlovsk region in the period of the 1960s — early 1970s. On the basis of the analysis of archival data the statistics of the spread of this phenomenon in the region, identified the mechanisms of economic and administrative sanctions applied to violators. The author calculated the approximate volume of urban income derived from the practice of theft. Conclusions are drawn regarding the economic and ideological conditionality prevalence of theft in the urban society of the Sverdlovsk region 1960 — early 1970.

Keywords: *everyday life, the USSR, the theft of government property, embezzlement, economic behavior strategies.*

A. D. Trachtenberg

Candidate of Sciences (Politics), Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, e-mail: cskii@yandex.ru

«WE NEED A PROGRAMMER»: TO THE QUESTION ABOUT THE INFORMATION REVOLUTION IN THE USSR

The author conducted a comparative analysis of the discursive practices that accompanied the development of information technology in the United States and the Soviet Union. It is shown how the interaction of dominant and counter-cultural discourses in the United States gave rise to the problem field, which made possible the information revolution while the dominant discourse of the scientific-technological revolution in the USSR gave rise and simultaneously prevented the implementation of such projects as OGAS (the nationwide automated system for collecting and processing information for the needs of accounting, planning and management).

Keywords: *information revolution, scientific-technological revolution, dominant discourse, counter-cultural discourse*

V. S. Martianov

Candidate of Sciences (Politics), Academic Secretary, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, e-mail: martianovy@rambler.ru

EXPANSION OF TRUST AS A POLITICAL CONDITION FOR LATE MODERNITY

Within Late Modernity the importance of institutional and individual trust as one of the non-economic factors of the society's development is significantly increasing. It helps do decrease transaction costs in each of important spheres of public life. At the same time despite the proved advantages of trust enlargement for market relations, the peripheral capitalistic societies are characterized by steady institutional strategies of distrust. For post-soviet Russia the situation of diminishing of achieved levels of institutional trust is studied. It is posited that effective modernization in Russia will only be possible with the presence of moral and institutional trust in a core of value system as a non-economic condition of Late Modernity.

Keywords: *trust, distrust, Late Modernity, modernization, post-material values, self-actualization, neoliberalism, transaction costs, peripheral capitalism.*

E. G. Dyakova

Doctor of Sciences (Politics), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, e-mail: gf-urfo@bk.ru

MODERNIZATION OF PUBLIC ADMINISTRATION AND CHINA'S SOVIET LEGACY

The article discusses the problem of interaction between global administrative trends and national administrative cultural traditions on the example of e-government transition in China. It is shown how organizational emulation takes place and new elements are incorporated into the existing system of public administration priorities. The author concludes that the Confucian and the Soviet traditions of public management are conducive to the informational technologies implementation.

Keywords: *e-government, administrative reform, administrative cultural traditions, organizational emulation*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АРАН — Архив РАН
Библиотека Комакадемии — Библиотека Коммунистической академии
ВЗС — Всероссийский Земский Союз
ВПК — Военно-промышленный комитет
ВСГ — Всероссийский союз городов
ГААК — Государственный архив Алтайского края
ГАОО СО — Государственный архив административных органов Свердловской области
ГАКО — Государственный архив Кировской области
ГАПК — Государственный архив Пермского края
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАСО — Государственный архив Свердловской области
ГАСПИТО — Государственный архив социально-политической истории Тюменской области
ГАТО — Государственный архив Тюменской области
ГА ХМАО — Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа
ЕЕВ — Екатеринбургские епархиальные ведомости
ЕХБ — евангельские христиане-баптисты
ЗСНГК — Западно-Сибирский нефтегазодобывающий комплекс
ИсаОО — Исторический архив Омской области
КМН — коренные малые народы
НТР — научно-техническая революция
ОГАС — Общегосударственная автоматизированная система
ОГАЧО — Объединенный государственный архив Челябинской области
ОГПУ при СНК СССР — Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР
ПМА — Полевые материалы автора
ПСЗ-I — Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое
ПСЗ-II — Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе.
ПСЗ-III — Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье
РНПО — районы нового промышленного освоения
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГАЭ — Российский государственный архив экономики
РГИА — Российский государственный исторический архив
РОКК — Российское общество Красного Креста
СДРК — Совет по делам религиозных культов
УрО РАН — Уральское отделение Российской академии наук
ХМАО — Ханты-Мансийский автономный округ
Школы ФЗО — школы фабрично-заводского обучения
ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области
ЦИА РБ — Центральный исторический архив Республики Башкортостан
ЯНАО — Ямало-Ненецкий автономный округ

Научное издание

ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ XVIII–XX вв.

Сборник научных статей
Рекомендовано к печати Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН

Технический редактор

Корректор

Компьютерная верстка Е.М. Иванова

Книга отпечатана согласно предоставленных материалов, в которых
не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Подписано в печать Формат 60×84 1/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л.

Тираж 300 экз. Заказ №

Типография